

ХАРАЛЬД ХОРФ

ATOMIC HEART

ПРЕДЫСТОРИЯ «ПРЕДПРИЯТИЯ 3826»

ХАРАЛЬД ХОРФ

ATOMIC HEART

ПРЕДЫСТОРИЯ «ПРЕДПРИЯТИЯ 3826»

Издательство АСТ
Москва

Компьютерный дизайн — В. Воронин

В оформлении обложки использованы материалы,
предоставленные ООО «АСТРУМ».

Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Книга является литературно-художественным изданием,
содержит вымышленные события и факты.
Мнение автора может не совпадать с мнением издательства.

Хорф, Харальд.

Х79 Atomic Heart. Предыстория «Предприятия 3826» :
[роман] / Харальд Хорф. — Москва : Издательство АСТ,
2023. — 480 с.

ISBN 978-5-17-154022-7

Предыстория Atomic Heart — одной из самых популярных игр
2023 года.

Легендарное «Предприятие 3826» — от изобретения полимера до
дня запуска «Коллектива 2.0»!

Добро пожаловать в альтернативный Советский Союз! В 1936
году профессор Сеченов изобрёл полимер — уникальный носитель
информации нового вида, не требующий цифровых кодов и электри-
ческих сигналов. Дальнейшие исследования позволяют совершить
ряд гениальных открытий и фантастически ускорить развитие робо-
тотехники. «Предприятие 3826», сеть научно-производственных ком-
плексов, начинает свою работу под руководством лучших умов СССР.

Научный прогресс ведет страну в идеальное будущее. Но что слу-
чится, если технологии выйдут из-под контроля человека?

Осторожно, спойлеры!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-154022-7

© Х. Хорф, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

**СССР, Москва, спортивный зал Московского
государственного педагогического института
иностранных языков**

Воскресенье, 30 августа 1936 г., полдень

Горячие солнечные лучи, совсем несвойственные столице в последних днях августа, проникали через стандартный стеклянный фасад спортивного зала и заливали ярким светом обширное помещение, до отказа заполненное молодёжью. Лето в этом году выдалось изнуоряюще жарким, второго августа термометры так и вовсе показали тридцать шесть градусов по Цельсию, чего в Москве с начала двадцатого века не случалось. К началу осени терзавшая москвичей удушливая жара иссякла, сменившись комфортными температурами чуть выше двадцати, но воспоминания о палящем зное, неожиданно устроенном природой столичной округе и не только, были в народной памяти ещё более чем свежи. Отчасти в связи с этим, отчасти из-за большого скопления посетителей все форточки стеклянного фасада были открыты, но на возможные сквозняки не жаловался никто. После минувшей жары свежему дуновению ветерка был рад каждый.

Накал страстей в спортзале ничем не уступал недавнему пеклу. Первенство института по боксу достигло кульминации: шли финальные поединки, едва ли не половина студентов пришла посмотреть на состязания лучших физкультурников института и поболеть за своих друзей и однокашников. Из-за большого количества зрителей совсем не маленький спортивный зал оказался набит битком, и самым свободным клочком помещения в настоящий момент являлся сам боксёрский ринг, на котором шёл третий раунд финального поединка. Два молодых статных и рослых крепыша под дружные возгласы толпы наносили друг другу удары, и ни один не собирался сдаваться.

Первая минута третьего раунда прошла на равных, однако на второй минуте ситуация изменилась. Боксёр в красных перчатках ловким обманным финтом вынудил своего соперника допустить ошибку и провёл точную атаку левой сбоку. Боксёр в синих перчатках пропустил удар и пошатнулся, изо всех сил стараясь восстановить равновесие. Рефери на ринге остановил бой и принялся отсчитывать нокдаун. При счёте «восемь» пропустивший удар боксёр пылал решимостью вернуться в бой, и поединок был продолжен. Несколько секунд пострадавший стремился отыграть утерянное преимущество и засыпал своего противника серией ударов. Но боксёр в красных перчатках вновь оказался проворней. Мастерски избежав всех ударов, он выполнил нырок и снова нанёс сопернику левый боковой. Тот, однажды пропустивший подобную атаку, на этот раз её ожидал и своевременно ушёл в оборону. Однако атака оказалась ложной: противник лишь обозначил удар слева, а пробил правый боковой. Боксёр в синих перчатках вновь пропустил удар и упал на колено.

Рефери принялся отсчитывать второй нокдаун, одновременно внимательно изучая состояние пострадавшего боксёра.

— Я могу драться! — возбуждённо выдохнул тот, нетвёрдым движением поднимаясь на ноги под дружные возгласы зрителей.

Зал наполнился криками «Вставай!», «Держись, мы с тобой!» и «Не сдаваться!». Боксёр в синих перчатках поднял руки в знак готовности продолжать бой, и рефери прекратил отсчёт на счёте «девять». Он с сомнением посмотрел на боксёра, но поединок всё же продолжил. Пострадавший вновь ринулся в бой, кипя яростным желанием немедленно нокаутировать обидчика, но боксёр в красных перчатках не позволил ему завладеть инициативой. Вместо этого сам устремился в атаку, разбил защиту соперника серией точных ударов и неожиданно завершил её прямым правым. Защититься от прямого соперник не успел и, пропустив удар, едва не рухнул, тяжело упираясь спиной в канаты.

— Стоп! — выкрикнул рефери под вопли зрителей. — Бой окончен ввиду явного преимущества!

На ринге немедленно появился врач из институтского медпункта, и боксёр в красных перчатках поспешил к свое-

му бывшему противнику, справиться о состоянии здоровья. Они коротко обнялись, и врач приступил к осмотру. Не найдя серьёзных повреждений, он наказал проигравшему явиться в медицинский кабинет сразу после окончания соревнований и, обернувшись к победителю, негромко произнёс:

— Молодец, что не стал добивать его сильными ударами, Александр. Я боялся, что всё закончится сотрясением мозга.

— Да как можно, доктор! — так же тихо ответил тот. — Тут же все свои! А мы вообще пять лет вместе учились! Через двадцать дней вместе в военкомат пойдём, в военные лётчики записываться!

Спустя минуту под ликующие зрительские крики рефери поднял руку боксёра в красных перчатках, и главный судья соревнований торжественно объявил в мегафон:

— Чемпионом института в весовой категории до восьмидесяти двух килограммов стал наш выпускник и медалист Александр Кузнецов! Студенты младших курсов, берите с него пример! Советской стране нужны такие комсомольцы — сильные, смелые, умные! Вам предстоит стоять на страже мирной жизни и строить коммунизм! Скоро начнётся осенний призыв, и наши выпускники уйдут служить в Рабоче-крестьянскую Красную Армию. Давайте пожелаем им хорошей службы!

Студенты дружно прокричали слова поздравлений, и финальные бои продолжились.

Спустя два часа после завершения соревнований и награждения победителей двери института распахнулись, и весело галдящая толпа возбуждённой молодёжи выплеснулась на улицу. Идущий в окружении бывших однокашников Кузнецов обменивался впечатлениями с приятелями и не сразу почувствовал, что кто-то осторожно, но настойчиво взял его за локоть. Обернувшись, он увидел человека в штатском.

— Товарищ Кузнецов? — Суровый и жёсткий взгляд незнакомца никак не вязался с его подчеркнуто дружелюбным тоном. — Александр Иванович?

— Да, — кивнул Кузнецов. — А в чём дело?

— Пройдёмте, товарищ. — Незнакомец не предъявил никаких документов, но сама эта фраза говорила уже о многом. — Нам необходимо поговорить без посторонних ушей.

— Саша, что случилось? — Одна из весело щебетавших студенток заметила, что Кузнецов отстал, и обернулась.

— Всё в порядке! — торопливо заверил её Александр. — Мне надо поговорить с товарищем по важному делу. Идите, я вас догоню.

Незнакомец приветливо улыбнулся и, убедившись, что девушка успокоилась и вернулась к беседе, двинулся прочь, держа путь за угол институтского здания. За всю дорогу он ни разу не обернулся, уверенный, что молодой человек следует за ним. И действительно, Александр, насупившись, шёл следом, машинально сжимая в руке почётную грамоту победителя первенства института. «Странно, что этот тип не в форме, хотя какая разница... С НКВД лучше не шутить. Не то домой можно не вернуться». Впрочем, Александру бояться было нечего, он не сделал ничего дурного. Наверное, ему хотят задать вопросы о родителях: те были старыми революционерами и подпольщиками, с богатым прошлым, о котором сам Александр знал далеко не всё. Такие беседы с чекистами случались уже дважды: первый раз три года назад после смерти отца, второй — в прошлом году, после смерти матери. Длились они долго, но, к счастью, обошлось без последствий.

За углом главного институтского корпуса обнаружился зловещий чёрный «воронок», и Александр насупился ещё сильнее. Видимо, это из-за матери. У кого-то опять появились сомнения в его благонадёжности или что-то в этом духе. В прошлую беседу в НКВД среди обычных вопросов попало несколько очень обидных и неприятных. Придётся потерпеть и на этот раз.

— Садитесь, товарищ Кузнецов! — Незнакомец распахнул заднюю дверь.

Александр молча влез в салон, в котором ожидаемо оказался не один. Напротив него сидели двое крепких парней в военной форме с лейтенантскими кубарями на петлицах. Однако, к его удивлению, петлицы у них оказались армейскими, а не чекистскими. Тем временем незнакомец занял место рядом с водителем, и автомобиль тронулся с места, немедленно ныряя в боковой переулок.

— Куда меня везут? — хмуро поинтересовался Александр.

— Терпение, товарищ Кузнецов, — ответил один из лейтенантов. — Скоро всё узнаете.

На этом разговор закончился, и Александр, удобнее устроив на сиденье своё рослое тело, перевёл взгляд в за-

темнённое дверное окно. Если они не из НКВД, то откуда? Что им от него надо? Вопросы по поводу того, почему он не в армии, хотя ему исполнилось двадцать два? Но ему была положена отсрочка по закону, до окончания института. Он окончил институт в прошлом месяце, двадцатого сентября начинается призыв, и они с друзьями и однокашниками собирались все вместе явиться на призывной пункт в первый же день...

Минут через двадцать «воронок» подъехал к глухим кованым воротам, за которыми находилось большое здание без вывесок и табличек — бывший дворец какого-то царского буржуя. Александр не раз проходил мимо, но не знал, что за учреждение в нём расположено.

«Воронок» въехал в просторный, заполненный такими же чёрными автомобилями двор, в котором находилось несколько будок с вооружёнными часовыми. Незнакомец велел Александру следовать за ним в здание, где на каждом этаже и у входа в каждое крыло стояли посты вооружённой охраны. Сомневаться в солидности данного учреждения не приходилось.

Незнакомец сопровождал Александра до одного из многочисленных кабинетов, завёл внутрь, зашёл сам и молча запер дверь на замок.

— Присаживайтесь, товарищ Кузнецов. — За массивным столом из лакированного дуба в центре помещения сидел человек в военной форме с майорскими петлицами. Перед ним лежала закрытая папка с личным делом, совсем тонкая на вид. С обеих сторон от неё находились ещё две, потрёпанные и раз в пять толще.

Александр сел на стул. Сопровождавший его незнакомец, по-прежнему не произнёсший ни слова, расположился напротив.

Майор коснулся рукой тонкой папки, словно раздумывая, открывать её или нет, и вперил в Кузнецова пристальный взгляд.

— За что меня задержали? — всё так же хмуро спросил Александр, выдержав взгляд майора. — Я ничего не сделал.

— Вас никто не задерживал, товарищ Кузнецов, — невозмутимо ответил офицер.

— Тогда зачем меня привезли сюда? — угрюмо парировал Александр. — Что это вообще за место?

— Это Четвёртое управление штаба Красной Армии, — ответил майор. — Одно из его отделений. Слышали о таком?

— Разведупр?! — удивился Александр, оглядывая кабинет с невольным восхищением. — Вы разведчики?!

— Разведчики, — кивнул офицер.

— Вот это да! — Александр спохватился, заставляя себя быть серьёзнее. — Но... товарищ майор... при чём здесь я?

— Сейчас узнаете, товарищ Кузнецов. — Майор открыл тонкую папку и пробежал глазами по лежащему в ней документу. — Поправьте меня, если где-то допущена ошибка. Вы — Кузнецов Александр Иванович, тысяча девятьсот четырнадцатого года рождения, появились на свет двадцать восьмого июля в городе Мытищи Московской губернии.

Он открыл лежащую справа толстую папку и продолжил:

— Ваш отец, Кузнецов Иван Афанасьевич, русский, революционер-подпольщик, член РСДРП с тысяча девятьсот пятого года, впоследствии член РСДРП(б), в годы эмиграции был лично знаком с товарищем Лениным. — Затем открыл папку слева, но по мимолётности его взгляда было ясно, что все имевшиеся в ней сведения он знает наизусть: — Ваша мать, Эльза Хаген, немка, в прошлом активист Социал-демократической партии Германии, член РСДРП с тысяча девятьсот двенадцатого года, впоследствии член РСДРП(б). Ваш отец познакомился с ней, находясь в Германии в эмиграции. Там же, в Германии, ваши родители поженились, и ваша мать приехала с отцом в Россию, которую с тех пор не покидала и где являлась активным революционером. Во время Великой Октябрьской социалистической революции ваши родители находились в Ленинграде, в те годы носившем название Петроград, и непосредственно в день революции участвовали в захвате городского телеграфа. В годы Гражданской войны ваши отец и мать сражались с белогвардейцами в составе РККА, вы в это время находились в интернате. Оба в разное время были тяжело ранены, причём отец был ранен дважды. Полученные ранения подорвали его здоровье, вследствие чего он умер три года назад. Примите мои соболезнования, товарищ Кузнецов.

— Спасибо, товарищ майор. — Александр вновь насутился. — Мама страдала от последствий ранения меньше, чем отец, но часто жаловалась на застарелые боли. Она умерла прошлым летом.

— Ещё раз соболезную. — Майор невесело вздохнул и негромко произнёс: — Старая гвардия уходит... Сейчас её так не хватает...

Он на мгновение закрыл глаза, словно вспоминал давних и верных друзей, но тут же продолжил:

— Вернёмся к вам. Итак, месяц назад вы окончили Московский государственный педагогический институт иностранных языков с золотой медалью. В совершенстве владеете немецким языком, на котором разговариваете чисто, без акцента. Помимо этого, владеете английским и испанским в рамках институтской программы. Имеете значок «Ворошиловский стрелок», ваш отец отлично владел винтовкой и привил вам любовь к стрелковому спорту. С детства увлекаетесь спортом, посещаете школу учлётов* в Осоавиахиме, у вас десять прыжков с парашютом, имеете знак ГТО второй степени и первый спортивный разряд по боксу. Три часа назад выиграли первенство института по боксу в весовой категории до восьмидесяти двух килограмм. Ваш рост сто восемьдесят семь сантиметров, волосы светлые, глаза серые, особых примет не имеется. Через двадцать дней начинается призыв на обязательную военную службу, и вы собираетесь проситься в военные лётчики. Я что-нибудь упустил?

Офицер умолк и вновь вперил в молодого человека пристальный взгляд, однако на этот раз не показавшийся Александру столь суровым, как поначалу.

— Всё верно, товарищ майор, — подтвердил Кузнецов. — Я понимаю, что сразу военным лётчиком мне не стать, но я же учлёт. Если меня возьмут в авиацию, я не подведу!

— Красная Армия, — твёрдо и неторопливо произнёс майор, — предлагает вам вместо лётчика стать разведчиком. Мы научим вас летать. Но сейчас ваши способности и умения более пригодятся Советскому Союзу и Коммунистической партии на другом фронте. Ваше слово, товарищ Кузнецов?

— Я согласен! — не раздумывая ответил Александр. — Всегда мечтал заниматься настоящим делом! Что я должен делать?

— Вы слышали о том, что происходит в Испании, товарищ Кузнецов? — осведомился офицер.

* Учлёт — ученик-лётчик (примеч. авт.).

— Об этом знает весь СССР! — воскликнул Александр. — Путчисты-монархисты и капиталисты начали Гражданскую войну, чтобы задушить молодое социалистическое государство! Коминтерн призвал добровольцев вступать в интернациональные бригады! Объявлено, что их будет семь штук! Мы с друзьями хотели записаться, но, говорят, в интербригады не берут тех, кто не служил в армии.

— Вы окажетесь в Испании позже, чем интербригады и ваши друзья, если они туда попадут, — спокойно произнёс майор. — Прежде вам предстоит пройти обучение разведывательному делу. Но ценность вашей работы в Испании будет многократно выше, чем простое участие в боях в качестве обычного пехотинца или даже лётчика.

— Я готов! — отчеканил Александр. — Что нужно сделать?

— Ваш наставник, — майор кивнул на незнакомца в штатском, — вскоре введёт вас в курс дела. На сегодня наш разговор окончен, вам надлежит вернуться домой, чтобы ни у кого не возникло лишних вопросов. Сейчас вам предстоит дать подписку о неразглашении и свыкнуться с мыслью о том, что с прежней жизнью, в том числе с друзьями, подругами и знакомыми, придётся порвать. Ступайте, товарищ Кузнецов. Желаю вам успешной службы. Мы с вами ещё не раз встретимся.

С этими словами майор поставил в его личном деле какой-то штамп и закрыл папку.

Москва, Кремль, кабинет председателя Совета народных комиссаров товарища Молотова

1938 г.

— Эта докладная записка пришла по линии Академии наук, Егор Тимофеевич! — Стоявший по струнке перед письменным столом Молотова помощник объяснял назначение только что переданного документа. — Руководство академии очень просило ознакомиться вас с нею лично. Речь идёт о новой технологии, которая, по мнению учёных, приведёт к революции в советском народном хозяйстве!

— Я ознакомлюсь. — Молотов сдержанно кивнул. — Ступайте!

Помощник покинул кабинет, и председатель Совнаркома окинул взглядом лежащие на рабочем столе стопки с документами, требующими немедленного рассмотрения. Сегодня придётся работать за полночь, иначе времени не хватит физически, но записку от Академии наук необходимо изучить сейчас, иначе потом она затеряется в непрекращающемся потоке рутинных бумаг. Молотов распечатал объёмистый персональный конверт, извлёк оттуда пачку листов, густо заполненных машинописным текстом, перемежающимся с графиками, и принялся за чтение.

Порядка получаса он изучал предоставленные данные, после чего сосредоточился на последней странице, где были перечислены авторы документа. Фамилии почти всех учёных, являющихся создателями предлагаемой технологии, он уже слышал. Возглавлял научную группу профессор Сеченов Дмитрий Сергеевич, руководитель НИИ мозга Академии медицинских наук СССР.

Эту фамилию Молотов впервые услышал год назад, в тридцать седьмом, когда предыдущий руководитель НИИ мозга был арестован НКВД и объявлен врагом народа. Негодяй оказался троцкистом, тесно связанным с антисоветским подпольем, стремившимся сместить товарища Сталина и отдать СССР во власть марионеткам капитализма. Вместе с руководителем института была разоблачена целая сеть врагов народа, которую тот создал в своём НИИ, всех их арестовали и впоследствии расстреляли. Списки осуждённых на смертную казнь он подписывал лично, поэтому помнил эпизод с НИИ мозга очень хорошо.

НИИ остался без руководителя и основных специалистов. Работу требовалось, по сути, организовывать заново, и Академия наук назначила на эту должность Сеченова. Профессору Сеченову в ту пору было всего тридцать семь, но он уже являлся доктором биологических, медицинских и технических наук. Последнее обстоятельство в тот момент Молотова удивило, но возражать он не стал. Согласно заявлениям руководства Академии наук, Сеченов был одним из лучших учеников гениального Бехтерева, уже являлся выдающимся нейрохирургом и имел богатую практику.

Для обновления НИИ мозга, только что вырванного советскими чекистами из кровавых лап подлых врагов народа, данная фигура подходила вполне, и Сеченову разрешили

сформировать научные кадры института по собственному усмотрению. Судя по докладной записке, которую читал сейчас Молотов, Сеченов подошёл к оному формированию весьма нестандартно. Помимо медиков, некоторые должности в НИИ мозга занимали учёные, от медицины далёкие, но их фамилии не раз мелькали в докладах Академии наук.

Академик Вавилов Сергей Николаевич — генетик, ботаник, селекционер. О нём в СССР слышал каждый. У него был собственный институт генетики в Ленинграде, но, оказывается, он дружил с Сеченовым и совмещал у него научную должность. И как только такая научная шишка согласилась на подобное совмещение, да ещё под началом какого-то юнца? Разве это не должно быть для Вавилова унижительно?

Впрочем, к Вавилову у НКВД давно имеются вопросы. Он подозревается в связях с врагами народа, в частности с троцкистами и правыми уклонистами. Помимо этого, Вавилов часто бывает за границей по роду своей научной деятельности. Выступления на международных научных конгрессах в США и Великобритании, широкое признание в научных кругах капиталистических стран, поддержка Вавиловым арестованных врагов народа из числа учёных — всё это не может не настораживать коммунистическую партию!

Далее, Павлов Иван Алексеевич — физиолог, вивисектор, знаменитый исследователь функционала нервной системы, ещё один советский учёный с мировым именем, настоящая громада в мире мировой науки, нобелевский лауреат. Он тоже руководил собственным институтом — Институтом физиологии Академии наук. Павлова Молотов знал лично. Даже странно, что от него ускользнул тот факт, что Павлов совмещал свою основную деятельность с какой-то не самой высокой должностью в НИИ Сеченова. Как они вообще сошлись?

Судя по докладной записке, произошло это в 1936 году, в Ленинграде. Павлов в тот год едва не умер, и именно Сеченов сделал ему операцию, спасшую жизнь великому учёному. С того момента они и стали дружны. Хотя знакомы были, как выясняется, ещё раньше, через Бехтерева. Сеченов был учеником Бехтерева, а Бехтерев поддерживал с Павловым научные контакты и многое сделал для внедрения в медицинскую практику его теории условных рефлексов. Последнее Молотову тоже было непонятно. Бехтерев и Павлов

враждовали, это было общеизвестно. Так зачем Бехтерев помогать своему личному недругу, а Павлову, соответственно, помогать лучшему ученику своего личного недруга? У всех этих учёных мозги набекрень, и от них вечно полно проблем.

Кто там ещё? Королёв Федор Валентинович. В высшей степени странно и ещё более подозрительно. Королёв — ракетостроитель. Два года назад, в тридцать шестом, Красная Армия проводила испытания двух его боевых ракет, зенитной и дальнобойной. Как он оказался в НИИ мозга у Сеченова? Он же не имеет к медицине ни малейшего отношения. Зато имеет непосредственное отношение к врагам народа! Его соратники по Реактивному Институту обвиняют его в троцкистской деятельности. НКВД настаивает на его аресте, этот запрос лежит на столе Молотова прямо сейчас.

Ещё один учёный, не имеющий отношения к медицине. Курчатов Артемий Николаевич. Это физик-ядерщик, профессор из Ленинграда, буквально на прошлой неделе был выдвинут в действительные члены Академии наук СССР. Что-то там изобретает на тему атома, чушь какая-то, если судить в прикладном плане, но научный мир верит в перспективы. Особенно немцы, что подозрительно уже само по себе. То есть и он совмещает какую-то должность в НИИ мозга? Что там вообще творится, в этом НИИ у Сеченова?!

Молотов просматривал документ страницу за страницей. Дальше — больше! Филимоненко Алексей Петрович. Ещё один физик-ядерщик, и тоже ни малейшего отношения к медицине. Но, судя по докладу, именно он является главным соавтором Сеченова по существу вопроса, изложенного в данной докладной записке.

Челомей Аркадий Михайлович — эту фамилию Молотов слышал впервые. Этот вообще из Киева. Тоже какой-то механик и инженер и тоже как-то подвизался в НИИ мозга у Сеченова. А помимо него, некий Лебедев Алексей Владимирович, профессор электротехники...

Всё это наводило на мысли о нецелевом расходовании средств в НИИ мозга, находившегося под управлением товарища Сеченова. Однако здравый смысл подсказывал, что Академия наук не могла не знать об упомянутых выше странностях, и Молотов углубился в детали документа. Вскоре выяснилось, что все эти непрофильные специалисты

работали с Сеченовым добровольно, на общественных началах. Из всей когорты на оплачиваемой должности в НИИ, помимо самого Сеченова, находился только некто профессор Захаров Харитон Радеонович, тоже нейрохирург и биолог, однокашник Сеченова по учёбе у академика Бехтерева. Правда, Захаров учился на три курса младше. Остальные за своё участие в проекте не получали денег от государства.

Что же свело воедино столь разных учёных? Судя по докладной записке Академии наук, это работа с какими-то полимерами, изобретёнными Сеченовым. Некая субстанция на основе тяжёлой воды и кремния. Молотов пожал плечами. Тяжёлая вода? Разве вода может быть тяжёлой? Вода и вода, она везде одинакова. Учёным, конечно, видней. Лишь бы это не оказалось ещё одним несбыточным проектом сугубо теоретической направленности вроде атомного супероружия или устремляющихся в космос ракетопланов. Однако же эти полимеры Сеченова всерьёз увлекли несколько лучших умов СССР. Академия наук признала их разработки очень перспективными и особо просила дать ход совместному проекту Сеченова и Филимоненко, которому и была посвящена докладная записка.

Суть проекта заключалась в создании уникального источника энергии — так называемой водородной ячейки, выстроенной на основе полимеров. Водородная ячейка представляла собой водородно-полимерный топливный элемент — электрохимическое устройство, извлекающее водород из окружающего воздуха и трансформирующее его в электрическую энергию. Стандартная водородная ячейка, по обещаниям учёных, должна была весить не более пары килограмм, иметь размеры, сопоставимые с буханкой хлеба, и выдавать мощность в десять киловатт. При этом отработанным продуктом реакции водородно-полимерного синтеза должен являться обычный водяной пар.

Сказать прямо — описанные перспективы были более сродни фантастике, нежели объективной реальности. Но Академия наук настаивала, что описанная технология не есть чистой воды популизм и её вполне возможно создать, если организовать серьёзную государственную программу с мощным финансированием. И вот тут начиналось самое интересное: приблизительная смета, составленная Сеченовым, составляла ни много ни мало два ВВП СССР.

Да они там все что, белены объелись?! Вы в своём уме, товарищи учёные?! Никакие перспективы не стоят таких расходов в текущих условиях, когда мир находится на пороге тотальной войны!

Справедливости ради стоило признать, что в Академии наук это понимали, однако завернуть столь перспективный проект своей волей не решились. Именно поэтому данный документ и лёг на стол Молотову, таким способом научные функционеры снимали с себя ответственность. Осознав это, Молотов перечитал докладную записку дважды, но принять решение так и не смог. С одной стороны, деньги требовались немыслимые, с другой — в случае успеха водородные ячейки обещали быть крайне недорогими в изготовлении. При этом планировалось множество параллельных научных открытий, таких как роботы, которые заменят собой рабочих, или самолёты, летающие в десять раз быстрее звука. И всё это при условии, что ни у кого в мире ничего подобного не просто нет, но и появится ещё очень и очень не скоро.

Порядка получаса Молотов взвешивал за и против, после чего снял трубку телефона правительственной связи и запросил аудиенцию у Сталина. К его удивлению, Сталин оказался свободен и велел ему явиться немедленно. В кабинет вождя Молотов входил уже через две минуты.

— У меня есть для вас пятнадцать минут, товарищ Молотов, — неторопливо заявил Сталин и принялся раскуривать свою неизменную трубку. — Вам повезло: наша беседа с товарищем Берией закончилась быстрее ожидаемого. С чем пришли?

— Иосиф Виссарионович, я обязан ознакомить вас с очень неоднозначным проектом нашей советской науки. — Молотов поспешил разложить перед вождём страницы доклада. — Его прислали через Академию наук, это разработка целой когорты талантливых учёных!

Молотов принялся излагать суть проекта, сразу подчеркнув его колоссальную дороговизну вкуче с невероятными перспективами. Скорее всего, Сталин не станет тратить время на чтение всего документа целиком. Имеющихся в его распоряжении пятнадцати минут на это не хватит, и потому вождь будет принимать решение, основываясь на оценке, прозвучавшей из уст Молотова. Он не ошибся. Несколько

минут Сталин молча слушал, время от времени пуская табачный дым, после чего произнёс всё так же неторопливо:

— Вы сказали, товарищ Молотов, что авторами этого изобретения является когорта талантливых советских учёных. Я услышал в их числе фамилии Вавилов и Королёв. Уж не тот ли это Королёв, на аресте которого настаивает НКВД? И не тот ли Вавилов, который в заграничных интервью заявляет, что служит родине, а не советскому правительству? Который постоянно ходатайствует об освобождении более сорока арестованных врагов народа, скрывавшихся ранее под личиной советских научных кадров? Есть мнение, что Вавилова пора отправить под следствие и выяснить, насколько тесными были его связи с упомянутыми врагами народа. Этого добиваются его более сознательные коллеги по научной деятельности, активные члены коммунистической партии. И в этот момент Вавилов и Королёв предлагают Советскому Союзу потратить два ВВП на проект, сулящий грандиозные перспективы, но не дающий гарантий?

— Проект возглавляет профессор Сеченов, товарищ Сталин! — уточнил Молотов. — В его поддержку высказались многие выдающиеся учёные. Уже сам факт, что все они объединились в работе над этими самыми полимерами, является крайне необычным и нестандартным. Я не смог принять решение самостоятельно. Ошибка в этом вопросе может стоить слишком дорого.

— Сеченов... — Сталин задумался и принялся просматривать докладную записку, вчитываясь то в один, то в другой фрагмент.

Сеченов являлся одним из врачей, отвечавших за здоровье товарища Сталина, его работой вождь был доволен, особенно в последнее время, когда здоровье Сталина после некоторого ухудшения серьёзно улучшилось. Не приходилось сомневаться, что именно это обстоятельство послужило самой главной из всех прочих причин для Академии наук поддержать данный проект.

— Источник топлива размером с буханку хлеба — это здорово. — Сталин наконец вышел из раздумий. — Облегчающие нелёгкие трудовые будни рабочего класса железные роботы, которые функционируют от такой топливной ячейки, несомненно, очень нужная и полезная вещь. Как и освоение других планет Солнечной системы. Но всё хорошо

в своё время. Партия считает, что сейчас этот проект является неоправданно затратным. Советская наука сможет вернуться к нему позже, когда обстановка в мире будет не столь напряжённой. В настоящее время СССР не может себе позволить рисковать настолько крупными средствами. Партия приняла решение пока отказать.

Он взял перьевую ручку, обмакнул её в чернила и собственноручно наложил на первый лист докладной записки резолюцию: «Слишком дорого. Не сейчас».

— Вы можете идти, товарищ Молотов. — Вождь протянул председателю Совнаркома пачку листов докладной записки. — Ваше время истекло, меня ждёт беседа с товарищем Кагановичем.

— Что делать с Вавиловым и Королёвым, товарищ Сталин? — уточнил Молотов.

— Пусть ими, — Сталин неторопливо вытряхнул трубку в урну возле стола, — займётся НКВД. Советское правосудие — самое гуманное правосудие в мире, оно беспристрастно, партия доверяет ему. Советский суд никогда не осудит невиновных.

— Я вас понял, товарищ Сталин! — Молотов забрал бумаги и торопливо покинул кабинет вождя.

На письменном столе телефонный аппарат разразился звонком вызова. Человек в медицинском халате отложил перо, аккуратно отодвинул исписанный лист с ещё не просохшими строчками химических формул и снял с трезвонящего на весь кабинет телефона трубку:

— Сеченов у аппарата!

— Дима! — В трубке глухо зазвучал голос Захарова. — У нас стряслась беда!

— Здравствуй, Харитон, — вздохнул учёный. — Ты уже в курсе? Наш проект посчитали слишком затратным и положили под сукно. Я видел резолюцию на нашей докладной записке, это почерк Сталина...

— Всё гораздо хуже, Дима! — перебил его Захаров. — Вавилова и Королёва арестовали! Их обвиняют в пособничестве врагам народа и в антисоветской деятельности!

— Как?! — ужаснулся учёный. — Когда?!

— Сегодня под утро, — мрачно объяснил Захаров. — Никто не знает, куда их увезли. Как бы после этого не пришли за тобой. Ты же возглавляешь наш проект.

— Надеюсь, до этого не дойдёт. — Сеченов скривился. — Товарищу Сталину понравились результаты предложенного мною лечения. На следующем же медицинском осмотре я буду ходатайствовать перед ним об освобождении наших друзей!

— Дожить бы ещё до этого медосмотра! — зло отрезал Захаров. — Пожалуй, не стоит дальше говорить на эту тему по телефону. Я выезжаю на вокзал, через три часа поезд. Завтра к полудню буду в Москве, сразу поеду в институт. Везу любопытные данные по результатам экспериментов и интересные гипотезы от наших коллег.

— Счастливого пути, Харитон, ждём тебя! — Сеченов повесил трубку и задумался.

Арест Вавилова и Королёва явился для него неожиданностью. Он надеялся на то, что у высшего политического руководства СССР хватит разума оценить всю глубину и масштаб перспектив, открывающихся благодаря полимерам и водородной ячейке, хотя на мгновенное согласие на столь колоссальные траты Сеченов не рассчитывал. Но вот аресты... Максимум, чего он ожидал, это отказ от проекта, как оно в итоге и произошло. Кто же знал, что гнусные наветы подлецов-карьеристов перевесят весь сонм заслуг выдающихся учёных... А ведь Харитон предупреждал, что такое возможно. И оказался прав. Оставлять такое ни в коем случае нельзя, при первой же возможности Сеченов попытается убедить Сталина освободить Вавилова и Королёва или хотя бы добиться для них смягчения условий содержания. Пусть переведут под домашний арест, так они смогут продолжать научную работу.

Пока же придётся вести исследования без них. Это было очень плохо. Два выдающихся ума за день могли бы принести науке и стране в сотню раз больше пользы, нежели все, кто добился их ареста, за всю свою жизнь. И всё из-за чего? Из-за патологической зависти и жажды увеличения собственной значимости у злопыхателей, которые либо были далеки от науки, либо, что многократно хуже, стремились сделать карьеру любыми способами именно в научной среде. Сеченов испустил тяжёлый вздох. Сколько стоит мир, столь-

ко им правит людской эгоизм. Правители рвут планету на куски в угоду своему эго, а эгоцентристы попроще сжирают друг друга и всех, кто вольно или невольно оказывается у них на пути. И цель их всё та же: стать ровней правителям и рвать планету на куски вместе с ними.

Если бы люди хотя бы на день отказались от эгоцентричного индивидуализма и смогли окинуть мир иным взглядом, свободным от мелочной меркантильности, убогой жажды собственной значимости и примитивной личной наживы, этот самый мир мог бы измениться до неузнаваемости. Имей человечество общие стремления, всё стало бы совершенно иначе: расцвет науки, торжество интеллекта, полёты к звёздам, освоение новых миров... Но подавляющее большинство людей интересуют лишь три вещи: власть, деньги и собственный статус. Так не может продолжаться вечно! Наука — вот что откроет миру глаза! И он сделает так, чтобы это произошло как можно раньше.

Тема исследования пороков, которые несёт человечеству индивидуальность, давно уже принявшая ужасающе гипертрофированные формы, интересовала Сеченова с детства. Едва ли не с тех самых пор, когда будущий учёный, а в ту пору молодой ребёнок, играя со сверстниками, наблюдал за первыми проявлениями эгоизма, выражающегося в детской фразе «Это моё!» и совершенно беспричинной злобе по отношению к тому, у кого есть некая игрушка, владеть которой тебе не повезло. Юный Сеченов уже тогда понимал, что совместными усилиями домик из снега можно построить гораздо быстрее, чем поодиночке. И если не делить лопатки, ведёрки и место на снежной поляне на каждого, а использовать всё имеющееся пространство целиком, то места под домик выйдет больше и само строение, соответственно, получится крупнее.

Вроде бы мелочь, детские забавы, однако же дети в какой-то момент начинают строить снежный домик сообща, позабыв об эгоистичных сентенциях. Длится такое, к сожалению, недолго и, что ещё хуже, случается нечасто. Но такое по крайней мере бывает. Взрослые же без личной заинтересованности вообще неспособны к совместной беззаветной деятельности. Страх, выгода либо непреодолимая необходимость — вот все причины, заставляющие людей спланиваться в общество. Не было бы ни одной из указанных причин,

так человечество до сих пор жило бы порознь, каждый в своей норе, очерченной собственной государственной границей.

Но если возможность беззаветного взаимодействия, не основанного на личной выгоде, имеется у детей, её можно выделить и сделать основополагающим фактором развития цивилизации. Общество, в котором каждый индивид ратует за всех, а не за собственное положение, несомненно, может возникнуть исключительно на стадии высокоразвитого интеллекта, способного осознать все плюсы общественного по сравнению с минусами индивидуального. Это общество учёных, изобретателей и созидателей! Золотая эпоха развития цивилизации, торжество науки, квинтэссенция разума!

Дорога к обретению подобного состояния лежала через исследование загадок человеческого мозга, и путь в нейрохирургию оказался для молодого Сеченова предопределён. Родившись в тысяча девятисотом году, он являлся ровесником нового двадцатого века и был полон решимости сделать его прогрессивным на деле, а не только в лозунгах газетных передовиц. Изучать медицину Сеченов начал в шестнадцать, а уже в восемнадцать точно знал, где необходимо делать свои первые шаги на научной стезе. Именно в это время великий Бехтерев по поручению правительства СССР создал НИИ мозга Академии медицинских наук СССР.

Молодой Сеченов подал документы на перевод туда немедленно, но в институт не брали студентов, там работали опытные учёные, и для того, чтобы попасть в обучение к самому Бехтереву, пришлось приложить немало усилий. Спустя два года Сеченов добился своего, получив студенческое место у великого академика, и с тех пор наука поглотила его с головой. Первую научную степень Сеченов получил в двадцать семь лет. Бехтерев тогда с гордостью назвал его лучшим своим учеником. К огромному сожалению, спустя месяц великий учёный скончался. Но его наука не пропала даром. Бехтерев предрекал, что в будущем человечество достигнет выдающихся ментальных способностей, ибо таковые заложены природой в структуру головного мозга, и тяжёлым физическим трудом вместо людей будут заниматься механизмы, являющиеся плодом творения высоконучного разума.

Это подвигло Сеченова на углубленное изучение механики и вскоре натолкнуло на вполне логичный вывод: вершина эволюции сознания, человек-интеллектуал будущего,

Хомо Футурум, будет являться не просто квинтэссенцией разума. Он будет являться квинтэссенцией человечества. Миллиарды людских разумов, по сути, объединятся воедино. И для обслуживания своих нужд и открытий им потребуются столь же огромная армия механизмов, способная действовать по приказу Хомо Футурум как единое целое. Иными словами, объединившиеся в коллективный разум Хомо Футурум будут управлять армией механизмов, которую также объединят в единый механический организм. Механический коллектив будет строить и производить, коллектив разумов будет творить и изобретать. Так будет выглядеть общество будущего, общество Хомо Футурум, единый высоконучный коллектив!

В тысяча девятьсот тридцать пятом году Сеченов с блеском защитил докторскую и получил должность профессора в НИИ мозга. С этого момента он начал работу над собственным проектом, посвящённым исследованию коллективного разума. Через год, в тридцать шестом, сделал своё первое основополагающее открытие, к которому шёл двадцать лет: полимер. Уникальная структура, основанная на свойствах кремния, углерода, германия, тяжёлой воды и волновой теории, заложенной его учителем, великим Бехтеревым. Открытие стало настолько революционным, что до сих пор понять весь его механизм в совершенстве, помимо самого Сеченова, смог только Захаров, его ближайший друг, соратник и единомышленник.

Полимер оказался действительно уникален. Не жидкий и не твердый, гибкий и пластичный, способный принимать любую форму и хранить память о ней в собственной структуре, он являлся идеальным кандидатом в носители информации нового вида, не требующие цифровых кодов и электрических сигналов. До этого состояния полимер ещё предстояло довести, но Сеченов не сомневался в успехе. За минувшие два года они с Захаровым продвинулись настолько далеко и успешно, что решение этой задачи оставалось вопросом полутора-двух лет. Этот вопрос Сеченов считал решённым, ибо его главная цель простиралась значительно дальше.

Нейрополимер — вот что должно быть создано! Неэлектрический, самовосстанавливающийся пластичный носитель информации, управляющийся силой человеческой мысли! Именно такое вещество требуется человечеству для создания единого высоконучного коллектива, в котором

будут объединены общество людей и армия машин. Вот она, цель жизни! Дорога к ней будет нелегка и небыстра, но она стоит преодоления любых преград! Воодушевлённый Сеченов начал бесконечный путь кропотливых исследований, но тут грянул тридцать седьмой год.

Советский Союз захлестнула волна кровавых чисток, которая не обошла стороной и НИИ мозга. Руководителя института арестовали, признали врагом народа и расстреляли. Следом за ним были арестованы все научные специалисты, получившие должности в НИИ по его прямому указанию. Лишившись всего старшего научного состава, институт оказался парализован и прекратил свою деятельность. Академия наук срочно занялась реанимированием НИИ, и Сеченов, как перспективный молодой профессор, а также как лучший ученик и известный последователь Бехтерева, был назначен его руководителем. Перед ним поставили задачу заново наладить эффективную работу института, и Сеченов принялся за дело. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Став главой НИИ мозга, он сформировал новый научный коллектив, привлекая к работе единомышленников. В числе первых профессорскую должность в институте получил Харитон Захаров, имевший к тому времени докторскую степень по медицине, и в том же году НИИ приступил к проекту «Человек — Общество», целью которого стало создание человека будущего, свободного от всех пороков частного и индивидуального.

Поначалу Сеченов находил даже символичным, что возможность создать новую формацию человечества, презревшую эгоизм и стяжательство, возникла у него именно благодаря грызне эгоцентричных карьеристов и правителей. Но вскоре репрессии приняли ужасающий размах, и стало не до иронии. По доносу в застенки НКВД мог попасть едва ли не каждый, и многие учёные оказались репрессированы только из-за того, что нынешние враги народа оказывали им протекцию десятков лет назад, а то и ещё раньше. Знакомые старшие чины из того НКВД, лечившие у Сеченова свои утомлённые злодеяниями головы, не раз сетовали на то, что население чрезмерно усердствует с доносами, перегружая чекистов излишней работой. У НКВД, мол, имеется чёткий план борьбы с врагами народа, продиктованный партией, и рвение доморощенных активистов всё сильно усложняет.

От вероятности оказаться врагом народа не был застрахован никто, но удача вновь оказалась на стороне Сеченова. Полгода назад товарищ Сталин начал испытывать сильные головные боли, и усилия личных врачей исправить ситуацию не увенчались успехом. Говорят, в результате кого-то из них арестовали по подозрению в подрывной деятельности, направленной против вождя советского народа. Насколько это было правдой, Сеченов не знал. Но раз ему поручили восстановить здоровье товарища Сталина, несложно предположить, что врача, занимавшегося этим ранее, ныне на прежней должности нет. Сеченов провёл ряд процедур с применением методик собственной разработки, основанных на полимерах, и за месяц полностью избавил вождя от тяжёлых головных болей. С тех пор он видел Сталина только однажды, на плановом медосмотре, но нужная информация быстро попала в соответствующие руки, и НКВД обходило НИИ мозга стороной.

До сегодняшнего утра. Конечно, Вавилов и Королёв не являлись штатными сотрудниками НИИ, но в НКВД не могли не знать, что они занимались научной деятельностью на общественных началах. Однако ни этот факт, ни мировое имя Вавилова не помешали аресту. Вряд ли наверху были не в курсе произошедшего, но Сеченов рассчитывал, что информация о подобных решениях не дошла до товарища Сталина, и потому вождь не откажет ему в снисхождении для выдающихся учёных. Оставалось надеяться, что до следующего медосмотра вождя народов с обоими арестованными не случится ничего катастрофического. Это единственное, чем он мог им помочь. Просто так попасть на приём к Сталину ему никто не позволил бы.

Сеченов вновь тяжело вздохнул и продолжил расчёт химической формулы.

Москва, Кремль, правительственное совещание у Сталина

15 сентября 1939 г.

Массивный длинный стол, занимающий большую часть рабочего кабинета Сталина на втором этаже Сенатского дворца Кремля, был занят членами высшего партийного и политического руководства СССР. Все не сводили внимательных

взглядов с наркома обороны Ворошилова, стоявшего возле настенной карты Европы со свеженанесёнными отметками. Ворошилов докладывал о ходе наступления Германии на Польшу, то и дело косясь на Сталина, слушавшего с молчаливой задумчивостью:

— К настоящему времени германские войска добились решающих успехов. Противостоять на равных германской военной машине Польша оказалась не в силах. Основные силы Войска польского рассеяны вермахтом на несколько очагов, окружены, дезорганизованы и будут окончательно разбиты в ближайшие дни.

Продолжая коситься на безмолвствующего Сталина, Ворошилов коснулся указкой основных областей идущей кампании, демонстрируя успехи вермахта:

— Германские войска вышли к Львову и осадили Брест. Единственное более-менее серьёзное сопротивление поляки оказывают в Варшаве, но к вчерашнему полудню окружение Варшавы германскими войсками было полностью завершено. Польские войска испытывают недостаток продовольствия, вооружения и боеприпасов, поэтому можно с уверенностью утверждать, что Варшава будет взята немцами максимум через две недели. Само Войско польское перестанет существовать ещё раньше. В связи с этим Наркомат обороны считает, что сейчас наиболее благоприятное время для введения в Польшу подразделений Красной Армии. Остатки Войска польского не в состоянии оказывать серьёзное сопротивление.

— А как же Англия и Франция? — поинтересовался Берия. — Они в военном союзе с Польшей и, согласно союзническим обязательствам, третьего сентября объявили Германии войну. Их войска начали наступление на Германию седьмого сентября, если не ошибаюсь, в районе земли Саар?

— Союзники не заинтересованы в войне с Германией, — возразил Ворошилов. — Иначе они действовали бы более решительно. Однако на деле их войска даже не дошли до линии Зигфрида, являющейся цепью основных оборонительных сооружений Германии на западном направлении. Линия Зигфрида не достроена, сейчас лучшее время для её преодоления, но вместо этого войска союзников двенадцатого сентября прекратили наступление. Наша разведка сообщает, что Англия и Франция считают дальнейшее продол-

жение боевых действий бессмысленным, потому что широкомасштабная война с Германией не оправдывает действия Гитлера в Польше.

— США, Англия и Франция в курсе основных положений секретного пакта, заключённого между СССР и Германией в ходе моих встреч с господином Риббентропом, — заявил Молотов. — Наши германские коллеги уведомили их об этом ещё двадцать четвёртого августа. Они не решаются продолжать войну против Германии прежде, чем поймут позицию СССР в этом вопросе. И уж точно не станут воевать с Гитлером, если мы введём войска в Польшу ради обретения территорий согласно упомянутому пакту. Для союзников это не является секретом. Уверен, дальнейших боевых действий Англии и Франции в Сааре не последует.

Молотов тоже посмотрел на Сталина, ожидая реакции, однако тот продолжал пребывать в задумчивом молчании. Внешне отрешённый вид вождя народов был обманчив. Все, кто здесь находился, отлично знали, что Сталин прекрасно слышит каждое слово и полностью владеет обстановкой.

— Кроме того, — осторожно продолжил Молотов, — как я уже докладывал, сегодня нам удалось заключить перемирие с Японией. Боевые действия в районе реки Халхин-Гол прекращены. Пакт о ненападении между СССР и Германией сильно повлиял на японцев. Поняв, что Гитлер не станет вступать в войну с Советским Союзом ради поддержки завоеваний Квантунской армии, Япония в некотором роде посчитала себя преданной. Уверен, они заключат с нами договор о нейтралитете в ближайшее время, если мы предпримем к этому активные дипломатические шаги.

— Наркомат обороны согласен с товарищем Молотовым, — поддержал его Ворошилов. — Продолжения войны союзников с Германией не будет. Опасность широкомасштабной войны с Японией ликвидирована. Польша фактически разгромлена. Самое время забрать территории, утверждённые Советским Союзом и Германией в пакте товарища Молотова и господина Риббентропа!

Ворошилов замолчал, все опять посмотрели на Сталина. Тот продолжал безмолвствовать. Пауза затягивалась, и слово снова взял Берия:

— Когда Наркомат обороны предлагает ввести войска в Польшу?

— Не позднее семнадцатого сентября! — ответил Ворошилов. — Считаю целесообразным вступить на территорию Польши до того, как вермахт захватит Варшаву. Тем самым мы продемонстрируем Германии нашу солидарность. СССР не стал дожидаться, пока Германия делает самую трудную работу в одиночку. Уродливая химера, созданная Версальским договором и сожравшая исконные земли Западной Украины и Западной Белоруссии, должна быть уничтожена нашим совместным ударом!

— Поддерживаю! — оценил Берия и в который раз перевёл взгляд на Сталина.

Тот, по своему обыкновению, потянулся за трубкой и некоторое время раскуривал её во всеобщей тишине. Сделав затяжку, Сталин задумчиво выдохнул дым и ответил в известной всем неторопливой манере:

— Советский Союз вступит в войну послезавтра, семнадцатого сентября, как предлагает Наркомат обороны. — Он сделал ещё одну затяжку и добавил: — В войну с гитлеровской Германией.

Сказать, что слова вождя народов ошарашили всех, означало не сказать ничего.

— С Германией?! — Берия не стал скрывать своего изумления. — Коба, но зачем?! Мы же только что подписали с ними пакт о ненападении!

— Партия, — Сталин вновь приложился к трубке, — тщательно обдумала движущие Гитлером мотивы и пришла к неутешительному выводу. Если не сокрушить Гитлера сейчас, Советский Союз станет следующей жертвой его кровавой агрессии. Давайте внимательно посмотрим, что же декларирует Гитлер? В первую очередь борьбу с коммунизмом и инородцами. Едва ли не каждая его речь перед народом Германии прямо затрагивает эти темы. Коммунистическая партия в Германии запрещена, впрочем, как и все прочие партии, кроме НСДАП. Немецкие коммунисты подвергаются гонениям, арестам и террору. Еврейский народ в Германии также подвергается гонениям, это ни для кого не секрет. Но СССР — страна равных возможностей для любого коммуниста, вне зависимости от национальности. А едва ли не все остальные советские национальности гитлеризм именует дикими азиатами, находящимися на низшей ступени развития.

Сталин прервался на очередную затяжку, выдохнул дым и все так же неторопливо продолжил:

— Нетрудно догадаться, каким жутким и уродливым монстром видимся мы Гитлеру, каково его истинное отношение и к СССР, и советскому народу. Мы олицетворяем всё то, что гитлеризм провозгласил своими непримиримыми врагами. Пакт о ненападении для Германии — это не более чем возможность оградить себя от войны на два фронта, разбить своих противников поодиночке, после чего собрать силы и утопить в крови наше советское государство. Гитлер провозгласил концепцию расширения жизненных территорий для германского народа и не отступится от своих планов. Первой его жертвой стала Австрия, потом немецкие войска были введены в Чехословакию, теперь Польша. Но фашистский спрут на этом не остановится. Его щупальца будут тянуться бесконечно, если их не отсечь! Война с Германией неизбежна, и партия считает, что сейчас лучший момент для её начала.

— Но, товарищ Сталин, — попытался возразить Ворошилов, — мы не готовы к таким масштабным боевым действиям! Необходимо провести мобилизацию, обновить вооружение! Красная Армия нуждается в серьёзных реформах, война в Испании дала нам бесценный опыт, который теперь нужно внедрить в войска!

— Вот и внедряйте, товарищ нарком обороны, — невозмутимо ответил Сталин. — Привлеките в войска прошедших Испанию коммунистов, дайте дорогу офицерам с современным боевым опытом, обеспечьте правильную постановку задач Наркомату промышленности и так далее! Покажите, что партия не зря доверила вам этот пост! Мы не можем упустить столь благоприятный момент. Удар Советского Союза станет для Германии неожиданностью. К такому повороту событий Гитлер не готов.

Вождь народов прервался на следующую затяжку, но никто из присутствующих не рискнул вклиниваться в его монолог.

— Наша разведка, — Сталин внимательно посмотрел на Ворошилова, — заверяет партию, что нужно как можно быстрее захватить румынские нефтяные месторождения. Без румынской нефти люфтваффе и танковые армады вермахта быстро окажутся обескровлены. Германии не хватит бензина для удовлетворения нужд своих войск.

Он лениво указал на карту дымящейся трубкой:

— Партию это устраивает. Мы атакуем в двух направлениях: поддержим наших польских товарищей и лишим Гитлера румынской нефти. Заодно вернём Советскому Союзу Бессарабию и Северную Буковину, отнятые у России двадцать лет назад. Увидев наши действия, Англия и Франция возобновят наступление на Германию, и Гитлер окажется вынужден вести войну на два фронта. Таким образом, СССР лишит врага возможности совершить кровопролитие на советской земле. Фашистский спрут будет раздавлен быстро! До того, как станет чрезмерно силен.

Вождь народов сделал последнюю затяжку и закончил, поднимая руку и обводя присутствующих пристальным взглядом:

— Предлагаю поставить этот вопрос на голосование. Кто за?

Молотов торопливо поднял руку, стремясь не отстать от Сталина, и искоса оглядел остальных. Несогласных не оказалось.

— Партия проголосовала единогласно, — подытожил Сталин. — Товарищ Ворошилов, начинайте мобилизацию.

Склонившийся над микроскопом Сеченов отпрянул от окуляров и, обернувшись к сидевшему за приборным пультом Филимоненко, выдохнул:

— Пошла реакция! Алексей Петрович, что на амперметре?

— Есть ток! — Филимоненко возбуждённо вскочил со стула. — Есть напряжение! Она работает! Дмитрий Сергеевич, водородная ячейка работает!

— Наконец-то! — Сеченов рванул к приборной доске, бросил взгляд на показания измерительного оборудования и тут же поспешил обратно к микроскопу. — Засеките продолжительность действия! Я знал, что волновая обработка германия катализирует процесс, я же говорил!

Он прильнул к окулярам и замер, наблюдая за протекающими на клеточном уровне процессами. Полимерно-водородная реакция проходила идеально, словно была вызвана не впервые, а являлась обыденностью. Разложенные на испытательном стенде сегменты водородной ячейки исполня-

ли свои функции согласно теоретическим расчётам, приборы на выходе фиксировали наличие тока, и выходной каскад едва слышно шипел тёплым паром, сбрасывая в атмосферу отработанные отходы химического процесса — простой водяной пар молочно-белого цвета.

— Странно, что пар на выходе такой горячий. — Светящийся от счастья Филимоненко сверился с термометром, установленным прямо над выходным каскадом лабораторного стола. — Почти двести градусов! Я ожидал, что будет меньше.

— Лабораторному стенду не хватает теплоёмкости. — Сеченов с довольной улыбкой на лице не отрывался от микроскопа. — Радиаторов мало, всё-таки у нас тут в основном нейрохирургия! Как только доработаем ячейку, вся тепловая энергия будет попадать в поглотители и идти в дело! Пар на выходе будет иметь минимальную температуру, позволяющую ему оставаться паром и уходить в атмосферу, а не превращаться в испарину, закапывающую всё вокруг.

— Наша водородная ячейка по совместительству будет являться увлажнителем воздуха? — пошутил Филимоненко и тут же задумался: — Дмитрий Сергеевич! А ведь это мысль! Этому можно найти применение в народном хозяйстве и даже в быту! Особенно в жарких и засушливых районах земного шара!

— И не только земного шара, Алексей Петрович! — воодушевлённо подхватил Сеченов. — Настанет день, когда человек создаст дружелюбную атмосферу на Луне, Марсе, Венере и других планетах нашей Солнечной системы! Да что нашей! Мы доберёмся до самых дальних звёзд! И начало этому глобальному пути мы с вами закладываем сейчас! Надо немедленно сообщить нашим товарищам об успехе! Они будут весьма рады, ведь каждый приложил к этому толику усилий!

— Жаль, Фёдор Валентинович узнает об этом не скоро, — погрустнел Филимоненко.

— Это верно. — Сеченов невесело вздохнул.

Добиться освобождения Королёва и Вавилова из застенков НКВД ему не удалось, как не удалось попасть на приём к Сталину. Пришлось несколько месяцев ждать планового медицинского осмотра и прямо во время процедур просить вождя народов о снисхождении к арестованным учёным.

Сталин просьбу выслушал и пообещал разобраться. Итогом разбирательств стало смягчение обвинения и тюремного режима. Вавилова и Королёва вычеркнули из расстрельных списков, их дела отправили на следствие, а самих учёных перевели из жутких условий ГУЛАГа в закрытую тюрьму НКВД под Москвой. По слухам, там содержались те научные специалисты, которые могли оказаться полезными советской власти. Что ж, и на том спасибо.

— Как они там, Дмитрий Сергеевич? — Филимоненко бросил на Сеченова хмурый взгляд. — Есть какие-нибудь известия?

— Так кто же скажет. — Второй вздох Сеченова был ещё более печальным. — Хорошо, хоть не расстреляли. Но мы будем бороться за их судьбу, Алексей Петрович, можете не сомневаться.

— Только будьте осторожны, Дмитрий Сергеевич, — покачал головой Филимоненко. — Как бы вам не навлечь на себя гнев...

Он запнулся, не решаясь произнести фамилию вождя народов вслух. Вообще, здесь, в НИИ мозга, секретных сотрудников НКВД быть не должно. Но кто может быть в этом уверен в наше время?! ГУЛАГ переполнен, страна разделась на две половины: одна сидит, вторая её охраняет. Лучше не рисковать.

— Я попросил его о снисхождении всего один раз, — пожал плечами Сеченов. — Надеюсь, за вторую такую просьбу меня не признают врагом народа. Не настолько серьёзное это преступление.

— Сергей Николаевич тоже так считал, — уныло поморщился Филимоненко.

Сеченов мысленно скривился. Это правда. Вавилов, будучи на пике научной известности, неоднократно ходатайствовал об освобождении многих подвергшихся аресту учёных. Это ему вменили в вину одним из первых: поддержку врагов народа. Но раз Сталин позволил Вавилову и Королёву покинуть камеру смертников, значит, шансы есть. По крайней мере походатайствовать перед вождём ещё один раз Сеченов рискнёт. А там видно будет.

— Сделаю что смогу, — твёрдо заявил он. — Пока же давайте порадуемся за успех нашего эксперимента! Теперь водородная ячейка уже не предположение, а реальность! Воз-

можно, это изобретение поможет нам вытащить из тюрьмы наших друзей и коллег. Посему нам предстоит доработать наше изобретение до стадии промышленного использования.

— Реакция протекает идеально! — Филимоненко, наблюдающий за происходящим на лабораторном стенде процессом, вновь просветлел. — Даже не верится! После года регулярных неудач я ожидал сегодня массы проблем! А она работает как часы!

— Нет таких преград, которые не могла бы преодолеть наука! — Сеченов подошёл к выходному каскаду стенда, к которому была подключена электрическая лампочка, и щёлкнул тумблером. Лампочка не зажглась. — Работы нам предстоит ещё немало, — констатировал он.

— Справимся! — Филимоненко решительно потянулся к лампочке и снял её со стендовых зажимов. — А если так?

Он присоединил к ней пару проводов и ткнул ими напрямую в клеммы выходного каскада, минуя электропроводку и тумблер. Нить накаливания лампы едва заметно покраснела.

— Сопротивление стенда пока что великовато для нашего чуда света, — улыбнулся он. — Но я уже вижу, что и как нужно доработать! Эх, нам бы финансирование! Через год, максимум через два я предоставил бы полноценный водородно-полимерный топливный элемент, выдающий десять киловатт — ровно так, как мы замахивались с самого начала!

— Ничего, справимся сами. — Сеченов наклонился ближе и увлечённо разглядывал едва теплящуюся нить накаливания. — Давно я не видел более красивого зрелища! Так зарождается пламя глобального прогресса! Пусть не быстро, зато неуклонно!

Конечно, Филимоненко был прав. Без финансирования столь грандиозную область придётся развивать десятилетиями, хотя при наличии такового для достижения первых серьёзных успехов хватило бы и пяти лет. После того как Сталин год назад отверг их проект, все исследования и опыты проводились на личные средства их могучей кучки: Сеченова, Павлова, Курчатова, Челомея, Филимоненко и Захарова. Не в последнюю очередь благодаря авторитету нобелевского лауреата Павлова и входившего в группу лечащих врачей Сталина Сеченова эти самые исследования не запретили вообще. Обычно, если Сталин отвергал какой-ли-

бо проект лично, тот немедленно попадал в опалу. Чиновники от Академии наук принимались бороться с ним с праведным усердием, уничтожая едва ли не на корню. Но когорту Сеченова научные функционеры трогать не стали. И на том спасибо.

Пусть без финансирования, пусть без серьёзных масштабов, пусть за год, а не за месяц, как должно было быть в идеале, но прототип водородной ячейки заработал.

— Это наша маленькая победа, Алексей Петрович. — Сеченов забрал у Филимоненко лампочку и осторожно уложил её прямо на клеммы выходного каскада лабораторного стола, следя за тем, чтобы едва тлеющая нить накаливания не прекратила гореть. — Давайте же грянем «ура»! Мы его заслужили!

Оба учёных, не сговариваясь, негромко, но воодушевлённо воскликнули:

— Ура! Ура! Ура!

— Чему это вы радуетесь, друзья? — Дверь лаборатории распахнулась, и на пороге показался Захаров в только что надетом белом халате. Он смотрел на тихо ликующих Сеченова с Филимоненко с явным недоумением: — Уж не войне ли?!

— Какой ещё войне, Харитон! — отмахнулся Сеченов. — Победе! Иди скорее сюда, взгляни сам! Реакция пошла! Водородная ячейка работает!

— Да быть такого не может! — оживился Захаров, закрывая дверь и устремляясь к стенду. — Да чтоб меня! Лампочка светится!

Он быстро взглянул на приборную доску.

— Ток идёт! Как полимер? Не греется?

— Нет! — улыбался Сеченов. — Реакция протекает безошибочно, согласно всем нашим выкладкам! И скорость убывания полимера полностью соответствует расчётной! Вот увидишь, мы добьёмся очень серьёзной продолжительности работы водородной ячейки! Дайте только срок!

— Угу, — кивнул Филимоненко. — И финансирование бы ещё. Была бы возможность запустить полномасштабную научную программу, я б не задумываясь замахнулся бы на полугодичную автономность водородной ячейки.

— Полгода работы без обслуживания? — уточнил Сеченов.

— Именно так, Дмитрий Сергеевич! — подтвердил тот. — В идеале для функционирования нашему топливному элементу требуется только полимер, который будет тратиться в ходе реакции. Если бы у меня была возможность выверить весь процесс с точностью до тысячной доли грамма, уверен, было бы вполне реально сконструировать топливный элемент так, чтобы находящегося внутри него запаса полимера хватало бы на пять-шесть месяцев работы. При непрерывной эксплуатации этот срок несколько сократился бы, но не кардинально. — Он с досадой покачал головой: — Где бы найти на всё это средства...

Захаров оторвал горящий взор от лабораторного стенда и хмуро посмотрел на друзей:

— Возможно, у нас появился шанс. Похоже, фортуна улыбается нам только во времена немалых всеобщих бед.

— Что ты имеешь в виду? — Сеченов насторожился. — В Академии наук вновь прошли аресты?

— Нет, к сожалению! Хотя кое-кого из тамошних бесполезных чинуш стоило бы! — усмехнулся Захаров и спохватился: — Вы же не в курсе!

— Он достал из объёмистого кармана лабораторного халата сложенную вчетверо «Правду» и протянул Сеченову: — Война! Сегодня СССР вступил в войну с Германией. Партия приняла решение помочь братскому польскому народу отразить нашествие немецких войск и не позволить фашизму восторжествовать в Польше, как это случилось в Испании.

— Скверные новости, — помрачнел Сеченов. — Опять погибнет много людей.

— К сожалению, много людей на этой планете гибнет регулярно, — возразил Захаров. — Не здесь, так там. Не в нашей войне, так в чужой. Таково существующее общество, которое нам предстоит переделать во что-то гораздо более светлое и разумное. Зато сейчас у нас, не исключено, появился второй шанс заинтересовать Кремль в наших разработках. Топливный элемент открывает огромные перспективы: могучие танки с тяжёлыми орудиями и неуязвимой бронёй; мощные ракетопланы, несущие массу оружия высокой разрушительной силы; армии боевых роботов, сражающиеся на поле боя вместо людей. Надо только довести всё это до сведения товарища Сталина! Теперь нам есть что продемонстрировать!

— Идея поставить наше изобретение на службу кровопролитию очень меня удручает, друзья... — Сеченов болезненно поморщился. — Но полагаю, ты прав, Харитон. Это наш шанс вновь привлечь внимание Кремля к ведущимся разработкам. Без масштабного финансирования мы будем продвигаться к цели микроскопическими шагами не один десяток лет. Сейчас же пойду напишу письмо в Академию наук. И ещё одно товарищу Молотову лично. Быть может, дойдёт...

Сеченов мгновение смотрел на едва тлеющую нить накаливания тестовой лампочки, после чего печально вздохнул и направился прочь из лаборатории, тихо шепча себе под нос:

— Когда же настанут те блаженные времена, когда учёные смогут заниматься одной лишь наукой...

Румыния, Плоешти, укрепрайон вокруг нефтяного месторождения

Ноябрь 1939 г.

Три армейских немецких грузовика, заполненные хорошо вооружёнными пехотинцами, дисциплинированно сидевшими на сотрясающихся лавках, прыгали по ухабам, петляя по разбомбленной дороге. Сидевший рядом с водителем головной машины германский офицер в погонах обер-лейтенанта вермахта невозмутимо держался за поручень, игнорируя тряску, и внимательно наблюдал за приближающимся укрепрайоном. Советская авиация бомбила нефтепромыслы трижды, но всякий раз безуспешно. Гитлеровская Германия с первых дней вступления СССР в войну предполагала нанесение подобных ударов и сразу приняла меры.

В Румынию из Германии прибыла полумиллионная армия, немедленно разместившаяся вокруг нефтяных месторождений, и румынская нефть фактически оказалась в руках Гитлера. С того момента сотни тонн нефти ежедневно отправлялись в Германию, и район нефтепромыслов охранялся как зеница ока. В воздухе постоянно дежурили румынские самолёты и истребители люфтваффе, на земле было размещено более двух десятков зенитных батарей. Плотный зенитный огонь в совокупности с истребительным прикры-

тием мешал советским бомбардировщикам прицельно бомбардировать нефтепромысел, и попадающие под свирепые удары советские лётчики были вынуждены либо погибать, либо сбрасывать бомбы на подступах к укрепрайону.

Советская авиация потеряла уже порядка десяти машин, но до сих пор добраться до самого центра нефтепромысла не смогла. Германия и Румыния, ставшие союзниками, сдавать позиции не собирались, и зенитная оборона укрепрайона неуклонно повышалась. В скором времени ожидалось прибытие в район нефтепромысла свежих германских зенитных батарей, и тогда воздушная оборона месторождений Плоешти станет для Советов и вовсе непреодолимой. А это означает продолжение бесперебойных поставок нефти германской армии, доблестно и ожесточённо сражающейся на два фронта сразу: против Франции и Англии на западе и против СССР на востоке.

Несмотря на серьёзное превосходство противника в численности, вермахту удалось прочно закрепиться на левом берегу Вислы и сдерживать совместное советско-польское наступление. На Западном фронте англо-французские войска увязли на линии Зигфрида, оказавшись неспособными преодолеть эту сеть недостроенных укреплений. Залогом непреодолимой германской обороны в первую очередь являлось мастерство асов люфтваффе и блестящие действия танковых армий. Высокомобильные танковые клинья при поддержке авиации перемещались по различным участкам того или иного фронта, быстро создавая перевес в силах, и наносили дерзкие контратакующие удары, отбрасывая врагов. После чего столь же оперативно перемещались на другой участок и столь же успешно действовали там.

Победить в войне таким способом возможности не представлялось, но это позволяло Германии выиграть время. Именно время в этой грандиозной битве неожиданно стало решающим фактором. Не имея возможности разгромить несметные полчища советских коммунистов Востока и наймитов Запада, Третий рейх всё же одержит победу в этой войне. Ибо, пока доблестные германские солдаты сдерживают натиск врага, талантливые немецкие учёные куют в тылу оружие возмездия. И чем больше времени будет выиграно, тем лучше. Как только Германия закончит создание атомной бомбы, мир содрогнётся от ужаса!

Но для того чтобы победить, — а пока атомная бомба существовала только в проекте, — германской армии требовалось топливо. Много топлива. Аппетиты танковых и воздушных армий оказались воистину чудовищными. Производство собственной нефти в Германии было неспособно удовлетворить их потребности даже наполовину, и срочное развёртывание производства синтетической нефти не смогло решить эту проблему. Единственной страной Европы, имеющей действительно массивную нефтедобычу, являлась Румыния, и германские войска делали всё, чтобы удержать румынскую нефть в своих руках. Пока бензин нескончаемой рекой льётся в топливные баки германских танков и самолётов, сокрушить немецкую оборону не удаётся ни Советам, ни их западным союзникам.

Англия и Франция даже воззвали к США, требуя от последних вступления в войну. Но Соединённые Штаты, быстро оценив складывающуюся на фронтах ситуацию, не торопились губить своих солдат под ливнями немецких пуль. США сослались на невозможность вступить в войну из-за затянувшейся Великой депрессии и ограничились помощью союзникам в виде поставок по ленд-лизу. Не приходилось сомневаться, что в случае крупных военных успехов союзников Штаты быстро пересмотрят свою позицию. Но Германия была полна решимости не позволить врагам одержать ни крупных, ни мелких побед.

Колонна грузовиков достигла границ укрепрайона и остановилась перед бетонным дотом, охраняющим хлипкие ворота. Ober-лейтенант вылез из кабины и направился навстречу румынскому офицеру, выходящему из дота под прикрытием бойниц, ошетилившихся пулемётными стволами. Под лёгким порывом ветра расхлябанные ворота заскрипели, словно собирались рухнуть, но на лице офицера не появилось ни малейшей усмешки. Сами по себе эти ворота неважны. Они закрывают въезд на очень узкую дорогу, являющуюся единственным проходом в минном поле, преграждающем путь к укрепрайону с этой стороны. Эта дорога видна с огневых позиций укрепрайона как на ладони и хорошо простреливается. Так что, даже не будь этих ворот вовсе, мимо дота без позволения лучше не проезжать.

— Зиг хайль! — Ober-лейтенант выбросил руку в нацистском приветствии.

Румынский офицер отсалютовал в ответ.

— Дальнейший проезд без особого разрешения запрещён, — заявил он. — Кто вы такие и с какой целью прибыли к укрепрайону?

— Обер-лейтенант Ключе! — представился немецкий офицер, доставая из нагрудного кармана отутюженного кителя сложенный вчетверо лист бумаги с несколькими официальными штампами и подписями. — Командир отдельной роты охраны третьей зенитной артиллерийской дивизии! Имею приказ прибыть в укрепрайон и подобрать позиции для развёртывания зенитных батарей! Моя дивизия находится на марше и прибудет сюда завтра!

— Наконец-то! — Румынский офицер не скрывал облегчения. — Давно пора! Советы бомбили нас уже трижды! Когда они прилетают, тут творится настоящий ад! Подкрепление нам не помешает, вам стоило бы явиться раньше! Сегодня солнечный день, плюс десять, при других обстоятельствах я сказал бы, что погода отличная, но не во время войны, когда лётная погода — одна из главных опасностей.

— Мы подготовим им горячий приём! — пообещал обер-лейтенант. — Следующий налёт Советов станет последним!

Румынский офицер пожал плечами, мол, хорошо, если так. Он развернул пропуск и вчитался в текст. По-немецки он говорил на удивление неплохо. Акцент, конечно, ужасен, и грамматика хромает, но обер-лейтенант ожидал, что будет гораздо хуже. Что написано в пропуске, румын разобрал, и дальнейших вопросов у него не возникло. Он вернул немецкому офицеру бумагу, махнул рукой своим солдатам, и те распахнули ворота, отозвавшиеся на этот процесс душераздирающим скрипом. Обер-лейтенант вернулся в головную машину, и его рота продолжила путь.

Узкая дорога шла через минное поле, сближаясь с укрепрайоном под острым углом, что давало возможность огнём точкам вести удобный обстрел проезжавших по ней машин. Несмотря на опознавательные знаки вермахта, нанесённые на борта грузовиков, пулемётные и артиллерийские расчёты укрепрайона не сводили глаз с приближавшейся колонны, готовые в любую секунду открыть огонь. Колонна роты охраны добралась до места без эксцессов, однако на въезде на территорию самих укреплений была

вновь остановлена на посту второй нитки охранного периметра. На этот раз к обер-лейтенанту вышел капитан вермахта.

— Хайль Гитлер! — привычно отсалютовал обер-лейтенант и протянул ему пропуск.

— Хайль! — отчеканил капитан, буравя его полным подозрения взглядом. — Мы не были предупреждены о вашем появлении, обер-лейтенант! Никаких приказов на ваш счёт не поступало! Я впервые слышу о том, что третья артиллерийская дивизия выдвигается сюда!

— Операция по усилению зенитного прикрытия Плоешти проводится в обстановке максимальной секретности! — отрапортовал обер-лейтенант. — Согласно распоряжению командования, передислокация подразделений осуществляется с применением мер отвлечения внимания вражеской разведки, с этой целью создано несколько ложных колонн, демонстративно перемещающихся в ином направлении! Весь радиообмен запрещён, все распоряжения передаются из рук в руки! В моём приказе всё это изложено, господин капитан!

Капитан вермахта несколько раз изучил текст приказа, тщательно заострив внимание на подписях и печатях, его визирующих.

— И всё же я должен запросить подтверждение у своего командования. — В голосе капитана звучала неуверенность. — Сожалею, обер-лейтенант, но до получения подтверждения сверху я не могу пропустить вашу роту дальше этого места! Вам придётся дожидаться ответа командира укрепрайона здесь!

— Хорошо, господин капитан, как прикажете! — козырнул обер-лейтенант. — Буду ждать от вас дальнейших распоряжений! Могу я, пока длится ожидание, выгрузить своих людей из машин? Солдаты провели на лавках более шести часов, буду благодарен, если вы дадите моей роте разрешение посетить полевой клозет!

— Выгружайте, — разрешил капитан. — Ближайший ватерклозет там! — Он указал в нужную сторону. — Однако предупреждаю: моторы ваших машин должны быть заглушены, все перемещения осуществляются только строем, исключительно в район уборных и обратно! Вы меня поняли, обер-лейтенант?

— Так точно, господин капитан!

Капитан ушёл, унося с собой пропуск, обер-лейтенант обернулся к своей автоколонне и зычно приказал:

— Глуши моторы! Рота! Строиться!

Урчавшие двигатели заглохли, солдаты полезли из кузовов на землю, разминая затёкшие ноги. Рота принялась выстраиваться повзводно посреди дотов укрепрайона. К обер-лейтенанту подошли его взводные, немецкие офицеры в лейтенантских погонах, и вскинули руки в нацистском приветствии. Один из них почти беззвучно произнёс по-русски:

— Товарищ старший лейтенант, почему мы не едем дальше? Наши бомбардировщики будут здесь через двадцать минут.

Обер-лейтенант отреагировал на гитлеровское приветствие аналогичным жестом и так же тихо ответил:

— Фашист не клюнул на нашу легенду. Что-то заподозрил. Пока он не получит подтверждения от своего командования, дальше наши машины не поустят.

— Что будем делать? Времени в обрз.

— Ждать не станем. — Обер-лейтенант покосился на блиндаж, в котором скрылся капитан вермахта. — Рота повзводно направляется в район клозетов для удовлетворения физиологических потребностей. Взводам двигаться до клозетов сколько получится, после расходиться по направлению к зенитным батареям противника, как отработывали на тренировках. Пока противник ничего не заподозрил, на бег не переходить. Если повезёт, успеете добраться до огневых точек без шума.

— А как же вы, товарищ старший лейтенант? — нахмурился первый взводный. — Вы останетесь тут один, когда немцы поднимут тревогу?

— Ничего, справлюсь. Не числом, а умением! — Обер-лейтенант вновь покосился на блиндаж, из которого доносилась невнятная речь говорившего по телефону капитана. — Заодно отвлеку их. Со мной никого не оставлять. На одного человека немцы реагируют спокойней. Начинайте!

Взводные разошлись, и спустя полминуты рота охраны дисциплинированно двинулась в район клозетов, постепенно разделяясь на взводы. Обер-лейтенант взглянул на часы: бомбардировщики уже на подходе, вскоре их приближение засекут вражеские радары, и в укрепрайоне поднимется тревога, а значит, пора. Он незаметно расстегнул кобурку висев-

шого на поясе пистолета и направился в капитанский блиндаж. Часовой у входа преградил ему путь, и обер-лейтенант принялся его громко отчитывать.

— Что происходит? — Дверь в блиндаж отворилась, из неё показался капитан.

— Господин обер-лейтенант пытается попасть внутрь, не имея разрешения! — доложил часовой.

— Это абсурд, господин капитан! — возмутился обер-лейтенант. — Я имею пропуск, дающий мне право свободно перемещаться по укрепрайону. Но вы унесли его с собой.

— Подтвердить ваши полномочия не удалось, — оборвал его капитан. — Командование укрепрайона ничего не знает ни о вашем появлении, ни о вашем существовании! Я нахожусь на связи с командиром гарнизона! Вас приказано задержать до выяснения обстоятельств!

— Полковник на линии? — вскинулся обер-лейтенант. — Дайте трубку, я передам ему секретный код, подтверждающий мои полномочия. В пропуске об этом сказано.

— Я имею приказ арестовать вас! — начал было капитан, но обер-лейтенант веско возразил:

— Одно другому не мешает, господин капитан. Я сдаю оружие. — Он вытащил из кобуры пистолет и протянул его капитану. — А теперь дайте мне трубку, я исполняю секретный приказ фельдмаршала.

Капитан замешкался, явно не понимая, как именно должен поступить, и пришёл к выводу, что одно другому действительно не мешает. Он забрал у обер-лейтенанта пистолет и кивнул часовому:

— Пусть войдёт. Обер-лейтенант, я даю вам ровно двадцать секунд.

— Мне хватит и десяти! — гордо заявил тот, направляясь к телефонисту, сидевшему за столом с трубкой полевого телефона в руках.

Капитан, опередив обер-лейтенанта, отобрал у телефониста трубку и попытался что-то объяснить своему начальнику, который гневно обрушился на него с другого конца линии. Похоже, генерала возмутило, что ему пришлось ждать, пока капитан вернётся к телефону. За те несколько секунд, в течении которых капитану пришлось выдержать град генеральской отповеди, обер-лейтенант окинул глазами блиндаж. Один автоматчик у входа внутри, ещё один снару-

жи. За столом телефонист, рядом унтер-офицер, их винтовки стоят в пирамиде в дальнем углу. Значит, в первую секунду оба рванут туда.

— Я не знаю ни о каком шифре! — донёсся из трубки возмущённый голос генерала. — Что за чушь вы несёте? Что у вас там происходит, дьявол вас поberi!

— Мы теряем время, господин капитан, — проговорил обер-лейтенант, бесцеремонно отбирая у капитана трубку. — Алло. Господин генерал, это обер-лейтенант Ключе, секретное подразделение РСХА. У меня приказ фельдмаршала передать вам шифрованное сообщение. Зачитываю: Пять. Восемнадцать. Кронпринц Фердинанд. Тридцать ноль восемь. Четырнадцать. Версаль. Финал, прошу подтвердить получение.

— Что? — На другом конце телефонной линии возникло некоторое замешательство, и обер-лейтенант услышал нервный голос генерала, который обращался к кому-то рядом. — Что всё это значит, чёрт поberi? Шифровальщиков сюда. Немедленно свяжите меня с РСХА и абвером.

Мгновение спустя генерал вернулся к разговору:

— Я вас понял, обер-лейтенант! Приём сообщения подтверждаю. Передайте трубку капитану.

Обер-лейтенант демонстративно вручил трубку капитану и прислушался. Генеральский голос был едва различим:

— Приказываю задержать обер-лейтенанта Ключе. Всех его людей разоружить. Глаз с них не спускать до моего личного указания. Вы всё поняли, капитан?

— Так точно, господин генерал! — отчеканил тот, отдал трубку телефонисту и повернулся к обер-лейтенанту. — Приказ генерала не изменился. Вы задержаны до поступления особых указаний.

— Яволь! — Обер-лейтенант вытянулся во фрунт.

В следующую секунду снаружи зазвучали сирены воздушной тревоги, и полевой телефон разразился трелью зуммера. Подскочивший телефонист снял трубку.

— Бомбардировщики Советов на горизонте!

— Дерьмо! — выругался капитан и приказал: — Телефонуйте всем батареям: приготовиться к отражению воздушной атаки!

Телефонист принялся было вращать ручку электрогенератора, собираясь передать полученный приказ, как вдруг

телефон вновь зазвенел. Телефонист торопливо сорвал трубку, выслушал нервный доклад и выпалил, испуганно глядя на обер-лейтенанта:

— Господин капитан! Солдаты обер-лейтенанта Клюге атаковали наши зенитные батареи!

Капитанская рука рванулась за пистолетом, но было уже поздно. Обер-лейтенант чётко выверенным акцентированным ударом отправил его в нокаут и метнулся к стоявшему у входа часовому, на ходу принимая боксёрскую стойку. Часовой схватился за автомат, но выстрелить не успел. Кулак обер-лейтенанта врезался ему в подбородок, и солдат потерял сознание, выпуская оружие из рук. Обер-лейтенант выхватил автомат у падающего часового, рванул затворную раму и открыл огонь. Очередь срезала телефониста и унтер-офицера, пытавшихся схватить стоящие в углу винтовки, и оба фашиста рухнули на пол, истекая кровью. Ворвавшийся снаружи второй часовой с ходу перечеркнул блиндаж длинной автоматной очередью, но обер-лейтенант оказался быстрее: он рухнул наземь, пропуская поток пуль над головой, и поразил противника одиночным выстрелом в сердце. Патроны нужно было поберечь, бой предстоял тяжёлый.

В трёх тысячах метров над окружённым фашистами блиндажом к району нефтепромыслов приближалось сорок семь советских тяжёлых бомбардировщиков под прикрытием вдвое большего количества истребителей. Устремившиеся им навстречу истребители противника неожиданно обнаружили отсутствие огневой поддержки со стороны прикрывающих направление советского авиаудара зенитных батарей и оказались не в состоянии удержать надвигающуюся армаду краснозвёздной авиации. Будучи в меньшинстве, вражеские истребители быстро потеряли инициативу и вскоре были связаны боем с советскими истребителями. Воздушное сражение, закипевшее на подступах к нефтепромыслам, стало смещаться вглубь укрепрайона, и советские бомбардировщики прорвались к нефтеперерабатывающим предприятиям.

— Вижу нефтеперерабатывающий завод! — Командир тяжёлого четырёхмоторного бомбардировщика с красными звёздами на плоскостях, возглавляющий плотный атакующий строй, докладывал по радиации своему командарму. — Начинаю бомбометание!

— Врежьте им там! — откликнулся в эфире командарм. — За Родину! За Сталина!

Бомбардировочный авиаполк принялся засыпать нефтяные сокровища фашистов смертоносным грузом, и густая сеть строений внизу исчезла в десятках разрывов.

— Есть попадание! — доложил лётчик. — Соппротивление противника не встречаю, продолжаю продвижение вглубь заданного района!

Командующий уничтожением нефтепромыслов советский командарм переключился на частоту истребителей и вызвал командира истребительного полка:

— «Сокол», что у тебя?

— Воюем, товарищ «Первый»! — ответил истребитель. — Противник не ожидал отсутствия огня своих зениток, без поддержки с земли их сил недостаточно для уверенного сопротивления! Бегут, черти полосатые! Мы зажали их со всех сторон! Им сейчас не до бомбардировщиков!

Находившийся на командном пункте офицер со знаками различия полковника Красной Армии негромко спросил:

— Товарищ командарм, что-нибудь слышно о роте старшего лейтенанта Кузнецова?

— «Сокол»! — Командарм вновь вышел в радиоэфир. — Что видишь на земле, в районе позиций немецких зениток?

— Ничего, товарищ «Первый»! — Слова истребителя тонули в треске авиационных пулемётов. — Когда мы приближались, там шёл бой. Сейчас внизу видимость ноль, бомбардировщики всё засыпали, там один сплошной пожар и чёрная копоть, дымная шапка поднялась уже метров на пятьдесят!

— Понял тебя, «Сокол», продолжай работу! — Командарм вышел из эфира и обернулся к полковнику: — Диверсионная рота Кузнецова поставленную ей Родиной задачу выполнила! Всех представляю к награде!

— Выжил бы кто-нибудь... — почти беззвучно прошептал полковник.

— Кто-нибудь выживет! — отрезал командарм. — Остальных наградим посмертно! От этой операции зависит перелом в войне! Мы собрали для неё лучших людей, преданных коммунистов и комсомольцев! Они знали, на что шли! — Тон командарма немного смягчился: — Не дрейфь, полковник! Там сейчас авиаполк утюжит нефтепромысел так, что про-

тивнику не до наших диверсантов! Потери, конечно, будут, но вернётся твоя рота, никуда не денется! Молодцы, мужики! Настоящие герои! Лично каждому руку пожму!

Москва, Научно-исследовательский институт мозга

6 декабря 1939 г.

— Это ещё что такое? — Молотов остановился перед входом в лабораторию и бросил демонстративный взгляд на укреплённую на двери табличку.

Надпись на табличке гласила: «Лаборатория кибернетики».

— Лаборатория кибернетики, товарищ Молотов, — ответил Сеченов.

Ответа на письма, отправленные в Академию наук и Молотову, пришлось ждать больше месяца. Вполне возможно, что ответа не последовало бы вообще, но в дело вновь вмешалась фортуна. С момента начала войны Сталин работал по шестнадцать часов в сутки, затянувшееся переутомление вызвало у вождя народов головные боли, и он пожелал пройти осмотр у Сеченова, отказавшись от услуг прочих врачей, ибо патологически им не доверял.

Сам по себе медосмотр прошёл вполне благополучно. Сеченова привезли в Кремль вместе с массой медицинского оборудования. Телохранители Сталина проверили всё раз двадцать, потом дважды обыскали Самого учёного, после чего он был допущен к проведению осмотра. Как и в первый раз, в ходе медицинских процедур Сеченов применил медтехнику собственного изобретения, основанную на уникальных свойствах полимеров, и ему удалось купировать головные боли вождя полностью. Сталин остался доволен результатами и даже поинтересовался, не требуется ли что советской науке. В ответ Сеченов попросил о снисхождении к Вавилову и Королёву, а также рассказал о создании прототипа водородной ячейки.

Судьба арестованных учёных вождя народов интересовала мало, в ответ на ходатайство он лишь лениво обронил, что партия подумает над этим. А вот открытие в области создания топливного элемента Сталин воспринял благосклонно. И даже поручил Молотову лично выяснить под-

робности. Почему данное поручение было дано председателю Совнаркома, а не наркому промышленности, например, или руководителю Академии наук, оставалось загадкой, но для проекта так было даже лучше.

В назначенный день в НИИ мозга вместе с Молотовым явилась целая делегация, состоящая из научных и кремлёвских чиновников высоких уровней. Все, как один, демонстрировали заинтересованность в бурном развитии советской науки, особенно тех её отраслей, которые могли бы помочь СССР одержать победу в войне, оказавшейся совсем не столь простой, как это ожидалось поначалу.

С первого же шага, сделанного комиссией по институту, стало ясно, что все её представители, как один, смотрят в рот Молотову и если даже имеют собственное мнение, то вряд ли станут противопоставлять его мнению председателя Совнаркома. Поэтому все объяснения имело смысл давать только Молотову, и на остальных членов комиссии Сеченов даже не смотрел. Однако Молотов не являлся ни техническим, ни научным специалистом, и Сеченов всерьёз опасался, что председатель Совнаркома попросту не сможет осознать всю глубину открывающихся перед наукой перспектив и не сумеет дать их открытию реальную оценку. Первая же реакция Молотова подтвердила небеспочвенность этих опасений.

— Я умею читать, товарищ Сеченов! — Молотов укоризненно нахмурился. — И мне известно, что такое кибернетика! Это роботы, не так ли? А у вас здесь медицинский институт, живущий на деньги советского государства! И какое же отношение кибернетика имеет к нейрохирургии?

Взгляды членов комиссии, направленные на Сеченова, немедленно преисполнились молотовской укоризны, и учёный подавил тяжёлый вздох. Его удручал тот факт, что, хотя большинство чиновников в сути вопроса и были гораздо более сведущи Молотова, их больше волновала не судьба науки и не перспективы, открывающиеся перед человечеством, а всего лишь собственная выгода, карьерный рост и возможность упрочить своё положение в обществе. В обществе, которое обществом-то можно назвать исключительно потому, что иных альтернатив объединения людей не имелось. Пока не имелось.

— Непосредственное, товарищ Молотов! — Сеченов не стал тратить времени на пустые споры и перешёл к делу. —

Самое непосредственное! Достижение настоящих высот в кибернетике невозможно без выведения роботов на уровень тесного взаимодействия с человеком, на уровень самостоятельности машин, позволяющей роботу решать сверхсложные задачи, которые, в свою очередь, ему будет ставить человек! Для эффективности подобного взаимодействия необходимо добиться фактически мысленного единения человека и машины. А достичь подобного результата без изучения тайн головного мозга невозможно! Именно нейрохирургия есть ключ к истинной кибернетике! Более того, я и мои соратники считаем кардинальной ошибкой отделять науки друг от друга! Настоящий прогресс лежит именно на стыке фундаментальных наук, ибо именно так устроена природа, в ней всё взаимопереплетено: физика, химия, биология, математика, — ничто в природе не существует отдельно!

— Очень познавательный доклад, товарищ Сеченов! — В голосе Молотова прибавилось укоризны. — Теперь же прошу вас приступить к сути вопроса! Покажите нам, что вы оправдываете доверие, оказанное вам товарищем Сталиным!

— Прошу зайти внутрь. — Сеченов спрятал эмоции и распахнул двери лаборатории.

В конце концов, Молотов был прав: слова потом, сперва дело. В отличие от подобострастно топчущихся вокруг него карьеристов председатель Совнаркома не мог быть таким же, как они, по определению: он занимал одну из высших должностей, находился на вершине карьеры, мышинная борьба за положение в обществе ему была не интересна. На таком уровне лидеров могло занимать только настоящее и будущее страны, которой они управляют. Так что скепсис Молотова был вполне объясним.

— Здравствуйте, товарищи! — Молотов окинул взглядом собравшихся в лаборатории учёных.

Чтобы не подвергать риску друзей в случае, если комиссия сочтёт проект саботажем против советской власти, мощеннической попыткой выудить из бюджета страны огромные деньги, способом вытащить из тюрьмы врагов народа или ещё чем-либо, что в это тягостное время могло произойти запросто, Сеченов собрал в лаборатории минимум учёных. Филимоненко, Захаров да он сам — вот и весь научный коллектив, призванный продемонстрировать предсе-

дателью Совнаркома топливную ячейку и открываемые ею перспективы. На всякий случай было решено отказаться даже от услуг лаборантов, благо все работы, включая механику, за прошедшие годы приходилось проделывать самостоятельно не одну сотню раз.

Филимоненко с Захаровым поздоровались в ответ, тут же попав под обстрел суровых взглядов молотовской свиты, и Сеченов приступил к демонстрации:

— Открытие, сделанное нашей научной группой, находится в зачаточном состоянии и требует массы доработок, но уже сейчас можно довольно чётко и ясно представить хотя бы некоторые возможности, которые открывает перед страной и наукой наше изобретение. Алексей Петрович, прошу вас!

Сеченов посмотрел на Филимоненко, и тот щёлкнул рубильником, запуская лабораторный стенд. В ёмкости с полимером тихо зашипела полимерно-водородная реакция, и расположенная над выходным каскадом электролампа ярко вспыхнула.

— В настоящий момент вы видите работу водородной ячейки, — объяснял Сеченов. — Данный топливный элемент создаёт электрический ток из воздуха. Если быть точнее, специальный вид полимеров выделяет из воздуха водород, другой специальный вид полимеров вступает с ним в химическую реакцию, третий специальный вид полимеров переводит сопровождающее данную реакцию выделение теплоты в электричество и так далее. Подробный механизм происходящего сложен и для его понимания требует высокого уровня знаний в нескольких областях науки. Смысл же его прост: полимеры поглощают содержащийся в воздухе водород, взамен выделяя энергию и водяной пар в качестве отходов.

— Сомневаюсь, что это не мистификация! — заявил кто-то из комиссии.

— Можете убедиться лично. — Сеченов сделал приглашающий жест в сторону лабораторного стенда. — Наша водородная ячейка существует пока в единственном экземпляре, и он собран на этом стенде. Как видите, электричество к нему не подключено. Никаких проводов нет. Аккумуляторов тоже. Лампочка горит за счёт функционирования топливного элемента, работу которого легко проследить от первого до последнего каскада.

Несколько членов комиссии поспешили убедиться в правдивости сказанного, с подозрением обходя лабораторный стенд вокруг в поисках скрытых проводов или источников питания, но опровергнуть слова учёного так и не смогли.

— А это что за провода в таком случае? — Молотов указал на лежащий на полу возле стенда электрический кабель с клеммами на конце.

— Соединительный кабель, он нужен для демонстрации следующего этапа, — объяснил Сеченов, поднял кабель и подключил клеммы к выходному каскаду водородной ячейки. — Сейчас по этим проводам я подам электрический ток на робота. Это тоже опытная модель в единственном — очень надеюсь, что *пока* в единственном, — экземпляре.

Сеченов кивнул Филимоненко, и тот подошёл к устройству, стоявшему в углу и отдалённо напоминавшему детский четырёхколёсный велосипед, на котором вместо сиденья и пассажира было укреплено подобие строительного крана. Вместо крюка для груза его стрела заканчивалась тройным манипулятором, похожим то ли на металлические пальцы, то ли на щупальца.

— Это и есть робот? — усмехнулся всё тот же представитель комиссии.

— Да, это он и есть, — невозмутимо подтвердил Сеченов. — Мы сделали его своими руками, полукустарным способом, из имевшихся в наличии небогатых материалов. В действительности для этого устройства необходимо создать ряд специальных сплавов, разработки которых нами ведутся. Новые уникальные сплавы позволят сделать робота любым, в зависимости от нужд советской промышленности. При необходимости он может ходить на двух ногах и иметь внешний вид человека. Но это потребует массы исследований и усовершенствований, ведь способность держать равновесие, стоя на двух ногах, есть уникальное свойство головного мозга прямоходящих. Изучение этой области позволило нам сделать несколько интереснейших открытий, хотя мы, вне всякого сомнения, находимся лишь в самом начале пути.

Сеченов указал на Филимоненко, который подключал к роботу два каких-то устройства.

— Сейчас Алексей Петрович подключает к роботу пульты управления. В идеале настоящему роботу не потребуют-

ся все эти метры проводов, потому что серийная топливная ячейка будет иметь размер буханки хлеба и располагаться внутри робота, а все команды робот будет принимать по радио, равно как и отправлять по радио отчёты о своей деятельности. На создание всего этого требуются средства, а их нет. Поэтому мы были вынуждены ограничиться проводами. Алексей Петрович, Харитон Радеоныч, запускайте!

Филимоненко протянул Захарову один из пультов, учёные принялись нажимать на кнопки, управляя роботом. Четырёхколёсная конструкция поехала, бодро объезжая мебель и громоздкое научное оборудование.

— Товарищи, посторонитесь! — Сеченов повысил голос, и комиссия расступилась.

Робот деловито проехал мимо Молотова. Добравшись до закрытой двери, робот своей трёхпалой рукой открыл замок, повернул дверную ручку и распахнул дверь. Затем ловко переехал через порог, оказываясь в коридоре, развернулся и вернулся обратно, подкатив к Сеченову. Тот встал ногами на его платформу, держась за наскоро приваренный поручень, и робот покатил дальше вместе со стоящим на нем учёным.

— Как видите, робот может заменить человека во многих областях, — продолжил Сеченов, стоя на двигавшемся роботе. — При тушении пожаров, под водой, в условиях сильных морозов, в глубоких шахтах, угольных разрезах, в сталелитейных цехах и так далее. И всё это не требует нефтепродуктов и сопутствующих им проблем. При правильном научном подходе себестоимость таких роботов будет значительно меньше, нежели себестоимость уже имеющихся машин и оборудования...

— Как робот сможет участвовать в войне? — перебил его Молотов. — В своём письме вы указали, что ваши машины смогут заменить солдат на поле боя.

— Так и есть, — подтвердил Сеченов. — Боевой робот может превосходить по своим возможностям танк или самолёт многократно. Он дешевле, может нести больше вооружения, не требует нефтепродуктов, а главное, не требует живого экипажа, так как будет управляем на расстоянии. Солдатам больше не придётся гибнуть в боях!

— Не требует нефтепродуктов... — задумчиво повторил Молотов.

— И он более функционален, — напомнил Сеченов. — Харитон Радеоныч, будьте любезны, подайте товарищу Молотову нарзана.

Орудовавший пультом Захаров нажал на несколько кнопок, и робот подкатил к лабораторному столу, на котором стояли стакан и бутылка нарзана. Металлическая рука аккуратно взяла бутылку, наполнила стакан, вернула бутылку на прежнее место и подняла наполненный стакан. Затем робот подкатил к Молотову и протянул стакан ему. Из толпы членов комиссии немедленно вынырнул крепкий человек в штатском, отобрал у робота стакан, с подозрением во взгляде принялся к нарзану, после чего сделал глоток и замер, ожидая последствий. Не обнаружив в нарзане яда, телохранитель так же молча отступил назад и скрылся среди членов комиссии вместе со стаканом.

— Насколько он прочен? — поинтересовался Молотов. — Если в него попадёт пуля, он сломается и мы получим дорогой металллом?

— Боевых роботов можно снабдить бронёй, — ответил Сеченов. — Наши новые сплавы позволят сделать её гораздо прочнее нынешней. Но даже в таком виде железный робот прочней человека.

Сеченов сошёл с робота, направился к стоявшему у стены верстаку и взял массивный газовый ключ, затем вернулся к роботу, неумело размахнулся и ударил его ключом по корпусу. Робот как ни в чём не бывало объехал его по кругу.

— Товарищи, — Молотов посмотрел на Филимоненко с Захаровым, — поставьте робота в тот угол! — Он указал на угол рядом с верстаком.

Учёные выполнили приказ, и председатель Совнаркома обернулся к телохранителю в штатском:

— Товарищ майор, попробуйте застрелить эту машину.

Телохранитель достал из спрятанной под пиджаком кобуры револьвер, сделал шаг вперёд, убедился, что никто не пошёл за ним следом, и принялся стрелять, целя в центр робота. Выстрелы один за другим больно били по ушам, заставляя всех вздрагивать, и Сеченов вздохнул, представляя, что сейчас думают сотрудники НИИ, находящиеся за стеной в соседней лаборатории. Тем временем офицер в штатском выпустил в робота весь барабан и прекратил огонь. Пули пробили роботу кожу, несколько застряли внутри, пара прошла навывлет

и увязла в кирпичной стене. Сеченов, морщась от звона в ушах, сделал жест своим друзьям. Те вновь принялись нажимать на кнопки, и издырявленный робот покатиł прямо на телохранителя. Тот испуганно отпрянул, и робот проехал мимо.

— Пули не задели важных узлов робота, — констатировал Сеченов. — Так что даже в таком виде машина более живуча, нежели солдат. К тому же подбитого робота можно починить. И займёт это несравненно меньше времени, чем потребуется для лечения раненого, в которого попало столько пуль. Если ему посчастливится выжить после такого расстрела.

— Это достижение советской науки принесёт Коммунистической партии и Советскому Союзу очевидную пользу! — вынес вердикт Молотов. — Завтра Наркомат обороны и Наркомат промышленности получают соответствующие распоряжения. Даю вам неделю. Подготовьте сметы, требующиеся для начала пробного производства. Вы получите необходимое финансирование и полную поддержку для изготовления опытных образцов боевых роботов. Через месяц вы должны представить их специальной комиссии Государственного комитета обороны для демонстрации военных возможностей.

— Но, товарищ Молотов! — опешил Сеченов. — Месяц — это абсурдный мизер! Этого совершенно недостаточно! Нам предстоит масса работы!

— Идёт кровопролитная война, товарищ Сеченов! — осадил его Молотов. — Каждый день на фронте гибнут советские солдаты! Так что позаботьтесь о том, чтобы уложиться в указанный срок и оправдать оказанное вам доверие!

Председатель Совнаркома смерил его холодным взглядом и покинул лабораторию. Партийные и правительственные функционеры поспешили следом. Оставшиеся внутри представители Академии наук, пять минут назад обжигавшие Сеченова холодными укоризненными взглядами, а ныне восплававшие тёплыми улыбками лучших друзей, наперебой бросились поздравлять его с грандиозным успехом, в котором они, разумеется, ни минуты не сомневались.

Отходившие от наркоза нервы тупой болью отзывались на каждое движение, и Кузнецов старался лишний раз не шевелиться. Военврач обещал, что это крайняя операция,

после которой ему останется лишь отдохнуть, восстановиться и снять швы. А там можно и возвращаться в строй. Старый седой хирург даже заявил, что выпустит его из госпиталя до Нового года и выхлопочет у начальства для раненых бойцов небольшой отпуск на праздники.

— Съездишь домой на Новый год, порадуешь родителей! — по-отечески улыбался седой военврач, осматривая перед финальной операцией недавний шов, протянувшийся через всю щёку Кузнецова. — Хороший у тебя организм, сынок, швы быстро затягиваются.

— У меня нет родителей, товарищ военврач первого ранга, — ответил Кузнецов, медленно произнося слова. — Умерли ещё в тридцать пятом.

Зашитая щека была словно деревянная, слушалась плохо, говорить было нелегко.

— Ничего, найдёшь, чем в отпуске заняться! — отмахнулся седой хирург. — Главное, что руки-ноги целы и голова в порядке! Остальное приложится! Деваху себе подыщешь!

— Какие девахи... — медленно возразил Кузнецов. — Война идёт...

— Война войной, а детишек настругать не забывай! — назидательно заявил ему военврач. — Для кого Родину защищаем? Для детей! Иначе кому коммунизм строить?

— С такой щекой... — Кузнецов болезненно поморщился, — кто на меня посмотрит...

— Не робей, сынок, швы снимем — лицо на поправку пойдёт! Все девочки на тебя заглядываться станут! Шрамы украшают мужчину! — Он бросил короткий взгляд на ассистента: — Хлороформ!

Удушливая маска перекрыла ему дыхание, и сознание поплыло куда-то в мутный полумрак, оказавшийся фашистским блиндажом, и вокруг вновь сухо затрещали характерные очереди немецких пистолет-пулемётов. Кузнецов опрокинул стол телефониста, устраивая себе в тесном пространстве хоть какое-то укрытие, и броском залёг за ним, вжимаясь в земляной пол. Снаружи в блиндаж полетели гранаты, несколько взрывов ударили один за другим, вспарывая острой болью барабанные перепонки. В ушах зазвене-ло, отражаясь в мозгу жестокой резью, зрение помутилось, контуженное сознание затуманилось.

Следующие двадцать секунд или двадцать минут Кузнецов стрелял в немецких солдат, врывающихся в блиндаж, вышвыривал обратно влетающие снаружи гранаты, снова прятался за перевёрнутым стволом, вновь стрелял... Резь и звон в ушах превратились в бесконечный монотонный вой, через который не пробивались иные звуки, и он не сразу понял, что немцы уже не штурмуют блиндаж. Никто более не кидал внутрь гранаты, но земля подпрыгивала, содрогаюсь, и в раскрытую дверь не было видно ничего, кроме заполонившего всё вокруг чёрного дыма вперемешку с взлетающим в воздух земляным крошевом, озаряющимся вспышками разрывов.

Потом он бежал куда-то по немецким траншеям, спотыкаясь и перепрыгивая через германских солдат, в ужасе вжавшихся в землю под безжалостными ударами советских авиабомб; продирался через дымящиеся раскалённой землёй воронки к позициям зенитных батарей, собирал то, что осталось от диверсионной роты, и вёл за собой через непроглядную завесу из дыма и копоти, затмившую небо и заполонившую воздух. Путь к спасению лежал через минное поле, и он пошёл первым, ведя за собой уцелевших бойцов. Согласно плану операции, один из бомбардировщиков должен был сбросить бомбы на засеянное минами пространство точно в районе ворот, пробив через минное поле брешь, через которую советские диверсанты смогут отступить.

Но из-за массивированной бомбардировки укрепрайон накрыло густой дымной шапкой, день стал ночью, и увидеть, пробита ли брешь на самом деле, оказалось невозможно. Кузнецов приказал уцелевшим бойцам двигаться за ним в колонну по одному, не теряя друг друга из вида, и пошёл первым. В крошечном дыму он раз двадцать падал в горячие воронки, всякий раз радуясь падению, ибо если нога наступила в воронку, то вероятность наступить на мину резко снижалась. Ему почти удалось вывести остатки роты за пределы укрепрайона, но в полусотне шагах от леса его везение закончилось.

Как только он вышел из зоны задымления, кто-то из советских лётчиков в небе над нефтепромыслом заметил группу солдат в форме вермахта, пытающихся добраться до лесной опушки, и пара краснозвёздных истребителей зашла на боевой разворот, стремясь не дать фашистам уйти. Ави-

ационные пулемёты открыли огонь, пришлось забиваться в воронки, спасаясь от пуль своих же самолётов, и что есть силы бежать к лесу, пока прошедшие над головой истребители разворачивались для следующей атаки. У самого края минного поля кто-то из солдат наступил на фугас, не сдетонировавший от бомбового удара, и в двух шагах от Кузнецова полыхнул мощный взрыв, сметая его раскалённым ударом.

Он смутно помнил, как бойцы тащили его куда-то бегом через лес, вокруг густо свистели пули, яростно срезая ветви и насквозь пронзая древесные стволы; потом кто-то перевязывал ему голову, ставшую неимоверно тяжёлой, словно залитой свинцом; затем сознание угасало и вновь возвращалось. Его вновь тащили куда-то через ночную чащу, объятую пожаром где-то позади, затем было какое-то пустынное шоссе, сигнальные ракеты, взлетающие в усыпанное звёздами небо, и рокот авиационного мотора, негромко гудящего где-то в небесной выси...

Потом госпиталь, операции, больничная койка, снова операции... Боль от отходящего наркоза, поначалу жестокая, стала привычной, и сейчас, испытывая её в который уж раз, он подумал, что не помнит точно, когда именно к ней привык.

— Кузнецов? — Знакомый голос пробился через тупую резь в возвращающей себе чувствительность нервной системе. — Ты меня слышишь?

— Так... — Кузнецов облизнул сухие губы, — ...точно, товарищ полковник. — Он открыл глаза, и застилающая взор муть обрела резкость, становясь замначальника разведотдела армии. — Ваше приказание... — слова после наркоза давались с трудом, — ...выполнено...

— Знаю, что выполнено, старший лейтенант! — Полковник сжал ему руку. — Молодцы! Герои! Отлично сработано!

— Нефтепромысел... — Кузнецов болезненно зажмурил и открыл глаза, — уничтожен?

— Нет больше нефтепромысла! — ободряюще заявил полковник. — Немцы уже месяц сидят без топлива! Мы вышвырнули их с левого берега Вислы! Теперь они бегут к Одеру, рассчитывают закрепиться там! Посмотрим, как их хваленые танковые клинья и люфтваффе сумеют удержать побережье с пустыми баками! Поздравляю тебя, старший

лейтенант, теперь ты кавалер ордена Красной Звезды! Верховный главнокомандующий товарищ Сталин лично подписал приказ о вашем награждении!

— Мои... бойцы... — Кузнецов поднял голову, заглядывая полковнику в глаза. — Сколько их уцелело?

Полковник помрачнел, и торжествующая улыбка сползла с его губ.

— Два десятка солдат и командир первого взвода, — сумрачно ответил он.

— И всё?.. — Кузнецов опустил голову на подушку и закрыл глаза.

— Прости, сынок... — тихо произнёс полковник, на мгновение умолкая. — Родина их не забудет...

— Я хочу вернуться в строй. — Кузнецов вновь посмотрел на полковника. — На передовую. Хочу сражаться с фашистами.

— Успеешь ещё на передовую, — недовольно нахмурился тот. — А к гитлеровцам в тыл кто ходить будет? Резидентуру в Германии кто поддержит, если что-то пойдёт не так? На передовую он собрался! Ты здесь нужнее!

— Я же у вас не один. — Кузнецов машинально попытался скривиться, но из-за зашитой щеки ухмылка вышла злобной гримасой. — Устал я от этого. Надоело фашистом прикидываться. Сначала в Испании, теперь тут... Хочется в бой.

Секунду полковник молча смотрел ему в глаза, потом негромко ответил:

— Знал бы ты, как я устал... — Он спрятал тяжёлый вздох. — Ничего, война закончится — отдохнём. А пока мы с тобой сражаемся там, где от нас больше пользы! — Полковник поднялся. — Поправляйся, Кузнецов. После выписки получишь краткосрочный отпуск на неделю — и назад. Сейчас каждый опытный разведчик на счету!

— Мне не нужен отпуск. Прошу вернуть меня в строй сразу после госпиталя.

— Я поговорю с врачами, — пообещал полковник. — Не вешай нос, Кузнецов! Война только началась. Не время унывать, ты же коммунист и офицер! Чтоб я тебя таким больше не видел! Ты понял?

— Так точно, товарищ полковник, — устало ответил Кузнецов, закрывая глаза.

Полковник вышел из палаты, осторожно закрыл за собой дверь и неслышным шёпотом произнёс:

— Спи сынок. Снова тебе повезло. Не иначе в рубашке родился.

Он развернулся и направился прочь по госпитальному коридору, машинальным жестом отвечая на воинское приветствие взявших под козырек встречных солдат.

Подмосковный полигон в Кубинке, зона испытаний бронетанковой техники

Январь 1940 г.

Порывы сильного ветра подхватывали сыплющийся с неба мелкий густой снег, превращая снегопад в пургу, и потоки снежного крошева мчались по заснеженной пустоши полигона, яростно врезаясь в бетонные стены командного пункта. В узких окнах КП, оборудованных перископами и установленными на треноги мощными биноклями, завывания ветра превращались в характерный свист, свойственный ледяным зимним вьюгам, отчего холодное помещение КП казалось ещё более промёрзшим. Укутанный в толстый тулуп Сеченов поёжился. Январь выдался на редкость студёным, неожиданно ледяная погода стояла даже в Москве, а в Подмосковье термометры кое-где и вовсе заиндевели на отметке в минус сорок.

Собравшаяся для испытаний боевых роботов правительственная комиссия, наглухо укутанная в такие же массивные тулупы, толстенные валенки и меховые шапки-ушанки, состояла из представителей сразу нескольких наркоматов. Главными заинтересованными лицами выступали представители потенциального заказчика — Наркомата обороны, по этой причине армейских офицеров на наблюдательном пункте было больше прочих. Незадолго до испытаний ходили слухи, что на испытаниях будет присутствовать лично товарищ Сталин, но, говорят, его охрана заявила категорический протест, и вождь народов отменил запланированную поездку.

Однако и без Верховного главнокомандующего состав комиссии был более чем внушителен. Все были наслышаны о невероятных показателях, продемонстрированных боевыми роботами в ходе цеховых испытаний, и правительственная комиссия ожидала увидеть сейчас едва ли не чудеса

военного дела. Для этих целей военные доставили на полигон пять танков Т-34, это новейшая модель танка, революция в танкостроении. Говорят, сам Сталин назвал её «ласточкой советских бронетанковых войск», настолько он остался доволен этой боевой машиной. Неудивительно, что сегодня военные хотят увидеть решительное превосходство боевых роботов над новейшими танками, иначе убедить их проглотить за роботов вряд ли окажется возможным.

— Танки на исходных позициях, товарищ председатель Совета народных комиссаров! — доложил Молотову офицер в папаше и шинели с петлицами командарма второго ранга, руководящий военными, доставившими на полигон «тридцатьчетвёрки».

— Хорошо, товарищ командарм, — ответил Молотов и обернулся к Сеченову: — Вы можете начинать, товарищ Сеченов!

Сеченов покрутил рукоятку полевого телефона и снял холодную, как лёд, трубку:

— Слушаю, Дмитрий Сергеевич! — В трубке зазвучал голос Челомея.

— Запускайте роботов, Аркадий Михайлович! — Сеченов не стал вешать трубку и посмотрел в узкое окно, не отрывая её от уха.

По предложению военных, испытания боевых роботов разделили на три этапа: ходовые испытания, боевые стрельбы и учебный бой роботов против танков и пехоты. Первый этап, в котором боевые роботы должны были продемонстрировать способность передвижения на местности и преодоления различных препятствий, начался. Здесь никаких сложностей не ожидалось, даже необычно холодная для Подмосковья погода не являлась помехой для новых машин. Однако каждый из коллег Сеченова очень волновался, и вдвойне оттого, что от успеха испытаний зависел не только проект, но и судьба Вавилова и Королёва.

— Роботы пошли! — сообщил Челомей, и Сеченов прильнул к окулярам стационарного бинокля.

Многочисленная комиссия последовала его примеру, и сразу несколько военных подняли трубки своих полевых телефонов, устанавливая связь с действующими в поле офицерами танковых и пехотных подразделений. Спустя несколько секунд командарм произнёс:

— Вижу роботов! В количестве двух штук! Приближаются к полосе препятствий!

— Это прототипы тяжёлой техники, — объяснил Сеченов. — Всего роботов пять. Два тяжёлых: один на колёсном ходу, второй на лапах. И три лёгких, имитирующих пехоту. С этого расстояния они будут напоминать металлических собак. Поставить их на две ноги всего лишь за месяц было невозможно, но в этом и смысла не имелось. Четвероногая машина имеет на порядок большую эффективность в сравнении с человекообразной конструкцией.

— Сейчас увидим, — ответил командарм. Тон военного был нейтрален, но не нёс в себе предубеждённого скепсиса, и Сеченов отметил про себя, что это не самое плохое начало. Однозначно лучше, чем был у Молотова в тот памятный визит самой первой комиссии в их институтскую лабораторию.

Двигающихся по полосе препятствий тяжёлых роботов стало видно в стационарный бинокль, и Сеченов подкрутил верньер окуляров, наводя резкость. Роботы шли один за другим, как и было оговорено. Первым двигалась колёсная модель. Трёхосная платформа длиной с танк имела втрое более массивные стальные колёса и при этом была на метр ниже Т-34. В основном потому, что не имела отсеков для экипажа, а техническое зонирование не требовало столь ёмких пространств. Расположенная на платформе конструкция не превышала в высоту пятидесяти сантиметров и несла на себе две уменьшенные вдвое танковые башни с пушками калибром в три дюйма, аналогичными орудия Т-34.

Конструкция второго тяжёлого робота была более экзотической: широкая приземистая платформа размещалась на двух массивных птичьих лапах, была закрыта бронёй, выставленной под углами, максимально оптимальными для рикошета вражеских снарядов, и имела всего одно орудие. Крупное, длинное и сложносоставное, почти ничем не похожее на танковую пушку. Судя по взглядам военных, внимательно разглядывающих в оптические приборы обоих роботов, и та, и другая машина вызвала у них определённый интерес.

— Скорость мне нравится, — задумчиво произнёс командарм, не отрываясь от перископа. — Сколько там?

— Сорок четыре километра в час, товарищ командарм! — немедленно доложил один из офицеров с телефоном в ру-

ках. — Наблюдатели сочли по мерным вешкам, выставленным вдоль полосы препятствий!

— Сорок четыре по пересечённой местности? — повторил командарм. — Очень хорошо!

— Это не предел, — объяснил Сеченов. — Я бы сказал, это минимум, доступный нам прямо сейчас. При полноценной реализации проекта скорость можно гарантированно поднять вдвое у колёсной модели и втрое — у ходячей.

— Хмм... — протянул командарм, невольно покосившись на Сеченова. — Звучит неправдоподобно. Но если это действительно так, ни у кого в мире нет ничего подобного даже близко. — Он вернулся к перископу: — А ведь хорошо идут, стервецы!

Роботы и впрямь преодолевали препятствия легко и без видимых усилий. Крупные колёса первой модели не увязали в снегу и за счёт независимых систем креплений запросто переезжали метровые преграды и поднимались по крутым уклонам, незначительно сбавляя ход. Модель на лапах и вовсе перешагивала, запрыгивала или перепрыгивала препятствия, не сбрасывая скорости, вследствие чего вырвалась вперёд. Лёд, заполненные снегом рвы, узкие мосты, канавы, пни и прочее обе машины миновали запросто и углубились в рощу.

Насколько хорошо роботы идут по лесу, было видно не так отчётливо, но среди деревьев были заранее размещены наблюдатели с полевыми телефонами, и военные получали от них доклады непосредственно по ходу продвижения машин среди деревьев.

— Колёсный танк едет по кочкам как по ровной дороге, — сообщил офицер, поддерживавший телефонную связь с лесом. — Там, где не может проехать, достает пилу и очень быстро спиливает дерево. На это уходит всего минута.

— По минуте на каждое дерево? — с сомнением прищурился командарм.

— Мы посчитали, что ломать деревья — это вандализм, — вздохнул Сеченов. — К тому же полноценная модель будет значительно мощней. Она сможет ломать деревья, аналогичные по толщине тем, которые может ломать ваш танк. Но те деревья, которые танк сломать не сможет, станут для него преградой. Робот же имеет возможность их спилить.

— Спорный подход! — заявил кто-то из военных.

— А мне нравится! — неожиданно отрезал командарм. — Этой пилой быстрее, чем вручную, можно свалить пару деревьев и, сделав засеку, преградить путь противнику. Можно также набросить поверх маскировочную сеть и замаскировать среди них танк. С ходу, за несколько минут подготовить засаду.

— Вообще, мы склоняемся к мысли, что шагающие роботы будут более эффективны, — уточнил Сеченов. — Товарищи Челомей, Филимоненко и Лебедев, являющиеся авторами основной идеи, считают эту перспективу интереснее.

— Что там с шагающей машиной? — Командарм обернулся к одному из офицеров.

— Она уже вышла из леса, товарищ командарм! — доложил тот.

— Как это — уже вышла из леса? — удивился командарм, торопливо поворачивая перископ в нужную сторону. — Так быстро? Товарищ Сеченов, телефонируйте своим людям, пусть проведут его через лес ещё раз. Я должен увидеть, как это происходит!

Шагающего робота прогнали через лес дважды, и командарм не смог скрыть довольной улыбки, наблюдая за тем, как ловко тот обходит деревья, буквально прокручиваясь между стволов там, где его габариты не позволяли пройти свободно.

— Полноценная модель будет иметь динамическое шасси. — Сеченов старался объяснить то, что не было возможности реализовать в опытных моделях. — Ходовая часть сможет сжиматься, словно гармонь, чтобы пройти в узком месте.

Ходовые испытания продолжались ещё час, и военные остались более чем довольны результатами. Затем пришло время боевых стрельб.

— Ну, товарищ Сеченов, — под впечатлением от первого этапа, командарм находился в приподнятом настроении, — покажите, на что способны ваши детища! Мы не пожалели для этого настоящие танки!

Он отдал приказ, и на отведённые под мишени позиции выехала пара танков, и их экипажи торопливо покинули боевые машины.

— Слева Т-34, — объяснил один из офицеров. — Средний танк. Лучше этой машины в мире нет! Справа — КВ-1,

«Константин Ворошилов», тяжёлый танк с отличной бронёй. На сегодня это лучшее, что у нас есть!

— Начинайте, Дмитрий Сергеевич! — Командарм настолько увлёкся испытаниями, что забыл о том, что комиссию возглавляет товарищ Молотов. Но председатель Совнаркома отнёсся к этому с пониманием, что Сеченова порадовало. Хотя бы высшее руководство СССР не больно карьеризмом и ратует за благо страны. Это не может не радовать.

Сеченов вновь покрутил ручку электрогенератора полевого телефона, соединяясь с Челомеем, и произнёс в трубку:

— Аркадий Михайлович, стреляйте, будьте добры!

Услышав такую команду, командарм невольно ухмыльнулся и поспешил прильнуть к окулярам своего перископа. Шагающий робот повернул орудие в сторону КВ-1, составные элементы его пушки коротко сверкнули электрическим импульсом, и орудие издало негромкий резкий хлопок, тут же сменившийся грохотом преодоления звукового барьера.

— Етить твою мать!!!! — Командарм чуть не подпрыгнул на месте. — Башню сорвало к чёртовой бабушке! Не может быть! Это же КВ-1!

— Видимо, мы подали на орудие слишком много энергии. — Сеченов всмотрелся в отлетевшую от танка башню. — Для более рационального подхода требуются дополнительные эксперименты!

— Товарищ командарм! Башню прошило насквозь! Броня проломана, словно ломом продырявили! — доложил один из офицеров-телефонистов.

— Вот это пушка! — Командарм невольно потёр руки, давно забыв о царящем вокруг морозе. — И вспышки от выстрела нет! Не будет демаскировать ночью! Товарищ Сеченов, а ну, давайте ещё раз!

— К сожалению, второй раз робот выстрелить не сможет, — произнёс Сеченов.

— То есть как?! — опешил командарм.

— Это экспериментальное орудие, сконструированное по принципу Гаусса, который силами нашей когорты удалось усовершенствовать, — попытался объяснить Сеченов. — За столь короткий срок мы смогли сделать его только в таком виде. Это одноразовая модель. Чтобы выстрелить второй раз, её необходимо доставить в заводские условия, разобрать и пересобрать заново.

— Что?! — непонимающе нахмурился командарм.

— Полноценная модель будет стрелять часто! — заторопился объяснить Сеченов. — Но для её изготовления необходимо построить специальный завод, и даже два...

— В прошлом месяце, — перебил его Молотов, — в вашем распоряжении было целых три завода: сталелитейный, машиностроительный и танкостроительный. Так что же вам помешало?

— Это не просто пушка на металлических лапах! — Сеченов изо всех сил старался донести суть до всех присутствующих. — Это уникальная технология, которой нет в мире! Она требует создания уникальных сплавов, для производства которых необходимо выстроить столь же уникальный сталелитейный завод, созданный по абсолютно новой технологии, и такой же машиностроительный завод...

— Думаю, можно попробовать... — Ставший серьёзным командарм посмотрел на Молотова. — Сколько потребуется времени для строительства двух заводов?

— Прошу меня простить, но... — вклинился Сеченов, — эти технологии требуют доработки и доработки. Нужны значительные средства и, главное, значительные мощности, в том числе вычислительные, научные и инженерные...

— Сколько времени потребуется? — Командарм пронзил его суровым взглядом.

— Я всё указал в описании проекта... — начал было Сеченов, но Молотов не дал ему закончить, заявив:

— Два ВВП страны и три года до первых результатов.

Секунду командарм сумрачно смотрел на учёного, после чего произнёс, указывая на стоящую в стороне четверку Т-34:

— За год только на одном танкостроительном заводе изготовят тысячу таких танков. А у нас таких заводов шесть. И каждый день на фронте нужна эта тысяча. Вы сможете произвести для Красной Армии хотя бы сто таких роботов к лету?

— Это невозможно, — опешил Сеченов, — поймите, товарищи, это не просто вопрос строительства пары новых заводов, это создание целого спектра уникальных технологий, которые до сих пор миру известны либо сугубо теоретически, либо неизвестны вовсе...

Командарм перебил его требовательным жестом и холодно сказал:

— Покажите нам, что ещё у вас есть, товарищ Сеченов.

Сеченов подавил тяжёлый вздох и произнёс в трубку, которую продолжал сжимать в руке:

— Аркадий Михайлович, стреляйте ещё.

Колёсный робот с двумя танковыми пушками принялся стрелять по Т-34. Военные изучили результаты, и командарм подвёл итоги:

— Хотя это и наши обычные семидесятишестимиллиметровые орудия, но две пушки лучше, чем одна. Плюс проходимость. Не требуется дизтопливо. Высота меньше, а стало быть, противнику будет труднее целиться. Толк в этом есть.

Настала очередь робопехоты. Тройка стальных собачьих образных механизмов с укреплёнными на спинах пулемётами быстро преодолела полосу препятствий, вышла на огневые позиции и отстрелялась по мишеням.

— Скорость и проходимость отличные, — подытожил командарм, — пулемёты наши, их плюсы и минусы хорошо известны. А стреляют эти собаки не хуже советских пулемётчиков.

Он снова перевёл взгляд на Молотова:

— Если колёсный танк и пулемётные псы выдержат бой с красноармейцами, то их можно будет производить для нужд фронта.

— Тогда начинайте бой, товарищ командарм! — приказал Молотов.

Командарм отдал соответствующие распоряжения, и испытательный бой начался. Согласно его условиям, боевые роботы должны атаковать красноармейцев и танки, не ведя при этом огонь. Военные же будут стрелять по роботам, как положено, это позволит оценить живучесть машин в реальном бою. Насколько оправданным был такой подход, Сеченов сказать не мог, не будучи военным, но спорить и возражать было бесполезным. Ему было сразу сказано, что в условиях идущей войны это более чем приемлемая форма испытаний и, если роботы проявят себя, позже можно провести иные проверки, устроенные по иным принципам.

Придерживаясь выданной военными схемы перемещений, учёные повели роботов в атаку. Красноармейцы заняли позицию на опушке леса и встретили пулемётных собак ру-

жейно-пулемётным огнём. В стороне, на танковой директрисе, четыре Т-34 обстреливали приближавшуюся к ним пару тяжёлых роботов. Повредить лобовую броню не удавалось, и тогда танкисты разделились. Два танка совершили обходной манёвр, стали стрелять роботам в борта и пробили в них заметные дыры. Ещё несколько снарядов попали в стальные колёса, но роботы продолжали движение.

— Живых экипажей у роботов нет, — объяснял Сеченов. — Все критически важные узлы вынесены назад и вниз, с расположением либо вдоль центральной оси машины, либо вдоль колёс или лап с внутренней их стороны. В центральной части, в которую попадают снаряды, практически ничего нет, а то, что есть, имеет малые размеры и защищено бронёй в несколько слоёв. Если наш проект получит развитие, существующая броня будет заменена на новый сплав. Он гораздо прочней.

Командарм приказал передать танкистам, чтобы стреляли в нижнюю часть роботов, и продолжил наблюдать за боем. Спустя четверть часа танкисты сумели отстрелить шагающему роботу лапу, и тот завалился на бок, выходя из строя. Сеченов было попытался объяснить, что лапу можно починить достаточно быстро, но не составляло труда заметить, что командарм утратил интерес к роботу, изготовить которого за полгода невозможно. Его внимание было приковано к остальным машинам, и Сеченов помрачнел ещё сильнее, понимая, что произойдёт дальше. Но всё случилось даже хуже, чем он предполагал.

Красноармейцы, изрешетив пулемётных псов, всё же смогли уронить одного из них. Две оставшиеся собаки приблизились к окопам, и солдаты отступили в лес. Псы двинулись следом, углубились в чащу и вдруг утратили ориентацию в пространстве.

— Товарищ командарм, псы идут в разные стороны, куда глаза глядят! — доложил телефонист. — Из леса сообщают, что псы натыкаются на деревья и путаются в подлеске, потому что ломаются напролом.

Управляющие пулемётными собаками учёные пытались вернуть роботов назад, но псы не отзывались на радиокоманды, и вскоре стало ясно, что управление ими утрачено.

— Это ещё что такое?! — отреагировал командарм. — Товарищ Сеченов! Надеюсь, ваши псы не начнут палить из пулемётов по людям?! Как их теперь вернуть?

В этот момент выстрелы танковых орудий, доносившиеся со стороны директрисы, заметно участились, несколько полевых телефонов тотчас разразились звонками.

— Товарищ командарм! — выпалил первый из офицеров-телефонистов. — Робот на колёсах с двумя башнями открыл огонь по нашим танкам!

— Твою мать! — выругался командарм, вонзая в Сеченова пылающий взгляд: — Они там с ума посходили? Отставить огонь! В танках экипажи!

Сеченов уже терзал электрогенератор полевого телефона, вызывая Челомея. Тот ответил скороговоркой, прежде чем Сеченов успел сделать вдох.

— Снарядом сбило блок радиоуправления! Автоматику заклинило! Робот не слышит команд! Мы ничего не можем сделать! Но у робота осталось всего шесть снарядов!

Лишь по счастливой случайности никто не погиб. Учебный бой мгновенно перерос в настоящий, танки две минуты били по ведущему огонь роботу. Потеряв управление, тот ездил по кругу и стрелял туда, куда были направлены его орудия. Снаряды закончились, но топливная ячейка могла водить робота по кругу целый месяц, и Челомею с Филимоненко пришлось бегать следом, рискуя попасть под колёса. Они на ходу влезли на истерзанную снарядами платформу и вручную остановили двигатель. Сделать это удалось лишь через час, потому что люк, ведущий в моторное отделение, оказался вмят точным выстрелом и его замок пришлось сбивать кувалдой, стоя на двигавшейся по кругу машине.

Тем временем оба пулемётных пса вышли из леса к границе полигона и упёрлись в земляной вал, насыпанный по периметру для предотвращения вылетов пуль и орудийных снарядов за безопасные пределы. Забраться на почти отвесный склон сильно повреждённые псы не смогли и, свалившись вниз, так и остались лежать на боку, перебирая лапами.

— Поймите, товарищи! — Сеченов, почти отчаявшись, всё ещё пытался объяснить комиссии причины произошедшего. — За месяц невозможно создать с нуля всё то, что требуется для полноценного функционирования даже экспериментальных образцов! Опытные модели управлялись нами по радио, посредством коротких сигналов, схожих с азбукой Морзе. У нас не было времени разработать мощные рации, мы установили стандартные, но их повредило обстре-

лом. Полноценные модели будут оборудованы собственной системой управления, не требующей постоянного присутствия человека. Роботы будут действовать самостоятельно, они будут знать, что должны делать, и даже советоваться и взаимодействовать друг с другом. Машины будут объединены в коллектив, подобно людям...

— Комиссия тщательно изучит результаты испытаний, — прервал его Молотов. — И изложит своё мнение в подробном отчёте. Вы будете уведомлены о результатах.

Уведомление пришло спустя неделю. В официальном документе, занимавшем три десятка страниц, были изложены подробности испытаний и вынесен вердикт: «Проект тов. Сеченова признать перспективным, но несвоевременным. В условиях тяжёлой войны необходимые для реализации проекта сроки недопустимо велики, затраты неоправданно огромны. Рекомендуются признать проект тов. Сеченова невыполнимым». Поверх шапки документа размашистым почерком Сталина была наложена резолюция: «Согласен с комиссией. Проект тов. Сеченова закрыть. Учёных перебросить на исследования, полезные для нужд фронта».

На следующий день все работы на выделенных под проект заводах были свёрнуты. В НИИ мозга явились чиновники из Академии наук в сопровождении сотрудников НКВД. Лабораторию кибернетики заперли и опечатали, проекты «Боевые роботы» и «Человек — Общество» закрыли, а всем научным специалистам из группы Сеченова вручили направления на работу в системообразующих учреждениях военномедицинского и танкостроительного назначения.

Бавария, горный район вокруг секретного подземного завода нацистов

11 марта 1940 г.

Промозглая пасмурная погода держалась над поросшими лесом баварскими горами третьи сутки. С утра моросил мелкий дождь, более похожий на сыплющуюся с небес водяную пыль. Порывы сырого ветра то и дело меняли направление, словно никак не могли решить, в какую сторону дуть. Поросшая прошлогодней пожухлой травой лесная дорога влажно чавкала под покрышками изрядно замызганного Wanderer W24. Ош-

метки грязи мутным веером летели из-под колёс армейских мотоциклов, сопровождавших офицерскую легковую машину. Через запачканное лобовое стекло пустынная дорога, извивавшаяся по горному склону, напоминала сброшенную гигантской змеей кожу, мокнувшую в траве под дождём.

— Может, нет его здесь, завода этого, товарищ старший лейтенант? — Немолодой водитель легковушки, одетый в форму немецкого унтер-офицера, обернулся к сидевшему на заднем сиденье обер-лейтенанту вермахта. — Пятый час по пустым серпантинам колесим. Может, он в другом районе?

— Нет, Михалыч, он точно где-то тут, — покачал головой обер-лейтенант. — Сам посуди: мы сколько гор уже обползали, шесть?

— Шестая это, Александр Иванович, — подтвердил водитель.

— И везде на тамошних серпантинах фашистские патрули через каждые два километра, — продолжил обер-лейтенант. — По дорогам грузовики с эсэсовцами ездят, всех останавливают без разбора для проверки документов. А тут никого. Дороги пустые, езжай — не хочу! Ни плит каменных, ни гравийки, будто не нужны никому эти просёлки. Мол, нет здесь ничего, кроме горы да леса. И при этом трава на дороге вытоптана заметно сильнее, чем в соседних районах. Значит, гружёные грузовики здесь ходят колоннами по ночам, как пить дать.

— И то верно, — согласился водитель. — Немец-то всегда хитёр был. Видать, и на этот раз покумекала немчура и затеяла всякую суету там, где завода секретного нет, чтобы на эту гору никто не подумал. Вот никто здесь завод и не ищет. Но как же хорошо они его сховали, супостаты! Где же он тут? Воздушная разведка в этом районе ничего не нашла.

— Завод под горой, — уверенно ответил обер-лейтенант. — С воздуха его не заметить.

— Так вход же быть должен, — объяснил свою мысль водитель. — Как-то же фашист внутрь попадает!

— Пока есть возможность, будем искать, — произнёс Кузнецов. — Осторожней, Михалыч, поворот впереди мокрый совсем, мотоциклы юзом тянет, как бы не сорваться с такой узкой дороги.

— Проедем, товарищ старший лейтенант, — водитель уверенно крутил баранку, — не впервой!

Унтер-офицер сосредоточился на управлении, заводя легковушку в узкий поворот на блестящем от влаги горном серпантине, и Кузнецов взгляделся в мутное от грязи окно. Обочина дороги в самом опасном месте поворота несла на себе глубокую рытвину, ныне заполненную дождевой водой. Это ещё сильнее подтверждало его догадку: этой дорогой ездят колонны фашистских грузовиков, снабжающих подземный завод. Грузовики двигаются по ночам, с соблюдением светомаскировки и тщательной конспирации, но грузовой автомобиль крупнее легковушки, и в ночных условиях идеально вписаться в столь крутой поворот ему тяжело. В этом месте грузовики часто хватают колесом бровку, из-за чего на ней образовалась рытвина. Завод где-то здесь, это точно.

Информацию о существовании сверхсекретного подземного завода, выстроенного в этом горном районе, добыли разведчики из берлинской резидентуры. По их сведениям, данный завод был одним из тех, что производили ракеты «Фау-2», которыми гитлеровцы обстреливали Англию. Поначалу англичане не восприняли ракетную угрозу всерьёз. В мире никто особо не верил в ракеты и перспективы их эффективного боевого применения. Первые ракетные удары, нанесённые фашистами по Лондону, наземные и воздушные силы ПВО британцев отразили практически полностью. Большая часть самых первых «Фау» была сбита ещё на подлете, пять или шесть ракет и вовсе не дошли до цели, упав где-то в Ла-Манше, остальных не хватило для того, чтобы нанести англичанам серьёзный урон. Несколько раз ракетные атаки немцев повторялись с аналогичной эффективностью, и британцы заявили, что хвалёное оружие возмездия Гитлера способно лишь убивать мирных жителей, и не более того.

Но потом всё изменилось, и произошло это настолько резко, что никто даже не ожидал. Немцы модернизировали свои «Фау-2», и новые ракеты оказались более чем опасным и смертоносным оружием. Первый же массированный ракетный обстрел Лондона превратил город в руины. Погибли десятки тысяч горожан, и пока британцы проводили спасательные работы, второй ракетный удар обрушился на их военные аэродромы. Перехватить ракеты ПВО англичан оказалось не в силах, и в один день британские ВВС фактически перестали существовать. Говорят, немецкие ракеты уничтожали английские истребители прямо в воздухе, беря

их на таран. По другой версии, «Фау-2» взрывались, пролетая рядом с британскими самолётами, и такой подрыв за просто разваливал истребитель на части.

Теперь у Англии нет ВВС, и она срочно закупает боевую авиацию у США. Красная Армия с ударами «Фау-2» ещё не сталкивалась, но причиной тому являлось малое количество этих ракет у фашистов и низкая скорость их производства. Оружие было новым, технологии ещё вчера являлись экспериментальными, и изготовить много ракет немцы не могли. До сих пор гитлеровские «Фау-2» продолжали крушить Англию, свидетельствуя о том, что фашисты стремятся вывести британцев из войны, дабы ослабить союзников, и приходилось признать, что этот немецкий план близок к воплощению.

Никто не сомневался, что, как только фашисты сумеют наладить массовое производство «Фау-2», эти смертоносные ракеты ударят по наступающим частям Красной Армии. Учитывая, что Советскому Союзу до сих пор не удалось выбить немцев с левого берега Одера, в который вермахт вцепился словно зубами, потери обещают быть огромными. Поэтому разведки всех стран антигитлеровской коалиции делают сейчас всё возможное, чтобы отыскать секретные заводы нацистов.

Но сделать это оказалось не так-то просто. Этот завод фашисты запрятали так хорошо, что разведывательный отряд Кузнецова, просеивающий окрестные леса едва ли не по травинке вот уже шестые сутки, до сих пор не сумел найти искомое. Десяток переодетых в нацистскую форму и снабжённых фашистскими документами советских диверсантов выдавали себя за посыльного немецкого офицера и его охрану, доставляющих важные сведения между гитлеровскими дивизиями, занимающими соседние районы. Дошло до того, что четверка армейских мотоциклов с пулемётными колясками, сопровождающая сидящего в легковушке обер-лейтенанта с кожаным портфелем, примелькались настолько, что на нескольких постах СС их уже узнавали несущие службу солдаты, и проверка документов проводилась сугубо формально.

Долго так продолжаться не может. Со дня на день столь активным посыльным заинтересуется местный абвер, и маскировка диверсионного отряда будет раскрыта. Инстинкт

разведчика подсказывал Кузнецову, что подобный интерес его отряд уже вызвал и соответствующие чины немецкой контрразведки собирают информацию о его отряде прямо сейчас. Сколько времени им потребуется, чтобы выяснить, что такого обер-лейтенанта не значится среди посыльных офицеров обеих дивизий, он не знал, но острое чувство опасности, выработанное за годы разведывательно-диверсионной работы, било тревогу. Значит, счёт идёт на часы, не более.

Но найти вход в секретный подземный завод нацистов не удавалось. Горный серпантин был пуст, узкие ответвления, отходящие от основной дороги, заканчивались тупиками или мелкими заброшенными строениями, не имеющими ничего похожего на замаскированный вход под землю, и диверсионный отряд тщетно колесил по дождливым просёлкам.

Впереди раздался сигнал автомобильного клаксона, и Кузнецов бросил взгляд в лобовое стекло, по поверхности которого дворники стеклоочистителей гоняли дождевые капли. Впереди, на встречной полосе, показался небольшой кортеж из пары мотоциклистов и легкового автомобиля. Мотоциклы разведчиков приняли вправо и прижались к лесной обочине. Две почти одинаковые легковушки на узкой дороге разъехались на расстоянии в пару ладоней, и Кузнецов бросил взгляд в окно, пытаясь разглядеть, кто сидит на заднем сиденье встречной машины. В чисто вымытом затемнённом окне мелькнул силуэт офицерской фуражки, и обер-лейтенант подался к своему водителю:

— Михалыч! Разворачиваемся! За ним! Давай сигнал нашим!

— Будем брать, товарищ старший лейтенант? — мгновенно понял старый разведчик, сигналя своим мотоциклистам тройкой коротких гудков условного сигнала. — Они с завода? То-то я смотрю, машина у них под дождём чистая и мотоциклы не в грязи!

— Тут просёлки сплошь земляные, покрытия нигде нет, если бы они издалека ехали, то вымазались бы не хуже нашего! — подтвердил обер-лейтенант, быстрыми движениями подготавливая к бою немецкий автомат. — С завода они, больше неоткуда! Где-то рядом есть подземный вход, мы его пропустили: видать, не сумели распознать маскировку! Берём его живым, это наш крайний шанс! Чувствую, поутру тут будет полно эсэсовцев по нашу душу!

Кортеж разведчиков развернулся на узкой дороге и поначался следом за только что встреченными фашистами. Идущие впереди мотоциклы догнали гитлеровцев, и сидящие в колясках пулемётчики открыли огонь. В последний миг фашисты что-то заподозрили, и водитель их автомобиля резко выкрутил руль, бросая машину в сторону. Бьющая по покрышкам пулемётная очередь прошла мимо, и фашист вдавил в пол педаль газа, стремясь оторваться. Вражеский мотоцикл, шедший в арьергарде, не успел уйти от огня второго пулемётчика и кувыркнулся через руль, разбрасывая мёртвых гитлеровцев. Передний мотоцикл заложил крутой вираж, и его экипаж открыл огонь, пытаясь задержать нападающих.

Пулемётчик фашистов и пулемётчики разведчиков обменялись очередями почти в упор, и один из советских пулемётчиков обмяк, оседая на сиденье пулемётной коляски. Пробитый пулями гитлеровский мотоциклист мешковато свалился на дорогу, и его окровавленный пулемётчик уткнулся лицом в укреплённый на коляске пулемёт. Лишившийся управления мотоцикл гитлеровцев выскочил с дороги на горный склон и помчался через лес, подпрыгивая на ветках валежника и корнях деревьев. Метров через десять он врезался в дерево и перевернулся, но Кузнецов этого уже не видел. Его автомобиль преследовал петляющую по узкой дороге машину фашистов, и пулемётчикам мотоциклов никак не удавалось прострелить немцу колёса.

— Михалыч, давай ближе к нему! — выкрикнул Кузнецов, открывая окно.

Он высунулся наружу с автоматом в руках, и в следующую секунду его автомобиль рванул вперёд, догоняя фашиста на повороте. Кузнецов дал прицельную очередь, целя в водителя, и рывком вернулся обратно в салон, избегая удара о борт резко забравшего вправо вражеского авто. Фашистская легковушка с мёртвым водителем за рулём вылетела с внутренней стороны дороги, врезалась в горный склон и завалилась на бок, вращая колёсами.

— Живым брать! — рывкнул Кузнецов, выпрыгивая из машины.

Советские разведчики открыли огонь, целя вокруг вражеской легковушки и не позволяя фашисту высунуться. Застывший в перевернутом авто немецкий офицер попытался

отстреливаться из пистолета, но вскоре у него закончились патроны, и он предпринял попытку убежать. Выбив ногами заклинившую дверь, фашист выскочил из покорёженного авто с портфелем в руке и рванулся прочь, несмотря на свистящие вокруг пули. Кузнецов в два прыжка нагнал его и с разбега запрыгнул на спину, сбивая с ног. Фашист кубарем покатился по мокрой траве, и в следующую секунду ему на голову обрушился автомат Кузнецова.

— В машину его, живо! — приказал обер-лейтенант, подбирая портфель. — Уходим, быстро! Скоро их здесь будет пара батальонов!

Пленного фашиста быстро связали, забросили в машину, и кортеж помчался по лесной дороге, стремясь успеть уехать как можно дальше до того момента, когда придётся бросить транспорт и уходить пешком.

До условленного лесного района, в котором у диверсантов был спрятан армейский грузовик для дальнейшей эвакуации, удалось добраться прежде, чем погоня села разведчикам на хвост. К тому времени Кузнецов вскрыл трофейный портфель и убедился, что не ошибся. Гитлеровский офицер был с того самого завода, он вёз с собой какие-то чертежи, отмеченные грифами «Совершенно секретно».

— Товарищ старший лейтенант! — окликнул Кузнецова старый разведчик. — У нас тут незадача приключилась! Фашист умер!

— Как это — умер?! — Кузнецов метнулся к немецкому офицеру, которого его бойцы вытаскивали из легкового авто, чтобы переместить в грузовик. — В него же не стреляли!

— Целёхонек он, — поморщился старый разведчик, извлекая нож. — И руки связаны. Не иначе отравил сам себя!

Боец лезвием ножа разжал мертвецу зубы, и Кузнецов увидел во рту покойника распухший язык, посиневший от сильного кровоизлияния.

— Яд у него был во рту спрятан, — вздохнул Михайлич. — Видать, в зубе фальшивом...

— Твою мать... — тихо выругался Кузнецов. — Не клеится у нас с входом в этот чёртов завод... Ладно, чертежи добыли, уже не зря! Надеюсь, советским учёным эти документы пригодятся! Всем в грузовик, времени в обрез! Уйдём, если повезёт!

**Секретный нацистский научно-исследовательский
институт в пригороде Берлина**

Июль 1940 г., 07.30 утра

Освещенный яркими электрическими лампами широкий бетонный коридор не имел окон, ибо располагался в самом центре большого пятиэтажного жилого здания, стоящего на окраине спального квартала. По обе стороны коридора через каждые пять метров имелись стандартные двустворчатые двери, похожие друг на друга словно близнецы, и даже висевшие на них таблички мало чем отличались: пустой белый квадрат с чёрной литерой в центре, обозначающей номер лаборатории. Там, за дверьми, располагаются просторные помещения, у которых тоже нет окон.

Потому что в этих помещениях одни из лучших умов национал-социалистической партии куют оружие возмездия, которому вскоре предстоит стать оружием победы. Весь этот дом является хитроумной маскировкой. Выходящие наружу окна принадлежат квартирам-муляжам, маленьким комнатушкам, чья роль — пускать по ложному следу врагов рейха и служить дополнительным буфером при вражеских бомбардировках. В действительности в этом здании нет ни жилых квартир, ни случайных людей, а вся основная деятельность протекает под землёй, куда углубляются три специально оборудованных подземных этажа.

По самому верхнему из них в настоящее время шёл молодой импозантный мужчина в идеально отутюженном накрахмаленном белоснежном халате, надетом поверх чёрной эсэсовской формы. Добравшись до центра коридора, перегороденного железобетонной переборкой с мощным стальным люком, он остановился возле поста вооружённых автоматчиков в такой же чёрной форме и предъявил им удостоверение личности:

— Научный сотрудник шестого отдела унтершарфюрер Йозеф Гольденцвайг, — представился он.

Возглавляющий пятерку часовых офицер СС придирчиво изучил предъявленное удостоверение личности, после чего взял с размещённого рядом стенда гербовую папку с номером «6». Раскрыв её, офицер нашёл нужное фото и сличил его с владельцем удостоверения. Убедившись в соответствии, он коротко произнёс:

ХА
РА
Л
Ы
Д
Х
О
Р
Ф

А
Т
О
М
И
С
Н
Е
Я
Н
Т

— Пароль на сегодня?

— Фойерфогель! — отчеканил учёный.

Эсэсовский офицер молча кивнул, один из автоматчиков снял трубку висящего на стене телефона и произнёс:

— Открыть люк!

Люк открыли изнутри, и унтершарфюрер Гольденцвайг вошёл внутрь. Люк немедленно закрылся, и за ним обнаружился ещё один пост автоматчиков. Проверка личности повторилась, за исключением пароля, и ему было разрешено проследовать дальше. Гольденцвайг направился на нижний этаж, к крылу, в котором располагался шестой отдел, ощущая вполне заслуженную гордость. Вообще, если смотреть правде в глаза, это далеко не самый важный и не самый сложный НИИ рейха. Цвет германской науки творит не здесь. Но здесь тоже ведутся далеко не последние по своей значимости научные разработки, и он, Йозеф Гольденцвайг, принимает в этом пусть и незначительное, но непосредственное участие! Все офицеры СС, отвечающие за охрану этого НИИ, знают его в лицо! Проверка личности на пропускных пунктах — это требование безопасности, секретности и эталонной немецкой дисциплины, на самом деле его тут знает каждый!

И это не может не вызывать гордость и удовлетворение. Попасть на эту работу было очень нелегко, но он сумел. И не благодаря знакомствам или семейному положению, а исключительно посредством личных деловых, моральных и интеллектуальных качеств. На его долю выпало множество трудностей, но он стойчески преодолел всё. Будучи студентом, он сидел за учебниками по двадцать часов в сутки, отказавшись от личного времяпрепровождения. В результате Берлинский медицинский институт он закончил с отличием, несмотря на проблемы, вызванные его спорной фамилией и совсем не спорной внешностью.

Чтобы раз и навсегда избавиться от предвзятого отношения, он вступил в НСДАП в двадцать три, как только представилась возможность, и с первых дней зарекомендовал себя истинным и бескомпромиссным партийцем, беспощадным к врагам рейха. Кто-то из мелких и мелочных сопартийцев поставил ему в вину знание русского языка, который Йозеф изучал в школе, стремясь прочесть в подлиннике Достоевского и Пушкина. Этот оригинальный опыт

пригодился ему в институте, но позже едва не стал проблемой. Пришлось проявить сообразительность и гибкость мышления, заявив, что он сознательно штудирует советскую прессу, чтобы знать, как именно коммунисты промывают мозги своим недалёким гражданам. Он даже делал переводы наиболее одиозных статей из «Правды», дополняя их собственными комментариями в едком и сатирическом стиле, очень веселившими соратников по партийной ячейке.

Все эти усилия дали свои плоды, и сомнения в его происхождении постепенно забылись. Уже в двадцать пять он защитил свою первую научную степень по медицине, но даже после этого его не хотели допускать к работе над сверхважными проектами рейха. Пришлось в прошлом году, на своё двадцатилетие, вступить в СС. Сделать это было крайне непросто, учитывая, что от кандидата требовали доказать чистоту своей крови аж с 1750 года. Оные доказательства стоили Йозефу всех накопленных сбережений, но именно после этого его научная карьера сдвинулась с мёртвой точки.

Впрочем, ради таких перспектив Йозеф вступил бы в СС хоть трижды, если бы потребовалось. Он хорошо помнил слова своей бабки, которые та не уставала повторять семилетнему внуку, когда маленький Йозеф с матерью приходил в гости в её скромную ювелирную лавку с витиеватым названием «Разноцветный уголок Шнитке»: «Хочешь быть успешным, Йозя, будь с теми, у кого сила!» Не сказать, чтобы в те моменты он хорошо понимал смысл бабкиных слов, зато потом, повзрослев, имел возможность неоднократно убедиться в правоте старой ювелирши. Вступление в СС открыло перед ним закрытые ранее двери, и Йозеф получил место в этом секретном НИИ, оказавшись под началом самого профессора Кляйна, доктора медицины, светила микробиологии и признанного авторитета в области лечения инфекционных заболеваний.

Хотя, прямо сказать, с назначением ему повезло не очень. Он микробиолог, поэтому его направили сюда, в секретный институт, работающий над созданием химического и бактериологического оружия. Как новичок, он получил совсем небольшую должность ассистента в отделе, изучающем возможности боевого применения сибирской язвы и лихорадки Эбола. На данном этапе его роль в исследова-

ниях сводилась к исполнению простейших вспомогательных функций, и до настоящих высот и серьёзных званий ему ещё расти и расти. Но поначалу данное направление считалось весьма перспективным и потому обещало достаточно быстрый карьерный рост.

Однако полгода назад ситуация изменилась. Германские войска, с доблестью и безудержной храбростью сражавшиеся на два фронта с несметными полчищами врагов рейха, потерпели серьёзное поражение в Румынии, вследствие чего румынская нефть оказалась для Германии потеряна. Это серьёзно подкосило возможности вермахта и люфтваффе. Польшу, Румынию и Италию пришлось оставить. Сейчас бои идут на Одере и линии Зигфрида. И по словам начальника шестого отдела, сказанным в обстановке строжайшей секретности, и с тех, и с других позиций вскоре придётся отступить.

В свете этого вопрос о создании оружия возмездия встал перед Германией как никогда остро, и фюрер, ранее относившийся к идее атомной бомбы весьма скептически, обратил на неё своё пристальное внимание. Тщательно взвесив все наработки, имеющиеся у Германии, лучшие научные умы Третьего рейха пришли к выводу, что именно атомную бомбу и ракеты «Фау-2», как средство её доставки, мы можем создать прежде, чем грязная лавина захлестнёт Германию. Поэтому концентрация сил, средств и научной мысли сместилась в сторону максимально быстрого изготовления атомной бомбы и усовершенствования предназначенных для неё ракетополетителей.

Так что в идеале для стремительного карьерного роста стоило быть физиком-ядерщиком или инженером-ракетостроителем, а не хирургом или микробиологом. Но Йозеф Гольденцвайг совершенно не предавался на этот счёт унынию. Пускай его карьера будет не столь быстрой, но она всё равно состоится, ведь он попал в самое сердце секретных научных разработок рейха и стал его полноправной частью. Сейчас главное — спасти Германию, а бактериологическое оружие ещё пригодится. Враги со всех сторон стремятся утопить рейх в крови, и потому приоритет атомной бомбы в настоящее время более чем логичен. Лучшие умы немецкого народа трудятся над её созданием в лабораториях и на заводах, настолько секретных, что не каждый из первых лиц рейха знает, где конкретно они расположены.

Начальник шестого отдела недавно прямо заявил, что, пока доблестные немецкие солдаты сдерживают врага на германских границах, работа над атомной бомбой близится к успешному завершению. Первоочередная задача сейчас — выиграть время. А потом рейх очистит планету от всех этих бесконечных толп унтерменшей. И вот как раз для этого разработки их секретной лаборатории окажутся как нельзя более кстати.

Гольденцвайг добрался до крыла, которое занимает шестой отдел, зашёл в научные помещения и приступил к работе. Других сотрудников, помимо него, в лабораториях ещё нет, он всегда приходил раньше всех, чтобы подготовить рабочее место и просто проникнуться духом великих исследований. Работа у него хоть и простая, но довольно объёмная. Нужно проверить защитное антибактериальное снаряжение всех научных сотрудников лаборатории, убедиться в его целостности, нанести на поверхность изолирующий биосостав, который быстро выдыхается и к концу дня утрачивает свои свойства; осмотреть лабораторные ёмкости от мала до велика, в которых размещены посевы агрессивных бактерий, и тщательно зафиксировать все изменения, произошедшие за ночь в каждом посевном шкафу; убедиться, что все холодильники исправны, температурные установки функционируют без сбоев, в экстренных аптечках заложено достаточное количество шприцев, игл и ампул с противоядиями на случай, если тот или иной экспериментальный штамм вдруг окажется на свободе.

Однажды, кстати, такое уже случалось: один из учёных, имевший весьма преклонный возраст, умер прямо за микроскопом. Его тело, падая со стула, задело за микроскоп и сбросило его на пол. Бактерии сибирской язвы, находящиеся на смотровом стекле микроскопа, оказались на кафельной плитке напольного покрытия. Именно он, Йозеф Гольденцвайг, оперативно справился с возникшей угрозой. Он немедленно задраил входной люк в лабораторию, обеспечив полную герметичность, залил пол дезинфицирующим раствором, тщательно образом промыл им всё помещение, после чего при помощи соответствующих биоиндикаторов убедился, что заражение полностью ликвидировано.

Мероприятия заняли менее трёх часов и были выполнены безукоризненно. За храбрость и решительность при

исполнении долга унтершарфюрер Йозеф Гольденцвайг получил государственную награду рейха и не сомневался, что она не последняя в длинной череде тех, что ожидают его в будущем.

Закончив с подготовительными работами, Гольденцвайг облачился в защитный балахон и вошёл в опасную зону лаборатории. Он вскрывал посевные шкафы и аккуратно, одну за другой, в строгом соответствии с предписаниями научных руководителей, извлекал оттуда чашки Петри с различными штаммами. Из каждой чашки отдельной пипеткой бралась капля с образцом, которая помещалась под микроскоп, и состояние содержащихся в образце бактерий фиксировалось на бумаге. Позже ведущие основную исследовательскую деятельность учёные проведут сравнительный анализ данных и сделают выводы. За этой работой его и застал начальник лаборатории профессор Кляйн.

— Юный Йозеф, вы, как всегда, раньше всех. — Мاستитый учёный, облачённый в защитный балахон, вошёл в опасную зону. — Похвально! Каково состояние образцов?

— Штаммы с двести первого по двести десятый развиваются без изменений, — доложил Гольденцвайг. — Образцы из шкафов «Б» и «Ц» деградируют. Интересную динамику показывает штамм номер сорок семь из поколения «Цет». Его агрессивность возросла. Я оцениваю данный прирост в пятнадцать процентов, если вести сравнение с показателями этого же дня прошлого месяца. Однако указанному образцу требуется всё больше подкормки.

— Пятнадцатипроцентный рост спустя ровно тридцать суток? — нахмурился маститый микробиолог. — Вы не путаете, Йозеф? Ещё вчера этот штамм не демонстрировал никаких особенностей. Ах да, у вас же феноменальная память, я совсем забыл об этой вашей особенности. Вы помните наизусть порядка пяти тысяч различных параметров. Значит, ошибка исключена?

— Абсолютно, герр доктор! — подтвердил Йозеф. — Вы совершенно правы: до сегодняшнего утра сорок седьмой штамм ничем не выделялся на фоне своих аналогов! Я очень удивился, когда обнаружил изменения!

— Это любопытно. — Профессор на мгновение задумался. — Пожалуй, я займусь им лично. Тем более что данное поколение образцов получено в ходе эксперимен-

тов на человеческом материале. Не исключено, что результаты наших исследований потребуются рейху раньше, чем предполагалось.

— Наши коллеги добились успехов в области создания ядерной бомбы? — оживился Гольденцвайг. — Намечается научный прорыв?

— Это секретная информация, юный Йозеф! — сурово изрёк начальник лаборатории. — Но вам, как перспективному учёному, члену СС и истинному патриоту рейха, я скажу коротко: — Научный прорыв состоялся вчера! Два часа назад я узнал об этом от высшего руководства. В Берлине не спали всю ночь, неоднократно проверяя результаты полученного открытия.

— Наши шансы победить в войне возросли? — уточнил Гольденцвайг.

— И весьма существенно, юный Йозеф! — удовлетворённо заявил Кляйн. — Весьма существенно! Всё по-прежнему зависит от фактора времени, но теперь это не общая формулировка, а вполне конкретная научно-техническая ситуация. Если рейх сумеет выстоять в течение ближайшего года, победа нам гарантирована!

**Москва, Кремль, совещание
Государственного комитета обороны
Сентябрь 1940 г.**

Высшие чины советского военного руководства один за другим докладывали членам Государственного комитета обороны о положении дел на фронте, и с каждым докладом мрачный взгляд Сталина становился ещё мрачнее. Украдкой косящийся на вождя народов Молотов чувствовал эти изменения особенно остро. Они со Сталиным были дружны ещё со времён революционной деятельности, Молотов гордился этой дружбой и наряду с Берией по праву считался одним из наиболее тонких знатоков натуры вождя. И сейчас Молотов лучше других видел, что Сталин недоволен успехами Красной Армии, несмотря на очевидные на первый взгляд военные успехи.

Молотов как никто понимал его желание победить Германию в кратчайшие сроки и недоверие к союзникам, дей-

ствия которых лишь подтверждали небеспочвенность опасений вождя.

США под всевозможными предлогами оттягивали вступление в войну. Великобритания и Франция вели сражения вяло и беззубо, их войска почти год не могли преодолеть линию Зигфрида. Боевые действия на Западном фронте приняли затяжной позиционный характер, и усиливать давление союзники не спешили, оправдывая свою явно недостаточную активность нежеланием понести тяжёлые потери. Сталин делал всё, дабы заставить союзников вести войну более агрессивно.

Он произвёл в правительстве СССР серьёзные кадровые перестановки: лично возглавил Совет народных комиссаров, а ранее занимавшего эту должность Молотова назначил на самую ответственную в данное время должность наркома иностранных дел. Вождь народов объявил одной из важнейших задач принуждение союзников воевать по-настоящему. В армейском командовании также произошли перестановки: Наркомат обороны возглавил Тимошенко. Ворошилова перевели в заместители председателя Совнаркома.

Все эти меры, несомненно, поспособствовали успехам СССР в ведущейся войне, но главная цель — полный и быстрый разгром Гитлера — до сих пор достигнута не была. И это заставляло Сталина нервничать, что на фоне видимых успехов Красной Армии было понятно далеко не всем.

— Таким образом, — заканчивал доклад Тимошенко, — ситуация на фронтах складывается для нас благоприятно: Германия, испытывающая топливный голод, неспособна к контрнаступательным действиям. Всё, что остаётся Гитлеру, это медленно отступать, цепляясь за каждый клочок своей территории. Завтра Красная Армия начинает масштабное наступление, цель которого — выбить вермахт с берегов Одера и сместить боевые действия на территорию Германии. Это вынудит наших союзников активизировать боевые действия на линии Зигфрида. В крайнем случае мы можем начать в их сторону ещё одно наступление. Для этого нам потребуется ещё две тысячи танков, в связи с чем Наркомат обороны считает необходимым повысить производительность танкостроительных заводов.

— Заводы и так работают в четыре смены! — возразил Ворошилов. — Если бы ввести пятую смену было возможно, мы бы давно это сделали!

— Необходимо найти решение этого вопроса! — настойчиво возразил Тимошенко. — Разведка докладывает, что фашисты активизировали усилия по созданию атомной бомбы! Они ещё далеки от успеха, но если будем тянуть время, то дадим врагу возможность создать сверхоружие!

— Атомная бомба — это миф! — отмахнулся Ворошилов. — Гитлеровская пропаганда, которой нацисты застилают глаза своему населению, чтобы оно шло на бойню с улыбками счастливых идиотов, а не драпало с фронта безудержным потоком!

— Наша берлинская резидентура заслуживает доверия, — парировал Тимошенко. — Мы неоднократно убеждались в этом.

Ворошилов хотел было что-то возразить, но не успел. Тихий голос Сталина заставил всех умолкнуть.

— Миф это или нет, сейчас не так важно. — Сталин говорил по обыкновению медленно и спокойно, но Молотов хорошо ощущал раздражение и напряжение, охватившие вождя народов. — Атомной бомбы не существует, и советский народ не запугать страшилками. Однако военную обстановку, которую вы называете благоприятной, товарищ Тимошенко, партия считает крайне тяжёлой для Советского Союза и коммунистов всех стран. Наши капиталистические союзники бездействуют, ведя позиционную войну для отвода глаз. Они делают это специально, чтобы основное бремя борьбы с фашизмом легло на плечи Красной Армии. Чем больше потерь понесёт Красная Армия, тем слабее станет мировой социализм. А после разгрома гитлеровской Германии СССР в качестве союзника станет капитализму не нужен.

Сталин потянулся за трубкой и с минуту молча раскуривал её. Остальные ждали, не произнося ни слова. Наконец вождь народов закурил, выдохнул дым и продолжил:

— В день, когда фашистская Германия будет разгромлена и отзвучит последний выстрел этой войны, мировой капитализм сделает Советский Союз своим новым врагом. После окончания одной войны мы рискуем получить следующую. Чем слабее мы будем, тем быстрее они на нас нападут. Сейчас они позволяют Гитлеру сосредоточить основные силы на Восточном фронте. Пока мы воюем с нацизмом, мировой капитализм собирает ресурсы для войны с нами.

— Товарищ Сталин, — осторожно возразил нарком обороны Тимошенко, — Красная Армия сражается невзирая на потери, по руководящему указанию советского руководства. Следуя ему, мы потеряли два миллиона жизней, но освободили Польшу, Румынию, Болгарию и вышли к границам Германии. До сих пор задачей Красной Армии являлся скорейший разгром гитлеризма...

— Данная задача, — Сталин затянулся трубкой, помолчал, смакуя табачный вкус, и неторопливо выдохнул, — остаётся для Красной Армии приоритетной. Однако СССР больше не может смотреть сквозь пальцы на столь демонстративную подрывную деятельность союзников. Они много обещают, но мало делают. Поэтому партия, тщательно обдумав сложившуюся ситуацию, решила послать союзникам весомый сигнал.

Вождь народов вновь затянулся, и на десяток секунд в помещении воцарилась полнейшая тишина.

— Завтрашнее наступление, — Сталин лениво указал трубкой на висящую на стене карту боевых действий, — откладывается. До особого распоряжения. Наркомат обороны и Генеральный штаб длительное время высказываются о необходимости проведения реформы Красной Армии. Требуется изменить систему воинских званий, усовершенствовать структуру управления войсками, оптимизировать состав армейских подразделений и соединений, реформировать штаты воздушного и военно-морского флота. Партия считает, что сейчас настал наиболее благоприятный момент для реформы. Больше тянуть нельзя, для эффективной войны советские войска должны быть эффективно устроены.

Вождь народов сделал очередную затяжку.

— Поэтому партия предлагает Наркомату обороны, с завтрашнего дня становящемуся Министерством обороны, временно перевести Рабоче-крестьянскую Красную Армию, с завтрашнего дня становящуюся Советской Армией, от наступательных действий к оборонительным. До момента окончания реформы. И пусть наша берлинская резидентура позаботится о том, чтобы командование вермахта узнало о проводимой реформе. Если германские генералы окажутся уверены в том, что несколько недель или даже месяцев Советская Армия не будет вести активных наступательных

действий, это даст им возможность перебросить какое-то количество сил на Западный фронт. И потеснить англо-французские войска. Партия считает, что вкупе с ракетными обстрелами Лондона это вынудит наших союзников пересмотреть свой подход к ведению боевых действий.

— Это блестящее решение! — немедленно заявил Ворошилов. — Необходимость реформы назрела давно! Попутно Красная... Советская Армия проведёт перегруппировку сил, и фронт получит свежие подразделения, в том числе бронетанковые! Когда придёт время продолжить наступление, мы будем располагать значительно большими возможностями!

— Но... — ещё более осторожно произнёс Тимошенко, — отказ от инициативы может привести к тому, что ею завладеет противник. Фашисты не станут упускать возможность укрепить свою оборону на левом берегу Одера. Если наступление отложить, впоследствии оно будет стоить нам ещё больших человеческих потерь...

— Наше внешнеполитическое ведомство, — Сталин указал трубкой на Молотова, — позаботится о том, чтобы эти потери были сведены к минимуму благодаря совместному наступлению Советской Армии и союзников одновременно на двух фронтах. Партия уверена, что вместе мы сломаем хребет гидре фашизма!

Вождь народов обвёл всех пристальным взглядом:

— Предлагаю поставить этот вопрос на голосование. Кто за то, чтобы принять предложение партии?

Несогласных не нашлось, и вскоре совещание Государственного комитета обороны было закончено. Сразу после его окончания Сталин велел Молотову и Тимошенко остаться. Вождь народов дождался, пока все прочие покинули помещение, и произнёс:

— Англия и Франция понесли серьёзные потери от гитлеровских ракетных обстрелов. Партия понимает, что их военные возможности сильно истощены, потому что союзники не в состоянии противостоять немецким ракетам. Но это ничего не меняет. Как бы сильно ни пострадали англо-французские войска, есть ещё США. Туда немецкие ракеты не долетают. Именно там растёт главная угроза для СССР. Какова на сегодняшний день численность американской армии, товарищ Тимошенко?

— Сложно сказать наверняка, — ответил новоиспеченный министр обороны. — На момент начала войны в сентябре тысяча девятьсот тридцать девятого года у них было что-то около ста семидесяти четырёх тысяч человек. Сейчас по нашим оценкам — порядка трёх миллионов человек. Совокупное количество войск США, Англии и Франции, вместе взятых, уступает вермахту. Если бы не СССР, к настоящему времени Гитлер уже разгромил бы союзников в Европе.

— И союзники не только прекрасно это понимают, но и прекрасно этим пользуются, — неторопливо подхватил Сталин. — Пока основные силы вермахта заняты войной с Красной Армией, союзники не теряют своих территорий. А значит, имеют возможность компенсировать свои потери и наращивать численность армий. В особенности США! Они не несут никаких потерь.

— США ведут войну с Японией в Тихом океане, — уточнил министр обороны. — К настоящему времени они потерпели от японцев ряд не столько серьёзных, сколько унижительных поражений. Это привело к положительным результатам. США приступили к мобилизации вооружённых сил и промышленности. Мы считаем, что вскоре армия США увеличится как минимум на десять миллионов человек.

— И эта армия может стать врагом Советского Союза сразу после нашей победы над Гитлером, — веско заключил Сталин. — Не надо обольщаться, товарищи. СССР — социалистическое государство, у которого нет и не может быть союзников в капиталистическом мире. Мы их враги, и мировой капитализм сделает всё, чтобы нас уничтожить, как только мы дадим слабинку.

Затянувшись, он продолжил спокойным тоном:

— Для Советского Союза нет большой разницы: нацисты или мировой капитализм. И те, и другие мечтают о нашей смерти. Если СССР хочет не только победить сейчас, но и выжить после, нам необходимо быть готовыми к новой войне ещё до того, как закончится эта. Поэтому, товарищи, мы используем против капиталистов их же приёмы: пусть они ослабляют друг друга, пока Советский Союз восстанавливает силы. Англия уже не раз просила США о помощи в виде поставок вооружений и прочего и всякий раз полу-

чала её. Но к нашим призывам вступить в войну США неизменно оказываются глухи. Поэтому на фронте должна сложиться такая обстановка, чтобы обращенные к США крики союзников, гибнущих под ударами нацистов, стали лучше слышны за океаном.

**Швейцария, Берн, резидентура
Управления стратегических служб США,
секретный офис Аллена Даллеса**

Январь 1941 г.

Замаскированная под массивный книжный шкаф потайная дверь отворилась, и помощник Даллеса указал Гранту на вход:

— Прошу вас, сэр! Я останусь здесь.

Войдя в секретный кабинет директора резидентуры, Грант невольно обернулся на звук задвигающегося шкафа, наглухо запирающего вход. Задняя стена шкафа оказалась стальной, так просто отсюда не выйдешь.

— Необходимые меры предосторожности, — раздался позади голос Даллеса. — Мы в нейтральной стране. Но нейтральная и безопасная — это далеко не одно и то же.

Грант обернулся. Даллес сидел в широком мягком кресле, расположенном спиной к тайному входу, из-за чего в первую секунду полковник не заметил его присутствия. Похоже, кресло легко вращалось, потому что сейчас оно стояло уже лицом к входу, и сидящего в нём директора резидентуры Управления стратегических служб США было хорошо видно.

— Доброе утро, сэр! — поздоровался Грант и представился: — Полковник армии США Джеймс Абрам Грант. Прибыл в ваше распоряжение по приказу генерала Эйзенхауэра.

— Присаживайтесь, полковник. — Даллес указал на стоящий у стены мягкий стул. — Генерал Эйзенхауэр очень высокого мнения о вас и ваших способностях. Он заверил меня, что вы тот, кто нам нужен. Надеюсь, он не ошибся.

— Я не подведу вас в любом случае, сэр! — отчеканил Грант. — Но должен предупредить, что я абсолютно не информирован о том, что от меня требуется.

— Никто не информирован, — покачал головой Даллес. — Секретный департамент, который вы возглавите, создаётся в режиме строжайшей секретности. На данный момент о его существовании знают лишь пять человек, включая президента.

— Не ожидал, что мне окажут настолько высокое доверие, — искренне оценил Грант. — Это мотивирует меня служить США с ещё большим рвением. Что я должен сделать?

— Опыт идущей войны более чем красноречиво показал нам, что прилагаемые Соединёнными Штатами усилия в области разведки и контрразведки оставляют желать лучшего.

Даллес сделал короткую паузу и вперил в Гранта суровый взгляд:

— Скажу прямо: если смотреть правде в глаза, то у США нет разведки. Ибо то, что имелось в нашем распоряжении до войны, просто смехотворно. Бессистемная россыпь мелких управлений, собирающих информацию каждое для своего ведомства: армейские сами по себе, флотские сами по себе, ФБР само по себе и так далее. Ни единой структуры, ни тем более взаимного обмена разведанными. С началом войны мы пытаемся исправить это пагубное положение дел, но навёрстывать упущенное приходится на бегу, иначе не скажешь.

Он вновь умолк на секунду и сразу продолжил:

— Тем временем наши враги, как нынешние, так и потенциальные, даром времени не теряют. Для надёжного противодействия этим угрозам нашей стране требуются мощные специализированные структуры. Эффективные, результативные и секретные. Одну из таких структур мы создаём в настоящее время. Вам предстоит возглавить секретный департамент, входящий в её состав. В ближайшие дни вы ознакомитесь со всеми подробностями и вступите в полномочия, сейчас же я хочу особо обратить ваше внимание на самую суть возглавляемого вами департамента: это секретное подразделение внутри секретной структуры. Вы понимаете, что из этого следует, полковник?

— Думаю, да, сэр! — кивнул Грант. — Внутри новой организации знать о существовании моего департамента будет далеко не каждый. Это подразумевает, что мы будем выполнять боевые задачи на территории враждебных государств, формально не являющихся нашими врагами и де-юре не

находящимися в состоянии войны с США. Я думаю, генерал Эйзенхауэр направил меня к вам потому, что остался доволен моей диверсионной работой, сэр! Я имею определённый опыт в этой сфере.

— Вижу, что генерал не ошибся. — В голосе Даллеса мелькнули нотки удовлетворения. — Мне не придётся объяснять вам, что такое аналитика. Поговорим о вашей новой миссии. Вы знаете, что такое «Урановый комитет», полковник?

— Нет, сэр. — Грант отрицательно покачал головой. — Впервые слышу о таком.

— Это группа учёных-эмигрантов из Европы, которая занимается созданием атомной бомбы, — объяснил Даллес. — Президент санкционировал их работу в тридцать девятом в ответ на письмо Эйнштейна, который опасался, что она может появиться у нацистов.

— Атомная бомба? — Грант нахмурился. — Насколько я знаю, это не более чем теория, обсуждаемая некоторыми учёными на уровне неких далёких и туманных перспектив. Никакого практического применения у этой теории сейчас нет.

— Уже есть, — прервал его Даллес. — Поэтому вы здесь.

— Значит, — нахмурившийся Грант помрачнел, — атомную бомбу создали не мы. Иначе сейчас на моём месте сидел бы какой-нибудь учёный.

— К счастью, её ещё не создали, но в остальном вы вновь правы, полковник! — Даллес бросил на него одобрительный взгляд, тут же сделавшийся стальным: — Несколько дней назад нам удалось выяснить, что гитлеровские учёные перешли от теоретических изысканий в этой области к практическому конструированию. Если ничего не предпринять, то максимум через год у них будет готовая к применению атомная бомба. И не одна. Некоторые источники считают, что первый функционирующий образец может быть изготовлен нацистами ещё раньше.

— Этого нельзя допустить! — решительно заявил Грант. — Однажды мир уже недооценил немецкую науку. В результате в небе над Западной Европой господствуют «Фау-2», а от Лондона и Парижа остались одни руины! Даже странно, что Гитлер так долго не бил ракетами по русским!

— Нас это тоже весьма удивляло, — кивнул Даллес. — Одно время даже существовала версия, что между Гитлером.

и Сталиным существуют некие договорённости, даже несмотря на довольно-таки вероломное нарушение Советским Союзом пакта о ненападении Молотова-Риббентропа. Особенно вероятной эта версия стала выглядеть осенью, когда Советы внезапно прекратили агрессивные наступательные действия на Одере и перешли к обороне под предлогом проведения давно назревшей реформы в армии. Вам лучше меня известно, полковник, что нашим европейским союзникам пришлось дорого заплатить за эту реформу.

— Вермахт перебросил на линию Зигфрида более половины всех своих сил. — Грант хмуро скривился. — Нацисты перешли в контрнаступление, и союзники потеряли половину Франции. Если бы не острый недостаток нефти, испытываемый фашистами, остановить Гитлера не удалось бы. США пришлось отправить союзникам три очень крупных конвоя с оружием, боевой техникой и боеприпасами, чтобы спасти их от неминуемого разгрома. При этом до берегов Англии дошли только два из них. Последний конвой был полностью потоплен немецкими подводными лодками. Погибли тысячи американцев.

— Это добавило неразберихи в позицию общества, — довольно подытожил Даллес. — Общественное и политическое мнение в США разделилось. Одни требуют вступления в войну, другие, наоборот, за то, чтобы не нести потерь, которых можно избежать. Однако теперь, в свете полученных разведданных, стало предельно ясно, что отсидеться не получится. США должны вступить в войну прежде, чем остановить Гитлера станет невозможно.

— Поэтому Советы продолжили наступление? — Грант внимательно смотрел на директора резидентуры. — Они получили аналогичные разведданные?

— И вновь вы оценили обстановку правильно, полковник. — Даллес кивнул. — Сейчас, по прошествии определённого времени, причина бездействия Советов и замысел Гитлера выглядят более понятными. Гитлер не атаковал коммунистов ракетами, чтобы не мотивировать их на ещё большую активность. Он понимал, что человеческие ресурсы СССР в сравнении с Германией огромны. Как мы теперь видим, своей основной задачей вермахт имеет цель выиграть время для создания атомной бомбы. Поэтому распалять коммунистов сильнее, чем уже есть, нацисты не хотели.

— И Сталин узнал об этом?

— В тот момент об этом не знал никто, — возразил Даллес. — Сталин просто использовал свою армейскую реформу, чтобы оказать давление на нас. Он знал, что вермахт, почувствовав затишье на Восточном фронте, использует эту возможность для контрнаступления на наших союзников. Это прикрытый подлый шантаж, достойный того, кто, не раздумывая, предаёт своего партнёра по пакту о ненападении. Шантаж, направленный на нас. Таким способом Сталин хотел вынудить нас вступить в войну, чтобы наша армия понесла потери и к концу войны была менее сильной.

— И он добился своего, — констатировал Грант. — Вчера президент объявил войну Германии. Сегодня, если верить газетам, примеру США последовала Канада. И сделано это, как я понимаю, не ради Советов.

— Советы — это то, что сменил Гитлера в роли врага всего демократического мира уже очень скоро, — подтвердил Даллес. — Именно СССР будет целью нашей новой организации. Но в данный момент это уходит на второй план. Главное сейчас — не позволить Гитлеру получить атомную бомбу. Мы вступаем в войну, союзники мобилизуют всё, что у них есть, включая колониальные войска. Советы уже забрасывают вермахт трупами, не считаясь с потерями. Подозреваю, что коммунисты, в полной мере ощутив на себе, что такое новые немецкие «Фау-5», уже пожалели об этой своей реформе. Но ни Сталина, ни нас это не остановит. Все слишком хорошо понимают, что сейчас решается вопрос, существовать миру или нет.

— А также, — добавил Грант, — вопрос о том, кому достанется недостроенная атомная бомба Гитлера?

— В точку, полковник! — Даллес поглядел на Гранта с уважением. — Я вижу, мы с вами отлично сработаемся. Наша задача — заполучить всё: нацистских учёных, инженеров, документацию, заводы, оборудование. То, что невозможно вывезти, необходимо уничтожить. Вы начнёте с поисков учёных, эмигрировавших из Германии после начала войны. Некоторые из них осели в нейтральных странах, в том числе здесь, кто-то укрылся в Европе. Непосредственного отношения к работе над атомной бомбой они не имели, этим занималось и продолжает заниматься «Аненербе», но могли принимать косвенное участие в разработках ещё до войны.

Вам предстоит разыскать их, выяснить степень причастности и вывезти в США тех, кто представляет для нас интерес.

— Мне понадобится самолёт, который может пересечь океан, — заметил Грант.

— У вас будет всё, что потребуется, — заверил его Даллес. — И даже больше. Как только наши войска начнут захватывать территорию Германии, ваши люди должны первыми появляться на любых объектах, которые имеют отношение к созданию атомной бомбы. Картами предполагаемых районов размещения таких предприятий вас обеспечат. Однако у нас есть основания полагать, что секретные объекты нацистов, местоположение которых нам в той или иной степени известно, на самом деле лишь крайне небольшая часть их истинной инфраструктуры. Поэтому при работе с бывшими германскими учёными вы должны особо сосредоточиться на выяснении координат нацистских секретных заводов и лабораторий. США должны получить всё. У вас будут самые широкие полномочия, но действовать надо так, чтобы любая утечка информации была исключена.

— Сэр, я думаю, Советы станут действовать аналогично. — Грант вперил в Даллеса жёсткий и многозначительный взгляд: — Наверняка мы столкнёмся с их разведкой, имеющей такую же задачу. Поэтому у меня вопрос: я правильно понимаю понятие «самые широкие полномочия»?

— Абсолютно, полковник! — Даллес выдержал его взгляд, не дрогнув даже веком. — Ваш приказ прост и ясен: всё, что имеет отношение к атомной бомбе, должно попасть в США любой ценой. То же касается ракет «Фау» и прочих проектов «Аненербе». Любой ценой, полковник. Но без огласки и лишнего шума.

— Мы сделаем это, сэр, — спокойным тоном заверил его Грант. — Я могу привлечь в свою новую команду некоторых из своих проверенных людей? Тех, за кого я могу поручиться головой? Мне потребуются опытные диверсанты.

— Делайте, как считаете нужным, полковник, — кивнул Даллес. — Завтра я хочу получить от вас список предложений. А сейчас вы можете идти. В соседней комнате вас ждёт мой помощник со всеми документами.

Даллес нажал на скрытую под подлокотником кнопку, и Грант услышал, как за спиной отодвигается стальная плита книжного шкафа.

**Москва, Кремль, совместное заседание
Государственного комитета обороны и Ставки
Верховного Главнокомандования**

Февраль 1941 г.

ХА
РА
Л
Ь
Д
Х
О
Р
Ф

А
Т
О
М
И
С
Н
Е
Я
Т

— Партия, — обычно тихий голос Сталина сейчас звучал нервно, надтреснуто и непривычно высоко, выдавая крайнюю степень раздражения, охватившую вождя народов, — хочет получить от военного командования ответ: почему Советская Армия до сих пор не взяла Берлин?!

Верховный главнокомандующий стоял за столом, опираясь руками на столешницу, и его возмущённый взгляд перепрыгивал с одного военачальника на другого, поочерёдно буравя то Тимошенко, то Жукова, то Ворошилова.

— Почему наши войска, — гневно продолжил вождь народов, — второй месяц топчутся на месте в семидесяти километрах от Берлина?! Советский Союз собрал ради этого одиннадцатимиллионную армию, у Гитлера осталось меньше трёх миллионов, и это включая силы, противостоящие союзникам! Союзников от Берлина отделяло свыше пятисот километров, но за это время они уже продвинулись на сто пятьдесят километров! Что же мешает вам, товарищи?!

Сталин вонзил пылающий возмущением взгляд в Тимошенко, и тот, заметно робея, попытался ответить твёрдым голосом уверенного в себе военачальника:

— Противник оказывает ожесточённое сопротивление по всей своей территории, товарищ Сталин! Фашисты мобилизовали всех мужчин от пятнадцати до шестидесяти пяти лет и держатся за каждый квадратный метр...

— У вас одиннадцать миллионов солдат! — гневно перебил его вождь народов. — Тысячи самолётов, десятки тысяч танков, сотни тысяч орудий! По-вашему, этого недостаточно для победы над сотней-другой тысяч сопляков и пенсионеров?!

Под злобным взглядом Сталина напускная решимость маршала начала стремительно таять, и Молотов кожей ощутил исходящий от Тимошенко страх. Понять его было не сложно. После реформы армии Сталин, недовольный слишком медленными темпами разгрома нацистов, не доверил Тимошенко пост Верховного главнокомандующего. Вождь народов лично занял эту должность, что прямо свидетель-

ствовало о том, что его вера в профессиональные способности Тимошенко пошатнулась. Сейчас маршал вновь вызвал недовольство Сталина, а столь часто разочаровывать вождем народов — такое может привести к фатальным последствиям в любую минуту. Из маршала СССР можно очень быстро превратиться во врага народа.

— Наше превосходство в силах и средствах, — теперь голос Тимошенко звучал подавленно, — в значительной мере нивелируется сверхмощным ракетным оружием фашистов...

— До каких пор, — гневно перебил его Сталин, — вы собираетесь каждую свою неудачу оправдывать гитлеровскими ракетами, товарищ Тимошенко?! Или вся Советская армия оказалась неспособна противостоять десятку «Фау-2»?!

Лицо Тимошенко приняло оправдательное выражение, он хотел было ответить что-то Верховному, но вместо него неожиданно заговорил маршал Жуков.

— Речь идёт о «Фау-5»! — голос Жукова звучал резко и жёстко. — И это не игрушки!

Своевольность и независимость Жукова были хорошо известны в Кремле, и Молотов лучше прочих знал, насколько это раздражает Сталина. Жуков не испытывал к вождем народов чрезмерного пиетета, считал его плохим военным специалистом и совершенно не боялся последствий. Можно было только догадываться, насколько сильно всё это бесило Сталина, но с этим Верховному приходилось мириться. Маршал Жуков являлся наиболее результативным советским военачальником, полководческий талант которого был признан всеми, включая союзников и противников. Авторитет Жукова в войсках был не просто непререкаем — по данным Берии, он превосходил авторитет самого Сталина. Потопить титана такого масштаба в разгар войны значило как минимум наступление плохо предсказуемых последствий. И вождем народов прекрасно это понимал, вследствие чего ему приходилось терпеть прямо у Жукова.

— Ранее мы с этим оружием не сталкивались! — продолжил Жуков. — Противник до последнего избегал вести по нам огонь этой ракетой, чтобы не раскрывать её потенциал раньше времени. И ему это удалось! Оказалось, что на данный момент нам нечего противопоставить этому оружию. Командование Советской Армии в срочном порядке проду-

мывает методы дальнейшего ведения боевых действий в условиях ракетных атак противника, но на настоящий момент такие методы не разработаны. Поэтому единственно правильным решением является отказ от наступательных действий!

Несколько секунд Сталин молчал, обдумывая слова Жукова, и Молотов заметил явное облегчение, появившееся во взгляде Тимошенко. Фокус внимания вождя народов сместился с него на Жукова, и Тимошенко был этому несказанно рад. Его можно понять. Чего нельзя сказать о Жукове. К нему Молотов относился настороженно. Война рано или поздно закончится, и необходимости терпеть строптивного маршала у Сталина не станет. На что Жуков рассчитывает? На новую войну с бывшими союзниками? Или у него есть иные планы, связанные со своей высокой популярностью в войсках? Интересно, что по этому поводу думает Берия... Но задавать подобные вопросы Берии означает запустить интригу, опасную не только для Жукова. С этим лучше не спешить. По крайней мере до окончания войны.

— Товарищ Жуков. — Сталин заговорил совершенно спокойно и взвешенно, именно так, каким его знал весь СССР. Похоже, относительно Жукова вождь народов придерживался аналогичной позиции. — Объясните более подробно, насколько велика опасность этой «Фау-5» для Советской Армии и предстоящего наступления на Берлин.

— Если не вдаваться в технические детали... — Жуков, несомненно, оценил жест Сталина, не ставшего распалять конфликт, и голос маршала утратил вызывающий тон. Не утратив, однако, свойственной Жукову жёсткости. — То для нас «Фау-5» явилась полной неожиданностью. Это не дорогостоящая баллистическая «Фау-2», которыми противник превратил Париж и Лондон в мёртвые развалины. Ударов «Фау-2» мы ожидали и к ним готовились. Это принесло бы нам увеличение боевых потерь, но в силу высокой численности Советская Армия может пережить мощные, но нечастые удары «Фау-2».

Маршал Жуков зло поморщился и продолжил:

— Но, судя по происходящим событиям, «Фау-5» обходится противнику многократно дешевле и требует меньших сложностей в производстве. Вражеские войска получили тысячи таких ракет. Их разрушительная сила огромна. Это

равносильно тому, если бы наша БМ-13 «Катюша» вела огонь не обычными РС, а двухтонными авиабомбами. При этом «Фау-5» является реактивной, её скорость втрое превышает скорость наших истребителей. Истребители не в состоянии догнать или сбить эту ракету. По той же причине против «Фау-5» оказались неэффективными наши зенитные подразделения. В довершение сказанного необходимо отметить, что «Фау-5» не зависит от метеоусловий.

Маршал сделал паузу, подчёркивая важность того, что прозвучит дальше:

— Но самым главным фактором является количество этих ракет. Как только наши войска переходят в атаку, противник буквально засыпает ими наши атакующие подразделения. Потери огромны, наступление захлёбывается в крови в буквальном смысле. Предпринятые нами и нашими союзниками попытки разбомбить ракетные заводы и пусковые позиции не принесли результата. Бомбовые удары в большинстве случаев поражают ложные цели. Единственным способом сохранить войска в данных условиях является отказ от наступательных действий до момента разработки эффективных методов противодействия. Сейчас таких методов у нас нет.

Жуков умолк, давая понять, что его доклад окончен.

— Товарищ Ванников, — вождь народов перевёл взгляд на наркома вооружений, — почему ваш наркомат до сих пор не предпринял достаточных мер для того, чтобы Советская Армия получила достойное средство противодействия фашистским «Фау-5»?

— Мы делаем всё возможное, товарищ Сталин! — поспешил оправдаться нарком вооружений Ванников. — Нам в руки попало несколько неразорвавшихся «Фау-5», и наши лучшие специалисты разобрали их по винтикам! В настоящее время мы изучаем устройство ракеты!

— И каковы результаты ваших действий, товарищ Ванников? — В голосе Сталина зазвучали металлические нотки, и нарком вооружений понял, что на этот раз отделаться общими фразами ему не удастся.

— Пока неутешительные, товарищ Сталин, — хмуро признал он. — Неразорвавшиеся ракеты попали к нам с полнотью выработанным топливом. Поэтому с абсолютной точностью определить состав топлива мы пока не смогли.

инструкция самого двигателя и ракеты более-менее понятно, но это нам почти ничего не даёт. При изготовлении ракеты немцы использовали несколько типов легированных сталей, ни один из которых в СССР не производится. Аналогов у нас нет. Собрать такую же ракету из собственных компонентов пока невозможно. Понять принцип работы устройства, отвечающего у «Фау-5» за прицельное наведение, не удалось. Оно очень сложное уже само по себе и вдобавок к тому почти полностью разрушается от удара об землю во время падения ракеты.

С каждым словом Ванников смотрел на вождя народов со всё большим опасением.

— Мы не опускаем руки! — поспешил добавить нарком вооружений. — Работы над изучением «Фау-5» идут круглосуточно.

Несколько секунд Сталин молча взвешивал предстоящее решение, после чего обвёл суровым взглядом всех присутствующих и произнёс:

— По данным нашей разведки, не позднее чем через десять месяцев гитлеровцы создадут атомную бомбу. После этого попытки наших учёных и потери Советской Армии уже не будут иметь никакого значения. Потому что мы потеряем весь Советский Союз и весь советский народ. Гитлер станет непобедим и сделает всё, чтобы уничтожить нас в первую очередь.

Вождь народов сделал паузу, словно ожидая возражений, но никто не подал голоса.

— Поэтому партия даёт Ставке Верховного Главнокомандования секретную директиву: вести беспощадное наступление на фашистов, не считаясь с потерями. Подсчитывать потери уже поздно. Сейчас решается судьба мира. Гитлер должен быть разбит любой ценой. До того, как он получит атомную бомбу. Вам понятно, товарищ Жуков?

— Так точно, товарищ Верховный главнокомандующий! — В голосе Жукова зазвенел металл, но больше маршал не сказал ничего. По его взгляду Молотов видел, что Жуков понимает всю степень сложившейся угрозы не хуже вождя народов.

— Это хорошо, — оценил Сталин. — Партия надеется на вас, товарищ Жуков.

Верховный перевёл взгляд на Тимошенко:

— Товарищ Тимошенко, позаботьтесь о том, чтобы именно Советский Союз получил недостроенную атомную бомбу Гитлера и всё, что касается её создания. Это оружие не должно попасть в руки мирового капитализма.

— Есть, товарищ Сталин! — отпартовал Тимошенко.

— Товарищ Молотов. — Вождь народов устремил на него задумчивый взгляд. — Нарком вооружений сказал, что в Советском Союзе нет своих легированных сталей нужного качества. Насколько я помню, год назад вы приносили мне проект советских учёных, обещавший невероятный рывок научно-технического прогресса. Где они?

— Стоимость проекта была огромной, сроки чрезмерными, а большинство достижений — сугубо теоретическими. Согласно вашему решению, товарищ Сталин, проект был закрыт, — доложил Молотов, на всякий случай подчеркнув отсутствие своей ошибки, — а учёные занялись более важными направлениями военной промышленности.

— Партия, — Сталин недовольно взглянул на Молотова, — принимала решение, основываясь на выводах вашей комиссии. Есть мнение, что товарищу Сталину пора пройти медицинский осмотр. На следующей неделе пригласите сюда товарища Сеченова.

Секретный НИИ нацистов в пригороде Берлина

17 марта 1941 г., 7.30 утра

С улицы едва слышно донёсся вой сирены воздушной тревоги, и Гольденцвайг зашагал быстрее. От железобетонной переборки, за которой начиналась лестница на подземные этажи, его отделял десяток метров, и беспокоиться было не о чем. Спуститься под землю он успеет, а там ему уже ничто не грозит. Перекрытия, отделяющие подземные лаборатории НИИ от наземных помещений, имеют пятиметровую толщину, и их не пробьёт даже самая тяжёлая вражеская бомба. Наземная часть здания примет на себя основной удар, и максимум, что случится с подземной частью, это засыпавшее её сверху обрушение. Но на этот случай в подземной части имеется отдельный тоннель, выходящий на поверхность вдали от городской застройки, в пригородном парке.

Вообще, за всё время бомбёжек рядом с НИИ не упало ни одной бомбы. Советы не тратили бомбы на окраины пригорода, предпочитая бомбардировать более центральные районы, в которых подозревали пусковые площадки ракет «Фау-5». Вместо таковых там находились ложные цели, иногда бомбардировщики Советов летели дальше, к Берлину, но и там их ждало разочарование. Кроме немногочисленных истребителей люфтваффе и многочисленных зенитных ракет, найти что-либо ещё им не удавалось.

Ещё большая степень неудачи постигла союзников Сталина. Сполна ощутив на себе всю прелесть немецких «Фау-5», они наконец осознали, почему трёхмиллионная группировка советско-польских войск три месяца не могла пройти каких-то семьдесят километров, отделявших их от окраин Берлина. Сами англо-франко-американские войска за это время продвинулись лишь вдвое дальше. Хотя правильнее было бы называть их американскими войсками. После реванша на линии Зигфрида и последующего контрнаступления, закончившегося захватом половины Франции, от англо-французских войск осталось одно название. Если бы не три миллиона солдат, прибывших из США, разгром Франции был бы завершён полностью, а Англия под ударами «Фау-2» превратилась бы в подобие Лондона, то есть в сплошное кладбище обломков, ещё до того, как из колоний прибыли её последние дивизии.

Но в этот момент Советы продолжили наступление, США и Канада объявили о вступлении в войну, и вермахту пришлось отвести войска к германским границам. У Германии осталось слишком мало солдат, чтобы удерживать столь крупный театр боевых действий. Зато у Германии появилось много ракет! Дальновидность фюрера не вызывает сомнений: сделать ставку на создание оружия возмездия оказалось единственно правильным решением! А ведь многие в руководстве рейха были против столь колоссальных расходов во время войны.

Начальник НИИ, штандартенфюрер СС Шульц, однажды рассказывал, будто в какой-то момент эти люди убедили фюрера в своей правоте. Фюрер заявил, что Германия не может тратить столь крупные средства на малопонятные неосуществимые проекты. В преддверии войны вермахт нуждается в танках, пушках и самолётах. Но вскоре гений

фюрера избрал более логичное направление развития германской науки — научный прогресс! Программы разработки оружия возмездия получили обильное финансирование, и даже война не заставила фюрера свернуть с намеченного пути. И только благодаря этому Германия не просто выжила, но и сотрёт с лица земли своих врагов!

Пока доблестные солдаты вермахта сдерживали натиск полчищ унтерменшей, блестящие научные умы Германии исполнили свой долг перед немецким народом. Прорыв в области ракетостроения был воплощен в реальную и смертоносную силу: На вооружение вермахта поступили ракеты «Фау-5». Символ победы! Недаром название этих ракет пишется не V-5, а V-V! Это одновременно и «Фау-5», и «Фау-Фау», то есть *Vergeltung durch Vernichtung* — «Возмездие через уничтожение»! И это не просто красивые слова. Пока «Фау-5» рвут на кровавые куски войска Советов и США, на секретных заводах рейха заканчивается производство атомных бомб! Рейху необходимо продержаться ещё немного, и настанет час истинного возмездия!

К сожалению, не удалось до конца вычистить в стране гниль предателей, и враги завладели информацией об успехах гениальных учёных рейха. Самолёты США и Советов, не считаясь с потерями, принялись засыпать бомбами немецкие фабрики и заводы. Производства, выпускавшие вооружение и боевую технику, превратились в руины. У вермахта почти не осталось танков и самолётов, однако добраться до заводов, изготавливавших «Фау-5», враги не могли.

Заводы были разбросаны по всей Германии и надёжно спрятаны под землёй. Для их маскировки в различных районах страны построили ложные объекты, которые, вводя в заблуждение вражескую разведку и авиацию, превращались в пепел вместо настоящих производств. Осознав, что уничтожить промышленную мощь рейха не получится, американцы решили сломить дух немецкого народа и принялись превращать в руины мирные города.

В свою очередь, Советы ценой немыслимых потерь форсировали Одер, прорвали первую линию обороны Берлина и окружили город с трёх сторон, намереваясь замкнуть кольцо и начать штурм. Гитлер приказал похоронить врага в Берлине, накрыв город массированным ударом «Фау-5», если войска Советов туда войдут.

Распираемый гордостью и энтузиазмом, Гольденцвайг прошёл через посты пропускных пунктов, добрался до крыла шестого отдела и вошёл в свою лабораторию. Вскоре этот пригород будет захвачен Советами, но НИИ продолжит работу. Часть учёных будет эвакуирована вглубь страны заранее, остальные останутся здесь, под землёй. Подземная часть НИИ может просуществовать три месяца на собственных ресурсах, за это время Берлин станет для коммунистов могилой. Чтобы исключить обнаружение НИИ врагами, его наземная часть будет взорвана. Копаться в развалинах коммунисты не будут, сначала им будет не до этого, а после копать станет некому!

Единственное слабое место — это система вентиляции. Её воздухозаборники выходят на поверхность, расположены они в загородном парке и замаскированы под различные разрушенные постройки. По идее, привлечь интерес солдат противника они не должны, но для надёжности командование НИИ приняло решение разместить на подступах к воздухозаборникам бактериологические мины. Вместо взрыва они будут раскалываться и выпускать наружу творения наших лабораторий! Определённая опасность для себя в этом есть, но это, во-первых, крайняя мера, а во-вторых, подземная часть НИИ обеспечила себя антитоксинами и всеми прочими средствами защиты. Даже если какое-то количество бактериологического оружия пройдёт через фильтры и попадёт сюда, никто не погибнет. Система химических индикаторов заранее поднимет тревогу, все наденут защитное снаряжение и проведут дезинфекцию помещений. Опыт есть.

Облачившись в защитное снаряжение, Гольденцвайг вошёл в опасную зону и приступил к работе. С тех пор как Советы взяли Берлин в полукольцо, его работа перестала быть ежедневной рутинной. Текущие исследования были временно приостановлены, и лаборатории приступили к изготовлению бактериологических мин. Задача не из примитивных: в случае боевого применения заражению подвергнется не какой-то там кагал унтерменшей, а несколько гектаров германского парка под Берлином. Возможно, больше, потому что первую партию бактериологических мин увёз секретный конвой СС. Профессор Кляйн сказал, что в берлинскую ставку Гитлера! Советы будут искать фюрера там, но вместо вождя рейха найдут там проклятие фараонов.

Поэтому никто не может утверждать наверняка, как далеко разнесут инфекцию заражённые солдаты противника. В этой связи всё бактериологическое оружие должно быть изготовлено так, чтобы впоследствии его дезинфекция и нейтрализация могли проводиться быстро и с минимальной опасностью. Лаборатории НИИ в срочном порядке делали боевые штаммы, которыми снаряжались бактериологические мины, максимально нежизнеспособными. Убив вражеского солдата, бактерия должна погибнуть сама. Добиться этого было не так-то легко, именно трупы являются благоприятной средой для основного перечня боевых микроорганизмов. Но наработок в этой области у института имелось достаточно, и тестовые испытания показали, что с задачей лаборатории справились. Осталось лишь правильно упаковать этот подарок врагам рейха.

Корпус бактериологической мины изготовлялся из стекла и требовал повышенной осторожности в обращении, поэтому работа была непростой и кропотливой. До обеда Гольденцвайг снаряжал стеклянные мины, не разгибая спины, и в полдень в громкоговорителях лаборатории раздался голос доктора Кляйна:

— Юный Йозеф, вам стоит сделать перерыв и отдохнуть! Усталость может пагубно сказаться на качестве работы. Я объявляю вам часовой перерыв. Ступайте в комнату отдыха, там как раз начальник института проводит интересную беседу!

Гольденцвайг закончил снаряжать очередную мину, поместил её под микроскоп и убедился, что не допустил появления на поверхности корпуса ни малейших следов боевого вещества. Йозеф положил мину в специальный холодильник, педантично заполнил все прилагающиеся к мине формуляры и документы, после чего перешёл в помещение для снятия защитного снаряжения. Тщательно продезинфицировав свой балахон, он снял снаряжение, покинул лабораторию и направился в комнату отдыха.

Там было достаточнолюдно. На мягких диванах и креслах, расставленных между изящными цветочными горшками, засаженными крупнолиственными растениями, расположились сотрудники нескольких лабораторий. Напротив них в ораторском кресле сидел штандартенфюрер Шульц и беседовал с начальником онкологической лаборатории доктором Циммерманом.

С доктором Циммерманом Гольденцвайг был знаком ещё до вступления в СС. Профессор преподавал онкологию в медицинском институте и был давним другом отца его приятеля Михаэля. Профессор Циммерман запомнил прилежного студента и, когда пришло время, порекомендовал его руководству секретного НИИ. Тогда же Йозеф прекратил все контакты с Михаэлем.

Он объявил начальству, что недоволен пацифистскими настроениями Михаэля и больше не может считать своим другом не патриота Германии. Это добавило ему очков в карьере. Профессор Циммерман практически не общался с Йозефом лично и не оказывал ему никакой протекции, но, встречая в институтских коридорах, неизменно был вежлив с ним и дружелюбен.

Не желая прерывать беседу учёных, Гольденцвайг с не решительным видом остановился в дверях.

— Входите, унтершарфюрер, присаживайтесь. — Циммерман заметил его, указал на свободное кресло и вернулся к разговору с Шульцем. — То есть все это время «Фау-5» подвозили обороняющим Берлин войскам по подземной железной дороге?

— Именно так, мой дорогой коллега! — улыбнулся Шульц. — Эта подземная дорога является одной из строжайших тайн рейха! Упоминание о ней запрещено! Даже сейчас я рассказываю об этом исключительно потому, что здесь собрались истинные патриоты Германии, беззаветно преданные рейху! Всё, что вы слышали, не должно покинуть эти стены! Сегодня уже можно доверять эту информацию самым надёжным людям, таким, как вы. Через две недели те из вас, кому придёт приказ, будут эвакуированы из Берлина именно по этой железной дороге.

— То есть Советы, стремящиеся окружить Берлин в надежде пленить фюрера и победить в войне, обречены на провал? — с довольной улыбкой уточнил Циммерман.

— Скажу больше! — Шульц поддержал улыбку. — Они были обречены на провал с самого начала! С самого первого дня приготовлений к обороне столицы, Берлин задумывался как ловушка для врага. Через две недели всё высшее партийное, военное и государственное руководство покинет город вместе с теми из вас, кому положено. Армии Советов не найдут в Берлине ничего, кроме своей смерти. Пока Со-

веты поймут, что произошло, пока будут прорываться вглубь страны и искать наши подземные заводы, станет уже поздно.

— Наше оружие возмездия настигнет их? — затаив дыхание, спросил Циммерман.

— Совершенно верно, профессор! — Шульц победно усмехнулся. — То, что я скажу вам сейчас, является ещё одной военной тайной: фактически мы уже победили в этой войне. На подземных заводах в настоящее время находятся сто баллистических ракет «Фау-2» в полностью готовом к пуску состоянии. Наши гениальные учёные заканчивают изготовление атомных боевых частей для них!

— Разве уже были проведены успешные испытания атомного заряда? — недоверчиво нахмурился Циммерман.

— Испытаний не будет, — покачал головой Шульц. — На это у нас нет времени. Через месяц Советы будут хозяйничать в Берлине, а союзники захватят большую часть Германии. Некоторые подземные заводы окажутся внутри оккупированной зоны, это предельно опасно и может повлечь за собой катастрофические последствия. Испытания заряда выдадут место взрыва, скрывать существование подземной инфраструктуры станет многократно сложнее и так далее. Мы можем не успеть.

Он воодушевлённо вскинул руку, подражая рейхсфюреру:

— Поэтому Германия пойдёт на риск во имя победы! Сто атомных зарядов изготавливаются одновременно. Они будут установлены на «Фау-2» без испытаний. Удар по врагам и будет этим испытанием. Если не сработает ни один из зарядов, хуже уже не будет. Если заряды сработают, с вражескими армиями и столицами будет покончено. Произойдёт коренной перелом в войне, ознаменующий начало новой эры — эры торжества рейха!

— Вермахт ударит по Берлину атомной ракетой, — сказал Циммерман. — А значит, нам следует подготовиться по-лучше. Укрепить стены подземного хода, усилить воздухозаборные шахты вентиляционной системы.

— В этом нет необходимости, — успокоил его Шульц. — Атомные ракеты поразят крупные скопления вражеских войск, а также наиболее важные города и столицы наших врагов. Азиатские полчища, которые к тому моменту заполнят Берлин, будут похоронены здесь при помощи «Фау-5».

Этих ракет было выпущено столь много, что на секретных складах образовался их переизбыток. Поэтому через две недели, как только враги завершат окружение Берлина, начинается подземная эвакуация. За десять дней из столицы будут вывезены все, кому положено, после чего тоннели подземной железной дороги будут взорваны. Это страховка на тот случай, если вошедшие в столицу враги каким-то образом обнаружат её местонахождение. Так что, даже если подобное произойдёт, это ничего врагу не даст. Если потребуется, мы взорвём подземные тоннели по всей их протяжённости, но враги рейха никогда не найдут наши подземные заводы!

— То есть через четыре недели всё будет готово к возмездию? — с благоговением выдохнул Циммерман.

— Это есть военная тайна максимального уровня секретности, мой дорогой профессор, — голос Шульца принял суровые интонации. — Раскрыть её я не могу. Если честно, то точные сроки мне неизвестны, этот вопрос находится в ведении профильных специалистов. Насколько я представляю себе общую ситуацию, атомные удары станут возможны через пять-шесть недель. Скорее всего, к этому моменту Берлин уже будет оккупирован Советами. Поэтому для вас, тех, кто останется работать здесь, под землёй, сами удары пройдут незамеченными. Но о крахе или победе рейха вы узнаете быстро. Такие известия не заставляют себя долго ждать!

— Это были невероятно счастливые новости! — подытожил Циммерман. — Я давно уже немолод, но мой боевой дух после нашего разговора взлетел на недостижимую высоту! Уверен, атомные заряды сработают!

— Разумеется, дорогой профессор! — Шульц позволил себе снисходительную улыбку. — Да, полевых испытаний не было, это так, но теоретические расчёты проводились многократно, и их безукоризненность была подтверждена лучшими умами рейха более сотни раз. Лично у меня, и не только у меня, нет никаких сомнений в том, что наши враги сгорят в атомном огне.

Шульц извлёк из кармана золотую цепочку с часами, на крышке которых красовался выгравированный нацистский орел, и посмотрел на циферблат.

— Я вынужден вернуться к работе, — произнёс он и поднялся.

Все вскочили со своих мест, но начальник НИИ оставил их жестом:

— Отдыхайте, коллеги. Вам ещё предстоит хорошо потрудиться для становления нового мирового порядка, ведь мы не будем портить атомными взрывами плодородные земли и прочие нужные нам территории. Чтобы очистить их от унтерменшей, потребуются другие, более тонкие, инструменты.

Шульц вышел из комнаты отдыха, и все немедленно заговорили, обсуждая услышанное. Циммерман, явно находящийся под большим впечатлением, тоже сослался на занятость и направился к выходу. Проходя мимо Гольденцвайга, он увидел направленный на себя взгляд и негромко воскликнул:

— Это потрясающие новости, дорогой Йозеф! Сейчас, когда самолёты Советов бомбят Берлин и ничто не предвещает нашей победы, это было сродни откровению свыше! Рано опускать руки, ещё ничего не кончено, всё только начинается!

С этими словами возбуждённый Циммерман покинул помещение.

Запад Германии, несколько километров южнее развалин города Падерборн

В это же время

Пара потрёпанных бронетранспортёров вермахта, заполненных одетыми в форму парашютистов СС автоматчиками, ползла через бесконечный густой лес, и стоящий в кузове головного БТР рядом с пулемётом офицер-эссовец разглядывал в бинокль массивный разрушенный замок, возвышавшийся вдали за верхушками деревьев.

— Мы в заданном районе, — негромко произнёс офицер, опуская бинокль. — Где именно начинается тайная дорога, герр Миллер?

— Я не знаю точно, я же объяснял, — тихо ответил стоящий позади него немолодой чернявый мужчина в поношенном фермерском комбинезоне. — Нас везли туда с завязанными глазами. Я пытался подсматривать, когда делал вид, что сплю, сидя на лавке. Для этого мне удалось прокусить

надетом на голову мешке небольшое отверстие. Но видно через него было очень плохо.

— Но вы достаточно точно указали место на карте, — нахмурился офицер.

— Конечно, это же замок Вевельсбург, тут сложно ошибиться! — Мужчина невольно поёжился от страха. — Воистину жуткое место!

— Не такое уж и жуткое. — В голосе офицера мелькнула ирония. Он протянул мужчине бинокль: — Авиация союзников превратила его в руины. Взгляните, герр Миллер, возможно, вы увидите среди окрестностей что-нибудь знакомое.

— Спасибо, — мужчина поднёс бинокль к глазам, — разбомбили его действительно сильно. Пожалуй, сейчас я впервые рад увидеть последствия бомбардировки. — Он бросил на офицера косой взгляд: — Неужели так необходимо было разрушать Падерборн до основания? Погибли тысячи ни в чём не повинных людей.

— Не знаю, герр Миллер. — Офицер неопределённо пожал плечами. — Мирные города бомбит авиация США, размещившаяся на английских и французских аэродромах, этот вопрос нужно адресовать им. Вы узнаете хоть что-нибудь?

— Нет, герр гауптштурмфюрер, — Миллер напряжённо всматривался в лес. — Но везли нас явно по этой дороге. Через прокушенную дыру я видел Вевельсбург именно с этой стороны. Секретный поворот к подземному лифту должен быть где-то дальше, вон за теми деревьями, что на пригорке вдали.

Бронетранспортёры проползли по лесной дороге пару километров, и всё это время находившиеся в них солдаты стояли спиной к спине, лицами к лесным обочинам, ошетилившись автоматными стволами. Никто не проронил ни звука, все сообщения передавались друг другу короткими заранее проработанными жестами.

— Это точно где-то здесь, герр гауптштурмфюрер, — шёпотом произнёс Миллер, в который раз прильнув к биноклю. — Я помню этот пригорок. Вот обломок сосны, в неё попала авиабомба! Грузовики остановились тут! Дальше я ничего не видел, нам надели на головы поверх мешков ещё что-то. Пропала не только видимость, но и слышимость. Мы были привязаны к общей веревке и шли наугад. Люди часто

падали. Я тоже споткнулся, за это меня ударили автоматным стволом в почку...

Миллер болезненно скривился. Офицер снял с плеча автомат и трижды коротко ударил рукоятью по кабине бронетранспортера. Получив условный сигнал, водитель остановился, следом за ним замерла вторая машина, и офицер сделал жест своим солдатам. Автоматчики покинули бронетранспортеры, и оставшиеся в кузовах пулемётчики развернули пулемётные стволы в направлении леса, беря на прицел противоположные стороны лесной чащи.

— Странно, но здесь нет ни перекрёстка, ни даже тропинки. — Миллер разглядывал обочину дороги. — Я хорошо запомнил этот пригорок и обломок дерева. Нас точно не вели напролом через кусты... Как же так...

— Не исключено, что не все кусты и деревья растут здесь по-настоящему. — Офицер окинул окрестности внимательным взглядом. — Если это искусная маскировка, то дороги просто так не увидеть. Как долго вы сидели в машинах, прежде чем вас повели дальше?

— Точно не помню, — с сожалением вздохнул Миллер. — Я же говорил, нам сделали какие-то уколы перед погрузкой, всё было как в тумане, течение времени воспринималось как-то странно... Но выгрузили из машин нас не сразу, это точно. Но сказать, как долго мы сидели или шли потом, я не могу. Иногда мне кажется, что нас вели через лес часа два. Но в следующую секунду я уверен, что не более десяти минут. Я хорошо запомнил сам лифт, вот эти воспоминания сохранились очень отчётливо!

— Это когда с вас сняли мешки? — уточнил офицер.

— Да, совершенно верно! — Миллер невольно вздрогнул. — Это была совершенно жуткая стальная коробка! Очень большая, нас было не меньше сотни, и мы все в ней уместились! Освещения почти не было, лишь тусклый свет от едва светящих ламп, укреплённых на стенах лифтовой шахты. Лифт был открытым, он шёл вниз, лампы уплывали вверх, и мы то оказывались в кромешной тьме, то снова могли разглядеть стены. На них были изображены изуверские картины: черепа с костями, какие-то чудовища с крыльями и оскаленными пастьями, и от стен этих постоянно шёл какой-то низкий, едва слышный угрожающий рёв. Он словно в кости проникал, тело потряхивало мелкой дрожью, и лю-

и испытывали сковывающий ужас! С тех пор этот кошмар преследует меня во сне!

— Как только мы найдём ваш лифт, кошмарам придёт конец, — пообещал офицер. — Нам бы только туда попасть. Вы уверены, что проведёте нас от лифта к железнодорожной станции?

— Думаю, да, герр гауптштурмфюрер, — кивнул Миллер, тщетно пытаясь определить, какие из окружающих деревьев являются маскировкой. — Этот путь я запомнил очень хорошо. Мы всегда ходили в темноте, не видно было даже идущего впереди. Передвигаться следовало строго вдоль правой стороны лабиринта, положив руку на стену, где-то на уровне плеча. На стене были выбиты специальные желоба, каждый из них различался на ощупь. Время от времени стена прерывалась боковыми ходами. У такого хода желоб либо сворачивал в него, либо переходил в канат, пересекавший поворот, и продолжался на другой стороне. Если желоб переходил в канат, надо было идти вдоль него дальше. Если сворачивал в проход, надлежало поднырнуть под другими канатами, зайти в проход, нащупать на стене свой желоб и идти вдоль него. Первую неделю у меня ныло плечо от постоянного хождения с поднятой рукой. Потом привык.

— Это всё как-то сложно, — заметил офицер.

— Наоборот, — тихо возразил Миллер, — всё просто. Лабиринт большой, разные желоба ведут в разные его части. Работники идут в полной темноте, каждый знает только свой желоб, но ничего не видит, значит, рассказать ничего не сможет. Когда мы стали не нужны, желоба поменяли местами, и все сами пришли к пропасти и упали в неё. Я спасся лишь потому, что в тот день почувствовал, что мой желоб оказался на одну позицию выше, чем обычно. Я понял, что грязные работы завершены и в чернорабочих подземный завод больше не нуждается. Накануне из Берлина как раз пришёл приказ провести очередную чистку. О шпионах, предателях и пятой колонне нам говорили постоянно. Не удивлюсь, если уничтожили только таких, как я, плохо вписывающихся в расовые стандарты.

— Как вам удалось выжить? — Офицер с интересом посмотрел на Миллера.

— Я понял, что мой желоб подменили, и попытался идти не вдоль его уровня, а вдоль того, к которому я тактиль-

но привык, — объяснил тот. — В результате я вышел к железнодорожной станции, там меня заметила охрана. Солдаты начали стрелять, пуля пробила меня насквозь, я упал и подумал, что умираю. Очнулся от того, что вдруг стало очень холодно. Я открыл глаза и понял, что погребён заживо. Вокруг было множество трупов, меня охватил панический страх. К счастью, захоронение оказалось неглубоким, трупы едва присыпали землёй. Я сумел выбраться и увидел, что вокруг горит лес, а сам я на дне оврага. Плохо помню, как добрёл до деревни. Оттуда меня отвезли в город, в больницу. Тогда его ещё не разбомбили полностью, и больница частично функционировала. Дальше вы знаете.

— Обе пули прошли навывлет через мягкие ткани, — объяснил офицер. — Вам повезло, что охрана сочла вас мёртвым и не стала добивать. Видимо, они очень торопились. Трупы в овраге не столько хоронили, сколько прятали от посторонних глаз. Лес горел после бомбёжки, думаю, она-то их и спугнула. Всех ликвидированных, включая вас, просто наспех присыпали грунтом.

— Наверное, вы правы, — вздохнул Миллер, беспомощно озираясь. — Как только мы попадём под землю, я выведу вас к станции. Но я решительно не понимаю, куда идти сейчас и в какой стороне находится лифт.

Несколько автоматчиков, углубившихся в лес, вернулись обратно, и офицер бросил на возглавляющего их солдата вопросительный взгляд. Тот отрицательно покачал головой. Спустя минуту вернулась вторая группа, осматривающая лес правее первой, и их старший повторил жест предшественника.

— Ничего? — понял Миллер, проследив взгляд офицера. — Что же делать?

— Проедем по дороге ещё километр, — решил офицер, — остановимся, развернёмся в цепь и двинемся через лес в обратную сторону. Будем осматривать каждый куст. Если ничего не найдём, зайдём глубже и повторим всё заново. Пока есть возможность, будем искать.

Он молча подал знак своим людям, и автоматчики погрузились на машины. Бронетранспортеры продолжили движение, но проехать запланированный километр не удалось. Метров через пятьсот дорога сделала очередной поворот, и головной бронетранспортёр остановился. Впереди, посре-

и дороги, закрывая проезд, стоял немецкий армейский грузовик со снятым передним колесом, возле которого возились несколько солдат со слесарным инструментом в руках. Рядом с ними стоял майор вермахта и с крайне недовольным видом требовал от солдат работать быстрее. Увидев останавливающиеся бронетранспортёры, он нашёл взглядом их командира и заторопился к нему.

— Господин гауптштурмфюрер! — требовательно произнес майор. — Мне требуется срочная помощь! У меня секретный приказ командующего западной группировкой!

Майор извлёк из кармана сложенный вчетверо лист гербовой бумаги и вперил в офицера СС требовательный взгляд. Тот покинул бронетранспортёр, коротко отсалютовал майору и развернул протянутую бумагу. Приказ был подписан высокими чинами и предписывал всякому оказывать подателю сего любое содействие.

— Как я могу вам помочь, господин майор? — Гауптштурмфюрер вернул ему бумагу.

— Я везу срочный груз на подземный завод! — раздражённо ответил майор. — Но мой болван водитель умудрился угодить колесом в воронку на дороге! В результате повредилась колёсная ось. Я рассчитывал, что дотяну до лифта, но удача оказалась не на моей стороне. Ось всё-таки лопнула, и мы застряли на дороге, не дотянув до цели совсем немного! Вы должны помочь мне доставить груз на завод! Мы перегрузим ящик на ваш бронетранспортёр, и вы отвезёте нас к лифту!

— Яволь! — козырнул эсэсовец. — Грузите!

Майор отдал своим солдатам команду, те побросали инструмент и с виноватым видом принялись выволакивать из грузовика большой деревянный ящик с нацистскими эмблемами и штампами «Совершенно секретно», «Соблюдать осторожность» и «Не переворачивать». Солдаты майора, пыхтя и отдуваясь, вчетвером подтащили ящик к головному бронетранспортёру, автоматчики СС открыли створки заднего люка и загрузили его в десантное отделение. Майорские солдаты кое-как примостились на броне, сам майор следом за гауптштурмфюрером влез в бронетранспортёр и заявил:

— Мы можем отправляться! Грузовик останется здесь, мы заберём его позже!

— Как хотите, господин майор, — ответил гауптштурмфюрер. — Куда направляться?

— К подземному лифту! — скомандовал тот.

— Яволь! — невозмутимо ответил гауптштурмфюрер. — Указывайте дорогу, майор!

— Может быть, прикажете мне ещё за руль сесть?! — возмутился майор. — Начинайте движение, гауптштурмфюрер, мы теряем время! В любой момент в небе могут появиться бомбардировщики американцев!

— Подземный завод, — эсэсовец был по-прежнему невозмутим, — есть сверхсекретное предприятие, на котором куется оружие возмездия. Это последняя надежда рейха и его величайший триумф. Поэтому мы будем оборонять его до последнего вдоха. Я не могу подвергать завод даже малейшему риску. Указывайте дорогу, господин майор! Если вы остались без транспорта, я доведу ваш груз до цели. Но я не имею права разглашать кому бы то ни было маршрут в святая святых нашей победы! Либо показывайте дорогу, либо вылезайте и оставайтесь здесь! Я доставлю ваш груз без вас и ваших людей! Таков приказ рейхсфюрера!

— Гауптштурмфюрер. — Майор устало вздохнул, всем своим видом демонстрируя утомлённость от бесконечной твердолобости деревянных по пояс солдафонов из СС. — У меня есть абсолютно аналогичный приказ фельдмаршала, но я не буду тратить время на соревнования в предъявлении полномочий. Не имею права подвергать сверхсекретный и сверхважный груз опасности попасть под бомбы американцев! Поэтому я остаюсь здесь. Главное — доведите груз как можно скорее. А сейчас прошу вас выйти из машины. Я должен объяснить вам, куда и кому именно отдать груз. Это совершенно секретная информация, её не должен слышать никто, кроме вас! — Он скользнул взглядом по своим людям. — Выходим!

С этими словами майор полез к выходу, и гауптштурмфюрер последовал за ним. Оба вылезли из БТР, майор отошёл подальше и поманил к себе эсэсовца. Эсэсовский офицер не стал спорить и подошёл к нему. Майор дождался, когда его люди отойдут от бронетранспортёров, оказываясь поблизости, и достал из кармана ещё один документ.

— Здесь указаны фамилии офицеров, которые имеют право принять груз! — Майор развернул бумагу и вручил её эсэсовцу: — Прочтите и запомните наизусть!

Эсэсовец взял документ, опуская взгляд на его строки, в следующую секунду майор резким движением ударил его по голове зажатой в кулаке яварой. В этот же миг оставленный внутри БТР ящик взорвался, разлетаясь на куски и распыляя оставшихся в бронетранспортёре автоматчиков. Одновременно со взрывом майорские солдаты ринулись на гауптштурмфюрера, планируя схватить его за руки и за ноги.

Но неожиданно всё пошло иначе. В последний миг эсэсовский офицер выверенным боксёрским нырком избежал атаки яварой и на выходе из нырка нанёс майору точный боковой удар. Майор рухнул, теряя сознание, и гауптштурмфюрер резким прыжком ушёл от бросившихся на него майорских солдат. Эсэсовец отлетел в сторону, падая на спину, и, не обращая внимания на боль, рванул болтающийся на шее автомат. Очередь в упор срезала ближайшего майорского солдата, остальные попадали наземь, и один из них громко выкрикнул:

— Хэлп!!!

Из леса ударил ружейно-пулемётный огонь, и вокруг гауптштурмфюрера густо заплесали фонтанчики земли, выбиваемой десятками пуль. Кинжальный огонь прижал эсэсовца к земле, и он рывком перекатился за ближайший куст, быстро сползая в первую попавшуюся рытвину. Пока невидимая засада осыпала пулями бронетранспортёры, оставшаяся тройка майорских солдат не рискнула лезть за гауптштурмфюрером, схватила своего майора и бегом бросилась в лес. Второй БТР взревел двигателем, рванул вперёд и ударил по тормозам, останавливаясь между бьющими из леса очередями и залёгшим эсэсовским офицером. Укрывшиеся в десантном отделении автоматчики метнули в лес десяток гранат, и пулемётчик открыл подавляющий огонь, вспарывая лес длинными очередями. Автоматчики распахнули задние двери, прикрываясь их створками от пуль, покинули БТР и залегли под защитой обеих машин, переходя на прицельную стрельбу. Засада не стала рисковать, продолжая бой, и ведущийся из леса огонь прекратился.

На минуту в лесу воцарилась тишина, прерываемая испуганными криками стаи мелких птиц, и вскоре всё стихло окончательно. Эсэсовский офицер выбрался из своего нехитрого укрытия, перепаханного пулями вдоль и поперёк, и подошёл к убитому им майорскому солдату.

— Уроды! — процедил он сквозь зубы по-русски. — Поздно я догадался, мать вашу!

— Товарищ старший лейтенант! — От второго БТР к нему спешил немолодой солдат в форме обершарфюрера. — Александр Иванович! Вы целы?

— Цел я, Михалыч, что со мной будет, — раздосадованно поморщился офицер, стирая тонкую струйку крови, стекающую из царапины на виске в пересекающий щеку старый шрам. — Да только поздно сообразил, что не фашисты это! Какие у нас потери?

— Четверо убитых, шестеро раненых, — нахмурился Михалыч. — Миллер погиб, его снайпер снял, прицельно, в лоб. БТР на ходу, но приборную панель осколками побило сильно. — Он стёр со лба земляное крошево. — Я уж думал, не успею к вам! Или убьют вас, или утащат, супостаты заокеанские! Как вы их вычислили?

— Рожи у его солдат ни хрена не немецкие, — скривился Кузнецов, в сердцах пиная сапог американского диверсанта. — Союзнички, мать вашу! Столько людей погубили, и вся операция коту под хвост! Уходим, Михалыч, да поскорее, скоро здесь будут либо настоящие эсэсовцы, либо американские бомбардировщики.

— А эти как же? — Михалыч зло кивнул в сторону леса.

— Эти уже далеко, — вздохнул Кузнецов. — Уносят ноги подбру-поздорову. Не хуже нашего знают, что сейчас начнётся.

Он кивнул на труп американского диверсанта:

— Этого — с собой. Сдадим командованию в своё оправдание. Не то ещё сделают виноватыми, у нас это запросто.

Москва, Кремль, экстренное совещание у Сталина

Двое суток спустя

Рабочий кабинет Сталина оказался точно таким же, каким был на пропагандистских фотографиях, известных всему Советскому Союзу. Место Сеченова за длинным столом, занимающим добрую половину кабинета, находилось почти в самом углу, и общую обстановку помещения отсюда было видно особенно хорошо. Про себя он отметил, что кремлёвский фотограф либо действительно не лукавил, либо у Ста-

на имелось больше одного кабинета. Потому что прежний руководитель НИИ мозга ещё до своего ареста и последующего расстрела не раз упоминал, будто настоящий кабинет видя народов спрятан где-то в Кремле и из ложного кабинета туда якобы ведёт тайный ход, хитроумно скрытый в двойной стене.

Правда ли это, Сеченова не интересовало, особенно сейчас, когда сюда срочно привезли всех его научных соратников. Его самого офицеры НКВД вытащили прямо из операционной. На все протесты категорично заявили, что судьба солдата, лежавшего на операционном столе, ничто в сравнении с судьбой всего советского народа, которая решается прямо сейчас, а стало быть, при отказе покинуть операционную раненого будут вынуждены застрелить, а самого учёного в любом случае доставят в Кремль, даже если придётся нести его на руках. Пришлось подчиниться.

На аэродром машина НКВД мчалась так, словно водитель обезумел. Насколько быстрее положенного летел военный самолёт, доставивший его из прифронтового госпиталя в Москву, Сеченов определить не мог, не будучи лётчиком. За пять часов полёта никто из сопровождавших его офицеров НКВД не проронил и десятка фраз, все сидели молча, выглядели сурово, хмуро и крайне озабоченно. Потом автомобильная гонка повторилась, только мчащийся по Москве автомобиль НКВД уже был не один — его сопровождал кортеж автоматчиков на мотоциклах и пара точно таких же зловещих чёрных воронок, похожих друг на друга как две капли воды. Кортеж въехал в Кремль не останавливаясь, для чего въездные ворота в кремлёвской башне заранее распахнули при их приближении.

Когда Сеченова завели в просторное помещение с длинным рабочим столом и широкими окнами, наглухо зашторенными тяжёлыми толстыми портьерами, он был очень удивлён увидеть там своих товарищей по научной когорте. К тому моменту в кабинете уже находились Павлов, Курчаков и Челомей. Лебедева с Филимоненко завели следом за Сеченовым, ещё спустя десять минут привели Захарова. Обычно Сеченов и Захаров работали вместе, но за день до этого он отправил Харитона в центральный госпиталь в Москве, забрать экспериментальные данные свежих опытов, поставленных по его указанию. Офицеры НКВД забрали

Захарова прямо из лаборатории и привезли его в Кремль в лабораторном халате, с рабочей папкой в руках.

Никаких объяснений сотрудники НКВД никому не дали, поэтому никто ничего не знал, и в первые минуты каждый подумал, что арестован и сейчас будет подвергнут репрессиям. Оказавшись в кремлёвском кабинете, которого немедленно принялась обсуждать общие исследования, и создававшаяся картина выглядела удручающе: нужды военного производства отнимали все силы, учёные работали по восемнадцать-двадцать часов в сутки, на собственные исследования время удавалось находить крайне редко, а чаще не удавалось вообще. Фактически общее дело почти не продвинулось за эти годы, лишь частные эксперименты Сеченова и Захарова, напрямую связанные с военной медициной, могли продемонстрировать хоть что-то новое. Да и на них времени оставалось в обрез, и потому результаты оставляли желать много более лучшего.

Прошло около получаса, в кабинет зашли первые лица партии и правительства, и научная беседа стихла сама собой. Потом появились представители высшего военного командования. Сталин вошёл последним. Сеченов встречался с ним месяц назад, в феврале, во время внепланового медосмотра. Вождь народов пожаловался на сильное нервное напряжение, и Сеченов провёл трёхчасовой сеанс полимерных процедур, результатом которого Сталин остался доволен. После Сеченова отвели к Молотову и наркому Ванникову, где ему задали несколько вопросов о легированных сталях, которые он переадресовал Челомею и Королёву, надеясь, что это положительно повлияет на судьбу последнего.

Как только что выяснилось из рассказа Челомея, ни Королёва, ни Вавилова на свободу так и не выпустили. Но вроде бы перевели в какую-то спецтюрьму, где режим много мягче, и велели разбираться в устройстве новых боевых ракет вермахта. Иной информации об их судьбе не имелось, и слабая надежда Сеченова на то, что обоих тоже доставят сюда, вскоре сошла на нет.

Войдя в кабинет, Сталин коротко поздоровался со всеми и негромко заявил:

— Товарищи! Партия собрала вас здесь, потому что над Советским Союзом и всем миром нависла чрезвычайная

роза! Мир на грани гибели, и это не преувеличение. Наши разведчики, пробравшиеся в самое сердце гитлеровского тыла, двое суток назад раскрыли чудовищную тайну нацистов: гитлеровские учёные создали атомную бомбу! Точных данных добыть не удалось, но однозначно известно, что фашисты уже приготовили к пуску сто ракет «Фау-2» и в настоящее время завершается изготовление ста атомных зарядов.

Вождь народов обвёл учёных суровым взглядом:

— Атомные заряды будут установлены на ракеты и выпущены по Советской Армии и по крупным городам СССР и его союзников. Запуск ракет состоится самое позднее через пять недель, а возможно, и раньше. После этого нацисты произведут ещё больше атомных ракет. Гитлер объявил своим приспешникам, что атомная война будет вестись до полного уничтожения врагов фашизма.

Сталин сделал паузу и с нажимом произнёс:

— В эти тяжёлые дни Советский Союз как никогда раньше нуждается в вас, товарищи учёные. В вашем научном гении, производственной смекалке и коммунистической сознательности. Нам нечего противопоставить атомным ракетам нацистов. Мир на пороге гибели. Вы должны спасти его. Спасти всех, не только советских граждан, все народы планеты!

Вождь кивнул, и несколько генералов разложили перед учёными гербовые папки с секретными документами.

— Ознакомьтесь, — велел Сталин. — Это информация, добытая нашей резидентурой. Друзья-подпольщики из германской компартии и разведка союзников подтверждают эти данные.

Сеченов открыл папку и углубился в чтение совсем небольшого количества машинописных листов. Перед глазами учёного быстро возникала ужасающая картина происходящих событий. Решение о вступлении в войну с Германией было принято спонтанно, далеко не в лучший для СССР период. Армия СССР значительно превосходила фашистов в численности как живой силы, так и боевой техники различных видов. Но имеющееся у СССР вооружение в основной своей массе являлось давно устаревшим и неэффективным, безнадёжно отставая от современных стандартов военного дела. Громкие победы, спасение Европы от фаши-

стской угрозы, освобождение Польши, Румынии, Болгарии и других стран — всё это было достигнуто ценой огромных людских потерь.

На мгновение Сеченов закрыл глаза. Это действительно так. С первых месяцев войны он, будучи врачом и нейрохирургом, всю свою деятельность посвятил военной медицине. На его глазах сначала прифронтовые, а после и тыловые госпитали заполнились сотнями тысяч раненых советских солдат. Ежедневно во всех госпиталях СССР находилось от пятисот до шестисот тысяч раненых, и далеко не каждого из них удавалось спасти. Понять точное количество погибших было невозможно, официальные сводки занижались в несколько раз, и цифры потерь, выдаваемые правительством и официальными инстанциями, разительно отличались от рассказов искалеченных фронтовиков, умиравших в переполненных госпитальных палатах на его глазах.

Не единожды раненые офицеры, попавшие к нему на операционный стол, прямо говорили, что официальные сводки потерь нужно умножать на десять, и это будет минимально реалистичная картина, ибо в действительности убитых ещё больше. Но, вставая на ноги, вчерашние пациенты становились хмурыми и молчаливыми. На вопросы о потерях они больше не отвечали, ибо за теми, кто продолжал говорить на эту тему, очень быстро приезжал точно такой же чёрный воронок, что доставил Сеченова сюда. Как врач, лично оперирующий в разных прифронтовых госпиталях, Сеченов видел, что, в отличие от официальных документов, не всегда досконально согласованных меж собой, очевидцы кровопролитных боёв не лгут. Любое наступление сопровождается лавинообразным притоком раненых, и он мчался туда, где его помощь была нужнее всего. Разницу между официальными цифрами и реальностью он видел собственными глазами.

Всё это было ужасно, но неизбежно. Изю всех сил стараясь облегчить страдания раненых и спасти как можно большее количество таковых, Сеченов искренне надеялся, что это неизбежное зло поможет уничтожить зло ещё большее. Пусть ценой высоких потерь, пусть огромной кровью, но Советская Армия всё-таки переломила ход войны и вышвырнула фашистов обратно в Германию. Оставалось

разбить врага в его собственном логове, и чудовишно кровавое время закончится. Ради этого стоило терпеть страдания, и он терпел вместе со всеми.

Наверное, кому-то может показаться, что судьбу врача, оперирующего в тылу, тяжёлой не назовёшь. Да, это не то, что ползти под гусеницы фашистских танков со связкой устаревших гранат, взрыв которых оставляет для бросающего совсем крохотные шансы выжить. Но только практикующий врач может понять, что чувствует хирург, пациент которого умирает на операционном столе, истерзанный жуткими ранами, и всё твоё умение оказывается бессильно его спасти. Сколько за прошедший год было таких случаев? Тридцать? Пятьдесят? Семьдесят? Он старался считать только удачные операции, таких были тысячи, но память упрямо считала не эти тысячи, а те десятки...

Однако несколько месяцев назад всё в одночасье стало гораздо более жутким. Советская Армия под предлогом реформы сделала передышку в непрерывных наступательных действиях. К этому времени промышленность СССР начала выходить на серьёзные обороты, всё производство было подчинено ведению войны, и армия получила свежие полки и новую боевую технику. Форсирование Одера и последующее взятие Берлина виделись всем делом пары месяцев, и оптимизм советского народа сильно возрос. В решающий день Советская Армия начала масштабное наступление на едином фронте от Балтики до Померании, сосредоточив для этого на указанных рубежах до трёх миллионов солдат, десятки тысяч орудий, танков и самолётов. Противостоящая им группировка вермахта имела численность, едва превышавшую полмиллиона, при этом количество танков и самолётов противника было мизерным.

Но вместо разгрома последних сил нацистов Советская Армия столкнулась с секретным детищем германских учёных, ракетами «Фау-5». Пока весь мир считал, что, оставшись без нефти, а следовательно, без авиации и бронетанковых клиньев, немецкая военная машина обречена, гитлеровцы верно оценили сложившиеся перспективы и сделали ставку на ракетное оружие. Этого не ожидал никто. Потери мгновенно возросли в воистину ураганных пропорциях. За последние несколько месяцев личный состав войск, гибнущих под ударами «Фау-5», сменился полностью. О поте-

рях убитыми можно было лишь догадываться, все данные были мгновенно засекречены, генералы, наркомы и прочие официальные лица все как один называли настолько заниженные цифры, что поверить в них Сеченову не удавалось при всём желании.

Госпиталей, хирургов, медперсонала и медикаментов стало остро не хватать не только в прифронтовой зоне, а просто везде. Количество раненых, одновременно находящихся на лечении, выросло с шестисот тысяч до трёх миллионов и продолжало расти. Подавляющее их количество имело черепно-мозговые травмы, потому что «Фау-5» могли взрываться не только от удара об землю, но и прямо в воздухе, находясь в десятке метров над головами атакующих советских подразделений. Количество осколочных ранений мозга резко стало запредельным, нейрохирургов не хватало катастрофически, быть сразу везде невозможно, и раненые умирали сначала десятками, а теперь сотнями.

Сеченов с Захаровым метались по прифронтовым госпиталям во главе созданных из наиболее перспективных хирургов нейрохирургических медотрядов, но полсотни утомлённых от бесконечного недосыпа врачей не могут встать за тысячу операционных столов. Единственное, что придавало ему сил, это сознание того, что вскоре последние остатки фашистских войск захлебнутся в крови советских солдат. Жестокая кровопролитная война закончится, и подобный ужас более не повторится. И вот сейчас оказывается, что миллионы смертей привели лишь к тому, что за ними последуют миллиарды смертей.

Закончив читать правительственные документы, Сеченов несколько мгновений не мог заставить себя погрузиться в раздумья. Столько крови, столько смертей, половина мира будет отравлена на сотни лет, скольким удастся выжить? И всё ради чего? Ради власти, которую не могут поделить несколько кучек мировых воротил. Ради каких-то мелких принципов, субъективных взглядов, собственных тем или иным людям... которые не могут отрицать эгоистичные стремления ради всеобщего объединения в единое и процветающее целое... Неужели понять это столь сложно?

С трудом заставив себя сконцентрироваться на происходившем, Сеченов прислушался к завязавшейся между учё-

ними беседе. Его товарищи по научной когорте пытались придумать способы, как лучше противостоять фашистам, но пока ничего эффективного предложить не могли.

— Если б в тридцать восьмом нашу программу не вышвырнули в мусорную корзину, — тихо вздохнул он, — сейчас всё могло быть иначе...

Собравшиеся вокруг учёные хмуро покосились на Сталина, но тот либо не услышал негромкой фразы Сеченова, либо сделал вид, что не услышал. Остальные высшие чины никак не отреагировали на эти слова. Обсуждение продолжилось. За последующие четверть часа было выдвинуто и отвергнуто множество вариантов, и стало ясно, что противопоставить сотне атомных ударов нечего. Даже убежищ, способных защитить от атомного взрыва, столь мало, что они не смогут спасти Советский Союз от уничтожения. Как-то часть граждан, безусловно, уцелеет, но всем им суждено быть поработанными фашистскими армиями, которые продолжают захват мира.

— Дима, — негромко произнёс Захаров, доселе молча чертивший формулы органической химии прямо на листах правительственного доклада. — Может, попробуем их отравить?

— Ты о чём? — Сеченов устало потёр воспалённые глаза.

— О твоём полимерном Реверсанте, — ответил друг. — Вернём вирусу агрессивные свойства, увеличим инкубационный период и выпустим на фашистов. Если заняться прямо сейчас, на переконструирование хватит четырёх-пяти дней. Плюс двое суток на подбор нужного штамма бактерий.

— Ты хоть представляешь, что мы тогда сотворим, Харитон?! — ужаснулся Сеченов, мгновенно представляя себе то, о чём говорит Захаров. — Это категорически неприемлемо! Погибнут сотни тысяч! Ты хочешь взять на свою совесть столько смертей?

— А так погибнут миллионы, — вяло парировал Захаров. — Их смерти уже никто на свою совесть не возьмёт. Потому что у виновников атомной геенны совести нет. Им наплевать. Ну и что лучше, Дима?

— Неприемлемо, — отмахнулся Сеченов. — Зараза сожрёт невинных, а виноватые могут и уцелеть: они же под землёй. Зачем губить столько живых душ без гарантий?

Захаров хотел было что-то ответить, но зазвучавший голос Сталина заставил всех торопливо умолкнуть:

— Товарищ Сеченов! О чём говорит товарищ... — Он вопросительно посмотрел на Молотова, и тот поспешил подсказать:

— Товарищ Захаров!

Сталин кивнул:

— Товарищ Захаров. — Вождь народов вперил в Сеченова пристальный взгляд.

Тот нахмурился и принялся объяснять:

— После начала войны наш институт по заданию советского руководства сосредоточил свои усилия на военной хирургии. С фронта приходит большое количество раненых с черепно-мозговыми травмами, в том числе с осколочно-пулевыми ранениями мозга. Спасти таких пациентов зачастую было невозможно, и мы пытались найти способ хоть как-то повысить их шансы на выживание. Год назад я попытался на основе полимеров создать активную биологическую конструкцию, способную стимулировать повреждённые клетки мозга к восстановлению и последующему делению. После ряда неудач мне это удалось, с тех пор мы с Харитоном Радеоновичем по мере сил и возможностей улучшаем данную конструкцию. Дело в том, что наши полимеры — это уникальное явление!

По мере объяснения голос Сеченова звучал всё более уверенно и увлечённо:

— Полимеры — это не просто смесь тяжёлой воды, кремния и германия плюс пара прочих составляющих. Это в прямом смысле волновое вещество! Полимер нельзя назвать живым или мёртвым, как нельзя назвать жидким или твёрдым. В грубом приближении это желе, внешне аморфное, но постоянно вибрирующее на молекулярном уровне. Молекулы полимеров поддерживают между собой волновую связь! Звучит невероятно, но это факт! Данное свойство делает полимеры не только невероятным по своей ёмкости накопителем информации, но и, в будущем, при серьёзных научных исследованиях, сделает возможным создание полимерной системы всеобщей связи и коммутации. Сейчас мы находимся настолько в начале этого пути, что даже не можем предположить всей полноты возможностей, открывающихся перед наукой благодаря полимерам! Их разновидностей может

быть великое множество, и каждая позволит достичь уникальных свершений в той или иной области науки...

— Как это может помочь Советскому Союзу победить фашизм? — перебил его Сталин. — Товарищ Сеченов, партия ценит гениальный ум советских учёных, но сейчас у нас нет времени на долгие запутанные лекции. Излагайте по существу!

— При помощи полимеров, — вздохнул Сеченов, — мы упаковали в бактерию несколько вирусов. В обычных условиях и бактерия, и вирусы представляют для человеческого мозга смертельную опасность. Они легко преодолевают гематоэнцефалический барьер и поражают мозговые клетки. В ходе научных работ нам удалось перестроить вирусы в обратном направлении: вирус, встраиваясь в клетку, заставляет её не копировать вирусную ДНК, тем самым разрушаясь, а реставрировать собственную. Это стимулирует повреждённую клетку саморемонтировать, выздоравливать и даже делиться, восстанавливая повреждённый мозг. К сожалению, процесс этот освоен нами в самой что ни на есть первичной форме. Он несовершенен и далеко не во всех случаях приводит к выздоровлению пациента. Но это всё равно лучше, чем ничего! Со временем из этого едва живого направления может развиваться уникальная методика лечения головного мозга...

— Это действительно впечатляющая перспектива, — вновь перебил его Сталин. — Если Советский Союз выживет, вы обязательно получите возможность провести данные исследования на серьёзной основе. Но сейчас всем нам грозит неотвратимая гибель. Предлагаю вернуться к борьбе с фашизмом!

— Вы правы, товарищ Сталин, — голос Сеченова утратил былой энтузиазм. — В общем, насколько я понимаю, Харитон Радеонович предлагает вернуть вирусам, входящим в состав полимерного Реверсанта, их родные свойства. То есть вновь заставить их уничтожать клетки головного мозга, а не лечить их. Так, Харитон?

Сеченов перевёл взгляд на Захарова, и тот заговорил, напористо и уверенно:

— Совершенно верно! Благодаря полимерным вставкам, свойства бактерии и вирусов, составляющих Реверсант, серьёзно усилены, а скорость их воздействия многократно

ускорена. Боевой Реверсant сможет впитаться в кожу врага практически мгновенно, быстро проникнуть в мягкие ткани, оттуда в капиллярную, а затем и в основную систему кровообращения. Полагаю, что уже через пять-десять минут после контакта Реверсant достигнет головного мозга и начнёт уничтожать его клетки.

Захаров увидел, как Сеченов пытается что-то возразить, сделал предостерегающий жест, не позволяя ему заговорить, и продолжил:

— Чтобы враг не умер слишком быстро, я увеличу инкубационный период на срок до недели, это максимум наших возможностей. Но заражать окружающих инфицированный начнёт сразу, как только боевой Реверсant достигнет мозга, то есть, как уже было сказано, через пять-десять минут. Для самокопирования вирусам полимеры станут уже не нужны, так что какие-то из характеристик Реверсанта, скорее всего, несколько снизятся, но это ничего не изменит в глобальном плане! За семь суток инкубационного периода враги, ни о чём не подозревая, сами разнесут заразу по всему своему окружению! И когда инкубационный период закончится, все фашисты умрут в мучениях!

— В первую очередь умрут ни в чём не повинные люди! — не выдержал Сеченов. — Гражданские немцы и без того живут под пятой нацистов. Они погибнут, а настоящие враги укроются под землёй.

Он ткнул пальцем в лежащую перед собой раскрытую правительственную папку.

— Никто даже не знает, где они находятся! — продолжил Сеченов. — С чего ты решил, что Реверсant доберётся до них, а не до простых людей и наших солдат, окруживших Берлин?

— Ради спасения целого мира можно пожертвовать каким-то количеством отдельных людей, — веско возразил Захаров. — Разве не так, Дима? Что дороже: два с половиной миллиарда жителей планеты или же шестьдесят миллионов немцев, из которых какая-то часть и есть те самые фашисты?

— Никто не дороже и не дешевле! — возмутился Сеченов. — Всё это люди! Твоё предложение неприемлемо в принципе!

— Партия, — жёстко заявил Сталин, заставляя Сеченова замолчать, — находит предложение товарища Захарова един-

ственным способом спасти советский народ и весь мир от атомных бомб Гитлера! — Он посмотрел на Захарова: — Сколько вам потребуется времени для изготовления этого, как вы сказали, боевого Реверсанта? Неделью, я вас правильно понял?

— Совершенно верно, товарищ Сталин, — ответил Захаров. — Главная проблема не в создании Реверсанта, а в противоядии от него. Нам потребуется вакцина, чтобы прекратить эпидемию, когда настанет пора. Кроме того, вакцина нужна для того, чтобы обезопасить наши войска, окружившие Берлин. Солдаты могут заразиться при контакте с инфицированными фашистами или беженцами из городских районов, охваченных эпидемией.

— Сколько нужно времени для производства вакцины? — уточнил Сталин.

— Этот вопрос лучше задать Дмитрию Сергеевичу, — покачал головой Захаров. — Реверсant — это его детище. Когда мы работали над самыми первыми вариантами Реверсанта, у Дмитрия Сергеевича имелось противоядие. Собственно, я тогда случайно подхватил один из вирусов, когда упаковывал его внутрь активной бактерии. Одной инъекции антидота хватило, чтобы организм справился с заражением без последствий.

Сталин вновь перевёл взгляд на Сеченова:

— Как быстро вы сможете сделать вакцину, товарищ Сеченов?

Сеченов беспомощно закрыл глаза и предпринял последнюю попытку:

— Вакцина была готова ещё год назад, я создал её до того, как начал экспериментировать с опасными составляющими Реверсанта. Но это ничего не значит! Это лабораторный образец для работы в лабораторных же условиях! То есть в условиях, близких к идеальным! На деле же любой из вирусов, оказавшись на улице, может мутировать! Транспортная бактерия, в которую они упакованы, тоже может мутировать! Нет никаких гарантий, что вакцина сможет погасить эпидемию! Требуются месяцы серьёзных исследований и экспериментов, чтобы убедиться в этом! Харитон Радеонович, как серьёзный учёный, не может этого не понимать!

— В первую очередь, Дима, — спокойно парировал Захаров, — я понимаю, что у нас нет этого времени. Через месяц мир сгорит в атомном огне фашистов.

— Партия очень хорошо понимает... — голос и взгляд Сталина, направленные на Сеченова, были воплощением участия и сострадания. Это застало Сеченова врасплох. Кто бы мог подумать, что Сталин способен на такие чувства...

Тем временем Сталин продолжил:

— ...Насколько тяжело советскому учёному принять мысль об уничтожении тысяч безвинных людей. Это тяжёлое бремя, огромным камнем лежащее на душу любого советского человека. Но другого выхода спасти мир у нас с вами нет, товарищи.

Вождь народов клятвенным тоном закончил:

— Мы сделаем всё, чтобы жертвы среди ни в чём не повинного населения были минимальны. Советский Союз не стремится стать палачом народов! У нас есть способы направить этот неотвратимый удар точно в сердце нацизма!

Сталин сделал многозначительную паузу и вновь перевёл взгляд на Захарова:

— Сколько самолётов потребуется для перевозки этого оружия к Берлину?

— Самолётов? — непонимающе нахмурился тот. — Один самолёт, я полагаю... Для запуска эпидемии достаточно одной колбы с боевым Реверсантом. Можно, например, выпачкать им дверную ручку в здании фашистского штаба... Или поступить ещё как-нибудь, аналогичным образом... Враги сами разнесут заразу дальше. Даже если они тщательно вымоют руки после контакта с веществом, это их не спасёт. Полимерная бактерия всасывается в кожные покровы мгновенно.

— В таком случае решение принято! — подвёл итог Сталин. — Через час для вашей работы будут созданы любые условия. Начинайте, товарищи учёные! — Вождь народов повернулся к Берии: — Товарищ Берия! Партия приказывает вам позаботиться о том, чтобы, кроме присутствующих здесь товарищей, никто и никогда не узнал ни единого слова, произнесённого на этом совещании. Никто и никогда не должен узнать о том, чем будут в ближайшие дни заниматься товарищи Сеченов и Захаров. Вам понятно задание партии?

— Так точно, товарищ Сталин! — Берия окинул всех маниакальным взглядом. — Мы пойдём на любые меры для того, чтобы сохранить в тайне наш ответ фашистам!

Усиленный патруль полевой жандармерии, возглавляемый немецким офицером, двигался по тротуару вдоль мощённой камнем дороги, окидывая внимательными взглядами попадающихся навстречу немногочисленных прохожих. С тех пор как войска Советов подошли к Берлину вплотную, людей в этой части пригорода стало вдвое меньше. Столица окружена коммунистами с трёх сторон, транспортное сообщение с остальной Германией сохранилось только на западе города, отсюда же до укреплений третьего оборонительного кольца, опоясывающего Берлин, осталось чуть больше километра. Не удивительно, что народа здесь поубавилось.

Возглавляющий патруль офицер поднял голову и всмотрелся в низко нависающие серые облака. Сегодня пасмурно, возможен дождь. Мокнуть под дождём не хотелось, а вот нелётная погода — это очень хорошо. Сегодня бомбёжек точно не будет. Впрочем, бомбардировщики союзников досюда не долетают, это зона ответственности Советов. А Советы спальные районы почти не бомбят, предпочитая бомбардировать укрепления оборонительных поясов. Вследствие этого сюда иногда прилетают снаряды их тяжёлой артиллерии, но в общем тут разрушенных домов совсем немного. Гораздо меньше, чем там, где появляется авиация англо-американцев. В тех районах Германии в руинах лежат целые города. Неделю назад он был в Дрездене, эвакуировали оттуда какую-то партийную шишку. Город превратился в нагромождение развалин, повсюду сотни трупов, центр охвачен пожарами, смерч из огня поднимается в воздух на полсотни метров.

Патруль перешёл на другую сторону дороги и продолжил путь вдоль жилых домов. На этой улице располагается небольшой ресторанчик, из-за недостатка посетителей давно уже работающий в режиме кафе. Это единственное ещё не закрывшееся подобное заведение на весь район, там иногда собираются посетители, и инструкции предписывали патрулям проводить среди них проверки документов. Начальник патруля никогда не забывал выполнять это указание, но не потому, что всерьёз ожидал найти там советских шпионов. Вряд ли шпионы коммунистов заинтересуются этим райо-

ном. Зачем он им? Пояс укреплений заканчивается до этих улочек, а городские опорные пункты, призванные оборонять столицу в ходе уличных боёв, начинаются после. Тут нет ничего, кроме по-немецки опрятных, но небогатых жилых домов.

Просто это кафе напоминало начальнику патруля о той, довоенной, мирной жизни. Внутри по-прежнему было уютно, играл рояль, на столах всегда чистые скатерти, через пару окон виден парк с беседкой, и никаких развалин. Среди посетителей даже попадаются люди в штатском, пусть и не всегда. Проверка документов там была простой формальностью, но она позволяла офицеру на несколько минут вернуться в довоенную жизнь, улыбнуться симпатичной официантке, выпить стакан воды и перекинуться парой слов с хозяином заведения, седым упрямым стариком, не желавшим даже слышать слово «эвакуация».

На подступах к ресторанчику было пусто, зато внутри посетителей оказалось больше, чем обычно: сказалась нелётная погода. Начальник патруля расставил своих солдат у дверей, тщательно вытер ноги об уложенный на входе половик и приступил к проверке документов, заранее понимая, что ничего подозрительного он здесь не найдёт. Собственно, почти всех, кто обнаружился внутри, он уже не раз видел. Единственным новичком оказался крепкий и рослый офицер СС в погонах гауптштурмфюрера. Эсэсовец сидел за одним столиком с завсегдатаем ресторанчика, солидным пожилым врачом-онкологом, оба вели негромкую и спокойную беседу. Начальник патруля подошёл к ним и поздоровался с онкологом:

— Добрый день, герр Циммерман! Как ваше настроение сегодня?

— О! — заулыбался Циммерман. — Прекрасное, господин лейтенант, совершенно прекрасное! И нелётная погода этому, несомненно, способствует! Позвольте представить вам моего бывшего ученика и хорошего знакомого. — Онколог указал на эсэсовца: — Это гауптштурмфюрер Хаген, он получил краткосрочный отпуск и любезно посетил меня по старой дружбе! И я очень этому рад!

Начальник патруля коротко отсалютовал эсэсовцу и попросил его документы для проверки. Тот протянул ему своё предписание. Вблизи гауптштурмфюрер не производил впе-

ление бывшего студента-медика. Скорее, вышколенного
боя. Его взгляд был тяжёл, как у солдат, повидавших не-
мало крови, щеку по вертикали пересекал старый глубокий
шрам, на скуле виднелся ещё один, небольшой, но недавний.
Из его документов следовало, что за храбрость, проявленную
в передовой, командование наградило его трёхдневным от-
пуском, который истекал сегодня в полночь. На вид доку-
менты были в порядке, и цепляться к эсэсовцу дальше лей-
тенант не стал. Очень может оказаться, что полномочий
у него гораздо больше, чем у самого лейтенанта, являюще-
гося всего лишь начальником патруля.

Лейтенант продолжил обходить столики, здороваясь
с завсегдатаями, и на этот раз проверял их документы более
тщательно. На всякий случай. Пусть эсэовец видит, как
прилежно патруль несёт службу. К его облегчению, гаупт-
штурмфюрер вскоре заявил Циммерману, что его время ис-
текает, попрощался и покинул ресторанчик. Довольный лей-
тенант немедленно улыбнулся официантке, попросил у неё
стакан воды и направился к хозяину заведения, поболтать
пару минут. Тем временем Циммерман закончил обедать,
оставил на столике оплату и покинул здание с портфелем
в руке.

— Герр Циммерман сегодня с портфелем? — произнёс
лейтенант, дабы придать беседе новую тему. — Первый раз
вижу его не с пустыми руками.

— Это подарок гауптштурмфюрера, — объяснил владе-
лец ресторанчика. — Я видел, как доктор Циммерман раз-
глядывал его содержимое: несколько книг фюрера
и рейхсфюрера в коллекционном издании. А меж тем танки
Советов вот-вот ворвутся в Берлин.

— Уверен, до этого не дойдёт, — попытался успокоить
старика лейтенант.

— А я уверен, что дойдёт! — Неожиданно владелец ре-
сторанчика вспылал боевым духом. — Но все они здесь
и останутся! Мы не позволим случиться второму Версаль-
скому договору! Вермахту следовало разбить Советы ещё
в Польше. Мне лучше знать, я ходил в штыковую ещё в де-
вятьсот пятнадцатом. Вас, молодой человек, тогда ещё в по-
мине не было...

Старик принялся увлечённо рассказывать о былых
подвигах, и лейтенант решил продолжить патрулирование.

Он сослался на служебную необходимость, и патруль покинул рестораник.

В сотне метров от входа, в глубине примыкавшего к ресторанчику парка, невидимый за деревьями, стоял гауптштурмфюрер с глубоким шрамом на щеке и внимательно наблюдал за действиями патрульных. Связной берлинской резидентуры, пришедший забрать посылку из Москвы, был местным завсегдатаем, и начальники патрулей знали его в лицо. Никаких подозрений у них связной не вызвал, факт появления у него портфеля тоже никого не заинтересовал. Патруль двигается в противоположную сторону от той, в которую ушёл связной, угрозы его ареста нет, можно возвращаться.

Кузнецов устало поморщился. Предстоит изрядно побегать: для возвращения требуется пересечь линию фронта, но сегодня нелетная погода, авиация работать не будет, и огневые точки фашистов усилят свою активность. Нейтральная полоса будет простреливаться вдоль и поперёк, он видел такое не раз. Через этот район к своим не выйти. Придётся сделать серьёзный крюк в десяток-два километров, чтобы добраться до менее опасного участка фронтовых укреплений, и дожидаться темноты. Что ж, не привыкать. Зато скоро война закончится, и все вновь заживут мирной жизнью. По сравнению с этим очередной десяток километров ползком на брюхе, в ночи, под осветительными ракетами фашистов — это мелочи. Пехоте, идущей в атаку под ударами «Фау-5», приходится тысячу крат тяжелей. Столько трупов ему не приходилось видеть ещё никогда, а ведь до этой войны он прошёл Испанию и Халхин-Гол.

Он тяжело вздохнул. Отыскать эти чёртовы подземные заводы нацистов никак не удаётся. Даже союзники, общаривающие захваченные территории Германии, до сих пор не смогли ничего найти. Где именно расположены входы в подземную сеть заводов, в каких районах зарыты эти заводы — пока загадка. Косвенной информации хватает, а вот конкретной — нет. Начразведки армии, лично выдававший Кузнецову этот портфель, прямо заявил, что содержимое портфеля должно помочь нашим берлинским резидентам добраться до этих засекреченных подземелий. Мол, донёшь портфель в сохранности, старший лейтенант, вернётся назад капитаном. Портфель он донёс, и очень хочется,

чтобы местоположение подземных заводов нацистов обнаружилось. Задачу свою Кузнецов выполнил, теперь дело за резидентами. Ему же ещё предстоит вернуться назад живым. Получить капитана посмертно — так себе удовольствие.

Восточный пригород Берлина, секретный НИИ нацистов

2 апреля 1941 г.

Гольденцвайг осторожно набрал в пипетку находящееся в пробирке питательное вещество и аккуратно впрыснул его в колбу с бактериями — возбудителями лихорадки Эбола. Работа со смертельно опасными штаммами требовала ювелирных движений, что в защитном балахоне было сложно уже само по себе. Толстый прорезиненный материал балахона сильно затруднял мелкую моторику, делая движения неуклюжими, и за минувшие недели Йозеф изрядно наловчился орудовать пипеткой почти негнущимися пальцами. К слову сказать, не у всех его коллег это получалось так же виртуозно, как у него. Уже не раз бывало, что учёные роняли колбы или пипетки, те разбивались, и заразная субстанция оказывалась на полу. Приходилось срочно принимать меры по дезинфекции.

Звук бьющегося стекла за спиной возвестил об очередном подобном происшествии, и Гольденцвайг недовольно скривился. Опять надо прекращать работу и заливать половину лаборатории дезинфицирующим раствором. Потом отмывать пол, обрабатывать балахоны, проводить индикаторные тесты и вновь отмывать что-либо, если тест выявит на поверхности следы бактериологической опасности. Эти криворукие уже изрядно достали. Гольденцвайг отложил пипетку, аккуратно закрыл колбу и встал из-за стола. Но прежде, чем он обернулся к лабораторному столу незадачливого коллеги, рядом раздался ещё один звук бьющегося стекла, сопровождающийся глухим шлепком падения человеческого тела.

Торопливо обернувшись, Йозеф замер от неожиданности. Оба его коллеги, занимавшие лабораторные столы позади него, не подавали признаков жизни. Один ничком лежал на столе, второй на полу. Рядом лежали вдребезги

разбитые пробирки, под которыми медленно расплывались лужи биологического материала. По инструкции он должен задраить лабораторию наглухо и включить сигнал тревоги, вколоть пострадавшим антидот и начать обеззараживание. Но зрелище неподвижных тел выбило его из колеи, и сознание стремительно заполняла мысль о том, что необходимо бежать из лаборатории, прежде чем он сам упадёт рядом с ними. Ведь на нём точно такой же защитный балахон, как у других! Если их балахоны не удержали заразу, значит, и его не удержит! И как только это станет понятно всем, его отсюда уже никто не выпустит!

Осознание этого ошпарило Гольденцвайга словно кипятком, и он ринулся к холодильнику с медицинскими препаратами. Надо вколоть себе антидот, покинуть лабораторию, задраить её снаружи и только потом поднять тревогу! Его накажут за нарушение инструкций, но лучше быть живым наказанным, чем мёртвым героем! Йозеф рванул крышку холодильной установки и принялся лихорадочно извлекать оттуда ампулы с препаратами. Что именно уколоть?! Антидот против Эболы? А вдруг его коллеги работали не только с ней?!! Более того, наверняка не с ней! Иначе они бы не лежали сейчас в таком состоянии, с ним же ничего не случилось! Значит, им доверили нечто другое, что не доверили ему! Выходит, начальство всё ещё не считает его надёжностью абсолютной! А это значит, что его точно не выпустят отсюда, если поднять тревогу!

Схватив несколько пузырьков, Гольденцвайг бросился к выходу из опасной зоны. Шприцы можно разыскать и снаружи, сначала нужно выбраться отсюда! Он добежал до массивных герметичных дверей и несколько секунд возился с пневматической системой герметичного запираения. От избытка адреналина руки сильно дрожали, и справиться удалось не сразу. Он боялся, что кто-нибудь уже идёт сюда снаружи, заметит через дверной иллюминатор неподвижные тела и рвущегося прочь Гольденцвайга и заблокирует дверь.

Едва гермозатвор, шипя срабатываемым воздухом, поддался, Йозеф изо всех сил навалился на дверь и вырвался из опасной зоны. К счастью, в находящемся за дверью помещении для снятия балахонов никого не было. По инструкции здесь положено подвергнуть свой балахон дезинфекции, затем обработать его индикатором и если угрозы нет, то снять бала-

и выйти в безопасную зону. Но если сейчас он будет во-
звращаться с дезинфекцией, то сюда кто-то может войти! Если
выйти прямо так, то все поймут, что он нарушил инструкции!
Если снять балахон, выйти и сделать вид, что ничего не про-
изошло, потом вернуться, увидеть через иллюминатор упав-
шие тела и поднять тревогу?!! Тогда его никто не заподозрит!

Обрабатывать балахон несколькими растворами было со-
всем не быстрой процедурой, и Гольденцвайг поставил рекорд
по скорости обеззараживания снаряжения на самом себе. Это
просто чудо, что за все это время сюда никто не зашёл! Убе-
дившись, что все процедуры завершены правильно, Йозеф
сорвал с себя балахон, нервно запихнул его в сушильный
шкаф и ринулся к дверям. Нельзя выходить отсюда в таком
виде, он не должен вызвать подозрений! С огромным трудом
Гольденцвайг заставил себя остановиться и отдышаться. При-
няв выражение полного спокойствия, он открыл дверь и едва
не заорал от мгновенно захлестнувшей его паники.

Все вокруг было заполнено трупами сотрудников инсти-
тута. Их лица покрывали жуткие ядовито-коричневые пятна,
остекленевшие глаза многих смотрели куда-то в пустоту.
Судя по испуганным, удивлённым или озадаченным по-
смертным выражениям лиц покойников, они умерли очень
быстро, но не мгновенно. Многие из них успели ощутить
приближающуюся смерть. Несколько секунд остолбеневший
Гольденцвайг стоял в дверях, не понимая, что делать. Первой
мыслью было надеть защитный балахон. Но там, в лабора-
тории, он его коллегам ничем не помог. Может, это не зара-
жение вовсе? Может, это яд, который шпионы Советов под-
мешали в пищу в местной столовой? Поэтому он жив: он
сегодня с утра не покидал опасную зону и ещё не обедал!
Необходимо срочно выбраться отсюда, найти живых и под-
нять тревогу! Йозеф бросился к выходу в центральный ко-
ридор, по пути забегая во все помещения шестого отдела.

Но во всём отделе в живых не осталось никого. В каби-
нете начальника отдела Гольденцвайг наткнулся на труп
профессора Кляйна, на пороге лежало тело его секретарши:
видимо, ей стало плохо, но дойти до профессора она не успе-
ла. Весь шестой отдел стал мертвецами, включая охрану
люка, ведущего в соседнее крыло института. К счастью, лю-
ки в переборках открывались изнутри, это снаружи сюда
было не войти, здесь же располагались рычаги всех запоров,

и Йозеф множество раз видел, как пользуется ими охрана. Разблокировав замок, он с трудом открыл толстостенный люк и бросился прочь.

И тут же замер. Соседнее крыло было заполнено мертвецами, и первый из трупов, который он сумел опознать через жуткие коричневые опухоли, принадлежал доктору Циммерману. Рядом лежали его ассистенты. Похоже, все они почувствовали угрозу и спешили покинуть этаж, но успели добраться лишь до центрального коридора. Йозеф бросился дальше, в ужасе мечась между трупами. Надо добраться до кабинета начальника НИИ! Там есть телефоны секретной связи с СС и РСХА! Нужно предупредить их о диверсии и запросить помощь! Эвакуация в секретные подземные заводы идёт четвёртые сутки, осталась ещё неделя, Шульца увезут за четыре дня до завершения эвакуации, так что он должен быть ещё здесь, в НИИ!

Начальник НИИ действительно находился в своём кабинете. Его труп, покрытый коричневыми пятнами, сидел в кресле за рабочим столом с телефонной трубкой в руках. Похоже, Шульц умер прямо во время разговора. Сначала Гольденцвайг колебался, можно ли дотрагиваться до телефонной трубки в руках покойника. Если всех убил яд, то угрозы нет... На всякий случай Йозеф сперва и принялся хватать трубки других телефонов, но ни один из коммутаторов не отвечал. Тогда Гольденцвайг выхватил трубку из руки мертвеца и поднес её к уху. Судя по литерам на корпусе телефонного аппарата, это была круглосуточная секретная линия связи СС. В трубке слышались какие-то далёкие крики и приглушенные вопли, разобрать слова не получалось.

Несколько минут Йозеф кричал в трубку, надеясь привлечь чьё-нибудь внимание, но так и не преуспел. Далёкий шум в трубке сменился тишиной, и он понял, что из здания НИИ он помощь не вызовет. Необходимо выбираться отсюда, и как можно скорее. Возможно, в наземной части института есть те, кто тоже не был на отравленном обеде. Гольденцвайг побежал к главному выходу, перепрыгивая через трупы и громкими криками призывая на помощь. На его призывы никто не появился, охрана главного выхода тоже оказалась мертва, но самое жуткое ожидало его дальше.

Наземная часть НИИ превратилась в свалку мёртвых тел, основная масса которых лежала друг на друге в цен-

альных коридорах. К счастью, ни одна из дверей на про-
скных пунктах не была заблокирована до такой степени,
чтобы открыть её стало невозможно. Через пятнадцать ми-
нут Гольденцвайг выбежал на улицу и вновь остолбенел от
ужаса. Обезображенные коричневыми пятнами трупы лежа-
ли на мостовой, и мертвецы эти не были сотрудниками НИИ.
Стало окончательно ясно, что никакого отравления не было.
Значит, это всё-таки заражение. Неужели оно пошло из ла-
бораторий его НИИ? Но почему так быстро?! Что это во-
обще такое? Что за жуткие коричневые пятна, сожравшие
лица покойников? Ни о чём подобном Гольденцвайг за вре-
мя работы в НИИ не знал и даже не слышал!

И его защитный балахон остался там, внизу! Логика
подсказывала, что балахон против этой заразы бесполезен,
но без хотя бы какой-то защиты ему было ещё страшнее,
и испытываемый ужас рисовал жуткие картины скорой
смерти. Йозеф инстинктивно схватился за карман, в кото-
рый затолкал ампулы с антидотом, и понял, что не взял
шприцов. Мысль о возвращении вниз ужасала, и он поспе-
шил прочь от здания НИИ, бросившись бегом по середине
улицы. Там, дальше, в следующем квартале, есть опорный
пункт полевой жандармерии, у них имеется телефонная
связь с Берлином и армией.

До здания жандармерии Гольденцвайг добежал быстро,
страх гнал его вперёд без передышки и остановки. Трупов на
улицах было немного, но вокруг стояла гнетущая тишина,
и он понял, что не слышит привычной канонады советских
орудий, обстреливающих укрепрайоны вермахта. Впереди по-
казался опорный пункт, и Йозеф остановился, тяжело дыша.
Несколько мёртвых патрульных лежали прямо на ступенях
крыльца, дверь в здание была распахнута и не могла закрыть-
ся из-за мертвеца, застывшего в нелепой позе поперёк порога.
Чуть поодаль, в десятке метров вдаль по дороге, лежал ещё
один мёртвый патруль, неподалёку вяло дымила капотом лег-
ковая автомашина, врезавшаяся в фонарный столб.

Гольденцвайг собрал в кулак остатки воли и вошёл в зда-
ние опорного пункта. Живых внутри не оказалось, зато тру-
пов было в избытке. Телефонные аппараты работали, но ком-
мутаторы не отвечали, и найти помощь ему не удалось. Едва
справлявшееся с паникой сознание выдало идею: на стоянке
опорного пункта припарковано несколько автомашин, нужно

взять одну и отправиться в Берлин. Водить Йозеф не умел, своего автомобиля у него никогда не было, и все его познания в этой области ограничивались наблюдениями за действиями штатных водителей НИИ. Нужно попытаться доехать всё равно! Идти пешком значительно дольше, и он может заразиться по дороге. Гольденцвайг бросился на улицу.

Машин на стоянке обнаружилось несколько, был даже военный грузовик, но ни одну из них завести не удалось. Ключей не было ни в бардачке, ни в солнцезащитных козырьках, и что делать в таких случаях, Гольденцвайг не знал. Единственной машиной с ключами в замке зажигания было авто возле крыльца, за рулём которого сидел мертвец. В конце концов Йозеф решился пойти на ещё больший риск, подобрал лежащую рядом с трупом жандарма винтовку и вытолкал ей мертвеца из машины. Усевшись на водительское сиденье, он завёл мотор и попытался включить передачу. Несколько раз машина глохла, потом он вроде разобрался со сцеплением, и авто, судорожно дернувшись со зловещим хрустом, помчалось по дороге.

Гольденцвайг лихорадочно орудовал рулевым колесом, изо всех сил пытаясь удержать петляющую по дороге машину от столкновения то с одной, то с другой стороной улицы. В эту секунду его взгляд упал в свернутое на бок зеркало заднего вида, и он с ужасом увидел в нём собственное лицо, покрытое коричневыми пятнами. От мгновенно захлестнувшего его жуткого страха Йозеф издал дикий вопль, судорожно вцепляясь в руль, рыскающая машина выскочила с дороги и врезалась в стену дома. Гольденцвайга бросило вперёд, его голова ударилась о лобовое стекло, брызнувшее блестящими трещинами, и он потерял сознание.

**Одинокий охотничий домик в Швейцарских Альпах,
тайная явочная квартира секретного департамента
полковника Гранта
4 апреля 1941 г., 15.00**

Небольшой фахверковый особняк, прилепившийся к вершине горы у самого склона, в лучах весеннего солнца выглядел кукольным, и ещё не растаявшая снежная лужайка перед входом с расстояния в четыреста ярдов добавляла его

ду ещё больше сказочности. Вокруг на два десятка миль было никаких строений, и место это являлось не только массивным, но и мало кому известным. Сам Грант натолкнулся на него случайно, по совету одного из своих солдат, до войны охотившегося в этих местах. Прибыв на место, полковник убедился, что это именно то, что ему нужно. Здесь можно прятать учёных, пока идёт процесс выяснения степени их полезности, и учёные эти проникались доброжелательностью, едва увидев окружающие пейзажи. Ещё более ценной особенностью являлась уединённость этого места. Кроме своих владельцев, о нём мало кто знал, а с началом войны сюда и вовсе никто не совался. Арендовать этот дом было проще простого, и обошлось это в гроши.

— Как обстановка, сержант? — Грант, облачённый в чёрно-белый маскировочный халат поверх военной формы альпийских стрелков, стоял за массивным скальным отрогом, выпирающим из склона ближайшей к фахверковому домику горы.

— Вокруг пусто, сэр! — ответил лежащий под кустом снайпер, укутанный в утепленные одежды. — Как всегда. С тех пор как уехал капрал, здесь не появлялось ни одной живой души, если не считать мелкого зверья!

— Чем спокойней, тем лучше, — глубокомысленно изрёк полковник, поднося к глазам бинокль.

Безлюдность — это хорошо, но от появления шпионов Советов она не гарантирует. Последняя стычка с разведкой коммунистов близ замка Вевельсбург лишний раз доказывает, что он был прав. Советы тоже роют копытом землю в поисках атомной бомбы и отдавать этот приз по-хорошему не собираются. Он засекретил этот особняк настолько тщательно, насколько позволяли имеющиеся в его распоряжении скудные крохи времени, и надеяться на одну лишь конспирацию тут нельзя. Поэтому полковник приказал своим людям оборудовать на склоне ближайшей преобладающей высоты замаскированную снайперскую позицию и вести на ней круглосуточное дежурство. Если данная позиция не пригодится ни разу, он будет только рад.

Однако похоже, что она всё-таки пригодится. Восемь дней назад Грант отправил отсюда команду своих проверенных людей во главе с капралом, поставив им задачу привезти сюда одного из германских учёных. Тот сам обратился

к американским солдатам, когда маленький немецкий городок, в котором он скрывался, заняли войска союзников. Об учёном немедленно доложили Гранту, и полковник принял меры немедленно. Капрал и ушедшие с ним солдаты воевали не первый год и с доставкой одного учёного из прифронтовой зоны могли справиться с завязанными глазами. Но вчера, в назначенное время, ни капрал, ни кто-либо из его людей здесь не появились. Значит, что-то у капрала пошло не так.

Переносить отсюда явочную квартиру только из-за этого пока преждевременно, но на всякий случай Грант подготовил здесь всё к экстренной эвакуации и вторые сутки дважды в день лично проверял снайперскую позицию.

Позади послышался тихий шёпот радиста, и полковник обернулся. Радист с укреплённой за спиной переносной радиостанцией находился при нем постоянно. Ещё одна рация, запасная, имелась в особняке на случай форс-мажора и была спрятана внутри медвежьего чучела.

— Полковник, сэр! — окликнул его радист. — Вас вызывает «Зулу», сэр! Открытым текстом! Это подозрительно, но голос его, и он правильно назвал все условные фразы.

Радист протянул Гранту наушники, и тот вышел в эфир:

— Отель «У камина», управляющий на связи! С удовольствием забронируем для вас номер на следующий месяц, сэр. В ближайшее время свободных номеров нет. Я очень сожалею, сэр, мы дорожим клиентами.

Эти фразы означали, что на объекте всё спокойно, Гранта не держат на мушке и он не действует под принуждением.

— Если вы не предоставите мне номер завтра же, — прозвучал в эфире голос Даллеса, — я подам на вас жалобу владельцу отеля. Он мой кузен, к вашему сведению.

Ответ был правильным, и Грант перешёл к делу:

— Сэр, позволю себе напомнить, это открытый эфир, нас могут прослушать. Рекомендую перейти на обмен шифrogramмами...

— Нет времени, полковник! — перебил его Даллес. — Как давно вы на месте? Докладывайте всё, время на исходе!

— Девятые сутки, сэр, — ответил Грант. — Со мной часть моих людей и трое учёных. Это те, чья полезность не вызывает сомнений. Я собрал их в разных местах. Все они занимались интересующей нас темой до войны. Незадолго до её

начала они подверглись гонениям, бежали и скрывались. С тех пор они не работали по теме. Но есть ещё один, сэр! Он нашёлся недавно, всё это время скрывался в Германии. Я отправил за ним людей, они должны были вернуться вчера. Буду ждать их ещё сутки, потом...

— Всё отменяется, полковник! — вновь перебил его Даллес. — Срочно берите всех и отправляйтесь на аэродром! Ровно через двенадцать часов там приземлится транспортный самолёт ВВС США с известным вам бортовым номером. Вам откроют люк и спустят трап. Вы должны подняться на борт и вылететь в Штаты. Слушайте внимательно, полковник: произошло нечто неожиданное и катастрофическое! Германский фронт охвачен смертельной эпидемией! Люди умирают внезапно, счёт уже идёт на тысячи! Причина на данный момент неизвестна. Русские отменили штурм Берлина и срочно отводят войска, их потери ещё выше, они изолируют на карантин целые дивизии. Предположительно, в Берлине живых нет или почти нет. Позиции вермахта усеяны трупами. Город горит, над окраинами наблюдаются огромные стаи воронья. Эпидемия распространяется с катастрофической скоростью. Никаких внятных подробностей пока нет. Поэтому, полковник, вам запрещается подходить самим или подпускать к себе кого бы то ни было ближе чем на пять метров! В случае отказа соблюдать дистанцию открывайте огонь! Не контактировать ни с кем! На борт самолёта должны подняться только вы и те люди, что находятся сейчас с вами! Иначе вы принесёте эпидемию в США! Вы поняли меня, полковник?

— Да, сэр! — ответил Грант. — Что мне делать с людьми, которые в данный момент выполняют миссию? Они будут возвращаться сюда.

— Вряд ли они вернутся, — прямо ответил Даллес. — Если кому-то из них повезет, пусть ждут дальнейших указаний и не вступают ни в какие контакты. Это всё, полковник. Не опоздайте на аэродром. Самолёт будет ждать вас ровно десять минут.

Даллес вышел из эфира, и связь прервалась. Грант отдал радисту наушники и коротко объявил:

— Срочная эвакуация! Приступить немедленно!

Спустя полчаса сборы были закончены. Недоумевавших учёных усадили в автомобиль полковника, вещи, оружие

и снаряжение уложили в грузовик. Там же разместились солдаты. Особняк заперли, внутри оставили зашифрованную записку, запас продовольствия, ручной электрогенератор и рацию внутри медвежьего чучела. Через восемь часов команда Гранта должна была прибыть в район аэродрома. Полковник влез в кабину грузовика, уселся на пассажирское сиденье и приказал выезжать. Грузовик тронулся с места, легковушка пристроилась позади.

Машины поползли вниз по узкой альпийской дороге и вскоре покинули залитый весенним солнцем перевал. Спустившись к подножию гор, автомобили преодолели очередной поворот, и водитель произнёс, указывая вперёд:

— Полковник, сэр! Там что-то есть! На дороге, сэр! Похоже на легковую машину!

— Останавливайся! — приказал Грант.

Он вылез из кабины, достал бинокль и всмотрелся в указанную сторону. Впереди посреди дороги действительно стоял легковой автомобиль. Машина принадлежала его секретному департаменту, полковник узнал марку и номерной знак. Именно на ней уехала команда капрала. Судя по тому, что сейчас автомобиль стоял мордой к полковнику, машина возвращалась в особняк, но по какой-то причине остановилась на дороге. Разглядеть, что происходит внутри автомобиля, не позволяло расстояние, но в бинокль не было видно ни признаков жизни, ни внешний повреждений.

— Снайпера сюда! — коротко приказал Грант.

— Сэр? — К полковнику подошёл сержант со снайперской винтовкой в руках.

— Осмотрите вон ту машину, сержант! — приказал Грант. — Аккуратно и безопасно!

Снайпер быстро взобрался на горный склон и, пригнувшись, осторожно подкрался к неподвижной машине на три сотни ярдов. Заняв стрелковую позицию, он прицелился и несколько минут лежал неподвижно. Потом поднялся и поспешил обратно.

— Полковник, сэр! — Сержант не скрывал испуга. — Это машина капрала! Там вся его команда и неизвестный гражданский мужчина. Все четверо мертвы, сэр! Их лица покрыты ужасными коричневыми нарывами, я не сразу сумел их опознать! Похоже, они умерли сутки назад прямо в дороге, не успели доехать до нас десять миль, сэр!

— Господь хранит нас, — хмуро произнес полковник. — Другого объяснения у меня нет.

Он обернулся к своим солдатам, собравшимся вокруг:

— По машинам! Водителям объезжать автомобиль как прала по широкой дуге! Выедем на шоссе — всем смотреть в оба! Никого не подпускать! — Грант на секунду замолчал и тяжёлым тоном закончил: — Чувствую, джентльмены, нам предстоит очень непростая погрузка на самолёт.

**Москва, НИИ мозга, микробиологическая
лаборатория Сеченова**

Май 1941 г., 10.00

— Дима, похоже, к нам опять незваные гости, — голос Захарова вывел Сеченова из тяжёлых раздумий.

Он оторвал взгляд от микроскопа, на лабораторном стекле которого очередной вариант антидота тщетно пытался поглотить вирусную связку боевого Реверсанта, извлеченную из мозга пациента, умершего полчаса назад. Сеченов посмотрел на Захарова, и тот вновь указал ему на гермодверь, отсекавшую лабораторию от шлюза, устроенного на выходе ради повышения безопасности. По другую сторону гермодвери стоял офицер НКВД, возглавляющий охрану НИИ, и делал жесты в дверной иллюминатор. С тех пор как Сеченов с Захаровым приступили к работам по реконструированию полимерного Реверсанта в боевое отравляющее вещество, охрана возле них находилась круглосуточно.

С первого же дня работ профильная деятельность НИИ мозга была прекращена, весь персонал распределили по военным госпиталям, а само здание института окружило оплечение из вооружённых до зубов сотрудников НКВД. К зданию никого не пускали под предлогом взрывных работ, и всех прохожих заставляли обходить НИИ по противоположной стороне улицы. Чтобы соблюсти максимальный режим секретности, Сеченову и Захарову пришлось проводить все работы вдвоём. Несколько офицеров НКВД были выделены им Берией в ассистенты, и это неожиданно оказалось полезнее, чем Сеченов думал изначально. Научного толка от них не имелось, зато в организационном плане работы проходили в условиях едва ли не фантастических: всё, что бы ни потре-

бывалось двум учёным, доставлялось к дверям лаборатории не дольше чем за час. Понятие «нет» у НКВД существовало исключительно в контексте «не существует в природе».

Однако на этом положительные новости заканчивались и начинались трагические. Народная мудрость гласит: «Ломать — не строить», и испортить уникальную микробиологическую конструкцию, которой являлся полимерный Реверсant, особых трудов не составило. Входящим в состав Реверсанта вирусам и транспортной бактерии вернули изначальные разрушительные функции, и лечебный Реверсant превратился в беспощадного убийцу менее чем за четыре дня.

В морально-психологическом плане это далось Сеченову слишком тяжело, гораздо сложнее, чем он ожидал. Пусть сейчас полимерный Реверсant не более чем зачаточная и слабо изученная конструкция, но Сеченов возлагал на неё большие надежды. Со временем она могла бы стать уникальным медицинским инструментом, возвращающим к жизни безнадежных пациентов... вместо этого он был вынужден собственными руками сделать её смертоносной химерой.

Ещё тяжелее было воспринимать известия о гибели миллионов ни в чём не повинных людей, сожранных творением твоего разума. Пожалуй, Харитон был прав, когда одобрительно высказался о плане Берии, возмущившем Сеченова. Именно Берии принадлежала идея представить всё не как сокрушительный бактериологический удар СССР, а как подлый предсмертный удар нацистов. Кремлёвская пропаганда во всеуслышание без устали объявляла о том, что фашисты, осознав неизбежность своего краха и грядущего за ним неотвратимого возмездия, решили уничтожить сами себя и весь мир. Ужасная эпидемия, спасения от которой нет, была выпущена из секретных нацистских лабораторий. Она убила своих создателей, сожрала Германию и стремительно распространяется по Европе, уничтожая всех без разбора.

Учёному казалось, что перекладывать вину малодушно. Однако, подумав, он понял, что это единственный способ спасти Советский Союз от вечного клейма палача миллионов людей. Все пошло не по плану с самого начала. Вирусы боевого Реверсанта в открытой среде стали мутировать прямо внутри транспортных бактерий. Лабораторная вакцина на них не действовала и даже способствовала мгновенной

смерти инфицированных. Из-за этого возникло подозрение, что смертельная эпидемия — дело рук нацистов. Спасать войска, окружившие Берлин, оказалось нечем. Пленные, беженцы, дезертиры, падальщики, воронье — разносчиками Реверсанта оказались все. Первую неделю казалось, что войскам удалось избежать контактов с заражёнными. По неофициальным данным, советское командование даже запретило брать пленных и отдало приказ пулемётными очередями отгонять беженцев обратно, туда, откуда пришли. Но на восьмые сутки на передовой вспыхнула смертность, с первых же секунд оказавшаяся лавинообразной.

С тех пор ситуация ухудшалась с каждым днём: связи с Германией не было, войска несли ужасающие потери и срочно отступали, оставляя за собой карантинные зоны с заражёнными подразделениями, армии союзников сообщали о критическом уровне смертности. Всевозможные беженцы стремились оказаться как можно дальше от жуткой угрозы и сами разносили её по Европе.

Сеченов и Захаров не покидали здания НИИ вот уже месяц, ночевали в соседних с лабораторией помещениях и работали по двадцать часов в сутки, но, несмотря на все усилия, создать вакцину против мутировавшего Реверсанта пока не удавалось.

Ежедневно из Кремля в НИИ мозга приезжал кто-либо из высшего руководства СССР. Сначала Берия чаще, Молотов реже. Потом, наоборот, чаще стал появляться Молотов и реже приезжал Берия. Наверное, Сталин решил не пугать учёных Берией слишком сильно, чтобы не сорвать процесс поиска спасения из-за чьего-нибудь нервного срыва на почве страха за свою жизнь. В любом случае тот, кто приезжал из Кремля, требовал от учёных отчёта о текущем положении дел и уезжал обратно, докладывая Сталину. Судя по жестам офицера НКВД в иллюминаторе, пришло время встречать этого гостя.

— Мне с ним поговорить? — спросил Захаров. — Чтобы не мешался у тебя под ногами?

— Спасибо, Харитон, я сам. — Сеченов устало закрыл глаза, не имея возможности потерять их через стекло защитного шлема. — Заодно пройдуся, а то в голове плывёт.

— Плывёт? — насторожился Захаров, внимательно разглядывая его лицо в поисках симптомов заражения. — Нужно сделать инъекцию!

— Со мной всё в порядке, — отмахнулся Сеченов. — Просто устал. И ты не хуже меня знаешь, что старая инъекция нам не поможет, а новую мы ещё не создали. Противовирусные фильтры пока справляются, значит, надо работать. Мы создали этот кошмар, нам его и прекращать.

— Кошмар тут ни при чём, — нахмурился Захаров. — Сама идея была и остаётся правильной. Не наша вина в том, что вирус мутировал. Мы предупреждали, что могут быть непредсказуемые последствия. Не мы приняли это решение.

— Люди гибнут. — Сеченов, вздохнув, отошёл от лабораторного стола и направился к выходу. — Какая теперь разница, кто принял решение? Людей надо спасать.

— Люди всегда гибнут. — Захаров лишь пожал плечами. — Не от вирусов, так от войн. Не от войн, так от голода, стихийных бедствий, охот на ведьм, сожжений на кострах лучших умов, катастроф, вызванных пробелами в науке, к которым привела нехватка лучших умов, и так далее. Вариантов множество, а причина одна: этот мир разбит на кучки эгоистов, каждая кучка тянет мир в свою сторону, и мир трещит по швам.

— Потому мы с тобой и бьёмся над созданием Хомо Футурум! — утомлённо воодушевился Сеченов. — Вот увидишь, когда мы достигнем цели, люди осознают все преимущества коллективного разума над индивидуальным, и мир станет другим! Достойным, светлым, разумным!

— Боюсь, что эти преимущества осознают не все. — Захаров скептически хмыкнул. — А ещё я боюсь, что не все достойны этих преимуществ. — Он махнул рукой: — Ступай, Дима, не то сотрудники НКВД вломятся сюда, гонимые нетерпением своего начальства. Нарушат микроклимат. Ещё выпустят Реверсант наружу — Москве конец.

Сеченов хмуро кивнул, подошёл к двери и подал знак ожидающему за ней офицеру. Тот торопливо покинул шлюз, и учёный вышел из лаборатории в помещение для снятия скафандров. Там его окружили ассистенты, вооружённые целым спектром различных дезинфицирующих растворов, и спустя пять минут Сеченов вошёл в свой рабочий кабинет. Там его ожидал Молотов.

— Здравствуйте, товарищ Сеченов! — начал он, едва учёный показался на пороге. — Каковы ваши успехи в создании вакцины?

— Мы, несомненно, продвинулись к цели. — Сеченов устало опустил в кресло. — Но конкретных успехов пока нет. На данный момент полностью рабочую вакцину создать не удалось.

— А то, что создать удалось, — немедленно уточнил Молотов, — может быть использовано в качестве противоядия, если эпидемия доберётся до Москвы?

— Если вы имеете в виду, можем ли мы вакцинировать высшее руководство страны, — Сеченов бросил на Молотова вопросительный взгляд, — то да, можем. Но только в крайнем случае, если у нас появятся основания считать, что Москва подверглась заражению.

— В этом случае может быть уже поздно! — возразил Молотов. — Реверсant убивает мгновенно, вы знаете это не хуже меня! Мы должны любой ценой сохранить жизнь товарищу Сталину! Остальные члены ЦК готовы пожертвовать собой, но оставить Советский Союз без Сталина мы не можем!

— Реверсant убивает за тридцать секунд, это действительно так, — согласился Сеченов. — Иногда даже быстрее. Но терминальной стадии предшествует инкубационный период. Да, теперь он может оказаться значительно меньше, чем неделя. Однако меньше чем двое суток инкубационного периода ещё ни разу не было выявлено. У товарища Сталина кровь берётся на анализ дважды в день. Я сам получаю эти пробы и лично их проверяю. Поэтому с полной уверенностью утверждаю, что крайний случай ещё не настал.

— Вы даёте гарантию, что инкубационный период никогда не станет меньше двух суток? — Во взгляде Молотова без труда читался прямой намёк на то, что в случае смерти вождя народов отвечать за всё будет Сеченов.

— Никто не даст вам такой гарантии. — Сеченов выдержал взгляд с усталой решимостью. — Но я всё равно против поспешной вакцинации. Попробуйте понять: без полноценной вакцины Реверсant из организма не уйдёт. Его в принципе нельзя изгнать, можно только уничтожить. Неполноценная вакцина, возможно, сможет на какое-то время усыпить входящие в него вирусы, но позже они обязательно проснутся. И тогда они уже могут быть невосприимчивы к вакцине вовсе! Те немногие, кто выжил после заражения благодаря особенностям организма, не только остаются носителями и распространителями заразы. Рано или поздно они заболе-

ют вновь. Возможно, они вновь выздоровеют, но с каждым разом ресурсы организма станут иссякать всё сильнее, и в конце концов выздоровления уже не произойдёт.

— То есть все те, кто считается иммунными к Коричневой чуме, всё равно умрут? — Молотов спешно обдумывал услышанное. — И они распространяют болезнь? Необходимо уничтожать всех, кто выходит из заражённых районов, даже иммунных?

— Не надо никого уничтожать! — Сеченов вперил в Молотова возмущённый взор. — Изолируйте людей! Не подпускайте их к здоровым! Обращайтесь к ним через громкоговорители, через рупоры, разбрасывайте листовки с самолётов! Не надо никого уничтожать!

— Сказать это гораздо легче, чем сделать! — жёстко парировал Молотов. — Предоставьте советскому правительству самому решать, как обезопасить страну от эпидемии! Ваша задача — создать вакцину! Вот и выполняйте её! Вам требуется для этого что-либо помимо того, что советское правительство уже предоставило?

— Нам нужно больше иммунных, — вздохнул Сеченов. — тех немногих, кто вышел из заражённых районов живыми. На данном этапе они наш основной источник информации о количественном разнообразии вирусных штаммов. Вирусы продолжают мутировать. Именно этим вызваны столь различные сроки инкубационного периода, наблюдающиеся у разных контрольных групп пациентов. Завтра мы предоставим Академии наук схему нового фильтра, он будет более эффективно абсорбировать боевой Реверсант. Теперь же мне пора возвращаться в лабораторию. На счету каждая минута. Посему я вас больше не задерживаю, товарищ Молотов.

Сеченов поднялся с кресла и направился к выходу. Молотов, скрипнув зубами, стерпел оскорбление и молча проследовал за ним.

С улицы донёсся глухой звук винтовочного выстрела, сменившийся тихим стрекотом автоматной очереди, и Гольденцвайг замер, прислушиваясь. Стреляли где-то достаточно далеко отсюда, но лучше проявить осторожность заранее. Он

отложил в сторону полупустую хозяйственную сумку, перевесил автомат со спины на грудь и расстегнул гранатный подсумок. Если уличная дверь откроется, то привязанная к ней проволока с густо нанизанными пустыми консервными банками загремит, и у него будет время достать гранату и занять стрелковую позицию, прежде чем неизвестные доберутся до этого подсобного помещения.

Вообще, таких стычек, чтобы прям со стрельбой друг в друга, в этом районе Берлина не было больше месяца. Обычно всегда удавалось договориться, в крайнем случае недовольные друг другом стороны могли пострелять в воздух для острастки. Но чаще стрельба применялась для привлечения внимания, в качестве такого нехитрого средства связи. Потому что иных способов не имелось. На второй день после начала эпидемии электроснабжение прекратилось, а жечь костры было делом крайне небезопасным. Случаев, когда тот, кто развёл костёр внутри здания, умирал от заражения и костёр этот превращался в пожар, были десятки. Центр Берлина выгорел едва ли не полностью. Судя по дымным столбам, поднимающимся к небу, в некоторых районах пожары продолжали бушевать, несмотря на недавно прошедший дождь.

Выстрелы больше не повторялись, и Гольденцвайг снова стал наполнять консервами хозяйственную сумку. На этот склад он наткнулся случайно, пять недель назад, когда в ужасе метался по Берлину в поисках хоть какой-то помощи. Первый день эпидемии долго преследовал его в ночных кошмарах. Он заразился, однако по неизвестным причинам справился с инфекцией и очнулся наутро следующего дня, полулёжа на водительском сиденье машины, врезавшейся в дом. Жуткие коричневые пятна ещё виднелись на коже, но были совсем светлыми и явно рассасывались. Сильно болела голова, мучила жажда, все тело горело в лихорадке, ватные ноги отказывались ходить.

Найти воду оказалось невероятно трудной задачей, и Гольденцвайг, пока выздоравливал от инфекции, едва не умер от жажды. На третьи сутки коричневые пятна исчезли полностью, и он понял, что едва шевелится не от инфекции, а от голода и дегидратации. Он выбрался из машины, в которой так и провёл всё это время прямо посреди улицы, и с трудом побрел в сторону центра. Лежащие то тут, то там

трупы были объединены вороньем и уже начали разлагаться. Порывы ветра приносили то освежающее дуновение, то отвратную трупную вонь, и вокруг по-прежнему не было ни единой живой души. Найти воду и немного еды ему удалось лишь с четвертой попытки, когда Йозеф натолкнулся на несколько незапертых квартир. Трупы их жильцов лежали на лестничных клетках, смрад стоял жуткий, но пить к тому моменту хотелось так, что даже такая вонь не стала ему помехой.

Стало значительно легче, и Гольденцвайг продолжил путь к центру города, пытаясь как-то проанализировать произошедшее. Инфекция распространилась с ураганной скоростью. Как микробиолог, он понимал, что проявлению её симптомов предшествовал никем не замеченный инкубационный период, в течение которого вирус поразил огромное количество людей, а уж потом у них наступила терминальная стадия.

Сама по себе эта терминальная стадия тоже являлась в высшей степени непонятной. Позже, когда Йозеф столкнулся с первыми выжившими, он имел возможность убедиться во многих странностях, свойственных этой эпидемии, но терминальная стадия была самой сложно объяснимой из них: если в относительной близости друг к другу находилось несколько инфицированных и при этом один из них начинал умирать, то терминальная стадия немедленно начиналась у всех остальных. Эффект домино, так сам для себя Гольденцвайг назвал этот кошмар.

Чтобы не стать в этом эффекте домино очередным звеном, нужно было находиться от других умирающих либо за очень толстой герметичной преградой, либо на значительном расстоянии. Практика показала, что ближе ста метров не было уже никаких гарантий. Такое ощущение, что поразившая людей зараза чувствует местонахождение себе подобного, словно между частицами вируса поддерживается некая связь. Выявить другие закономерности не удалось, зараза явно мутировала, и мутировала очень быстро. Однозначно самым страшным был первый её удар. По наблюдениям Йозефа, из тех, кто заразился исходной формой вируса, умерло порядка девяноста пяти процентов, если не более. Но с течением времени степень летальности снизилась ещё процентов на двадцать или около того.

Но самое страшное заключалось в том, что тот, кому посчастливилось переболеть и не умереть, через какое-то время заболел вновь. А потом ещё и ещё. В конце концов организм ослабевал настолько, что наступала смерть. Сам Йозеф переболел уже дважды, но всякий раз продолжительность инкубационного периода менялась, и понять, когда наступит третий раз, он не мог. В поисках помощи он сумел добраться до центра Берлина, но не нашёл там ничего, кроме облепленных вороньём трупов и быстро распространявшегося пожара. Чтобы хоть как-то увеличить свои шансы выжить, Гольденцвайг добрался до центрального берлинского госпиталя и попытался запастись медикаментами.

Здание госпиталя представляло собой совершенно жуткое зрелище: всюду трупы больных и медперсонала, лежащие вперемешку, в основном в коридорах. Видимо, здесь тоже почувствовали неладное, но предпринять что-либо уже не успели. Разжившись шприцами, пенициллином и прочими препаратами, Йозеф решил взять у себя анализ крови и пробрался в лабораторию госпиталя. Там тоже хватало трупов, смрад стоял жуткий, и найти более-менее сносное место ему удалось не сразу. В процессе поисков Гольденцвайг неожиданно наткнулся на труп медика, показавшегося ему знакомым. Узнать в покрытом коричневыми язвами лице мертвеца своего приятеля по мединституту было крайне непросто, и Йозеф заставил себя обыскать труп на предмет документов.

Таковые нашлись в нагрудном кармане лабораторного халата, и Гольденцвайг убедился, что не ошибся. Перед ним лежало тело Михаэля фон Штокхаузена, его институтского приятеля. Йозеф запоздало вспомнил, как доктор Циммерман полгода назад мельком упомянул, что Михаэль работает здесь, в Центральном клиническом госпитале Берлина. Маловероятно, что его отец выжил во всём этом кошмаре, но на всякий случай Гольденцвайг забрал документы Штокхаузена с собой. Если фон Штокхаузен старший выжил, то он отблагодарит Йозефа за документы сына. Вряд ли у него останется от сына ещё что-либо, район, где стоял особняк Штокхаузенцов, пылает третьи сутки, и этот госпиталь тоже вскоре сгорит: соседний квартал охвачен пожаром.

Для надёжности Йозеф набрал с собой запас пробирок, медицинской одежды, реактивов и даже взял микроскоп.

Который, впрочем, ничем особо не помог. Позже, обосновавшись на другой окраине Берлина в более-менее безопасном месте, Гольденцвайг попытался изучить анализ собственной крови, но не преуспел. В микроскоп удалось разглядеть некую вредоносную бактерию, но убивала мозг явно не она. В составе заразы однозначно присутствовали вирусы, совершенно точно больше одного, но увидеть их Йозеф не смог. Вирус в пятьдесят раз меньше бактерии, и в переносной микроскоп его не увидишь. Но полученных результатов хватило, чтобы понять, что зараза из его крови никуда не делась и отныне он обречен пребывать в вечном ожидании очередной вспышки болезни.

Это ожидание очень сильно пугало и напрягало психику. За время своих мытарств Йозеф встретил порядка сотни выживших, все они обнаружили на окраинах и в разных местах. Поначалу уцелевшие держались кучками. Кто-то селился возле водяных колонок и продуктовых магазинов в ожидании помощи либо от государства, либо от захватчиков, которые рано или поздно появятся. Другие желали покинуть Берлин и самостоятельно выйти к русским или американским войскам. Третьи стремились добраться до какой-либо деревни, потому что надеялись организовать там быт. Все они, узнав, что Гольденцвайг медик, звали его с собой, но он отказался.

Потому что с самого начала опасался приближаться к инфицированным, даже несмотря на то, что сам являлся таковым. И оказался прав! Все эти кучки вымерли, как только у одного из их членов началась новая терминальная стадия. Выжили лишь те, кто по совету Йозефа держались вдали от всех. С тех пор они так и соседствуют друг с другом на расстоянии. Если надо поговорить, то кто-нибудь стреляет в воздух, и на этот звук приходят собеседники. Обычно желающие поговорить поднимаются на крышу какого-нибудь здания и оттуда при помощи самодельных рупоров проводят короткую беседу.

Именно так Гольденцвайг узнал о доме, в котором сейчас поселился. Ему посоветовал старик, проживающий в этом районе с детства, мол, дом просторный, с приусадебным участком, есть свой колодец с чистой водой, и хозяевами были бездетные пенсионеры. Йозеф пришёл по адресу, и слова старика подтвердились. Дом оказался добротным,

и колодец действительно был. Трупы стариков обнаружались в беседке на приусадебном участке, зарыть их не составило особого труда. Этот же дед рассказал ему о данном продуктовом магазине. Точнее, сам магазин находился через дорогу и был к тому времени разграблен. А вот его продовольственный склад владельцы устроили отдельно: видимо, других помещений по сходной цене найти не смогли.

На складе обнаружился приличный запас консервов, и Йозеф решил остаться здесь до тех пор, пока он не иссякнет. Куда идти — совершенно непонятно, зато точно ясно, что заражение накрыло и своих, и чужих: с начала эпидемии не слышно советских обстрелов, и американские бомбардировщики перестали бомбить город. Если кто-то и будет устраивать спасательную операцию, то начнут её с Берлина, а не с мелких окрестных деревушек. Если же нет, то выбраться отсюда Йозеф всегда успеет. Сейчас чем меньше контактов с инфицированными, тем больше шансов выжить.

По этой причине они с местными уцелевшими разделили время посещения магазина: дед страдает бессонницей, просыпается рано и потому ходит сюда по утрам. Две выжившие женщины, пожилая фрау и её дочь лет пятнадцати, приходят в полдень, Гольденцвайгу досталось вечернее время. Достаточно удобно, в случае необходимости можно оставить записку, зато личный контакт исключён полностью.

Закончив собирать сумку, Йозеф взял автомат на изготовку и пошёл к выходу. Несколько минут он стоял под дверью, прислушиваясь, но с улицы не доносилось никаких звуков. Чтобы не рисковать, он решил проявить больше осторожности и поднялся на крышу здания, заранее приготовив бинокль. Выбираться из чердачного окна на покатуку поверхность крыши было неудобно, пришлось держать бинокль одной рукой, чтобы другой держаться за металлическую штангу флюгера. Гольденцвайг принялся осматривать окрестности вечерних улиц, потом переключился на крыши окружающих кварталов и на одной из них увидел соседского деда.

Тот, с винтовкой на груди, тоже смотрел на него в бинокль. Увидев, что Йозеф заметил его, дед сменил бинокль на рупор и по-старчески надтреснуто прокричал:

— Добрый вечер, герр фон Штокхаузен! Как ваше здоровье сегодня?

— Большое спасибо, герр Метц, со мной всё в порядке! — прокричал в ответ Йозеф.

Чтобы не рисковать лишний раз, всем встречающимся людям Гольденцвайг представлялся именем покойного Михаяля. Так надёжней. Тем более что в этом районе Берлина вряд ли кто-то был знаком с фон Штокхаузенами лично, зато сам Йозеф знал семью своего бывшего друга достаточно хорошо.

— Я слышал выстрелы, пока был внутри! — добавил он громче. — Что случилось?

— Не знаю! — выкрикнул старик. — Но я наблюдаю за дорогой с той минуты! В нашем квартале никто не появлялся! Можете выходить наружу, герр фон Штокхаузен! Здесь сейчас безопасно!

— Спасибо, герр Метц! — ответил Гольденцвайг. — Спокойной ночи!

Он полез с крыши обратно на чердак. С одной стороны, это хорошо, что в их квартал никто не появился. Уцелевших продуктовых магазинов в этом районе не так много, а консервы имелись далеко не в каждом из них. Остальные продукты давно съедены или протухли, и лишние рты там тут не нужны. Своих хватает: в районе почти полсотни выживших, если посчитать по всем кварталам. С другой стороны, ещё одна надежда на спасение не оправдалась. В первые дни эпидемии Гольденцвайг надеялся, что секретные подземные заводы не пострадали и вскоре оттуда придёт помощь. Теперь уже ясно, что заражение добралось туда ещё во время инкубационного периода. Скорее всего, инфекцию занесли в подземелье в первый же день эвакуации. Поэтому за всё время с начала эпидемии ни одна из секретных телефонных линий СС ни разу не ответила на его звонки. А ведь он множество раз пытался соединиться с ними из соответствующих зданий, когда бродил по Берлину в поисках спасения.

Всё это означает, что заражение распространилось через подземную железную дорогу по всей Германии ещё до начала смертей. То есть никаких атомных ракет запущено не было. Судя по срокам, их даже не успели изготовить, терминальная стадия началась где-то за неделю до окончания этих работ. Значит, Советы и их союзники победили. Но ни те, ни другие в Берлине до сих пор не появились. А это, в свою очередь, означает, что эпидемия поразила и их. То

сть заражение охватило и Европу, и Советы, и, быть может, даже США. И вряд ли кто-то сможет предотвратить её распространение. Мир наверняка обречен. Поэтому надо озаботиться сохранением собственной жизни. Что бы там ни случилось со всем миром, лучше прожить подольше, чем наоборот.

Часовой у входа бросил короткий взгляд на медицинское предписание и посторонился, уступая дорогу. Кузнецов зашёл в палатку полевого медицинского пункта и доложил военврачу:

— Капитан Кузнецов на сдачу анализа крови прибыл!

— Присаживайтесь, капитан. — Военврач указал на стул возле стола, уставленного десятками пробирок с образцами крови и реактивами. — Закатайте рукав до локтя.

Кузнецов принялся закатывать рукав, исподволь оглядывая полевой медпункт. Брезентовая палатка на металлическом каркасе была установлена прямо на землю и могла вместить взвод в полном составе. Вполне нормально для полевого лагеря и совсем негусто для полевого госпиталя, пытающегося спасти от эпидемии целый полк. Впрочем, кто знает? Может, для врачей это нормально. В конце концов, это же не хирурги, которые штопают раны и вытаскивают осколки из нескольких сотен бойцов, оставшихся от нескольких тысяч после удара «Фау-5». Лекарство против Коричневой чумы ищут где-то в Москве, а полевые медпункты вроде этого лишь собирают образцы крови и общую картину болезни.

Если, конечно, у этой заразы вообще есть картина. Поэтому что со стороны всё выглядит страшно и быстро: был человек, ходил, улыбался, шутил, ел с тобой за одним столом — потом ты отворачиваешься на десяток секунд, а когда поворачиваешься, он уже лежит на земле мёртвый, с коричневыми пятнами на лице. И вокруг тебя падают замертво другие, почти одновременно, словно по команде. И никто не понимает, что происходит. А позже, когда всё становится ясно, никто не знает, что делать. Поэтому на карантин закрывают всю дивизию. Точнее, то, что от неё осталось. А остальная армия уходит дальше. Потому что карантин — это просто

сидеть в первой попавшейся деревне до тех пор, пока все не выздоровеют сами по себе или не умрут. Выздоровливают единицы. Умирают тысячи.

После того задания, в ходе которого Кузнецов доставил секретный портфель связному берлинской резидентуры, война для него закончилась. Перейти линию фронта долго не получалось. Как позже выяснилось, командование советских войск, готовящихся к штурму Берлина, приказало не брать пленных и не выпускать из города беженцев, под видом которых могут улизнуть нацисты. В результате нейтральное пространство между позициями советских подразделений и вермахта превратилось в артиллерийско-пулемётное стрельбище. Пулями перемолотило даже мелкие кусты. В первую ночь по нейтралке палили все кому не лень, и перейти линию фронта не удалось. Пришлось сутки прятаться в десятке метров от фашистских окопов и ждать следующей полуночи.

На вторую ночь плотность огня несколько снизилась: видимо, командирский энтузиазм приутих, и полевые офицеры позволили своим солдатам немного поспать. Кузнецов сумел переползти через линию фронта, но через позиции своих войск пришлось пробираться столь же тайком, как через немецкие. Попадаться на глаза кому-нибудь в эсэсовской форме явно не стоило, на этот раз в плен не возьмут. Разведгруппа, которая должна была встречать его у линии фронта, осталась в десяти километрах севернее, потому что на том участке плотность ночного огня была такой, что Кузнецов не стал даже пытаться осуществить переход.

В общем, до своих он всё же добрался. Часовые у палатки штабной разведки аж онемели, когда перед ними из темноты возник гауптштурмфюрер СС и при оружии. Пришлось взять их на мушку и зайти внутрь всем вместе. Там его узнали, и ситуация разрешилась с юморком и шуточками. Ему дали день отоспаться, потом пришла шифровка: Кузнецова вызывают в штаб разведки армии. В штабе с ним разговаривал лично начразведки армии, предварительно выгнав из помещения всех свидетелей. Кузнецову пришлось с точностью до секунды описать последовательность своих действий от выдвижения к линии фронта и до прощания с резидентом. Начразведки несколько раз задавал ему каверзные вопросы, явно стараясь запутать, но в итоге убедился, что задание было выполнено идеально.

После этого Кузнецова поздравили с присвоением очередного воинского звания — капитан и велели ждать приказов. Он ожидал, что ему прикажут собирать своих людей и вновь отправят искать подземные заводы фашистов, но время шло, а приказов не поступало. А потом началась эпидемия, и всё покатилося к чертям собачьим.

Оказывается, рассказы об атомных бомбах были блефом. Последней попыткой гитлеровцев отвести от себя неотвратимую кару. Никаких атомных бомб у них не было, и когда нацисты поняли, что их байки не остановят наступление Советской Армии, они выпустили из своих лабораторий жуткую заразу, которая сожрала их самих сразу же, а потом перекинулась на всех остальных. Знали, сволочи, что подохнут, и потому решили забрать с собой в могилу весь мир.

Как сказал начразведки армии, мол, Кузнецов, ты в рубашке родился. По всему выходило, что именно он был последним, кто побывал в Берлине и успел покинуть его до заражения. Все остальные уже являлись разносчиками Коричневой чумы. Но в те дни об этом ещё никто не знал, и потери оказались ужасающими. Никто даже не понял, как всё произошло. Передовые подразделения, удерживающие линию боевого соприкосновения, погибли мгновенно. Из двух миллионов человек в живых осталось меньше ста тысяч, рассеянных по фронту от Балтики до Померании. О том, что там вообще есть выжившие, стало известно лишь на третьи сутки, когда эти самые выжившие начали выходить в распоряжение второго эшелона приготовившихся к штурму Берлина войск.

Сейчас считается, что это именно они принесли заражение второму эшелону, но в это мало кто верил. Второй эшелон имел численность вдвое больше первого и срочно отступал по всему фронту. У командования хватило ума не грузить войска на поезда и не тикать сломя голову. Отвод войск производился пешим маршем и на машинах, строго соблюдая дистанцию и запрет на контакт подразделений друг с другом. Выживших же собрали в одном месте, и заражение никак не могло распространиться оттуда по всем войскам сразу. А умирать люди начали именно везде и сразу. Без всякой системы то в одном, то в другом полку целые батальоны умирали за полминуты прямо на марше. Такой

полк сразу же останавливали и перенаправляли в ближайший населённый пункт для прохождения карантина.

Все остальные подразделения двигались дальше, и никто с заражёнными не контактировал. Зато всех ежедневно гоняли сдавать кровь на анализ. Во время одной из таких сдач Кузнецов слышал разговор начальника медицинского отряда с комдивом. Врач сказал, что заразу разносят не только выжившие солдаты, но и падальщики и даже дожди с ветрами. Но больше всех её разносят беженцы и дезертиры, то есть те, кому было велено сидеть на карантине, но они тайком покинули опасную зону и пробрались туда, куда эпидемия ещё не добралась. Таких людей в любой карантинной зоне находятся сотни, а если не успевают умереть, то и тысячи.

Эти люди не горят особым желанием вновь попасть в карантин или, и того хуже, быть расстрелянными за побег из опасной зоны — и потому, естественно, не говорят правды о том, откуда они заявили в тот или иной город. Беженцы придумывают различные истории своего появления, и проверить их слова почти никогда не удаётся. Потому что там, где они появляются, очень быстро начинается эпидемия, и все умирают. В том числе они сами. Потому что, как выяснилось позднее, даже те, кто выжил, не только разносят заразу, но и сами заболевают ей несколько позже. Короче говоря, любой выживший всё равно умрёт, не от первого заболевания, так от двадцать первого.

На глазах у Кузнецова армия, со штабом которой он отступал, поредела на семьдесят процентов. Гибнущие полки откалывались один за другим, изолируясь на карантин в наскоро назначенных населённых пунктах, и вскоре радиосвязь с ними прекращалась. Официальная версия гласила, что у радиостанций разряжались батареи питания, заменить которые в деревнях нечем. Поначалу кто-то даже верил в такое объяснение, но потом из таких вот карантинных зон стали появляться те, кто остался от этих полков. Полк умирал в полном составе вместе с населением деревушки, и те, кто оказался выжившим, садились в машину и ехали к своим. Через усыпанные трупами и накрытые гигантскими стаями воронья мёртвые города.

Сначала позади стремительно редеющих войск осталась мёртвая Польша, потом армия Кузнецова вошла в Белорус-

и тут оказалось, что эпидемия пришла сюда даже прежде, чем отступающие из Берлина войска. Дороги уже были перекрыты заградотрядами НКВД, открывающими огонь без предупреждения по любому, кто оказался в поле зрения. Потому что покидать место жительства запрещено особым указом правительства. Но всё это никак не помешало заразе распространяться, потому что армия, отступающая второй месяц, продолжала терять полки.

Три дня назад полк, в составе которого отступала отдельная разведротта Кузнецова, миновал Смоленск. Колонна отошла от города едва на пятьдесят километров, когда из Смоленска пришла радиограмма об эпидемии. Говорят, радист, который её передавал, умер прямо во время сеанса связи. До Москвы оставалось всего триста километров, и отступающую армию остановили, срочно разведя по ближайшим населённым пунктам. Полк Кузнецова встал на постой в какую-то крохотную деревушку, немедленно потерявшуюся среди полковых палаток и наскоро отрытых землянок. На краю полкового хозяйства установили медицинскую палатку, в которую всех вызывают сдавать кровь.

Несмотря на то что от полка, во время берлинской операции побывавшего под ударами «Фау-5», осталось едва сорок процентов списочного состава, общее количество личного состава совсем крохотным не назовёшь. Как-никак больше полутысячи душ. Раз в сутки забирать у всех кровь и проводить её анализ — это занятие для троих врачей и десятка медсестер должно быть довольно хлопотным. При этом Кузнецова на анализ крови за эти три дня вызывают уже в седьмой раз. Так часто никто в эту палатку не ходит, проколы в венах не успевают заживать, и сослуживцы уже косятся на него с подозрением. Да и самому боязно, если честно.

— Товарищ подполковник медицинской службы, разрешите обратиться! — спросил разведчик, в очередной раз протягивая руку для прокола.

— Обращайтесь, — ответил военврач, окинув его странным взглядом.

— Это уже седьмой раз. Скажите прямо, я заразился? — Кузнецов был абсолютно спокоен. — Я со своими бойцами сплю в одной землянке, погублю людей ни за что. А ведь мы вместе с первого дня войны. С Михалычем и вовсе ещё с Испании.

— Сходи покури пока снаружи, капитан, — ответил военврач.

— Я не курю, товарищ подполковник. — Кузнецов оставался по-прежнему невозмутим. — Так что со мной? Людей моих пожалейте.

— Тогда погуляй вокруг палатки, капитан! — раздражённо заявил военврач. — Дождись результатов анализа! Я сам к тебе выйду, ступай! У меня дел невпроворот!

Пришлось подчиниться. Кузнецов покинул медицинскую палатку и минут двадцать бродил вокруг неё, разбираясь в собственных мыслях. Умереть он не боялся, тем более эта зараза, которую за коричневые пятна на лицах трупов прозвали Коричневой чумой, убивает быстро. Но своих людей было жаль. От роты и без того осталась лишь горстка бойцов в полтора десятка штыков... Если он заражен, значит, и их заразил. Вот ведь как по-скотски получилось... А ведь они доверяли ему всегда, без раздумий!

— Где капитан Кузнецов? — Со стороны палатки послышался чей-то суровый голос.

— Вон там! — ответил часовой, и Кузнецов обернулся. — Ему гулять было велено!

Возле входа в полевой медпункт стояли трое офицеров в форме НКВД, рядом с ними военврач. Увидев Кузнецова, военврач решительно направился к нему, и чекисты поспешили следом, оглядываясь назад и озираясь с подозрением во взглядах. Кузнецов спрятал ухмылку.

— Арестовывать пришли? — невозмутимо поинтересовался он, как только военврач подошёл вплотную. — Зря. Сказали бы сразу, товарищ подполковник, я бы сам пошёл.

— Умолкни, капитан! — тихо потребовал военврач и тоже оглянулся. Убедившись, что никто, кроме чекистов, не услышит его слова, он совсем негромко заговорил: — Слушай внимательно, капитан! Слушай, соображай и никому не рассказывай! Мы все заражены. Весь полк. Инфекция в крови у каждого. И все мы умрём. Может, через четыре дня, может, через четыре часа, может, нам повезёт, и мы протянем неделю, на что я очень надеюсь. Потому что ты не заражён.

— Я? — опешил Кузнецов. — Это как же так? Разве Коричневая чума...

— Не знаю! — злым шёпотом отрезал военврач. — Таких случаев ещё не было! Но я проверил семь раз — ты не заражён. По какой-то причине инфекция не попадает в твою кровь. Её там просто нет и, судя по всему, не было. Хотя ты гарантированно находишься среди инфицированных вот уже трое суток!

Он хотел сказать что-то ещё, но болезненно осёкся, видимо берёт время, и заявил:

— Короче, капитан! Ты сейчас наша надежда! Всех нас! И тех, кто сидит в этом лагере, не зная, что обречен, и тех, кто сидит в других таких же в ожидании смерти. Тебя необходимо как можно скорее доставить в Москву. Целым и невредимым. В НИИ, который работает над противоядием. Быть может, твоё появление поможет им создать вакцину. И, быть может, они успеют её создать прежде, чем мы умрём. Но кроме нас есть ещё вся остальная страна. Миллионы людей. И весь мир. Это ещё больше, хотя я не знаю, сколько сейчас от него осталось. Так что езжай, капитан! И доедь обязательно!

Военврач обернулся к офицерам НКВД и горячо зашептал:

— Делайте что хотите! Мне плевать, как вы это сделаете, но он должен быть в Москве, в НИИ мозга, живой и как можно скорее!

— Сделаем, товарищ подполковник! — голос чекиста звучал сурово, во взгляде светилась уверенность.

— Не теряйте времени! — выдохнул военврач. — Кто знает, может, ещё поживём...

Он развернулся и, печально понуриив голову, поспешил в палатку медпункта.

США, Вашингтон, секретный офис Аллена Даллеса недалеко от Белого дома

В новом офисе Даллес встречал Гранта в новом кресле, изготовленном по образцу старого. Но на этот раз Грант был готов и потому сразу понял, что в стоящем к нему спинкой массивном кресле кто-то сидит.

— Добрый вечер, сэр! — Грант приветствовал Даллеса прежде, чем тот успел развернуть к нему своё кресло. — Как ваш анализ крови сегодня?

— Здравствуйте, полковник! — Даллес позволил себе кривую улыбку. — Отличный сарказм, не стану скрывать! Спасибо, со мной всё хорошо. По крайней мере пока.

— Как и со всеми нами, сэр, — хмуро произнёс Грант, усаживаясь в кресло напротив. — Два миллиона отличных парней заплатили за это своими жизнями.

— И вскоре заплатит третий миллион. — Даллес зло скривился. — Чёртовы нацисты!

— У подразделений, что сидят сейчас в Гудзоновом заливе, нет никаких шансов? — Лицо Гранта потемнело. — Мне докладывали, что в зоне карантина наблюдается улучшение. Многие выздоровели.

— Уже нет. — Злая ухмылка Даллеса стала ещё злей. — Двадцать минут назад оттуда пришла радиограмма: в карантинной зоне вновь вспышка смертности. Несколько врачей заразились, несмотря на противовирусные скафандры. Среди лечащего персонала растут панические настроения, многие отказываются продолжать работу.

Даллес замолчал, и полковник Грант на несколько секунд погрузился в мрачные воспоминания. Последние полтора месяца были просто чудовищны. Эпидемия Коричневой чумы явилась для союзников абсолютной неожиданностью. Передовые войска союзников погибли мгновенно, остальные начали срочно отступать во Францию и далее, к побережью. Поначалу планировалось перевести армии через Ла-Манш и отгородиться проливом от заражённой Европы. Но эпидемия достигла Британии ещё до того, как основные армейские подразделения вышли к побережью. Во время этого марша ежедневно солдаты умирали сотнями, и Англия отказалась принимать у себя объединённые войска. Британцы забрали только своих, французов отправили в Нормандию, американо-канадские подразделения было решено отвести в Дюнкерк и эвакуировать оттуда непосредственно в США.

В Дюнкерке к тому времени эпидемии ещё не было, и местные жители в ужасе запирались при виде идущих через город войск, опасаясь заражения. Кто кого заразил, понять невозможно. Скорее всего, и войска, и горожане уже были заражены на тот момент из несвязанных источников. Потому что на третьи сутки Дюнкерк захлестнула вспышка смертности, и город вымер менее чем за полминуты. Разместившиеся в портовой зоне войска не пострадали, но под-

разделения, которым не хватило места в портовой зоне, разбивали палатки на городских площадях и умерли вместе с горожанами.

В общей сложности от трёхмиллионной американско-канадской армии остался один миллион человек, окруживший себя и порт неприступным кольцом запретной зоны. Огневые точки расстреливали всё, что только появлялось у её края, и это позволило войскам выжить. Президент США срочно объявил о всеобщей мобилизации морских судов для спасения армии, и за двое суток Америка собрала более трёх тысяч единиц разношерстного морского флота. Всё это было отправлено в Дюнкерк, и за те девять суток, в течение которых мобилизованный флот добирался до цели, в порту не произошло ни одной смерти.

И это вселяло надежду.

Корабли брали на борт столько солдат, сколько только могли разместить для десятидневного плавания, параллельно с погрузкой проводя бункеровку, и сразу же уходили обратно. Миллионная армия, бросив технику и всё, что нельзя было унести в руках, сумела погрузиться на корабли за трое суток, и вскоре весь мобилизационный флот был в открытом море. Все вздохнули с облегчением, но, как оказалось, напрасно. Ибо кошмар ещё только начинался.

Первая вспышка смертности произошла на третьи сутки перехода. Несколько сот судов за полминуты превратились в набитые мертвецами плавающие склепы. Потерявшие управление корабли совершили ряд столкновений, несколько судов затонули, остальные унесло в океан. Прочий флот продолжал движение, но с тех судов, на борту которых имелись судовые врачи, начали поступать радиogramмы об обнаружении в крови экипажей и пассажиров неизвестной бактерии. Врачи имелись не на каждом судне, и не на каждом, где они были, анализы крови оказались угрожающими, но этого было более чем достаточно, чтобы в США вспыхнула паника.

Мгновенно начались народные волнения, общественность разделилась на требующих не пускать эпидемию в США и на родственников солдат, которые требовали спасти своих близких любой ценой. По стране прокатилась волна беспорядков, и в конце концов правительство приняло решение: мобилизационный флот должен прибыть в Гудзо-

нов залив и встать там на карантин, не приближаясь к берегу ближе чем на пять миль. Места в заливе достаточно, рядом Канада, которая может принять участие в обеспечении надлежащих условий своим подразделениям. Ответственность удалось успокоить, но проблемы с армией продолжались.

В Гудзоновом заливе скопилось три тысячи судов, переполненных людьми, и не все из них пожелали сидеть взаперти в ожидании собственной судьбы. Кое-кто, и таких оказалось достаточно много, самовольно захватывал шлюпки и отправлялся к берегу. Президенту пришлось санкционировать применение оружия, чтобы не допустить попадания эпидемии на американский континент. За первые сутки было потоплено несколько сот шлюпок вместе с теми, кто в них находился, населению объявили запрет на приближение к берегу, рыбную ловлю и забор воды из залива.

Каждые сутки смертность вспыхивала на новых судах, и к исходу недели половина из трёхтысячного флота превратилась в морги. Остальные корабли развели в две разные стороны: в одной собрали те, на борту которых находились инфицированные и выжившие в ходе вспышек смертности. В другую отвели тех, у кого в крови инфекции обнаружено не было. Экипажи таковых требовали, чтобы их немедленно отпустили домой, к родным и близким, но медицинские консультанты президента были категорически против. Мотивируя это тем, что никто толком ничего не знает об эпидемии. Тот факт, что имеющиеся у медиков средства диагностики не выявили заражения, ещё не означает, что опасности действительно нет.

Президент принял сторону своих советников и оказался прав. Спустя несколько суток вспышки смертности начались во всех зонах, а потом Советы прислали изобретённую ими методику выявления заражения. И инфекция обнаружилась у всех. С того момента несчастных не выпускали из Гудзона залива, не позволяя им ни причалить к берегу, ни выйти в открытое море. Эту психологическую пытку выдерживали не все. Некоторые заражённые пытались прорваться с боем, и их приходилось уничтожать. Всё побережье залива было заполнено войсками, срочно мобилизованными отовсюду, выход в океан блокировали военным флотом, отозванным с японского театра военных действий. Чем Япония немед-

ленно воспользовалась, совершив ряд стремительных завоеваний, и фактически вытеснила США из азиатского региона.

Но сейчас было не до войны с Японией. Два миллиона солдат умерло от эпидемии в Европе, и ещё один миллион оказался заживо погребён во чреве мобилизационного флота. Впрочем, сейчас Гудзонов залив превратился в морг. Живых там осталось не больше двух-трёх сотен тысяч, рассеянных по сотням кораблей. И если сейчас инфекцию нашли в крови у работающих с ними медиков, это совсем плохо.

— Получается, что имеющиеся у наших медиков скафандры не защищают от эпидемии? — уточнил Грант. — Если они заразились, значит, инфекция уже могла распространиться на территорию США?

— Слава богу, пока нет, — ответил Даллес. — Все медики, которые пытаются спасти наших парней, не покидают карантинной зоны. Для них на берегу освободили отдельный посёлок. Все припасы подвозятся на его окраину, выгружаются и оставляются там. Потом машины уезжают, и лишь после этого медики выходят туда и забирают груз. Никто не приближается к ним ближе чем на милю. Но до сих пор в посёлке заражения не было. Медики, работающие на заражённых кораблях, перед возвращением в посёлок делают себе анализ крови. Именно так и обнаружили инфицированные врачи. Они не успели покинуть корабли. И теперь уже не покинут.

— Всё это очень прискорбно, — оценил Грант. — Если я правильно понимаю, то все эти люди, те, что находятся сейчас в Гудзоновом заливе, обречены?

— К сожалению, это так, полковник! — подтвердил Даллес. — Даже те, кто выжил после вспышки смертности, продолжают оставаться разносчиками инфекции. Уже зафиксированы случаи, когда такие люди заболели вторично. Некоторые из них умирали. Так что выпустить их из карантинной зоны мы не можем, даже если им придётся провести там всю жизнь. Чего не случится. Если верить учёным Советов, то все эти люди рано или поздно неизбежно умрут. Их организм сильнее, чем у других, и потому сопротивляется заразе дольше, но не более того.

Даллес сумрачно вздохнул и закончил:

— Пока это является тайной, но президент уже поручил своим советникам миссию разработать стратегию увекове-

чивания беспримерного подвига, совершённого нашими доблестными солдатами. Они умерли в заливе, но не пустили эпидемию в США!

— Считаю это правильным решением, сэр! — заявил Грант. — Гудзонов залив должен стать памятником американского патриотизма! Нельзя оставлять всё так, как сейчас, когда там каждый день идут морские бои и флот топит суда с беднягами, пытающимися выжить любой ценой. Людям свойственно стремиться выжить, в этой ситуации каждый доверяется своим инстинктам, а инстинкт выживания далек от самопожертвования. Затрудняюсь утверждать, что точно знаю, как бы я поступил на их месте. Но мы не можем оставлять в нашей истории настолько чёрное пятно!

— Президент посчитал так же, — кивнул Даллес. — И все с ним согласны. Однако некоторые горячие головы в сенате требуют от нас ответа: почему разведка США ничего не знала о том, что у нацистов есть такое оружие?

— Никто не знал, сэр, — покачал головой Грант. — Не были проинформированы даже сами нацисты. Пленные, которые покидали секретные заводы, до самого конца были уверены, что создают атомную бомбу. По их показаниям, заражение пришло из-под земли. Это прозвучало на допросах как минимум трижды.

— Полковник, мне нужны протоколы этих допросов, — оживился Даллес. — Я представлю их президенту и сенатскому комитету, который ищет виновных на потребу избирателям, возмущённым кровавой бойней на Гудзоне.

— Протоколов нет, сэр. — Грант беспомощно развёл руками. — Все свидетели погибли, даже не успев покинуть территорию Германии. Эпидемия продвигалась стремительно. Когда вы прислали за мной самолёт в Швейцарию, сэр, я думал, что на аэродроме буду пробиваться к нему с боем, потому что вокруг скопится слишком много желающих улететь. Но когда мы прибыли к аэродрому, там были одни лишь мертвецы. Мне стоило больших трудов объехать аэродром так, чтобы не приблизиться к трупам ближе сотни ярдов. Мы обогнули летное поле, взломали ограждения и въехали прямо на взлётно-посадочную полосу. Там и дождались самолёта, сэр! Протоколов не существует, потому что никто не выжил!

— Но как-то же вы получили эти сведения, полковник! — Даллес нахмурился.

— Доклады приходили по радиосвязи, сэр! — объяснил Грант. — Мои люди сообщили мне всё это, пока ещё были живы. Потеряв первую команду, я поддерживал радиосвязь с остальными до тех пор, пока все они не перестали отвечать на вызовы. Могу предоставить вам стенограммы этих сеансов связи и радистов, которые при этом присутствовали. Они могут засвидетельствовать правоту моих слов и подлинность стенограмм, сэр!

— Соберите всё, что только можно, и всех, кто может быть полезен, — кивнул Даллес. — Нам это понадобится, когда сенатская комиссия вызовет нас на допрос.

— Надеюсь, всё это будет происходить в режиме секретности? — Грант скривился.

— Несомненно, полковник! Никто не заинтересован в ещё больших проблемах с электоратом. Все материалы по этому расследованию уже признаны сенатом государственной тайной. Допуск к ним будет у строго ограниченного числа людей. И все они подпишут документ об ответственности за разглашение.

— Это правильно, сэр! — оценил Грант. — Сказать по правде, нам очень повезло с этой эпидемией. Нацисты уничтожили сами себя, Советы, скорее всего, не успеют вымереть до того, как их беженцы разнесут заразу по Азии, и проблема с азиатами вскоре решится сама собой. Соединённые Штаты станут полноправным хозяином мира, как и должно быть. Поэтому сейчас не до миндальничания с родственниками заражённых. Эпидемия должна умереть в Гудзоновом заливе вместе с теми, кто её сюда привез. Это единственный способ спасти Америку. Мы не можем рисковать жизнями сотен миллионов ради жизней сотен тысяч.

— Совершенно с вами согласен, полковник! К счастью, в Сенате это понимают, так что данная позиция является общей. Но собрать доказательства в свою защиту не помещает. — Даллес поднялся, давая понять, что разговор окончен: — Уверен, ни вы, ни я не желаем оказаться крайними в этой трагической истории.

— Я лично подготовлю всё что есть! — заявил полковник. — Завтра все документы будут лежать у вас на столе! Можете на меня положиться, сэр!

Они коротко попрощались, и Грант покинул кабинет Даллеса.

Громко дребезжащая центрифуга прекратила раскручиваться, и её вращение начало замедляться. Стоящий возле входа в лабораторное помещение офицер НКВД в противогазе, поверх формы облачённый в защитный балахон, облегчённо выдохнул. У этой адской машины, в которой учёные смешивали свои препараты, пару дней назад полетел подшипник. К счастью, крутить она от этого не перестала, но стала дребезжать на весь этаж так, что у него голова раскалывается.

В другое время подшипник давно уже заменили бы, но сейчас найти новый не так-то просто: часть Москвы от Садового кольца и дальше заражена, оцеплена войсками и полностью изолирована. Садовое сейчас заполнено солдатами в противогазах и представляет собой одну большую пулёмётную точку. В другой части Москвы, которая осталась внутри Садового кольца, введён строжайший карантин, выходить на улицу запрещено. И завод, и склад, где есть эти подшипники, остались за Садовым кольцом. Так что соваться туда без крайней необходимости никто не хочет, а учёные сказали, что, пока машинка крутит свою ёмкость, менять её не нужно. Тем более ценою чьих-то жизней.

Останавливающаяся центрифуга окончательно замерла, и часовой перевёл взгляд на сидящего рядом с ней Сеченова. Учёный спал, сидя на стуле. Офицер шагнул к нему и остановился. Пусть поспит ещё минуту. С тех пор как Захаров заразил сам себя Коричневой чумой, в чистой части НИИ Сеченов всё делает один и почти никогда не спит. Ему, конечно, натаскали сюда всяких помощников, но толку от них мало. Даже он, офицер НКВД, больше понимает в полимерах, чем все эти помощнички. Потому что он охраняет эти лаборатории четвёртый месяц, а они о полимерах впервые слышат. И даже не скрывают, что это нечто сродни фантастике, понять это сможет далеко не каждый, а досконально разобраться и вовсе годы требуются.

Так что судьба СССР сейчас целиком зависит от двух человек. А если Захаров умрёт, то от одного. Офицер вспомнил, как неделю назад генерал-лейтенант Хрущёв, член Военного совета, оставшийся в Москве за главного после того, как всё правительство эвакуировали в Куйбышев, примчал-

сюда, бросив всё. Потому что ему доложили, что Сеченов с Захаровым решили заразить себя Коричневой чумой. Перелом поднялся такой, что Берия с Маленковым не примчались сюда только потому, что от Куйбышева до Москвы восемьсот километров с гаком. К счастью, выяснилось, что заразить себя учёные решили не вдвоём. Инфекцию себе занёс только Захаров.

— Зачем?! — Хрущёв был бледен как полотно. Он стоял у стеклянной перегородки, которую два месяца назад установили между чистой и грязной зонами в центральной лаборатории, и переводил ошарашенный взгляд с Сеченова, стоявшего рядом, на Захарова, невозмутимо глядевшего на него из-за стекла. — Зачем вы решили испытывать вакцину на себе?! Харитон Радеонович, у нас что, людей не хватает?! Только скажите, я притащу сюда тысячу подопытных!!!

— Таскать сюда никого не нужно, — хмуро заявил Сеченов. — У нас есть подопытные. Все они добровольно откликнулись на наш зов, как вы, надеюсь, помните. Их никто не заставлял, они знали, что, скорее всего, погибнут, но пришли сюда ради того, чтобы все остальные могли спастись.

— Тем более! — нервно парировал генерал Хрущёв. — Для чего было заражать себя?!

— Это с самого начала была моя идея. — Захаров безразлично пожал плечами, мол, ну и что с того? — Стало быть, мне и испытывать финальный вариант вакцины. Если срывает — мы будем точно знать, как действует механизм антивирусной химеры.

— А если нет?! — воскликнул Хрущёв, но Захаров оборвал его, отмахнувшись:

— А если нет, то всё это станет уже неважно. Потому что других вариантов прекратить эпидемию у нас нет. И уже не будет.

В общем, Хрущёв уехал в тот день, держась за голову и пребывая в полнейшем шоке. С тех пор от него сюда ежедневно приезжает офицер связи майор Муравьёва. Нормальная такая тётка, даром что под сорок, бойкая бабёнка и симпатичная! Будь сейчас всё по-старому, без смертельных эпидемий и гор трупов, он был бы не прочь рискнуть её закадрить. А так... тут бы живым остаться. Эпидемия уже здесь, половина Москвы вымерла, вторая половина не заразилась лишь потому, что Садовое оцепили заранее, ещё

тогда, когда шла подготовка к эвакуации в Куйбышев товарища Сталина. Как только она началась, пересекать Садовое стало запрещено. Те, кому это было позволено, сдавали кровь на анализ, и только потом их пропускали через оцепление.

Оцепление, кстати, тройное. Первая линия стоит на внешней стороне Садового кольца, вторая — на внутренней. А третья — это пулемётные заградотряды НКВД, расположенные в домах за второй линией. Их задача — расстреливать всех, в том числе солдат оцепления, если кто-то нарушает размеченные границы или снимает противогаз либо защитный балахон. Противогаз и балахон на улице снимать запрещено. Впрочем, лично он ещё ни разу не видел своими глазами идиота, который бы снял всё это добровольно.

Вместо одной минуты прошло две, и офицер подошёл к спящему учёному.

— Товарищ Сеченов! — Он осторожно потряс его за плечо. — Дмитрий Сергеевич!

— А? Что? — встрепнулся учёный, неуклюже вскакивая со стула и замечая неподвижную центрифугу. — Вот дьявольщина! Центрифуга всё-таки сломалась!

— Не сломалась она! — пробубнил через противогаз офицер, повышая голос, чтобы его было слышно лучше. — Открутила положенное время и остановилась!

— Сколько я проспал? — сообразил Сеченов, бросаясь к центрифуге. — Реакция могла начаться и уже прогореть!

— Всё в порядке, Дмитрий Сергеевич! — заверил его часовой. — Ровно две минуты прошло. У вас есть ещё четыре минуты до начала активной стадии.

— Действительно. — Сеченов вытащил из центрифуги колбу, до середины заполненную прозрачным бесцветным желе, и удивлённо посмотрел на офицера. — Откуда вам известны сроки?

— Вы сами их при мне называли, Дмитрий Сергеевич, — донеслось из-под противогаса. — Запомнилось само собой.

— Извините, — смутился учёный. — Если честно, я не различаю ваших лиц в противогасах...

— Ничего страшного, товарищ Сеченов, — улыбнулся офицер. — Служба такая.

Сеченов поблагодарил офицера, подхватил колбу и понёс её к мощному микроскопу. Минут тридцать он возился то с микроскопом, то с желе, что-то добавляя туда шприца-

ми из разных пробирок, изучая в микроскоп полученный результат и повторяя всё это вновь. Затем он подошёл к селектору и вызвал ассистентов.

Те явились из соседней лаборатории вчетвером, мастиные такие дядьки в строгих лабораторных халатах, с умудрёнными опытом лицами и с растерянностью во взглядах. Все они были серьёзными учёными, но разобраться в полимерах Сеченова оказалось гораздо сложнее, чем они считали изначально. Офицер не раз слышал, как они в сердцах сетуют друг другу на то, что полимеры есть абсолютно нестандартная субстанция, доселе не рассматриваемая ни физикой, ни химией, ни медициной.

— Товарищи, финальная формула противовирусного полимер-генератора готова. — Сеченов протянул им две колбы с разными надписями: — Это первый каскад. Это третий. Приступайте к монтажу химеры, я займусь вторым каскадом, если он... — Учёный осёкся и поправился: — Когда он появится.

Матёрые ассистенты покивали, понимающе хмурясь, забрали колбы и покинули помещение. Сеченов открыл холодильник, извлёк оттуда стерильную герметичную коробку из хирургической стали с заранее заряженными шприцами и тоже вышел из лаборатории. Офицер НКВД немедленно двинулся следом.

— Товарищ офицер, — Сеченов обернулся к нему, — пожалуйста, пригласите в лабораторию испытаний товарища Кузнецова!

— Есть! — отчеканил офицер и поспешил к ближайшему селектору. Добравшись до него, чекист наклонился к раструбу и произнёс: — Капитану Кузнецову явиться в лабораторию испытаний! Повторяю! Капитану Кузнецову срочно явиться в лабораторию испытаний!

Офицер заторопился обратно. Оставлять Сеченова одного нельзя. Это приказ товарища Сталина. Тут, в НИИ мозга, охрана сперва была расставлена на каждом этаже и через каждые десять метров. Но с приходом эпидемии в Москву Сеченов заявил, что такое количество людей лишь увеличивает потенциальное количество жертв. В итоге всю охрану переместили к входным дверям на этажах, и с Сеченовым теперь приходится передвигаться по одному. Непорядок! Мало ли что может случиться! Тут и научные асси-

стенты — или как их там правильно, — и добровольцы. Кто знает, что у них на уме?!

На этот раз он как в воду глядел! Не успел офицер добежать до лаборатории испытаний, тяжело дыша через противогаз, а там уже возникла чрезвычайная ситуация! Сеченов с медицинской коробкой подходил к стеклянной стене, а сзади к нему по коридору бежала та самая майор Муравьёва. Офицер узнал её даже в противогазе, других женщин сюда не пускали, тем более в майорской форме. И следом за ней бежали двое его сослуживцев, офицеры охраны НИИ из НКВД, с пистолетами в руках!

— Майор Муравьёва! — рывкнул один из них, вскидывая пистолет. — Стоять! Последнее предупреждение! Ещё шаг — и открываю огонь!

Второй офицер тоже взял майора Муравьёву на прицел, и охранник Сеченова в три прыжка догнал учёного. Он закрыл ошарашенно оборачивающегося Сеченова собой, тоже выхватил пистолет и прицелился Муравьёвой в лоб. Та осталась и схватилась руками за свой противогаз.

— Что происходит? — опешил Сеченов, недоуменно разглядывая представшую перед ним картину. — Товарищи! Пожалуйста, опустите оружие! Здесь нельзя стрелять! Это обычное стекло, за ним находится заражённая зона, вы же знаете...

— Товарищ Сеченов! — Муравьёва содрала с себя противогаз. — Дмитрий Сергеевич! У вас моя дочь! Пожалуйста, опустите её! Умоляю вас! Она ещё ребёнок!

— Что вы такое говорите, Зинаида Петровна?! — ещё больше изумился Сеченов. — Какая дочь?! Какой ребёнок?! Мы не работаем с детьми, это исключено!

— Катя! Катя Муравьёва! — воскликнула майор, с трудом сдерживая слёзы. — Моя дочь! Моя Катюшка... Ей всего семнадцать...

— Екатерина — ваша дочь? — искренне удивился Сеченов. — Но... почему вы не сказали?

— Я не знала! — трагически выдохнула майор. — Не знала, что она записалась к вам добровольцем! Она сказала, что проведёт несколько дней в балетной школе. Там никого не осталось после эвакуации, а Катюша занимается балетом с шести лет, учителя прочили ей большое будущее... — Майор всхлипнула, но сдержалась: — Она сказала, что не хочет прекращать тренировки, а мы живём в маленькой квартир-

Я сама выхлопотала ей пропуск... Я всё время на службе. Только сегодня получилось туда заехать! Я выяснила всё лишь полчаса назад! Дмитрий Сергеевич, родимый, отдайте же Катюшу...

— Но... — Сеченов был совершенно потрясён, — это невозможно... — Он растерянно обернулся к стеклянной стене. — Она в опасной зоне... четвёртые сутки...

Майор Муравьёва издала едва слышный сдавленный крик и заломила руки, удерживающие противогаз. За стеклянной стеной появился профессор Захаров. Он с безразличием окинул взглядом сложившуюся немую сцену и приблизился к стеклянной стене вплотную. Офицер инстинктивно отшагнул. Лицо Захарова покрывали ядовито-коричневые нарывы, глазные сосуды полопались, губы засохли и потрескались, в трещинах виднелась запекающаяся кровь.

— Дима, — Захаров перевёл на Сеченова усталый взгляд, — по какому поводу шум? Если товарищ майор заражена, не убивайте её. Запустите её к нам.

— Она не заражена. — Сеченов болезненно потёр висок свободной рукой. — Она утверждает, что наш доброволец Екатерина её несовершеннолетняя дочь...

— Доброволец номер восемьдесят три, Екатерина Бородин, тысяча девятьсот двадцать третьего года рождения? — уточнил Захаров. — Других женщин у нас сейчас нет.

— Екатерина Муравьёва! — воскликнула майор. — Двадцать четвёртого года рождения! Почему вы не проверили её документы?! Кто у вас занимается добровольцами?!

— Добровольцами у нас, — в голосе Захарова зазвучала сталь, — занимаюсь я! — Он в упор посмотрел на Муравьёву, и та попятилась, словно взгляд заражённого человека мог инфицировать её даже через стекло. — И я не проверяю документы. Я учёный, а не бюрократ. На кону стоит судьба всего советского народа, быть может всего мира, и мне безразлично, что указано в документах добровольцев. Эпидемия не убивает официальные бумаги. Она убивает людей. Зачем вы явились сюда, Зинаида Петровна? Похлопотать за дочь? А как же остальные добровольцы? Здесь, в этой лаборатории, до неё погибло восемьдесят два человека. Молодые, здоровые и сильные мужчины и женщины. До них вам дела не было? Жить достойна только ваша дочь? Остальные могут умирать себе сколько хотят, или из-за эпидемии, или

здесь, в лаборатории, жертвуя собой ради создания вакцины, которая спасет всех, — всё это для вас не важно, не так ли?! Всё это хорошо и правильно, только когда не касается вашего ребёнка? Ваш-то ребёнок особенный, он, несомненно, избранный и лучше прочих во всём! И этому даже не нужны доказательства, ибо самое главное доказательство уже есть: это ВАШ ребёнок. Так, Зинаида Петровна?

— Если бы у вас были дети... — начала было майор Муравьёва, но Захаров злобно рявкнул, затыкая ей рот:

— Мои жена и ребёнок умерли от тифа в голодном двадцать втором году! Выздороветь повезло только мне! Нам с женой было по девятнадцать, дочери в день смерти исполнилось восемь месяцев! После этого я посвятил себя медицине! Очень скоро мы узнаем, насколько эффективна моя научная деятельность, но прямо сейчас я искренне рад, что ваша дочь оказалась гораздо благороднее вас, товарищ майор!

Судя по взгляду, Муравьёвой стало жутко от всего сразу. Она явно хотела что-то сказать, но понимала, что это уже ничего не изменит. Однако сдвинуться с места оказалось выше её сил. Преследовавшие её офицеры НКВД, не опуская оружия, начали медленно приближаться к ней, но в этот момент к стеклу подошла стройная девушка лет восемнадцати, одетая в лабораторный халат. Судя по расширившимся от ужаса глазам майора Муравьёвой, это и была её дочь. Впрочем, тут у кого угодно глаза расширятся. Лицо девушки было покрыто коричневыми пятнами и выглядело лишь немногим лучше, чем лицо Захарова.

— Катенька... — сдавленно прошептала майор Муравьёва.

— Мама! — гневно оборвала её дочь. — Как тебе не стыдно? Что за позор ты здесь устроила?! Ты же советский офицер и коммунист! Как ты можешь быть столь эгоистична сейчас, когда судьба всего советского народа висит на волоске?!

— Катя... — продолжала шептать майор Муравьёва, не сводя полубезумного взгляда с покрывавших лицо дочери жутких пятен. — Ты же ещё совсем ребёнок...

— Я давно уже не ребёнок! — возмущённо отрезала дочь. — Я комсомолка! И хочу быть полезной своему народу! По-настоящему полезной! А не прыгать по сцене в беленьком платьице, когда Советская Армия истекает кровью,

друзьями тыла надрываются на заводах! Ну уж нет! Я хочу посвятить свою жизнь чему-то достойному и благородному!

Она собиралась выкрикнуть что-то ещё, но из глубины опасной зоны вышел ещё один доброволец, рослый здоровяк лет двадцати, в лабораторном халате поверх чисто выстиранной, но сильно потрёпанной солдатской формы. Весело улыбаясь, он поинтересовался:

— Эй, попрыгунья-стрекоза, лето красное пропела! Ты чего так расшумелась?

Как ни странно, но улыбка на его покрытом коричневыми пятнами лице совсем не выглядела жуткой. Наверное, особенности мимики, подумал офицер НКВД. Но улыбающийся молодой солдат действительно выглядел жизнерадостно, и эта жизнерадостность на контрасте со всеобщей безысходностью очень подкупала.

— А с виду такая милая и тихая... — продолжил он, но, увидев майора Муравьёву и направленные на неё пистолеты охраны, осёкся.

Однако смущение его длилось не более секунды. Солдат сделал нарочито высококонравственное лицо, положил одну ладонь себе на голову, символизируя головной убор, и козырнул второй рукой, выполняя воинское приветствие.

— Сержант Нечаев! — представился он и тут же вернулся в нормальный вид, вновь зажигая улыбку: — Товарищи офицеры! Соблюдайте осторожность при обращении с оружием! У нас тут за стеклом эпидемия! Не кантовать! Не разбивать! И не давать детям!

Он сурово нахмурился на майора Муравьёву:

— Товарищ майор! Почему противогаз в руке, а не на лице?! Хотите себе такой же макияж, как у нас?

Дочь Муравьёвой невольно прыснула, но тут же вернула себе суровый вид:

— Товарищ сержант! Вечно вы со своими шуточками! Вам никто не говорил, что они не всегда к месту?!

— Шутки не могут быть ни к месту! — бравым тоном заявил молодой сержант. — Юмор помогает нам переносить тяготы и лишения воинской службы и иные неприятности!

Насколько помнил офицер, этого сержанта доставили в НИИ мозга из-под Берлина. На фронт он ушёл добровольцем в первый же месяц войны, как только ему исполнилось

восемнадцать. Дошёл до вражеской столицы без единой царапины и во время первого наступления на Берлин попал под удар «Фау-5». Осколок попал ему в мозг, но сержант не умер, а впал в кому. Его отправили в один госпиталь, затем в другой, третий и так далее. Потом описание его ранения попало на глаза Сеченову, учёные как раз подбирали раненых для испытаний какого-то препарата, помогающего излечивать ранения мозга.

Сержанта привезли сюда, и препарат на него подействовал положительно. Он выздоровел и чувствовал себя отлично. Сеченов оставил его под наблюдением, а потом, когда началась эпидемия, Нечаев вызвался добровольцем стать подопытным. Герой, что есть, то есть. Сам офицер точно знал, что лично он бы ни за что не полез за эту стеклянную стену, какую бы славу ему ни сулили посмертно.

— Неприятностей у меня сейчас хватает! — Девушка бросила на майора Муравьёву испепеляющий взгляд. — Мама! Не позорь меня! Уходи немедленно!

Майор Муравьёва, словно на ватных ногах, развернулась, собираясь уйти.

— Эй, Катюшка, ты что? — опешил сержант. — Так это твоя мама? Да ты что творишь, дурёха? Она же волнуется за тебя! Мама же!.. А ты ей нож в спину! Не по-людски это! Давай-ка перестань верещать и поговори с мамой чуток наедине! Товарищ майор! — Он повысил голос: — Товарищ майор! Разрешите предъявить вам жалобу на вашу дочь! Она отказывается умываться и не хочет смывать пятна со своей физиономии! Это травмирует мою тонкую натурную эстетику!

Дочь майора Муравьёвой снова прыснула:

— Тонкую эстетическую натуру! Между прочим, товарищ сержант, ваше лицо не лучше!

— Как это не лучше?! — возмущился сержант. — Да я вообще красавец! В нашей деревне первым парнем был! Почти. А то, что физиономия в пятнах, это даже очень удобно! Когда товарищи учёные изобретут вакцину и вылечат нас от эпидемии, айда в лес, Катюшка, по грибы. Нам даже хищных зверей бояться не придётся. С такими-то рожами к нам никто и близко не подойдёт.

Девушка невольно хихикнула, и сержант добавил:

— Давай, попрыгунья-стрекоза, поговори с мамой! Не надо её обижать. — Его голос на секунду стал другим: —

Я вот свою мамку не помню совсем. Померли родители в годный год... А иногда так хочется поговорить с ней или с бабушкой... да нет никого. Ступай, Катюшка, не езди!

— Хорошая мысль! — Сеченов посмотрел на офицеров НКВД. — Товарищи офицеры, позвольте родственникам общаться через стекло. А мы пока займёмся подготовкой к введению инъекции. А вот как раз и товарищ Кузнецов. Очень вовремя!

К лаборатории подошёл капитан Кузнецов в сопровождении телохранителя. Кто такой этот Кузнецов, офицер не знал. И насколько он понял, этого не знал вообще никто. Кузнецова доставили в НИИ мозга в обстановке строжайшей секретности. Когда охрану НИИ оповестили о его появлении, сам Кузнецов был уже внутри. Приказ относительно него был всего один: беречь как зеницу ока. Особых проблем это не вызвало, потому что Кузнецов почти всё время либо сдавал кровь литрами, либо ел и отсыпался после этого.

Сам он почти всегда молчал и ничего не рассказывал, однако байки о нём ходили жутковатые. Будто привезли его из самого Берлина и на самом деле он немец, ибо похож, и его вроде как зараза не берёт. И он даже не заражает никого, кто рядом. Но если дорожку ему перейти, то вмиг заразит. Насколько это было правдой, офицер не знал. Но несколько раз он лично видел Кузнецова в заражённой зоне. А после этого — в безопасной зоне. И Сеченов реагировал на это как на что-то обыденное. И никто после этого не заразился. Зато именно с появлением Кузнецова дела с изготовлением вакцины улучшились. Поэтому сейчас подопытные вместе с профессором Захаровым четвёртые сутки живут с коричневыми нарывами на лицах. А раньше с такими пятнами умирали через полминуты после их появления. Нарывами же коричневые пятна становились уже потом, на трупях.

Сеченов с Кузнецовым оделись в защитные балахоны и ушли в заражённую зону со множеством медицинских шприцев, ампул и пробирок. Все подопытные собрались вокруг них, только дочь майора Муравьёвой ещё несколько минут разговаривала с матерью. Они помирились, и майор в полубоморочном состоянии покинула лабораторию, а все офицеры, участвовавшие в инциденте, отправились писать

о нём подробные рапорты. Через пару часов офицер сменился, поужинал в столовой первого этажа и улёгся спать. Кровати для охраны установили там же, на первом этаже, в кабинетах, потому что покидать здание НИИ мозга офицерам запрещалось.

Проснулся он посреди ночи от громких криков радости. Вроде бы кто-то кричал «Ура!», но спросонья он принял это за звуки боя. Поэтому, вскочив, бросился к оружию прямо в исподнем. Но быстро понял, что не слышит выстрелов. Наскоро одевшись, он выбежал из переоборудованного под спальное помещение кабинета и столкнулся со своими сослуживцами, неожиданно радостными и счастливыми.

— Что случилось?! — Офицер заозирался.

— Вакцину изобрели! — Один из чекистов хлопнул его по плечу. — Только что передали из лаборатории: вакцина сработала! Инфицированные выздоравливают! Как только их укололи — пятна за минуту рассосались! Никто не умер! Сейчас им кровь проверяют и потом в карантине сколько-то там держать будут, но наши, кто сейчас лабораторию испытаний охраняют, сами слышали, как Сеченов сказал, что вакцина работает так, как задумано, и теперь эпидемии конец!

Окраина Берлина

24 июля 1941 г., около полудня

В тёмном углу склада шевельнулась пустая коробка из-под продуктов, и Гольденцвайг метнулся в сторону, роняя сумку и хватаясь за автомат. Укрывшись за парой поставленных друг на друга деревянных ящиков, он приготовился выпустить в темноту длинную очередь и замер. В следующую секунду шевеление повторилось, послышалась какая-то возня, и шум падающих пустых коробок сменился злобным писком дерущихся крыс.

— Дерьмо! — тихо выругался Йозеф, подрагивая от резкого прилива адреналина.

Последние недели крысы обнаглели настолько, что ходили мимо него целыми группами, не обращая внимания и не опасаясь. В первые дни эпидемии всюду было полно трупов, и город захлестнули стаи падальщиков всех мастей. Вонь стояла жуткая, через некоторые районы пройти мож-

было только защитив нос мокрой тряпкой. Потом центр урлина пожрали пожары, а облепленные падальщиками трупы превратились в изгрызенные скелеты. Воронье разлетелось первым, чуть позже пропали крысы. Какое-то время их не было совсем: наверное, пробрались в секретные подземелья и жрали трупы, оставшиеся от персонала подземных заводов. Насколько это так, судить было сложно, потому что никто эти подземелья так и не нашёл. А те, кто из них вышел, уже никому не расскажут, как и где именно они оттуда выбирались.

Да и какая теперь разница? Сейчас главное — выжить! Прожить подольше, раз уж выдался такой шанс. И с этим у него начинались проблемы. В уцелевших от пожаров городских магазинах стала заканчиваться еда, и выжившие начали рыскать везде, где только рассчитывали найти пищу. Вместе с ними, что Гольденцвайг нашёл довольно символичным, вновь появились крысы. От крыс проблем оказалось даже больше, чем от людей. Грызуны наводнили остатки магазинов и сожрали всё, что не являлось консервами. Теперь было уже не до честного соблюдения очереди на посещение таких вот складов и продуктовых лавок. Все стремились набрать побольше и вынести к себе, чтобы там спрятать понадежнее.

Здесь, в этом складе, тоже случилось нашествие крыс. Мерзкие твари погрызли все коробки, сожрали все сыпучие продукты и разбросали по полу консервы. Теперь приходилось ползать по полу и искать их среди мусора и изгрызенных коробок. Вчера Гольденцвайг пришёл сюда в очередной раз, соблюдая установленный график, и понял, что тут не только царит крысиный хаос. Деревянные клетки, в которых находились коробки с консервами, были практически пусты. Однозначно, соседи пытались вынести отсюда всё, но рук не хватило. Поэтому Йозеф забрал всё, что только смог унести, и решил явиться сюда наутро за остальным.

По расписанию это было время деда, но старик не показывался на крышах вот уже четыре дня, и не факт, что он ещё жив. Если что, то можно будет извиниться. В крайнем случае у Гольденцвайга есть автомат и три гранаты в под сумке. Дед же ходит с винтовкой, и если в момент конфликта он не возьмёт Йозефа на прицел заранее, то пристрелить старика не составит труда. Главное — успеть закончить всё

до полудня, потому что тогда на склад могут заявиться фрау с дочерью. С оружием сейчас ходят все, и рисковать в перестрелке сразу с двумя противниками Гольденцвайг не хотел.

По той же причине он отказался от идеи отыскать какую-нибудь тачку или тележку, чтобы погрузить на неё всё, что осталось на складе. С тачкой он бы далеко не ушёл, катить её пришлось бы по тротуару, у всех на виду, ведь задворками и через дыры в заборах с такой машиной не полазаешь. И руки были бы заняты, оружием мгновенно воспользоваться не получилось бы. При внезапном нападении шансов выжить не осталось бы, застрелили бы из-за угла или из окна. Он и сам поступил бы так же.

Тихий нарастающий гул, донёсшийся с улицы, Йозеф услышал не сразу. На пару секунд он замер, прислушиваясь. А не показалось ли?! Но звук летящего самолёта приближался, и он бросился к выходу, роняя полупустую сумку. Выскочив на улицу, Гольденцвайг задрал голову и лихорадочно заозирался. Как назло, погода стояла безоблачная, солнце приближалось к зениту и слепило глаза, а самолёт шёл как раз с востока. Пришлось закрываться от солнца руками и вглядываться в небо. Самолёт оказался советским бомбардировщиком. Он прошёл прямо над Йозефом на небольшой высоте, и нарисованные на плоскостях красные звёзды было отчётливо видно. В следующий момент бомболюки советского самолёта распахнулись, и из них посыпались бомбы.

В ужасе Гольденцвайг рванулся обратно, стремясь как можно скорее забиться в дальний угол между двумя несущими стенами, как вдруг понял, что советские бомбы рассыпались в пыль, едва покинув бомболюк. Остановившись, он вновь задрал голову. То, что Йозеф принял за бомбы, оказалось штабелями листовок. Советский бомбардировщик сбросил на город тысячи небольших бумажек, и в данный миг небо было заполнено кувыркающимися листовками, падающими наземь. Вдали, над самым горизонтом, Гольденцвайг разглядел ещё один самолёт. Похоже, Советы вознамерились засыпать листовками весь Берлин, или, точнее, то, что от него осталось.

То есть Советы выжили! Значит, способ спастись есть! Гольденцвайг ринулся по улице вперёд, стремясь добраться до осыпающихся на мостовую листовок. Схватив одну пря-

в воздухе, он вчитался в напечатанный на ней текст. Он был написан на немецком языке крупными буквами и не содержал ошибок:

«Граждане Германии! Не найдя в себе силы признать поражение, сдаться и понести заслуженное наказание, нацистские убийцы выпустили на свободу чудовищную эпидемию, не пощадив собственный народ! Смертельная зараза распространилась по Европе, слепо убивая всех без разбора. Но советские учёные сумели создать вакцину, полностью уничтожающую заражение! Инфекция будет побеждена, как были побеждены её создатели! В настоящий момент Советская Армия проводит вакцинацию всех выживших граждан Германии! Если вы нашли эту листовку, ступайте на ближайший аэродром вашего города или выйдите на окраину вашей деревни! Передвижные медицинские пункты по борьбе с инфекцией будут развернуты там! Вы можете обратиться за помощью к любому советскому солдату!»

Гольденцвайг сунул листовку в карман и побежал к дому, являвшемуся его убежищем. Чтобы оградить себя от любых потенциальных проблем, он торопливо разжёл камин и бросил в огонь свою эсэсовскую форму. Пока обмундирование превращалось в пепел, он облачился в медицинскую униформу, прихваченную из центрального госпиталя, и убедился, что его фотография надёжно вклеена в документы покойного Михаэля фон Штокхаузена. Само фото Йозеф переклеил ещё три месяца назад, на всякий случай, когда ожидал, что со дня на день Советы или их союзники войдут в опустевший Берлин. Со сроками вышло иначе, но в целом он не ошибся. Гольденцвайг скупно поздравил себя с очередной победой собственных аналитических способностей, натянул поверх медицинской униформы медицинский халат и выбежал на улицу.

К аэродрому он вышел спустя полчаса. Там было уже довольнолюдно: на видном месте стоял целый палаточный городок из палаток с красными крестами на бортах, поодаль расположились армейские грузовики Советов, на взлётной полосе заходил на посадку краснозвёздный транспортный самолёт. Со всех сторон к аэродрому, по одному-два человека, с опаской шли уцелевшие берлинцы, испуганно косясь то на советских солдат, стоящих в оцеплении вокруг палаточного городка, то на своих сограждан, оказавшихся к ним

слишком близко. Советские солдаты махали им руками, ободряюще улыбаясь, и призывали не бояться. Но русского никто не знал, а голоса переводчиков, вещавших в рупоры, доносились не везде. Йозеф оценил обстановку мгновенно. Врачей мало, инфицированных много, переводчиков не хватает. И самое главное: хочешь быть успешным в этой жизни — держись ближе к тем, у кого сила!

— Товарищ солдат! — Гольденцвайг поспешил к ближайшему советскому сержанту, обращаясь к нему на русском. — Я врач! Если я могу оказаться полезным, буду рад помочь!

— Товарищ капитан! — Сержант торопливо обернулся к стоящему возле медицинской палатки офицеру. — Товарищ капитан! Тут немецкий доктор! По-русски говорить умеет!

Капитан немедленно поспешил к ним:

— Это вы врач? Вы немец, из Берлина?

— Да, товарищ офицер! — Гольденцвайг достал свои новые документы и протянул их офицеру. — Доктор Михаэль фон Штокхаузен, практикую в центральном берлинском госпитале... — Он с болезненной усталостью потёр глаза и трагически уточнил: — Практиковал.

— Отлично! — Капитан что-то там прочёл по слогам, сунул ему документы обратно и обернулся к своему сержанту: — Сержант! Бегом его на вакцинацию — и сразу в штаб полевого госпиталя! Сдашь его с рук на руки военврачам! Он доктор, немец, знает Берлин и по-русски говорит! Нам такие сейчас позарез нужны!

Москва, Кремль, правительственное совещание у Сталина

26 августа 1941 г.

Внеочередной съезд партии, посвящённый окончательной победе над фашизмом и Коричневой чумой, закончился вчерашним вечером, и убранная праздничными флагами Москва была заполнена счастливыми горожанами и гостями столицы. Люди съехались в Москву со всей страны, всюду были видны счастливые лица, вечером небо над столицей расцвело залпами праздничного салюта. Сам внеочередной съезд был проведён с максимальным размахом. Для этого

в обезлюдевшую Москву, потерявшую семьдесят процентов населения, в срочном порядке были доставлены из-за Урала бригады рабочих, ансамбли артистов и более тридцати тысяч коммунистов, которых за героизм на фронте и самоотверженный труд в тылу партия наградила этой поездкой на всесоюзный праздник.

Несколько дней с трибун звучали пламенные речи, первые лица государства вспоминали павших, чествовали героев и вдохновляли катастрофически поредевший советский народ на восстановление мирной жизни и экономики. Именно Сеченова и Захарова, спасших мир от гибели, были на слуху у каждого. Благодарные люди не переставая несли в НИИ мозга охапки цветов.

Учёным присвоили звания Героев Социалистического Труда и наградили их Сталинскими премиями. Золотые Звёзды Героев и Ордена Ленина вручил им сам товарищ Сталин.

Праздник ещё продолжался, когда за Сеченовым и Захаровым прибыл правительственный кортеж. Учёных привезли в знакомый кабинет, где собрались члены правительства СССР и высшее партийное руководство. Здесь, без кинокамер и журналистов, высшие должностные лица государства доложили о чудовищных потерях, понесённых Советским Союзом во время эпидемии. Затем слово взял Сталин.

— По последним данным, — хмуро заявил он, — эпидемия отняла у Советского Союза сто пятьдесят миллионов граждан. Ещё десять миллионов погибли в ходе войны. На всю огромную территорию СССР осталось менее сорока миллионов человек, в основном женщины и дети из числа тех, кто жил или был эвакуирован за Уральский хребет и далее. Туда эпидемия добралась за несколько дней до изобретения вакцины, и в основных районах сосредоточения населения массовой гибели удалось избежать.

Сталин перевёл взгляд на Берия:

— Партия считает особенно необходимым, несмотря на ужасающие потери, найти и покарать тех граждан, что, вопреки мольбам Родины, сбегали из своих карантинных зон и принесли эпидемию в безопасные регионы! Найти и покарать, невзирая на заслуги!

— Так точно, товарищ Сталин! — ответил Берия. — Уже работаем над этим!

— Только без излишних перегибов, — уточнил Сталин. — Пусть наши товарищи из органов учитывают, что Советский Союз лишился более чем двух третей населения.

— Не волнуйтесь, товарищ Сталин! — преданно заверил его Берия. — Ни один волос не упадёт с головы невиновных! Только предатели и подлецы, проявившие себя врагами народа, понесут суровое и заслуженное наказание!

При этих словах Сеченов не смог удержаться и печально вздохнул. Только что закончилась кровавая война и жуткая эпидемия, а советский народ снова ждут репрессии. Он искренне надеялся, что на этот раз Сталин не станет устраивать лавину арестов и расстрелов, ведь СССР и без этого обезлюдел...

— Партия, — Сталин посмотрел на Сеченова в упор, — понимает ваши чувства, товарищ Сеченов. И ответственно заявляет, что не допустит неоправданных жертв. Советскому Союзу предстоит восстать из пепла, и именно поэтому партия и правительство пригласили вас сегодня сюда!

— Мы сделали всё, что было в наших силах, — устало ответил Сеченов. — На территории СССР эпидемия полностью побеждена. Вакцина производится миллионами доз, которые направляются на спасение тех, кому посчастливилось уцелеть в Европе. Разыскать их не так просто, Европа опустела, в Германии целые города полностью обезлюдели и выгорели в результате пожаров, тушить которые стало некому. Согласно нашим расчётам, последние очаги эпидемии будут полностью дезинфицированы к концу первой декады следующего месяца. Никакие мутации инфекционных агентов этого не изменят, противовирусная полимерная химера устроена так, что уничтожает боевой Реверсant в любой мутации. Волновое излучение полимерной химеры заставляет Реверсant уничтожать самого себя на уровне ДНК. Именно поэтому можно с уверенностью утверждать, что с эпидемией покончено.

— Это, — Сталин поднял руку в подчёркивающем смысле сказанного жеста, — очень хорошо! С эпидемией мы справимся: медицинские бригады Советского Союза перемещаются по территории европейских стран и заканчивают вакцинацию выживших. Правительство СССР находится на постоянной связи с европейскими правительствами, включая те, что были сформированы заново. Наши пожар-

ные части потушили германские города. Германия, являвшаяся оплотом гитлеризма, потеряла девяносто процентов населения.

Сталин сделал красноречивую паузу, подчёркивая значимость своих слов.

— Но Советский Союз не станет уподобляться фашистам. Он не будет сводить счёты с последними уцелевшими немецкими гражданами. Вместо этого советский народ протягивает Германии руку помощи. Новое германское правительство уже обратилось к Москве с просьбой принять Германию в состав СССР. Советский Союз не бросит в беде немецкий пролетариат. Поэтому партия приняла решение принять Германскую Советскую Социалистическую Республику в дружную семью советских народов. Мировое сообщество будет извещено об этом вместе с уведомлением о полном уничтожении эпидемии.

Вождь народов на мгновение умолк, изучая реакцию Сеченова, а затем продолжил:

— Но сейчас партия хочет поговорить с вами не об этом, товарищи учёные! Если оставить в стороне лозунги и праздничные речи, тяжело не увидеть, что для СССР настали тяжёлые и опасные времена. Численность населения рухнула катастрофически и не в состоянии обеспечивать рабочей силой нужды советской промышленности. Армия фактически погибла, единственные оставшиеся у нас боеспособные части — это дальневосточные дивизии, которые советское правительство держало на границе с оккупированными Японией Монголией и Китаем. В ближайшие годы восполнить столь огромные людские потери нам нечем. Не говоря уже о колоссальной демографической яме, в которой СССР окажется через двадцать — двадцать пять лет, когда настанет пора вступать в самостоятельную жизнь тем, кто так и не родился на свет из-за войны и эпидемии в наши дни.

Сталин вновь сделал паузу и вновь посмотрел на Сеченова:

— А тем временем капиталистический империализм набирает силы. США, защищённые океаном, не испытали на себе сокрушительного удара эпидемии. С тех пор как в Гудзоновом заливе умер последний заражённый солдат, Америка не понесла других потерь и восстановила численный состав своей армии всего за несколько недель.

Вождь народов хмуро покачал головой.

— Более того! Людские ресурсы наших вчерашних союзников огромны. Новая армия США уже имеет численность вдвое больше прежней и продолжает расти. На азиатско-тихоокеанском театре военных действий Япония терпит одно поражение за другим и всё сильнее теряет стратегическую инициативу. Не вызывает сомнений, что рано или поздно США разгромят Японию, и после этого взор мирового капитализма обратится на обескровленный Советский Союз!

Голос Сталина стал ещё более суровым:

— Советская армия слишком мала для того, чтобы успешно отразить натиск империалистических полчищ, а обезлюдевшая экономика СССР не в силах соперничать с не пострадавшей капиталистической финансовой машиной! Если коммунистическая партия не найдёт способа дать отпор капиталистам, завтра наши вчерашние союзники сначала разгромят нас экономически, а после поработят силой оружия! Мы должны найти решение, пока не стало поздно!

— Вы хотите устроить ещё одну эпидемию? — флегматично поинтересовался Захаров. — Вряд ли выйдет. С появлением полимерной вакцины боевой Реверсант стал неопасен. На создание принципиально нового уйдут годы, и это очень рискованно...

Он не успел добавить что-либо. Сеченов, вскинувшись, с возмущением заявил:

— Исключено! Я отказываюсь в этом участвовать! Никаких эпидемий больше не будет! Мои полимеры созданы для созидания! Для торжества науки! Для прогресса и совершенствования общественного сознания! А не для уничтожения всего живого!

— Партия, — Сталин жестом заставил его замолчать, — ни в коем случае не заинтересована в повторении эпидемии. Это пиррова победа, второй такой СССР не переживёт. Нам нужны гораздо более надёжные и эффективные средства. — Он обвёл взглядом всех присутствующих и указал на Сеченова: — Которые, как правильно заметил товарищ Сеченов, сделают советский народ настолько сильным, что мировой империализм не осмелится строить козни Советскому Союзу!

Он неторопливо открыл лежащую рядом папку и достал оттуда пачку машинописных листов, густо исчерканную отзовами и резолюциями.

— В тридцать восьмом товарищ Сеченов предлагал советскому правительству дерзкий и рискованный план полной перестройки научного и народного хозяйства СССР. В те годы многие посчитали его преждевременным.

Сталин задумчиво полистал страницы старого сеченовского доклада и закончил:

— Теперь партия уверена, что время для коренных изменений пришло. Советский Союз готов пойти на риск ради будущего коммунизма и всего советского народа. Скажите, товарищ Сеченов, — он внимательно смотрел в глаза учёному, — насколько реальным вы оцениваете воплощение своего плана в жизнь? Вы уверены, что всё это, — Сталин потряс докладом, — роботы, строящие народное хозяйство, обслуживающие быт советских граждан, идущие в бой с врагами коммунизма вместо живых солдат... насколько это осуществимо сейчас? В наших условиях?

— Абсолютно осуществимо! — уверенно заявил Сеченов. — Если сделать нашу программу государственным приоритетом! Да, на первый взгляд программа может показаться непосвящённому фантастикой и неисполнимым проектом! Но это не так! На протяжении веков всякое общество, в каком бы государстве оно ни находилось, в отношении идей отстаёт от учёных на несколько поколений! Если мы хотим устремиться в будущее, к звёздам, то нам придётся отринуть косность мышления!

Он с жаром принялся объяснять:

— Да, в первые годы будет непросто, но чем дальше наша наука продвинется на ниве полимеров и кибернетики, тем более эффективной станет наша робототехника! Даже первое поколение роботов уже сумеет взять на себя серьёзную долю забот советских трудящихся! Мы можем и должны добиться успеха, у нас есть для этого самое главное: увлечённые умы и научные разработки! Обратите внимание, это не голословный прожект одного человека, вообразившего себя знатоком всех областей науки!

Сеченов возбуждённо поспешил к Сталину, забрал у него доклад и начал раскладывать на столе перед вождём народов выдержки из своего глобального плана.

— Над этим планом работал не только я! Вся наша когорта единомышленников вложила в эту программу результаты своих научных изысканий, каждый из нас является

учёным и в своей области давно не новичок! У нас есть последователи и ученики, из которых можно будет оперативно сформировать научные группы, образующие ядро новой научной доктрины СССР! Наша главная идея состоит в том, что области науки не должны развиваться обособленно, в отрыве друг от друга! Всё должно быть взаимопереплетено, как в природе! Полимеры и кибернетика станут этими связующими звеньями! Именно на стыке фундаментальных наук должна действовать наука практическая, переводящая всё из сухих формул на бумаге в конкретные приборы и технические средства! Вот, смотрите!

Учёный указал на целую структуру, которую только что закончил выкладывать на столе из машинописных листов:

— Это с самого начала должен быть мощный симбиоз научной мысли, охватывающий все основные направления! Это, — он указал на первый лист, — планируется как научный комплекс академика Павлова! Его приоритеты — биология и медицина! То, что особенно необходимо Советскому Союзу сегодня! Борьба с болезнями, материнство и детство, новые лекарства и многое другое!

Рука учёного переместилась на следующий лист:

— Вот это должен был быть научный комплекс товарища Курчатова! Энергия атома, атомные электростанции! Дешевое электричество во всех, даже самых дальних, уголках СССР, доступное каждому!

При этих словах Сталин переглянулся с высшими военными чинами.

— Далее! — Сеченов указал на очередную составляющую своей схемы: — Комплекс товарища Челомея! Уникальные сплавы, робототехника, градостроительство! Города, летающие по небу, плавающие по океану, вольготно располагающиеся на морском дне! Роботы и механизмы, выполняющие тяжёлый труд вместо людей!

А это — комплекс «Токамак»! Сейчас это слово никому ни о чём не говорит, но настанет время, и его будет знать каждый! Комплекс товарища Филимоненко, в котором будут вестись работы над миниатюрными источниками питания! Холодный ядерный синтез! Электробатареи, умещающиеся в спичечный коробок, способные обогреть многоэтажный дом! Это открывает воистину захватывающие перспективы!

Взгляд Сеченова возбуждённо пылал, перед его взором разложенные на столе возле Сталина машинописные листы уже представляли в виде научных корпусов, производственных цехов и испытательных лабораторий.

— Вот она, наша первая ласточка! — Учёный провёл пальцем по густой вязи научных формул, вручную изложенных посреди печатного текста на одном из листов. — Комплекс «Нептун»! Первый в мире настоящий подводный город! В нём будут производиться тысячи самых смелых экспериментов! Опыты с давлением и невесомостью! Исследование возможности подводной жизни для человека! Секретные разработки, в конце концов!

Именно тут должна разместиться Академия Последствий, наш ответ мировому империализму, научный центр, который займётся изучением и прогнозированием предстоящих конфликтов! СССР будет всегда готов к их возникновению и больше никогда не окажется застигнутым врасплох! Зная о войне заранее, мы получим возможность не просто банально накопить вооружение, но и предвосхитить конфликт, погасить его в зародыше мирными дипломатическими средствами! Этими исследованиями должен руководить товарищ Лебедев, он верит в квантовую некоммутативную математику, и я полностью с ним солидарен!

Сеченов коснулся следующего элемента:

— Вот! Научный комплекс товарища Королёва! Ракеты! Те самые, по которым мы так отстали от нацистов! Но наши ракеты не будут создаваться лишь ради того, чтобы нести людям смерть! Наоборот! Они выведут людей в космос! На другие планеты! Человечество покинет тесные пределы своей колыбели!

Учёный указал на элемент рядом:

— А это научный комплекс товарища Вавилова. Ботаника и аграрная промышленность, новые виды растений и животных, высокоэффективное сельское хозяйство не только на Земле, но и в космосе. Там, куда человека доставят ракеты товарища Королёва!

Сеченов перевёл взгляд на Сталина и нахмурился.

— Товарищ Сталин! Я в очередной раз настоятельно прошу вас проявить снисхождение к товарищам Королёву и Вавилову! Держать их в тюрьме — это преступление про-

тив науки! Их участие в программе, их научная мысль и прозорливость необходимы нам словно воздух! Посмотрите!

Он обвёл рукой выложенную структуру.

— Всё это есть звенья одной цепи! Элементы единого предприятия, имеющего общую основу: полимеры и кибернетику! Одно не может эффективно функционировать без другого! Но сообщая, комплексно, мы сумеем добиться результатов в кратчайшие сроки, назло тем, кто не верит в наш разум и потенциал!

— Скажите, товарищ Сеченов. — Сталин вновь обменялся взглядами с военными. — Какое место в вашей программе отведено обороноспособности нашей Родины?

Он испытующе посмотрел учёному в глаза:

— Партия уже говорила о том, что война и эпидемия обескровили СССР. И это не просто слова. Если мировой империализм нападёт на Советский Союз, мы обречены. Армии нет, промышленность в упадке, людские ресурсы исчерпаны. Отыскать документы или разработки нацистов, касающиеся атомной бомбы, не удалось. Когда эпидемия ударила по подземным заводам, умирающие гитлеровские фанатики взорвали сеть подземных тоннелей. Заводы засыпало, тоннели обрушились. Туда невозможно ни попасть, ни даже понять, где всё это находилось до взрыва. В то же время в руках США оказались некоторые учёные, которые имели отношение к работам над атомной бомбой в Германии ещё до войны. И сейчас эти учёные создают атомную бомбу для наших вчерашних союзников, готовящихся сбросить её на нас завтра. В сложившихся отчаянных условиях партия хочет знать, как ваша научная когорта планирует отвести угрозу от нашей общей Родины?

Мгновение Сеченов молчал, раздумывая, после чего взял из сталинской папки ещё один лист бумаги и вставил его в структуру своей программы:

— Это комплекс разработки и создания кибернетических боевых систем. Конструкторские бюро боевых роботов, оружия, в том числе атомного, и боевых ракет. Последние без участия товарища Королёва будут не столь эффективны. Данному комплексу потребуется несколько испытательных полигонов. Учитывая нависшую над СССР угрозу, это направление будет иметь приоритет.

— Хорошо, — коротко ответил Сталин и задумался.

Несколько минут вождь народов молча размышлял, не двигаясь и не обращая внимания на присутствующих. Его взгляд то блуждал по разложенной на столе схеме Сеченова, то застыл, стекленея. Наконец Сталин негромко произнёс:

— Партия согласна с предложением товарища Сеченова. СССР бросит всё, что у него осталось, на реализацию данной научной программы. Товарищей Королёва и Вавилова необходимо помиловать и восстановить в правах. Центральному комитету КПСС и Совету министров изучить программу товарища Сеченова. С учетом того, что данная программа была впервые представлена партии в тридцать восьмом году и утверждена сегодня, двадцать шестого августа, присвоить программе название «Предприятие 3826». Советский народ должен знать, что это решение тщательно взвешивалось, прорабатывалось и обдумывалось партией и правительством много лет и потому заслуживает абсолютного доверия! Объявить работы по устройству данного научного предприятия всесоюзными стройками. Мобилизовать все ресурсы. Руководителем программы назначить товарища Сеченова. Работы начать в кратчайшие сроки.

Сталин обвёл всех суровым взглядом и подытожил:

— Советский Союз не отдаст себя на растерзание мировому капитализму!

США, Лэнгли, штаб-квартира ЦРУ

Июль 1944 г.

— Поздравляю вас с повышением, генерал Грант! — Аллен Даллес поднялся навстречу входящему Гранту и пожал ему руку. — Вы этого достойны!

— Спасибо, сэр! — Грант окинул взглядом новый офис шефа: — В свою очередь, поздравляю вас с назначением! Не стану скрывать: когда мы узнали о том, что президент утвердил создание Центрального разведывательного управления, я ожидал, что именно вы возглавите его, сэр! Странно, что это оказалось не так!

— Моё время ещё придёт, — отмахнулся Даллес. — Сейчас это неважно! Я ничего не имею против повышения, но карьера для меня не главное! Главное — это национальная безопасность США! В тот день, когда президент вдохнул

жизнь в ЦРУ, уровень этой безопасности серьёзно повысился! Теперь у нас есть солидный бюджет, штаты, возможности и особые полномочия! Особенно у вашего департамента, генерал!

— Из новых руководящих документов, предоставленных мне после включения секретного департамента в состав ЦРУ, — генерал Грант последовал жесту Даллеса и уселся в кресло, — я сделал вывод, что режим секретности моего департамента стал ещё выше. Основная масса сотрудников ЦРУ не будет знать, чем мы занимаемся.

— Для вас это не в новинку, генерал, не так ли? — Даллес потянулся за папкой с грифом «Сверхсекретно». — Да, вы совершенно правы: ваша деятельность получила ещё более углубленный секретный статус. Потому что от неё будет зависеть будущее Соединённых Штатов. Я перебрасываю ваш департамент с японского фронта на другой, гораздо более сложный участок.

— Боевые роботы Советов? — уточнил Грант.

— Вы всегда понимаете с полуслова, генерал, — подтвердил Даллес. — И вы наиболее результативный офицер из всех моих подчинённых. Я ценю это.

— Спасибо, сэр! — Грант кивнул. — На чем сосредоточить усилия в первую очередь?

— Ознакомьтесь! — Даллес протянул генералу сверхсекретную папку.

— Дмитрий Сеченов. — Грант узнал фотографию, размещённую на первой странице досье. — Один из двух создателей вакцины от Коричневой чумы. Его знает каждый. Это талантливый советский медик, нейрохирург и вирусолог. Он имеет какое-то отношение к боевым роботам?

— По нашим данным, самое непосредственное, — объяснил Даллес. — Наша резидентура в СССР считает, что Сеченов не просто возглавляет всесоюзный национальный проект Советов, именуемый ими «Предприятие 3826», но и является одним из главных разработчиков боевых роботов.

— Нейрохирург создаёт роботов? — Грант позволил себе сдержанную улыбку. — Неудивительно, что они так плохо работают!

— Всё гораздо хуже, чем может показаться на первый взгляд, генерал. — Даллес покачал головой. — Мы провели серьёзный опрос среди экспертов в научной среде США

Великобритании, включая выходцев из довоенной Германии. Почти все действительно значимые учёные и инженеры оказались единодушны в своём вердикте: это несёт угрозу нашей национальной безопасности!

Он начал демонстративно разгибать пальцы, ведя под-
 ст:

— Во-первых, эти роботы работают, что уже само по себе означает мощный прорыв в науке и технике, повторить который мы не в силах. Наши учёные оказались к этому абсолютно не готовы. Некоторые прямо заявляют, что в США такое появится лет через семьдесят, если не позже.

Во-вторых, до нас дошли сведения об образцах первого поколения. Они работают неважно, но это самые первые модели. В настоящее время они проходят обкатку, доработку и всевозможное тестирование. Кое-кто из наших экспертов считает, что уже второе поколение роботов станет по-настоящему опасным.

В-третьих, и это самое важное, роботы Советов самостоятельны. В каких пределах — этого пока выяснить не удалось, но им точно не нужен один оператор на одну машину. Вы понимаете, что это значит, генерал?

— Автономные солдаты на поле боя в больших количествах, убить которых будет многократно сложнее, чем живого бойца, — ответил Грант.

— Именно так! — подтвердил Даллес. — То есть мы имеем в три раза больше причин, чем требуется для того, чтобы заняться этими роботами вплотную! Кроме того, Советы стали доставлять нам слишком много проблем. Их авторитет в Европе резко вырос из-за победы над эпидемией. Само по себе это объяснимо, весь евразийский континент мог погибнуть. Возможно, кроме Америки, не выжил бы вообще никто. Я не оспариваю заслугу Советов, но США от этого не легче.

Он сумрачно нахмурился.

— И это далеко не всё. Едва ли не вся Европа восторженно доверяет Советам и слепо следует их советам, такой вот грустный каламбур! В ООН, созданном в прошлом году по нашей инициативе, мы оказались в меньшинстве. Это вдвойне абсурдно потому, что после эпидемии от пятисот миллионов населения Европы осталось едва сто. Вместе с СССР их совместное население меньше, чем население одной только Северной Америки. Тем не менее план ФРС

по переводу мировой экономики на единую систему расчётов в валюте США провалился после того, как СССР выступил против.

Даллес недовольно скривился.

— Европа считает советский рубль более надёжной резервной валютой, чем американский доллар. Это не позволяет нам осуществить план по отвязке доллара от золотого стандарта. Зато половина Европы уже интересуется советскими роботами гражданского назначения, которые якобы должны восстановить разрушенную войной и эпидемией экономику. Причём сами эти роботы ещё не покидали пределов СССР, но уже стали популярны. В то время как от закупок нашей техники Европа отказывается всё чаще. О нефти и газе я даже не упоминаю, генерал! Список проблем, возникающих из-за Советов, можно продолжить, но я предпочту сберечь драгоценное время.

— Всё это ненадолго, сэр, — пожал плечами Грант. — После разгрома Японии придёт пора сломать хребет Советам. Чтобы не повторять ошибки Гитлера, США не стали развязывать войну на два фронта, и в этом не было необходимости. После эпидемии в СССР осталось всего сорок миллионов граждан, включая стариков, детей и женщин. Их армия невелика и не сможет долго противостоять нашей мощи. Мы разобьём Советы быстро и с минимальными потерями.

В ответ Даллес указал на папку с досье в руках Гранта:

— Так считалось до сих пор. С появлением боевых роботов всё стало гораздо сложнее. Создание атомной бомбы подходит к концу, однако она ещё не готова. Как показывает опыт Второй мировой, надеяться на атомное оружие до того, как оно окажется на вооружении, не стоит. Мы должны сделать так, чтобы наши учёные получили научные разработки Советов, а наша армия не понесла неоправданных потерь. Опыт с гитлеровскими «Фау-5» многому научил нас.

— Мы готовы, сэр! — кивнул Грант. — Когда приступать к работе?

— Вчера, генерал.

— Есть, сэр! — Грант поднялся. — Где я могу получить всю имеющуюся информацию?

— Она уже в вашем новом офисе. — Даллес коснулся кнопки вызова. — Сейчас вас туда проводят.

Москва, Кремль, кабинет Сталина,
правительственное совещание

Неделю спустя

Из всего вышеизложенного можно с уверенностью сделать вывод, — заканчивал доклад маршал Жуков, — что Япония не продержится больше полутора лет. К исходу этого срока война будет ею проиграна. Серьёзное экономическое отставание Японии от США стало решающим фактором. С мая 1943 года ежедневно с американских стапелей сходит либо транспорт типа «Либерти», либо корвет, эсминец или фрегат. Ежедневно спускается на воду эскортный авианосец, ежемесячно — крейсер. Противопоставить этому Японии нечего. Квантунская армия до сих пор оказывает нашим бывшим союзникам ожесточенное сопротивление исключительно в силу своей высокой численности, но с каждым месяцем положение Японии ухудшается. Это понимают все. Недаром Япония перебросила большую часть войск от нашей границы на другие участки театра военных действий, а США давно уже не требуют от нас вступления в войну с Японией.

— Советский Союз, — медленно произнёс Сталин, разглядывая карту боевых действий в азиатско-тихоокеанском регионе, — не станет нарушать советско-японское соглашение о нейтралитете, с таким трудом подписанное перед началом войны с Гитлером. СССР не будет губить жизни своих граждан в ненужной нам войне. Это было бы роскошным подарком нашим вчерашним союзникам, которые станут нашими врагами сразу, как только разгромят Японию. Вместо этого мы должны бросить все силы на противодействие их скрытым проискам.

Вождь народов перевёл взгляд на Молотова:

— Как продвигается усовершенствование боевых роботов?

— С трудом, товарищ Сталин. — Молотов недовольно поморщился. — Роботы, несомненно, уже лучше, чем самые первые модели, но они всё равно неуклюжи, а их система управления капризна к метеоусловиям! Товарищ Сеченов утверждает, что с гражданскими роботами дела обстоят лучше, но я считаю, что это лишь видимость! Гражданские роботы занимаются строительством и земляными работами в хорошую погоду. В плохую они будут давать сбои точно так же!

ХАРАЛЬД ХОРФ

АТОМІС НЕЯТ

— Товарищ Сеченов неоднократно просил нас, — вкрадчиво произнёс Берия, не глядя на Молотова, — не давать экспертных оценок в области, в которой мы не являемся специалистами. В особенности это касается товарища Молотова.

— Это предвзятое отношение! — возмутился Молотов. — Сеченов считает меня виноватым в том, что его программу не приняли в тридцать восьмом, а это было общее решение государственной комиссии.

— Есть мнение, — Берия смотрел на Молотова абсолютно дружелюбно, — что вы, товарищ Молотов, излишне придираетесь к учёным, при этом не желая вникать в тонкости их нужд. После того как я стал курировать вопросы атомных исследований, мне приходится слышать от различных научных специалистов множество жалоб на вашу некомпетентность в этом вопросе.

— Наветы за глаза? — Молотов презрительно усмехнулся. — Вам ли не знать, что это?!

— Партия, — тихий голос Сталина заставил обоих мгновенно прекратить пикировку и умолкнуть, — ожидает от вас, товарищи, сплочённости перед лицом угрозы, нависшей над пытающимся восстать из пепла Советским Союзом. Как мы хотим победить врага, если не имеем доверия друг к другу?

— Мы с товарищем Молотовым доверяем друг другу абсолютно! — немедленно заверил его Берия. — Мы давние соратники по партии, это не более чем дружеский обмен уколами. Настоящие же враги не дремлют! Наша резидентура в Кембридже сообщает, что США создали специальную шпионскую структуру внутри этого своего ЦРУ. Какой-то секретный департамент. И ему поручено добыть технологии наших роботов. Значит, мировой империализм воспринял их как серьёзную угрозу!

Взгляд Сталина потемнел:

— Мы обязаны предотвратить это любыми средствами! Партия не позволит вражеским шпионам и наймитам погубить молодую советскую науку, семимильными шагами ведущую СССР к победе над капитализмом! Считаю необходимым поддержать предложение товарища Берии о создании в противовес вражеской ЦРУ советского Комитета государственной безопасности. Предлагаю поручить председательство этим комитетом товарищу Берии. Окончательную

структуру КГБ необходимо утвердить к концу месяца. При этом партия предлагает создать предложенное товарищем Берией Управление «Ш» в кратчайшие сроки. Пусть приступает к выполнению своей задачи немедленно.

— Управление «Ш»? — переспросил Молотов, листая лежащие перед ним документы. Найдя нужный, он вчитался в подписанный Берией текст. — Это подразделение КГБ будет отвечать за безопасность «Предприятия 3826». И что означает название?

— Ничего. — Берия довольно улыбнулся. — Так задумано специально. Пусть враги ломают голову в попытках расшифровать нерасшифровываемое.

— Тут сказано, — Молотов вновь недовольно нахмурился, — что Управление «Ш» подчиняется председателю КГБ. При этом в составе Управления «Ш» я вижу какой-то «Аргентум». Отмечено, что это отдельный экспериментальный отряд, подчиняющийся лично товарищу Сеченову. На полях есть пометка, сделанная от руки, в которой говорится, что приказы товарища Сеченова для отряда «Аргентум» являются приоритетными по отношению к приказам председателя КГБ. Но это же абсурд!

— Согласен с товарищем Молотовым! — немедленно заявил Берия, глядя на Сталина с таким видом, мол, вот видишь, я же говорил, я не один такой!

Однако по бескомпромиссному сталинскому взгляду Молотов мгновенно понял, что вождь народов давно всё решил. Более того, это именно по его приказу канцелярия сделала эту пометку на всех копиях документа.

— Товарищ Сеченов, — медленно произнёс Сталин тоном, по которому сразу стало ясно, что вопрос решён и закрыт, — попросил у партии разрешения оставить в своём распоряжении два десятка добровольцев. Это те героические товарищи, которые без колебаний согласились пожертвовать своими жизнями ради всего советского народа, в том числе нас с вами. Они были подопытными во время поиска вакцины от эпидемии. Они являются подопытными сейчас, когда нашим учёным требуется испытать на людях какие-либо опасные препараты и приспособления. Они живут в лабораториях наших учёных. В буквальном смысле. Нет смысла подчинять их через голову товарища Сеченова кому-то ещё, они всё равно преданны ему лично, и будут исполнять свой

коммунистический долг со всем усердием и дальше. С их лояльностью проблем не возникнет. Это проверено.

— Кем? — вкрадчиво поинтересовался Берия.

— Моим ведомством, — ответил вместо Сталина генерал-лейтенант Хрущёв. — В отряде «Аргентум» у нас свои люди. Там всё под контролем. Там собрались преданные партийцы, многие из которых прошли войну. Командиром назначен опытный разведчик майор Кузнецов. Мы держим руку на пульсе.

Молотов покосился на Берию. Тот сделал абсолютно сосредоточенное лицо и тотчас согласился с приведёнными доводами. Он, конечно же, заметил ироничный блеск в глазах Хрущёва, но предпочёл скрыть своё недовольство, чтобы не гневить Сталина. Молотов поспешил последовать его примеру. Эта картина ясна: Берия не хотел отдавать ему, Молотову, в одни руки всё влияние на «Предприятие 3826» и добился, чтобы всесоюзные научные разработки Сеченова охраняло КГБ. То есть фактически сам Берия.

Но помимо Молотова у Берии в ЦК КПСС имелись противники поопасней. И они не заставили ждать своего хода. Хрущёв как-то умудрился пропихнуть к Сеченову своих людей и теперь более чем прозрачно намекает, что единолично распоряжаться Сеченовым Берия не сможет. Придётся делиться. Сталину же это соперничество только на руку. Вождь народов зорко следит за тем, чтобы никто из его приближённых не получил в одни руки слишком много силы. Сам же Сеченов наверняка даже не задумывался обо всех этих хитросплетениях кремлёвских интриг, когда на каком-нибудь очередном медосмотре просил Сталина оставить ему подопытных.

— Партия приняла решение пойти навстречу желанию наших выдающихся учёных, — всё так же неторопливо продолжил Сталин. — Отряд «Аргентум» поступит в распоряжение товарища Сеченова. Управление «Ш» в составе КГБ, под бдительным руководством товарища Берии, должно обеспечить нашим учёным возможность неустанно продвигать вперёд советскую науку несмотря на происки мирового капитализма. Чтобы исключить возникновение перегибов внутри «Предприятия 3826», партия назначает товарища Молотова куратором данного предприятия. Есть мнение, что товарищу Молотову не следует

мешиваться в научный процесс и влезать туда, где он не является специалистом.

— Моё кураторство станет номинальным, — буркнул Молотов, косясь на Берия. Тот виртуозно скрыл своё удивление, но оно было, в этом Молотов был готов полагаться чем угодно. — Король без королевства!

— Партия считает, — Сталин смотрел на Молотова неомутимым взглядом, — что «Предприятие 3826», от которого сейчас всецело завит будущее Советского Союза, слишком важная часть СССР, чтобы её мог контролировать один человек, кем бы он ни был. Поэтому партия доверяет товарищу Молотову в случае необходимости собирать Особую комиссию. Если эта комиссия, проверив решения товарища Леченова или любого другого учёного из его когорты, придёт к выводу, что данное решение является превышением полномочий, то она может приостановить полномочия нарушителя до отдельного решения. Которое будет приниматься на заседании ЦК КПСС и Совета министров. Какие ещё имеются вопросы у присутствующих здесь коммунистов?

Сталин обвёл всех внимательным взглядом, но вопросов, естественно, не возникло. Заседание правительства продолжилось, и Молотов вновь покосился на Берия, с тщательно скрытым злорадством: что, не ожидал? Коба снова всех переиграл, устроив в «Предприятии 3826» троевластие. Леченов будет и дальше пытать над своими пробирками, но все его изобретения теперь будут как на ладони сразу Хрущёва, Берии и Молотова. Но сжать эту ладонь никто из них просто так не сможет.

СССР, Казахстан, безлюдная местность, закрытый секретный район «Предприятия 3826»

Обширное и просторное помещение научной лаборатории было накрыто прозрачным куполом стеклянной крыши, и яркие лучи полуденного солнца заливали всё вокруг мягким тёплым светом. «Хамелеон» — вегетативное фотохромное покрытие прозрачных поверхностей, недавнее изобретение комплекса «Павлов», — на солнце функционировало даже лучше, чем в лабораторных условиях. В зависимости от степени яркости солнечного света, «Хамелеон» усиливал

или, наоборот, уменьшал свою прозрачность, регулируя тем самым уровень освещенности. В совокупности с системой «Иней», отвечающей за поддержание заданного микроклимата, это позволяло получить под куполом идеально комфортные условия для работы.

Сеченов оторвался от микроскопа и вновь посмотрел наверх, в едва заметно затемнённый стеклянный потолок. Солнечный диск сиял ярко, но не слепил глаза, при этом температура под куполом держится на заданной им отметке в двадцать два градуса. Учёный удовлетворённо улыбнулся. Вот так и должна работать наука! Совместно! Все отрасли рука об руку! «Хамелеон» создан в комплексе «Павлов», а «Иней» изобретён в комплексе «Королёв», в рамках работ над созданием сложных климатических систем, предназначенных для будущих полётов в космос. Пройдёт ещё несколько лет, и космический полёт человека перестанет быть фантастикой. И это стало возможным именно потому, что все комплексы «Предприятия 3826» работают над своими изобретениями сообща. Это только кажется, что ботаника или биология не имеют отношения к ракетостроению. Ещё как имеют! В науке всё взаимосвязано. И те, кто этого не понимает, обречены мучительно продираться через тернии собственных стереотипов к решению в общем-то несложных задач.

И сейчас он в очередной раз достиг успеха именно благодаря пониманию этого закона. Структуру нового вида полимеров он открыл благодаря изучению строения головного мозга и исследованиям нейронов.

Сеченов обошёл массивный микроскоп и направился к сияющему хромированной поверхностью лабораторному столу. Наконец-то прошли те времена, когда ему приходилось ютиться в тесных лабораторных каморках московских НИИ. Здесь, в гигантских и современных научных корпусах «Предприятия 3826», его не терпящая бездействия мысль может по-настоящему развернуться!

Стоило признать, что Сталин не стал отказываться от своих планов и подошёл к созданию предприятия со всей серьёзностью. Грандиозная всесоюзная стройка, на которую СССР бросил все оставшиеся ресурсы, длилась почти три года и завершилась всего несколько месяцев назад. За это время в безлюдной местности Усть-Каменогорского района

Захской Советской Социалистической Республики было построено сердце новой, передовой советской науки. Место было выбрано очень удобно, между гор и озера. Те немногие крошечные населённые пункты, что здесь имелись, были расселены по центральным районам страны, а по ту сторону гор, в сотне километров, начинаются гигантские безлюдные и безжизненные пустыни Китая. Словом, посторонним тут ваяться неоткуда.

Но это лишь начало. Теперь, когда «Предприятие 3826» запущено, оно будет развиваться самостоятельно, основываясь на собственных разработках. Уже через год начнётся расширение озера до размеров небольшого искусственного моря. Этот участок получил название «Лазурь», и именно на его дне будет возведён подводный город «Нептун». Из миллионов тонн грунта, извлечённых в процессе создания моря, будут насыпаны искусственные горы, и площадь гористого пространства в районе «Предприятия 3826» возрастёт вдвое. На их вершинах вырастут новые лабораторные корпуса и научно-производственные комбинаты. Отныне предприятие может и будет развивать само себя.

В столь идеальных условиях разум стремится ввысь, подобно птице, и хочется творить во благо науки, не ведая преград! Переезд из «лабораторных коммунал», как любит пошутить Харитон, в настоящие научные дворцы мотивировал лучше любых лозунгов. И пусть современное научное оборудование приходилось создавать для себя самостоятельно, а многочисленные ассистенты демонстрировали крайнюю косность мышления, всё это лишь распаляло энтузиазм Сеченова. Персонал можно обучить, были бы смышлёные ученики. А нужного ему научного оборудования всё равно в мире не существует, так что в любом случае всё, что необходимо для исследований, придётся изготавливать самостоятельно. Но теперь, когда в его распоряжении вместо паяльника, припоя и набора кустарных деталей имеются собственные конструкторские бюро, заводы и фабрики, обзавестись нужным оборудованием стало стократ легче. И результаты не заставили себя долго ждать.

Первое поколение роботов сконструировано, изготовлено и проходит обкатку в реальных условиях. Чтобы столь грандиозное достижение стало возможным уже само по себе, «Предприятие 3826» создало целую серию уникальных раз-

работок, не имеющих аналогов в мире, в том числе новейшие сплавы, в основу структуры которых легло применение полимеров не только как присадок, но и в качестве образца молекулярного алгоритма. Уникальное и революционное открытие, невозможное без изобретения полимеров, и потому весь остальной мир придёт к подобным открытиям ещё очень не скоро.

Среди множества прочих больших и малых изобретений, в настоящее время находящихся в различных стадиях от лабораторного тестирования до полевых испытаний, стоит отметить новую водородную ячейку. С изобретением полимер-легированного сплава топливный элемент наконец-то обрёл компактные размеры, и задача по обеспечению роботов надёжным источником питания была решена. Главной проблемой оставалась коммутация роботов между собой и их связь с операторским центром, который, собственно, и выдаёт роботам задания.

Долгое время решить эту проблему не удавалось. Радиосвязь между роботами, в лабораторных условиях казавшаяся логичным решением, в полевых условиях показала свою низкую эффективность. Радиоволны имели слишком много недостатков: быстро затухали, боялись массивных преград, глубоких подземелий и подводных впадин, замкнутых пространств с толстыми стенами, погодных условий, электромагнитных ударов, природных помех и прочего. Для уверенного функционирования каждого робота приходилось оснащать мощными радиостанциями, усилителями, репитерами и так далее. Всё это усложняло конструкцию и делало механизмы излишне громоздкими, при этом капризность радиосвязи никуда не пропала, а тянуть за каждым роботом кабель было и вовсе архаичным решением.

Сам по себе выход из этого положения Сеченов видел давно. Полимеры — молекулярно-волновая субстанция, беспрестанно производящая волновые колебания. С самого начала у Сеченова не вызывало сомнений, что полимеры способны не только накапливать и хранить информацию, но и поддерживать волновую связь друг с другом. Но как этого добиться в реальных масштабах? Эта задача долгое время оставалась для него загадкой. Три последних года он работал над её решением и всё-таки нашёл способ.

Сеченов подошёл к массивному лабораторному столу сложной формы, несущему на себе целый испытательный конвейер, оборудованный множеством новейших приборов. На это оборудование можно было смотреть с гордостью: всё оно разработано и произведено здесь, на «Предприятии 3826». Кое-какие детали и запчасти пока ещё приходится закупать за рубежом, но это ненадолго. Уже скоро будут запущены в эксплуатацию производственные лаборатории высокой сложности и начнётся изготовление полностью собственных приборов. Эти приборы станут изготавливаться только из советских комплектующих. По простой причине: собрать их из зарубежных запчастей невозможно — таких приборов за границей попросту нет. Там их ещё не изобрели.

— Харитон, это Сеченов, как слышишь меня, приём! — Сеченов взял в руки микрофон, соединённый с радиостанцией толстым экранированным проводом.

— Слышу тебя хорошо, Дима, — откликнулся Захаров. — У меня всё готово. Новый полимер в систему взаимодействия роботов закачал. Даю радиомаяки.

Многочисленные экраны лабораторного стола вспыхнули, выводя целый спектр данных с датчиков, укрепленных на проходящих испытания роботах. Сеченов обвёл внимательным взглядом данные термометров и барометров, отчёты о состоянии водородных ячеек и списки ходовых параметров изделий, участвующих в испытании. Убедившись, что все показатели в норме, учёный перевёл взгляд на радар, высвечивающий десять скупившихся точек.

Одна из них являлась отражением висевшего в полусотне метров над землёй центрального коммутатора, через который роботы получали свои задания. Собственное полётное устройство коммутатора пока ещё не было готово, и он удерживался на месте длинным канатом, прикрепленным одним концом к воздушному шару, а другим — к земле. Приспособление прозвали «Грифом» — оно будто парило в небе в поисках добычи. Сеченов вздохнул, отгоняя грустные ассоциации. Он до сих пор не смог смириться с тем, что иного способа спасти планету от атомного огня, как устроить эпидемию смертельной инфекции, не нашлось.

С тех пор минуло всего три года, а угроза атомной войны вновь нависает над СССР: Соединённые Штаты изо всех сил спешат создать собственную атомную бомбу. И «Предприя-

тие 3826» вынуждено разрабатывать достойный ответ проискам безумных империалистов, вместо того чтобы целиком и полностью сосредоточиться на продвижении человека на пути к космическому пространству и всеобщей гармонии. Правительство СССР торопит его с военными разработками непрерывно. Каждый день звонят Молотов и Берия, а от Кузнецова требует ежедневного доклада помощник Хрущёва.

Это очень сильно раздражает. Нет, не сам факт того, что высшие государственные деятели интересуются прогрессом обороноспособности страны. Это нормально. То есть война — это уже само по себе ненормально, но раз угроза войны существует, значит, первые лица государства обязаны сделать всё для её предотвращения. Бесит другое: вместо того, чтобы в столь трудные для страны годы сообща работать над возвращением СССР былых позиций, высшее руководство погрязло в интригах и больше всего озабочено тем, как бы хапнуть себе больше власти, чем все остальные. Ради собственного усиления и возвышения они готовы на всё, в том числе использовать его «Предприятие 3826» в собственных мелкопоместных целях!

Разочарование в высшем советском руководстве, испытанное Сеченовым, было особенно глубоко в том числе потому, что Сталин не просто потворствовал этой междоусобной грызне, но и сам её провоцировал. Понять движущие им мотивы Сеченову удалось не сразу. Тебе-то это зачем?! Ты здесь царь и бог! Вся страна в твоём распоряжении. Поэтому Сеченов не сразу поверил Захарову, когда тот охарактеризовал это коротко и ясно:

— Он трус. Боится потерять власть, вот и стравливает своих прихвостней друг с другом по старому доброму принципу «разделяй и властвуй».

— Сталин? Боится? — В тот миг Сеченов не стал скрывать скепсис. — Чего же? Он вождь целых народов, люди шли ради него на смерть! Ему нечего бояться. Народ встанет за него горой!

— Горой? — Захаров иронически улыбнулся. — Ты уверен? Да, он вождь, это неоспоримо. Но нельзя быть вождём народа, не воплощая его мечтаний! Каков народ, таков и вождь, Дима!

— Ты хочешь сказать, что советский народ жесток, подл и жаден?

— И ещё труслив и эгоистичен, — добавил Захаров, усмехаясь. — Только не советский народ, а любой народ. Весь мир такой. Им бы лишь животы набить да повластвовать. Даже самый мелкий крестьянин, дрожащий при виде участкового, на своём огороде себя царём ощущает. И ради этого своего эго они кого угодно продадут.

— Ты слишком сильно утрируешь, — отмахнулся Сеченов. — Не все люди такие. Вот мы с тобой, например! Наши соратники по научной когорте, наши подопытные, добровольно заражавшие себя Коричневой чумой, погибшие из-за этого!

— И сколько их таких в процентном соотношении к остальному миру? — Ухмылка Захарова из скептической стала презрительной. — Крохи! Так что если я и утрирую, то не сильно. И уж точно не «слишком сильно»! Я тебе гарантирую: если вдруг завтра Сталин умрёт, никто не поспешит брать штурмом Кремль, требуя тщательного расследования. Всех более чем устроит официальная причина, мол, остановилось сердце. Возраст, знаете ли, здоровье, подорванное в царских застенках, и так далее. Гораздо сильнее всех будет интересоваться, кто взойдёт на трон и что теперь будет со мной любимым, ведь новая метла по-новому метёт!

Захаров скривился, словно говорил о навозе, стоя в грязном нечищенном хлеву:

— Народ Сталину в дворцовых интригах ничем не может, и он это прекрасно понимает. Посмотри на него внимательно, Дима, у него же кроме власти ничего нет. Это совсем не то, что воевать с иностранными государствами руками солдат и талантами полководцев. В подковёрной грызне среди своих, таких же, как он сам, танки и самолёты бессильны. Эту войну может проиграть хозяин даже самой могучей армии в мире. Он проигрывать желанием не горит. Вот и делает так, чтобы прихвостни рвали друг друга, а не собирались воедино, чтобы лишить его самого дорогого, что только есть на свете: власти!

— Тебе явно нельзя быть политическим обозревателем, дружище! — Сеченов тогда воспринял сказанное другом как сатиру, по большей части гипертрофированную. — Как только мы объединим людей в единый коллектив, они поймут! Вот увидишь! Власть, богатство, статус — все станет для людей неинтересным в силу своей невообразимой мелочно-

сти. Каждый человек получит возможность обрести знания лучших умов планеты! Человечество превратится в храм науки, в могучий разум, не знающий себе равных! Людей будут интересовать законы мироздания, другие планеты, далёкий и загадочный космос! Вся эта теперешняя мышьяная возня канет в Лету без следа!

— Я буду только рад, если ты окажешься прав, — ответил Харитон.

На этом тот разговор завершился. Но чем больше проходило времени, тем чаще Сеченов вспоминал слова друга. По всему выходило, что насчёт советских руководителей Харитон не ошибся. И потому желание сплотить в могучий разум простых людей охватывало Сеченова ещё сильнее. И сегодня он сделал исполинский шаг к этому! Новые полимеры открывают дорогу к созданию мировых информационных сетей!

— Все параметры в норме! — произнёс Сеченов в микрофон. — Отключай радиосвязь!

На чёрно-белом экране телевизора, соединённого прямым кабелем с кинокамерой, установленной на треноге возле Захарова, показались монтажники в рабочих спецовках «Предприятия 3826». Монтажники быстро оббежали всех роботов и вручную вырубili им носимые системы радиосвязи.

— Готово! — откликнулся Харитон. — Установленные на роботах радиостанции отключены! Работает только передатчик «Грифа»! Можно начинать!

— Подаю сигнал! — Сеченов щёлкнул тумблером свободной от микрофона рукой.

— Роботы пошли! — сообщил Захаров, заходя за камеру и исчезая из вида. — Сейчас покажу тебе! Как изображение?

— Далековато. — Сеченов взгляделся в экран. — Ничего, если сейчас всё пройдёт хорошо, у нас скоро появятся совсем другие телевизоры... — Он вострепенулся, словно ребёнок, увидевший циркового слона: — Работает!!! Ты видел?! Они получили задание!

— Чёрт побери! — довольно воскликнул Харитон. — Они действительно получили задание! Они работают! Работают сообщая, как задумано! Димка, ты молодчина!

Позади раздался знакомый голос, и Сеченов обернулся.

— Поздравляем вас, Дмитрий Сергеевич! — Капитан Кузнецов подошёл к нагромождению приборов и взгляделся

экран. — Что за чудо вы открыли на этот раз, если не секрет? О чём докладывать начальству, которое мне всю плешь проело?

— Спасибо, Александр Иванович! — Сеченов принялся возбуждённо объяснять: — О прорыве! Докладывать о серьёзном научном прорыве! Мы создали полимер, способный передавать свои волны на вполне внятное и функциональное расстояние! Только что я отсюда подал радиосигнал на «Гриф», висящий в пятидесяти километрах! У всех остальных роботов рации были обесточены вручную! «Гриф» принял от меня задание начать прополку сорняков на экспериментальном поле! В обычных условиях он приступает к выполнению задачи и начинает координировать действия роботов посредством радиосвязи. Но сейчас радиосвязь отключена, вместо неё задействованы блоки полимерной взаимосвязи! И ПВ-связь работает! Работает отлично! Роботы не только получили задачу, но и успешно взаимодействуют друг с другом! Посмотрите!

Учёный указал рукой в телевизор, и Кузнецов взгляделся в изображение.

— Чёрт, видно хреново... Надо же, как они бодро по грядкам снуют! Вон как далеко ушли. Но, судя по силуэтам, действуют они координированно. Переходят с грядки на грядку, не мешают друг другу, вот, вон тот, слева, даже до рогу другому уступил, хотя задним ходом двигался.

— И это ещё не всё! — воодушевлённо заявил учёный. — Роботы сами распределяют между собой участки поля и корректируют совместные усилия в зависимости от производительности друг друга! Мы специально откалибровали их для этого эксперимента таким образом, чтобы производительность у них серьёзно отличалась! Они обмениваются информацией, делают соответствующие выводы и принимают верное решение! «Гриф», который висит над ними, бездействует! Он лишь поставил им задачу! До сих пор ему не потребовалось вмешиваться!

— Прямо как наши хорошие солдаты, каждый из которых знает свой манёвр, — оценил Кузнецов. — И командиру не приходится командовать каждым их шагом. Скажите, Дмитрий Сергеевич, а боевые роботы смогут действовать так же? А то нынешние модели, когда выходят из зоны действия радиосвязи или попадают в помехи, например в грозу, начинают разбредаться кто куда.

— Однозначно программа перехода с радиосвязи на полимерную взаимосвязь начнётся с боевых роботов, — пообещал Сеченов. — Мы ни на минуту не забываем, что наше Отечество в опасности! Это прискорбно, что вновь орудия убийства имеют приоритет над мирным созидательным трудом, но суровые реалии требуют суровых решений. Как только мы отшлифуем новую технологию, она появится в конструкции боевых роботов новых моделей. Полагаю, блоки радиосвязи на полевых роботах нам теперь вообще не нужны. Радиостанциями будут оснащаться только «Грифы» и «Узлы», чтобы мы могли держать с ними связь на расстояниях в тысячи километров. К сожалению, пока радиус ПВ-связи ограничен...

Учёный сверился с данными приборов и продолжил:

— Но это не навсегда! Раньше сгустки полимеров устанавливали между собой волновую связь на совсем крохотном расстоянии! Мои самые первые полимеры переставали чувствовать друг друга на дистанции в пару шагов, а объём информации, которым они могли обмениваться, был ничтожен! Последующие, более совершенные виды полимеров взаимодействовали на расстоянии нескольких метров. Сейчас мы достигли значения вплоть до нескольких километров! Я абсолютно уверен, что полимеры могут дотягиваться друг до друга на дистанциях в десятки, в сотни раз больше! Нужно только понять, как правильно сконфигурировать полимер, чтобы его волновое излучение не затухало слишком быстро. Рано или поздно я этой цели добьюсь! Но сегодня воистину великий день! Теперь нам ничто не мешает объединять роботов в локальные коллективы! Завтра же я официально создам исследовательскую программу первого такого кибернетического коллектива! Мы именно так и назовём его: «Коллектив-1»!

Сеченов несколько секунд разглядывал далёкое изображение, затем вновь поднёс ко рту микрофон радиостанции и вызвал Захарова:

— Харитон, включайте помехи! Начинаем тесты на устойчивость!

Захаров что-то сказал своим помощникам, и те направились к стоящему поодаль армейскому грузовику с металлическим кунгом. Два человека забрались внутрь кунга и вскоре один из них выглянул оттуда и махнул Захарову рукой.

— Начинаем! — произнёс в эфире Харитон. — Даю от-
счёт. Раз! Два! Три! Четыр...

Эфир зашипел, и его голос утонул в помехах.

Приборы на лабораторном столе замигали индикацион-
ными лампочками, и на центральном щитке загорелось табло
с надписью: «Сильные помехи» и «Радиосвязь с объектом
потеряна». Сеченов нажал несколько разноцветных пласт-
массовых кнопок, подавая сигнал «Грифу», но тот не отзы-
вался. Лишь табло, сообщающее о потере связи, издало пре-
достерегающий зуммер. Спустя секунду зазвонил
телефонный аппарат, вмонтированный в приборную панель,
и Сеченов снял трубку.

— Сеченов у аппарата! Харитон, у меня нет связи
с «Грифом», тебя в эфире тоже не слышу.

— Аналогично, Дима! — В трубке зазвучал довольный
голос Захарова. — Радиосвязи нет, всё забито помехами!
А роботы продолжают работать! Уже половину поля пропол-
лили, развернулись, перестроились и двигаются по грядкам
в обратную сторону! Мы, как запланировано, запчастей пе-
ред ними рассыпали, целый ящик! Так они собрались вчет-
вером, аккуратно всё собрали, сложили обратно в ящик,
потом разошлись и продолжили работу! Полимерная взаи-
мосвязь действует!

— Продолжай эксперимент согласно всем пунктам! —
велел Сеченов. — Не выключай помехи! Буду ждать твоего
звонка!

— ПВ-связь невозможно заглушить? — Кузнецов задум-
чиво смотрел в чёрно-белый пузатый телевизор, разглядыва-
вая приближающихся роботов, быстрыми виртуозными дви-
жениями осуществляющих прополку. — Помехи на неё не
действуют?

— Волновое излучение полимеров имеет структуру, от-
личную от обычных радиоволн, — объяснил Сеченов, поло-
жив трубку. — Полагаю, его можно заглушить. Но не при-
вычными военными средствами.

— Дмитрий Сергеевич, — Кузнецов нахмурился, — вот
об этом действительно необходимо доложить наверх. Мы
можем получить огромное боевое преимущество. Я крайне
рекомендую вам засекретить данное открытие. Необходимо
оставить радиостанции для маскировки ПВ-связи, а её бло-
ки замаскировать... под технические жидкости, например.

Враги ни в коем случае не должны узнать, что у нас появилась такая связь. Это очень важно, поверьте.

— Да... — Сеченов заметно поник. — Полагаю, вы правы, Александр... — Его голос звучал грустно: — Пусть наше прорывное научное открытие в первую очередь послужит военным целям... Этого требует политическая обстановка...

Он вздохнул:

— Надеюсь, наверху хотя бы не бросятся арестовывать моих монтажников и лаборантов, присутствовавших на испытаниях...

**СССР, район «Предприятия 3826», база отряда
«Аргентум»**

8 августа 1945 г.

— Что это за чудовищный кошмар... — Младший лейтенант Нечаева расширившимися от ужаса глазами смотрела на фотографии, одна за другой вспыхивающие на стенном экране под лучами нескольких мощных проекторов. — Как жутко... Дети с обугленной кожей... разве такое может быть сейчас, когда фашизма больше нет...

На фотографиях, спроецированных на центр большого экрана, было хорошо видно громадное грибовидное облако, развернувшееся в небе над каким-то городом. Фото были сделаны с самолёта, сам город находился далеко внизу, был застлан густым дымом и виднелся лишь частично. На фотографиях с соседних проекторов показывались картины полного разрушения, запечатленные после взрыва, и множество раненых людей с совершенно жуткими ожогами в половину тела. Среди пострадавших в основном находились гражданские люди, в момент взрыва на улицах было множество детей.

— Фашизма нет, — зло ответила подполковник Муравьёва. — Зато теперь есть кое-что похуже: США! Они сделали то, чего не успел сделать Гитлер: создали атомную бомбу. И сбросили её на японских детей!

Кадры из сгоревшего в атомном огне города и вправду были жуткими. Сейчас август, в Японии тепло, многие дети, в особенности из небогатых семей, находились на улице без рубашек или маек, с голым торсом. Те из них, кого атомный

взрыв не превратил в пепел мгновенно, получили чудовищные ожоги четвёртой степени, от поясницы и до шеи кожа на несчастных висела изодранными лохмотьями. На прочих фотографиях были зафиксированы десятки переломанных и обугленных трупов. От тех, кто оказался в эпицентре взрыва, подчас остались лишь тени на ступенях и чудом уцелевших каменных стенах.

— Каковы потери? — Кузнецов хмуро разглядывал фотографии развернувшейся трагедии, сменяющие одна другую.

— Точных данных пока нет, — покачала головой подполковник Муравьёва. — Американцы сбросили на Хиросиму атомную бомбу 6 августа, их президент с гордостью объявил об этом всему миру. Но эти фотографии и пояснительная записка пришли по линии внешней разведки вчера. Я получила их от начальства вместе с приказом довести до всех сотрудников «Предприятия 3826». Начнём с вас, потом мои люди повезут этот материал дальше...

Она умолкла, мрачно разглядывая жуткие фотокадры, и добавила:

— По полученным от нашей резидентуры данным, в Хиросиме погибло сто тысяч человек минимум. Люди продолжают умирать от ран и ожогов. Всего в городе на тот момент было не меньше двухсот тысяч человек, и пока никто не знает наверняка, сколько из них выжило.

— Реакция деления урана сопровождается гамма-излучением, поражающим живые клетки. — Сеченов потрясённо разглядывал фотоснимки. — Многие из тех, кто не погиб сразу, погибли от лучевой болезни. Я не знаю, как была устроена эта атомная бомба, но в любом случае в ходе цепной реакции должны оставаться смертельно опасные радиоактивные отходы. Их разбросало по городу воздушной волной и ветрами... Эта местность будет нести смерть и болезни ещё долгое время... Как это всё... жутко... почему наука не может служить мирным целям?

— Потому что людям не нужны мирные цели, — угрюмо процедил Захаров. — Им больше интересно убивать друг друга.

— Харитон! — Сеченов бросил на него болезненный взгляд. — Сейчас точно не время для философских дискуссий!

Захаров лишь пожал плечами и ничего не ответил, разглядывая фото сумрачным взглядом. Вместо него заговорила подполковник Муравьёва:

— Это ещё не всё. Советская резидентура докладывает, что у США есть ещё одна атомная бомба и к середине сентября у них будет готова третья. Информацию о том, на кого её сбросят, пока добыть не удалось.

— Может, снова на них. — Сидящий рядом с женой лейтенант Нечаев мрачно кивнул на фотографии. — А может, на нас!

— Одну бомбу американцы сбрасывать не станут, — хмуро покачал головой Кузнецов. — Нас слишком мало, а территории у нас огромные. И везде есть какой-нибудь город, где кто-то живёт. Тем более наши новые гражданские роботы понемногу начали поступать в города и сёла СССР и заменять людей на тяжёлых работах. Население слишком сильно размазано по полупустой стране. Одной бомбой, даже такой, нас не уничтожить. США постараются накопить их побольше и засыпать нас сразу везде. В любом случае времени у нас совсем немного.

Он перевёл взгляд на Сеченова, потрясённо разглядывающего фотоснимки:

— Дмитрий Сергеевич? Мы успеем спасти страну?

— Не знаю... — пробормотал Сеченов, но тут же встрепенулся: — Что вы сказали, Александр? Да, понимаю.

Он тряхнул головой.

— Мы обязаны успеть. Это чудовищное злодеяние не повторится на нашей земле!

Учёный хотел было что-то добавить, но на стенде правительственной линии связи вспыхнула лампочка вызова, и одновременно в дверях затемнённого кинозала показался один из офицеров Муравьёвой:

— Товарищ подполковник! Москва на секретной линии. Академика Сеченова к аппарату. Кремль. И вас тоже. Генерал-лейтенант Хрущёв на связи.

Сеченов поспешил к трубке, подполковник Муравьёва торопливо покинула помещение, и все остальные замерли.

— Алло? Сеченов у аппарата! Да, слышу вас хорошо, товарищ Сталин! Да, я уже в курсе! Мне только что сообщили...

Учёный умолк, слушая тихий и медленный голос собеседника, неразборчивый с этого расстояния. Кузнецов обвёл

взглядом своих бойцов. Отряд «Аргентум» был создан по инициативе Сеченова. Поначалу сам учёный воспринимал его в качестве самоотверженных героев беспримерного мужества и храбрости, согласившихся на участие в опасных экспериментах в качестве подопытных. Но быстро выяснилось, что всё обстоит несколько сложнее. Так как правительство требовало от «Предприятия 3826» приоритетной фокусировки на военных технологиях, то опыты на людях почти всегда предпринимались именно с целью военных разработок.

В гражданской области сумасшедшей спешки не было, там можно было не идти на многие риски. В военной же области СССР отчаянно стремился успеть подготовиться к грядущей войне с США, и военные разработки тестировались одна за другой. Зачастую избежать экспериментов на людях оказывалось физически невозможно. В результате отряд «Аргентум», испытывающий на себе передовые образцы медтехники, оружия и снаряжения, быстро оказался самым боеспособным и опасным подразделением страны. Формально об этом не говорилось, но именно потому «Аргентум» и стал «Аргентумом».

Сам по себе отряд был невелик. Всего девятнадцать человек. Сперва их было ровно двадцать, но в прошлом году один из бойцов погиб во время испытания новых полевых медикаментов. Берия предлагал добавить на освободившуюся должность недостающего бойца, но Сеченов наотрез отказался. Учёный заявил, что ему дорог каждый доброволец, поэтому он обязан сделать всё, чтобы смертей более не повторилось, а значит, имеющихся в его распоряжении людей вполне достаточно.

Берии это не понравилось, ведь он лишился возможности записать в «Аргентум» своего человека, зато очень понравилось Молотову и Хрущёву. Оба опасались возрастающей власти Берии, возможности которого с созданием КГБ резко увеличились, и не упускали возможности ослабить его влияние. С этой целью Хрущёв добился того, чтобы за правительственную и секретную связь в «Предприятии 3826» отвечали его люди. Командовать ими он доверил своему офицеру связи, подполковнику Зинаиде Муравьёвой, которую Кузнецов помнил ещё со времён эпидемии. Скандал с её дочкой, тайком записавшейся в добровольцы к Сеченову, тогда быстро замяли.

Возвращаться к карьере балерины и уходить из сеченовской группы Екатерина Муравьёва наотрез отказалась. Поначалу мать пыталась её переубедить, доказывала, что нужно получить высшее образование, но девушка не желала слушать и говорила, что у неё нет времени просиживать за учебниками. Тогда Зинаида Петровна обратилась за помощью к Сеченову в надежде, что тот поможет уговорить упрямицу, однако результат их беседы оказался довольно неожиданным.

Сеченов организовал ещё одну экспериментальную линию, в ходе которой на добровольцах испытывалось сращивание полимерного стуска с головным мозгом. Суть изобретения заключалась в том, что в мозг подопытного вводилось некоторое небольшое количество полимера, которое становилось для мозга своеобразным расширением. В данное полимерное расширение может быть занесена любая информация, которую мозг начинает понемногу усваивать. В конце концов данная информация становится записана в мозг полностью. Сеченов утверждал, что в будущем так можно будет изучить любую науку целиком за один укол и пару минут.

Екатерина Муравьёва стала основным подопытным добровольцем в рамках этого эксперимента, и Сеченов поддерживал её нежелание учиться в институте. Поначалу это всех шокировало, особенно её мать. Но понемногу эксперименты стали давать плоды. Несколько раз полимерный стусок никак не приживался в мозгу Екатерины, дважды она едва не умерла, попадая на операционный стол к Сеченову в состоянии комы. Но Сеченов мужик настырный и учёный талантливый, он вообще никак не собирался отступать и упрямо создавал различные вариации своих полимеров. В итоге он нашёл нужную конфигурацию, и полимерное расширение всё-таки прижилось.

Как только это произошло, Сеченов начал помещать в мозг Екатерины разную нужную информацию, сначала по чуть-чуть, а потом всё больше. За прошедшие два года он улучшил эту технологию, и в один прекрасный день все удивились, когда оказалось, что Екатерина экстерном сдала выпускные институтские экзамены на отлично. Теперь она в двадцать лет имеет одно высшее образование и готовится получить второе. Сеченов прямо сказал, что Екатерина бы-

ла пробой пера, с кляксами и зачеркиваниями. Но теперь, благодаря этим исследованиям, технология получит мощное развитие. Пройдёт пять-десять лет, и для изучения, например, полного курса физики станет достаточно одной полимерной инъекции.

На Екатерине испытываются все сложные технологии, требующие непосредственного внедрения в мозг, и прямо сейчас у неё в черепной коробке приживается какой-то особенный полимерный сгусток, который, по словам Сеченова, должен позволить ей воспринимать радиоволны. Если это сработает, то позже технологию можно будет довести до высочайшего уровня, на котором мозг будет воспринимать волновые колебания полимеров и общаться с ними напрямую.

Как всё это Сеченов делает, пожалуй, понять не мог никто. Разве только Захаров может знать, они с Сеченовым друзья и всё разрабатывают вместе. Сеченов постоянно что-то изобретает, а Захаров возится с каждым новым изобретением, выискивая огрехи и недочеты, которые Сеченов потом исправляет. Промеж себя в «Аргентуме» Сеченова по-доброму именовали Волшебником, и вряд ли это прозвище намного отставало от истины. Это понимали все, даже на самом верху, где обычно ради власти порвут в кровавые клочья любого, даже самого умного учёного. Но Сеченов со своей научной когортой оказался для высшего руководства СССР единственной надеждой на выживание, и ему создали все условия. Не забывая при этом грызть друг друга в бесконечных интригах.

Поэтому, как только дочь и мать Муравьёвы помирились друг с другом, а произошло это в тот день, когда Екатерина показала всем красный диплом, Хрущёва данный поворот очень устроил. После создания КГБ и Управления «Ш» Екатерину Муравьёву включили в состав «Аргентума» с присвоением звания младший лейтенант государственной безопасности. Хрущёв отлично понимал, что подполковник Муравьёва не имеет доступа к засекреченным экспериментам Сеченова и не знает наверняка, в чём именно принимает участие её дочь. Значит, будет волноваться и нести свою службу очень и очень бдительно.

А заодно попытается выяснить все, что только сумеет. Её любопытство может быть расценено как попытка сунуть нос в гостайну, что чревато очень большими неприятностями.

ми. Поэтому она станет обо всём докладывать своему начальству, то есть Хрущёву, и получится, что она выполняет приказ, а не занимается самостоятельностью. А впрочем, дочь и сама может начать делиться с матерью своими секретами.

Правда, с последним утверждением интриганы прогадали, потому что получилось совсем по-другому. Дело в том, что членами «Аргентума» и офицерами КГБ стали все добровольцы Сеченова, включая сержанта Нечаева. Нечаев с Екатериной были влюблены друг в друга ещё с тех пор, когда вместе сидели в опасной зоне, за стеклянной стеной, заражённые Коричневой чумой. Они везде и всегда не разлей вода, и Екатерина делится всем не с матерью, а с Нечаевым. В момент создания «Аргентума» Нечаеву присвоили лейтенанта госбезопасности, и в прошлом году они с Екатериной поженились. Теперь дочь подполковника Муравьёвой является Екатериной Нечаевой и своей матери не подчиняется, потому что Отдел секретной и правительственной связи «Предприятия 3826», или сокращенно ОСПС, хоть и является частью Управления «Ш» КГБ СССР, но в состав «Аргентума» не входит.

В общем, интриги и политические дразги вокруг Сеченова нарастают с каждым годом подобно снежному кому. Но «Аргентум» никто не трогает, опасаясь жалоб Сеченова непосредственно Сталину, и служить Родине стало одно удовольствие. К тому же Сеченов просто невероятно положительный мужик! Своих в беде не бросает, об отряде заботится, интриганам в руки не отдаёт и обещания свои всегда исполняет. За это в «Аргентуме» его любят и берегут насколько могут.

— Да, товарищ Сталин! — вновь заговорил Сеченов. — Мы здесь полностью осознаём всю степень опасности сложившейся ситуации! Работы над водородной бомбой будут ускорены! С сегодняшнего дня приступим к форсированию текущих проектов! Завтра же мы с товарищами Курчатовым и Королёвым вылетаем на Новую Землю, принимать в эксплуатацию ядерный полигон!

Он замолчал, выслушивая какой-то вопрос Сталина, и ответил:

— Работа над роботами ПВО полностью ещё не окончена, но мы добились ряда успехов, подтверждающих правильность выбранного нами пути. В качестве резервного варианта

установим новые зенитные ракеты на обычные истребители. Что, простите?.. Боюсь, я вас неправильно расслышал...

Неразборчивый голос Верховного зазвучал вновь, и Сеченов замер, помрачнев. Несколько секунд он молча слушал, после чего грустным, но твёрдым голосом произнёс:

— Я вас понял, товарищ Сталин. Мы немедленно начнем погрузку экспериментальных боевых роботов. С ними отправится отряд «Аргентум». Они же окажут консультативную поддержку операторам киберполков на месте. Нет, железнодорожные составы не нужны. Роботы полетят на аэроплатформах «Кондор», это экспериментальная разработка комплекса «Челомей», она только что успешно прошла испытания, пора проверить её в деле. Что? Да, обязательно! Приступаем!

Сталин что-то коротко произнёс, видимо попрощался, и Сеченов повесил трубку. Он обернулся к сидевшим в кинозале и сообщил:

— С сегодняшнего дня СССР находится в состоянии войны с Японией. Завтра Советская Армия начинает боевые действия. Сталин сказал, что Советский Союз не может оставаться в стороне в то время, когда в мире ещё не разгромлен последний оплот фашизма.

— Когда выдвигаемся? — хмуро спросил Кузнецов.

— Как только новые роботы будут погружены на «Кондоры», — вздохнул Сеченов.

— Время в пути приблизительно десять часов, — немедленно подсчитала младший лейтенант Нечаева. — Если вечером вылетим, утром будем на месте.

— Значит, выспимся в полёте, — подытожил Кузнецов. Он поднялся и обвёл отряд взглядом: — Отряд! На выход! Даю час личного времени. Сбор в двенадцать ноль-ноль, и приступаем к подготовке.

Бойцы потянулись к выходу, Нечаев наклонился к жене с комично суровым лицом и тихо прошептал:

— Один час. Можем не успеть.

Та торопливо спрятала улыбку и прошептала:

— Должны успеть. Партия приказала успеть — значит, успеем.

— Ну, если партия приказала, тогда конечно. В крайнем случае — зацелую насмерть.

Екатерина тихо прыснула:

— Не надо насмерть! Не губи меня, Иван-царевич, я тебе ещё пригожусь!

Кузнецов обжег их командным взором и приказным тоном изрёк:

— Отставить разговорчики! Бегом марш отсюда! — И громко добавил: — Отряду «Аргентум» сбор в тринадцать ноль-ноль! Разойдись!

Маньчжурия

Десять дней спустя, 15.00

Последний десяток японских «Зеро» предпринял отчаянную попытку атаковать снижающийся «Кондор», и вражеские самолёты открыли огонь издали, надеясь расстрелять громаду транспортного робота прежде, чем их постигнет судьба своих сослуживцев. Сидящий в капитанской рубке Кузнецов положил руку на рычаг управления «Каракуртами», несколькими несложными движениями раздал зенитным роботам кружащие вдали цели и перевёл взгляд на ведущие свою последнюю атаку японские истребители.

Пилоты противника закладывали в воздухе выражи и выполняли пилотажные фигуры, рассчитывая избежать ракетного удара, одновременно поливая «Кондор» длинными пулёмётными очередями. «Кондор-4», громадная четырёхвинтовая аэроплатформа, на которой мог уместиться арктический ледокол, была хорошей мишенью, но на этом положительные факторы для противника заканчивались. Выпущенные врагами пули увязали в корпусе «Кондора-4», изготовленного из новейшего сплава «СПТ-4», и не могли пробить защитную обшивку.

Сплав «СПТ-4», получивший свою аббревиатуру от полного названия «Сплав по полимерной технологии, четвёртый алгоритм», являлся совместной разработкой сразу нескольких научных комплексов «Предприятия 3826», работы по его созданию Сеченов и Челомей возглавляли лично. Результат оказался настолько революционным, что новый сплав немедленно засекретили следом за предыдущим «СПТ-3». Не будучи учёным, Кузнецов слабо разбирался в деталях этих изобретений, что, в общем, ему и не требовалось.

Достаточно того, что он в курсе основных характеристик: «СПТ-3» есть сверхпрочная броня с высокой степенью вязкости, пробить которую обычные бронебойные и подкалиберные снаряды не в состоянии. «СПТ-4» тоже хорошая броня, менее вязкая, зато весит намного меньше. Она не так долго сопротивляется попаданиям, зато отлично подходит для изготовления летающих роботов. А в летающего робота противнику нужно ещё попасть! Прямо сейчас в распоряжении Кузнецова не было летающих боевых кибермашин, их испытания ещё только начинаются, но и того, что есть, более чем достаточно для обороны «Кондора-4». В чём японские истребители уже не раз убедились.

На нижней, обращенной к земле, поверхности «Кондора-4» имелась сотня «Каракуртов». Небольшие, размером с легковой автомобиль, стальные паукообразные роботы имели специально разработанные лапы, оканчивающиеся целой бахромой электромагнитных микроманипуляторов, совмещённых с присосками высокого давления. Гениальная конструкция лап позволяла «Каракуртам» лазать по отвесным стенам и даже по потолкам, если таковые могли выдерживать вес робота. «Каракурт» являлся пока ещё экспериментальным роботом противовоздушной обороны, нёс на себе четыре зенитные ракеты малого радиуса действия и получил своё название за укреплённый на спине радарный купол, из которого выглядывала россыпь датчиков, покрытых рубиновым напылением. Сходство со смертельным пауком было и вправду достаточно высоким, и на телевизионном экране капитанской рубки «Кондора» роботы, бегающие вниз головами по нижней поверхности огромной аэроплатформы, впрямь казались разворошённым паучьим логовом.

Тем временем японские истребители поняли, что их пули не страшны обшивке «Кондора», и ринулись в самоубийственную атаку, надеясь сблизиться с аэроплатформой на дистанцию прицельного выстрела и расстрелять капитанскую рубку. Кузнецов лишь покачал головой. Даже в случае успеха это им ничего бы не дало. «Кондор» в состоянии совершить посадку самостоятельно. Но сейчас до этого не дойдёт.

Словно в подтверждение его слов, телевизионное изображение бегающих по нижней поверхности «Кондора» стальных пауков покрылось сигнальными точками: «Кара-

курты» сообщали о захвате цели. Кузнецов утопил красную кнопку с надписью «Огонь», и ближайшие стальные пауки выпустили десяток ракет. Ракеты, дымя густыми шлейфами, рванулись к японским истребителям, и те попытались уйти от столкновений посредством высшего пилотажа. Но тихоходные поршневые самолёты едва ползали в сравнении с реактивными ракетами, и никому из вражеских истребителей не удалось избежать попадания.

Десяток «Зеро» полыхнул взрывами почти одновременно, словно салют, посвящённый победителям, и разлетающиеся на куски самолёты бесформенными комками рухнули на степную поверхность. Кузнецов перевёл взгляд на радар. Больше авиации противника в воздухе не наблюдалось. Только что сторела последняя эскадрилья японского авиapolка, высланного на перехват «Кондора». Там, на нижней плоскости, «Каракурты» бегают не просто так. Они меняются местами. Роботы, полностью израсходовавшие боезапас, уступают позиции тем, у кого ещё остались ракеты. Но теперь воздух чист, пора совершать посадку.

Громада «Кондора-4» втянула в себя телескопические штанги нижних датчиков и опустилась на землю, замирая. За несколько секунд до этого орава «Каракуртов» дружно попрыгала наземь и замерла вокруг аэроплатформы, уставившись в небо рубиновыми пятнами радарных сфер. Боевые роботы, неподвижно стоящие на поверхности «Кондора» плотными рядами, пришли в движение и приступили к выгрузке. Стальные ручейки боевых механизмов быстро покидали платформу и рассыпались по фронту, образуя атакующий порядок. Менее чем за двадцать минут сотня «Мастифов» и тысяча «Полканов» сформировали штурмовое построение, и Кузнецов вышел в эфир, докладывая о готовности.

Командование отдало приказ о начале атаки, и операторы повели роботов в бой. В небе со стороны тыла показался «Кондор-1», аналогичная аэроплатформа наименьшего размера, на поверхности которой в настоящее время располагался командный пункт наступающей армии, и Кузнецов подключился к телекамерам, укреплённым на его бортах. Атакующие роботы быстро преодолевали десятикилометровое расстояние, отделяющее их от укрепрайона противника. Вскоре закипел бой, закончившийся так же, как все предыдущие.

Тяжёлые «Мастифы», шестиосные колёсные роботы танкового типа, вооружённые двумя орудиями в небольших башнях, открыли огонь по баллистической траектории, о мере сближения переходя на огонь прямой наводкой. «Полканы», стальные собакообразные роботы скелетного типа, голову которым заменяла двойная пулемётная установка, мчались прыжками на сближение с вражескими позициями, ведя подавляющий огонь. Японские войска удалили по наступающим роботам из всего, что имелось в их распоряжении, но значительных результатов достичь не могли.

Хотя и «Полканы», и «Мастифы» являлись роботами первого поколения и были изготовлены из обычной танковой брони, их защита имела достаточную прочность. Пули осколки не пробивали броню и не наносили им урона. Артиллерийские снаряды и миномётные мины не попадали по мчащимся прыжками «Полканам», и подавить их врагу казалось нечем. «Мастифы» же были лишены экипажей конструктивно сконструированы так, что все их критически важные узлы находились в задней части робота и имели сильное бронирование. Японские артиллеристы вонзали «Мастифа» по пятнадцать-двадцать снарядов, но большая их часть либо прошивала робота насквозь без всяких последствий, либо разрывалась внутри передней части боевой машины, именно для этого приспособленной.

Не прошло и получаса, как «Мастифы» били по бойницам японских дотов едва ли не в упор, а во вражеских траншеях по всей их протяжённости хозяйничали «Полканы». Ещё через полчаса противник выбросил белый флаг и запросил возможность сдаться и сложить оружие. Потери атакующих составили четыре «Мастифа», два из которых получили повреждения радиостанций и вернутся в строй через час ремонтных работ. Среди «Полканов» на этот раз потерь не было, лишь первая сотня роботов сообщала о полном уничтожении боекомплектов.

Кузнецов вздохнул. Было бы у нас всё это там, под Берлином... Но в ту пору правительство не верило в идеи Селенова и его научной когорты. Осознание в Кремле появилось лишь тогда, когда СССР лишился ста пятидесяти миллионов граждан. Воевать, пахать и строить стало некому. Зато теперь все знают, что наука — это сила! Миллионная

Квантунская армия почти разбита пятью сотнями «Мастифов» и шестью тысячами «Полканов».

Это пока что почти все кибервойска, имеющиеся у СССР, но их оказалось вполне достаточно. Погода в здешних местах идеальна для боевого применения роботов: тепло, сухо, ни гроз, ни помех, ни тайги, где можно заблудиться. «Кондоры» двигались широким фронтом прямо по воздуху, и противник почти сразу лишился львиной доли своей авиации. Потом громадные аэроплатформы приземлялись, выгружали боевых роботов, и кибернетические полки уничтожали противника. До сих пор на этом участке фронта не погиб ни один советский солдат.

Тут с нашей стороны живой силы практически не было. Все оставшиеся у СССР боевые подразделения командование бросило штурмовать южный Сахалин и острова Курильской гряды. Там применение роботов могло закончиться тяжёлым поражением: погода сложная, водные преграды, много где лес, а то и вовсе густая тайга. Вот новые, экспериментальные образцы боевых роботов — это да, те действительно с мозгами, много что умеют. Но их только проектируют либо выпустили экспериментальными партиями по две-три штуки. В общем, там, в море, бои кипят жестокие. Здесь же японцам не помог даже батальон смертников. Половину «Полканы» расстреляли ещё до того, как те успели приблизиться вплотную. Вторая половина совершила самоподрыв, но их героизм пропал даром: скелетная конструкция киберсобак слабо уязвима ко всему, что не является прямым попаданием увесистой стальной болванки, начинённой тротилом. Смертник взрывался, «Полкана» отшвыривало. Через секунду робот вставал и продолжал бой. Вот и всё.

За эти десять дней кибервойска стремительно преодолели безводные пустынные и степные районы Маньчжурии, перелетели через горный хребет Большого Хингана и наголову разгромили японские войска на солунском, хайларском и калганском направлениях. Противник при виде боевых роботов массово сдаётся в плен; ещё день-два, и мы выйдем к важнейшим промышленным и административным центрам Маньчжурии. Японцам не победить, это ясно всем, включая США, и для чего было бросать атомную бомбу на Нагасаки, непонятно. Хотя нет, всё тут понятно. Наши любимые союзнички прямо намекают, что следующие бомбы

посыплются уже на нас. Что ж, наши учёные делают всё, чтобы успеть предотвратить атомный ад. Работа в «Предприятии 3826» ведётся день и ночь, это Кузнецов знает не понаслышке, и остаётся надеяться, что гениальная научная когорта успеет спасти Родину. Пусть даже в самый последний момент, как это уже случалось.

США, Лэнгли, инженерно-баллистическая лаборатория ЦРУ

2 сентября 1945 г.

— Подаю питание, сэр! — сообщил эксперт и утопил кнопку на пульте, занимающем добрую треть массивного стола с приборными панелями.

Громко зажужжал генератор, соединённый толстым кабелем с собакообразной конструкцией, неподвижно стоящей у дальней стены лаборатории, обшитой щитами пулеулавливателей. Металлическая собака больше походила на собачий скелет без головы, со сдвоенной пулемётной установкой на спине. Размером данная конструкция была с крупного пса, и стилизованная под хвост антенна усиливала это сходство.

— Ну и? — Генерал Грант выжидающе посмотрел на эксперта.

Эта стальная собака является боевым роботом русских. Его парни выкрали её, ловко проникнув через границу СССР в районе соприкосновения Германской ССР и Франции. Советские пограничники обнаружили нарушение госграницы и подняли тревогу, на которую с ближайшей заставы выдвинулся легковооружённый отряд и пара таких вот собачьих роботов. Миссию эту Грант разрабатывал лично, заранее учтя все нюансы, и потому всё прошло как по нотам.

К моменту прибытия советских пограничников дождь, вяло накрапывавший с самого утра, превратился в грозовой ливень. Обе робособаки русских, как и ожидалось, в условиях сильных помех оказались бесполезны. Одна из них просто ушла куда-то так далеко, что часть советских пограничников бросилась её искать. Вторая и вовсе облегчила людям Гранта задачу, потому что заблудилась в лесу и сама изменила направление в сторону границы. Пограничники

Советов пытались выследить её, но робособака двигалась быстрее людей, и догнать её они не успели.

Безмозглая железка пересекла границу, и люди Гранта схватили её прямо на глазах у русских. Тем ничего не оставалось, кроме как с мрачными физиономиями наблюдать за тем, как американские командос, одетые в снаряжение без знаков различия, метким выстрелом из базуки разнесли вдребезги аккумуляторный отсек робособаки. Она даже не отреагировала на выстрел и полёт реактивной гранаты, устремившейся к ней сзади. Результат был предсказуем: лишившись аккумулятора, робособака замерла на месте, словно куча металлолома. Парням Гранта оставалось лишь подогнать к ней тачку и повалить робособаку на её поверхность.

Боевой робот Советов был доставлен в США, в лабораторию ЦРУ, и эксперты возились с ней несколько недель. Сегодня Грант явился ознакомиться с результатами их работы. Собаку подключили к электрическому току через кабель, но она осталась неподвижной.

— Минуту, сэр! — Эксперт нажал вторую кнопку. — Запуск происходит не сразу, нам требуется использовать две разные линии, чтобы подавать питание на разные электрические контуры робота. У него их два, и оба требуют собственного напряжения и собственной частоты, сэр!

Грант молча пожал плечами, мол, делайте свою работу, я подожду. Наконец робособака дрогнула и запустилась. Она сделала пару шагов и принялась вращать установленными на спине пулемётами. Боезапас из них извлекли в первый же час после захвата робота, и никакой угрозы безмозглая железка сейчас не представляла. Робот, словно зная об этом, вяло потоптался возле стены, после чего пошёл по периметру помещения, тыкаясь во все углы, словно слепой щенок.

— Что он делает? — поинтересовался у эксперта Грант.

— Ищет выход, сэр! — объяснил тот. — Посмотрите сюда, генерал! — Он указал на дисплей мощной стационарной радиостанции. — Видите этот сигнал? Это его отметка! Робот пытается связаться по радио со своим оператором, но не может сделать это! Установленный на машине передатчик слишком слаб, чтобы преодолеть расстояние от Лэнгли до СССР! А наша система радиоэкранирования не позволяет роботу принимать сигналы извне! Он не знает, что делать!

— И долго он будет так ходить? — Грант наблюдал за робособакой, неуклюже обыскивающей периметр. На закрытую дверь она не обратила ни малейшего внимания, просто пройдя мимо.

— Пока не выключат, сэр! — ухмыльнулся эксперт. — Она может наматывать круги сутками, я проверял. Закрытая дверь ей ни о чём не говорит. Вот если дверь открыть, то робот поспешит выйти за дверь. Впрочем, если захлопнуть дверь перед её носом, робособака снова пойдёт бродить по кругу. Мы лечим это вот так!

Он выключил подачу электричества, генератор смолк, и собака остановилась.

— Насколько робот опасен без оператора? — Грант кивнул на пулемётную пару, установленную на спине робособаки. — Это достаточно неплохие русские пулемёты. Они могут перебить много людей за то время, пока этого робота удастся подбить!

— Без оператора робот бесполезен, сэр! — Эксперт лишь махнул рукой. — Своих мозгов у него нет, ему требуется управление, но без радиосвязи это невозможно!

— Но как-то же он ходит по кругу в поисках выхода? — возразил Грант. — Разве для этого не требуются какие-нибудь управленческие узлы?

— Мы нашли у него внутри крохотную плату с парой ламповых каскадов. — Эксперт не скрывал скепсиса. — Там такой примитив, что проще некуда, сэр! Всё, что он может, это ходить по кругу и искать выход, чтобы взобраться на место повыше, где его передатчик снова зацепит сигнал оператора. Сплав, из которого он сделан, это обычная танковая броня Советов. В общем и целом сразу чувствуется, что робот в стадии доработки.

Эксперт пренебрежительно махнул рукой, мол, я тут впустую трачу время.

— Больше в нём нет ничего ценного. Разве что гидравлика. Она тут довольно интересная. Вместо масел и прочих традиционных жидкостей какое-то прозрачное желе, оно повсюду, в каждой подвижной детали, даже подшипники крутятся прямо в нём. Точный химический состав желе пока определить не удалось, но это не столь важно. Наши технические жидкости обеспечивают работу гидравлики ничуть не хуже. У этого желе только сопротивление износу много-

кратно выше. Но это не революция в науке, сэр. Что действительно представляет интерес, так это его блок питания, но робот попал к нам уже без него.

— Аккумуляторы пришлось уничтожить. — Грант нахмурился и устремил на эксперта недовольный взгляд. — Иначе к роботу было не подойти. В хороших погодных условиях эта собака из своих пулемётов бьёт без промаха с расстояния в триста метров. Если хотите, мистер эксперт, я возьму вас с собой на следующую миссию! Вы сможете лично захватить любого робота Советов в том виде, как вам хочется!

— Извините, сэр! — Эксперт понял, что позволил себе лишнего, и вытянулся во фрунт. — Я был неправ! Мне очень жаль, сэр! Больше такого не повторится, сэр!

— Вольно! — Генерал подарил эксперту ещё один суровый взгляд, после чего спросил: — Если это и всё, что есть внутри робота, то как же он делает то, что делает? Ходит, прыгает, видит, целится?

— Не знаю, сэр! — отчеканил эксперт. — Этого оборудования в работе нет! Мы считаем, что всё это достигается путём трансляции радиосигнала! Наверное, русские разработали сложную систему радиоуправления, и робот реагирует на различные импульсы по-разному. Та ламповая плата, о которой я говорил, сэр, она вполне может интерпретировать радиосигнал. Чтобы сказать наверняка, нам требуется получить оборудование оператора!

— У меня больше нет к вам вопросов. — Грант кивнул в сторону застывшего робота: — Приведите его в то состояние, в котором он попал к вам! Мои люди заберут его завтра.

— Да, сэр! — немедленно подтвердил эксперт.

Грант покинул помещение лаборатории и увидел одного из помощников Аллена Даллеса. Тот стоял у дверей и сразу же устремился навстречу:

— Генерал Грант, сэр! Вас вызывает мистер Даллес!

Помимо Даллеса в его офисе находился ещё один человек, которого Грант узнал по голосу, будучи в двух шагах от порога. Войдя внутрь, он козырнул обоим и отчеканил:

— Генерал Эйзенхауэр, рад видеть вас, сэр!

— Давно не виделись, генерал! — Эйзенхауэр тепло пожал ему руку. — Аллен даёт вашей работе очень высокую оценку! Рад, что не ошибся в своих рекомендациях!

— Сэр, спасибо, сэр! — сдержанно поблагодарил Гран. — Я служу США и демократии изо всех своих скромных сил!

— Я видел эту нелепую безголовую робособаку русских, которую вы привезли. Хорошая работа, Грант! Эти роботы очень опасны, японцы потеряли более ста тысяч солдат в бою с ними!

— Мы захватили робота во время непогоды, — объяснил Грант. — При сильных помехах роботы Советов существенно теряют эффективность. Сейчас эксперты придадут роботу соответствующий вид, и наши дипломаты предъявят его мировому сообществу. Это будет доказательство того, что Советы устраивают на границах провокации, которые рано или поздно приведут к человеческим жертвам.

— Очень вовремя, генерал Грант! — веско заявил Даллес. — Только что Император Японии объявил о капитуляции. Война выиграна. Япония разбита. К сожалению, Советы теперь полностью контролируют Сахалин и Курильские острова. Но Япония отныне будет находиться под контролем США!

— Наши атомные бомбы оказались хорошим аргументом! — оценил Грант. — Жаль, что у нас их было всего две!

— К середине месяца будет готова третья, — сообщил Эйзенхауэр. — И ещё шесть бомб можно изготовить в течение следующих двух.

— Нам нужен повод для объявления войны Советам? — мгновенно понял Грант.

— Не прямо сейчас, но повод нам понадобится! — Даллес перевёл взгляд на Эйзенхауэра: — В Белом доме в итоге пришли к необходимости накопления бомб?

— Да, — подтвердил Эйзенхауэр. — И я согласен с этим решением. Делать бомбы по одной-две и сбрасывать их на Советы — это неэффективная тактика. СССР огромен, это не Япония. Столь редкими ударами их не разобьёшь. Тем более после эпидемии у Советов осталось всего сорок миллионов граждан, то-то они так возьмётся с этими роботами! Работать некому, армия невелика — на роботов вся надежда! Но для нас это несёт дополнительные проблемы: эти сорок миллионов расселены по двум тысячам городов. В стратегическом плане важны далеко не все из них, но действительно крупными являются свыше двухсот пятидесяти населённых пунктов.

— Десятком бомб всё это не уничтожить, — нахмурился Грант. — К тому же русские будут сопротивляться. Какая-то часть наших самолётов не долетит до цели.

— Поэтому США доведут свой атомный арсенал до сотни зарядов, — кивнул Эйзенхауэр, — и нанесут один, но зато всеограшающий удар! СССР лишится половины своих самых важных городов, остальные просто сдадутся.

— Сколько времени нам потребуется для этого? — Грант вопросительно посмотрел на Эйзенхауэра, но за него ответил Даллес:

— Порядка двух лет. За это время мы должны не только обеспечить наших политиков хорошим поводом для объявления войны, но и предотвратить появление у Советов возможности защищаться. Вчера наши источники в московском посольстве сообщили о том, что Советы готовят новый полигон в ста семидесяти километрах южнее города Семипалатинск. Якобы для испытания ракетных двигателей.

— Казахстанские степи? — понимающе кивнул Грант. — Безлюдная местность, отлично подходящая для атомных испытаний. И их пресловутое «Предприятие 3826» находится оттуда на очень удобном расстоянии.

— Именно, генерал! — подтвердил Даллес. — Считается, что Советы не в состоянии изготовить атомную бомбу и надёжно отстали от нас в научном плане. И появление у Советов этих роботов очень настораживает. Президент ждёт от нас больше информации. Нам сейчас не нужны сюрпризы.

— Сюрпризы нам не нужны никогда! — веско заявил Грант. — Я понял задачу, господа. США хотят знать, что задумали Советы, и США узнают. Мы сделаем это!

**СССР, секретный объект «Предприятия 3826»
на острове Сахалин, полигон боевых роботов
1946 г.**

Серое пасмурное небо было затянуто мрачными тучами, дождь ещё не начался, но нижняя кромка облаков находилась на высоте восьмьсот метров, и погода была далека от идеальной. Летать в таких условиях очень непросто, но «Кондор-1» бодро мчался сквозь облачную вату при полном отсутствии видимости. Облачная муть настолько плотно об-

волакивала стоящих на поверхности аэроплатформы бойцов, что порой при вытянутой руке не удавалось разглядеть собственную ладонь.

— Как красиво! — голос младшего лейтенанта Нечаевой негромко зазвучал в наушниках гарнитуры личной системы связи. — И зябко! Раньше я думала, что облака — это как туман и что они совсем не холодные! А тут минус двенадцать!

— Там, повыше, может быть и минус семьдесят, — ответил жене лейтенант Нечаев. — Так что нам ещё повезло, что сейчас лето.

— Ничего себе лето! — Младший лейтенант Нечаева поёжилась. — Мне даже через бронеформу холодно!

— Тебе холодно даже в Африке, — тихо хохотнул лейтенант Нечаев, — когда ты видишь фотографии заснеженной тундры!

— Ну да, есть такое. — Екатерина не стала спорить и многозначительно добавила: — У меня очень чувствительная и тонкая натурная эстетика!

— Или очень натуральная и чувствительная эстетическая тонкость? — Лейтенант Нечаев понял старый намёк.

— В вас, товарищ лейтенант, — Екатерина Нечаева сделала официальный тон, — умер напёрсточник! Кручу, верчу — запутать хочу! Если нас выгонят из «Аргентума», чувствую — не пропадём!

Кто-то тихо прыснул в эфире, и Кузнецов улыбнулся. Эта парочка никогда не унывала и ухитрялась найти повод для шутки из ничего. Отряд охотно слушал их добродушный стёб друг над другом, и Кузнецов не запрещал чете Нечаевых засорять эфир в минуты отсутствия боевой или научной задачи. Их безобидные шутки помогали отвлечься от суровых будней, которые в условиях лихорадочной гонки вооружений давно уже стали бесконечными. Рабочий день правильной было назвать рабочими сутками, личного времени в которых имелось не более десятка часов, если считать со сном и приёмами пищи. А от субботнего выходного дня пришлось отказаться ещё год назад, когда различные испытания и тестовые запуски стали проходить практически ежедневно.

«Кондор-1» пошёл на снижение и вывалился из облачного слоя, зависая над безлюдной горно-лесистой местностью объекта «Сахалин». Здесь, на границе таёжных холмов

и тундровых пустошей, располагался испытательный полигон, предназначенный для отладки оборонной мощи СССР — мощных боевых роботов самых передовых моделей. Место было выбрано идеально: погодные и природные условия тут суровые, городов нет, а несколько крохотных поселков давно переселили вглубь острова. В радиусе двухсот километров не осталось никого, кто мог бы попасть под удар боевого робота случайно.

А вот те, кто попадал под удар совсем не случайно, навывались сюда регулярно. Всевозможные шпионы мирового капиталистического империализма не прекращали попыток засунуть свой нос на секретный полигон. Без стычек не проходило и недели. Буквально вчера «Пираньи», экспериментальные малогабаритные подводные боевые роботы, засекли американскую подводную лодку, подкрадывающуюся к полигону со стороны Японии. В том, что лодка была американской, сомневаться не приходилось: стоя «Пираний» запеленговала её и быстро обнаружила. Лодка подкралась к побережью, выбросила шпионский буй и тихо ушла восвояси. Шпионский буй поплыл к берегу, на ходу запуская прослушивающую эфир аппаратуру, но добраться до цели не смог. «Пираньи» перекусили ему все антенны, после чего пробили в корпусе здоровенную дыру, и буй затонул. И это, пожалуй, было самое безобидное происшествие за минувший год. Обычно без крови обходилось редко.

— Передвижной наблюдательный пункт «Аргентум» вышел в зону проведения испытаний! — доложил бортовой компьютер «Кондора-1» строгим мужским голосом.

Майор Кузнецов коснулся рычажка навигационной системы и выставил на экране радара, совмещённого с картой местности, конечную точку маршрута:

— «Кондору» занять позицию по указанным координатам на высоте трёхсот метров! — Кузнецов нажал кнопку, подтверждая свой приказ.

— Есть! — отчеканил бортовой компьютер сильным женским голосом, и аэроплатформа продолжила снижение, закладывая плавный вираж.

Искусственный интеллект, управляющий роботами, постоянно совершенствовался, и этот передвижной наблюдательный пункт, или ПНП, принадлежащий отряду «Аргентум», недавно получил новую прошивку. Полимерные

капсулы, на которых был записан новый словарный запас, позже должны будут стать заменой магнитофонным лентам со старым словарным запасом ИИ аэроплатформы. Но пока новая прошивка является тестовым вариантом, демонтировать громоздкую систему магнитофонов не стали. Из-за этого теперь ИИ «Кондора» отвечал то мужским, то женским голосом, потому что старый словарный запас записывался диктором-женщиной, а новый — диктором-мужчиной. Слышать от «Кондора» столь разные голоса было довольно забавно, и это немного скрашивало рабочие будни.

— «Вышка» вызывает «Аргон»! — раздалось в эфире. — «Вышка» вызывает «Аргон»!

— «Аргон» на связи! — ответил Кузнецов. — Вижу вас!

«Аргон» — это его позывной, так в эфире обозначается командир отряда «Аргентум». «Вышка» — это пункт управления испытаниями объекта «Сахалин». Отсюда, с высоты в полкилометра, её можно было заметить невооружённым глазом: широкая приземистая железобетонная коробка высотой с двухэтажный дом, расположенная на вершине одного из поросших тайгой холмов. Ещё десяток этажей располагался под землёй, внутри этого холма. Там находились научные лаборатории, ремонтные цеха и производственный комбинат, обслуживающий нужды персонала объекта. На холмах, расположенных вокруг «Вышки», находились зарытые в землю ангары средств ПВО, радары систем обнаружения и мощная радиостанция. В целом живого персонала здесь было немного, но высшее государственное руководство требовало от Сеченова дополнительного ужесточения режима секретности. Видимо, в какой-то момент живой персонал здесь будет сведён к минимуму и заменён на роботов.

— Вас понял, «Аргон»! — откликнулись с «Вышки». — Кинокамеры включены! Ждём вашего приказа!

— Мы на позиции! Начинайте первую фазу! — приказал Кузнецов.

Внизу, у подножий холмов, распахнулись ангарные люки, и среди деревьев показались «Мастифы», расплазующиеся по лесу. Сейчас состоится испытательный бой батальона «Мастифов» против одного «Единорога». Сражение будет записываться с десятка различных камер, установленных на полигоне, и ещё с десятка, укреплённого на спинах «Каракуртов», спящих по нижней плоскости аргентумовского

«Кондора». Но увидеть всё своими глазами гораздо полезней, и потому весь отряд «Аргентум» рассредоточился вдоль стальных лееров бортовых ограждений наблюдательного пандуса и внимательно вглядывался вниз.

Первый из трёх десятков «Мастифов» приблизился к таёжной опушке и открыл огонь. «Мастифы», двухбашенные роботы танкового типа на шестиосной платформе, стояли на вооружении Советской Армии со времени запуска кибернетических фабрик «Предприятия 3826». Будучи боевыми роботами первого поколения, на данный момент они серьёзно устарели, ибо укомплектовывались обычной танковой бронёй и парой столь же обычных танковых орудий. Но в сравнении с боевыми машинами потенциальных противников СССР «Мастифы» являлись грозным оружием. Не имея экипажа, танковые роботы были лучше вооружены и более живучи, что делало их гарантированным победителем в поединках один на один с танками США.

По этой причине «Мастифы» в СССР выпускались ударными темпами, и год назад их общее количество превышало двадцать тысяч единиц. С тех пор «Мастифы» выпускаются ограниченными партиями. «Предприятие 3826» разработало гораздо более совершенные боевые технологии, которые должны через десять лет полностью заменить «Мастифы» на тяжёлых боевых роботов нового поколения. Таких роботов два: «Шатун» и «Единорог». Первый ещё в стадии проектирования, и увидеть живьём экспериментальный образец можно будет где-то через пару лет. А вот второй уже существует в виде опытных образцов. Один из таковых проходит испытания именно сейчас.

— Какой он все-таки забавный, — негромко произнесла младший лейтенант Нечаева.

— Товарищи Сеченов, Челомей и Филимоненко разработали его ещё до войны, — откликнулся её муж. — «Единорога» показывали госкомиссии, он был ещё очень сырой, у него тогда не было названия. Но чинуши не приняли проект.

— Жаль. — Екатерина поднесла к глазам бинокль. — Столько солдат могло бы выжить.

Внизу, среди вздыбливающихся взрывов, «Единорог» чувствовал себя как рыба в воде. Невысокая приземистая двуногая топотуха на мощных стальных птичьих лапах мча-

лась словно страус через множество вспухающих огнём разрывов. Траектория движения боевого робота представляла собой сочетание рваных зигзагов, и попасть в столь непростую мишень танковые пушки «Мастифов» не могли. «Мастифы» имели хорошую скорострельность, которой завидовали все танки мира, вооружённые лишь одним орудием, но в данном случае это не давало им преимущества.

Танковые роботы прилежно брали упреждение для ведения огня по движущейся цели и производили выстрелы один за другим, но сложный рисунок движения и отличная скорость «Единорога» сводили на нет все их старания. Дважды танковые снаряды всё же настигли цель, но поразить её не смогли. Первый снаряд попал в лапу, пробил её насквозь и ушёл в почву, где и взорвался. Лапа «Единорога» была сконструирована с высоким запасом прочности, на её показателях никак не отразятся и десять таких пробоев, в итоге робот фактически не получил урона. Второй снаряд ударил в корпус, увяз в бортовой броне «СПТ-3» и взорвался. Судя по всему, снаряд был кумулятивным, однако «Единорог» имел три слоя брони, пространство между которыми заполнялось полимерным теплопоглотителем, и кумулятивная струя рассеялась, не сумев прожечь даже два слоя из трёх.

— Расход боезапаса — пятьдесят процентов! — доложили с «Вышки». — Зафиксировано два попадания по цели. Урон признан ничтожным.

— Начинайте вторую фазу! — приказал майор Кузнецов.

Внизу «Единорог» выполнил очередной зигзаг и прямо на ходу приготовил к стрельбе своё орудие. Мощный защитный кожух, расположенный вдоль горизонтальной оси боевого робота по всей его длине, распахнулся, разъезжаясь в стороны, и обнажил длинную массивную пушку почти квадратного сечения. Собранное из сложных сегментов орудие провернулось вместе с верхней половиной бегущей стальной топотухи, оказавшейся вращающейся платформой, и нацелилось в сторону кружащих среди деревьев «Мастифов».

Орудийные сегменты один за другим вспыхнули, накапывая энергию, и «Единорог» произвёл бесшумный выстрел, мгновенно сменившийся грохотом преодоления звукового барьера. Три километра до цели невидимый глазу снаряд преодолел за доли секунды, и один из кружащих в лесу «Мастифов» дёрнулся, словно врезавшись в невиди-

мую стену. Его отбросило назад на пару метров, развернуло боком и ударило о ближайшее дерево. Танковый робот неподвижно застыл, и с «Вышки» доложили:

— Цель номер один уничтожена. Прямое попадание в отсек питания. Оба топливных элемента разрушены. Ходовая часть, похоже, лопнула — корпус получил слишком большое количество кинетической энергии.

— Новая система прицеливания хороша! — Кузнецов через бинокль наблюдал, как бегущий «Единорог» следующим выстрелом уничтожает вторую цель. Снаряд попал точно в отделение с боекомплектом, пронзив «Мастифа» насквозь, и запас снарядов взорвался, раскалывая танкового робота надвое.

— Цель номер два уничтожена! — доложили с «Вышки». — Детонация боекомплекта в результате прямого попадания!

— Выводите всех! — приказал Кузнецов. — Начать танковый бой!

Батальон «Мастифов» устремился в атаку, набирая скорость, и три десятка танковых роботов ринулись на «Единорога». Тот принялся маневрировать, не переставая вести огонь в движении, и его орудие каждые десять секунд производило очередной выстрел. Управляемая новейшей системой прицеливания пушка Гаусса полностью вывела из строя ещё полтора десятка машин, после чего противники сблизилась, и «Мастифы» предприняли попытку расстрелять «Единорога» в упор.

Сделать это оказалось непросто. Птицеобразная топотуха принялась носиться среди «Мастифов» туда-сюда, то прячась за одним танковым роботом от другого, то запрыгивая прямо на них. «Мастифы» маневрировали, отчаянно вращая орудийными башнями, дабы не потерять цель, но в отличие от «Единорога» прыгать друг по другу они не умели, и их снаряды всё чаще били в борта своих машин. «Единорог» же продолжал производить десятисекундные выстрелы с точностью метронома, и их точность ниже не стала. Менее чем через пять минут от трёх десятков «Мастифов» кибербатальона осталось всего пять единиц.

Испытательный бой был фактически окончен. Стало ясно, что ровно через пятьдесят секунд «Мастифов» не останется. Кузнецов вдохнул, собираясь отдать команду остано-

вить бой, дабы не сжигать зря танковых роботов, как вдруг последняя пятёрка «Мастифов», взревев двигателями, рванулась в разные стороны и скрылась от «Единорога» за неподвижными остовами своих однополчан. «Единорог» ударил по ближайшему из танковых роботов прямо сквозь подбитую боевую машину, но уничтожить врага не смог. Выпущенный пушкой Гаусса снаряд действительно пронзил подбитого ранее «Мастифа» насквозь и точно так же насквозь прошёл через «Мастифа», за ним укрывшегося, но это попадание не нанесло противнику существенного урона.

— Выстрел номер двадцать шесть! — доложила «Вышка». — Есть попадание по цели. Сквозная пробоина буферной части корпуса. Критически важные узлы не повреждены. Цель не уничтожена.

«Единорог» побежал в обход подбитых машин, петляя среди разбитых «Мастифов», и остальные четыре танковых робота одновременно выкатились из-за своих укрытий, открывая по нему беглый огонь. «Единорог» подпрыгнул, взбираясь на ближайшего подбитого врага, и основной поток снарядов ударил мимо. Однако один из выстрелов всё же достиг цели, и снаряд ударил ему в борт, увязая в броне. Не дожидаясь ответного выстрела, «Мастифы» врубили задний ход, прячась обратно. «Единорог» сделал выводы и бросился в атаку по кратчайшему расстоянию, на бегу производя выстрел в разбитого танкового робота, за которым только что скрылся один из врагов.

— Выстрел номер двадцать семь! — прозвучало с «Вышки». — Есть попадание по цели. Цель не уничтожена!

«Мастифы» вновь выкатились из-за укрытий, и десять орудийных выстрелов грянули друг за другом со слитностью пулемётной очереди. «Единорог» подпрыгнул, взбираясь на очередного подбитого танкового робота, но на этот раз «Мастифы» ожидали от него подобный манёвр. Первая пятёрка снарядов вспорола землю вокруг подбитого «Мастифа», на который взобрался «Единорог», вторая пятёрка вместо «Единорога» нанесла сосредоточенный удар в заднюю часть «Мастифа» под его лапами. В ту же секунду подбитый «Мастиф» взорвался, разлетаясь на части, и «Единорог» рухнул с него наземь, кувыркнувшись через собственное орудие. Птицеобразная машина дважды перевернулась, оказываясь на боку, и замерла.

— Прекратить огонь! — выкрикнул Кузнецов, глядя в бинокль в неподвижно лежащего робота. — Что с «Единорогом»?

Внизу уцелевшая пятерка «Мастифов» остановилась и заглушила моторы.

— Чёрт! — чертыхнулся в эфире представитель «Вышки». — Опять электроника вырубилась! С «Единорогом» нет контакта! Телеметрия не отвечает! Там боекомплект сдетонировал, в «Мастифе», который под ним был! Непредвиденная ситуация! Высылаю инженерную бригаду!

— «Мастифы» специально заманили «Единорога» в эту ловушку. — Кузнецов убрал бинокль и поспешил в капитанскую рубку «Кондора-1». — Они совместно рассчитали этот манёвр и совместно его провели! Мы садимся, соблюдайте осторожность!

Он схватился за рычажок навигационного блока, задал бортовому компьютеру точку приземления неподалёку от «Единорога» и нажал кнопку «Посадка». «Кондор-1» пошёл на снижение, и далёкая земная поверхность начала быстро приближаться. У самой земли снующие по нижней плоскости аэроплатформы «Каракурты» попрыгали на поверхность, проворно разбегаясь в разные стороны, и «Кондор-1» опустился наземь, выпуская трап. Вооружённые контрольно-измерительными приборами бойцы «Аргентума» поспешили вниз, к лежащему на боку «Единорогу».

— Электромагнитной активности не наблюдаю! — сообщил один из бойцов, только что подключивший штекер своего устройства к клемме на поверхности робота.

— У меня тоже пусто! — присоединился к нему ещё один боец.

— И у меня! — подтвердил третий. — Электропроводка у него сгорела, что ли?

Со стороны «Вышки» показался мчащийся крытый грузовик, подпрыгивающий на ухабах, оставшихся от старых воронок, и Кузнецов кивнул в его сторону:

— Сейчас инженеры подключатся. Фиксируйте визуальные повреждения.

Пара бойцов достала из укреплённых на бронеформе планшетных карманов ручные кинокамеры и принялась снимать пробоины, полученные «Единорогом» в ходе боя. Но даже отсюда Кузнецову было хорошо видно, что критиче-

ских повреждений робот не получил. Вскоре грузовик с инженерами добрался до места событий, и «Единорога» вторично подключили к куче тестеров. Старший инженер «Вышки» возился с ними минут тридцать, не переставая недовольно кривиться, после чего устало махнул рукой:

— Всё! Отбегался «Единорог»! Электроника сгорела, требуется полная замена микросхем, проводки и полимера!

— Сгорела? — Кузнецов недоверчиво нахмурился. — Как она могла сгореть полностью, товарищ Абрамов? «Единорог» не подвергался электромагнитным ударам!

— Знаю! — согласился старший инженер Абрамов. — Но такое иногда случается. После того, как роботов стали переводить на новый вид полимеров, имеющий высокую устойчивость к внешним воздействиям, мы уже дважды фиксировали случаи конфликта полимера с бортовой электроникой.

— Почему об этом никто не доложил? — Кузнецов бросил на него суровый взгляд.

— Это было два случая на двадцать тысяч различных роботов! — заторопился оправдаться Абрамов. — Это даже не статистика! Я посчитал это заводским дефектом! Теперь, когда это случилось в третий раз, я усматриваю в этом закономерность и докладываю ВАМ!

Лицо Абрамова снова приняло недовольную мину, он полез в карман рабочего комбинезона, вытащил оттуда несколько бумажных листов, сложенных вчетверо, и протянул их Кузнецову:

— Отчёты по тем двум случаям мною заготовлены согласно всем инструкциям! Вот, вручаю их вам, как представителю руководства! С вами они доберутся до товарища Сеченова быстрее, чем спецсвязью! На словах могу обрисовать картину кратко: по невыявленным причинам новый вид полимера вступает в конфликт с бортовой электроникой, в результате которого электроника сгорает, а полимер разрушается!

— Волшебник разберётся. — Кузнецов спрятал бумаги Абрамова в планшет. — Где расписаться в приёме документов?

— Напишите мне расписку от руки! — спохватился Абрамов, суетливо ища по карманам карандаш. — Этого достаточно! Чёрт, карандаш есть, бумагу не взял... сейчас сбегаю до грузовика, там есть бланки инженерно-технического осмотра...

— Товарищ майор? — К Кузнецову подошла младший лейтенант Нечаева. — Разрешите доложить?

— Докладывайте, Блесна! — позволил Кузнецов, в присутствии посторонних обращаясь к Нечаевой по её позывному.

— Полимер внутри «Единорога» живой! — чётко доложила Нечаева.

— Как это — живой?! — опешил инженер Абрамов.

— В смысле, нормальный он, — поправились Блесна. — Не сгорел. Он вибрирует.

— Откуда вы можете это знать?! — Абрамов вновь состроил недовольную мину. — Сейчас не время для соревнований по женской интуиции! Все приборы молчат, мы проверили его самым чувствительным оборудованием...

— Не мешайте нам работать, товарищ старший инженер! — жёстко одёрнул его Кузнецов. — Заберите своих людей и ступайте за бланком для расписки! — Он обернулся к младшему лейтенанту Нечаевой: — Это точно? Вы уверены? Что с ним?

— Я не знаю. — Нечаева коротко развела руками. — Услышать полимер невозможно! Волшебник говорит, что рано или поздно это станет доступно каждому, но не сейчас. Сейчас я только ощущаю его волновые вибрации. Я не знаю, что они означают. Но полимер внутри «Единорога» находится в нормальном состоянии. Товарищ майор, разрешите я попробую его послушать?

— И как это поможет? — Кузнецов скептически нахмурился, но тут же передумал: — А вообще, разрешаю! Послушайте! Что от этого изменится? Хуже уже не будет.

— Есть! — Блесна выполнила воинское приветствие и направилась к неподвижно лежащему «Единорогу».

— Плутоний! — Майор окликнул лейтенанта Нечаева.

— Я! — немедленно отозвался тот.

— Подстрахуйте Блесну! — приказал Кузнецов и обернулся к Абрамову: — Где бланк?

— Ч-что?.. — вздрогнул тот, отрывая взгляд от приближающейся к «Единорогу» Блесны. — Да-да, сейчас принесу! — Он вновь посмотрел на Нечаеву: — Товарищ майор, что она делает? Так это правда, что у Сеч... у товарища Сеченова есть люди, которым он имплантировал полимерные расширители мозга?!

— Полная ерунда и досужий вымысел! — веско заявил Кузнецов.

В этот момент младший лейтенант Нечаева подошла к «Единорогу», сняла бронированные перчатки и засунула их за тактический ремень. Затем сняла тактический шлем, протянула его Плутонию и небыстрыми движениями потёрла себе виски. После чего положила ладони на корпус робота в районе наиболее объёмных внутренних ёмкостей с полимером, прислонилась к корпусу лбом и замерла. В следующую секунду «Единорог» дрогнул, и его мощные птичьи лапы дернулись. От неминуемого смертельного удара по голове Блесну спас Плутоний. Он мгновенным прыжком сшиб её с ног, и оба покатались по земле прочь от поднимающегося на лапы робота.

— Ты что, заснула?! — Плутоний вскочил, поднял жену и надел ей на голову шлем. — Чего стоишь как вкопанная! Он же тебя не видит, ты у него под ногами!

— Я... — Блесна, морщась, с силой смыкала и размыкала веки. — Не знаю... Потерялась на секунду... Что случилось?

— Твою-то мать! — Кузнецов резко обернулся, боковым зрением уловив знакомую вспышку: рельсовая пушка «Единорога» накапливала заряд. — В укрытие!!! Бегом!!!

Отряд бросился врассыпную, прячась за подбитыми «Мастифами», и «Единорог» резким движением развернул орудие в сторону Блесны и Плутония. Нечаев схватил жену и прыжком запустил своё тело за подбитого танкового робота. Пушка Гаусса с гулким грохотом выстрелила, прошивая корпус «Мастифа» насквозь, но небольшой снаряд прошёл в сантиметре от лопатки Плутония. От мощного выброса энергии, промчавшегося совсем рядом, Нечаева рвануло вокруг своей оси, жену отшвырнуло в сторону, и он рухнул возле стальных колёс «Мастифа».

— «Мастифам» открыть огонь! — рявкнул в эфир Кузнецов, одновременно скрываясь за ближайшим остовом. — Отряд! Избегать прямой видимости! Блесна! Что с ним?

— Без сознания! — Блесна уже оттаскивала Плутония подальше за силуэт разбитого «Мастифа». — Видимых повреждений не наблюдаю!

Будь Нечаев в обычной военной форме, он рисковал получить тяжёлые травмы от столь близкого пролёта снаряда, несущего энергию, способную с лёгкостью прошить насквозь

два тяжёлых танка. Но специально для отряда «Аргентум» на «Предприятии 3826» была разработана бронеформа — экспериментальный образец боевого снаряжения будущего. Бронеформа представляла собой толстый двуслойный комбинезон, первый слой которого был выполнен из чешуек, изготовленных из новейшего сверхпрочного сплава «СПТ-4». Этот сплав комплекс «Челомей» разработал для создания космических ракет. Вторым слоем являлась толстая и мягкая подкладка, разработанная комплексом «Вавилов» то ли из листа алоэ, то ли из какого-то другого мясистого растения, Кузнецов точно не понял, название было на латыни и слишком сложное. Да и какая разница? Главное, что бронеформа уберегала от ожогов, ножей, осколков, ударных травм, пистолетов и даже от некоторых автоматов. Так что, раз Плутония не пробило насквозь этим снаряжением, значит, он очухается.

— Блесна! — Кузнецов наблюдал за «Единорогом» через щель между колёс подбитого «Мастифа». — Назад! Тащи его в другую сторону! Робот ищет тебя!

Жена потащила Нечаева обратно, огибая подбитого танкового робота с другой стороны, и Кузнецов активировал радиоуправление «Кондором-1». Охраняющие аэроплатформу «Каракурты» получили приказ и бросились в разные стороны, рассредоточиваясь. «Единорог» оббежал подбитый танк и едва не настиг Блесну, заталкивающую Плутония под днище «Мастифа» промеж колёс, и в эту секунду ближайшая пара «Каракуртов» нанесла «Единорогу» ракетный удар. Восемь ракет одновременно ударили в пушку Гаусса, и слитный взрыв опрокинул робота на спину. Блесну отшвырнуло в сторону, но бронеформа смягчила удар, а встроенная в шлем защита ушей сохранила барабанные перепонки и предотвратила контузию.

Блесна вскочила и рванула подальше, стремясь добежать до другого укрытия. «Единорог» ловко перебрал птичьими лапами, поднимаясь, и побежал за ней. Его оружие сильно искрило, штатный пулемёт на этих испытаниях не заряжался, и оружия у робота не осталось. Но взбесившийся «Единорог», похоже, был полон решимости Блесну если не пристрелить, так затоптать. На «Вышке» кто-то запоздало активировал уцелевших «Мастифов», и пятёрка танковых роботов открыла огонь по «Единорогу».

— Отставить огонь, вашу душу! — рявкнул в эфир Кузнецов. — Куда стреляете?! Своих перебьёте! Раньше надо было! Зажимайте его, если сумеете! Робота необходимо обездвигить!

Он торопливо принялся корректировать действия «Каракуртов». Кто же знал, что такое может произойти?! Надо было вывесить в небе «Узел»! «Узел» является координирующим устройством, он видит сразу всех роботов в заданном регионе, а если регион большой, то «Узел» поднимают выше, и он контролирует сеть «Грифов», каждый из которых управляет роботами в заданных районах, на которые разбит регион. Но сейчас испытывался всего один новый робот, и ради него поднимать в небо «Узел» не стали. А с «Мастифами» прекрасно справлялась «Вышка», в её диспетчерскую вышку встроен коммутационный блок, аналогичный «Грифу»...

Блесна домчалась до следующего подбитого танкового робота за несколько секунд, опережая «Единорога» на мгновение, которого роботу не хватило, чтобы затоптать цель. «Единорог» резко остановился и рывком развернулся, выбрасывая вперёд лапу, словно в ударе ногой. Нечаева рухнула в поперечный шпагат, изо всех сил вжимаясь телом в землю, и стальная лапища пронеслась над ней в десятке сантиметров. В следующую секунду «Единорога» настигли «Каракурты». Куча-мала из здоровенных стальных пауков набросилась на робота, стремясь повалить, и «Единорог» замешкался.

— Блесна! Под передовой танк! — выкрикнул в эфир Кузнецов. — «Вышка»! Зажимайте его! Как только замедлится, наедьте ему на лапы!

Облепленный «Каракуртами» «Единорог», натужно заывая приводами, пытался преследовать убегающую Нечаеву, но едва переставлял ноги. Запоздало подоспевшие «Мастифы» перегородили ему дорогу сначала спереди, потом сзади, и робот попытался обогнуть переднюю машину. Третий «Мастиф» ловко наехал ему на лапу и остановился. «Единорог», подрагивая от перегрузки, предпринял попытку лягаться, но четвёртый «Мастиф» с третьей попытки всё же сумел наехать и на вторую лапу. «Единорог» оказался бездвиген, но сопротивляться не перестал. Он натужно ревел перегруженными двигателями в попытках сбросить с себя

нависшую кучу-малу из «Каракуртов», но лишь едва шевелился под их тяжестью.

— Отряд! — скомандовал Кузнецов, бросаясь к «Единорогу». — Электромагнитные блоки к бою! Бьём залпом, в упор, разряд максимальной мощности, по моей команде!

Через несколько секунд два десятка бойцов «Аргентума» окружили натужно звенящего «Единорога», направив в его сторону левую руку. Перчатка левой руки бронеформы имела несколько встроенных в конструкцию блоков экспериментального вооружения. На данный момент функционировал только первый из таковых, блок электромагнитного удара, позволявший атаковать живых противников электрошоком и нарушать работу электронных и электрических систем электромагнитным импульсом. «Шок», как прозвали данный блок в «Аргентуме», имел очень небольшой радиус действия, но даже так подобное оснащение было сто крат лучше, чем ничего.

— «Шоком»! — приказал Кузнецов. — Огоны!

В «Единорог» ударило семнадцать разрядов, робот вздрогнул, обмяк и отключился. Куча-мала из «Каракуртов» с дробным лязганьем расцепилась и хлынула наземь, деловитой колонной направляясь к «Кондору». Из-под разбитого «Мастифа» вылез Плутоний и, пошатываясь, побрёл ко всем остальным.

— Здорово вы его... — Он улыбнулся, стараясь не показать, что испытывает боль. — Жаль, я не успел! Теперь будете без меня девчатам хвастать!

— Вы можете похвастать мне, товарищ лейтенант! — Блесна выползла из-под своего танкового робота. — Как только вас выпустят из санчасти! Товарищ майор! Что делать?

— Послушай его! — Кузнецов кивнул на осевшего «Единорога». — Что с полимером?

Нечаева вновь провела свою процедуру, но на этот раз робот остался неподвижен.

— Полимер в порядке, товарищ майор! — доложила Блесна.

— Значит, это электронику проглотило! — заявил запыхавшийся Абрамов, подбегая к месту только что закончившегося ЧП. — Полимер потерял связь с электроникой, она лишилась основной базы данных и не смогла правильно идентифицировать цель!

— На предприятии разберутся, — устало ответил Кузнецов. — Вынимайте из «Единорога» топливный элемент, я пока «Шмелей» вызову. Мы заберём его с собой. И привезите мне все киноплёнки с камер.

Спустя полчаса пара «Шмелей», трёхногих двухвинтовых роботов вертикального взлёта, подняли в воздух отключённого «Единорога» и унесли его на «Кондор-1». Ещё через десять минут бойцы отряда «Аргентум» заняли места под стеклянной полусферой пассажирского сектора аэроплатформы, и «Кондор-1» набрал высоту. Кузнецов задал бортовому компьютеру координаты «Предприятия 3826» и нажал на кнопку «Лечь на курс». Аэроплатформа помчалась вперёд, и майор проводил усталым взглядом исчезающий вдаль полигон, над которым роились эвакуирующие подбитых роботов «Шмели».

СССР, «Предприятие 3826», Научный центр Сеченова, главная лаборатория

Март 1946 г.

Массивный пульт управления, усыпанный кнопками, телеэкранами и оконцами подрагивающих стрелками контрольно-измерительных приборов, прекратил гудеть и издал громкий щелчок. Профессор Лебедев, глава отдела вычислительной техники Академии Последствий, потянул за рычажок, и из прорези ввода данных выскочила последняя перфокарта.

— Обновление программных алгоритмов завершено. — Профессор Лебедев извлёк торчащую из прорези перфокарту. — Операционная среда «Узлов» перезагружена. Мы можем начинать!

— В таком случае приступим! — Сеченов окинул взглядом два десятка научных сотрудников, замерших за рабочими местами, соединёнными с центральной ЭВМ, и нажал кнопку запуска.

Если сейчас запуск пройдёт удачно, все эти пульта, телевизоры и кнопочные панели станут вчерашним днём. «Предприятие 3826» перейдёт в новую эру научно-технического развития, а следом за ней поспешит весь огромный Советский Союз.

Выполненная во всю стену индикаторная схема предприятия вспыхнула скудной россыпью лампочек, обозначающих висащие в небе командные «Узлы». В следующую секунду вокруг каждой из них загорелись индикаторы подотчётных «Грифов», и через мгновение вся карта полыхнула сотнями отметок, обозначающих роботов, составляющих кибернетический персонал входящих в предприятие комплексов. Безмолвно стоящие вдоль стен человекообразные роботы-лаборанты и киберинженеры ожили и принялись за дело, занимая места возле лабораторных столов и научного оборудования. Сеченов надел наушники и перевёл взгляд на девятку телеэкранов, собранных в единое информационное видеополе.

По экранам густыми строками бежали данные по состоянию только что запущенной сети, и контролирующие её действия живые операторы сообщали в эфире о результатах действий подконтрольных им роботов.

— Сектор «А», алгоритм стабилен! Киберперсонал действует уверенно!

— Сектор «Б», волновые колебания полимеров в рамках расчётных значений!

— Сектор «В», прямое взаимодействие между роботами без участия человеческих операторов демонстрирует высокую скорость коллективного осмысления поставленной задачи! Они соотнобразуют на порядок быстрее, чем я бы вводил команды!

— Сектор «Г», алгоритм стабилен! Наш «Узел» начинает самостоятельный процесс изготовления роботизированного образца на автоматической производственной фабрике. Продолжаю наблюдение, буду информировать!

— Сектор «Д», сеть успешно обменивается данными по всей своей протяжённости!

Доклады продолжали поступать, но Сеченов уже не слушал. Он снял наушники и устало откинулся в потёртом кресле. Это победа. «Коллектив 1.0» запущен и успешно функционирует. Десять долгих лет ушло на то, чтобы дерзкие планы, записанные огрызком карандаша на оборотной стороне инструкции по применению плохонькой лабораторной горелки, превратились в торжество научной реальности. Нейросеть кибернетических механизмов работает, работает устойчиво, и эффективность её работы на порядок

повышает эффективность аналогичного по функциям людского персонала.

С этой минуты на «Предприятии 3826» наступило будущее. Вскоре оно наступит на всей территории СССР, а также и во всём мире. Провода и кабели, соединяющие мозговые устройства, более не нужны. Роботы обмениваются меж собой информацией через волновые колебания полимеров, и волновая активность полимеров в районе действия роботов составляет согласованно действующую единую сеть. Это и есть коллектив. «Коллектив 1.0»!

Да, конечно, ещё не все проблемы решены окончательно. Массив роботов, действующих в заданном районе, имеет высокую полимерную волновую активность. Но между собой волновые массивы, разнесённые на значительное расстояние, взаимодействовать не могут. Зона ответственности одного «Узла» велика, но не бесконечна. Поэтому связь с «Узлами» приходится поддерживать при помощи радиоволн и радиостанций. Но это не навсегда. Раз сегодня мы достигли победы, значит, завтра же замахнёмся на покорение следующей, ещё большей высоты! «Коллективу» необходима более мощная командная единица, способная объединять «Узлы» на целых континентах! И в этом нет ничего невозможного, если вынести такие командные единицы в космос, на земную орбиту! Вот они, первые, но уже не робкие шаги на пути в космос!

— Товарищи! — Сеченов поднялся. — Друзья! Соратники! Поздравляю вас с успешным запуском «Коллектива 1.0»! С успешным, с настоящим шагом в светлое будущее! С шагом в светлое настоящее!

Человеческий персонал заплодировал, обмениваясь друг с другом радостными репликами, и кибернетические сотрудники внезапно остановились. Они все как один уставились на Сеченова и тоже заплодировали. Сеченов перевёл взгляд на профессора Лебедева, с хитрой улыбкой колдующего над центральным пультом.

— Алексей Владимирович! — укоризненно нахмурился учёный. — Не прерывайте испытательный процесс. Я уже подумал, у нас сбой.

— Я тут ни при чём, — довольно улыбнулся Лебедев. — У нас же голосовое управление. Сеть проанализировала ваши слова и самостоятельно приняла решение присоединить-

ся к аплодирующим. Сработал наш алгоритм логического анализа и самообучения. Отличный результат! Пусть сугубо косметический, зато мы только что убедились, что система способна анализировать полученную информацию и адаптироваться к действиям влияющего на неё человека! Блестяще!

— Полностью с вами согласен, дорогой коллега! — Сеченов обернулся к аплодирующим роботам: — Работайте уже! Аплодисменты не должны быть долгими!

«Коллектив 1.0» сделал выводы, и киберперсонал продолжил выполнение поставленных задач. К исходу назначенного времени сеть идеально справилась со всеми порученными ей тестами и была переведена в повседневный режим. Отныне «Коллектив 1.0» будет функционировать всегда, без перерывов, выходных и остановок.

Вечером по поводу успешного запуска сети был устроен торжественный фуршет, и как всегда задержавшийся в лаборатории Сеченов нашёл актовый зал заполненным улыбающимися людьми, обсуждающими в разновеликих компаниях открывшиеся перед наукой перспективы.

— Дима! Вот ты где! — От группы научных сотрудников отделился Захаров с двумя бокалами в руках и направился к нему. Следом за учёным шла молодая привлекательная девушка в комбинезоне НИИ мозга «Предприятия 3826» с фужером шампанского.

— Угощайся! — Харитон протянул Сеченову бокал. — Знакомься: это Филатова Лариса Андреевна, моя аспирантка, перспективный нейрохирург и большой знаток твоих научных трудов!

— Мне только двадцать четыре, — смутилась Филатова. — Определение «большой знаток» применительно ко мне звучит слишком громко. Но я полна решимости принести науке реальную пользу!

— Похвальное стремление, товарищ Филатова! — улыбнулся Сеченов. — Приятно видеть целеустремлённую молодёжь! Ведь за вами будущее! И только от вас зависит, каким оно станет!

— Предлагаю тост! — воодушевлённо изрёк Захаров. — За будущее! За торжество науки! За «Коллектив 2.0»!

— За «Коллектив 2.0»! — поддержал его Сеченов.

Хрустальные бокалы мелодично звякнули, соприкасаясь, и Сеченов поинтересовался у Филатовой:

— Над чем работаете, Лариса Андреевна?

— Пытаюсь быть полезной Харитону Радеоновичу, — шутила девушка. — Пишу диссертацию по теме «Нейрохирургия и бионика полимерных сетей».

— Я привлёк её к нашим разработкам, — объяснил Захаров. — Она показала максимальную степень увлечённости поставленной задачей, для меня это основной критерий. Я поручил ей изучение реакций головного мозга как индивидуальности на различные попытки объединения в единую общность с другими элементами предполагаемой сети.

— Непростая задача даже для умудрённого опытом учёного, — оценил Сеченов.

— Я не боюсь трудностей! — с жаром воскликнула Филатова. — Напротив, я считаю, что истинная наука рождается исключительно в процессе решения сверхсложных задач. И ваш пример тому наглядное подтверждение!

Она сделала изумлённые глаза и воскликнула:

— Создать полимеры! Это же фантастика! Но вы решили эту невероятную задачу в одиночку! А ведь до сих пор мало кто сумел понять принципы полимеров полностью!

— Полимеры — это вчерашний день, — улыбнулся Сеченов. — Это лишь ступень на бесконечной лестнице научного прогресса. Высокая, но всё же лишь ступень. Нейрополимеры! Вот за чем будущее!

— Это потрясающе! — Глаза Филатовой пылали жадой свершений. — Я счастлива, что мне повезло стать частью этого уникального проекта! А поначалу, будучи студенткой, я даже не понимала, как нейрохирург вообще смог изобрести то, что, по логике, должен был изобрести химик! Я тогда ещё не знала, что вы ещё и доктор химико-биологических наук и даже механики!

— Химия и биология были объединены в рамках «Предприятия 3826» уже после создания полимеров, — поправил её Захаров. — Но без нейрохирургии Дмитрий Сергеевич вряд ли бы совершил своё уникальное открытие.

— Совершенно верно! — подтвердил Сеченов. — Я создавал полимеры, основываясь на принципах работы мозга. Но мозг — это уникальная природная конструкция, сложнейшая из всего нам известного! Воссоздать мозг невозможно и станет возможным ещё не скоро. Поэтому полимеры гораздо проще и гораздо массивней, если речь идёт об объ-

единении их в единую сеть. Но именно объединившись они приобретают характерные для мозга возможности! И если эти возможности придать человеческому разуму, его потенциал станет огромен! А если же возможности эти придать не одному разуму, а сразу всем людям на планете и объединить их в единую сеть? Вы только представьте, каких высот человечество сможет тогда достичь!

— Невероятно! — восхищённо выдохнула Филатова. — И это действительно реально?

— Абсолютно! — веско заявил Сеченов. — Уже сейчас полимеры являются уникальным по своим свойствам носителем информации. При этом они излучают волновую активность, позволяющую им поддерживать связь между собой на определённом расстоянии. Однако человек воспользоваться этой связью не может, потому что природа волновых излучений полимеров является для нас загадкой. Чтобы передать полимерам некую информацию, мы воздействуем на них электрическими сигналами, упорядоченными обычным двоичным кодом. То есть нам всегда необходимо сопрягающее электронное оборудование, этакий посредник, передающий полимерам наши данные и вводные.

Учёный сделал глоток и продолжил:

— Именно это и есть вчерашний день. Якорь, не позволяющий нам устремиться в свободное плаванье! Ведь человеческий мозг также имеет волновую активность. Значит, теоретически волновая активность мозга и волновая активность полимеров могут сопрягаться друг с другом. Но если человеческий мозг неизменен и потому не может излучать волны, подходящие для контакта с полимерами, то изменить полимер в нашей власти! Необходимо создать такой полимер, волновая активность которого будет совпадать с волновой активностью человеческого мозга! Это и есть нейрополимер! Вещество, способное получать от человеческого мозга команды напрямую, то есть стать с нашим мозгом единым целым, только находящимся на расстоянии. Это и станет «Коллективом 2.0» — людьми и роботами, объединёнными нейрополимерами в единое целое. Все знания мира будут в распоряжении любого члена данной сети в любой момент времени. Надо лишь понять, как создать такой полимер.

Москва, Кремль, кабинет Сталина, срочное
правительственное совещание

Февраль 1947 г.

— Это заявление США распространили по дипломатическим каналам два часа назад. — Молотов держал в руках лист бумаги с коротким абзацем печатных строк.

Такой же документ находился перед каждым из высших должностных лиц Советского Союза, сидящих за длинным столом рабочего кабинета вождя народов. Возглавляющий совещание Сталин держал свой экземпляр в руке и молча вчитывался в его содержание.

— За тридцать минут до этого президент США выступил по телевидению с обращением к нации, — продолжил Молотов. — Текст выступления полностью приведён ниже, но смысл тот же: США официально сообщают о наличии в своём арсенале ста атомных бомб, подобных тем, что уничтожили Хиросиму и Нагасаки. Эти бомбы будут использованы для обеспечения национальной безопасности США, при этом Штаты оставляют за собой право нанесения превентивных ядерных ударов по государствам, ведущим разрушительную политику по отношению ко всему свободному и демократическому миру.

— Выразиться прозрачнее невозможно, — скривился генерал-лейтенант Хрущёв. — Нас пугают ядерной войной. И когда эти мерзавцы её начнут?

— На этом заявление президента США закончилось. — Молотов покосился на молчащего Сталина, но тот не отреагировал. — Официально нам никто ничего не объявлял. Но сразу несколько различных дипломатических источников передали нам информацию об ультиматуме, готовящемся Штатами в настоящее время. Согласно этим данным, ультиматум включает в себя требования о немедленном и безоговорочном самороспуске Советского Союза и полном отказе от коммунизма государствами, которые образуются на территории бывшего СССР.

— Когда нам его предъявят? — поинтересовался Хрущёв.

— Если наши источники верны, то не позднее девятого мая, — ответил Молотов.

— Символично. — Хрущёв вновь зло скривился. — Вот же сукины дети!

ХАРАЛЬД ХОРФ

АТОМИС НЕЯТ

— Партия, — заговорил Сталин, и взгляды всех присутствующих переместились с Молотова на вождя народов, — хочет знать, в каком состоянии находится программа изготовления советского атомного оружия. Мы создали нашим учёным все условия. Пришла пора предъявить результаты.

Вождь народов посмотрел на Молотова:

— Товарищ Молотов! Как куратор «Предприятия 3826», доложите нам, что Советский Союз может противопоставить мировому империализму?

— На первое мая запланирован запуск в космос первого искусственного спутника Земли! — доложил Молотов. — Советский Союз впервые в мире выйдет за пределы планеты. Кроме того, через двое суток запланировано испытание водородного заряда минимальной мощности на полигоне «Предприятия 3826» на Новой Земле. Мы рассчитываем, что оно пройдёт успешно.

— И как это поможет Советскому Союзу, — Сталин посмотрел на Молотова в упор, — избежать нависшей над ним угрозы?

— Руководитель «Предприятия 3826» академик Сеченов, — Молотов позволил себе едва уловимое раздражение в голосе, — никогда не упускает возможности намекнуть на некомпетентность моих людей, осуществляющих проверки, и мою лично. Товарищ Сеченов всячески уклоняется от личного присутствия на подобных мероприятиях, хотя мы не проводим их чаще чем раз в месяц, согласно уставу «Предприятия 3826». Ответы на все наши вопросы он даёт в максимально усложнённом виде, представляющем собой сплошной набор формул и графиков. Эти ответы доступны для понимания только сотрудникам «Предприятия 3826». Считаю это скрытой формой саботажа, направленного против деятельности Особой комиссии, которую я возглавляю!

Молотов краем уха уловил сдавленный смешок Берия и продолжил:

— В отчётах другим ведомствам товарищ Сеченов не утруждает себя даже столь запутанным научным объяснением. Им он просто шлёт какие-то даты, которые никто не проверял. — Он вновь посмотрел на вождя народов: — Товарищ Сталин! Я предлагаю вызвать академика Сеченова на прямую связь и задать этот вопрос непосредственно ему!

Сталин переглянулся с Берией, посмотрел на Хрущёва, после чего произнёс:

— Вызовите товарища Сеченова на линию правительственной связи.

Сеченов оказался на линии спустя полминуты, словно ждал этого звонка. Молотов скрыл недовольную гримасу. Наступить на хвост этому заносчивому зазнайке было бы очень хорошо! Но сейчас, к сожалению, не время для этого. Страна вновь на пороге гибели, и Сеченову прощается всё.

— Товарищ Сеченов, — негромко поинтересовался Сталин, прикладывая к уху трубку телефона правительственной связи, — вам известно о заявлении, сделанном президентом США два часа назад?

— Да, товарищ Сталин! — Мембрана телефона имела повышенную чувствительность, и голос Сеченова, звучащий в трубке, звучал громко и отчётливо. — Отдел секретной и правительственной связи сообщил мне сразу после выхода в эфир этого обращения! С того момента и до сих пор множество учёных зарубежных стран пытаются выйти на связь с нами и предупредить о надвигающейся беде.

— Что Советский Союз может противопоставить атомной угрозе? — спросил Сталин.

— Клины клином вышибают, — безрадостно вздохнул Сеченов. — Американцев ждёт крайне неприятный сюрприз... как и весь мир. Мы держали все разработки в строжайшей тайне, следуя вашему приказу, но я могу лично изложить всё в деталях.

— Приезжайте в Москву, товарищ Сеченов. — Вождь народов удовлетворённо кивнул, видимо, своим собственным мыслям. — Коммунистическая партия и советский народ ждут помощи от своих учёных.

— Они её получают, товарищ Сталин! — уверенно заявил Сеченов.

Сталин коротко попрощался, повесил трубку и обвёл всех невозмутимым взглядом:

— Перейдём к следующему вопросу.

Спорить никто не стал, и Молотов мысленно возмутился. Коба слишком сильно верит в это «Предприятие 3826» и слишком сильно доверяет Сеченову! Этому заносчивому академику прощается всё! Любые его слова Сталин воспринимает без доказательств! Да, Сеченов ещё ни разу не под-

вёл, но это ничего не значит! На него возложена ответственность столь огромная, что если он подведёт, то наказывать будет уже поздно! Всего лишь учёному, пусть даже самому гениальному в мире, подобное влияние на вождя народов не по чину! Как бы у академика Сеченова не появились не те амбиции! А ведь он возглавляет медицинский консилиум, следящий за здоровьем Сталина!

Что ж, хорошо. Пока угроза атомной бойни не устранена, пусть всё остаётся так, как есть. Но после того как проблема будет решена, он подбросит идею относительно возможных амбиций Сеченова главе КГБ Берии. Если, конечно, Берия сам не успел прийти к такому же выводу. К сожалению, пока Коба верит в Сеченова, ничего кардинального с ним сделать не получится, но усложнить спесивому академику жизнь давно пора.

США, Лэнгли, штаб-квартира ЦРУ
9 Мая 1947 г., 09.55, время местное

Генерал Грант бежал по длинному коридору, сжимая в руке секретное донесение, и встречные сотрудники управления провожали его удивлёнными взглядами. Но генералу было не до таких мелочей. Президент уже покинул Овальный кабинет и готовится выйти в зону пресс-конференций, чтобы на весь мир предъявить Советам ультиматум. Его нужно остановить до того, как станет поздно, иначе последствия окажутся непредсказуемыми вплоть до самых катастрофических.

Всё началось два месяца назад, в конце февраля, когда американские подводные лодки, шпионящие за секретным полигоном СССР на Новой Земле, зафиксировали первые подозрительные сейсмические колебания. Советы на этом бесполезном и голом клочке земли, находящемся посреди ледяного и никому не нужного океана, испытывали свои ракеты и прежде, но в тот раз тектоническая активность была особенно велика. Но на атомные испытания это было похоже лишь очень приблизительно, взрывам не хватало мощности для полноценного заряда, способного разрушить целый город, как это было в Японии.

Грант тогда удвоил количество шпионских подлодок и самолётов, рыскающих в нейтральном пространстве в рай-

оне Новой Земли. После этого аналогичные сейсмические колебания фиксировались ещё трижды, с периодом в две недели, и это сбило с толку аналитиков Гранта. Они посчитали, что ядерные испытания не могут проходить так часто и иметь недостаточную мощность. Был сделан вывод об испытаниях Советами новых ракет или сверхмощных, но всё-таки обычных авиабомб.

Именно это и стало ошибкой. Ему стоило догадаться обо всём неделю назад, первого мая, когда СССР в торжественной обстановке, с пафосом на весь мир, запустил в космос первый искусственный спутник. Это событие всколыхнуло весь научный мир и добрую половину планеты. Все желали увидеть чудо советской науки, и СССР показал миру спутник сразу после его приземления. Вот в этот момент Советы усыпили его бдительность! Спутник был слишком мал, чтобы его стало возможно применить в качестве серьёзного оружия. И Грант расслабился. Как только что выяснилось, очень зря!

Сегодня, девятого мая, запланирован ультиматум Советам. Ещё за два дня до этого СССР объявил о запуске второго искусственного спутника Земли, на который будет возложена некая «особая миссия». Советы заранее опубликовали точное время старта, маршрут, высоты, на которых будет пролетать спутник, и даже частоты, на которых он станет подавать сигнал. Все желающие отслеживали этот запуск с первых секунд, и желающих этих нашлось огромное количество: государственные обсерватории, научные институты, военные радары, астрономы-любители, радиолюбители и так далее! В Белом доме посчитали, что таким способом Советы пытаются отвлечь мировое внимание на свою зачаточную космическую программу и сорвать предъявление ультиматума.

И это тоже оказалось ошибкой. Советский спутник номер два стартовал точно по заявленному графику, вышел в космос и дважды обогнул планету, непрерывно подавая радиосигнал своего маяка. Едва ли не весь мир наблюдал за этим, особенно в тот момент, когда спутник пошёл на снижение, пролетел через всю территорию США на высоте пятидесяти километров, вернулся в восточное полушарие и начал падать в направлении Новой Земли. Мировой электорат восторженно следил за теле- и радиокомментаторами,

в режиме реального времени ведущими репортажи из крупнейших мировых обсерваторий, но мировая политическая элита ожидала другого. Все знали, что США не пошли на поводу у Советов и предъявление ультиматума состоится точно согласно заранее объявленному графику, секунда в секунду.

Грант добежал до офиса Даллеса и ворвался в него, игнорируя бросившегося к нему референта.

— Генерал Грант? — Даллес удивлённо поднял брови. — Что...

— Нужно срочно остановить объявление ультиматума! — перебил его Грант, выдыхая. — Советы только что взорвали водородную бомбу! Она была на борту спутника и только что взорвалась на их полигоне «Новая Земля»! СССР вёл запись, вскоре её начнут распространять! Я получил информацию от своей агентуры: у русских десятки таких спутников, способных дважды долететь до любой точки на территории США! И каждый из этих спутников несёт в себе водородную бомбу мощностью в полсотни килотонн! Три минуты до начала пресс-конференции!

Даллес рванул со стоящего на столе аппарата государственной линии трубку и выпалил на одном дыхании:

— Это замдиректора ЦРУ Даллес! Срочно остановите президента! Он не должен начать читать ультиматум! И дайте ему трубку! Это вопрос войны и мира!!! Сделайте это! Немедленно!

Он развернулся к телевизору, на экране которого уже транслировалась президентская трибуна. Грант проследил его взгляд. Президент был в дверях, когда его догнали и развернули назад. Это вызвало бурю фотовспышек и целый хор репортёрских голосов, комментирующих это событие.

— Господин президент! — заговорил в трубку Даллес. — Сэр! У Советов есть водородные бомбы! Они поставили их на спутники! Мы в любой момент можем подвергнуться массовой ядерной бомбардировке с орбиты!

Несколько секунд Даллес объяснял президенту положение дел, потом повесил трубку и отёр выступивший на лбу пот:

— Успели! Генерал Грант, Америка многим вам обязана, пусть и не догадывается об этом, но сегодня вы спасли страну в буквальном смысле!

На телеэкране появился президент и как ни в чём не бывало занял место за трибуной.

— Леди и джентльмены, прошу прощения за заминку, — весело заявил он. — По дороге сюда у меня отвалилась запонка! Но наши brave спецслужбы спасли меня от неловой ситуации!

Невидимые со стороны телезрителя репортёры и операторы засмеялись, и президент стал серьёзным.

— Леди и джентльмены! — повторил он официальным тоном, повышая голос на полтона. — Граждане Соединённых Штатов Америки и всего мира! Сегодня, девятого мая, в день шестнадцатой годовщины победы над фашизмом, я, как президент США, считаю своим долгом поздравить с этим праздником всех наших союзников по антигитлеровской коалиции! Почтить память всех тех людей, отважных мужчин и женщин, кто пожертвовал жизнью ради нашего будущего, ради мирного неба над нашими головами, ради счастливого детства наших детей!

Президент вперил в камеру суровый взгляд:

— Уже неоднократно до меня доходили слухи о каких-то ультиматумах, которые якобы должны поставить крест на мирной жизни наших многострадальных народов и так далее! Ответственно заявляю: кто бы ни распространял эту грязь, он не добьётся своей подлой цели! Врагам не разрушить узы совместно пролитой в тяжёлых боях крови и скрепы жестокой борьбы за выживание, возникшие во время чудовищной эпидемии, связывающие всех нас! Мы не для того объединились в Организацию Объединённых Наций, чтобы позволить тем, кто желает нового кровопролития, ввергнуть планету в пучину войны! Пусть тайные разжигатели новой бойни услышат меня: нас не разъединить!

Президент сделал паузу, и его суровый взгляд потеплел:

— Поэтому сегодня я поздравляю с праздником всех людей этой планеты! Весь мир! Всякое государство! Да пребудет с вами мирное небо, счастье и благодать Господа!

Даллес выключил телевизор и хмуро скривился:

— Как мы пропустили эту чёртову водородную бомбу русских и их чёртов спутник? Мы же должны были быть в космосе первыми!

— Не знаю, сэр! — столь же хмуро ответил Грант. — Но обязательно выясню! Мои люди достали запись, которую

Советы вели с первых секунд подготовки к запуску второго спутника. Завтра она будет здесь!

Запись действительно доставили в Лэнгли спустя сутки, но к тому времени о ней знал каждый. Оказалось, что Советы транслировали её по телевидению на всю Европу, куда только мог дотянуться сигнал их вещания. Позже Грант изучил её поминутно, но во время первого просмотра она заставила его испытать шок.

Видеоряд начинался с того, как на «Предприятии 3826» выбирали спутник для запуска. Именно выбирали, потому что в громадных ангарах Байконура стояли десятки таких спутников. Все идентичны друг другу как две капли воды, что свидетельствует о массовости их производства конвейерным методом. Спутник был выбран каким-то инженером демонстративно произвольно. И это уже был не убогий металлический шарик с унылыми прутьями антенн, торчащих наподобие погрызенного мышами волана. В советских ангарах стояли десятки ракет, вдвое превосходящих печально известные «Фау-2».

Потом этот так называемый спутник под прицелами телекамер доставили на космодром и водрузили на ракету-носитель, ещё более огромную. Этот монстр взлетел, едва ли не исчезая в клубах огня и густого дыма, достиг заранее объявленной орбиты и сделал два витка вокруг Земли. Потом пролетел над территорией США, вернулся на территорию Советов и начал падать точно на Новую Землю. И вот тут произошло то, чего никто не ожидал. На высоте в полкилометра спутник полыхнул ослепительным огнём, превращаясь в атомный взрыв.

Советы снимали это с пяти разных ракурсов и дистанций, начиная с висящего в небе дрона и заканчивая телекамерами в двадцати километрах от эпицентра взрыва. И падение спутника, и взрыв его заряда были зафиксированы десятком камер, большая часть которых сгорела в ядерном огне, но, видимо, Советы не поскупились на километры провода, потому что все их записи уцелели. Или же у них есть новая технология видеосъёмки, которую ЦРУ ещё предстоит раздобыть. Все шпионские самолёты и подводные лодки зафиксировали факт взрыва, позже пришли подтверждения с сейсмических лабораторий и прочих научных объектов по всему миру. Будь проклято это их чёртово «Предприятие

3826» со всеми этими Сеченовыми, Королёвыми, Курчатовыми, Калашниковыми и прочими!

Генерал Грант печально вздохнул. Против такого оружия США выставить нечего. Пока нечего. Впрочем, насколько атомный арсенал Советов в действительности соответствует показанным кадрам, предстоит выяснить. СССР любит пропаганду. Но инстинкт подсказывает ему, что на этот раз атомная угроза Советов более чем реальна. Жаль, что раздавить коммунистическую гадину одним ударом не суждено. Но это ещё не конец. Вместо явной войны начинается война тайная, и война эта будет долгой, запутанной и жестокой.

Советский Союз, Германская ССР, Берлин, Центральный клинический госпиталь

Август 1948 г.

— Товарищ Штокхаузен! — В двери кабинета с табличкой «Главный эпидемиолог города Берлина Михаэль фон Штокхаузен» заглянула секретарша. — Вы просили напомнить, когда начнётся «Научный вестник»! До начала телепередачи осталось пять минут!

Она зашла в кабинет шефа, подошла к стойке с телевизором, нажала кнопку включения и пощёлкала переключателем, устанавливая нужный канал.

— Большое спасибо! — Сидящий за рабочим столом Штокхаузен вежливо улыбнулся.

Секретарша покинула помещение, затворив за собой дверь, и главный эпидемиолог отложил в сторону пачку отчётов, присланных из районных больниц. Никому не нужная рутинная работа, заключающаяся в регулярной сверке нескольких сотен одних и тех же показателей. Штокхаузен помнил их наизусть, и от того возня с ними была ещё более скучной. Тоска! Одно и то же изо дня в день на протяжении шести лет.

В целом ему однозначно повезло. Он выжил во время эпидемии, виртуозно замёл следы эсэсовского прошлого, начал новую жизнь и сделал стремительную карьеру. Советских медиков погибло много, поэтому врач-вирусолог, немец со знанием русского языка, оказался очень полезен во время проведения вакцинации от Коричневой чумы.

После войны Германия обезлюдела. Города стояли полностью пустыми. Уцелевшие крохи населения бежали в деревни, стремясь отгородиться от других людей и при этом обеспечить себя пищей и кровом. Ситуация в Европе, потрясавшей две трети населения, была ненамного лучше. И тут появляется советская вакцина! Разумеется, решение о вступлении в состав Советского Союза было единственно верным. Штокхаузен проголосовал за это в числе первых и, как врач-эпидемиолог, многое сделал для скорейшей популяризации этой идеи. В те месяцы его авторитет вырос очень сильно, что по сей день приносит свои плоды.

Можно было сделать политическую карьеру, возможно даже занять место в руководстве новоиспеченной Германской ССР, но он не стал рисковать. Если быть на виду, то какая-нибудь информация о его истинном прошлом может просочиться наружу. Вдруг кто-то что-то когда-то видел, слышал или читал... Никто ведь секретные подземелья нацистов так и не нашёл, но это было делом времени и желания. Там могли обнаружить кадровую картотеку СС, а в ней — дело унтершарфюрера Гольденцвайга с фотографией, поэтому лучше было соблюдать осторожность и не мозолить глаза толпе без особой причины. Осторожность превыше всего!

Идеально было бы уехать в захолустье. Однако фермерствовать, копаясь по колено в навозе, он не хотел, ибо считал это неблагородное занятие недостойным столь светлых умов, как собственный. Нужно было занять подобающее положение. Пусть не сразу, но как можно быстрее. Эпидемиологи стали не слишком нужны: Советы полностью победили Коричневую чуму, а других эпидемий в мире не осталось, разве только в Африке периодически возникали небольшие вспышки каких-то инфекций, но туда он точно не собирался. Он уже хлебнул горя во время эпидемии, переболев ею трижды, и впредь испытывать здоровье на прочность не был намерен.

На экране телевизора появился московский диктор и с по-коммунистически суровой торжественностью объявил о начале передачи «Научный вестник». Его изображение сменилось знаменитой на весь СССР заставкой с надписью «По заказу Академии наук Советского Союза» и эмблемой «Предприятия 3826». Судя по звуку музыкального сопрово-

ждения, доносящегося через стену, его секретарша тоже смотрит сейчас эту программу. Впрочем, «Научный вестник» смотрят все. Ну, в Германии-то уж точно. Всё-таки это самое настоящее окно, ведущее из нашего захолустья туда, где кипит жизнь и возникают новые веяния.

— Здравствуйте, дорогие товарищи! — голос диктора за кадром сочетался с воодушевляющим видеорядом с глобальных советских строек. Штокхаузен с первого взгляда узнал корпуса возводящейся Курчатовской АЭС. — Спешим ознакомить вас с текущим положением дел в советской науке! Наша редакция ежемесячно получает сотни тысяч писем, во многих из которых излагается просьба рассказать об истории возникновения тех или иных прорывных открытий, кардинально изменивших ход науки и будущее человечества! В частности, большой интерес вызывает история победы советских учёных над Коричневой чумой. Мы не могли не пойти навстречу советским гражданам, и потому сегодняшний выпуск будет посвящён именно этой трагической теме. Но сначала по традиции ежемесячный отчёт о текущих успехах прогрессивной советской науки!

На экране пошли кадры из сборочных цехов кибернетических фабрик «Предприятия 3826», изготавливающих роботов в режиме реального времени, и Штокхаузен невольно залюбовался показанным крупным планом конвейером. Воодушевляющее зрелище! Кругом идеальная стерильность и скрупулёзный порядок! Длинная вереница кибернетических корпусов движется по конвейерному пути, укреплённая на блестящих нержавеющей сталью подвесных крановых балках. Десятки манипуляторов синхронно сходятся и расходятся, привинчивая, приваривая и приклёпывая к корпусам те или иные детали, и по мере продвижения конвейера эти корпуса с каждым метром обретают всё более узнаваемые черты известных всему миру кибернетических механизмов!

Вид из сборочного цеха сменился видом из окна огромного стеклянного корпуса научно-конструкторского бюро. На заднем плане, сквозь стеклянную поверхность футуристического купола, накрывающего научное КБ, хорошо виднелась громада автоматизированной фабрики, окружённая цветущим садом, купающимся в лучах летнего солнца. На переднем плане за сверхсовременным рабочим местом, на-

пичканным электроникой и светящимся множеством приборных панелей, в роскошном кресле восседал строгий молодой человек в научном комбинезоне «Предприятия 3826». Сосредоточенный взгляд специалиста скользил по показаниям приборов, но руки его свободно лежали на широких удобных подлокотниках.

Камера сменила ракурс, выхватывая висящий вдалеке в небесной выси «Гриф», затем ещё один, и ещё, показывая зрителю целую сетку «Грифов», после чего сфокусировалась на «Узле», парящем над всем этим на ещё большей высоте. К сосредоточенному молодому специалисту подошёл кибернетический лаборант, поставил на столик рядом с креслом бутылку «Нарзана» и изящный бокал с соломинкой и удалился. Весь видеоролик был идеально срежиссирован таким образом, что у зрителя не оставалось никаких сомнений: всю сложную и тяжёлую работу выполняют машины и новейшая электроника. Человек же держит всё это под контролем, ибо именно от его воли зависит всё, что делает сложнейшая техника.

Штокхаузен прислушался к голосу диктора:

— ...Робототехника в СССР достигла значительного прогресса! Высочайшие результаты, которых советская промышленность добилась за последние годы, невозможно умалить! Могучие гидроэлектростанции на Днепре, Волге и Енисее! Полностью роботизированные шахты Кузбасса и Донбасса! Взрывной рост кибернетизированного сельского хозяйства на Черноземье и Причерноземье! Единая всесоюзная сеть научной и социальной связи «ОС Демос», которая вскоре объединит даже самые глухие уголки бескрайних территорий Советского Союза! Всё это сделало СССР безусловным лидером мировой науки!

Изображение научного города-сада сменилось изображением огромных «Кондоров-4». Исполинские аэроплатформы, гружённые упакованными в стандартные киберконтейнеры гражданскими роботами, величественно плыли по небу.

— По просьбам множества стран — участниц ООН, — продолжил диктор, — Советский Союз начал массовые поставки гражданских роботов за рубеж! Авторитет советской науки, спасшей мир от Коричневой чумы, не подлежит сомнению даже в странах капиталистического мира! Понёсшие ужасающие потери в результате фашистской эпидемии стра-

ны покупают советских гражданских роботов с нескрываемым энтузиазмом. И это абсолютно правильное решение! Качество и уровень жизни в странах, импортирующих советских роботов, резко возросли! Этот рост, происходящий прямо на глазах у скептиков, является лучшим доказательством наших возможностей и стимулирующим фактором для сомневающихся стран!

Видеоряд вновь сменился, на этот раз на экране демонстрировался научно-технический консилиум в одной из европейских стран. Вместительный конференц-зал был заполнен местными учёными и инженерами, перед которыми выступали советские специалисты с лазерными указками в руках. Учёные из СССР разъясняли особенности эксплуатации тех или иных гражданских роботов, плакаты и слайды с устройством которых присутствовали вокруг в изобилии.

— Наши зарубежные партнеры, — сообщил за кадром диктор, — неоднократно высказывали желание обучаться в СССР. Начиная со следующего года в высших учебных заведениях Советского Союза стартует экспериментальная программа повышения квалификации зарубежных специалистов. Этот жест доброй воли доказывает, что наша Родина всегда готова протянуть руку помощи каждому, кто в ней нуждается, независимо от его политических взглядов. Однако приоритетом советской системы образования является подготовка собственных высококвалифицированных научных и технических специалистов. Указом Министерства образования в этом году были увеличены квоты на внеконкурсное поступление молодёжи из союзных республик в главные ВУЗы страны, в том числе Московский, Ленинградский, Минский, Киевский и Рижский Государственные Университеты — кузницы кадров для легендарного «Предприятия 3826».

Диктор продолжил вещать об успехах советской робототехники, и Штокхаузен невольно ухмыльнулся. Кузницы кадров! Берлинского университета в этом списке, разумеется, нет. Понятное дело! Кому нужен со всех сторон устаревший захолустный ВУЗ, давно превратившийся в сельскохозяйственный институт? Во всей Германии это, пожалуй, единственный университет, чьи студенческие группы укомплектованы полностью. Да и то лишь потому, что в нём учит-

ся едва ли не вся германская молодёжь. Те, кто хочет сделать серьёзную карьеру, всеми силами стараются уехать в РСФСР или хотя бы в Ригу, она ближе.

Здесь, в Германии, наукой заниматься некому. Население мизерно, и после эпидемии почти каждый немец от безысходности стал землевладельцем. После вступления страны в СССР землевладельцы перешли в статус земельных арендаторов, но сути это не поменяло: они продолжили держаться за свою землю и сосредоточились на сельскохозяйственной деятельности.

Тем временем диктор перешёл к теме Коричневой чумы, и на экране пошли кадры различных хроникальных материалов, посвящённых борьбе с эпидемией и расследованиям её причин. Всё это по долгу службы Штокхаузен видел и слышал многократно, посему внимал телеэкрану вполуха, погружившись в раздумья. Был бы он помоложе, то обязательно попытался добиться включения себя в те самые квоты на обучение в Москве. Но в его положении квоты бесполезны. Ему тридцать пять, он доктор наук, в университетах ему учиться незачем, разве только преподавать.

Но обучать малолетних совсем неинтересно. Первая половина суток будет проходить в здании университета в лекциях, зачётах и экзаменах. Вторая половина суток будет похоронена в домашнем кабинете, где придётся до ночи готовить для всего этого учебные планы, составлять методички, писать отчёты и возиться со студентами, особо тупыми или особо одарёнными — без разницы. Нет, это не то. Здесь каторга тоскливая в силу скуки и бездеятельного однообразия, а там будет каторга заполощённая и психологически выматывающая. Как говорят русские, шило на мыло...

Слух уловил что-то важное, и Штокхаузен сконцентрировал внимание на телевизоре.

— После многих лет расследования, — вещал диктор сухим голосом, — мы точно знаем, откуда началась зловеющая Коричневая чума! На ваших экранах секретный НИИ нацистов, в котором была создана и выпущена на свободу безжалостная эпидемия!

Здание своего НИИ Штокхаузен узнал сразу. После войны в нём шли какие-то следственные действия, как и во всех институтах и общественных зданиях. Позже НИИ закрыли и опечатали, объявив архивной собственностью КГБ.

Но о том, что в подземных лабораториях всё это время шло расследование, нигде не сообщалось.

— Вот здесь, именно в этих стенах, нацисты приняли решение уничтожить себя и весь мир! — обличительно заявил диктор.

На экране демонстрировался самый нижний подземный этаж, в одном из двух крыльев которого находился шестой отдел. Но вместо бактериологических лабораторий камера почему-то показывала онкологическую лабораторию доктора Циммермана.

— Первыми жертвами эпидемии стали её создатели! — объяснил диктор. — Они сознательно обрекли на смерть не только себя, но и всех своих людей, всех немцев и весь мир! Долгое время люди, работавшие здесь, ни о чём не догадывались! Будучи заражены, они спокойно возвращались с работы домой, общались со своими домашними, с друзьями на улицах, с соседями в кафе и магазинах. Инфекцию распространяло с дождями и ветром, переносили домашние животные и питомцы. Суицидальные фанатики сами занесли её на свои секретные подземные заводы и склады. Это математически доказанный факт! После того как чума начала убивать, у заражённых гитлеровцев было не более тридцати секунд, чтобы взорвать свои подземелья. Из того, что они успели это сделать, неминуемо вытекает неоспоримый факт: гитлеровцы знали обо всём с самого начала и заранее рассчитали время начала терминальной стадии!

Диктор сделал многозначительную паузу:

— Подлые и трусливые фашисты не только не пожалели собственный народ, но специально лишили шанса выжить даже своих соратников! Секретные подземные тоннели были взорваны по всей протяжённости именно для того, чтобы никто из тех, кому вдруг посчастливится выжить, не сумел спастись! И оголтелые фанатики, бесспорно, добились этого! Такая же судьба была уготована гитлеровцами всему миру! Но советская наука сорвала фашистские планы! В условиях ужасающей эпидемии, стремительно пожирающей Европу, выдающие учёные умы СССР под руководством профессора Сеченова и профессора Захарова создали уникальную вакцину, положившую конец Коричневой чуме!

На экране появилась принципиальная схема алгоритма действия полимерной вакцины, и диктор принялся объяснять:

Полимерная вакцина стала не просто обычным антивирусом, подавляющим его активность! Это уникальное решение! Полимерный антивирус заставлял вирусы, составляющие ядро инфекции, убивать друг друга! И происходило это мгновенно! Как только вакцина попадала в инфицированный организм, она инициировала моментальное разрушение стопроцентного количества вирусов, вне зависимости от стадии, в которой они находились! Уникальность антивируса в том числе заключается в наличии механизма дистанционного воздействия! Носитель антивируса является его разносчиком! Это эпидемия для эпидемии! Заражение, которое уничтожило заражение, оставаясь при этом абсолютно безопасным для носителя! И это может подтвердить каждый житель Европы! Выжили только те, кто успел сделать прививку, и в немалой степени у них хватило на это времени именно потому, что, оказавшись рядом с теми, кто уже был вакцинирован, больные были защищены от начала терминальной стадии!

Диктор продолжил объяснения, но Штокхаузен его уже не слушал, лихорадочно обдумывая полученную информацию. В таковом виде это, конечно, чушь, очередная пропаганда СССР. Но теперь, сопоставив всё, он понял, как это было на самом деле. Нацисты не выпускали Коричневую чуму. Он считал, что чума была создана в каком-нибудь другом секретном НИИ, где-нибудь в «Аненербе», находящемся в тех самых подземных тоннелях. Но это оказалось не так. В его НИИ о чуме никто ничего не знал. Он лично видел тела Шульца и Кляйна. Им не было никакого смысла умирать, если бы чуму выпускали они. А ведь именно им был бы отдан такой приказ! Как минимум Шульц бы укрылся на подземных водах заблаговременно! Да и Кляйн тоже. Вручили бы кому-нибудь нижнему чину СС склянку с чумой, ничего не объясняя, и приказали открыть, например, завтра в полдень. И всё было бы сделано точно и в срок, без лишних вопросов.

Нет, Коричневая чума не дело рук нацистских учёных. Кто именно её создал, можно догадываться только приблизительно. Но откуда она взялась в принципе — в этом у него теперь сомнений не было. Потому что механизм уничтожения инфекции был зеркален механизму уничтожения, по которому работала сама инфекция! С началом терминальной стадии у одного инфицированного вокруг умирали все

остальные, если находились близко! Именно так действовала вакцина! Зараза, умирающая в одном теле, блокировала запуск терминальной стадии у окружающих в определённом радиусе! После этого им делали инъекцию антивируса спокойно и без суеты, когда можно подвезти новую партию вакцин, если старая закончилась прежде, чем были привиты все нуждающиеся.

Вакцину создали там же, где была создана сама чума! Наверняка противоядие существовало с самого начала, и именно потому Советы и решились создать эпидемию! Они не успевали разбить гитлеровцев до начала атомной войны. Просто что-то пошло не так, и работы над антивирусом затянулись. Скорее всего, вирусы просто мутировали, такое случается всегда, и антивирус оказался бесполезен. Пришлось срочно переконструировать его, исходя из изменившихся реалий. Всё стало на свои места: страна, первая победившая эпидемию, смогла осуществить это потому, что сама же её и создала. Всё необходимое у СССР имелось сразу, оставалось лишь доработать нестыковавшиеся детали, и вакцина готова!

Несколько минут потрясённый Штокхаузен молча смотрел на экран телевизора, пафосно вещающий о победах советской науки. Браво, товарищ Сеченов! Гениально придумано и неплохо воплощено в жизнь! С другой стороны, а что это меняет? Ну догадался обо всём какой-то провинциальный доктор наук, и что? Где доказательства? И что делать с этими догадками даже с доказательствами? Обнародовать? Опротестуют и немедленно подготовят стопицот опровержений. Наверняка они давно заготовлены на всякий случай. Поверят ему или нет — насколько это важно?

Важнее — как долго он сам проживёт после этого! КГБ будет охотиться за ним везде, ЦРУ станет использовать в своих интересах, и он станет безвольной марионеткой в руках США. Вся жизнь пройдёт в страхе, в вечных попытках спрятаться, под круглосуточным наблюдением спецслужб. Это если убийцы КГБ до него не доберутся. Самое время вспомнить слухи о мифическом отряде «Аргентум», который якобы есть где-то в недрах КГБ, отвечающих за охрану «Предприятия 3826». Даже если всё это враки и сплетни, дыма без огня не бывает. Не эти, так другие убийцы КГБ с ним разберутся, уточните у Троцкого, если что!

Нет, такая славная перспектива ему не нужна. Разумнее действовать по принципу, который его ещё ни разу не подводил: хочешь жить хорошо — будь с теми, у кого сила! Сила сейчас у Сеченова, к нему даже сам Сталин относится благосклонно! Но самое главное заключается в том, что не нацисты создали Коричневую чуму. Это значит, что там, где надо, об этом знают. Стало быть, КГБ не будет перетряхивать посекундно жизнь какого-то провинциального доктора-вирусолога Михаэля фон Штокхаузена, подозревая его в возможной работе на нацистов во время создания ими чумы.

А это всё меняет! Надо предпринять попытку устроиться на «Предприятие 3826»! Вот где истинные перспективы! Одного взгляда на кадры «Научного вестника» с лихвой хватает, чтобы возненавидеть этот престарелый кабинет! Там всюду электроника, кибернетика, роботы, сосредоточие научной мысли и карьерного роста! У них даже проводов нет на телефонных трубках и пультах управления!

Знаменитый «Коллектив 1.0» передаёт данные на расстоянии до трёхсот метров без проводов и радиостанций, благодаря волновым колебаниям, которыми полимерные сгустки связаны между собой. Да, большие объёмы данных пересылаются очень медленно, но маленькие, например письма, прилетают мгновенно! Будущее во плоти и во всей красе!

А мы тут каналы на телевизоре вручную переключаем и замены сгоревших радиоламп в приёмнике радиоточки ждём сутки! Сомнений нет: необходимо попытаться! Как говорят русские, чем чёрт не шутит? Вдруг получится! В СССР сейчас нехватка учёных, их сейчас везде не хватает, а тут ещё возникли все эти популярные социальные сети в «ОС Демос», или, как говорит молодёжь, «в Демосе». Интересы подростков всё менее стремятся к науке и технике, всё более смещаясь в плоскость виртуальных развлечений и связанного с ними шоу- и прочего бизнеса.

Штокхаузен взял чистый лист бумаги с угловым штампом Центрального клинического госпиталя и принялся аккуратным почерком писать по-русски:

«Главе «Предприятия 3826» тов. Сеченову Д. С. от тов. фон Штокхаузена Михаэля, главного вирусолога г. Берлин, Германская ССР. Заявление. Прошу Вас принять меня на

работу в «Предприятие 3826». Будучи доктором медицинских наук, я внимательно слежу за деятельностью возглавляемого Вами предприятия и весьма впечатлён достигнутыми успехами. Однако я убеждён в том, что помогать развитию советской науки гораздо эффективнее делом, нежели словом. Очень надеюсь, что смогу быть полезен научно-техническому прогрессу СССР в меру своих скромных сил...»

Он в несколько строк кратко изложил свои заслуги в борьбе с эпидемией, а также названия научных работ, статей и монографий, изданных в Берлине за эти годы. После чего закончил: «С уважением, д. м. н. Михаэль фон Штокхаузен». Дата, подпись.

СССР, район «Предприятия 3826»,
база отряда «Аргентум»
09.10

Укреплённый на ушной раковине телефон системы личной радиосвязи коротко зашипел, принимая зашифрованный сигнал, и негромкое шипение тут же сменилось голосом дежурного инженера:

— «Аргон», «Аргон», я «Центр»! Прием!

— Я «Аргон»! — откликнулся Кузнецов. — Слышу тебя хорошо.

— Чрезвычайное происшествие в Турции. Строительный киберотряд номер два перестал выходить на связь. «Гриф» не отвечает на запросы, рации живых специалистов отключены. Похоже на нападение или диверсию!

— Когда пропала связь с «Грифом»?

— Десять минут назад! — взволнованно объяснил дежурный инженер. — Мы пытались восстановить связь с отрядом по всем доступным каналам, но никто не отвечает! По инструкции нужно докладывать в КГБ через пятнадцать минут безуспешных попыток установления связи, но мы не стали ждать!

— Вас понял, «Центр»! — Кузнецов коснулся кнопки на часах, встроенных в перчатку левой руки, запуская отсчёт времени. — Вы приняли правильное решение. Приступаем к погрузке, конец связи!

Майор переключил рацию на отдельную частоту отряда и объявил:

— Внимание всем! Боевая тревога! Нападение на стройотряд в Турции! Сбор на аэродроме через пять минут! «Шмели» уже вылетели!

Тем, кто напал на строительный отряд, не повезло вдвойне. Во-первых, сегодня в рамках ведущихся испытаний «Аргентум» проводит учебно-боевые стрельбы из экспериментального оружия, и потому все бойцы в полном боевом находятся на испытательном полигоне.

Во-вторых, полгода назад комплекс «Челомей» изготовил экспериментальную модель реактивного военно-транспортного самолёта и направил её на испытания. Модель получила кодовое название «ДМР-1» — «Дальне-Магистральный Реактивный», первое поколение. Пока что «ДМР-1» имел четыре реактивных двигателя, дающих ему скорость тысячу километров в час, и мог перевозить лишь пять тонн груза. Но пройдёт несколько лет, и двигатели станут гораздо мощней. Вместе с ними возрастет грузоподъемность, и в каждом населённом пункте СССР будет свой аэропорт с самолётами, способными быстро домчать советского гражданина в любой уголок необъятной Родины.

Пока же «ДМР-1» успешно прошёл все первичные испытания и был отправлен на полноценные полётные задания. Одну из трёх таких моделей Кузнецов получил для нужд «Аргентума» два дня назад. И сейчас пара «Шмелей», к буксировочным тросам которых замысловатой гроздью прилепились бойцы «Аргентума», бодро несла отряд в зону аэродрома, расположенную за вышкой наблюдательного пункта испытательного полигона. Стоит поторопиться, иначе командир отряда рискует взойти на борт самолёта самым последним.

К моменту прибытия Кузнецова на борт «ДМР-1» уже грел двигатели, заранее запущенные бортовым компьютером. «Аргентум» в полном составе, за исключением Блесны, занял места в пассажирском салоне, и майор, увидев пустое кресло возле лейтенанта Нечаева, бросил на него вопросительный взгляд. Тот немедленно доложил:

— Блесна будет здесь через три минуты! Она в лаборатории нейрохирургии, ей проводили контрольное тестирование нового полимерного расширения!

— Доведёте до неё боевую задачу отдельно, товарищ лейтенант! — приказал Кузнецов и продолжил, внимательно осматривая своих бойцов: — Пятнадцать минут назад пропала связь с одним из кибернетических стройотрядов в Турции! Их «Гриф» не отвечает. Эти стройотряды Турция прибрела у СССР для строительства ГЭС. За прошедший год наши роботы отлично зарекомендовали себя на этой стройке, половина возводимых объектов уже находятся в стадии завершения. Кибернетический отряд номер два, который нас интересует, работает под контролем турецких инженерных специалистов, они совершенствуют свои навыки взаимодействия с роботами. Стройотряд принадлежит Турции, поэтому СССР не вмешивается в их действия и производит исключительно техническое обслуживание роботов. Но сейчас связи нет не только с «Грифом» киберотряда, но и с турецкими инженерами. Есть предположение, что на объекте была проведена диверсия или устроена провокация. Враги Советского Союза опять хотят показать всему миру, что наши роботы опасны. Нам предстоит разобраться со всем этим. (ше минуты до вылета!)

Кузнецов прошёл в пилотскую кабину и уселся в кресло. ДМР-1» был оснащён новейшим навигационным блоком бортовым компьютером последнего поколения. Самолёт был способен добраться до цели без вмешательства человека, но дублирующие органы управления в кабине имелись, в обязанности Кузнецова входило наблюдать за действиями бортового компьютера во время полётов. При необходимости живой пилот мог взять управление в свои руки любой момент, и на всякий случай майор решил этой возможностью не пренебрегать.

— «Аргон», я «Блесна»! — раздалось на частоте «Аргентума». — Я на месте!

Младший лейтенант Нечаева была единственной женщиной в отряде, и прямой боевой контакт с противником её обязанности не входил. Стройная хрупкая красивая девушка не предназначена для проламывания стен лбом и прочими конечностями. С этой задачей гораздо лучше справляются остальные бойцы «Аргентума», здоровенные и сильные тужики, натасканные рубиться с любыми врагами любыми пособиями и средствами, прошедшие войну и целую пачку необъявленных конфликтов. Перекачанных бабич с базу-

кой наперевес в КГБ не держат, ими только детей пугать да противника заранее настораживать. Непрофессионально.

КГБ СССР своё дело знал и использовал женщин-агентов виртуозно и с максимальной эффективностью. Главной силой хрупкой красавицы является именно симбиоз её хрупкости, нежности и безобидности. Иными словами, противник не ждёт от нежной милашки смертельной атаки или иного подвоха. Именно это даёт ей возможность в самый неожиданный момент нанести внезапный, точный и эффективный удар по ничего не подозревающей цели и скрыться с места атаки прежде, чем состоится ответный удар. После этого в дело вступают увешанные пушками здоровенные мужики, которые доводят до конца общую операцию теми или иными методами.

Блесна со своими задачами справлялась идеально. Будучи великолепной балериной, она имела не только привлекательное лицо, стройную фигуру и грациозные движения. Её координация была на высшем уровне, Блесна отлично бегала, обладала высокой выносливостью и хорошим вкусом. При необходимости она могла подать себя так, что окружающие невольно отвлекались на неё, даже если Блесна просто проходила мимо. Когда младшему лейтенанту Екатерине Нечаевой выбирали радиопозывной, сомнений в правильности выбора не возникло ни у кого.

Свою основную функцию Блесна умела отработать виртуозно, но помимо отвлечения внимания младший лейтенант Нечаева отлично владела пистолетом и была очень хорошим офицером связи. Особенно эффективной в этом плане она стала полгода назад, когда Сеченов установил ей полимерное расширение мозга нового образца, позволяющее Нечаевой напрямую принимать радиосигнал, не пользуясь средствами связи. Это расширение являлось экспериментальной разработкой в единственном экземпляре, и её уникальность объяснялась новизной и сильной недоработанностью технологии. Радиосигнал принимался в ограниченном радиусе, полимер, из которого состояло расширение, часто конфликтовал с иммунными процессами в клетках мозговых тканей, что вызывало у Нечаевой кратковременные болевые ощущения, но в целом перспектива была громадна, и отказываться от таких исследований Блесна наотрез отказалась.

— Ради Родины и науки я согласна потерпеть! — весело смеясь, говорила Екатерина. — Только не обижайте и шоколадками вовремя кормите! А то после головных болей сладкого очень хочется...

Сегодня Нечаевой программировали новое полимерное расширение. А значит, её следовало особенно поберечь. Тем более что намечались боевые действия. Бойцов в «Аргентуме» и без неё хватало.

— Как самочувствие, Блесна? — уточнил Кузнецов.

— Спасибо, товарищ командир, всё в порядке! — откликнулась Нечаева. — В голове немного шумит, и постоянный радиоэфир отвлекает, но в целом я в норме!

— Хорошо. — Кузнецов повысил голос: — Приготовиться к взлёту! Через три часа будем на месте! За полчаса — подъём! Сейчас всем спать!

Майор утопил кнопку «Взлёт», и работающие на холостом ходу двигатели взревели, получая нагрузку. «ДБР-1» рванулся с места в разбег, стремительно набирая скорость, и тело вдавило в кресло, немедленно затянувшее страховочную подвеску. Спустя минуту изящный обтекаемый корпус реактивного самолёта мчался в небесной выси, блестящей иглой пронзая толщи попадающихся на пути облаков.

К месту ЧП отряд прибыл на шесть минут раньше запланированного времени. Вражеских диверсантов удалось засечь ещё с воздуха, во время снижения. Картина, распростёршаяся внизу, была печальной: громадная стройка бездействовала, всюду бесцельно бродили человекообразные роботы, более тяжёлые строительные кибермеханизмы безвольно застыли, упёршись в возводимые конструкции так, будто стремились их разрушить. То тут, то там среди роботов лежали окровавленные тела инженеров, посреди центрального сектора стройки, возле пункта подачи дистанционного питания, валялся «Гриф» со вскрытым корпусом. В нём копалась пара диверсантов, остальные раскладывали вокруг трупы.

Как только враги увидели снижающийся красноразвешенный самолёт, полсотни солдат в балахонах песочного цвета с перемотанными косынками головами, оставляющими открытыми только глаза, бросились к стоящим поодаль джипам. На джипах были установлены крупнокалиберные пулемёты, и противник открыл огонь из десятка стволов.

Попасть в стремительно проносящийся мимо реактивный самолёт смогла всего пара очередей, но обшивка «ДБМ-1», выполненная из брони «СПТ-4», выдержала эти попадания без повреждений. Самолёт приземлился прямо на степной грунт в километре от стройки, и спустя десять секунд бойцы «Аргентума» двигались на сближение с противником.

— «Блесна», я «Аргон», как слышишь меня? — вышел в эфир Кузнецов.

— Слышу вас хорошо! — откликнулась младший лейтенант Нечаева.

Запускать Блесну под пули было бы в высшей степени нерациональным использованием высококвалифицированного личного состава, поэтому в подобных операциях младший лейтенант Нечаева выполняла функции офицера поддержки. И встроенное в её мозг полимерное расширение позволяло ей справляться с данными функциями втрое быстрее любого другого.

— Выпускай «Глаза»! — приказал майор. — Путь дадут нам картинку!

— «Глаза» выпущены! — доложила Блесна. — Две минуты до картинки!

Из распахнувшегося технического люка «ДБМ-1» деловито выкарабкалась пара «Каракуртов», и стальные пауки с негромким лязганьем спрыгнули наземь. Восьмилепное ПВО принялось перебегать туда-сюда вокруг самолёта, обшаривая радарными воздушное пространство, и следом за ними из люка выплыл рой крохотных дронов. «Глаза» устремились в сторону гигантской стройки и быстро исчезли из вида.

«Глаз» — маленький двухвинтовой робот размером с воробья, фактически камера с пропеллерами, предназначался для поиска целей на поле боя. Малоразмерные «Глаза», парящие в небе, заметить сложно, а попасть в них ещё сложнее. Зато сами «Глаза» отлично видят и передают полученное изображение на командный пункт или на «Гриф». Там изображение со всех камер накладывается на карту, компьютер рассчитывает координаты цели и преобразовывает их в радарный сигнал. У каждого бойца «Аргентума» имеется офицерский планшет, внутри которого есть приёмный экран с радарной сеткой.

Учёные из комплекса «Челомей» обещали, что позже система обнаружения противника на поле боя станет гораздо более удобной. Планшет не придётся раскрывать всякий раз, когда требуется свериться с тактической обстановкой. Сканер можно будет просто включить в нужный момент, и отметки противника спроецируются прямо на сетчатку глаза. Но для этого солдату необходимо иметь полимерное расширение мозга, разработкой которого занимается лично Сеченов. Пока такое есть только у Блесны, но лиха беда начало, как говорится.

Впереди из-за пригорка выскочило несколько пулемётных джипов, и вражеские диверсанты открыли огонь по бегущим навстречу бойцам «Аргентума». Отряд мгновенно залег, уходя от пуль, и Кузнецов коротко бросил в эфир:

— Поставить дым!

Несколько его солдат извлекли из кобур спецоружие для постановки дымовой завесы — смесь револьвера и ракетницы — и произвели несколько выстрелов. Небольшие полимерные капсулы устремились в сторону врага. Джипы прекратили огонь и заложили поворот, стремясь уйти от приближающихся снарядов. Заряды не долетели до них нескольких десятков метров и взорвались в воздухе, мгновенно расцветая густыми серыми кляксами. Дымовая граната, изготовленная «Предприятием 3826», имела совсем небольшие размеры. Но совмещение активного химического вещества с полимерами позволило советским учёным добиться отличной концентрации реагентов в малом объёме корпуса гранаты. Всего одного такого заряда вполне достаточно, чтобы в считанные секунды закрыть дымовой завесой площадь, на которую потребовалось бы не менее пяти стандартных дымовых шашек.

Не прошло и десятка секунд, как всё вокруг утонуло в клубах серого дыма, продолжающего расширяться в сторону стройки. Оборудованные пулемётами автомобили противника потеряли цели и попытались вести огонь наугад, одновременно откатываясь назад, чтобы не попасть в быстро расползающийся дым. Вскоре на радарх появился сигнал, транслируемый «Глазами», и Кузнецов раздал бойцам приказы. Отряд обошёл бесцельно тратящие патроны вражеские джипы с флангов и атаковал противника прицельным автоматным огнём. К тому моменту, когда экипаж последнего

пулемётного автомобиля понял, что из всех своих однопольчан остался единственным выжившим, прошло не более пятнадцати секунд сосредоточенного огневого воздействия.

Уцелевший джип противника взревел мотором, заложил вираж и рванулся прочь, стремясь уйти как можно дальше. Майор Кузнецов вскинул свой АК-47, перевёл предохранитель в режим одиночного огня, тщательно прицелился и нажал на спуск. Бронебойная пуля прошла джип насквозь, пробивая пару кресел вместе с затылком водителя, и автомобиль швырнуло в резкий занос. Джип рухнул набок, перевернулся вверх дном, наскочил на крупный каменный валун и замер, вращая медленно останавливающимися колёсами. Находившийся за пулемётом стрелок не успел спрятаться внутри салона, и его раздавило, разорвав почти надвое, зато второй вооружённый пассажир уцелел. В данный момент он пытался выбраться из перевернутого джипа, но его нога оказалась зажата смявшимся корпусом автомобиля, и выбраться ему не удавалось.

— В самолёт его! — коротко приказал майор Кузнецов.

Вражеский диверсант увидел подбегающих к нему бойцов «Аргентума», попытался схватить валяющуюся рядом штурмовую винтовку, но получил пулю в руку и тихо взвыл от боли и злости.

— Не дёргайся, милашка! — посоветовал ему лейтенант Нечаев, пинком отшвыривая вражескую винтовку подальше. — Не то получишь пулю ещё и в ногу!

Кузнецов серией коротких жестов назначил троих бойцов заниматься пленным, и отряд двинулся дальше, на бегу рассыпаясь в штурмовую цепь. На зачистку стройки ушло больше часа. Вражеских диверсантов там осталось немного; «Глаза», которыми управляла Блесна, вычислили их быстро. В короткой перестрелке противник был уничтожен, и большую часть времени пришлось потратить на отлов вражеских инженеров. Этих оказалось пятеро, все они спрятались кто куда: в котлован, в недостроенное здание электростанции, между штабелями с железобетонными плитами. Всю территорию стройки пришлось прочесывать без помощи техники, потому что «Глазам» не хватало манёвренности и компактности.

Этот факт необходимо подробно обрисовать Волшебнику, они с Челомеем как раз работают над более манёвренным

компактным боевым дроном. И защиту «Грифу» бы дать не помешало. Впрочем, нет. Разумнее задать Сеченову вопрос, нет ли возможности сконструировать боевой вариант «Грифа» для военных целей. СССР не продаёт своих боевых роботов, а гражданские роботы не имеют систем вооружения. Поэтому устройство «Грифа», пожалуй, вполне оптимально. Особенность этого робота в том, что, в отличие от прочих, он не имеет собственного топливного элемента. Потому что «Гриф», как известно, является командным роботом нижней ступени. Он висит в небе и управляет всеми роботами, действующими в заданном районе.

Иными словами, «Гриф» находится в воздухе круглосуточно, и нет смысла ставить на него топливный элемент. Причины две. Первая — данный элемент придётся часто менять, ведь «Гриф» постоянно активен, и зачастую активен максимально, и расход его энергии значительно выше, чем у прочих роботов. То есть нужно посадить «Гриф» на землю для замены топливного элемента, и в это время в заданном районе роботы будут неуправляемы. Точнее, они будут действовать самостоятельно, согласно последнему полученному приказу, отменить который без «Грифа» невозможно. С одной стороны, замена топливного элемента не есть длительная процедура. С другой же стороны, по закону подлости именно в тот момент, когда «Гриф» будет отключён, срочно потребуется управление роботами. Которого не будет.

Вторая причина — роботы созданы для того, чтобы заменить людей на тяжёлых работах. То есть они находятся там, где людей либо мало, либо нет вообще, то есть в местах труднодоступных или с суровым климатом, а чаще всё это складывается воедино. И в таких местах, как ни странно, частенько оказываются личности, скажем так, не вполне хорошие. Какие-нибудь молодые придурки с блестящими задатками вандалов или дремучие суеверные личности, до сих пор не избавившиеся от тлетворного влияния церкви, считающей роботов сатанинским отродьем, воплощением дьявола или чёрт знает чем ещё. Или диверсанты противника, как сейчас.

Если «Гриф» будет снабжён индивидуальной топливной ячейкой, его можно попытаться украсть, чтобы запустить где-нибудь в ЦРУ и исследовать. Или попытаться зацепить в воздухе чем-либо, например самолётом, воздушным шаром

или, на худой конец, воздушным змеем. И тащить за собой, чтобы все роботы из района ответственности данного «Грифа» двигались за ним. Или ещё как-нибудь нагадить. Кузнецов слабо представлял себе, как именно, но ни секунды не сомневался в том, что носители злого умысла придумают и другие способы. Что-то, а ломать на этой планете умеют лучше, чем строить. Недаром же учёные «Предприятия 3826» пришли именно к такому варианту питания «Грифа».

«Гриф» просто висит в воздухе в строго заданной точке. На земле под ним стоит эмиттер дистанционной подачи питания и транслирует «Грифу» энергию беспроводным способом. Сам эмиттер сопряжён с источником энергии, который может быть любым в зависимости от ситуации и возможностей заказчика: электростанция, генератор, ветряк или, в конце концов, блок топливных элементов. «Гриф» из заданной точки никуда не денется. Если питание перестанет подаваться, он просто опустится на землю и будет ждать возобновления подачи энергии, попутно ожидая связи с инженером или администратором. Без питания исследовать происходящие внутри «Грифа» процессы невозможно, а технологии беспроводной трансляции в мире пока ещё нет ни у кого, кроме СССР.

Если же «Гриф» долго не будет выходить на связь, его отсутствие заметит дежурный инженер «Предприятия 3826» или же «Узел» — командный робот второй ступени. «Узел» висит гораздо выше и руководит «Грифами». Он применяется там, где «Грифов» слишком много для того, чтобы они напрямую соединялись друг с другом и с дежурным инженером. Пока что «Узлы» не применяются за границей, потому что это уже по-настоящему сложная, важная и секретная разработка советских кибернетиков и её необходимо хорошо охранять. Боевые «Узлы» защищены «Кречетами», это воздушный реактивный робот-истребитель, созданный «Предприятием 3826» для уничтожения вражеских стратегических бомбардировщиков и прочей авиации. Словом, для завоевания господства в воздухе. Гражданским же «Узлам» на территории СССР ничего не угрожает.

Волшебник не раз упоминал, что не пройдёт и десяти лет, как будут созданы командные роботы третьей, высшей ступени. Сеченов назвал их «ОКО» — «Орбитальный Командный Организатор». «ОКО» будет висеть даже не в воз-

духе, он будет висеть в космосе, на орбите планеты! И от туда управлять «Узлами»! Из космоса!!! Вот это размах!!! Аж гордость берёт за Родину! Вот тогда «Узлы» можно будет передавать за границу спокойно, ибо за ними будет следить «ОКО», причём не одно. Но сейчас до этого, к сожалению, прогресс ещё не дошёл, и за рубежом продаются обычные «Грифы». Чем и воспользовались вражеские диверсанты.

Судя по тому, что произошло на стройке, события развивались приблизительно следующим образом: противник выслал сюда диверсантов с целью дискредитировать советских роботов и настроить страны, покупающие у СССР роботов, против нас. Тем более Турция очень рассчитывает на эту ГЭС, строительство ведётся ударными темпами сразу в нескольких прибрежных районах. Вражеские диверсанты нашли способ проникнуть на стройку под видом рабочих или персонала. Скорее всего, их инженеры заранее прибыли в Турцию и записались на стройку официально. Потому что на этом участке людей мало, всю работу роботы делают самостоятельно.

Сегодняшним утром, учитывая разницу во времени, диверсанты напали на спящих сотрудников стройки и убили их. Одновременно их инженеры обесточили эмиттер дистанционной подачи питания, и «Гриф» опустился на землю. После этого диверсанты занялись тем, за чем застал их «Аргентум»: фальсифицировали картину массового убийства так, чтобы со стороны казалось, будто людей убили советские роботы. Инженеры диверсантов вскрыли «Грифа» и попытались то ли внедрить в него какую-то свою вредоносную программу, то ли перепрограммировать его, то ли сделать ещё что-то грязное и мерзкое, как это принято в ЦРУ.

Получилось бы у них такое или нет, Кузнецов в точности оценить не мог, эти выводы будут сделаны позже советскими инженерами. А вот в чём он был уверен на сто процентов, так это в том, что противник не ожидал, что кто-либо появится здесь так быстро и застанет их на месте преступления. Времени врагам точно не хватило. Они даже собственную оборону не успели выстроить и действовали сумбурно. Теперь вот вылавливай их...

— «Аргон», я «Криптон»! — зазвучало в эфире. — Мы нашли одного! Похоже, инженер! У него с собой рюкзак с приборами. Ведём к тебе.

Спустя минуту из разрытого роботами карьера показала группа бойцов «Аргентума», ведущая связанного по рукам человека в униформе работников стройки.

— Маскхалат свой он успел снять, — доложил Криптон, показывая сжатый в руке маскировочный балахон песочного цвета, аналогичный тем, в которые были одеты диверсанты противника. — Мы подобрали его на склоне, валялся неподалёку от ямы, в которой этот тип прятался.

Майор Кузнецов подошёл к пленному вплотную, грозно нависая над ним, и сурово заявил на английском:

— Я командир специального отряда КГБ СССР! Вы арестованы за нападение на мирную стройку, убийство турецких граждан и попытку взлома советских роботов с целью дискредитации Советского Союза! Вы будете доставлены в СССР, в пыточные застенки КГБ! Рекомендую вам назвать свою гражданскую принадлежность! Иначе мы будем обращаться с вами не как с гражданином чужого государства, а как с обычным преступником!

При каждой фразе вражеский инженер съёживался всё сильнее, но с первого раза взять его на пушку всё же не получилось. Молча паникующий диверсант соскрёб в кулак остатки воли и произнёс на плохом немецком:

— Я не понимаю английский!

— Судя по акценту, — усмехнулся майор, — немецкий ты понимаешь ещё хуже! — Он сделал злобное лицо и с подчеркнутой ненавистью заявил по-немецки: — Вас будут пытать до тех пор, пока вы не сознаетесь во всём! Советую рассказать нам всё до того, как станет уже поздно! У вас есть три часа на размышление!

Он кивнул своим бойцам, незаметно подмигнув Криптону, и те потащили диверсанта в сторону самолёта. Идущий рядом с пленным Криптон выхватил нож и начал на ужасном английском рассказывать диверсанту в красочных подробностях о том, как станет выкалывать ему глаза. Кузнецов проводил их взглядом и скрыл ухмылку. Этот расколется ещё до посадки в СССР. По глазам видно, что излишней храбростью он не наделён. Явно технический специалист, а не профессиональный боец спецслужб. Настоящего диверсанта из ЦРУ таким спектаклем не испугаешь.

За последующие двадцать минут бойцы «Аргентума» разыскали оставшихся четверых инженеров противника.

Двое из них сдаться не пожелали. Они подняли руки в знак желания сложить оружие, но, едва пятёрка бойцов приблизилась к ним, выхватили пистолеты и открыли огонь в упор. Трое бойцов успели уйти от прицельных выстрелов резким смещением с линии огня, двое получили несколько попаданий в грудь, но бронеформа удержала пистолетные пули без ущерба для носителей. Врагов уничтожили ответным огнём, остальных доставили на самолёт.

Лейтенант Нечаев со своей группой был уже там и упаковывал пленного диверсанта по всем правилам, ибо в отличие от перепуганных инженеров тот был профессиональным солдатом, и иллюзий на его счёт никто не питал. Раненому оказали медицинскую помощь, приковали к креслу, и «ДБМ-1» пошёл на вертикальный взлёт, набирая высоту. Сидящий в пилотском кресле майор Кузнецов смотрел на телевизионный экран, транслирующий изображение с установленной в салоне кинокамеры, и тихо веселился, глядя на выражения лиц пленных вражеских инженеров. Похоже, они ожидали чего угодно, только не вертикального взлёта от советского реактивного самолёта.

**Лэнгли, ЦРУ, сектор секретного департамента,
офис Аллена Даллеса**

Июль 1949 г.

— Присаживайтесь, генерал. — Даллес на секунду отвлёкся от телефонного разговора и кивнул Гранту на свободное кресло.

Грант уселся и принялся ждать, боковым зрением изучая лежавшие на столе перед Даллесом фотографии. Всё понятно, Курчатовская АЭС. Первая в мире атомная электростанция, Советы запустили её два дня назад и подняли шумиху во всём мире. Почти как с теми чёртовыми спутниками с водородными бомбами.

— Думаю, вы уже поняли, о чём пойдёт речь, генерал. — Даллес положил трубку.

— О том, что президент недоволен неприятными сюрпризами? — Грант внимательно посмотрел на Даллеса. — Он видит в этом нашу вину?

— Вчера мы с директором ЦРУ были на приёме у президента. — Даллес едва заметно поморщился. — Нам при-

шлось перенести крайне пренеприятный разговор. Вы, как всегда, поняли всё правильно: президент раздражён постоянными успехами Советов. Позавчера СССР запустил первую мире АЭС. Это должны были сделать мы. США начали строительство своей атомной электростанции на два года раньше, но СССР уже запустил собственную АЭС, а мы сможем сделать это самое раннее через год.

— При всём моём уважении, сэр, — осторожно возразил Грант, — но при чём здесь мы? Советы не скрывали сроков строительства. Они ещё полгода назад объявили приблизительную дату ввода АЭС в эксплуатацию, и в итоге она была отложена всего на месяц из-за сложностей в производстве каких-то полимерных компонентов. Я хочу сказать, что темпы строительства Курчатовской АЭС всё это время были достаточно прозрачны. При этом Соединённые Штаты имеют население в пять раз больше, чем СССР, и являются неоспоримым мировым экономическим лидером. Если США не успели закончить свою станцию раньше, то вопросы следует задавать строителям, сэр!

— К счастью, проигрыш в гонке по строительству АЭС нам в вину не поставили. — Даллес не продемонстрировал эмоций. — Равно как не поставили в вину никаких конкретных проигрышей. Но президент довольно долго расписывал нам с директором очевидные вещи: США первыми начали проект ARPA, но Советы запустили свою сеть «ОС Демос» раньше. Мы только сейчас тестируем технологию пейджеров, которая будет запущена в эксплуатацию в лучшем случае лет через пять, а у Советов уже есть эти их «Щебетари» и «Груши».

— Сэр... — Грант терпеливо вздохнул. — Я знаю, что это такое. «Щебетарь» — это передатчик голосовых сообщений, «Груша» является стационарным информационным накопителем, в которые помимо текстовых приходят ещё аудио и видео данные. Мы в нашем департаменте сами используем их для удобства, и не мы одни, благо наши инженеры смогли приспособить их к сети ARPA. Не без ошибок, к сожалению, но это лучше, чем ничего. Так не разумнее ли упрекнуть в этом наших учёных, сэр?

— Именно так директор и ответил президенту. — На этот раз Даллес позволил себе едва заметный вздох.

— И что он сказал на это? — хмуро поинтересовался Грант.

— Он продолжил перечислять наши проигрыши, — хмыкнул Даллес. — Отставание в реактивных технологиях, в космической отрасли, в медицине, в сельском хозяйстве, конечно же в кибернетике и так далее. После чего отметил, что для того, чтобы добиться столь масштабного лидерства, Советы должны были привлечь к работам чёртову кучу людей. Так почему же ЦРУ не в состоянии завербовать или выкрасть хотя бы одного из них? Президент поставил нам в упрёк отсутствие стратегически кардинальных разведанных, которые могли бы помочь стране сократить отставание.

— Понимаю. — Грант помрачнел. — Президент выиграл выборы с большим трудом, пришло время исполнять предвыборные обещания. И теперь ему нужны виноватые. Те, из-за кого его администрация проигрывает Советам одну гонку за другой.

— Генерал, — мягко одёрнул его Даллес. — Мы с вами на государственной службе.

— Виноват, сэр! — поспешил исправиться Грант.

— Не стану делать вид, что в ваших словах полностью отсутствует истина, — Даллес бросил на него красноречивый взгляд, — но пусть внутренней политикой занимаются политики. Наш долг заключается в том, чтобы купировать растущие угрозы национальной безопасности США любыми путями. В том числе за счёт научного и промышленного шпионажа. Всё это вам прекрасно известно, но сейчас президент ждёт от нас конкретных результатов. Вы можете предложить что-либо существенное?

— Могу, сэр! — подтвердил Грант.

— Серьёзно? — Даллес заинтересованно нахмурил брови. — Расскажите мне об этом.

— Не так давно мои люди в Москве вышли на одного человека, — принялся объяснять Грант. — Он работает на «Предприятия 3826». К сожалению, не в основном кластере, который Советы спрятали в Казахстане, а в так называемом комплексе «Раменки».

— Их столичный наукоград и город-сад, — со знанием дела произнёс Даллес.

— Именно, сэр! — подтвердил Грант. — Он младший инженер, и его должность невелика. Однако он работает именно в подземной части комплекса «Раменки», где отве-

чает за системы профилактики и обслуживания секретных механизмов.

— Звучит многообещающе. — Даллес сделал пометку у себя в документе. — Почему мне не докладывали об этом раньше?

— Выйти с ним на прямой контакт удалось лишь несколько дней назад. До этого мы следили за его женой. Она была недовольна тем, что вскоре должность её мужа сократят, потому что его обязанности будут возложены на роботов. Мужу предложили новое место где-то в Сибири, и она не хотела уезжать из Москвы. Собственно, мы так и узнали обо всём этом: она любит вести светскую жизнь и регулярно посещает концерты и балет. Известно, что академик Сеченов интересуется балетом, поэтому на всех знаковых балетных концертах Большого театра присутствуют мои агенты. На одном из таких эта женщина была с подругой и в антракте жаловалась ей на вышеуказанные обстоятельства. Мой агент засёк разговор и отследил эту женщину. Она очень переживала, что КГБ не позволит ей остаться в Москве, даже если муж согласится поехать в Сибирь один.

— Вы вышли на инженера через его жену? — переспросил Даллес. — Это она организовала первый контакт?

— Нет, сэр. — Грант позволил себе улыбку. — Первый контакт мы организовали самостоятельно. Нельзя доверять секреты болтливым женщинам. Мы нашли способ побеседовать с инженером тет-а-тет.

— И он не побежал после этого в КГБ. — Даллес усмехнулся. — В СССР по-прежнему хватает недовольных. Впрочем, недовольные есть везде и всегда.

— Вы совершенно правы, сэр, — согласился Грант. — В ходе вербовки выяснилось, что инженер недоволен своими перспективами. Он планировал жить в столице, иметь престижную работу и хорошую зарплату, а вместо этого его послали в Сибирь. Думаю, он согласится передать нам что-нибудь важное в обмен на большие деньги и политическое убежище. Мне требуется ваше разрешение, сэр. Это очень сложная операция. На её подготовку понадобятся время и средства. Не исключено также, что на каком-то из её этапов окажется целесообразным подключить наших союзников.

— Договоритесь с этим инженером и предоставьте мне план операции, генерал. — В голосе Даллеса мелькнули нотки удовлетворения. — Вы получите всё необходимое.

Москва, Красная площадь

1 марта 1950 г., 14.00

Замерший в парадном строю кремлёвский военный оркестр грянул «Марш советских авиаторов», и огромная толпа народа, заполонившая Красную площадь, разразилась дружным криком «Ура!», протягивая руки к небу. Там, на высоте полукилометра, из-за облаков выплывала величественная громада «Икара» со сталинской высоткой на поверхности. Стоящая на трибуне Мавзолея Ленина Правительственная комиссия во главе со Сталиным заплодировала, и вождь народов кивнул Сеченову, передавая ему слово.

— Товарищи! — Сеченов скрыл волнение. — Перед вами новая эра градостроения, в которую вступает наша славная страна! Вы видите «Икар», первый в мире автономный городской модуль воздушного базирования! Эта могучая платформа с лёгкостью удерживает на себе научно-конструкторский комплекс «Челомей», часть «Предприятия 3826»! Пока это единственный экземпляр такой аэроплатформы, но уже через семь-восемь лет СССР наладит серийное производство этих грандиозных механизмов! «Икары» будут способны соединяться друг с другом и образовывать полноценный воздушный город с жилыми, промышленными и даже аграрными зонами! Такой город не зависит ни от погоды, ни от рельефа местности! Сегодня вы парите над морским побережьем, а завтра наслаждаетесь пейзажами горных ледников! И первым таким воздушным городом станет «Москва-2»! Новая столица нашего с вами Советского Союза, которая поднимется в воздух уже через десять лет!

Сеченов перевёл дух, набирая воздуха для следующей фразы, но не успел сказать ни слова. Воспользовавшись секундной паузой, Молотов торопливо ткнул пальцем в кнопку наушника, включил свой микрофон и воскликнул:

— Ура, товарищи!

Громадная толпа снова грянула «Ура!», и Сеченов спрятал своё огорчение: ладно... чем бы дитя ни тешилось...

ХАРАЛД ХОРФ

АТОМІС НЕЯТ

Паривший в небе «Икар» стал снижаться, и люди невольно заволновались.

— Сохраняйте спокойствие, дорогие товарищи! — объявил Сеченов. — «Икар» не будет совершать посадку, размеры Красной площади не позволяют приземлить здесь настолько большую аэроплатформу! Вместо этого «Икар» зависнет на высоте пятидесяти метров, чтобы дать вам возможность увидеть систему аэродинамических турбин, удерживающих его в воздухе! После этого «Икар» направится к Воробьёвым горам и проведёт напротив них пять часов, чтобы каждый желающий получил возможность рассмотреть это великолепное достижение советской науки! С Воробьёвых гор вид на комплекс «Челомей» будет открываться сверху вниз, так что очень рекомендую не полениться туда съездить!

Громадная толпа воодушевлённо загудела, приветствуя снижающееся чудо научной мысли, и из глубины людских масс донёсся далёкий, но зычный голос:

— А залезть на неё можно?!

Шум толпы частично стих, многие обернулись к Мавзолею. Сеченов замешкался:

— Понимаете... это же комплекс «Челомей»... режимное предприятие...

— Партия и правительство, — немедленно вмешался Молотов, переходя на торжественный тон, — доверяет советскому народу, как советский народ доверяет партии и правительству! Граждане СССР должны были увидеть «Икар» первыми! Поэтому в этот знаменательный день, едва поднявшись в небо, он прилетел сюда, в сердце нашей Родины, на Красную площадь! На этой аэроплатформе расположен сверхсекретный комплекс «Челомей», одна из важнейших государственных тайн СССР! Мы с вами, дорогие товарищи, не можем рисковать будущим нашей страны, будущим наших детей! Доступ посторонним в комплекс «Челомей» строжайше воспрещён, это сделано ради нашего с вами общего блага! Но не переживайте, дорогие друзья! Уже через десять лет вы будете жить на такой аэроплатформе! Гарантирую: времени изучить её досконально вам хватит! Только давайте договоримся сразу: крепежные винты аэротурбин не отвинчивать!

Толпа грянула хохотом, и Молотов подал знак своему помощнику. Тот тихо прошептал в эфир команду, и военный оркестр грянул торжественный марш. Сеченов обернулся к Сталину:

— Товарищ Сталин, все наши сотрудники будут очень рады, если вы посетите «Икар» и лично ознакомитесь с результатами наших достижений! Все мы очень ждали этот первый полёт, недаром он был запланирован на первый день весны, как символ нового научного начала в жизни всего Советского Союза!

Несколько секунд вождь народов молчал, задумчиво переводя взгляд с рукоплещущей толпы на «Икар». Сеченов терпеливо ждал ответа. Нелюбовь Сталина к самолётам в узких кругах была хорошо известна. За всю жизнь вождь народов совершил едва ли не одну-единственную поездку на самолёте, предпочитая перемещаться поездом или на автомобилях. С появлением в Кремле «Кондора-ИС», модель «Иосиф Сталин», изготовленного на «Предприятии 3826» персонально для Сталина под личным контролем Берии, число полётов вождя народов практически не увеличилось. Сталин был уверен, что аэроплатформа опасна в любом случае, ибо даже если не подведут механизмы, то риск вражеской диверсии в воздухе гораздо выше, нежели на земле.

Заметив колебания Сталина, Молотов вкрадчиво произнёс:

— Возможно, стоит сделать это в другой раз. У нас сегодня очень плотный график.

Эта попытка выслужиться не осталась без реакции окружающих. Берия сузил глаза, собираясь что-то сказать, но его опередил Хрущёв.

— Есть мнение, — авторитетно заявил он, — что народ, увидев товарища Сталина, поднимающегося на борт «Икара», проникнется серьёзностью момента ещё больше. Хороший момент, чтобы подчеркнуть единство партии, науки и народа и подогреть интерес советских граждан к научной деятельности. Министерство образования бьет тревогу: молодёжь все меньше выбирает для поступления в ВУЗы научные и технические специальности. Все хотят поступать на специальности, связанные с интернетом и соцсетями.

— Введем квоты и ограничения, — задумчиво ответил Сталин. — Изменим соотношение заработной платы. Учёные и инженеры будут получать больше других.

Он обернулся к Берии:

— Готовьте «Кондор», товарищ Берия. Мы должны поддерживать боевой дух наших учёных. Они уже не раз доказали, что являются надёжной опорой для коммунистической партии!

Молотов мысленно закусил губу. Коба стал слишком сильно доверять Сеченову! Сталина на самолёт силком не затащишь, а тут он согласился лететь на «Икар», который сегодня вообще впервые поднялся в воздух! И что, что аэроплатформа прилетела в Москву своим ходом аж из Казахстана! Это ещё ничего не гарантирует, нужен многолетний опыт безаварийной эксплуатации, чтобы быть уверенным в её безопасности! Но спорить со Сталиным сейчас бесполезно. Молотов хорошо знал этот взгляд вождя народов. Если Сталин смотрит так, значит, он уже всё решил. Жаль. Это означает маленькую победу Хрущёва, а этот колхозник место которому максимум в министрах сельского хозяйства Молотова очень раздражал.

Когда сталинский «Кондор», характерные очертания тяжело бронированных рубок которого знал весь СССР, поднялся в небо из-за кремлёвской стены и двинулся к «Икару», громадная толпа, заполонившая Красную площадь, дружно грянула «Ура!». Вряд ли на этот раз это было срежиссированно переодетыми сотрудниками КГБ, обильно затесавшимися в людские массы. Авторитет Сталина был непререкаем, в войну люди умирали с его именем на устах и сомнений на этот счёт не имелось. Сам вождь народов полёт перенёс спокойно, но Молотов видел скрытую в его глазах тревогу. Ощущение опасности не покидало Сталина на всём протяжении посещения комплекса «Челомей», и те, кто его хорошо знал, хорошо это чувствовали. Вождь народов быстро прошёл по основным корпусам «Челоменя», в которых агентов КГБ в униформе «Предприятия 3826» было больше, чем учёных, быстро ознакомился с выставкой новейших разработок, выслушал доклад о ведущихся в настоящий момент космических исследованиях и задержался на месте

лишь однажды, когда речь зашла о перспективных разработках орбитальных ракет с ядерными зарядами на борту.

Идея вывести на орбиту множество спутников с водородными бомбами, которые будут вращаться там многие годы и в любую секунду их можно будет прицельно уронить на США, вождю народов очень понравилась. Сталин позволил направлять на этот проект дополнительные средства, выручаемые от продажи гражданских роботов за границу, и заторопился обратно в Кремль.

— Товарищ Сталин! — произнёс академик Челомей, когда вождь народов прощался с сотрудниками комплекса. — Мы с удовольствием построим для вас специально оснащённый «Икар»! Это будет в высшей степени передовая аэроплатформа, символ научного развития и инженерного могущества СССР!

— Партия, — на лице Сталина не дрогнул ни один мускул, — должна быть ближе к народу! Неправильно вождям забираться от людей на огромную высоту. Поэтому мы воздержимся от принятия вашего предложения. Но ваши достижения очень важны для Советского Союза, продолжайте покорять науку, товарищи! Партия верит в вас!

Молотов украдкой бросил на Сеченова косой взгляд. Что, не вышло выслужиться? Это ведь была твоя идея насчёт «Икара» для вождя, я-то знаю! Но не всё коту масленица! Исподволь осмотрев сопровождающих Сталина первых лиц страны, Молотов отметил, что отказом вождя народов был доволен не только он. Похоже, Берия тоже отдаёт себе отчёт в том, что влияние Сеченова начинает становиться явным перебором. Но объединяться с ним Молотов не станет, это абсурд, танк не объединяется с противотанковой миной. Достаточно того, что на этот раз Сеченов улетит в своё научное логово несолоно хлебавши.

Вскоре Сталин покинул «Икар» и впоследствии более на нём никогда не появлялся. До вечера аэроплатформа провисела напротив Воробьёвых гор, усыпанных любопытствующими, и с наступлением темноты двинулась в обратный путь, ложась на курс к «Предприятию 3826». Наблюдающий за её удаляющимися габаритными огнями Молотов молча задержал тяжёлую портьеру кремлёвского окна и покинул кабинет.

— Ты видел самого Сталина?! — Петров изумлённо воззрился на Штокхаузена.

— Как тебя сейчас, — скромно подтвердил тот.

— Не может быть! — потрясённо произнёс Петров. — И что он тебе сказал?

— Виктор, — Штокхаузен мягко улыбнулся, — мы с тобой взрослые люди и прекрасно понимаем, что «видеть» и «разговаривать лично» не есть синонимы. Я был в числе тех, кто присутствовал в выставочном зале комплекса «Челомей» в тот момент, когда академики Сеченов и Челомей познакомили товарища Сталина с новейшими достижениями «Предприятия 3826». Мы все стояли рядом, поэтому я был очень близко к Сталину.

— Сколько всего там было людей? — спросил Петров.

— Человек двадцать, — ответил Штокхаузен. — Но половина из них однозначно была переодетыми агентами КГБ, потому что я не видел их в комплексе «Челомей» ни до этого, ни после ни разу.

— То есть вас было десять, — подытожил Петров с лёгкой завистью в голосе. — Сеченов, Челомей, пара-другая маститых учёных из их лабораторий, там желторотых не держат... Короче, реально новичков там было человек пять не больше.

— Полагаю, что гораздо меньше, — вновь улыбнулся Штокхаузен. — Я всё-таки доктор наук и под определение «желторотый» никак не подхожу!

— Прости, Михаэль, — спохватился Петров, — я не хотел тебя обидеть! Просто не перестаю удивляться тому, как быстро растёт твоя карьера! Ты здесь всего год — и уже помощник самого Сеченова! Мы с тобой пришли сюда одновременно, но я всё ещё простой инженер-программист... Мне бы такое везение!

— Позволю себе утверждать, что везение тут ни при чём, — наставительно возразил Штокхаузен. — Успех всегда кроется в личностных качествах и личных заслугах. Я со своими коммунистическими убеждениями перенёс много страданий при гитлеровцах и чудом выжил во время эпидемии в Берлине, в самом её центре! Рука об руку с русскими врачами боролся с эпидемией до победного конца и потом

много лет работал главным вирусологом Берлина. Я прошёл долгий путь, и мне есть что предложить советской науке. И при всём при этом я ждал направления сюда целый год, только потом тут освободилось самое скромное место. У тебя же всё ещё впереди. Но ты уже многого добился, ты перспективный инженер, недаром тебя взяли в Театр имени Майи Плисецкой. Уверен, мы ещё увидим взлёт твоей карьеры!

— В Театр Плисецкой меня взяли по твоей рекомендации, — вздохнул Петров. — Я за это тебе очень благодарен, мой дорогой друг! Иначе я до сих пор был бы простым наладчиком роботов на местной ВДНХ.

— Я рекомендовал тебя на должность инженера-программиста не потому, что мы друзья! — веско заявил Штокхаузен. — А из-за твоих высоких профессиональных навыков! В «Предприятии 3826» нет кумовства, землячества и прочей бессовестной протекции! Здесь работают только по-настоящему лучшие специалисты. Не самые лучшие просто не справляются с нашими задачами, настолько они сложны и глобальны. И я в тебе не ошибся! Твоё новаторское предложение в области усовершенствования загрузочных протоколов для гражданских роботов существенно повысило КПД Театра имени Плисецкой!

— Это точно! — В голосе Петрова зазвучали нотки самодовольства. — Мой алгоритм выше по эффективности всех имевшихся прежде почти на шестьдесят процентов, а кое-какого старья на все сто двадцать! Ты даже не представляешь, как долго до моего появления беспроводная сеть передавала каждый загрузочный протокол. Можно было ждать час, если это был протокол для «Грифа». А сейчас всего лишь двадцать три минуты!

Он вздохнул, в его голосе появилось недовольство.

— Я рассчитывал, что моё новаторство оценят по достоинству. Думал, позовут в АПО или хотя бы в «Нептун»... а мне всего-то вручили почётную грамоту. Как какому-то студенту! Чтобы быть тут замеченным, нужно совершить что-то особенное. Вот как тебе пришло в голову создать Театр имени Плисецкой?

— Эта мысль смутно возникла ещё в Германии. — Тон Штокхаузена стал вдумчивым и серьёзным. — Я тщательно следил за работой «Предприятия 3826», насколько это было

возможным из открытых источников. Пытался быть полезным хоть чем-то! После того как мне дали место научного сотрудника в тестовой лаборатории, начал вникать в более серьёзные аспекты. Академика Сеченова я впервые увидел, когда он пришёл в лабораторию с роботом-балериной.

— Балериной? — уточнил Петров. — Я не видел в театре роботов-балерин.

— Пока это лишь опытный образец, — кивнул Штокхаузен. — В тот день Дмитрий Сергеевич проводил с ним очень сложную программу тестирования. Робот танцевал, а мы не только снимали с него параметры в реальном времени, но и должны были вслух выражать свои эмоции по поводу его танца. Часть зрителей должна была быть недовольной, часть наоборот, мне же выпало быть в контрольной группе, которая то восхищалась увиденным, то демонстрировала разочарование. То была отработка алгоритма самообучения. Робот должен был фиксировать наши реакции и корректировать свой танец таким образом, чтобы зрители были довольны.

— Адаптационный алгоритм Лебедева! — воскликнул Петров. — Гениальная вещь! Академик Лебедев разработал его лично, в одиночку, представляешь?! Чтобы развить алгоритм до нужной степени, потребовалось почти полсотни инженеров-программистов! Пятьдесят человек полгода работали над тем, что изобрёл один гений!

— Добро пожаловать на «Предприятие 3826», Виктор Васильевич! — улыбнулся Штокхаузен. — Это место есть сосредоточие гениев! Оно притягивает их отовсюду, словно магнит, и вбирает в себя, как губка воду! Скажу смело: это не сердце науки СССР! Это сердце мировой науки! И если ты попал сюда, будь уверен: ты чего-то стоишь! Иначе попросту остался бы за бортом. Здесь нет случайных людей!

— Это правда, — согласился Петров. — Наш рабочий ритм посредственности не по зубам! Но я тебя перебил, извини! Что было дальше?

— Дальше... — Штокхаузен на мгновение задумался, словно вновь переживая те часы. — Я смотрел, как танцует робот-балерина, и представлял, будто нахожусь не в лаборатории, а в зрительном зале Большого театра! И на сцене передо мной разворачивается феерическое балетное действо, главную роль в котором исполняет великая Майя Плисецкая! Я являюсь поклонником её искусства много лет.

и следил за её блистательным талантом ещё до того, как она стала прима-балериной Большого театра два года назад. И вот тогда в моей голове всё окончательно сформировалось в единый научный подход. Я остался после работы в лаборатории и составил подробную докладную записку товарищу Сеченову. Высказал идею создать не просто научную лабораторию, работающую над обратной связью между человеком и роботом, а настоящий, полноценный театр! Театр, в котором в качестве актёров выступают роботы, а зрителями являются люди! Сложный, зато всеобъемлющий центр поведенческой психологии и социальной ассимиляции робототехники. Моя идея Дмитрию Сергеевичу понравилась.

— И он сделал тебя своим помощником! — закончил за него Петров. — Блестящий взлёт! Мои искренние поздравления! Беру с тебя пример! Надо продумать свой алгоритм тщательней! Вдруг удастся оптимизировать его ещё более эффективно! Скажи, Михаэль, если у меня получится, ты сможешь показать его лично академику Лебедеву в АПО?

— Протекционизм? — нахмурился Штокхаузен и тут же рассмеялся. — Не пугайся, я пошутил. К сожалению, я не вхожу в число сотрудников, имеющих доступ в Академию Последствий. АПО военный объект с максимальным уровнем секретности.

— Жаль, — поник Петров. — Если будет что показать, я хотел бы достучаться до самого верха, не то опять всучат убогую грамоту, и весь мир будет пользоваться моим улучшением за большое человеческое спасибо.

— Если ты придумаешь что-то стоящее, я не понесу это в АПО, — Штокхаузен стал серьёзен, — а положу на стол академику Сеченову. Он умеет ценить уникальных специалистов. Пример перед тобой.

— Круто! — воспрянул духом Петров. — Ты настоящий друг, Михаэль, в который раз я в этом убеждаюсь. Чёрт!

Он спохватился.

— Совсем забыл! Я же приготовил для тебя сюрприз! Минуту!

Он убежал на кухню, и Штокхаузен улыбнулся. С Виктором Петровым он познакомился в первый день своего приезда на «Предприятие 3826». Ждать этого назначения действительно пришлось целый год. За это время Штокха-

узен написал ещё три заявления на имя Сеченова, но ответа не было. Он уже подумал, что его отфутболили не глядя, как вдруг в Центральный клинический госпиталь Берлина на его имя пришёл официальный конверт. Оказалось, что конкурс желающих попасть на «Предприятие 3826» немал даже среди докторов наук. Ему досталось место по квоте. Как выяснилось, на «Предприятии 3826» тоже существуют квоты, согласно которым на работу принимаются уроженцы братских республик.

Но даже по квоте нужно выдержать конкурс, и он там вообще никак не из лёгких! Квотированных мест мало, и выигрывают их в основном прибалты и украинцы. Его послужной список был неплох, но главным фактором оказалось то, что он из Германской ССР. Немецких учёных на «Предприятии 3826» не было, и партийное руководство настоятельно рекомендовало Сеченову взять хотя бы одного, чтобы соблюсти формальности, мол, в СССР все дороги открыты для всех. По этой причине его так долго не вызывали: проверяли научные монографии на предмет плагиата и повторов.

По прибытии Штокхаузену был назначен трёхмесячный испытательный срок, несмотря на докторскую степень, на время которого его поселили в общежитие. Общежитие, надо признать, было шикарным. В сравнении с его берлинской квартирой, построенной в первый послевоенный год, оно было маленьким технологическим чудом. В соседней комнате проживал Виктор Петров, так они и познакомились. Петров был выпускником Энергетического института АН СССР, окончил с золотой медалью факультет электросистем. Несколько лет перспективный инженер работал в лаборатории электрических проектов при институте, после чего получил назначение на «Предприятие 3826».

На тот момент Петрову было двадцать семь, работал он на предприятии третий месяц, и его испытательный срок подходил к концу. По сравнению со Штокхаузенем, Виктор был тут чуть ли не завсегдатаем и с удовольствием показывал, что, где да как, попутно объясняя тонкости русского разговорного языка и особенности советского менталитета. В итоге они сдружились и продолжили общаться после того, как каждому была выделена собственная служебная жилплощадь.

Сказать, что Петров ему сильно импонировал, было бы преувеличением, но для компании, в качестве средства от скуки, он вполне подходил. Амбициозный, тщеславный, жаждущий карьеры и признания — это лучше, чем коммунистические болванчики, у которых вместо мозгов конспекты трудов Ленина. С Петровым можно поговорить на жизненные темы, это разнообразило общение с коллегами по лаборатории, которые все как один были преисполнены плакатных лозунгов о светлом будущем. Может, боялись потерять работу, а может, они и вправду верили во всё это торжество мирового коммунизма. Впрочем, воочию увидев, чего достигла наука на «Предприятии 3826», Штокхаузен и сам был недалёк от того, чтобы поверить в светлое будущее. Вот бы ещё в этом светлом будущем иметь возможность пожать плоды собственных достижений в полной мере, а не делить их с каждым безмозглым бездельником, прожигающим свою бесполезную никчемную жизнь в соцсетях. А то как-то несправедливо получается: работало, изобретало и строило деятельное меньшинство, а пользоваться будут все.

— Та-та-та-да! — провозгласил Петров, возвращаясь с парой бокалов и двумя запотевшими бутылками пива. — Оцени, Михаэль!

— Ого! — Штокхаузен расширил глаза. — «Баварское»! Где ты его нашёл в Казахстане?!

На этикетке, покрытой холодными каплями, красовалась знакомая надпись: «Советское пиво №1 в мире!» И ниже название: «Баварское». До Казахстана такой изысканный деликатес довозили крайне редко, и Штокхаузен за всё время своего пребывания на «Предприятии 3826» видел его всего однажды.

— В продуктовые автоматы завезли сегодня утром, — раскрыл секрет Петров. — Там мгновенно образовались очереди, и всё смели за полчаса. Я успел отхватить последнюю пару бутылок, знал, что тебе понравится!

— Ты не ошибся, мой друг, ты не ошибся. — Штокхаузен с удовольствием разливал холодное пиво. — У нас говорят: «Весь мир встает в очередь за двумя вещами — советскими гражданскими роботами и баварским пивом».

— Логично, — улыбнулся Петров и поднял бокал. — За дружбу и перспективы!

— За перспективы! — подхватил Штокхаузен.

Дремлющий за центральным диспетчерским пультом дежурный инженер встрепенулся и протер глаза. Он окинул насмотренным взглядом сложную схему комплекса, размещённую во всю стену перед центральным пультом от пола до потолка, и облегчённо расслабился. Всё спокойно, показало! Громадный пульт испещрён сотнями лампочек, но ни одна из них не горит красным. Судя по жёлтому огоньку в одном из хранилищ экспериментально-тестовых образцов идёт техническое обслуживание термической установки хранения, остальные сегменты сложного научного комплекса функционируют в штатном режиме.

Дежурный инженер откинулся на спинку широкого удобного кресла и прикрыл глаза, не забывая поглядывать на громадный пульт, переливающийся сонными сигнальными огоньками. С самого вечера, с момента заступления на дежурство, его не покидает какое-то смутное неприятное ощущение. Наверное, это сказывается переутомление. Причём даже не своё собственное, а полимеров. Говорят, они могут уставать, если их перегружать. В случае перегрузки полимер может на какое-то время утратить связь с электроникой. Вот только никто не знает, насколько это существенная проблема, потому что вроде как такое за всю историю «Предприятия 3826» случалось всего три или четыре раза. Но если они устают и при этом испускают волны, кто сказал, что их усталость не может передаться дежурному инженеру? Может с научной точки зрения это чистой воды ерунда, зато тут вокруг полно полимеров, всё заполнено ими! Это же единственный комплекс за пределами основного периметра «Предприятия 3826», производящий полимеры.

Здесь, в Раменках, создан самый настоящий наукоград. Конечно, истинным храмом советской науки является сама «Предприятие 3826». Именно там сосредоточена квинтэссенция научно-технического прогресса: исследовательские центры, конструкторские бюро, экспериментальные полигоны, производственные фабрики, сборочные заводы и, конечно же, знаменитые научные комплексы, в лабораториях которых куётся научное будущее. Огромные территории

подчинённые Её Величеству Науке! В Раменках, разумеется, подобного размаха нет, всё же это часть Москвы. Но и утлым местный комплекс уж точно не назовёшь!

Двадцать гектаров пространства, примыкающего к городской высотке МГУ, являют собой роскошный парк, усеянный массивными стеклянными куполами научных корпусов. Под этими куполами вольготно расположились физико-математические и биохимические лаборатории, в которых проводятся различные расчёты и вычисления, связанные с производством новых видов полимеров. Здесь же находится НИИ, занимающийся изучением скрытых свойств полученных новинок, и мощный вычислительный центр, сводящий воедино информацию от всех вышеперечисленных объектов.

Но самое главное — непосредственное производство полимеров расположено под землёй. Не каждый в курсе того, что под научным городом-садом, работать в котором мечтает любой советский студент-комсомолец, расположен ещё один наукоград. Именно здесь бьётся научное сердце комплекса «Раменки»! В этих лабораториях мечтает работать любой советский учёный, который ещё не достиг тех значительных научных горизонтов, за которыми появляется возможность попасть на работу на основное «Предприятие 3826». Попасть сюда ой как непросто!

Дежурный инженер, прежде чем получить назначение в «Раменки-П», то есть «Раменки-Подземный», выдержал конкурс шесть человек на место! И показал в этом конкурсе один из лучших результатов! Это хорошее начало. Можно поработать тут одну пятилетку, а после подать заявление с просьбой предоставить ему должность на самом «Предприятии 3826». Там конкурс вдвое больше, но к тому времени у него уже накопится определённый опыт. Быть может, даже удастся получить место в Центральной головной лаборатории полимеров. ЦГЛП — это сердце «Предприятия 3826», там разрабатываются, конструируются и создаются новые виды полимеров.

Руководит ЦГЛП лично академик Сеченов, и он же лично проводит там все ключевые действия. Производственной частью занимается профессор Захаров, именно к нему было бы здорово попасть, потому что у самого Сеченова нет живых ассистентов. Выдающему гению советской науки ас-

систируют ультрасовременные кибернетические помощники, потому что простому человеку крайне сложно выдерживать высочайший темп вычислений, которым живёт ЦГЛП. Сложно даже просто представить себе, как всё это умещается в гениальном мозгу академика Сеченова, но тем не менее это так. Великие изобретения, сделавшие СССР безоговорочным лидером мировой науки, рождаются в мозгу Сеченова и когорты его соратников. И только после этого вся мощь «Предприятия 3826» приступает к осмыслению и освоению совершённых ими открытий.

Собственно, именно этим и занимается наукоград в Раменках. Из ЦГЛП сюда поступают формулы новых полимеров, в строгом соответствии с которыми в подземных производственных лабораториях создаются реальные образцы. Так как внутри того или иного полимера существуют тысячи подвидов, то изучение их свойств распределено по профильным комбинатам «Предприятия 3826», включая и «Раменки». Свойства каждого подвида изучаются, результаты поступают в ЦГЛП, где на их основании принимается решение об отказе от данного подвида или о направлении одного на дальнейшую доработку. Фактически здесь выясняются перспективы всей советской науки!

И, как это ни прискорбно, всегда находятся те, кого это бесит. Мировой капитализм никак не может смириться с мыслью, что в мировой научной гонке он всё более и более становится аутсайдером. Заокеанские враги спят и видят, как рушится советская наука, и наизнанку выворачиваются, дабы их сны стали реальностью. Шпионы всех мастей осаждают СССР толпами. КГБ вылавливает их десятками, если не сотнями, но злобный спрут мирового капитализма без устали присылает новых. Поэтому все научные комплексы «Предприятия 3826» снабжены мощной защитой: всюду стоят камеры, не дремлющие ни секунды, и по малейшей тревоге к месту происшествия выдвигаются боевые роботы серии «Полкан-М».

Дежурный инженер вспомнил, как он участвовал в учениях, проводимых КГБ каждый квартал. Несколько солдат изображали диверсантов врага, и ему надлежало увидеть на центральном пульте тревожный сигнал и объявить тревогу. Сложность заключалась в том, что сигнал этот ещё предстояло распознать: вражеские диверсанты обманули камеры,

применив сложные технические средства, и выдали себя за сотрудников комплекса. Они выкрали образец полимера из тестовой лаборатории и попытались скрыться. Система же отреагировала на кражу как на плановую замену технических элементов. На центральном пульте зажглась не красная лампочка тревоги, а желтая лампочка, сообщающая об остановке данного научного узла на техническое обслуживание. Дежурный оператор, понятное дело, сразу догадался, в чём тут дело. Учения всё ж таки!

Он объявил тревогу, и «Полканы» довольно быстро всех переловили. Тут стоит отметить, что с «Полканами» лучше не шутить. Бегают быстро, стреляют метко, а модификация «Полкан-М» ещё и изготавливается из специальной брони «СПТ-3», которую мало какое оружие пробивает. Даже гаусс-винтовка, новое оружие Советской Армии, может не уничтожить «Полкана-М» с первого выстрела, если пуля не попадёт в критически важные узлы и агрегаты робота. А ведь это очень мощное оружие! По роду деятельности он дважды принимал участие в первичных предварительных испытаниях гаусс-винтовки, тогда она ещё носила кодовый индекс «ГВП-1» — гаусс-винтовка пехотная, модель номер один. Одного выстрела из неё было достаточно для передачи цели такого количества энергии, что небольшой хозяйственный робот разрушался фактически полностью.

В общем, неудивительно, что боевые киберпсы сумели быстро локализовать и обезвредить вражеских шпионов во время учений. Нет никаких сомнений в том, что и в реальных условиях «Полканы» сработают не хуже. Тут главное, чтобы их вовремя выпустили. Потому что без «Грифа» в небе они возьмут вражеский след не сразу, хотя в итоге всё равно возьмут. Во время учений вражеские диверсанты стремились сделать ставку именно на это: они отключают питание «Грифа», тот садится, и роботы в этом районе на пару минут остаются без централизованного руководства. В таком случае «Полканам», бросившимся в погоню, предстоит получать информацию от других роботов напрямую, и совсем не факт, что каждый встреченный киберпсами робот видел вражеских...

Дежурный инженер подпрыгнул, холодея от внезапной догадки, и сон словно ветром сдуло. Жёлтая лампочка техобслуживания! Какое, к чёрту, техобслуживание в полпер-

вого ночи, да еще в секретном хранилище экспериментальных образцов. Там уникальные полимеры, новые виды. Каждый в единственном экземпляре! В заполненном хранилище не может быть техобслуживания, оно проводится, когда там пусто!

Он лихорадочно вонзил палец в красную кнопку с надписью «Тревога».

В трёх тысячах километров от подземного комплекса «Раменки», на базе отряда «Аргентум», настойчиво жужжал зуммер вызова телефона секретной связи, и Кузнецов открыл глаза. Часы на журнальном столике показывали четверть утра, и индикатор ожившего телефонного аппарата сигнализировал о прямой линии с дежурным офицером КГБ Управления «Ш». Стало быть, случилось очередное ЧП. И раз на базе не режут сирены тревоги, значит, случилось оно где-то достаточно далеко отсюда и Управление «Ш» успело принять меры. Но они оказались недостаточными. Кузнецов снял трубку:

— Подполковник Кузнецов на связи!

— Чрезвычайное происшествие! — сообщил дежурный офицер. — Полчаса назад дежурный инженер комплекса «Раменки-П» обнаружил проникновение в секретное хранилище экспериментальных полимеров и поднял тревогу, но по горячим следам задержать шпионов противника не удалось. Похищен термический сейф с уникальным образцом. Согласно чрезвычайному протоколу, операция по возврату сейфа поручается отряду «Аргентум».

— Вас понял, — коротко ответил Кузнецов. — Приступаем.

Подполковник протянул руку к небольшой панели управления, вмонтированной в столик возле телефона секретной связи, и щёлкнул тумблером с надписью: «Общий сбор». Лишнего шума и суетливой чехарды сейчас устраивать не стоит. Работа предстоит непростая, и выполнить её необходимо быстро и чётко, потому что времени на вторую попытку может не оказаться. А это означает, что подготовка должна быть проведена без спешки и без ошибок. Пусть отряд соберётся спокойно и без суеты. Кузнецов убедился, что все восемнадцать лампочек личной индикации бойцов «Аргентума» вспыхнули, подтверждая принятие вызова, после чего встал с кровати и направился в ванную.

Спустя полчаса «Аргентум» в полном составе собрался на КП базы, снаряжённый на все сто и вооружённый до зубов. Однако дело неожиданно приняло ещё более сложный оборот, нежели казалось изначально. Ни один из пограничных «Узлов», развешанных вдоль всей протяжённости границы СССР, не видел сигнала маячка сейфа, похищенного в «Раменках». Чтобы обнаружить пропажу, Кузнецов поставил на уши весь Отдел секретной и правительственной связи, и полковник Муравьёва лично возглавила поиски сигнала. Полтора часа ОСПС не мог добиться результатов, в семь утра на КП прибыл лично Сеченов, и ситуация поначалу показалась тупиковой.

— Сейф не покидал территорию СССР. — Полковник Муравьёва потеряла красные от напряжения глаза. — Это совершенно точно. Сейф имеет встроенный полимерный аварийный маяк. Государственная граница перекрыта «Узлами» по всей протяжённости, включая побережья. Каждый пограничный участок контролируется парой «Грифов», что исключает утрату контроля над границей в случае выхода из строя одного из них.

Полковник Муравьёва указала на стену, на которой карта СССР была выложена сложной системой разноцветных индикаторов:

— С момента похищения и до сих пор все «Грифы» функционируют в штатном режиме. «Узлы» подтверждают наивысший уровень качества радиосигнала. Если противник ради кражи сейфа не выкопал подкоп под госграницей глубиной в десять и длиной в тысячу метров, то, повторюсь, сейф границу не пересекал! Не знаю, могли ли враги открыть сейф и вывезти похищенный образец в другой ёмкости.

— Открыть сейф, не уничтожив образец, невозможно, — уверенно заявил Сеченов. — Термический сейф — это изобретение профессора Захарова. Уникальное решение, аналогов которому в мире не существует.

Учёный коснулся кнопки проектора и вывел на стенной экран изображение:

— Сейф представляет собой ёмкость размером с половину кирпича. Внутри находится капсула из специально созданного полимера. В капсулу залит образец. Сама капсула находится в химико-полимерной суспензии совершенно другого типа. Если нарушить целостность сейфа любым спо-

собом, суспензия мгновенно запустит химическую реакцию и выжжет содержимое сейфа до состояния пепла.

— Насколько я помню, — Кузнецов взглянул на чертежи сейфа, вспоминая информацию об этом изделии, — химическая реакция начинается сразу, как только сейф извлекли из хранилища. Только идёт она медленно. Если не ошибаюсь, вспышка начинается через двадцать четыре часа?

— Через двадцать пять, — уточнил Сеченов. — Скорость реакции специально так рассчитана. Чтобы сейф можно было перевезти с места на место в случае необходимости. Или устранить поломку в хранилище, если такая вдруг произойдёт. В общем, на всякий случай. Но при попытке несанкционированного вскрытия суспензия реагирует мгновенно.

— То есть у нас осталось двадцать два часа, — подытожил Кузнецов. — За это время необходимо найти, куда противник спрятал сейф.

— Странно, что они вообще решились на это похищение, — задумчиво произнёс Сеченов. — Чтобы открыть сейф, к нему необходим термический ключ. Это специальная последовательность тепловых импульсов. Иными словами, сейф надо нагревать и охлаждать в определённой последовательности. И у каждого сейфа она своя. Не говоря уже о том, что нагрев и охлаждение необходимо производить равномерно по всей площади сейфа, что требует специального оборудования. Шансов на успех у них немного.

— А что там, в этом сейфе? — Капитан Нечаев вопросительно посмотрел на Сеченова. — Неужели этот образец нельзя произвести заново? А эти уроды пусть себе обломаются с сейфом через двадцать два часа!

— В хранилище на момент похищения находилось ровно сто сейфов, на вид все абсолютно одинаковые, — вздохнул Сеченов. — К сожалению, враги ухитрились похитить именно этот сейф. В нём находятся подробные алгоритмы технологии производства полимер-легированных сплавов, из которых изготавливаются советские роботы. Высшее руководство СССР настояло, чтобы столь ценная информация не хранилась только в одном месте, и потребовало отправить в Москву копию. По роковой случайности враги похитили именно её. Вряд ли они смогут подобрать к сейфу термический код, но всё равно это очень большой риск...

— Что-то слишком много роковых случайностей. — Кузнецов задумчиво разглядывал карту СССР. — Сначала противник успешно проникает на территорию комплекса «Раменки-П». Затем успешно получает доступ в хранилище, которого, в смысле доступа, нет даже у меня. После этого успешно отключает от хранилища сейф, не вызывая объявления тревоги. И под занавес успешно покидает комплекс «Раменки». Надо быть прямо-таки магом какого-нибудь фиолетового ранга, чтобы заполучить столько «успешностей»! Нет сомнений, что это дело рук агентуры ЦРУ, на такое способны только их профессионалы, но даже им бы это не удалось без помощи изнутри. Кто-то в «Раменках-П» переметнулся на сторону врага! Что из этого вытекает, капитан Нечаев?

— Из этого, — хмуро ответил Плутоний, — вытекает предположение, что предатель мог передать врагам термический код к сейфу.

— Сам код — вряд ли, — покачал головой Сеченов, — его никто не знает, он занесён в полимерную базу данных управляющего компьютера хранилища. Сейфов же очень много, коды меняются часто, запоминать их все человеку не имеет смысла. Но предатель мог передать врагам алгоритм дешифровки. В таком случае враги действительно могут попытаться подобрать термический код. Если, конечно, им хватит времени. Потому что код вводится путём нагревания и охлаждения. Даже если у вас имеется точный код, на его полную реализацию потребуется час.

— Значит, противник знал об этом заранее и не стал тратить время на вывоз сейфа за пределы СССР и доставку его в лаборатории ЦРУ, — сделал вывод Кузнецов. — Я вижу только один вариант: враги спрятали сейф где-то на территории СССР и подбирают к нему термический код. Вопрос: где можно этим заняться?

— Для такого оборудования потребуется мощный источник энергии, — задумался Сеченов. — Найти всё это не так-то просто...

— Много энергии и мало времени! — Кузнецов обернулся к полковнику Муравьёвой: — Противник нашёл место неподалеку от комплекса. Необходимо проверить Москву на предмет резкого скачка энергопотребления.

— Сделаем! — Полковник Муравьёва надела наушники системы внутренней связи и принялась раздавать приказа-

ния своим подчинённым. ОСПС принялся опрашивать все электроподстанции Москвы, и Кузнецов перевёл взгляд на Сеченова:

— Дмитрий Сергеевич, необходимо усилить систему охраны всех комплексов «Предприятия 3826» независимо от их территориальной принадлежности! Если подобное повторится в будущем, у нас должен быть способ обеспечить врагу достойное противодействие в первые же секунды объявления тревоги!

— Да-да, разумеется! — мгновенно согласился учёный. — В свете сегодняшних событий возражений против вашего требования ни у кого не возникнет. Что вы предлагаете?

— Необходимо увеличить количество боевых роботов, охраняющих комплексы, — ответил Кузнецов. — Настолько, насколько потребуется, чтобы перекрыть ими периметр комплекса и полностью исключить любую возможность проникновения как изнутри, так и снаружи. Таким образом враги, даже если они уже пробрались внутрь и что-то выкрали, не смогут покинуть территорию комплекса, и выловить их будет намного проще. Только нужно запрограммировать роботов на самостоятельные действия во время экстренной ситуации.

— Разумно, — одобрил Сеченов. — Создать такой алгоритм поведения будет несложно. Главное — не забыть встроить алгоритм строгих ограничений, чтобы боевые роботы, перешедшие в автономный режим, не могли покинуть пределы комплекса и атаковать тех, кто находится за периметром вверенной им территории...

— Есть! — воскликнула полковник Муравьёва, указав на появившуюся на стене карту Москвы. В одном из многочисленных районов ярко светилась красная лампочка. — Это посольство Великобритании, — объяснила полковник. — Вот уже два часа там потребляют электроэнергию в таком объёме, в каком не потребляли за пять последних лет.

— Хитро! — оценила старший лейтенант Нечаева. — КГБ бросилось перекрывать въезды-выезды из страны, а враги преспокойно доставили сейф в посольство и подбирают код.

— Да ещё посольство выбрали не своё, а британское, — добавил капитан Нечаев. — Туда мы вряд ли полезем первым

делом. Сначала все шишки посыплются на посольство США, и за это время противник успеет перепрятать сейф. А сигнал от него есть?

— Нет. — Муравьёва отрицательно покачала головой. — Сигнала нет.

— Значит, у них там есть уютный подвальчик десятиметровой глубины, — сделал вывод капитан Нечаев. — Нам очень нужно туда попасть!

— Что ж, — многообещающе усмехнулся Кузнецов, — покажем адептам мирового империализма силу советской науки, стоящей на вооружении КГБ. Отряду готовиться к погрузке! Вылет через полчаса. Разойдись!

Расстояние в три тысячи двести километров от «Предприятия 3826» до Москвы «ДБМ-1», который в «Аргентуме» прозвали «Ласточкой», преодолел за три часа. На военном аэродроме самолёт встречали представители московского КГБ и автобусы с затемнёнными стёклами, замаскированные под туристические. Московские коллеги вникли в детали операции на ходу и немедленно занялись организационными приготовлениями.

— Британского посла мы из посольства вытащим, не вопрос, — заявил генерал, руководящий штабом проведения операции. — Но что это вам даст, товарищ подполковник? Вы же не планируете похитить его и пытать до тех пор, пока он сам не отдаст сейф? Этот метод мы отложили как самый крайний вариант развития событий. Будет грандиозный международный скандал!

Генерал недовольно вздохнул и покачал головой:

— Но отдать врагу такие данные мы не можем. Придётся брать посольство штурмом. Это неизбежно ставит наших дипломатов во враждебных СССР странах в катастрофическое положение.

— Мы обойдёмся без пыток, убийств и громких скандалов, — успокоил его Кузнецов. — Кое-кому в британском посольстве придётся немного понервничать, но до открытого противостояния стран дело не дойдёт. Советское правительство может на нас положиться, мы не подведём! Заодно дадим нашим заклятым друзьям повод хорошенько задуматься!

К десяти утра по московскому времени все приготовления были завершены, и операция под кодовым названием «Глубокий погреб» началась. План здания бойцы «Аргенту-

ма» тщательно изучили еще во время полета, но никакого глубокого подвала на нём, естественно, не имелось. Выходило, что он появился уже в бытность здания британской территории, и московские коллеги из КГБ сидели с хмурыми лицами, соображая, как так случилось, что они пропустили факт столь немаленького подпольного строительства.

Тем временем посла Британии вызвали в Кремль для срочной консультации вместе с десятком послов других стран, и он не решился отказать МИДу СССР, дабы не вызывать лишних подозрений. В Кремле послов встретил лично товарищ Берия, задал им несколько малозначимых вопросов, сделал несколько столь же малозначимых объявлений, после чего скромно признался, что увлекается коллекционированием древних реликвий. И покорнейше попросил уважаемых послов потратить час времени на осмотр его коллекции, выставленной сейчас в Кремлёвском Арсенале. Многие экспонаты впервые выставляются напоказ, потому что являются уникальными историко-археологическими находками. Некоторая часть таковых была найдена спасателями СССР в развалинах сгоревших музеев Германии.

Намёк на то, что отдельные экспонаты могли ранее принадлежать европейским странам, был вполне понятен, и послы отказываться не стали. Послов торжественно и с надлежащим подобному мероприятию пафосом проводили на выставку, и заграничные господа принялись с интересом разглядывать экспонаты. Несколько обходительных, изысканно-вежливых гидов, одетых с иголочки и с безукоризненным английским, ненавязчиво рассказывали дорогим гостям историю обнаружения того или иного экспоната.

Одна из стюардов выставки, стройная привлекательная девушка в элегантном открытом платье индивидуального пошива, с уложенной в виде короны русой косой, вошла в помещение выставочного зала с подносом, уставленным фужерами с напитками.

— Вижу посла, — почти беззвучно произнесла старший лейтенант Нечаева.

— Две минуты, — откликнулся в эфире Кузнецов.

Укрытые системой полимерной маскировки бойцы «Аргентума» закончили скрытное окружение здания британского посольства, и Кузнецов коротко приказал:

— «Шоком» — огонь!

Выросшие словно из-под земли бойцы штурмовой группы «Аргентума» одновременным залпом поразили электрошокком внешнюю охрану посольства. Одновременно с этим вторая группа, преодолев ограждения, мгновенно оказалась у дверей, и идущий первым Плутоний разрядил в дверной замок заряд «Стужи». «Стужа» являлась новой разработкой «Предприятия 3826» и представляла собой распылитель криогенной струи, ставший вторым оружейным блоком левой перчатки бронеформы. Степень криогенной заморозки цели можно варьировать, и сейчас Плутоний заморозил замок максимально.

Металл замка мгновенно покрылся густым слоем инея, и капитан Нечаев нанёс по нему удар автоматным прикладом. Замороженный едва ли не до минус двухсот градусов по Цельсию металл лопнул, словно вдребезги разбивающееся стекло, и разлетелся на мелкие куски. Спустя секунду вторая штурмовая группа была внутри, ещё через две к ней присоединилась первая.

— «Блесна», работай! — вышел в эфир подполковник Кузнецов.

В Кремлёвском Арсенале очаровательная стюардесса подошла к британскому послу и с вежливой улыбкой предложила ему напиток:

— Что желаете, сэр? «Нарзан», «Ситро», шампанское, охлаждённая вода?

— Пожалуй, «Нарзан». — Посол вежливо улыбнулся ей в ответ.

Имплантированная непосредственно в роговицу глаза Блесны полимерная видеокамера сфокусировалась на зрачках посла, мгновенно проводя полное сканирование сетчатки глаз.

— О! — Улыбка Блесны стала уважительной. — Выбор истинного ценителя! Моё уважение, сэр!

— Вы очень любезны, мисс! — Посол доброжелательно посмотрел ей в глаза и взял предложенный бокал.

Полимерная камера сменила фокус и столь же мгновенно переключилась на подушечки пальцев посла, смыкающиеся на стекле бокала. Посол ещё не успел убрать руку с бокалом от расписанного под хохлому подноса, но подробный оттиск папиллярного узора его пальцев был полностью готов к применению.

— Данные получены, — сообщил в эфире Кузнецов. — Возвращайся!

Эффектная стюардесса, мило улыбаясь, раздала напитки нескольким гостям и столь же грациозно покинула выставочный зал с пустым подносом в руках. Британский посол, допив свой напиток, поставил пустой бокал на поднос услужливо подошедшего к нему стюарда и, прежде чем разжать пальцы, сдвинул их вниз по стеклу бокала, смазывая отпечатки. Профессиональная привычка, что поделать!

В этот момент внутри британского посольства стремительно продвигались штурмовые группы «Аргентума». Всех, кто попадался на пути, выключали электрошоком с расстояния в десяток шагов, после чего распыляли в носовые пазухи струю снотворного газа, и обездвиженный противник засыпал. Механические замки вскрывали «Стужей», контроль отпечатков пальцев и сетчатки глаза проходил ещё проще. Один из бойцов, оснащённый блоком полимерной имитации, прикладывал к соответствующим датчикам имитационные поверхности, сконфигурированные согласно полученным Блесной данным, и электроника контроля доступа распахивала двери, принимая параметры посла.

Первый этаж посольства захватили настолько быстро, что находившиеся на втором этаже даже не поняли, что в здании восемнадцать вооружённых людей из КГБ. Двери на лестницы были аккуратно затворены, и затаившиеся возле них бойцы бесшумно обездвиживали тех, кому не повезло спуститься.

— «Аргон»! Я «Криптон»! — раздалось в наушниках Кузнецова. — Мы взяли офицера охраны.

— Химический допрос, — приказал Кузнецов. — Иду к вам.

Подполковник оставил вторую штурмовую группу и переместился к первой. Британскому офицеру охраны уже вкололи полимерный препарат, подавляющий волю к сопротивлению, и Кузнецов обратился к нему на английском:

— Вы знаете, где находится украденный из комплекса «Раменки» объект?

— Да, — слегка заплетающимся языком безразлично ответил офицер. — Он в секретном подуровне. Это под зданием.

— Проведите нас туда! — приказал Кузнецов.

— Там электронный замок. — Сознание офицера охраны утратило связь с реальностью, ему казалось, что он разговаривает с кем-то из своего начальства. — Нужен доступ высокого уровня.

— У меня он есть, я посол Великобритании в СССР, — заявил подполковник Кузнецов. — Отведите меня к объекту, мы доставим его на территорию США.

— Сэр, да, сэр... — полупьяным голосом ответил офицер. — Следуйте за мной...

Отряд «Аргентум» покинул здание британского посольства через пятнадцать минут. К тому моменту разбитый «Стужей» замок заменили на точно такой же новый, и Плутоний, выходявший последним, аккуратно захлопнул за собой двери. Бойцы мгновенно растворились в переулках, ещё через минуту из одного из них выехал туристический автобус и укатил прочь.

— Операция завершена успешно! — Кузнецов вышел на связь с генералом, внимательно разглядывая отобранный у врагов Советского Союза термический сейф. — Объект не повреждён. Потерь среди личного состава нет. Потерь среди противника нет.

— Отлично сработано, «Аргон»! — похвалил генерал. — Что осталось у противника в плане информации о нападении?

— Особо ничего. — Подполковник мстительно улыбнулся. — Все спят крепким сном и смотрят сюрреалистические сны. Когда проснутся, никто из них не сможет ничего вспомнить с уверенностью. Наших лиц никто не видел. Скрытые телекамеры мы отключили, плёнки с записью изъяли. Воспоминания после полимерного сна будут сумбурные и противоречивые. Все замки вскрыты доступом посла. Те, кто был на втором этаже, до сих пор не в курсе произошедшего. У противника не окажется никаких существенных сведений о произошедшем, товарищ генерал. Только досада и неприятное удивление. У них такие технологии появятся через полвека, если не позже. Им не останется ничего, кроме как сделать вид, будто ничего не произошло.

— Они получили по заслугам, — подвёл итог генерал. — Направляйтесь на аэродром, «Аргентум», Волшебник ждёт посылку. Вашу Блесну подвезут к самолёту через полчаса. Молодцы, мужики! Благодарю за службу!

— Служим Советскому Союзу! — отчеканил Кузнецов.

Несколько секунд Захаров молча смотрел в микроскоп, потом включил электронное увеличение, вывел изображение на большой монитор и вновь замер, не сводя взгляда с процесса клеточного синтеза.

— Невероятно... — негромко произнёс он и обернулся на Сеченова: — Как тебе это удалось? Все наши попытки были неудачными без каких-либо перспектив!

— Я воспользовался твоей идеей, — ответил Сеченов, — и взял за опытный образец вместо крысы нервную ткань крупного животного.

— Она ничего не меняет, — отмахнулся Харитон. — Я брал и собаку, и свинью, и даже мозг слона из алма-атинского зоопарка, там как раз умирала старая самка. Ничего не сработало.

— Это мозг серого кита, — улыбнулся Сеченов.

— Где ты его взял посреди Казахстана?! — опешил Захаров.

— Поручил Штокхаузену, — пожал плечами Сеченов. — Он заказал через Министерство рыбного хозяйства и добился того, чтобы мозг был у меня спустя десять часов после вылова кита. Насколько я понял, он отправил в район лова «Кондор», гружённый сухим льдом, и тот летал за китобойным судном неделю.

— Наш вездесущий Штокхаузен, для которого нет ничего невозможного, — подытожил Захаров. — Не самый лучший доктор наук, зато самый лучший администратор. Он выбрал для своей диссертации явно не ту область деятельности. Нам с ним повезло.

— Ещё как, — согласился Сеченов. — С его появлением в лабораторных отчётах наконец-то воцарился порядок. У нашего крупнейшего предприятия, в научных комплексах которого ежедневно проводятся десятки опытов, но талантливых учёных тяготит необходимость фиксировать бесконечный ворох подробностей. В итоге мне постоянно приходилось связываться с тем или иным специалистом, чтобы выяснить у него мелкие детали, которые не разглядеть на видеозаписи, а в отчёте они не отражены, потому что все понадеялись на видео.

— Не напоминай! — отмахнулся Захаров. — Ненавижу рутину! И всю жизнь ею занимаюсь! Впрочем, теперь уже

нет. Интересно, как Штокхаузену удалось всё предусмотреть? Предложенная им форма заполнения электронного лабораторного журнала идеальна! Учитывается абсолютно всё, а что не учитывается, добавляется новой графой одним касанием пальца! Почему никто до него не догадался поставить на это дело киберлаборанта, который просто фиксирует всё, что видит, разнося это по графам единой для всех формы документа? Когда я увидел весь процесс фиксации подробностей любой процедуры, предложенный Штокхаузен, как сейчас помню, первой мыслью было: «Это же элементарно!» А ведь никто не додумался.

— Понятия не имею! — Сеченов пожал плечами. — Но теперь всё проходит втрое быстрее, потому что не надо записывать самому.

— Немецкая педантичность! — определил Захаров и вернулся к изображению клеточного синтеза, происходящего на экране: — Сколько китов теперь придётся выловить?

— Думаю, десяток, не больше, — ответил Сеченов. — Одиннадцатый образец будет уже полностью полимерным.

— Я не сомневался, что когда-нибудь ты решишь эту загадку, — заявил Харитон. — Но не ожидал, что это удастся сделать так быстро. — Он внимательно смотрел на экран: — Поверить не могу: он создаёт сам себя!

— Тут всё сложно, — покачал головой Сеченов. — Пока что он только воссоздаёт разрушенные нервные ткани кита. С этим ещё предстоит работать, но главная задача решена: полимер научился считывать ДНК и выстраивать из себя ткани согласно считанной информации. Фактически, эта нервная ткань не умерла. Она сохраняет жизнь в полимерном растворе.

— При этом она полностью воспроизвела энцефалограмму мозга кита. — Захаров сверился с показаниями контрольных медицинских приборов. — Значит, что в теории мы можем настроить полимер на энцефалограмму человеческого мозга.

Харитон обернулся к Сеченову:

— Поздравляю, Дима! Ты всё-таки открыл нейрополимер!

— Пока это только трансформант, — возразил Сеченов, — но мы однозначно близки к финальной цели! На данный момент он лишь достраивает недостающие ткани носителя. Сам по себе нейрополимер не в состоянии построить ничего, кро-

ме себя самого. Но я придал ему свойство вируса, с которых начинался наш самый первый Реверсант, и научил его считать ДНК носителя, а затем перестраивать себя согласно этому генетическому коду. И вот после этого, когда трансформант полностью перестроил себя по образцу и подобию носителя, он начинает достраивать клетки, необходимые для полноценного существования организма носителя, ставшего его собственным организмом! Но биологически теперь это уже не ткани носителя, это полимерные клетки! То есть это не искусственная форма жизни, это нейрополимерная бионическая конструкция-копия с возможностью самостоятельного ремонта и восстановления. Этаким псевдоискусственный организм. Я назвал этот процесс нейробионикой. Но в качестве официального термина, подлежащего обнародованию, предлагаю назвать это мимикрической адаптацией.

— Почему «мимикрической»? — нахмурился Захаров. — Мимикрия — это процесс маскировки под что-либо, то есть мимикрирующий объект становится похож на свою цель, при этом не меняя своих свойств и не становясь самой целью. А здесь у нас налицо полная трансформация себя в зависимости от ДНК носителя. Почему не назвать это адаптивной трансформацией?

— Потому что в нашем случае это именно маскировка, — хмуро объяснил Сеченов. — Мы никому не расскажем о том, что последует дальше. Официально всё останется на этой фазе: полимер сумел адаптироваться к нервным тканям, что позволит в будущем создавать полимерные копии этих тканей. Никто не должен знать, что произойдёт потом: вскоре мы разработаем нейрополимер, имеющий на порядок более мощную волновую активность, а после научим его настраиваться на излучение головного мозга человека, и электроника со всеми её проводами, сетями и радиоволнами станет не нужна. Как только мы создадим и выведем на орбиту достаточное количество командных узлов высшего уровня, все нейрополимеры планеты станут единым целым с точки зрения волнового пространства. Это будет не какая-то там жалкая сеть. Это будет Массив. Всеобъемлющий Массив, единый объём, перерезать или перекрыть который будет невозможно. Это как сравнивать рыболовную сеть и мировой океан. И подключиться к нему сможет каждый! Каждый сможет стать его частью! Это то, о чём мы с тобой мечтали, Харитон!

— Разумно. — Захаров задумчиво смотрел на делящиеся на мониторе нервные клетки. — Рассказывать такое преждевременно. Насколько я понимаю, людей ещё предстоит убедить в том, что им нужно стать частью сети. Впрочем, это решаемый вопрос. Но давать подробную информацию нельзя. Иначе многие бросятся искать способы управлять Массивом и всеми, кто в нём находится.

— К сожалению, это именно так. — Сеченов помрачнел. — До тех пор пока нейрополимер не будет нами тщательно изучен, никакой информации на эту тему быть не должно. Я не могу быть сразу везде, поэтому мне требуется твоя помощь, Харитон. Займись сопряжением этого мимикрирующего адаптанта — назовём его МА-полимер — с излучениями человеческого мозга.

— Для этого потребуются подопытные люди. — Захаров задумался. — Такую полимерную структуру невозможно создать без экспериментов на живом человеческом мозге.

— У нас есть «Аргентум»... — начал было Сеченов, но Харитон жестом перебил его.

— Рисковать этими ребятами неразумно, — заявил он. — Мы ступаем на опасный путь — кто знает, что нас там ждёт. Может случиться, что только бойцы «Аргентума» смогут нас спасти. К тому же расширение мозга стоит лишь у Екатерины Нечаевой. Одного человека нам будет слишком мало, к тому же её «Искра» — это не нейрополимер, хотя оттапливаться будем именно от неё. Позже можно будет установить «Аргентуму» нейрополимерные «Искры» нового поколения. Пока же нам потребуется расходный материал. Надо запросить у КГБ преступников, приговорённых к смертной казни. Ты можешь сказать, что они нужны нам для испытания оружия. Никто не будет возражать.

— Но, Харитон... — Сеченов опешил. — Это же живые люди!

— Это нелюди, — жёстко оборвал его Захаров. — Убийцы, насильники, наркоманы. Советскому народу от них одни только слёзы. Вот пусть и послужат ему напоследок. Искупят вину, как положено. Всё честно!

— Но ведь это не выход! — потрясённо произнёс Сеченов. — Нейрополимер будет копировать их мозг целиком! Вдруг их извращённые синапсы повлияют на копию! Мы же

ещё не знаем, насколько точно будет скопирован человеческий мозг! Это же не кит, это человек, носитель разума!

— Начальную технологию отработаем на преступниках, — предложил Харитон. — Чтобы не губить слишком много подопытных. Потом, когда появится понимание, предложим опыты на добровольцах. Объявим, что нужны добровольцы во имя науки, выправим через правительство для них высокие награды и денежную компенсацию их семьям в случае чего. Вот увидишь, добровольцы найдутся.

— Я не сомневаюсь, что добровольцы найдутся, — горестно вздохнул Сеченов. — Именно этого я и боюсь. Погибнет много хороших людей...

— Погибнет много нехороших, — отрезал Захаров. — Хороших людей погибнет мало. Я сам этим займусь, ты для этого слишком мягок. Работай над увеличением мощности волновой активности нейрополимера. Подойдём к процессу с разных сторон и встретимся на середине: у тебя будет готов мощный нейрополимер, а я предоставлю ему возможность настроиться на человеческий мозг. После этого будем думать, как убедить всех объединиться в единый коллектив.

— Будь по-твоему. — Сеченов погрузстнел. — Передавай все свои задачи ученикам и концентрируйся на нейрополимере. Тебе понадобится помощник, одному с таким объёмом не справиться. Но я даже не знаю, кто может быть настолько надёжен...

— Я привлеку Филатову, — решил Захаров. — Она моя лучшая ассистентка, талантливый нейрохирург. Но главное — она идейная девушка. Глубоко верит в науку и фанатична в плане жажды свершений. Она быстро осознаёт, что нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц. Хирург как никто другой понимает, что для того, чтобы спасти организм, иногда неизбежно приходится его резать.

**Москва, Кремль, рабочий кабинет Сталина
секретное совещание**

14 февраля 1951

Сталин ещё раз обвёл всех присутствующих суровым взглядом, задержавшись на Сеченове, и молча кивнул Молотову. Тот поспешил коснуться пальцем сенсорной панели пульта.

управления кабинетной электроникой, встроенного в поверхность стола, и свет в кабинете погас, сменяясь вспыхивающим настенным экраном. На экране транслировалась запись обращения президента США к американской нации, сделанная восьмого марта сего года. За минувшие дни речь американского президента была тщательно изучена дважды, но раз Сталин пожелал включить этот отрывок, значит, он нашёл некий способ противодействия американцам.

Эту догадку тем более подтверждает факт присутствия на закрытом правительственном собрании Сеченова. Коба задумал что-то глобальное. Вопрос лишь в том, чья это была идея — его или Сеченова? И во взглядах остальных Молотов видел тот же вопрос. Это Сталин решил предпринять нечто, для чего требуется научный подход, или Сеченов обрёл на вождя народов так много влияния, что Коба теперь включает высоколобого выскочку в команду старых партийцев, проверенных временем? Сегодня здесь собрались только самые приближённые. Выходит, у них теперь есть ещё один конкурент в борьбе за власть?

Тем временем президент США пафосно вещал с экрана:

«...Я с гордостью сообщаю гражданам великих Соединённых Штатов о запуске нашей первой атомной электростанции! Эта АЭС полностью, от первых чертежей и до мощных реакторов, разработана американскими учёными!»

Речь президента прервалась бурными аплодисментами, а затем он продолжил:

«Однако это лишь первый шаг. Леди и джентльмены! Сегодня мы открываем программу «Энергия для всех» — уникальный суперпроект, благодаря которому на территории США будут построены пятьдесят атомных электростанций. Мы создадим атомное сердце страны, которое обеспечит её настолько дешевым электричеством, что каждый гражданин сможет потреблять его в неограниченном количестве! Вы только представьте себе этот уровень жизни! Кто-то, возможно, скажет, что это фантастика, что это нереально, потому что потребуется десятки лет и огромные средства, которых у нас нет! Но я отвечаю: это реально! Это вполне возможно, и мы сделаем это! Нашей великой нации не в первый раз приходится мобилизовывать все...»

Сталин кивнул, Молотов прервал трансляцию и зажёл в кабинете свет.

— Партия, — после восклицаний американского президента тихий голос Сталина казался ещё тише, но отлично был слышен в любом уголке кабинета, акустика которого специально была подогнана под особенности негромкого голоса вождя, — собрала вас сегодня, товарищи, чтобы обсудить смысл слов, прозвучавших на этой записи из уст предводителя наших врагов. США задумали строительство пятидесяти АЭС, но это лишь вершина айсберга. Как наши разведчики сообщают, программа «Энергия для всех» является прикрытием строительства подземных шахт для запуска ядерных ракет и размещения стратегических бомбардировщиков с атомными бомбами на борту. Всё это делается для того, чтобы уничтожить нашу Родину.

Вождь народов сделал паузу и по обыкновению скользнул взглядом по каждому из присутствовавших, словно хотел прочитать их мысли и уличить в нелояльности.

— Советский народ не будет сидеть сложа руки и ждать, когда враги окрепнут и наберут силу. Мы не позволим им спрятать ядерное оружие туда, где мы не сможем достать его ударами с орбиты. Советская наука предлагает партии способ разделаться с врагами коммунизма раз и навсегда. Товарищ Сеченов, огласите подробности.

Молотов мысленно выругался. Значит, всё-таки Сеченов. Это его идея, и Коба за неё ухватился. Плохой знак. Теперь придётся искать средство, как обломать этому выскочке прорезавшиеся зубы.

— Кхм... — Сеченов явно чувствовал себя неуютно среди партийной и государственной элиты. — Наше предложение заключается в следующем... Как известно, экономика США выстроена по капиталистическим принципам свободной торговли... то есть я хочу сказать, что все эти пятьдесят АЭС американцы не будут строить силами госкомпаний. Правительство США заключит ряд договоров с частными строительными фирмами. В том числе и на строительство пусковых шахт для ядерных ракет и подземных аэродромов. Строить всё это будет частный бизнес, а частный бизнес в первую очередь интересуется прибылью. Превысить сумму госконтракта у них вряд ли получится, зато за возможность серьёзно сократить издержки и себестоимость они ухватятся двумя руками.

Учёный замолчал, блуждая вопросительным взглядом по слушающим его власть имущим, и поспешил продолжить:

— Мы предлагаем дать им такую возможность! Как известно, США — это единственная страна в мире, сопротивляющаяся поставкам советских гражданских роботов. Гражданам и организациям Соединённых Штатов запрещено покупать наших роботов, так гласит американский закон. Поэтому мы предлагаем поставлять им наших роботов бесплатно. Если предположить, что ООН признает советских гражданских роботов продукцией гуманитарного назначения, то американские компании смогут завозить их безо всякой оплаты, по цене себестоимости доставки. Это колоссальная экономия на рабочей силе. Наши роботы заменят живых рабочих на американских стройках, и это обойдётся капиталистическому бизнесу в гроши, в сравнении с оплатой живых рабочих, да и в сравнении с чем угодно!

Сеченов увидел непонимание в глазах слушателей и поспешил добавить:

— Мы тщательно просчитали финансовую модель предлагаемой схемы! Советский Союз будет отдавать всему миру роботов бесплатно, но сервисное, техническое и инженерное обслуживание по-прежнему будут производиться за деньги! Наши доходы существенно снизятся, но СССР всё равно остаётся в прибыли, причём достаточно солидной!

— То есть мы, — многозначительно произнёс Молотов, — своими руками построим для США их АЭС и шахты для ядерных ракет, которые потом полетят в нас. Я правильно вас понял, товарищ Сеченов?

— Отчасти, — Сеченов вздохнул, — впрочем, как всегда. С вашего позволения, я закончу: да, мы поставим США своих роботов бесплатно. Капиталисты не смогут устоять перед таким соблазном. Ещё Карл Маркс сказал, что «нет такого преступления, на который не пошёл бы бизнес ради трёхсот процентов прибыли». США возьмут наших бесплатных роботов и задействуют их везде, в том числе на строительстве АЭС и ядерных шахт. Поэтому мы с самого начала будем знать точно, что и где они строят. Когда программа «Энергия для всех» будет запущена, в решающий час мы отдадим нашим роботам приказ, и они захватят это атомное сердце США изнутри. Советский Союз получит всю энергетику и ядерный арсенал Соединённых Штатов.

Молотов молча стерпел оскорбление. Как только представится возможность, он припомнит это Сеченову. Пока же выгодней сделать вид, что слова яйцеголового выскочки его нисколько не задели. Несомненно, Берию этот выпад порадовал. То-то он взял ход беседы в свои руки.

— Насколько ваше предложение оправданно? — поинтересовался председатель КГБ. — Допустим, американцы взяли наших строительных роботов и принялись рыть свои ядерные шахты. Первое, что они сделают, это разберут роботов и убедятся, что внутри нет никаких жучков, маячков и скрытого вооружения. Второе, что они сделают, это удалят наше программное обеспечение и заменят его на собственное, и наши роботы станут их роботами. И что мы выиграли?

— Всё, — коротко ответил Сеченов. — Мы именно на это и рассчитываем. Нам совершенно не нужны ни шпионские жучки, ни тайные радиопередатчики с оружием, ни программное обеспечение. Пусть американцы меняют это как им заблагорассудится. Всё, что действительно делает наших роботов уникальными, это сплавы, из которых они состоят, и полимеры, являющиеся частью технической конструкции кибернетических механизмов. Без полимеров роботы полностью теряют работоспособность и превращаются в металлический лом. Американцы вслед за нашими постоянными клиентами быстро поймут, что удалить из робота полимеры означает сломать его без возможности восстановления. Поэтому после нескольких печальных экспериментов они оставят полимеры в покое. Это мы уже проходили на примере первых поставок в другие страны.

— То есть наши роботы управляются через полимеры? — нахмурился Молотов. — Почему вы скрыли этот факт от партии и правительства?

— Я не скрывал. — Сеченов глядел на Молотова взглядом святого великомученика: — Ваша Особая комиссия получала от меня исчерпывающие по своим подробностям секретные отчёты.

— Понять их никто не смог! — отрезал Молотов.

— Разве это моя вина? — парировал Сеченов. Он окинул взглядом ухмыляющихся партийных бонз и посмотрел на Сталина: — Я считаю, что это показатель! Если даже сам товарищ Молотов не сумел проникнуть в тайны полимеров, то для США эта задача является невыполнимой в принципе.

Потому что никаких формул и объяснений мы им давать не собираемся. А без формул и схем они с тайной полимеров не разберутся. Иначе бы давно разобрались, мы ведь продаём роботов их союзникам. Глупо думать, что их учёные не разбирали наши кибермеханизмы пару-другую тысяч раз. Для них это техническая жидкость, совмещающая в себе свойства гидравлики и усилителя радиосигналов. Вещь уникальная и невозпроизводимая, но не более того. И если никто не скажет им обратное, то и подозрений не возникнет.

— Знали бы вы, товарищ Сеченов, — усмехнулся Берия, — сколько особых тайн хранят стены этого кабинета! И ни одна из них не покинула эти стены, как вы помните! Это вопрос жизни и смерти, с ним не шутят! Однако я понял, что в нужную секунду ваши роботы получают приказ захватить атомное сердце американцев. Но как они его выполнят без оружия?

— При помощи подручных средств и рукопашного боя, — объяснил учёный. — Роботы стальные, уничтожить их не так просто. Гораздо сложнее, чем поразить живого солдата. В то же время удар, нанесённый стальной рукой, оборудованной гидравлическими усилителями, может убить человека сразу, если удачно попадёт. А если неудачно, то ничто не мешает роботу ударить дважды, трижды или сколько потребуется! В крайнем случае робот может взять в руки подручные средства или применить в качестве оружия собственные узлы и агрегаты, если таковые у него имеются. Например, бур для сверления стен, пила для обрезки деревьев, сварочный аппарат для строительных работ и тому подобное — всё это может стать оружием. При этом внешне робот не будет иметь никаких признаков двойного назначения. Мы воплотим в этом концепцию человека: двое людей, один из которых матёрый убийца, а второй сентиментальный поэт, внешне имеют одинаковые отличительные признаки: у обоих руки, ноги и голова. У США не окажется ни малейшей возможности доказать, что наши гражданские роботы имеют военное назначение. Потому что у данных роботов не будет ничего военного. Могу ответить на другие вопросы, если таковые имеются!

Полчаса присутствующие расспрашивали Сеченова о деталях, лишь Молотов молча поглядывал на Сталина. Коба уже всё решил, это видно, опять этот его взгляд... Но

на этот раз, надо признать, предложение Сеченова было действительно уникальным. Двойного оскорбления Молотому не простит, но проект этот необходимо продвигать в качестве первоочередного. Впрочем, это понимали все. В конце концов голосование за прошло единогласно, и Сталин подвёл итог:

— Партия предоставит вам все необходимые полномочия, товарищ Сеченов. Есть мнение, что проект необходимо назвать «Атомное сердце», это название подходит как нельзя лучше. Одним из важнейших приоритетов партия видит сохранение абсолютной секретности. Кто ещё знает о проекте, кроме здесь присутствующих?

— Академик Челомей, профессора Захаров и Лебедев, которые участвовали в разработке, — ответил гениальный учёный. — Командир отряда «Аргентум» подполковник Кузнецов, он консультировал нас по отдельным нюансам рукопашного боя. Сначала мы хотели обойтись без военных, но работы дрались довольно нелепо, и для адаптации хотя бы некоторых прикладных аспектов потребовалась консультация специалиста. Больше никто не в курсе.

— Пусть так и остаётся. — Сталин впери́л в него испытующий взгляд и перевёл его на Берия: — Товарищ Берия, проследите за этим с особой тщательностью.

— Слушаюсь, товарищ Сталин! — с готовностью отпортовал Берия, бросая на Молотова косой взгляд.

Ну-ну, Молотов мысленно покачал головой. Вряд ли Коба отдаст такой проект в одни руки. Сейчас он разделит контроль на несколько частей. Вопрос: на сколько именно?

— Партия считает, что КГБ справится с задачей обеспечения безопасности проекта «Атомное сердце», — продолжил вождь народов. — Поэтому назначает главой проекта товарища Сеченова. Председателем ревизионной комиссии, в обязанности которой будет входить проверка эффективности работы советских учёных, назначается товарищ Молотов. Чтобы исключить однобокость взглядов, вердикт ревизионной комиссии должен быть тщательно изучен и одобрен товарищем Хрущёвым. Все мы делаем одно общее дело, товарищи коммунисты, поэтому партия ожидает от вас сплочённости и решительности! — Сталин вновь окинул всех внимательным взглядом и поднял руку: — Кто за?

Вернувшись на борт «Икара», Сеченов хотел немедленно подняться к себе в лабораторию, но сделать этого сразу не получилось. В холле сталинской высотки «Челомей» его встретил целый научный консилиум, собирающийся для рассмотрения новых изобретений и улучшений. Консилиум проводился ежемесячно, пропускать такое Сеченов не любил, поэтому работу в лаборатории пришлось отложить. Участники консилиума переместились в конструкторско-экспериментальное бюро и почти пять часов моделировали то или иное рацпредложение, чтобы понять, имеет ли оно смысл. В итоге, после того как зёрна были отсеяны от плевел, осталось лишь два действительно уникальных нововведения.

Одним из них был проект теплицы, разработанный группой талантливой молодёжи, учениками академика Вавилова. Портативное климатическое пространство брало за основу гидропонику и представляло собой полноценную аграрную платформу, способную имитировать реальную экосистему. Сам Вавилов не скрывал гордости за учеников и уже работал над мелкими усовершенствованиями их творения, планируя включить в алгоритм работы теплицы микродронов, которые имели бы возможность в случае необходимости проводить культивируемым растениям генетическую коррекцию и дополнительное адресное питание.

— Предлагаю назвать эту серию «Адлер»! — Вавилов быстрыми движениями стилуса набирал на сенсорном экране своего электронного рабочего места цепь генетических формул. — Очень символично, на мой взгляд!

В итоге серия была занесена в реестр промышленных испытаний под этим наименованием. Вторым, несомненно, серьёзным проектом оказалась новая архитектура программного алгоритма передачи крупных объёмов данных в системе «Коллектив 1.0», разработанная молодым инженером Виктором Петровым. В первую минуту Сеченов даже подумал, что это кто-то из сотрудников профессора Лебедева из АПО, но оказалось, что Петров попал на консилиум по рекомендации Штокхаузена.

— Очень перспективное рацпредложение. — Академик Челомей с интересом изучал программный код Петрова. —

Довольно компактное решение, улучшающее наш прежний алгоритм на десять процентов.

— Прежний алгоритм тоже написал я! — не без гордости сообщил Петров. — Его ввели в эксплуатацию как продукт коллективной работы всего отдела, однако я могу доказать своё авторство!

— Можете не доказывать, Виктор Васильевич. — Челомей указал на ещё один массив программного кода, выведенного на соседний монитор. — Я вижу несомненное сходство в обоих этих решениях. — Он обернулся к Сеченову: — Дмитрий Сергеевич, предлагаю забрать инженера Петрова в наш комплекс. Работа для него тут найдётся. Если ему удастся отшлифовать свой алгоритм, выигрыш во времени при беспроводной передаче больших объёмов данных будет очень большим.

— Не возражаю, Аркадий Михайлович, — согласился Сеченов. — Товарищ Штокхаузен, оформите, пожалуйста, перевод товарища Петрова из Театра имени Плисецкой в комплекс «Челомей», в лабораторию экспериментальных проектов.

Его наушник почти беззвучно завибрировал сигналом экстренного вызова, и Сеченов встал с кресла:

— На этом, дорогие товарищи и коллеги, я вынужден вас покинуть, не то окончательно отстану от графика экспериментов. По всем организационным вопросам обращайтесь к товарищу Штокхаузену.

Он посмотрел на своего помощника:

— Михаэль, я буду у себя в лаборатории. Беспокойте только в самом крайнем случае.

— Я вас понял, Дмитрий Сергеевич, — кивнул Штокхаузен. — Я всё организую, не беспокойтесь. Полный отчёт будет у вас завтра к восьми утра.

Сеченов покинул конструкторско-экспериментальное бюро и поспешил на верхний сектор сталинской высотки «Челомей», где располагалось его научное хозяйство. Добравшись до лаборатории, он ввёл личный код на электронной панели системы контроля доступа и торопливо вошёл внутрь. Первым, что он увидел, был Захаров, неподвижно лежавший возле лабораторной ванны с экспериментальным нейрополимером. Над ним склонилась Филатова со шприцем в руке, рядом с ней валялась раскрытая медицинская аптечка экстренной помощи.

— Что случилось? — Сеченов бросился к коллегам.

— Я пока не поняла. — Филатова сделала Захарову инъекцию. — У него шок. Он работал с опытным образцом на прямую, погрузив руки в ванну. И вдруг энцефалограф резко зашкалило, Харитон Радеонович выдернул руки из опытного образца и рухнул. Я сразу послала вам экстренный вызов и бросилась за аптечкой. Нужно доставить его в реанимационное отделение.

— Это за стеной! — подскочил Сеченов. — Я вызову киберсанитаров с носилками.

— Не нужно... — вяло произнёс Захаров, поднимая веки. — Мне уже лучше...

Он зажмурился и потёр глаза. Его мутный взгляд прояснился. Опираясь на руку Сеченова, Захаров принял сидячее положение.

— Голова немного кружится, — посетовал он. — А в целом всё в порядке. Пожалуй, нам стоит создать медицинско-го робота для таких случаев, чтобы был рядом, когда в лаборатории работает лишь один человек.

— Что произошло? — Сеченов с Филатовой не сводили с Захарова полных тревоги взглядов. — У тебя интоксикация? Образец токсичен?

— Не совсем. — Харитон потряс головой. — Точнее, совсем нет, в химическом плане он безвреден. Но есть другая проблема: соединяясь с нейрополимером, ты становишься частью Массива, и в тебя устремляется вся его информация. Наш опытный образец невелик, и я не сразу это понял. Всё, что есть в его информационной ёмкости, мы с тобой закладывали сами. Соединившись с ним, я оказался посреди информации, которую знал, и поэтому не сообразил, что получаю её заново. У Массива принцип сообщающихся сосудов: подключишь к общей ёмкости пустой объём, и он тотчас заполняется. Массив как бы расширяется за счёт этого, и его суммарная ёмкость растёт.

— Скорость входившего потока была слишком велика? — предположил Сеченов. — Мозг не выдержал?

— И скорость велика, и объём поступавших данных слишком большой. — Захаров потер виски. — Сознание не справилось с обработкой входившей информации и отключилось. А ведь это всего лишь несколько литров образца.

Если бы это был настоящий Массив, боюсь, закончилось бы кровоизлиянием в мозг.

— Значит, подключаться к нейрополимеру нельзя! — воскликнула Филатова.

— Напрямую — точно не стоит. — Захаров опёрся на руку Сеченова и поднялся на ноги. — Но способ есть, и он прост: человеку требуется своего рода соединительный коннектор. Совсем небольшой объём специального подвида нейрополимера, устанавливающий контакт сначала с мозгом, а затем с Массивом. Вся информация будет поступать через этот коннектор с безопасной скоростью. Будет медленнее, чем напрямую, зато безвредно.

— Продумать структуру такого коннектора вполне возможно. — Сеченов на секунду задумался. — Он будет действительно невелик, и для его установки хватит единственной инъекции. Но если мы установим в мозг человека коннектор...

Он нахмурился, и Захаров, криво усмехнувшись, подхватил:

— Угу. Через него станет возможно воздействовать на носителя изнутри Массива. Если обладать полномочиями, конечно. Тот, кто владеет Массивом, сможет командовать любыми его звеньями, как «Узел» или «Гриф» командуют роботами.

— Но... — Филатова опешила. — Это ведь означает, что людей лишат собственной воли!

— Не лишат! — решительно заявил Сеченов. — Никто не сможет! Мы никому не позволим! Никто не получит особых полномочий! Никто даже не будет знать, что они существуют! Все будут являться равными! Это будет единый коллектив! «Коллектив 2.0», единая сеть людей и роботов! И в ней будет всего два уровня: робот и человек! Первый будет подчиняться последнему! Роботы будут выполнять тяжёлый и изнурительный труд: добывать, строить, выращивать! Люди наконец-то окажутся свободными от всего этого! И смогут сконцентрироваться на своём эволюционном предназначении! На науке! Именно наука, высокая — нет! — высочайшая наука есть истинное эволюционное предназначение человека! Ибо человеку дан самый сложный мозг и уникальный разум! Более такого сочетания нет ни у кого

на планете! Люди смогут сконцентрироваться на раскрытии тайн Вселенной и познании законов Мироздания! Каждый участник коллектива будет гением сам по себе, ибо в его распоряжении окажутся все знания мира, накопленные современной наукой! И таких гениев будет миллиарды! Всё население планеты! Вы только представьте, какие открытия будет способен совершить такой научный коллектив! Вот что такое «Коллектив 2.0»! И никак иначе!

— Моя мечта. — В голосе Филатовой действительно звучали мечтательные нотки. — Нет войн, бедности, голода, бездельников и зажавшихся царьков всех мастей... Человек красив и благороден душой, телом, мыслями и стремлениями! Мы постигаем таинства Природы, совершаем великие открытия, а после трудного, но увлекательного научного дня отправляемся на прогулку по кольцам Юпитера на изящной космической яхте с букетом восхитительно прекрасных белоснежных орхидей, выращенных под нежно-голубым небом Венеры...

— Ваша мечта вполне осуществима, Лариса Андреевна, — улыбнулся Сеченов. — Мы на пороге великих свершений. Не знаю, успеем ли мы вырастить орхидеи на Венере, но на космическое свидание на межпланетной яхте вы точно отправитесь.

— Боюсь, к тому времени мне будет уже не до свиданий, — смутилась Филатова. — Возраст возьмёт свое. Я постоянно оперирую или работаю с микроскопом... мимических морщин стало слишком много, и сутулюсь всё чаще...

Она окончательно стушеввалась и замолчала, теребя лацкан лабораторного халата.

— Кстати! — Сеченов остановился. — Как удачно, что об этом зашла речь. Лариса Андреевна, зайдите завтра ко мне в медицинскую лабораторию. Я апробирую на вас новый полимерный реставратор кожных покровов. Самая свежая наша разработка в этой области, я испытывал её на отряде «Аргентум», убирал шрамы, ожоги и келоидные рубцы. На них реставратор работает очень хорошо, но это люди военные, у них очень мощная иммунная система и высокий порог сопротивляемости. Пришла пора проверить действие препарата на обычном человеке. Если, конечно, вас это не пугает.

— Испугаться участия в научном эксперименте? — вскинулась Филатова. — Мне?

Она гордо подняла голову.

— Никогда! Где тот кибернетический лев, которому я должна сунуть голову в пасть?

— Превосходно, — улыбнулся Сеченов, — жду вас завтра в полдень.

Он обернулся к Захарову.

— Нам необходимо продумать способ безопасного нейропрограммирования Массива. Сначала Массив будет пуст, его придётся заполнять информацией, и медленный коннектор здесь мало чем поможет. Потребуется другое устройство, позволяющее работать со скоростью мысли.

— Тот же коннектор, только большой. — Захаров потёр виски. — Килограмм сто. Масса центрального коннектора должна превышать массу головного мозга главного оператора минимум в пятьдесят раз, тогда скорость передачи будет максимальна. Но процесс соединения оператора с центральной частью должен быть односторонним, без обратного эффекта.

— То есть нужно вырастить из нейрополимера копию человека, чтобы сама передвигалась за оператором, — сделал вывод Сеченов. — И заполнять её информацией по мере роста. Нужно устройство, усиливающее нейроактивность мозга... Надо будет этим заняться... Эх...

Он сокрушенно покачал головой.

— Где взять столько времени? Почему на Земле не венерианские сутки...

— Это чтобы от голода не умереть, заработавшись в лаборатории, — объяснил Захаров. — Так, друзья мои, я вас покину на часок. Пора кошку кормить, да и самому пообедать. И вам бы, кстати, тоже не помешало.

СССР, «Предприятие 3826»,
Научный центр Сеченова

12 апреля 1951 г.

Огромный экран, собранный из сотни мониторов в залитом ярким солнцем сквере перед входом в корпус Научного центра, полыхнул огненными клубами стартующей ракеты, и из динамиков донёсся негромкий весёлый голос:

— Поехали!

Могучая ракета-носитель, объятая пламенем, медленно оторвалась от стартовой площадки и устремилась ввысь, всё сильнее набирая скорость. Множество сотрудников «Предприятия 3826», напряжённо наблюдающих за стартом, разразились счастливыми возгласами. В динамиках тихо зашипел эфир Центра управления полётами:

— Тридцать секунд — полёт нормальный!

Толпа грянула «Ура!», и в воздух полетели кепки и женские шляпки. Уносящаяся в небо ракета становилась всё меньше, и часть экрана вывела изображение космонавта в массивном гермошлеме, с улыбкой смотрящего на показания приборов. Вместо ракеты возник диктор центрального телевидения и торжественно произнёс:

— Дорогие товарищи! Свершилось историческое событие! Первый в истории полёт человека в космос состоялся!

Рукоплещущая толпа зашумела ещё громче, и стоящий чуть поодаль Штокхаузен улыбнулся, оборачиваясь к радостно кричащему Петрову:

— Этот знаменательный день навсегда войдёт в историю науки и космонавтики! Триумф комплекса «Королёв»! Триумф советской науки! Триумф прогресса!

— Неоспоримо! — подхватил Петров. — А имя Юрия Гагарина навсегда впишут во все учебники планеты! Эх, не ту профессию я выбрал, надо было идти в космонавты! Подумать только, в двадцать семь лет его знает весь мир!

— Не переживай! — Штокхаузен негромко хохотнул. — У тебя ещё всё впереди! Десять лет назад, когда всё это только начиналось, ты не мог знать, что произойдёт сегодня. Так бы пошёл в военные лётчики!

— Я хотел. — Петров вздохнул. — Не взяли по здоровью... Медкомиссию не прошёл...

— Зато ты подающий надежды старший инженер комплекса «Челомей», «Предприятия 3826»! — парировал Штокхаузен. — Скажи, многие ли в двадцать девять лет могут похвастать подобной должностью?

— Человек двести, — пожал плечами Петров. — Если брать всех старших инженеров предприятия. Я только по возрасту младше всех. Но по способностям утру нос любому из них! И некоторым главным инженерам запросто! Странно, что руководство этого не видит!

— Руководство всё видит, — успокоил его Штокхаузен. — Всему своё время, Виктор. Твоя карьера и так развивается стремительно! Твой алгоритм принят основным во всём «Предприятии 3826»! Это значит, что вскоре он станет основным во всём СССР, а позже во всём мире! Ты работаешь с академиком Челомеем! На тебя обратил внимание сам Сеченов! Не понимаю, чем ты недоволен?

— Я доволен! — заверил его Петров. — И очень тебе благодарен, Михаэль! После того как мой алгоритм внедрили по всему предприятию, я побывал почти на всех комплексах, пока проводил консультации с инженерным составом. Объяснял им принципы эффективности моих нововведений! Я даже не представлял, что предприятие настолько громадно! Тут сотни разных объектов, больших и малых. Целый город под водой, ещё два под землёй, плюс новые комплексы в горах и «Икар» с «Челомеем» в небе, а всё, что выстроено на поверхности, лишь вершина огромного научного айсберга! Громадье!

Его глаза возбуждённо заблестели:

— Товарищ Сталин дал разрешение на строительство нового комплекса! Его назовут «Попов», в честь великого русского инженера, который изобрёл радио. Комплекс будет заниматься наблюдением за ближним и дальним космосом. Стартует глобальная космическая программа. Мы замахнулись на другие планеты. Комплекс «Попов» будет выстроен на вершинах рукотворных гор, которые были воздвигнуты из грунта, вынутого во время создания нашего искусственного моря «Лазурь». Я был на месте строительства — это грандиозная стройка! «Буравы» уже роют котлованы под фундамент. Собственно, с их программными модулями я и работал. Впервые увидел «Бурав» вблизи. Вот это мощь! Громада! Это не землекоп, это монстр какой-то. Двадцать пять тонн. Дырявит скалы, словно червяк яблоки.

Он перевёл дух:

— Да у нас тут столько всего, что скоростную железную дорогу вести начали, чтобы всё это соединить! Конструкторские бюро, создающие космическую технику! Лаборатории, выводящие уникальные сельхозкультуры, которые будут пригодны для высева на Луне и Марсе! Исследовательские отделы, изобретающие новые механизмы, роботы,

электронику, киберавиацию! Генетика, биология, кибернетика, физика, химия, полимеры — всё собрано воедино и переплетено так, что дух захватывает! Да что я тебе об этом рассказываю — ты же знаешь всё лучше меня. Почему ты не говорил мне об этом раньше? Когда я сидел в своём ВДНХ и жизнь проходила мимо меня?

— У тебя не было допуска, — развёл руками Штокхаузен. — Здесь всё — государственная тайна. Даже в выставочный комплекс ВДНХ, который тебе так не мил, не берут работать абы кого. Все, в том числе и ты, проходили проверку КГБ.

— Да знаю я! — отмахнулся Петров. — Эти чёртовы чекисты следят за каждым моим шагом. Ладно, пусть следят, пока что это не напрягает.

— Это делается для нашего же блага, — укорил его Штокхаузен. — КГБ следит за всеми нами. Ты бы хотел быть похищенным агентами ЦРУ?

— Нет уж, спасибо, — усмехнулся Петров. — Мне и здесь хорошо. Тут центр мировой науки и техники. После поездки по предприятию я до сих пор под впечатлением. Невиданный размах! И здесь теперь используют мой алгоритм! Который, кстати, не все понимают. Я не просто так сказал, что утру нос некоторым главным инженерам! Несправедливо, что алгоритм усовершенствовал я, объясняю всем, как его эффективно использовать, тоже я, а главный инженер — он!

— Успеешь ещё, — поддержал друга Штокхаузен. — Твой взлёт, — он указал на экран, где повторно показывали кадры космического запуска, — как у него, только начинается.

— Хорошо, если ты прав, — вздохнул Петров. — Кстати, а ты знал, что на предприятии два комплекса «Сахалин»? Один здесь, а другой — на настоящем Сахалине. Там секретный полигон боевых роботов!

— Знал, разумеется. — Штокхаузен скромно улыбнулся. — Здешний объект был создан именно для того, чтобы запутать тех, кому о боевом полигоне знать необязательно.

— И ты мне не сказал? — Петров покачал головой. — Слушай, Михаэль, а ты в войну случайно партизаном не был? Из тебя ничего клещами не вытянешь.

— Партизаном я не был. — Штокхаузен замолчал, многозначительно глядя на Петрова. — Но что такое конспирация и режим секретности, знаю лучше любого партизана.

— Понял. — Петров кивнул. — Теперь ясно, откуда у тебя эта пунктуальность, скрытность и феноменальная память! Подпольная резидентура в гитлеровском логове, так! Я прав? Можешь не отвечать. Я по взгляду вижу, что прав и что всё это засекречено на полвека вперёд! Кстати, насчёт секретности! Единственное место, где я ещё не был, это АПО. Ты же там бываешь, пусть и не везде. Скажи, как профессор Лебедев смог создать «Радио Будущего»?!! Сейчас все без ума от песен, которые оно транслирует! Это точные мелодии из будущего или их пишет группа молодых талантов, а «Радио Будущего» — это их групповой псевдоним вроде Козьмы Пруtkова?

— Я не силен в квантовой некоммутативной математике! — покачал головой Штокхаузен. — Объяснить, как профессор Лебедев создал аппаратуру, рассчитывающую музыкальные радиоволны из будущего, я не смогу. Тем более что этот самый секретный отдел во всём АПО.

— Странно, что увеселительные песенки так сильно засекретили, — задумчиво произнёс Петров. — Кому они нужны? Авторские права, что ли, соблюдают? Ну... По идее, все те, кто их напишет лет через сорок, сейчас только рождаются... или даже вообще ещё не родились... Чёрт!

Он с досадой разрубил рукой воздух:

— Как? Как?! Не понимаю! Как можно было додуматься создать алгоритмы, рассчитывающие радиоволны из БУДУЩЕГО, пусть даже музыкальные?! Какую голову надеть?! Почему я так не смог?!!

— Поверь, это не стоит твоих нервов! — тихо засмеялся Штокхаузен. — Я доктор медицинских наук, прошёл войну и эпидемию — и тоже не понимаю, как можно было создать полимеры! И уверяю тебя, этого не понимают несколько миллионов таких, как мы с тобой!

— Таких, как мы с тобой, нескольких миллионов быть не может! — уверенно отрезал Петров. — Нас таких только двое! Ну, ладно, есть ещё пара десятков учёных и инженеров, которых мы превзойдём! Если руководство, наконец, оценит кто на какой должности находится по праву, а кто зря!

Он окинул взглядом ликующую толпу и хитро прищурился:

— Михаэль, есть предложение. Давай проверим продукты автоматы, пока все на эмоциях? Сегодня знаменатель

ный день, наверняка там будет что-то особенное. Например, «Баварское»!

Петров кивнул на улыбавшегося с экрана Гагарина:

— Как видишь, тот, кто приходит первым, получает больше остальных!

— Ты совершенно прав, — согласился Штокхаузен.

США, Лэнгли, ЦРУ, офис Аллена Даллеса

11 сентября 1951 г., 7.40 после полудня

Даллес, не вставая из-за стола, протянул Гранту пачку распечаток и сказал:

— Ознакомьтесь, генерал. Свежие данные со строек «Энергии для всех».

С минуту Грант листал страницы доклада, скользя глазами по основным цифрам, потом отложил распечатки и нахмурился:

— Неужели ничего нельзя сделать? Наложить эмбарго или как-то ещё запретить импорт советских роботов в США?

— Советы продавили в ООН признание своих роботов товарами гуманитарного назначения. — Даллес покачал головой. — Теперь эти роботы не подлежат действию экономического эмбарго. Хорошей новостью является то, что теперь их экспорт не может приносить прибыль. Доходы Советов существенно упадут, но это не решает проблему. СССР всё равно останется в хорошем плюсе — ведь сервисное обслуживание по-прежнему осуществляется на возмездной основе. Приходится признать: это был сильный ход с их стороны. Теперь советских роботов импортируют все, даже самые отсталые африканские страны. Потому что это бесплатно.

— Бесплатный сыр только в мышеловке! — Грант хмуро кивнул на отчёт экспертов ЦРУ: — И американские компании очертя голову лезут в эту мышеловку! Все погнались за бесплатными роботами, за две недели их завезли в США в количестве более двух тысяч! И все они принадлежат крупнейшим американским компаниям, которые ведут строительство объектов программы «Энергия для всех»! Национальная безопасность США находится под критической угрозой!

— Абсолютно правильно, генерал, — подтвердил Даллес. — Именно поэтому президент хочет получить от нас категоричный результат.

— Сделать это не так-то просто! — Грант недовольно скривился. — Мы следим за этими гражданскими роботами Советов с первого дня. Мы выкрали их не один десяток по всему миру и ещё больше официально приобрели у наших партнёров, закупающих роботов у СССР. Наши эксперты разбирали их по винтику сотни раз. Но не нашли ничего, что можно отнести в разряд оружия или приспособлений двойного назначения, если не считать того, что роботы железные и могут отдавить ногу.

— Понимаю. — Даллес вновь кивнул. — Мы привлекали к исследованию этой проблемы лучших учёных США, но тоже не добились никаких внятных результатов. Гражданские роботы Советов безопасны. Они выполнены из неизвестного нам сплава, точнее, сплав, так или иначе, нашим специалистам понятен, но способ его получения остаётся загадкой. Таких сплавов у СССР целое семейство, и это позволяет Советам получать роботов с характеристиками, нам недоступными.

Замдиректора ЦРУ невесело покачал головой.

— Второй загадкой являются их полимеры, без которых робот бесполезен. Заменить эти полимеры на имеющиеся в нашем распоряжении соответствующие технические жидкости невозможно. Наши вещества уступают полимерам по характеристикам на порядок. Для успешного функционирования такого робота их требуется в десять раз больше, что делает машину громоздкой, дорогостоящей и всё равно не столь эффективной. То есть, по сути, бесполезной. Выгодной и разумной альтернативы советским роботам нет. И это вдвойне плохо, потому что никакой видимой угрозы они не несут.

— Я не верю Советам, сэр, — убеждённо заявил Грант. — Пусть их бесплатные роботы ещё и деньги станут раздавать всё равно не поверю. Я чувствую угрозу. Скрытую, непонятную, но очень и очень опасную. Тут что-то не так.

— Я разделяю эти ваши подозрения целиком и полностью, генерал! — веско заявил Даллес. — К сожалению, у нас нет никаких доказательств этого, кроме собственных инстинктов. Наши учёные пришли к однозначному выводу, что

советские роботы безопасны. Даже если в их программное обеспечение был вложен некий секретный код, который в нужное время заставит роботов взбунтоваться, то это легко решается нашими программистами. Они просто удаляют советское ПО и ставят вместо него американское. И роботы продолжают работать, причём ненамного хуже. Именно это является основным аргументом лоббистов, представляющих в Конгрессе интересы большого бизнеса. Частный бизнес начал массово импортировать гражданских роботов из СССР, и помешать этому мы не в силах. Но мы должны найти способ!

— Я плохо представляю, как мы можем сделать это, если, — Грант многозначительно постучал пальцем по страницам доклада, — наши лучшие учёные, участвовавшие в экспертной оценке советских роботов и полимеров, после этого стремятся попасть в этот чёртов «Нептун», сэр! Советы создали под водой целый город, в котором организовали международный исследовательский центр, в который пускают выдающихся учёных мира. Для серьёзных учёных это оказался сильный магнит!

Генерал недовольно поморщился:

— Мы пытались внедрить туда своих агентов под видом научных работников, но потерпели неудачу. КГБ проверяет каждого желающего на предмет его научной деятельности с момента окончания первого учебного заведения. Они читают все монографии и научные статьи соискателя, которые предварительно проходят одобрение в Научном центре Сеченова. Туда не пролезть, сэр! Единственный способ — это завербовать кого-то из маститых мировых учёных, но до сих пор нам не удалось сделать это! Яйцеголовые с мировым именем очень своевольны и капризны, они не соглашаются вести агентурную деятельность. А тех, кто никогда не скрывал своей нелюбви к коммунистам, в СССР не пускает КГБ. Если мы хотим выяснить, что не так с этими роботами, нужен другой подход, более тонкий, действенный и менее зависящий от капризов третьих лиц, сэр!

— Насчёт тонкого подхода я согласен, генерал. — Даллес вздохнул. — Скальпель в нашем деле эффективнее, чем топор. Однако президент требует от нас решительных действий. Не просто добыть информацию, которая вызовет жаркие научные дебаты и разделит общественное мнение на

против и за, а придумать громкий повод заблокировать советские поставки раз и навсегда.

— Мы будем работать не покладая рук, сэр! — Грант преданно посмотрел в глаза Даллесу. — Без перерывов и выходных, днём и ночью роя копытом землю в поисках этого повода.

— А меж тем, — Даллес вздохнул ещё раз, — советники президента уже предложили некий план, который тот одобрил. Ознакомьтесь.

Даллес извлёк из папки с грифом «Сверхсекретно» лист бумаги и протянул его Гранту. Тот пробежал его глазами, непонимающе взглянул на босса и прочёл ещё раз.

— Это розыгрыш? — спросил он, возвращая бумагу Даллесу.

— К сожалению, нет, — ответил тот.

— Заложить ядерный фугас под строящуюся в Болгарии АЭС и взорвать его в день пуска электростанции? — Грант потёр виски. — Теоретически... мы можем сделать это. Предположим, фугас будет доставлен в Болгарию по частям на подводных лодках со стороны Эгейского моря, хоть это и крайне трудно. Уже на месте фугас соберут воедино. Вряд ли удастся поместить его под энергоблок, это не противотанковая мина, пусть даже он не столь мощен, как «Толстяк» или «Малыш». Но допустим, что мы смогли закопать его где-то поблизости, там, где взрыв вызовет серьёзные повреждения реактора или что-то вроде того. Чтобы свести к минимуму вероятность утечки, мы сведём количество агентов, участвующих в этой миссии, к абсолютному минимуму. Всё это потребует очень больших денег и будет исполняться долго, но я могу себе представить, что мы сделали это. Но практически... вы представляете, какие последствия это вызовет? Радиоактивное загрязнение, рядом два морских побережья, много стран, густонаселённые районы, активное движение воздушных масс... Стоит ли оно того?

— Стоит ли будущее и национальная безопасность США взрыва маломощного ядерного фугаса в десятке тысяч миль от американского побережья? — уточнил Даллес. — Вы об этом, генерал?

— Я вас понял, сэр! — отчеканил Грант. — Эту миссию поручают моему департаменту?

— Именно так, — подтвердил Даллес. — Секретный департамент — это лучшие из лучших. Кто, если не вы. Только не думайте, что вас бросают на убой, генерал. Вам будет оказана вся помощь, какая только возможна. В случае, если миссия удастся, мир отвернётся от Советов с их роботами. СССР, конечно, будет оспаривать случившееся, но страх окажется слишком велик. Пока Советы сумеют убедить всех в своей невинности, у правительства США будет достаточно времени для реализации всех необходимых планов. Если же миссия провалится, всё должно выглядеть как разговор частных лиц. Пара продажных реваншистов-эмигрантов, возглавляющих не самую крупную компанию — подрядчика Министерства обороны США, продали недобитым гитлеровцам украденный устаревший ядерный заряд и тому подобное. Никто не должен докопаться до истины!

**СССР, «Предприятие 3826»,
личная лаборатория Сеченова**

3 ноября 1951 г.

Серое нейрополимерное желе, заполняющее лабораторный бассейн величиной с большую ванну, то медленно сжималось и разжималось, будто пытаясь лениво дышать всем своим объёмом, то начинало резко дергаться, вздымаясь длинными и толстыми всплесками, чем-то напоминающими сталагмиты. В ярком свете мощного потолочного освещения эти серые желе-сталагмиты казались настолько прозрачными, что возникало ощущение некоторой призрачности происходящего. Рядом с лабораторной ванной стоял высокий штатив с нависающей над желе штангой, на которой был укреплен узкосфокусированный нейроретранслятор, направленный в самый центр нейрополимера.

Время от времени желе-сталагмиты выплёскивались в его направлении, но не дотягивались до ретранслятора полуметра и застывали, словно от досады. Простояв неподвижно несколько секунд, сталагмиты начинали медленно стекать вниз, распадаясь, и всё начиналось заново.

— Довольно странное поведение. — Сеченов, сидящий в операторском кресле с ободом нейропередатчика на голове, изучал показания датчиков на приборных стойках и ко-

сился на то вырастающие, то опадающие желе-сталагмиты. — По моим расчётам, нейрополимер должен реагировать на входящий нейросигнал вполне спокойно.

— Побочный эффект. — Стоящий рядом со штативом Захаров неприязненно поморщился. — Это первичный образец нейрополимера, синтезированного в соответствии с волновыми колебаниями человеческого мозга. Прежде чем я всё-таки сумел найти правильный алгоритм синтеза, мне пришлось растворить в исходном образце фрагменты нервной ткани более чем сотни подопытных. Всё это были преступники и убийцы, приговорённые к высшей мере. В результате нейрополимер вышел несколько агрессивным, так он реагирует на приток информации. Наверное, поэтому он получился серым, а не бесцветным. Теперь, когда алгоритм синтеза отработан, можно создать полноценный образец из нервной ткани нормальных людей.

— Как только он будет завершён, — Сеченов болезненно поморщился, — необходимость в вивисекции живых подопытных наконец-то отпадёт. Полноценный образец станет копировать сам себя, и можно будет приступить к процессу тиражирования стартовых объёмов нейрополимера.

Он вслушался в информацию, приходящую от дёргающегося в ванне желе:

— Я не вижу в нём конкретных данных, связанных с какими-либо насильственными действиями. Его информационная ёмкость пуста, если не считать того, что мы поместили в него на этапе первичных тестов. Как только будет получен полноценный образец, эту версию можно будет уничтожить.

— Зачем его уничтожать? — удивился Захаров. — Он безвреден. Его агрессивность ни на что не влияет, зато ускоряет процесс поглощения информации. Оставь его хотя бы для музея! Я столько над ним бился!

— Если только небольшую его часть, чисто символически... — пожал плечами Сеченов. — Зачем нам образец, созданный на основе нервных тканей убийц и садистов? Это будет пугать людей и вызывать у них неприязнь к науке.

— Брось! — отмахнулся Захаров. — Никого это не испугает. До того как все объединятся в единый коллектив, никто из них и знать-то об этом не будет. А после того, как объединятся, никто и спрашивать их не будет. Прикажем радоваться — пусть радуются!

— Харитон, — нахмурился Сеченов. — Это не смешно. Это люди, живые люди, такие же, как мы с тобой!

— Не такие! — отрезал Захаров. — Другие! Как раз такие, как мы с тобой, прекрасно поймут! За всё в этой жизни надо платить, в том числе за научный прогресс. Это закон сохранения энергии, Дима! Ничто не появляется из ниоткуда, и ничто не пропадает в никуда! Прежде чем наука создала лекарство от холеры, умерли миллионы. Прежде чем мы создали полимерную вакцину от боевого Реверсанта, погибли десятки добровольцев. А тут речь идет об отбросах общества, убийцах и садистах!

— Коричневая чума — это наше бремя... — начал было Сеченов, но не закончил.

— Не наше! — резко перебил его Харитон. — Я уже устал с тобой спорить на эту тему! Мы сражались за выживание! Вопрос стоял ребром! Или мы, или они! А в стольких смертях виноваты те, кто не дал нам времени отшлифовать вакцину! Мы же честно сделали всё, что только могли: сперва спасли мир от гитлеровской чумы, а после — от Коричневой! Одна чума уничтожила другую, а мы вычистили мир! И заметь! После этого мы ведём этот самый мир к прогрессу и процветанию! А мир всячески сопротивляется!

— Большинство людей ещё не осознали в полной мере всех преимуществ научно-технического прогрессивного общества... — попытался возразить Сеченов.

— Угу! — вновь перебил его Захаров. — Потому что большинство людей — тупые. Дима, взгляни в глаза правде, это помогает! Мир неоднороден. Люди не равны. Все разные! Все отличаются друг от друга, и подчас отличаются катастрофически! В одном и том же обществе разные люди стоят на разных ступенях эволюции! Мы создали «Коллектив 1.0»! И теперь за людей всю изнурительную, грязную и неквалифицированную работу делают роботы! И что?!

Харитон саркастически фыркнул:

— Мы, вся наша могучая кучка, чего мы ожидали? Что люди, избавившись от необходимости вкалывать с утра до ночи в шахтах и на полях, вознесутся в интеллектуальную высь! Освобождённые от рутины, они ринутся в науку с распахнутым сердцем и пылающей жаждой великих свершений душой! Их будет интересовать космос и тайны Мироздания! А что в итоге?! Толпа рванула в развлечения и соцсети! Ка-

кая наука, какой космос, о чём ты?! Стадо всегда останется стадом, ибо всё, что его интересует, это хлеб и зрелища! Все по уши довольны нашими роботами и сетью! Потому что роботы позволили им протирать штаны перед монитором компьютера, где эти бездари состязаются друг с другом в скудоумии, которое они называют сетевым общением! В стране резко упало количество абитуриентов, поступающих на научные специальности, зато на сетевых режиссёров, сетевых журналистов и сетевых программистов конкурс везде уже один к пяти!

— Всё это изменится, когда мы запустим «Коллектив 2.0»! — убеждённо заявил Сеченов. — Все люди объединятся в единое общество, вся эта сетевая шелуха станет им не нужна, и они поймут, в чём истинный смысл существования разума! В непрерывном познании! В совершенствовании! В покорении космоса! Вселенной!

— Не сомневаюсь, что именно так всё и будет, — кивнул Захаров. — Потом! После того, когда все объединятся в единое общество. Вот только что делать с теми, кто не захочет в него объединяться? Потому что собственное эго для них важнее?

— Мы их убедим...

— Да ни черта мы их не убедим! — Харитон разрубил рукой воздух. — Заупрямившегося осла невозможно убедить, его можно только заставить! Объединятся только те, кто уже эволюционировал сознанием! Таких немного! Пусть даже их будет несколько миллионов — против них встанет несколько миллиардов! Из которых никто не пожелает терять свою никчемную индивидуальность! Деньги! Статус! Положение! Эго! Если ты надеешься дождаться, когда все придут в единое общество добровольно, то рискуешь столько не прожить и за две жизни!

— И всё же я рассчитываю на то, что мы сможем убедить их логическими доводами, — не сдавался Сеченов. — Пусть не с первого раза, но мы будем услышаны!

— Ты не рассчитываешь, а надеешься! — парировал Харитон. — Расчёт — это математическая конструкция, и она показывает, что прав я, а не ты! Зато надежда — это уже из области гуманитарной. А гуманитарным наукам доказательств не нужны, им достаточно умозаключений. В том числе надежды. Но мы с тобой учёные, Дима! Причём не самые

посредственные! Я же вижу, что ты понимаешь, что я прав! Понимаешь! И не видишь способов убедить толпу! Просто ты надеешься, что изобретёшь такой способ, как изобрел полимеры и прочие научные чудеса. Имей в виду: тут ты можешь потерпеть неудачу! Это уже не область точных наук, а в гуманитарке ты не силён!

— Я думаю об этом постоянно! — В голосе Сеченова зазвучали нотки досады. — Должен быть выход! Да, большинство не доросло до понимания всей сути коллективного разума! Но они поймут, как только станут его частью! Нужно только правильно внушить им идею «Коллектива 2.0»! Всякий, кто много общался с народом, хорошо знает, что подчас внушение и прививка идей играет гораздо более видную роль, чем логическое убеждение! Толпа связывается в одно целое настроением, а потому говорить с ней нужно не убеждая математически, а возбуждая эмоционально!

— То есть толпу нужно попросту обмануть! — попыток Захаров. — Сказать, что в «Коллективе 2.0» у жаждущих примитива а-ля «хлеба и зрелищ» будет ещё больше хлеба и зрелищ. Пусть они добровольно сбегутся в Массив, а мы нажмём кнопку!

— Это не обман! — запротестовал Сеченов. — Мы не станем лгать! Мы осветим людям все положительные стороны «Коллектива 2.0», и люди поверят в идею!

— Угу, — кивнул Захаров. — А про отрицательные стороны мы умолчим, чтобы безмозглое примитивное большинство не испугалось предстоящей утраты своих безмозглости и примитивизма!

— В «Коллективе 2.0» нет отрицательных сторон! — вскинулся Сеченов.

— Это для тебя их нет! — вновь отрезал Харитон. — Для меня. Для Аркадия Челомея. Для Вани Павлова, Серёги Вавилова, Феди Королёва, Алёшки Филимоненко! Для подавляющего большинства учёных и талантливых инженеров этого мира! А вот для ленивого бесполезного стада — отрицательных сторон полно! Даже если ты не видишь этих самых — отрицательных! — сторон, то не переживай: огромная масса бездарностей их обязательно найдёт и предъявит тебе полный список на тридцати листах! Тем более у них теперь есть соцсети, там-то они против тебя и объединятся!

— Тоже своего рода коллективный разум, кстати! — поддел друга Сеченов.

— Угу! — немедленно согласился Харитон. — Коллективный, да! Только тупой! Абсолютно бесполезный для науки, прогресса, движения в космос! А теперь ещё и для элементарного выживания, потому что через пару поколений сетевое стадо забудет, как выращивать пищу в огороде! Вот потеха-то будет, если все роботы сломаются, а весь научный мир уйдёт в «Коллектив 2.0» и переселится жить на Марс!

— Мы обязаны найти решение, как убедить всех сомневающихся, и мы его найдём! — упрямо заявил Сеченов.

— Ты его уже нашёл, Дима! — Захаров устало вздохнул. — Надо не убеждать, а увлекать! Показать им все плюсы и умолчать о минусах. Никакого обмана, просто немного недоговорили. Причём, как ты правильно заметил, мудрые поймут, что отрицательных сторон у «Коллектива 2.0» нет. А безмозглых убеждать нет смысла — это бесполезно. Для них достаточно безмозглой идеи. До революции они безмозгло верили в религию, после революции безмозгло верили в непорочность вождей коммунизма — сейчас поверят в светлое будущее! Тем более что на этот раз это действительно светлое будущее!

— Так! — Сеченов бросил быстрый взгляд на отдельную приборную панель, стоящую особняком. — Не распаляйся! Вставлять шпильки вождям коммунизма — занятие неблагодарное и небезопасное! КГБ не дремлет!

— У них нет технологий, чтобы нас подслушать, — усмехнулся Харитон. — Или ты забыл, на чьём предприятии изготавливается их шпионское оборудование? Увеличь мощность фильтров, если полковник Муравьёва попытается нас прослушивать.

— Полковник Муравьёва пытается нас прослушивать постоянно. — Сеченов отмахнулся с видом человека, констатирующего неизбежную данность. — И помимо неё этим занимается чуть ли не всё Управление «Ш». Единственные, кто за нами не шпионит, это «Аргентум». Поэтому я обеспечил их самыми современными нашими разработками, а все остальные довольствуются технологиями предыдущих уровней. Разве что секретную и правительственную связь я стараюсь держать на высоте. Это же безопасность страны! Родина выше мелких политических дрызг.

— Это верно, — согласился Захаров. — Что там с тестированием?

— Порядок! — Сеченов удовлетворённо кивнул. — Скорость поглощения информации у этого образца действительно высока. Но из-за его постоянных попыток достать до ретранслятора запись идёт всплесками. В итоге скорость информационного накопления ниже, чем была бы у неагрессивного образца.

— Я отодвину штатив немного в сторону, чтобы образец не ощущал близость ретранслятора. — Харитон подошёл к ванне и ухватился за штатив. — Я буду двигать, следи за уровнем сигнала. Двигаю!

Захаров попытался сдвинуть штатив, но ему это не удалось. Он надавил чуть сильнее, но снова неудачно.

— Основание прилипло к полу, — определил он. — Кажется, я в этом месте обронил сгусток нейрополимера, когда работал с образцом. Сейчас...

Он упёрся в штатив обеими руками и сорвал его с места. Усилие оказалось чрезмерным, и штанга ретранслятора дёрнулась, разворачиваясь в сторону.

— Вот ведь! — чертыхнулся Захаров. — Перестарался! Сейчас поправлю, отследил направление!

Он принялся двигать штангу, возвращая ретранслятор к ванной. Сеченов, устремив взгляд на пульт, корректировал его действия:

— Правее! Ещё правее. Угол пятнадцать... семь... минус шесть. Давай назад, влево. Минус два... Плюс три. Теперь снова вправо.

— Да чтоб его... — тихо возмутился Захаров. — Так. Сейчас сделаю.

Он встал ногами на бортик ванной, дотянулся до ретранслятора и спросил:

— А теперь?

— Минус ноль пять. — Сеченов смотрел на вспыхивающие на экране цифры.

В следующий миг подёргивающийся в бассейне серый нейрополимер выбросил вверх волну, мгновенно обвинил Захарова и, почти беззвучно хлопнув, рывком затянул в себя.

— Минус ноль один! — произнёс Сеченов. — Оставь так. Вполне пойдёт. Позже пришлю сюда киберлаборанта, тот выставит нужный угол... Что такое...

Учёный вслушался в исходивший от образца нейросигнал.
— Образец испытывает боль. Я вижу твой образ, Харитон. Ты не слишком близко?

Учёный обернулся к ванне и не увидел друга.

— Харитон?

Сеченов непонимающе огляделся, а потом опрометью рванул к бассейну. Операторский шлем слетел с его головы. Добежав, учёный в ужасе замер. Внутри прозрачной серовой толщи нейрополимера отчётливо виднелся лабораторный халат Захарова, из которого торчали постепенно растворявшиеся череп и кости конечностей. Несколько секунд Сеченов неподвижно смотрел на исчезающий скелет, после чего нажал на кнопку экстренного вызова и медленно осел на пол. Он прислонился спиной к ванне, обхватил руками голову и тоскливо закрыл глаза.

СССР, «Предприятие 3826»,
гостиница «Лесная», квартира Штокхаузена
22 декабря 1951 г., 20.00

Дверной звонок издал мелодичную трель, и Штокхаузен посмотрел на укрепленный на стене видеодомофон. Перед входом стоял Петров с двумя бутылками «Баварского» в руке.

— Михаэль? Ты дома?

— Да, Виктор, заходи! — Штокхаузен ткнул в кнопку дистанционного открытия двери. — Я на кухне!

Спустя минуту Петров вошёл на кухню и пожал ему руку:

— Привет! — Он вручил Штокхаузену пиво и удивлённо оглядел разложенные на кухонном столе овощи: — Ты что, до сих пор сам себе готовишь? Озадачил бы робота! Девчата из комплекса «Челомей» на прошлой неделе составили отличную кулинарную программу! Её сейчас не попробовал только ленивый!

— Не люблю доверять процесс приготовления пищи посторонним, — поморщился Штокхаузен, возвращаясь к нарезанию салата. — Это у меня ещё с эпидемии осталось. Тогда было так: чем ты дальше от всех, тем больше у тебя шансов не умереть вместе с ними. В общем, привык.

— Понимаю, — с уважением оценил Петров. — А вот я эпидемию даже не заметил. Мы в ту пору на Дальнем Вос-

токе жили, близ маньчжурской границы. Дотуда Коричневая чума не добралась. Зато войну с Японией помню! Я даже добровольцем хотел записаться, но не успел — всё быстро закончилось. Потом меня в лётчики не взяли, и я в институт пошёл. — Он махнул рукой: — Ничего интересного! Ты про войну, как всегда, ничего не расскажешь, я в курсе. Как там Дмитрий Сергеевич?

— Как всегда, — Штокхаузен печально вздохнул, — весь в науке с утра и до ночи. После трагической гибели Харитона Радеоновича он практически живёт в лабораториях и экспериментально-конструкторских бюро. Почему ты спрашиваешь? Ты же теперь работаешь в АПО, Сеченов ежедневно проводит там почти пять часов.

— Я его редко вижу, — признался Петров. — Я же программными алгоритмами занимаюсь, в лаборатории программирования роботов, а он или в операционной, или в реабилитационных блоках, с Ларисой.

— С Филатовой? — уточнил Штокхаузен, раскладывая по тарелкам нарезанную закуску.

— Ты её знаешь? — Петров мгновенно оживился.

— Ни разу не видел. — Штокхаузен поставил тарелки на обеденный стол и принялся открывать бутылки с «Баварским». — Если не считать фото из личного дела. Я хорошо знаю её личное дело. Как и твоё. Она талантливый нейрохирург, сначала ученица, затем аспирантка, а после и докторант покойного Захарова, а также его ассистентка в работе над проектом «Коллектив 2.0». После гибели Харитона Радеоновича Дмитрий Сергеевич назначил её на его место сразу после окончания трёхдневного траура, объявленного на нашем предприятии. Без Захарова всё замедлилось, Филатовой потребовался грамотный инженер-программист робототехники, и я порекомендовал Сеченову тебя.

— Что бы я без тебя делал, Михаэль! — абсолютно серьёзно заявил Петров. — Реально ума не приложу! Если бы не ты, я не только прозябал бы сейчас на ВДНХ на ничтожной должности, но и не встретил бы Ларису.

— О! — Штокхаузен улыбнулся, наполняя стаканы. — Романтический сюжет?

Он указал Петрову на свободный стул.

— Присаживайся. Тебя можно поздравить с обретением большого светлого чувства?

— Вот на эту тему я и хотел с тобой поговорить! — Виктор с досадой поморщился. — Понимаешь, я влюбился! А она совершенно не обращает на меня внимания! Не реагирует на шутки, ноль эмоций на комплименты... Только сухая рабочая атмосфера. Её ничего не интересует, кроме науки, она вся где-то очень высоко, парит в научных перспективах, экспериментах, исследованиях и прочих нейрохирургических дебрях! Она к своей кошке лучше относится, чем ко мне! То есть это не её кошка, это Муся, кошка покойного Захарова.

— Товарищ Филатова берёт с собой кошку? — нахмурился Штокхаузен. — В АПО? В лаборатории высшего уровня секретности и стерильности?

— Нет, что ты! — Петров усмехнулся. — Если бы это было так, я бы, пожалуй, порадовался. Решил бы, что в ней есть хоть какая-то нежность. Кошку я ни разу не видел. Она живёт где-то у Ларисы дома. Просто о необходимости покормить кошку я слышу всякий раз, когда пытаюсь заводить с ней беседу. Вот и хотел спросить твоего совета... Как мне лучше к ней подступить?

— К кошке? — нахмурился Штокхаузен.

— К Ларисе! — возмутился Петров.

— Сколько ей лет?

— Мы ровесники, — в голосе Петрова зазвучали нотки романтики, — ей двадцать девять, как мне. Но она совершенно не выглядит на свой возраст! Когда я увидел её впервые, то подумал, что ей от силы двадцать четыре!

— Академик Сеченов проверял на ней действие группы экспериментальных дерматологических реабилитантов, разрабатывающихся для военной медицины, — объяснил Штокхаузен.

— Сеченов — гений, это общеизвестно. — Виктор вздохнул. — О нём Лариса говорит с восторгом увлечённого работой специалиста. Как бы мне завладеть её вниманием? Я стараюсь делать ей самые изысканные комплименты, не какое-то там примитивное «Ах, какая вы умная и красивая»... Но пока не помогает...

— Смени подход, — посоветовал Штокхаузен. — Взгляни на всё её глазами. Вы ровесники. Значит, воспринимать тебя в качестве авторитета на инстинктивном уровне она не

будет. Для этого мужчина должен быть старше. У женщин в подсознании психологически заложено два отношения к мужчине: либо как к отцу, которого она уважает и которому подчиняется, либо как к сыну, которого она опекает и воспитывает. Тебе необходимо занять в её подсознании одно из этих мест.

— Отца или сына? — поднял брови Петров.

— В данной ситуации лучше сработает стереотип отца, — авторитетно изрёк Штокхаузен. — Сын — это вариант для менее умных девушек. Им интересно опекать и поучать кого-либо. Для талантливой натуры, которой является Филатова, подобный вариант скучен и инертен. Подумай сам: она — доктор наук, одна из ведущих учёных предприятия, работает с самим Сеченовым! Представляешь, сколько мужчин в сравнении с ней подпадают под стереотип ребёнка? Тысячи! Их так много, что она их даже не замечает, они для неё подобны траве на пейзаже: все травинки одинаковые, простые как, собственно, травинки, и их миллион! Ничего впечатляющего.

— Но как я должен занять в её голове стереотип отца, если она меня не замечает? — Петров обратился в слух.

— При помощи интеллекта, — веско ответил Штокхаузен. — Не уподобляйся травинкам, каждая из них делает ей комплименты, и многие из них изысканные, это ведь «Предприятие 3826», а не пивзавод! Продемонстрируй ей свою уникальность и авторитет! Авторитет штучного специалиста, а не очередного мужчины-ровесника, то есть ассоциативно — одноклассника. И не забывай, что она молодой и перспективный доктор наук, которая любит свою работу и жаждет ею заниматься! Разговаривай с ней на темы, которые ей интересны!

— У неё все слова о «Коллективе 2.0», — поморщился Петров. — Я в нейрохирургии мало что понимаю.

— А ты вникни в суть вопроса! — Штокхаузен пододвинул к нему бокал. — Ты же непосредственный участник этой научной группы!

— Да нас всего двое! — хмыкнул Петров. — Я и она! Ну, и Сеченов, разумеется! Там всё засекречено с головы до ног, поэтому все процессы максимально роботизированы. Всё, что не делают Сеченов и Филатова, выполняют кибернетические

лаборанты и помощники. Я поэтому туда и попал, от меня требуется разработать прототип экосистемы, в которой люди будут объединены в единую сеть с роботами. Получается, что я работаю с железяками, а она с живыми подопытными. Мы редко пересекаемся, у нас даже лаборатории разные!

— Но они находятся рядом! — возразил Штокхаузен. — Ходи к ней! И не с ерундой, а по серьёзным деловым вопросам! Обсуждай прототип экосистемы! Настаивай на обратной связи, сделай так, чтобы она погрузилась в твою часть работы, а ты погрузись в её область! Вникни в весь проект, а не только в свою часть! Она должна увидеть, что ты уникальный специалист, который стоит не меньше, чем она сама. Более того, без тебя она не сможет воплотить проект в жизнь! Как только она это осознает, то сама пойдёт тебе навстречу в профессиональном плане. Это даст тебе возможность выяснить, что именно её заботит и волнует. Поддержи эти её интересы, и увидишь, что вскоре вы с ней начнёте обсуждать не только рабочие темы. И если ты окажешься достаточно умён, чтобы женщина ощутила тебя родственной душой не только на работе, но и вне её, то цель достигнута, она — твоя! Если всё сделать правильно, она, быть может, даже сама сделает первый шаг к сближению! Потому что она учёный, а учёные — прагматики. Многие из них ценят время, в том числе личное.

— Это надо обдумать. — Петров сделал глоток из бокала. — С такой стороны на всё это я не смотрел.

— Зря! — Штокхаузен тоже сделал глоток. — К нестандартным женщинам требуются нестандартные подходы. И не забывай, что чем больше она проводит времени с тобой, тем меньше у неё остаётся времени на твоих потенциальных конкурентов. Что автоматически означает следующее: делай так, чтобы вы задерживались на работе вместе. Чем более допоздна, тем тебе выгодней. Хотя она и учёный, а женские инстинкты у неё тоже есть. И к тому моменту, когда они дадут о себе знать, ты должен быть к ней ближе других во всех смыслах, особенно в морально-психологическом.

С минуту Петров молча размышлял, потом покачал головой и задумчиво повторил:

— Да уж... Что бы я без тебя делал... — Он отхлебнул из стакана и подытожил: — Век живи — век учись!

Москва, Кремль, правительственное
совещание у Сталина

17 апреля 1952 г.

— Решение экспортировать роботов бесплатно, по формуле товаров гуманитарной помощи, себя оправдало. — Молотов зачитывал доклад перед собравшимися в кабинете Сталина первыми лицами СССР. — Соответствующие советские министерства и ведомства единогласно рапортуют о пике поставок гражданских роботов СССР по всему миру. Объёмы экспорта нашей робототехники в страны западного блока, я не побоюсь этого слова, огромны. Китай, Индия и Япония заключили с Советским Союзом дополнительные сервисные контракты, выразив желание получить крупные партии советских роботов сверх первоначальных договорённостей. В этом году продажи сервисных услуг для обслуживания гражданских роботов впервые превысили продажи нефти, газа и полезных ископаемых, традиционно составлявших ранее основную статью доходов советского бюджета. По итогам прошлого года СССР заняла второе место в мире по ВВП после США!

Молотов сделал торжественную паузу, давая собравшимся возможность сравнить слова его доклада с экономическими графиками, вспыхивающими на электронных экранах стен кабинета вождя народов.

— Второе место, — негромко произнёс Сталин, разглядывая цифры, — это хорошо. Но нам с вами ещё есть к чему стремиться, товарищи! Советский Союз должен быть первым во всём! Как продвигается программа «Атомное сердце»?

— Семимильными шагами, товарищ Сталин! — отрапортовал Молотов. — Американские капиталисты не смогли устоять перед возможностью получить бесплатно универсальную рабочую силу! Эксплуатировать роботов эксплуататорам понравилось даже больше, чем эксплуатировать пролетариев! В США растёт безработица, все больше крупных и мелких фирм переходят на кибернетический персонал. Все объекты американской программы «Энергия для всех» строятся силами наших роботов, импортированных бизнесом США бесплатно, в качестве товаров гуманитарной помощи. Роботы демонстрируют высокую эффективность,

ХАРАЛЬД ХОРФ

АТОМІС НЕЯТ

программа «Энергия для всех» развивается ускоренными темпами. Попытки дискредитировать советских роботов и запретить их использование, предпринимаемые правительством США, разбиваются о глухую стену непонимания американской бизнес-элиты. Капиталисты оказались в ловушке собственной жажды наживы!

— Змея, пожирающая собственный хвост, — удовлетворённо оценил Сталин. — Мы находимся на правильном пути. Но нельзя останавливаться на достигнутом. Куй железо, пока горячо! Партия считает целесообразным пойти навстречу просьбам товарища Сеченова и увеличить размеры финансирования советской космической программы.

— Но размеры финансирования, выделяемого «Предприятию 3826», и так огромны, — попытался возразить Молотов.

— Тот, кто контролирует космос, — веско произнёс Сталин, — контролирует планету. Авторитет СССР успешно соперничает с авторитетом США, но Советский Союз уступает Соединённым Штатам в численности населения. Догнать наших врагов в экономическом плане тяжело. Но урезонить их жажду мирового господства, подкреплённую размахиванием ядерной дубиной, мы можем. К тому же после успешного завершения операции «Атомное сердце» нам потребуется абсолютный контроль над американскими территориями, которые войдут в состав СССР. Космическая орбита подходит для этой цели как нельзя лучше.

— Дополнительное увеличение финансирования «Предприятия 3826» потребует огромных средств! — попытался сопротивляться Молотов. — Которые требуются СССР на развитие социальных проектов: поддержку союзных республик, демографические программы, увеличение авторитета партии! Молодёжь массово уходит в социальные сети, контроль за ними требует высоких расходов.

— Поддерживаю товарища Молотова, — вставил Берия. — Каждое слово, сказанное или напечатанное в сети, должно быть проверено бдительными сотрудниками советских спецслужб. Мы обязаны оградить наших граждан от тлетворного влияния Запада и не допустить проникновения разрушительных идей капитализма в их разум и сердце. Поэтому КГБ СССР нуждается в увеличении объёмов специального оборудования и специалистах соответствующего

профиля, а на содержание дополнительного аппарата контроля сетевого пространства тоже нужны средства.

— У СССР хватает средств, — тут же вмешался Хрущёв. — Мы вышли на второе место в мире по ВВП, разве нет? Дополнительные вложения в «Предприятие 3826» ещё более увеличат наши доходы! Товарищ Сталин абсолютно прав: нельзя останавливаться на достигнутом! Мы не можем себе позволить почивать на лаврах! Иначе наши враги окажутся сильнее нас, они-то никогда не прекращают свои происки!

— Нельзя складывать все яйца в одну корзину! — Молотов многозначительно посмотрел на остальных, мол, давайте, поддержите меня, это в ваших же интересах, зачем нам здесь, в этом кабинете, нужен какой-то там Сеченов?! — Помимо «Предприятия 3826» в СССР хватает и прочих забот! Нужно добиваться повышения рождаемости! Вводить материальное стимулирование деторождения! Финансово поощрять многодетность!

— Роботы работают эффективнее людей, — мгновенно переобулся Берия. — И у них нет проблем с лояльностью. В интернете они тоже не сидят.

— Партия считает, — голос Сталина мгновенно оборвал все споры, — что СССР обязан изыскать средства на все приоритетные проекты. Мы не можем себе позволить отказаться от чего бы то ни было сейчас, в текущей политической обстановке. Поэтому «Предприятие 3826» получит дополнительное финансирование. А для того, чтобы наши учёные больше задумывались о прибыли, которую получает советская страна, партия предлагает создать в правительстве новую должность: министр кибернетической промышленности и торговли. И назначить на неё товарища Сеченова. Пусть подойдёт к вопросу получения прибыли с научных позиций. Предлагаю обсудить предложение партии.

Начались прения, но Молотов предпочёл устранившись от участия в пустой болтовне. И так ясно, что предложение Сталина примут все. Он окинул кабинет вождя народов ничего не выражающим взглядом с кривой усмешкой про себя. Что, доигрались? Вот вам новый конкурент, к словам которого Коба стал прислушиваться больше, чем к мнению любого из нас! А ведь он, Молотов, давно предупреждал, что так будет! Сейчас у многих в этом кабинете запоздало зароботали мозги! Да вот только ложка к обеду хороша!

Всё вышло так, как он ожидал: за назначение Сеченова министром кибернетической промышленности и торговли все проголосовали единогласно, и осталось лишь понять, кто из присутствующих попытается создать собственный блок с новой фигурой на нашей шахматной доске с двойным дном.

Небо над Болгарией, высота 15.000 метров, борт «Ласточка» отряда «Аргентум»

— Подытоживаю! Оперативная обстановка складывается следующим образом. — Подполковник Кузнецов проводил финальное уточнение боевой задачи. — Торжественный пуск АЭС близ города Белене состоится сегодня в полдень. Народ Болгарии возлагает на эту атомную электростанцию большие надежды, она позволит обеспечить энергией потребности свыше восьмидесяти процентов всей страны. По данным наших болгарских товарищей, ЦРУ планирует провести на территории АЭС масштабный террористический акт. Бомба заложена в одном из энергоблоков и должна взорваться сразу после его запуска. Позднее всевозможные эксперты, прикормленные мировым капитализмом, заявят, что всему виной был некачественный энергоблок, произведённый в СССР и собранный здесь кибернетическими строителями. Болгария, и не только Болгария, после такого наверняка откажется и от наших АЭС, и от наших роботов. Наша задача — сорвать планы противника!

Кузнецов окинул взглядом отряд. Восемнадцать бойцов «Аргентума», расположившихся в самолётных креслах, на этот раз были облачены не в привычную бронепформу, а в строгие деловые костюмы. Одета в вечернее платье Блесна была, как всегда, элегантна и утончённа. Её роль в предстоящей операции является одной из основных, так как для связи ей рация не нужна и никто не заподозрит привлекательную молодую женщину в открытом платье в наличии радиостанции и прочих шпионских устройств. Это очень хорошо, потому что проблем с этой операцией стало выше крыши ещё до её начала.

Атомная электростанция близ города Белен полностью строилась силами советских роботов гражданского назначения, Болгария лишь оплачивала расходы. Реакторы для Бе-

ленской АЭС изготовлены комплексом «Курчатов», гражданские роботы обслуживания и обеспечения созданы комплексом «Челомей», программное обеспечение и компьютеры разработаны в «Нептуне» под руководством профессора Лебедева. Беленская АЭС создана полностью кибернетизированной, живого персонала там нет, и людям не придётся нести даже гипотетические риски. За человека всё будут делать роботы, как и должно быть. Более десяти стран Европы уже выразили свой интерес к подобным проектам Советского Союза. Не удивительно, что всё это очень не понравилось мировому капитализму.

О готовившейся диверсии стало известно буквально за сутки до её осуществления. Времени проверить сведения как следует у болгарских спецслужб не было, и они обратились за помощью в КГБ СССР. Советские спецслужбы срочно задействовали все свои агентурные возможности, однако в условиях жестокого цейтнота получить исчерпывающую информацию не удалось. Источники в США подтверждали сам факт подготовки враждебных действий в зоне болгарской АЭС, но выяснить, что конкретно задумано, времени не хватало.

Согласно одним данным, противник сумел установить бомбу в одном из энергоблоков АЭС, но в каком именно — это выяснить не удалось. В момент запуска АЭС бомба взорвётся, и всё будет выглядеть как катастрофа некачественного реактора. Согласно другим данным, настоящей бомбы не будет, но агенты ЦРУ спровоцируют ложную тревогу посредством взрывов миниатюрных имитационных устройств в разных частях АЭС непосредственно в разгар церемонии открытия. Церемония будет сорвана, пуск отложен, и по миру поползут чёрные слухи, которые пропагандистская машина Запада немедленно подхватит и станет всячески раздувать и преумножать.

Все прошедшие сутки болгарские спецслужбы обшарили энергоблоки в поисках взрывного устройства, но обнаружить что-либо не смогли. Сапёры и взрывотехники клялись, что реакторы чисты как слеза и если противник действительно сумел заложить мину в энергоблок, то они даже не представляют, где таковая может быть. Ибо каждый кубический сантиметр энергоблоков был тщательно проверен дважды. В свете этой информации все эксперты скло-

нялись ко второму варианту диверсии: ЦРУ готовит не настоящий взрыв, а провокацию. Которая, впрочем, всё равно будет иметь множество негативных последствий.

Для помощи болгарским коллегам в пресечении вражеских происков, руководство КГБ СССР согласовало с Сеченовым отправку на Беленскую АЭС отряда «Аргентум», и нестандартную операцию пришлось планировать прямо в полёте. Что ж, «Аргентуму» не привыкать. Каждая вторая операция отряда есть чистая импровизация, потому что ЧП, возникающие из-за подрывных действий западных спецслужб, всегда случаются внезапно. Принимать решения мгновенно, без предварительной подготовки, исходя из стремительно меняющейся ситуации, приходится часто. Во многом благодаря передовой советской науке этот процесс редко имеет ошибки.

Результаты каждой операции «Аргентума» изучаются лучшими учёными «Предприятия 3826». На основании таких результатов проводятся новые исследования и создаётся ещё более передовое снаряжение и оборудование. И возможности «Аргентума» возрастают. Лет через десять такими возможностями будет обеспечен каждый советский солдат, пока же сложные и небезопасные технологии оттачиваются на боях «Аргентума». И это даёт плоды. Недавно Сеченов объявил, что полимерный расширитель мозга, внедрённый в череп Екатерины Нечаевой, прошёл первую серию испытаний успешно. Его отладка завершена, и теперь подобные полимерные расширители будут установлены всем бойцам отряда. Это позволит им не только избавиться от носимых раций, но и впоследствии напрямую взаимодействовать с роботами.

Помимо этого, бойцам отряда будет имплантирована полимерная роговица глаз, сочетающая в себе камеры высокого разрешения, систему сканеров, основанных на тепловом и рентгеновском видении, и самое обычное человеческое зрение. Чтобы было комфортно жить вне службы. Кроме того, профессор Челомей обещал к началу следующего года заменить устаревшую «Ласточку» на новейший гиперзвуковой самолёт «Метеор». «Метеор» сейчас проходит лётные испытания, он создан из более прочного сплава, лучше бронирован, имеет меньшие в сравнении с «Ласточкой» размеры при большей вместимости, грузоподъёмности и полез-

ном объёме. Но самое главное — «Метеор» способен летать по орбитальной баллистической траектории. А это значит, что в любую точку планеты он может добраться за несколько десятков минут максимум.

Идя навстречу пожеланиям «Аргентума», профессор Челомей пообещал, что «Метеор» будет оборудован креслами новой конструкции, более просторными и удобными, а то в бронеформе и полном боевом снаряжении сидеть в прежних креслах бывает некомфортно, маловаты они для такого. Зато сейчас в самый раз. Для этой операции «Аргентум» облачился в гражданские костюмы и обзавёлся журналистской аккредитацией. Бойцы под видом репортёров рассредоточатся по помещениям АЭС и будут следить за гостями мероприятия. Как только агенты ЦРУ попытаются взорвать имитационные заряды и обнаружат себя, они будут нейтрализованы и обезврежены. Реализовать свои гнусные планы наймитам мирового капитализма КГБ не позволит, и точка!

— Как только официальные лица принимающей стороны откроют доступ во внутренние помещения АЭС, — продолжил подполковник Кузнецов, — отряд рассредоточивается среди гостей и приступает к наблюдению за лицами, выделенными в группу риска. Всем ещё раз ознакомиться с фотографиями подозреваемых! Журналисты капиталистических стран и представители их посольств должны находиться в зоне прямого контакта непрерывно. При обнаружении попытки предпринять враждебные или провокационные действия реагировать немедленно и без особой команды! Время не терять! Действовать по обстановке! Держать постоянную связь с Блесной, она будет находиться среди первых лиц официальных делегаций. Ближе пяти шагов к ней не подходить, она легендирована в качестве самостоятельной журналистки без коллег и съёмочной группы. В контакт с местными спецслужбами вступаем только в случае крайней необходимости. Болгарские коллеги оповещены о нашем присутствии и окажут любую поддержку по прямому запросу в эфире. Все частоты, на которых будет осуществляться радиообмен, вам уже предоставлены. Вопросы по легендам и радиообмену есть?

С этой частью операции всё было вполне ясно, и отряд перешёл к дальнейшей проработке взаимодействия внутри АЭС. К тому моменту, когда «Ласточка» совершила посадку,

всё было отработано до мелочей. Вражеским провокаторам будет оказан тёплый приём. «ДМР-1» замер на стояночном месте аэродрома, и вскоре бойцы «Аргентума» с журналистскими аккредитационными значками на лацканах пиджаков смешались с толпой пассажиров, заполнивших здание аэропорта.

Торжественное мероприятие, посвящённое пуску Беленской АЭС, было организовано с размахом. На улице играл оркестр, гостей встречали дружелюбные роботы, вручающие всем желающим напитки, брошюры с программой торжественной части и буклеты, рассказывающие о том, как возводилась атомная электростанция. Внутри АЭС, в помещении центрального пункта управления, ненавязчиво звучали мелодии рояля, поддерживался комфортный микроклимат, всюду стояли доброжелательные представители болгарской стороны, с готовностью отвечающие на любые вопросы.

Посвящённая пуску пресс-конференция прошла спокойно, если не считать пары тщетных попыток испортить всем настроение каверзными вопросами, предпринятых заокеанскими журналистами. Американцев, как всегда, настораживало засилье советских роботов, в которых они видели, конечно же, жуткую опасность и угрозу всему миру. Когда вопрос о том, а точно ли гражданские роботы из СССР не несут в Европу гибель и разрушение и не взорвут ли они эту АЭС в один прекрасный день, прозвучал в пятый раз, представитель болгарского правительства не выдержал и открыто заявил прямо в американские телекамеры:

— Кто несёт миру гибель и разрушение, весь мир узнал шестого и девятого августа 1945 года! На данный момент советские роботы принесли нам только хорошее! Наша страна, как вся Европа, обезлюдела после чудовищной Коричневой чумы, устроенной подлым фашизмом! Именно благодаря советским роботам мы сумели восстать из пепла и наладить быт, даже более комфортный, нежели имели до войны! Любой крестьянин подтвердит вам безусловно увеличение уровня жизни! Это очевидный факт, оспаривать который не стали даже за океаном, на вашей родине, мистер репортёр! Так почему бы вам не сделать паузу в вашем нелёгком труде на ниве очернения всего хорошего, но

не капиталистического, и просто не порадоваться вместе с Болгарией её успехам?! Или вы против того, чтобы люди жили в комфорте и имели беспрепятственный доступ к электричеству?

Американский репортёр не ожидал получить отповедь и не стал накалять обстановку. Для приличия пробормотал что-то нейтральное и уступил слово следующему журналисту. Больше острых моментов на пресс-конференции не возникло. В ожидании её завершения подполковник Кузнецов уточнял детали у своего болгарского коллеги.

— Мы перевернули АЭС с ног на голову, — тихо рассказывал болгарский генерал, — а после перевернули ещё раз обратно. Никаких бомб или взрывных устройств не найдено. Я почти уверен, что их тут нет. Я был бы уверен в этом абсолютно, но есть один нюанс, который нас настораживает: на сегодняшнее мероприятие заявилось слишком много западных журналистов. И половина из них прислала заявки на аккредитацию в самый последний момент, причём почти одновременно. Они словно ждут чего-то.

— С ними работали, — Кузнецов многозначительно посмотрел на болгарского коллегу, — соответствующие специалисты?

— С двумя, — коротко подтвердил тот. — Большого нам было не успеть. Но это ничего не дало. Репортёры получили это задание от своего редакционного начальства. А то, в свою очередь, получило от неких авторитетных политических обозревателей мнения, что данная тема будет пользоваться спросом у читателей.

— И данное авторитетное мнение совершенно случайно поступило во все редакции в одно и то же время? — усмехнулся подполковник Кузнецов.

— Именно так! — подтвердил болгарский генерал. — Теперь мы не спускаем глаз с каждого западного репортёра, находящегося на этом мероприятии.

— Поможем чем сможем, — сделал вывод Кузнецов. — Знать бы, где упадёшь... — он украдкой окинул внимательным взглядом заполненное официальными лицами помещение, — соломку бы подстелил.

После пресс-конференции болгарская сторона повела гостей знакомиться с АЭС, и оперативная ситуация усложнилась. Несколько десятков человек перемещались из одно-

го помещения в другое, кто-то задерживался, что-то записывая, кто-то делал наброски репортажей со своей съёмочной группой, кто-то останавливался сфотографировать футуристическое убранство внутренних помещений АЭС.

Посмотреть тут и вправду было на что: кругом компьютеры, телеэкраны и мониторы, огромные стенды, мерцающие сотнями индикаторов, сложная электроника и, конечно же, роботы. Кибернетические лаборанты, инженеры и техники, внешне стилизованные под человеческие образы, притягивали внимание съёмочных групп.

В итоге процессия гостей растянулась, а тут ещё американцы, как всегда, интересовались закрытыми дверями. Они старательно делали вид, что в США не существует понятий «закрытая зона» и «режим секретности», со святой наивностью в подленьких глазках требуя, чтобы их пустили вообще везде.

Пока официальные лица принимающей стороны возились со всем этим, гости оказались сильно рассредоточены по нескольким помещениям, и отряду пришлось рассеяться по зданию АЭС. Подполковник Кузнецов вместе с болгарским генералом принимали ежеминутные доклады от своих людей, но никаких признаков шпионской активности до сих пор засечь не удавалось.

— Я «Криптон», — прозвучал очередной доклад. — Веду объект. У меня всё чисто.

— Я «Радон», — присоединился к нему следующий боец. — Объект наблюдаю. Подозрительная активность отсутствует.

— Я «Плутоний». Веду наблюдение за назначенным объектом. Всё спокойно.

Остальные доклады были в том же духе, и Кузнецов бросил взгляд на часы. До пуска оставалось шесть минут. Сейчас все предшествующие мероприятия будут закончены, и гостей вновь проводят в центральный пункт управления. Там они снова окажутся все вместе, на виду, и возможности совершить провокацию у них не будет. Даже если все западные журналисты окажутся шпионами, они не смогут нагадить. За каждым из них закреплено по паре болгарских офицеров либо боец «Аргентума».

— Похоже, на этот раз обошлось, — тихо произнёс болгарский генерал. — Шесть минут до пуска. Не сглазить бы.

Он напряжённно умолк. Спустя минуту представитель болгарского правительства объявил о том, что до пуска осталось пять минут, и торжественно пригласил всех гостей вернуться в центральный пункт управления. Толпа официальных лиц, не прекращая щёлкать вспышками фотоаппаратов, потянулась в указанное помещение.

— Я «Блесна»! — раздался в эфире тихий шёпот старшего лейтенанта Нечаевой. — Тут женщина-репортёр из местного издания уходит в дамскую комнату. Я провожу на всякий случай.

— Не задерживайся, — разрешил Кузнецов. — Четыре минуты до пуска.

— Вас поняла. — Блесна умолкла.

Болгарский генерал вышел в эфир и приказал своим людям:

— Как только все соберутся в центральном пункте, сблизиться с предполагаемыми диверсантами противника на минимальное расстояние! Быть готовыми произвести захват!

Подполковник Кузнецов посмотрел на тактический планшет: все бойцы «Аргентума», за исключением Блесны, приближались к скоплению гостей. Внезапно в эфире раздался звон разбитого стекла и полный ярости короткий женский возглас, сменившийся звуками рукопашной схватки. Кто-то заблокировал пару ударов и перешёл в контратаку. Короткий поединок закончился пистолетным выстрелом и глухим шлепком падавшего тела.

— Тревога! — Блесна говорила скороговоркой на бегу, и радар показывал её отметку, быстро смещающуюся по центральному коридору в сторону выхода. — Я «Блесна»! Мина существует! Это ядерный фугас! Повторяю, ядерный фугас! Он заложен под периметр АЭС снаружи! Подрыв осуществляется дистанционно! Оператор находится не здесь!

— Срочно накрыть весь район радиопомехами! — Кузнецов обернулся к генералу.

— Не поможет! — на бегу выдохнула Блесна. — Сигнал на подрыв пойдёт по кабелю!

— Куда ехать? — Кузнецов сорвался с места.

— Не знаю! — выдохнула Блесна. — Я слышу их эфир! Иду по пеленгу! Не блокируйте эфир! Повторяю, не блокируйте эфир!

— Плутоний! Бросай всё — и за ней! — рявкнул подполковник. — Всем остальным аккуратно на выход! Перегруппироваться на улице! Брать любой транспорт! Три минуты до пуска!

Бойцы «Аргентума» не торопясь покинули заполненный людьми центральный пункт управления, и увлечённые предстоящим пуском гости не обратили на них особого внимания. Оказавшись за дверьми, все бросились к выходу. К тому моменту, когда Кузнецов оказался снаружи, машина с Блесной за рулём исчезла вдаль в облаке пыли. Следом за ней промчался Плутоний, без разговоров влезший в полицейский автомобиль, ударяя по педали газа под ошарашенные взгляды болгарских полицейских.

Спустя минуту по направлению движения Блесны мчался целый батальон автомобилей, заполненных офицерами болгарских спецслужб, полицейскими и бойцами «Аргентума». Подполковник Кузнецов находился рядом с водителем в генеральской машине, на полной скорости несущейся за виднеющимся вдаль полицейским автомобилем Плутония. Болгарский генерал в первую же секунду мгновенно оценил сложившуюся ситуацию и не стал препятствовать «Аргентуму», справедливо полагая, что у загадочного спецотряда КГБ технологий значительно больше, нежели имеется в его распоряжении.

— Быстрее! — бросил водителю Кузнецов, одной рукой придерживая командирский планшет и другой переключая его из режима радара в режим приёма видеосигнала камеры, встроенной в роговицу старшего лейтенанта Екатерины Нечаевой. — «Блесна»! Две минуты до пуска! Ты засекала диверсанта?

— Сигнал усиливается! — скороговоркой ответила Блесна. — Я где-то рядом!

Экран планшета зажгёт картинку, и Кузнецов взгляделся в то, что видит сейчас Нечаева. Её машина, отобранная у кого-то из местных журналистов, на опасной скорости мчалась по улице какого-то небольшого населённого пункта. Из кабины генеральского авто Кузнецов уже видел его окраины, но Блесна опережала остальной отряд на полтора километра. Единственным, кто может успеть её прикрыть, был Плутоний, и он хорошо это понимал, выжимая из готовой развалиться полицейской машины всё, что только можно.

— Я чувствую источник сигнала! — Блесна резко ударила по тормозам. — Это здесь!

Её машина, юзом закручиваясь поперек дороги, остановилась возле небольшого жилого домишки, и Блесна выскочила наружу, выхватывая пистолет. Она рванулась к дому и в два прыжка преодолела двухметровый забор, пробежавшись по его декоративной лепнине словно по ступенькам. Оказавшись на небольшой лужайке, отделяющей домишко от забора, Блесна замерла, прислушиваясь к эфиру.

— Одна минута до пуска! — Кузнецов скользнул взглядом по циферблату часов и обернулся к водителю. — Быстрее! На втором перекрёстке налево — и полный газ!

— Он в доме, на первом этаже, — определила Блесна. — Приступаю к задержанию.

Она сорвалась с места, набирая разбег прямо в сторону стены, и мощным прыжком взлетела на двухметровую высоту, оказываясь на уровне окна. Её тело врезалось в оконное стекло, выбивая его вместе с хилой рамой, и Блесна влетела внутрь дома вместе с ворохом стекольных осколков. Она приземлилась посреди небольшой комнаты, мгновенно принимая стрелковую стойку, и взяла на мушку опешившего человека в дождевом плаще, стоящего в шаге от грубого деревянного стола. На столе был установлен портативный радиопередатчик, мимо которого тянулся толстый экранированный электрошнур к пульту управления, зажатому в руке шпиона. Из пульта торчал поворотный ключ, являющийся тумблером инициации взрыва. В другой руке шпион держал пистолет.

— Ни с места! — выкрикнула Блесна. — Бросай оружие!

— Расслабься, бэби! — по-английски заявил шпион, разжимая руку с пистолетом.

Его оружие с грохотом упало на пол, он освободившейся рукой медленным движением сбросил с себя накинутый на плечи плащ и насмешливо ощерился:

— И не делай резких движений!

— Твою мать! — выругался Кузнецов, разглядывая шпиона глазами Блесны.

Шпион был с головы до ног облеплен шашками синтетической взрывчатки.

— Один выстрел, — усмешка шпиона стала шире, — и всё здесь взлетит на воздух! От тебя останутся одни киш-

ки! А наверху, на чердаке, сидят связанные хозяева этого дома! Подумай о них, бэби! У них дети!

Он сделал шаг в сторону стола с радиостанцией, и Блесна угрожающе вскрикнула:

— Стоять! Ещё шаг, и я прострелю тебе ногу!

— Там тоже есть взрывчатка, бэби! — усмехнулся шпион. — Она есть даже на лице! Моё лицо выложено ею как гримом. Ты проиграла, так что лучше расслабься, если хочешь сохранить свою упругую задницу одним целым!

Позади Блесны послышался скрип экстренно тормозящей полицейской машины и окрик Плутония, адресованный полицейским:

— Ломайте дверь, я через окно!

В следующую секунду рука шпиона метнулась к ключу на пульте, и Блесна выстрелила.

Яркая вспышка засветила изображение, и телеэкран погас. Спереди донёсся оглушительный взрыв, и Кузнецов увидел, как в глубине улицы в небо взметается мощный фонтан из огня и обломков здания, сменяющийся языками вспыхнувшего пожара.

На месте взрыва подполковник Кузнецов был через полминуты. Домишко разворотило напроць, от него остались лишь охваченные пожаром обломки стен. Подоспевшие бойцы «Аргентума» совместно с болгарскими товарищами принялись тушить пожар, таская воду из ближайшего колодца и Кузнецов, сунув командирский планшет в руки Радону, подбежал к бойцам, спешащим к пожару с вёдрами в руках.

— Выливай на меня, живо! — выкрикнул подполковник.

Оба бойца поняли все мгновенно. На Кузнецова опрокинули два ведра воды, он сделал глубокий вдох и рванулся сквозь пламя внутрь дома. Отыскать Блесну в дыму и пламени удалось быстро: домишко был невелик, и опытный офицер понимал, в какую сторону её отбросило взрывом. Но опознать старшего лейтенанта Нечаеву было невозможно. Подполковник вынес на руках сплошное обожжённое кровавое месиво человекообразной формы, сочащееся кровью и покрытое спёкшимися воедино лохмотьями платя и плоти.

Вывравшись наружу, Кузнецов выдохнул и закашлялся.

— Связь с «Волшебником», немедленно! Машину, быстро! В аэропорт!

Подоспевшие бойцы помогли ему уложить изувеченное тело Блесны в автомобиль, и подполковник услышал голос Радона, возящегося в соседней машине:

— Аргон, мы нашли Плутония! С ним всё хреново. Я сделал ему все инъекции из нашей аптечки, он задышал, но долго не протянет!

— Есть связь с «Волшебником»! — В укрепленной на ушной раковине гарнитуре рации зазвучал голос Криптона: — «Аргон», вы в эфире!

— Александр Иванович, что случилось? — голос Сеченова был взволнован. — Простите... то есть «Аргон»! Это «Волшебник»! Приём!

— У нас потери! — выдохнул Кузнецов, захлопывая дверь в автомобиль. Он махнул рукой бойцу «Аргентума», сменившему водителя: — Гони!

— Потери?.. — Сеченов погрузтел. — Кто-то пострадал?

Обе машины взревели двигателями и умчались в сторону аэропорта. Кузнецов проводил их взглядом и посмотрел на свои руки, густо залитые кровью Блесны:

— Блесна и Плутоний. Тяжёлые минно-взрывные травмы. Ожоги четвёртой степени. Множественные переломы. Открытые черепно-мозговые травмы.

— Как?! — опешил Сеченов. — То есть немедленно везите их ко мне! Я подготовлю операционную! Вколите полимерный коагулянт, противошоковое, экстренный иммуномодулятор и препараты из ампул «Б» и «Ц»! Поставьте капельницу с плазмой!

— Всё вкололи, — мрачно ответил Кузнецов, отирая кровь о покрытый копотью и пеплом пиджак. — Капельницы будут поставлены, как только «Ласточка» пойдёт на взлёт. Мы прилетим вторым рейсом... — Он вышел из эфира, на мгновение умолк и тихо закончил: — Сделайте хоть что-нибудь, Дмитрий Сергеевич... вы же волшебник...

Изнурительная операция длилась шестнадцатый час, но все усилия были тщетны. Что бы он ни предпринимал, вернуть к жизни тело Екатерины Нечаевой не удавалось. Повреждения были столь жестоки, что женщина фактически

умерла в момент взрыва, и лишь полимерные препараты не позволяли её мозгу погибнуть следом за телом. Но даже полимеры далеко не всесильны. Разорванный почти надвое головной мозг умирал и к концу операции на полимеры практически не реагировал. Даже если удастся продержать его в таком состоянии долгие годы, это будет не более чем нервная ткань на искусственном жизнеобеспечении...

Сеченов выпрямился, распрямляя затёкшую от долгой операции спину, и с тоской закрыл глаза. Ассистирующая ему Филатова взяла в руку медицинский зажим, подхватила им ватно-марлевый тампон и осторожно промокнула выступившие на лбу академика капельки пота.

— Вы сделали всё что могли, Дмитрий Сергеевич, — тихо произнесла она. — Вам удалось невозможное: вы спасли её мужа...

— Неизвестно, сколько он проживёт в таком состоянии, — устало отрезал Сеченов. — От него осталось фактически туловище, часть мозга серьёзно повреждена. Я надеялся, что спасу их обоих... Но более похоже на то, что он уйдёт за нею следом...

— Мы будем за него бороться! — решительно заявила Филатова. — Он должен выжить! Хотя бы кто-то из них должен остаться жить!

— Инвалидом? — Сеченов открыл глаза и с болью посмотрел на соседний операционный стол, где лежало то, что осталось от Сергея Нечаева: израненное тело с раздробленными конечностями и частично разбитым черепом, густо утыканное трубками капельниц, катетерами и медицинскими электродами. — С повреждённым мозгом и необратимой травмой личности?

— Неужели ничего нельзя сделать?.. — Филатова выбросила мокрый тампон, подхватила зажимом новый и стёрла нависшие на своих глазах слёзы. — Мы же можем предпринять хоть что-то...

— Хоть что-то... — Сеченов тяжело вздохнул. — Хоть что-то — можем. Но какова цена?

Он умолк, вперив наполненный болью взгляд в изуверенное кровавое месиво, в которое превратился мозг Екатерины Нечаевой. Филатова посмотрела на панель медицинских приборов и трагически произнесла:

— Через две минуты она умрёт... её тело погибло ещё в момент взрыва, больше удерживать мозг в живом состоянии мы не в силах...

— Она умерла давно, — глухо ответил Сеченов. — Мозг сопротивляется на уровне рефлексов, условных и безусловных... но личности там уже нет. Я не смог её спасти. — Он болезненно зажмурил глаза и добавил: — Во время войны я потерял десятки пациентов... не думал, что это когда-нибудь повторится...

— Вы сохранили жизни тысячам людей! — возразила Филатова. — Вы почти всегда делаете невозможное! Но спасти уже погибшего человека не способен никто!

Сеченов молча кивнул, и взгляд его застыл, утопая в тяжёлых воспоминаниях.

— Никак не могу с этим свыкнуться... — негромко произнёс академик.

Он секунду молчал, потом встрепенулся и посмотрел на Филатову:

— Ступайте, Лариса Андреевна! Я закончу здесь самостоятельно. На сегодня вы свободны, спасибо за помощь.

Филатова отложила зажим и печально направилась к выходу операционной. У порога она обернулась, бросая на Сеченова грустный взгляд. Академик вновь склонился над обезображенным черепом Нечаевой, но замершие вокруг киберассистенты продолжали безучастно стоять, не шевелясь. Филатова тоскливо вздохнула. Это бесполезно, пациента не спасти. Он знает об этом лучше кого бы то ни было. Но будет продолжать попытки до тех пор, пока мозг не умрёт прямо на операционном столе. Сеченов не умеет иначе. Она покинула операционную, и автоматический доводчик плавно закрыл за ней гермодверь.

— Доктор Филатова! — окликнул её взволнованный женский голос. — Лариса Андреевна! Подождите, прошу вас!

По дальнему коридору к ней спешила немолодая женщина в форме полковника КГБ. Копошашиеся вокруг роботы-уборщики услужливо расступались, пропуская бегущего человека. В тусклом свете дежурных ламп, освещающих ночные безлюдные коридоры, их силуэты отбрасывали причудливые тени, напоминая ползущих по полу бесплотных зловещих монстров. Филатова остановилась.

— Слушаю вас, товарищ полковник.

— Я Муравьёва! — выдохнула женщина в форме, останавливаясь перед ней. — Зинаида Петровна Муравьёва, мать Екатерины Нечаевой! Вот мои документы! — Она торопливо протянула ей сжатые в кулаке красные корочки офицера КГБ.

— Не надо документов... — тихо произнесла Филатова, осторожно беря руку Муравьёвой в ладони. — Мне... — С её ресниц сорвались слезинки. — Мне очень жаль...

— Но как же... — Муравьёва ошарашенно переводила взгляд с неё на двери операционной и обратно. — Дмитрий Сергеевич... Он же ещё в операционной... Может, Катюшу ещё можно спасти...

Филатова медленно покачала головой, смахнула слезы и негромко ответила:

— Она погибла почти сразу. Мы сделали всё, что только может сделать нейрохирург. Но погибшего человека спасти невозможно.

Полковник Муравьёва побледнела и устремилась к операционной, но Филатова сжала ей руку, не пуская.

— Мне... — в голосе Муравьёвой вибрировала боль, — мне надо её увидеть... Пожалуйста...

— Не надо. — Филатова осторожно потянула её назад. — Я ассистировала академику Сеченову шестнадцать часов... поверьте мне: вам лучше её не видеть. Иначе будет ещё больней.

— Но почему он ещё там?.. — умоляюще прошептала Муравьёва, но Филатова лишь грустно покачала головой.

— Пойдёмте, Зинаида Петровна, я вас провожу.

Во взгляде Муравьёвой угасла последняя надежда, она безвольно развернулась и побрела назад по широкому полутёмному коридору, тускло отсвечивающему стерильной чистотой.

Из операционной Сеченов вышел спустя два часа. К тому времени кибернетические санитары унесли тело умершей Нечаевой и поместили её мужа в пенал реанимационной установки. Сеченов убедился, что во всех протоколах поведения роботов установлен запрет на приближение к ёмкостям с нейрополимером, и направился домой. Тяжёлая операция измотала его психологически и физически, ему не хотелось ничего, кроме как рухнуть на кровать и провалиться в забытие. Тихую вибрацию сигнала экстренного вызова

академик ощутил не сразу. Он нащупал в кармане халата персональный пульт универсального управления, взгляделся в его экран и замер.

Экстренный вызов шёл из лаборатории, в которой погиб Захаров. С того рокового дня эта лаборатория была выведена из эксплуатации и использовалась для хранения агрессивного нейрополимера. Уничтожить первичный образец, ставший могилой лучшего друга, Сеченов так и не решился. Поначалу он часто заходил туда, но с каждым разом делать это становилось всё тяжелее, и вскоре кроме обслуживающих роботов других посетителей там не осталось. И вот сейчас установленная в лаборатории камера показывала, что в ванне с первичным образцом сидит человек. В темноте разобрать подробности было сложно, но очертания силуэта не оставляли сомнений: в ванне кто-то был.

Забыв об усталости, Сеченов бросился в лабораторию. Несколько роботов-уборщиков, увидев пробежавшего мимо шефа, покатили за ним, быстро собираясь в небольшую свиту. Изрядно запыхавшись, Сеченов добрался до нужных дверей и не сразу сумел отдышаться, чтобы пройти голосовую проверку:

— Академик Сеченов! Пароль: не тот еретик, кто горит на костре, а тот, кто зажигает костёр!

Замок подмигнул зелёным индикатором, распахивая двери, и Сеченов ворвался внутрь во главе маленького киберотряда. В лаборатории автоматически зажгёлся свет, и академик замер возле ванны, всматриваясь в торчащий из поверхности первичного образца плечевой пояс с головой и шеей. Серое прозрачное желе агрессивного нейрополимера лежало в ванне единым неподвижным слоем, никакого продолжения у плеч внутри этой толщи не было, но черты лица желе-головы имели несомненное сходство с оригиналом.

— Харитон? — неуверенно произнёс Сеченов.

Желе-голова дрогнула, словно пыталась кивнуть, но вместо этого растеклась, быстро опадая до самой поверхности. Спустя несколько секунд поверхность первичного образца вновь была идеально ровной, проблескивая в ярком освещении.

— Активировать секретный протокол! — Сеченов обернулся к роботам. — Покинуть помещение, удалить всю ин-

формацию за последние сто секунд и возвращаться к работе! Приступить!

Роботы бодро покинули лабораторию, и Сеченов запер за ними дверь. Академик торопливо подошёл к операторскому пульту, подал питание на всё имеющееся в лаборатории оборудование и надел шлем нейропередатчика.

**СССР, «Предприятие 3826», кибернетический
Театр имени Майи Плисецкой**

9 ноября 1952 г.

Две изящные сверкающие золотым блеском кибернетические балерины, похожие друг на друга словно близнецы, синхронно порхали по сцене, совершая сложные балетные па, идеальные батманы и высокие прыжки в полном шпагате. Безупречно исполнив балетную программу, стальные близняшки столь же синхронно поклонились зрителям и упорхнули за кулисы. Зал взорвался овацией.

— Если бы я не знал, что они роботы, — Штокхаузен, сидевший в первом ряду, аплодировал вместе со всеми, — то сказал бы, что это живые профессиональные балерины в хорошем гриме и реквизите!

— Действительно уникально! — согласилась Филатова. — Однако столь убедительной синхронностью может похвастать не каждая балетная труппа.

— Гениальное программирование, — подхватил Штокхаузен, обернувшись к Петрову. — Виктор, это твоя работа?

Представление было посвящено возвращению первого советского лунохода. Совместный проект комплексов «Королёв» и «Челомей» увенчался грандиозным успехом. Советская ракета с луноходом на борту стартовала седьмого ноября, в знаменательную для советского народа дату, благополучно прилунилась и высадила луноход. Тот преодолел около километра по лунной поверхности, взял пробы грунта и вышел из строя под действием внешних факторов, не учтённых конструкторами в силу того, что прежде никто на Луне не бывал.

Но гений инженеров «Предприятия 3826» не подвёл и здесь: автоматика лунохода зафиксировала поломку и успела развернуть солнечные батареи. Сутки луноход на-

капливал заряд, после чего специалистам Центра управления полётов удалось восстановить с ним связь и наладить управление. Луноход сумел вернуться к ракете и самостоятельно вкатился на борт. Лунный старт прошёл успешно, и ракета вернулась на Землю. Недавно отстроенный комплекс «Попов» отслеживал её вплоть до вхождения в атмосферу, и после выпуска парашютов к ракете немедленно устремился один из громадных «Кондоров-4», дежуривших в небе в ожидании спуска.

Красавица-ракета, увенчанная гроздьями белоснежных и оранжевых парашютных куполов, под прицелами телекамер плавно опустилась на поверхность могучей аэроплатформы и замерла в вертикальном положении, символизируя готовность немедленно устремиться в космос вновь. Очередной триумф «Предприятия 3826» вышел не только знаковым, но и красивым. Академики Королёв и Челомей на состоявшейся сразу после посадки пресс-конференции заявили, что в ближайшем будущем их комплексы приступают к совместной программе «Буран», призванной разработать многоразовый космический ракетолёт, который будет иметь возможность осуществлять выход на орбиту и последующее приземление самостоятельно, без дополнительных ракетоносителей.

— Вскоре у СССР появится такси на орбиту! — провозгласил академик Королёв под бурные аплодисменты журналистов.

На следующий день образцы лунного грунта поступили на исследование в соответствующие комплексы «Предприятия 3826», и уже к вечеру научный совет во главе с Сеченовым принял решение о создании ещё одного направления в рамках глобальной советской космической программы: комплексы «Павлов» и «Вавилов» начинают масштабные исследования в области адаптации растений и животных к внеземным атмосферам.

По поводу свершившегося триумфа советской науки правительство объявило праздничный день, посвящённый научным достижениям и техническому прогрессу. По всей стране проводились научные мероприятия, при библиотеках учёные читали познавательные лекции всем желающим, в ВУЗах проводились физико-математические игры, сеть и телевидение демонстрировали научно-фантастические картины.

На «Предприятии 3826» устроили концерт Театра имени Плисецкой, и Штокхаузен вытасил на представление Петрова с Филатовой. Девушке балет понравился, её спутник притворялся, что тоже в восторге, однако Штокхаузен знал приятеля слишком хорошо, чтобы не заметить его недовольства. В чём причина, Штокхаузен выяснять не стал, беспокоясь совсем о другом.

— Нет, я их не программировал, — ответил Петров. — Это личные роботы Дмитрия Сергеевича, они появились у него недавно, он сам ими занимается. Насколько мне удалось выяснить, парни из АПО тоже не касались их ПО, академик Сеченов сделал всё сам. Я не знал, что он ещё и программист, каких поискать!

Петров говорил с уважением, но в его глазах Штокхаузен увидел знакомое выражение. Понятно! Петрова опять гложут мысли о том, что кто-то может быть лучше, чем он сам. Из-за таких-де уникалов таланты вроде него постоянно недооценены, потому что им не дают возможности развернуться во всей своей красе. Завистливый болван! И кому завидует?! Сеченову! Подумать только, каков червяк! И как только Филатова позволила себе опуститься до таких любовных отношений?!

— Дмитрий Сергеевич, — с гордостью объяснила Филатова, — выдающийся учёный и талантливая многогранная личность. А ещё он ценитель и знаток балета и программировал этих близняшек через полимеры, а не посредством программ...

Она запнулась и перешла на шёпот:

— Впрочем, говорить об этом в общественном месте не положено! Мы сможем обсудить это позднее, в рабочей обстановке. Скажите, Михаэль, — Филатова посмотрела на Штокхаузена, — где сейчас Дмитрий Сергеевич? Я ожидала увидеть его на этом концерте.

— К сожалению, после того как академика Сеченова назначили министром кибернетической промышленности и торговли, свободного времени у него фактически не осталось. — Штокхаузен печально вздохнул. — У Дмитрия Сергеевича и так со свободным временем было далеко не роскошно, а теперь...

Он многозначительно развёл руками и грустно улыбнулся Филатовой.

— Это печально. — Филатова заплодировала следующим кибернетическим артистам, появляющимся на театральных подмостках. — Но есть и светлая сторона этой медали: академик Сеченов умеет использовать своё время с величайшей пользой, как никто другой! Его вклад в мировую науку я могу с чистой совестью сравнить с величайшими учёными в истории, уровня Архимеда, Ньютона и Леонардо да Винчи!

Его улыбку Филатова проигнорировала, и Штокхаузен виртуозно скрыл разочарование. Он устремил взгляд на сцену и присоединился к аплодисментам. С Филатовой Штокхаузен познакомился пару месяцев назад. После того как Сталин назначил Сеченова министром, времени у академика действительно совсем не осталось, и он произвёл ряд кадровых назначений с целью оптимизировать свой рабочий процесс. В частности, Штокхаузен получил должность его первого заместителя, в обязанности которого входил контроль процессов производства роботов и административное управление «Предприятием 3826». И надо прямо сказать, что более Штокхаузена данной должности не соответствовал никто. Чтобы убедиться в этом, не нужно быть гением. Достаточно просто посмотреть на всех остальных. Где они — и где он, Михаэль фон Штокхаузен!

Особой задачей, являющейся сверхсекретной государственной тайной высочайшей важности, которую великий Сеченов доверил Штокхаузену, оказалась работа над нейрополимерами и проектом «Коллектив 2.0». До этого момента он даже не знал, что такое существует. И когда стал вхож в святая святых, секретные подуровни Академии Последствий, сразу же увидел почему. О работе над нейрополимерами знали всего трое: сам Сеченов, Филатова и этот неудачник Петров. Желторотый птенец теперь оперился и возомнил себя владыкой небес, а ведь когда-то по любому поводу бегал к нему за советом.

Самое досадное заключалось в том, что Штокхаузен собственноручно помог ему завоевать сердце Филатовой! Кто бы мог подумать, что она на самом деле столь притягательна. Он считал её обычной учёной мышью, но, когда впервые увидел в сверхсекретном отделе АПО, потерял дар речи. Какая женщина! Интеллектуальная, напористая, властная, привлекательная! А как молодо выглядит!

Он всегда питал слабость к властным интеллектуалкам. И был готов применить к Филатовой своё неотразимое обаяние, но вдруг выяснилось, что та отвечает Петрову взаимностью и другие мужчины её не интересуют. Штокхаузену стало очень неприятно, и вдвойне потому, что именно его советы помогли Петрову влюбить в себя эту женщину. Покорить её тем же оружием теперь невозможно, однако он гораздо умнее и оригинальнее Петрова, и со временем Филатова упадёт в его объятия. Добиться этого, когда рядом постоянно ошивается Петров, трудно, но вполне реально.

Чтобы вовлечь Филатову под своё влияние, сначала необходимо избавить её от влияния Петрова. Но Петров неукоснительно следует советам, полученным от Штокхаузена ранее, и мельтешит вокруг неё постоянно. Теперь необходимо найти способ, как избавиться от соперника, которого он создал собственными руками. Но Петров словно поумнел и пока не дал ни единого повода. Вот если бы сегодня не Филатова, а он ляпнул в общественном месте про программирование роботов-близняшек напрямую, минуя ПО, это, пожалуй, можно было бы попытаться использовать против него в КГБ. Однако Петров как специально перестал допускать подобные проколы, хотя раньше ими так и сыпал. Придётся искать способы, как решить эту проблему. Но Штокхаузену терпения не занимать, а интеллекта и подавно. Способ он найдёт. Такая женщина, как Филатова, не должна прозябать в любовных чувствах к какому-то болвану, обременённому комплексом непризнанного гения.

Москва, Красная площадь

*9 марта 1953 г., спустя несколько часов
после похорон Сталина*

Молотов стоял у окна кабинета на третьем этаже Сенатского дворца и разглядывал Красную площадь в узкую щёлку меж двух толстых тяжёлых портьер. Похороны вождя народов завершились, но громадная толпа, заполонившая площадь, не расходилась. Для предотвращения возникновения беспорядков и давки в воздух были подняты все воздушные роботы, имевшиеся в распоряжении гражданских служб столицы. По данным телеметрии на минувший полдень, благо-

даря вмешательству летающих кибермеханизмов удалось предотвратить более трёх тысяч случаев травмирования или смерти в многотысячной толпе. Советская наука и техника стоят на страже жизни советского человека даже в такой трагический день.

Звучит патриотично и патетично. Молотов мысленно усмехнулся. Сделать так, чтобы вся эта советская наука и техника не испортили главное событие века — смерть тирана, — было крайне нелегко. Роботы Сеченова заполонили СССР, жизнь советского человека без роботов уже никто себе не представляет. Ближняя дача в Кунцево, где постоянно проживал Сталин, не являлась исключением. Там всё напичкано кибернетикой и боевыми роботами, подконтрольными лично Сталину. Сыграть удалось на патологическом недоверии Сталина к врачам и его параноидальных подозрениях всех и вся в предательстве и подготовке заговоров.

Всё это вылилось в то, что посещать врачей Сталин не желал и даже к услугам Сеченова прибегал исключительно постфактум, когда мучившие его головные боли становились чрезмерными. При вскрытии врачи обнаружили, что сосуды головного мозга вождя народов находились в ужасном состоянии, сплошь повреждённые и донельзя изношенные, и кровоизлияние в мозг являлось лишь вопросом времени.

Оставалось лишь сделать так, чтобы никто не узнал о том, что Сталин оказался в критическом состоянии, когда он окажется в этом критическом состоянии. Отчасти этому помогла параноидальность вождя народов: он обложился боевыми роботами и избавился от живой охраны. В том, что никто в апартаменты Сталина не войдёт, сомневаться не приходилось.

Но, согласно инструкциям, боевые и прочие роботы должны докладывать председателю КГБ о любых подозрительных ситуациях, связанных со здоровьем вождя, и тот немедленно должен организовать доступ врачебной бригады к вождю народов. Естественно, проигнорировать такой доклад Берия не мог. И никто бы на его месте на такое не решился. Если вдруг Сталин оклемается, что уже случалось, то казнит немедленно, ибо будет уверен, что председатель КГБ хотел убить его своим бездействием. Чтобы исключить риски, заговорщики придумали другой способ.

Участвовавшие в заговоре высшие военные чины организовали полную радиоблокаду «Узла», управляющего роботами на даче Сталина. Подавить связь «Узла» с роботами оказалось невозможно, но этого и не требовалось. «Узел» и роботы исправно работали в зоне своей ответственности, а вот за её пределы радиосигнал пробиться уже не мог. В итоге, когда первого марта у Сталина случился первый приступ, кибернетическая охрана немедленно доложила об этом «Узлу», а тот отправил экстренные радиogramмы Берии, Сеченову и в кремлёвскую больницу. И ни одна из них не дошла до адресата благодаря радиоблокаде.

Роботы отнесли находящегося без сознания Сталина в спальню и принялись ждать прибытия медиков, каждые несколько минут дублируя экстренный вызов, который блокировался заговорщиками. В любой другой ситуации всё это могло успехом не увенчаться, ибо дело испортили бы медицинских роботы. Но Сталин, не доверяя никому, запретил вводить медицинских роботов в состав своей охраны. В случае экстренной ситуации он велел оповещать Сеченова и до его прибытия действовать силами кремлёвских медиков.

В результате Сталин стал жертвой собственных маниакальных страстей. Живых людей в охране не было, кибернетических медиков тоже, а боевые роботы и гражданские киберпомощники не отклонялись от инструкций. Они прилежно сновали вокруг лежащего на кровати Сталина, поражённого первым приступом болезни, и раз в минуту повторяли экстренный вызов. Так длилось почти сутки. Второго марта Сталину стало настолько плохо, что «Узел», вопреки заложенной программе, предпринял попытку погрузить вождя народов на боевого робота и отвезти в ближайшую больницу.

Пришлось снимать радиоблокаду и позволить «Узлу» исполнить экстренную инструкцию. К счастью, это уже ничего не изменило. У Сталина к тому времени развилось обширное кровоизлияние в мозг, и прибывшая на место медицинская бригада констатировала предсмертную кому. Вождя народов доставили в больницу, помочь в которой ему уже никто не мог. Для полной гарантии заговорщики приняли решение не допустить Сеченова к больному, и Берия предпринял ряд саботирующих действий: «Икар» Сеченова на подступах к Москве встретили воздушные боевые роботы

и заблокировали ему возможность дальнейшего следования, объяснив это чрезвычайной ситуацией.

Пока Сеченов связывался со всеми значимыми военными и политическими фигурами, получал разрешения и летел дальше, прошли ещё сутки, благо он и сам-то не сильно то-ропился. Третьего марта «Икар» добрался до кремлёвской больницы, но было уже поздно. Всё, что смог сделать Сеченов, лишь констатировать предсмертную кому, гибель головного мозга и вегетативное состояние пациента. Он что-то там пытался возиться со своими полимерами и новейшей кибернетикой, и это, прямо скажем, пугало многих, но всё обошлось. К исходу пятого марта Сталин умер.

А вот потом всё пошло не по плану. Заговорщики, ядро которых составляли Берия, Маленков, Хрущёв и пара высших военных чинов, неожиданно отказались от своих первоначальных планов мирного передела власти и устроили между собой короткую, но кровавую распрю. Молотов, которого участвовать в заговоре не позвали, оказался не у дел, но именно это его и спасло. Успешнее всех оказался Хрущёв. Он в считанные часы создал заговор против заговора, сумев привлечь на свою сторону партийную элиту. Его ставка, сделанная на обещание партийным бонзам гарантий личной безопасности и наложения табу на преследование и репрессии за принадлежность к не тем политическим группировкам, убедительно выиграла.

Уставшая жить в постоянном страхе партийная элита поддержала Хрущёва, и тот менее чем за трое суток полностью расчистил себе дорогу к власти. Маленков был низложен, Берия обвинен в саботаже медицинской помощи умиравшему Сталину и убит во время внезапного штурма его особняка. Позднее люди Хрущёва инсценировали его арест, суд и казнь. Хрущёв раздал освободившиеся государственные посты своим людям, назначив командовать армией и КГБ самых надёжных из них. Он изменил состав и структуру правительства СССР и милостиво даровал место Первого заместителя председателя Совета министров Молотову как популярной в народе фигуре.

Молотов мысленно позволил себе кривую усмешку. Народ знает, что Молотов курирует «Предприятие 3826». И хотя периодические пикировки Молотова с Сеченовым ни для кого не секрет, именно это кураторство поддерживает народную популярность Молотова. Сеченов занимается наукой,

а Молотов распространил своё влияние на социальные сети, всячески их поддерживая и одобряя. Из-за этого он прослыл в народе, особенно среди молодёжи, самым прогрессивным членом ЦК, имеющим современные взгляды. Вот что значит предусмотрительность и опыт!

Естественно, Молотов намёк Хрущёва понял и предложение принял. Их давняя неприязнь остаётся за порогом зала заседаний нового ЦК, и Молотов становится ярым соратником своего бывшего политического оппонента. За это новый соратник делится с ним властью. А Сеченов остаётся всего лишь министром, должность которого отныне не входит в Президиум Совмина СССР. Данная расстановка сил Молотова устроила. Пока всё не уляжется и не стабилизируется, он согласен работать на Хрущёва. Дальше время покажет.

Надетая на ушную раковину гарнитура персональной связи тихо зашептала электронным голосом кибернетического помощника:

— Товарищ Молотов, до заседания ЦК и Президиума осталось пять минут.

Молотов аккуратно задернул портьеру и покинул кабинет. В зал заседаний ЦК он вошёл за минуту до начала. Просторное помещение было заполнено людьми, все ждали только Сеченова и Хрущёва. Новый Генсек явился секунда в секунду, прозрачно намекнув таким способом, что он тут главный и потому приходит когда пожелает, однако заключённые договорённости уважает и соблюдать намерен, поэтому заставлять всех ждать себя сверх меры не будет.

А вот Сеченов опоздал почти на четверть часа. Он явился на заседание в перчатке на левой руке, сослался на какую-то срочную операцию и травму, полученную в результате эксперимента. Все единодушно проявили понимание и изрекли слова своего горячего участия, сопровождаемы ледяными взглядами. Стало ясно, что в новом правительстве Сеченова любят ещё меньше, чем в прежнем, и Молотова это устроило. Раз кураторство над «Предприятием 3826» у него не отобрали, значит, он ещё может укрепить собственную власть и со временем усилить свои позиции в ЦК.

Полчаса Хрущёв обрисовывал всем официальное положение дел, сложившееся в СССР и за рубежом в связи со смертью вождя народов и так далее. Заканчивая речь, он неожиданно обратился к Сеченову:

— Товарищ Сеченов! В этот тяжёлый для всего советского народа момент СССР должен показать своим гражданам и всему миру, что смерть вождя нас не сломила! Советский Союз должен продемонстрировать миру достижение глобального масштаба, сделанное после смерти великого Сталина, и наглядно доказать всем, что дух СССР как никогда высок и советские люди полны решимости продолжать величайшее дело ушедшего вождя! Чем наша наука может помочь своему народу в этот трагический час тяжёлой утраты?

— Понимаю... — Сеченов испустил короткий печальный вздох. — Нужно переключить внимание людей со смерти товарища Сталина на более перспективные аспекты... — Он машинально потёр правой рукой перчатку левой руки, словно привыкая к некоему неудобству. — «Предприятие 3826» планировало запуск в космос первой женщины-космонавта в сентябре этого года. Думаю, мы сможем ускорить подготовительный процесс и осуществить запуск на три месяца раньше.

Хрущёв предложение одобрил, и все с энтузиазмом присоединились к его реакции. Молотов аплодировал вместе с остальными, оценивая услышанное. Если запуск планировался в сентябре, значит, подготовка к нему идёт давно. Однако ни Сеченов, ни кто-либо из его научной когорты не удосужились поставить в курс дела его, куратора «Предприятия 3826». Раньше подобное Молотова не удивляло, но теперь Сталина нет, и потакать Сеченову некому. Необходимо использовать это в своих интересах и всячески демонстрировать Хрущёву неумеренное своеволие, слабую управляемость и чрезмерную независимость Сеченова. Допустить сближение Сеченова с Хрущёвым было бы со стороны Молотова серьёзной ошибкой.

**США, Лэнгли, штаб-квартира ЦРУ,
 офис директора управления
 16 июня 1953 г.**

— Генерал Грант, сэр! — Офис-менеджер Аллена Даллеса поднялся из-за стола ему навстречу. — Директор ждёт вас! Вы можете пройти!

Он распахнул перед Грантом дверь в кабинет босса, и генерал зашёл внутрь.

— Добрый день, сэра! — поприветствовал он Даллеса. — Примите мои поздравления с назначением на должность! Я всегда знал, что рано или поздно будет именно так!

— Спасибо, генерал. — Даллес пожал ему руку и жестом предложил занять свободное кресло. — Президент Эйзенхауэр не забывает старых друзей и соратников. Моё назначение во многом стало возможным благодаря его избранию.

— Эта президентская гонка оказалась довольно непростой. — Грант сел и окинул взглядом новый офис нового директора ЦРУ. — Не все желали увидеть во главе страны кадрового военного и боевого генерала. Однако наш новый президент выдержал это испытание с честью. Я счастлив, что ближайшие несколько лет Соединёнными Штатами будет управлять истинный профессионал и патриот.

— Верно подмечено, — согласился Даллес. — И мы должны всеми силами помочь нашему президенту оправдать доверие, оказанное ему народом США.

Он включил телевизор, нажав кнопку на встроенном в письменный стол пульте управления.

— Не сомневаюсь, вы уже видели эту новость, генерал.

Старый ламповый телевизор нагрелся, и его кинескоп засветился изображением, и Грант увидел знакомые кадры, облетевшие весь мир: СССР, космодром Байконур, старт космической ракеты и видеоизображение Виолетты Терешковой, женщины-космонавта Советов, в этой ракете находящейся.

— Зачем вы используете древний телевизор, сэра? — вместо ответа поинтересовался Грант. — Мы ведь скопировали несколько советских моделей, и получилось довольно неплохо.

— Наследство от прежнего хозяина этого кабинета, — объяснил Даллес. — Думаю оставить его здесь, будет символично. Пусть напоминает о том, что мы не должны позволить Советам выиграть гонку за научно-техническое лидерство.

— Пока что у нас не очень получается сделать это. — Грант пожал плечами. — Сегодня Советы отправили в космос женщину. По нашим данным, в следующем году планируют провести выход человека в открытый космос. Их луноходы успешно достигают Луны и возвращаются обратно. Советские гражданские роботы заполонили весь мир. Даже смерть Сталина никак не повлияла на скорость науч-

но-технического прогресса Советского Союза. Простите, сэр, но одних диверсий, чтобы выиграть лидерство, нам недостаточно. Тут требуется научный подход. Необходимо создать более эффективные, чем у русских, кибермеханизмы, которые вытеснили бы советские в силу своего качественного превосходства.

— Вы правы, генерал, — кивнул Даллес, — но сказать легче, чем сделать. Наши учёные ведут интенсивную работу в данном направлении, однако результатов пока нет. Всё против нас: сильное отставание в области «ноу-хау» и фундаментальных наук подкрепляется нежеланием частного бизнеса вкладываться в научные разработки.

— Не удивительно, сэр, — вздохнул Грант. — Советские роботы обходятся бизнесу в гроши. Советы распространяют бесплатно то, что в условиях рыночной экономики стоило бы очень больших денег. Это как героин. Наш бизнес попробовал бесплатных роботов, подсел на них и больше не желает ничего другого. Платить Советам за сервисное обслуживание гораздо выгоднее, чем живым рабочим за их труд.

— И тем не менее мы обязаны найти решение этой проблемы, — заявил Даллес. — Нам необходимо переломить общественное мнение — это могло бы стать неплохим началом. Особенно сейчас, когда для этого возникают крайне удобные предпосылки.

— Разве Конгресс и президент не начали заниматься этим? — вежливо уточнил Грант.

— Они делают это, — согласился Даллес, — но ситуация складывается гораздо сложнее, чем мы ожидали.

Он принялся обрисовывать возникшую картину:

— С одной стороны, массовое внедрение частным бизнесом бесплатных советских роботов привело к отказу предприятий от живой рабочей силы и взрывному росту безработицы. Количество нищих и бездомных резко выросло, особенно в крупных промышленных центрах. Людям это не нравится, профсоюзы протестуют против роботов, недовольства всё чаще переходят в волнения, выливающиеся в открытые бунты и погромы. С поджогами, жертвами и столкновениями с полицией. Нельзя отрицать серьёзность разрастающейся проблемы. В этой связи правительство США сделало то, о чём вы говорите, генерал: в целях забо-

ты о своих гражданах был принят ряд законодательных актов, ограничивающих импорт советских роботов. Мы ввели квотирование импорта и повысили налоги всем, кто использует кибермеханизмы СССР сверх недавно установленных пределов.

Даллес сделал паузу, давая понять, что собирается сказать самое важное.

— Но есть и другая сторона! Повсеместное внедрение советских роботов привело к беспрецедентному снижению себестоимости производства, одновременно повысив скорость и качество строительства. Благодаря этому фактически стало возможным невозможное: строительство глобальной сети АЭС в рамках программы «Энергия для всех» вступило в завершающую стадию. А ведь это не только атомные электростанции, известные обывателю. В первую очередь это ядерный щит США — подземные аэродромы и пусковые шахты для носителей атомного оружия, уничтожить которые одним ударом Советы не смогут даже с орбиты. При иных условиях мы строили бы всё это десяток лет! Используя же роботов, мы запустим «Энергию для всех» уже в следующем году. Пуск сети АЭС запланирован на следующий год официально и безоговорочно, президент и правительство возлагают на это большие надежды.

Новый директор ЦРУ сделал свои интонации ещё более убедительными:

— И наконец, самое главное: мы не можем полностью отказаться от роботов потому, что это выгодно в глобальной перспективе. Большой бизнес, используя роботов, зарабатывает гораздо больше. Настолько больше, что он готов платить повышенные налоги без возражений, ибо всё равно остаётся в большей прибыли. Именно из этих налогов собирается бюджет США, в том числе наша с вами зарплата, генерал.

— Вы хотите сказать, — подхватил Грант, — что роботы как таковые уже являются данностью не только для всего остального мира, но и для США? Разница лишь в том, что нам нужно избавиться от роботов Советов и заменить их своими? Поэтому нельзя полностью потакать профсоюзам?

— Именно! — авторитетно кивнул Даллес. — Если запретить сейчас советских роботов полностью, как потом разрешать роботов собственного производства, когда они

появятся? Ведь для голодранцев нет разницы, где изготовлен робот, в СССР или в Детройте! Они протестуют не против страны-изготовителя, а против самого робота в принципе! Гораздо разумнее отыскать золотую середину и убить одним выстрелом двух зайцев сразу: приучить массы к роботам и в то же время взрастить в толпе недоверие и враждебность к любым роботам, изготовленным за пределами США! Мы с вами должны найти решение, как сместить градус ненависти с самих роботов на их изготовителя. Сейчас самое удобное время сделать это, пока в мире есть всего один такой изготовитель и роботы в массовом сознании ассоциируются только с СССР...

Селектор на столе Даллеса издал короткий зуммер, и директор ЦРУ нажал кнопку:

— Сэр! — раздался голос помощника. — Пресс-конференция Советов началась!

Даллес поблагодарил, потянулся к телевизору и переключил канал. На экране возникла прямая трансляция из Кремля. На официальной правительственной трибуне под прицелами десятков камер стоял академик Сеченов и торжественно вещал:

— ...Первая женщина-космонавт Виолетта Терешкова успешно вышла на орбиту и приступила к запланированной программе экспериментов! Весь прогрессивный мир ликует вместе с Советским Союзом! В этой связи советское правительство подчёркивает, что СССР не собирается останавливаться на достигнутом. Мы с вами стоим на пороге новой, космической эры! И вступать в неё необходимо всем вместе, одним единым, дружным и высокоинтеллектуальным обществом! Обществом, в котором всё подчинено науке, прогрессу, высочайшему уровню жизни, совершенствованию, покорению космоса! Пройдёт несколько лет, и мы с вами воочию увидим непривычные и чарующие пейзажи других планет! И начало этому уже положено! Сегодня я официально объявляю о старте создания глобальной, общемировой единой сети, в которую объединятся люди и роботы! Сеть, которая сделает все знания мира доступными каждому! Сеть, не нуждающаяся в проводах и розетках! Сеть, управляющаяся силой мысли! Сеть, именуемая «Коллектив 2.0»!

Армия репортёров взорвалась вопросами и блеском фотовспышек, поднялся гул, в котором тонули голоса людей,

и Даллес убавил громкость. Секунду он молча смотрел на экран, после чего произнёс:

— Вот теперь мне по-настоящему страшно.

**СССР, «Предприятие 3826», подводный город
«Нептун», Академия Последствий, сверхсекретный
сектор профессора Лебедева «Радио Будущего»**

Ноябрь 1953 г.

Стальные балерины-близнецы синхронно вошли в помещение Расчётно-вычислительного центра, расходясь в стороны, и следом за ними появился Сеченов. Мощная стальная дверь тридцатисантиметровой толщины закрылась за его спиной, надёжно блокируя сектор, и Академик направился в личную лабораторию Лебедева. Профессор ждал его в одиночестве, сидя в широком операторском кресле, со всех сторон окружённом новейшей электроникой, жидкокристаллическими мониторами и сенсорными экранами ввода данных. Голову Лебедева венчал нейроинтерфейсный шлем, напрямую соединённый с массивной трёхметровой вертикальной трубой нейрополимерного преобразователя волн. Глаза профессора были закрыты.

— Дима, ты один? — Лебедев скользнул взглядом по стальным близняшкам и посмотрел за спину Сеченова, убеждаясь, что более в лаборатории никого нет. — Это хорошо. Присаживайся.

Он молча кивнул роботу-ассистенту, и тот немедленно прикатил для академика такое же операторское кресло. Сеченов уселся в него и надел на голову второй нейроинтерфейсный шлем, подключаясь к трубе преобразователя.

— Смотри, что я получил час назад. — Лебедев серией коротких касаний дал команду аппаратуре воспроизведения. — Послушай внимательно. Вероятность совпадения модуляции с реальностью — девяносто четыре и восемьдесят семь сотых процента. Принципиальное содержание смодулированных радиоволн подтверждено теоретическими расчётами.

Операторский шлем принял сигнал от нейрополимера, передал его в наушник, и Сеченов сначала слышал шум эфира, а затем на него обрушился поток информации.

Некоммутативная математика до сих пор оставалась непаханным полем в науке. Даже сам Лебедев признавался, что находится лишь в начале пути. Однако созданный им принцип расчёта и последующей модуляции простейших радиоволн, которые будут с наибольшей вероятностью распространяться в ближайшем будущем, время от времени приносил осмысленную информацию.

Обычно этой информацией оказывалась непритязательная развлекательная музыка, чаще бессмысленный радиосум. Но иногда модуляция давала отрывочную, очень короткую, но вполне понятную имитацию неких новостных передач. Однако такого, как сейчас, слышать ещё не приходилось. Сеченов потрясённо вслушивался в голоса разных дикторов на разных языках, сменяющих друг друга в коротких обрывках радиоволн.

— Я применил фильтры, рассортировал отрывки по смысловым сегментам и занёс всё в расчётно-аналитическую программу, — объяснил Лебедев. — Сейчас ты услышишь результат и увидишь его интерпретацию на экранах.

Профессор коснулся пары сенсоров, и какофония обрывков сменилась чередой более длинных и понятных фраз. Сеченов замер, одновременно слушая голоса и вчитываясь в поток данных, быстро бегущих по широким мониторам.

— Эта война, — Лебедев указывал на хронологический график будущего, окрасившийся всплесками ядовито-красных линий смертельной опасности, — произойдёт во Вьетнаме. Вероятность совпадения — пять девяток, 99,999%. Дальше ещё несколько, их точно идентифицировать не удалось, там вероятность порядка шестидесяти процентов. Вот это — война в Афганистане. Вероятность тоже пять девяток. Дальше самый пиковый всплеск, это развал СССР. Пять девяток. Сразу после этого больше десятка войн по всей нашей территории и ещё столько же по миру в разных частях. Вероятности не однородны, точно спрогнозировать не могу. Ещё выше, тут и тут, снова войны. Пять девяток. Судя по словам дикторов, это в какой-то Чечне. Предположительно, это новое административное образование на месте нынешней Чечено-Ингушской АССР. Точнее сказать сложно. После этого всплески перемещаются на юго-восток, они следуют практически непрерывно в районе аравийского полуострова, африканского побережья и далее вглубь континента. В ка-

кой-то момент начинаются глобальные эпидемии, но это никак не сказывается на увеличении сплочённости мира. Вот тут и тут, смотри на левый экран, там предположительная интерпретация, ещё две кровавые войны. Потом порядка двадцати слабых всплесков, некая всеобщая блокада, полная изоляция и непрекращающиеся нападки со всех сторон. Затрудняюсь определить, что это, но длится довольно долго. И вот здесь финал.

— Как это — финал? — опешил Сеченов.

— Ядерная война, — хмуро объяснил Лебедев. — Всеобщая. Третья мировая.

— Ошибки быть не может?

— Всё может быть. — Лебедев мрачно пожал плечами. — Это же модуляция. Имитационный расчёт. Но аналитический алгоритм расчёты подтверждает.

— Какова вероятность?

— Девяносто девять и девять в периоде, — ответил профессор. — После этого всплеска я не смог смодулировать никакой активности. Всё обрубается, и тишина. Только сильный фон помех. Причины могут быть различны, одна из них — высокое радиоактивное заражение местности.

— Я тебя понял, Алексей... — Сеченов медленно стянул с головы нейрошлем. — Засекретить всё. Ото всех. Оставь информацию только в нейрополимере, все следы компьютерного кода уничтожь. Я загляну к тебе позже и изучу всё подробно...

Сеченов попрощался, покинул «Радио Будущего» и направился в свою лабораторию, отвечая на приветствия встречаемых сотрудников рассеянными кивками. В комплексе «Челомей» он заперся у себя, сел в кресло и задумался. Кибернетическая перчатка на его руке зажгла индикатор активации синтезатора речи, и механический голос произнёс:

— Ну? Теперь ты понял, что ждать нельзя?

— Это может быть ошибкой... — без всякой уверенности ответил Сеченов. — Это же имитация... сырая технология...

— А если это не ошибка?! — немедленно возразил механический голос. — Алексей, конечно, иногда слишком увлекается всей этой своей некоммутативностью, но в гениальности ему не откажешь. Как он рассчитал смерть Сталина и крысиную возню его подхалимов, бросившихся делить власть прежде, чем Великий и Ужасный испустил дух?!

— Все совпало на сто процентов... — опустошённо прошептал Сеченов.

— Вот видишь! — продолжал наседать механический голос. — А теперь скажи мне, что будет, если вдруг, совершенно случайно, Алексей окажется абсолютно прав и на этот раз?! Ну как? Позволим умереть миллиардам ради нашей чувствительной щепетильной натуры?!

С минуту Сеченов ничего не отвечал, глядя перед собой невидящим взором.

— Ты прав, Харитон, — наконец произнёс академик. — Но люди ещё не доросли до добровольного объединения в «Коллектив 2.0»... Объединятся далеко не все.

— Так сделай так, чтобы объединились все! — разозлился механический голос. — Сколько мы говорили на эту тему?! У тебя есть все доступные механизмы! Обмани их! Воистину это будет ложь во спасение!

— И это всё равно не даст стопроцентного объединения. — Сеченов уныло покачал головой. — Мы обманем СССР, Европу, быть может даже всю. Частично Китай и Индию. Возможно, Японию, японцы жадны до знаний — скорее всего, вступят почти все... Но на этом всё. Остальные нам доверяют слабо или не доверяют вовсе. США к нам настроены враждебно, в Африке и вовсе царит позавчерашний век...

— США падут, как только мы запустим «Атомное сердце»! — решительно заявил механический голос. — Главный противник будет побеждён! Остальных переловят роботы и воткнут в «Коллектив 2.0», не спрашивая мнения дремучих дикарей!

— Будет много крови, Харитон, — угрюмо заявил Сеченов. — Я не хочу крови. Я хочу объединить людей, а не истребить.

— Ну так действуй тогда, а не сиди в кручине и печали, как красна девица! — возмутился механический голос. — Убеждай! Агитируй! Пропагандируй! Пусть они придут в «Коллектив 2.0» сами! Под любыми предложениями, лишь бы дело не дошло до крови! Что ты сидишь-то?!

— Ты прав, — Сеченов встрепелся, — тут ты прав безусловно! Необходимо действовать! Людям нужно дать мотивацию!

— А мне нужно дать нормальный голос! — напомнил ему Захаров. — Сколько ещё я буду говорить словно механический болванчик?!

— Извини, Харитон, завтра же этим займусь, — пообещал Сеченов.

— Сегодня! — настоял Захаров. — Займись этим сегодня! Знаю я твое завтра! Сколько мне пришлось в ванне просидеть, пока до тебя дошло?!

— Но кто же знал-то?! — принялся отбиваться Сеченов. — Я был уверен, что ты погиб, тебя растворил агрессивный образец! Это уже потом я выяснил, что нейрополимер максимальной волновой мощности растворяет органику, поглощая содержащуюся в ней информацию. Обычные виды нейрополимера безвредны. Вот я и решил, что опасен только твой первичный образец...

— Мой первичный образец агрессивно реагирует на входящее волновое излучение, — уточнил Захаров. — Твой конечный нейрополимер более совершенен, но он точно так же растворит тебя, если ты в него упадёшь целиком.

— К счастью, падать в него мне не придётся. — Сеченов перевёл взгляд в дальний угол лаборатории, где в мощном стеклянном аквариуме неподвижно стояло подобие человеческой фигуры, сформированное из идеально прозрачного, словно чистейшее стекло, желе. — Он будет ходить на ногах в вертикальном положении. Позже, когда он научится делать свою поверхность более-менее прочной, с ним можно будет даже обниматься... В пределах разумного, разумеется.

— Угу, — ехидно отреагировал механический голос. — Я со своим уже обнялся!

— Это уникальный случай! — не согласился Сеченов. — Твой образец агрессивен, он враждебно относится ко всему, в том числе к другим нейрополимерам. Поэтому второго такого нет и больше не будет. Как только я смог уплотнить информацию, которой, собственно говоря, ты являешься на данный момент, в нескольких кубических сантиметрах агрессивного образца, всё остальное стало ненужным и было уничтожено.

— Мог бы оставить немного про запас, — укорил его механический голос. — Вдруг мне потребуется новый носитель?

— Как только я найду способ перенести тебя в конечный нейрополимер, у тебя будет бесконечный объём носителя!

— Нет уж, мне пока и здесь хорошо! — отказался Захаров. — Высший нейрополимер в момент формирования приобретает волновые свойства, идентичные волновым свойствам мозга того человека, который, собственно, его и создал. Иными словами, высший уровень доступа с абсолютными полномочиями внутри Массива может быть только у того, то создал высший нейрополимер, этот Массив образующий! В этом своём маленьком Массиве я — полноправный озяин, царь и бог! Даже ты не сможешь получить полный отступ к моим данным! А в твоём безграничном Массиве огом будешь ты! Потому что весь конечный нейрополимер астиражирован с начального сгустка, созданного тобой.

— Я не стремлюсь быть ни богом, ни властелином, — тмахнулся Сеченов. — Я хочу объединить людей в общество с уникальными и равными возможностями для каждого. Поэтому постараюсь скоммутировать тебя с Массивом ак, чтобы ты получил максимально объёмные полномочия.

— Угу, — поддел его Захаров. — А заодно их получит толпа кремлёвских крыс!

— Если хочешь, можешь оставаться внутри этой перчатки, — не стал спорить Сеченов, — или в любом другом месте. } «Коллективе 2.0» у тебя будут такие же полномочия, как кремлёвских чинуш, но в отличие от них ты будешь недо-
ягаем, если захочешь закрыться в собственном мини-Массиве. Однако надеюсь, до этого не дойдёт. Мы успеем вы-
астить главный коннектор к назначенному сроку и заставить
сех эгоцентриков забыть о собственном «я».

— Вот это другое дело! — одобрила перчатка. — А теперь
иставай, пойдём к Челомею делать нормальный голос. И по-
аботься, чтобы никто обо мне не узнал, особенно КГБ. Не
зватало тут ещё интриг, похищений и прочих шпионских
пр. Я предпочитаю появиться, когда придёт время.

**Москва, Кремль, правительственное
совещание у Хрущёва
Февраль 1954 г.**

Зысшие партийные лидеры изучали предоставленные Сеченовым документы, выведенные на сенсорные экраны рабочих мест. Широкий выдвижной экран, встроенный в поверхность

стола, имелся напротив каждого занятого кресла и в неактивном положении являлся частью столешницы, будучи перевёрнут рабочей плоскостью вниз. Задняя панель экрана была выполнена из тщательно отшлифованного и залакированного красного дерева, идеально сливаясь с остальной столешницей. Молотов находил это удобным и не лишённым вкуса, поэтому предпочитал на подобных заседаниях садиться самым последним, чтобы иметь доступ не только к активированному рабочему месту, но и к соседнему деактивированному. На нём можно было держать карандаш и пару листов бумаги на всякий случай. Старая школа требовала старых приёмов, и орудовать стилусом по сенсорной поверхности Молотов не любил, хотя перед телекамерами никогда не чурался этого делать.

— Ваша программа, товарищ Сеченов, — восседающий во главе стола Хрущёв буравил академика глазами, — была нами тщательно изучена и досконально рассмотрена. По итогам чего возникло несколько кардинальных вопросов.

— Я постараюсь объяснить всё максимально понятным и доступным языком, уважаемые товарищи, — пообещал Сеченов.

— Насколько буквально надо понимать вот этот ваш термин, — Хрущёв вчитался в нужные строки, — «полимерная вакцинация, далее П-Вакцинация, не только наделит простого человека способностью стать частью всеобщей сети, но и позволит ему обрести любые знания и умения, этой сети доступные»?

— Это надо понимать абсолютно буквально. — Сеченов подошёл к встроенной в стену электронной доске, взял стилус и принялся чертить простенькую схему, давая пояснения по ходу составления рисунка, одновременно возникающего на доске и экране каждого рабочего места: — Если быть предельно точным, то экосистема «Коллектив 2.0» не является сетью. Сеть состоит из множества ячеек, в которых находится та или иная информация. Но, в силу обилия как информации, так и ячеек, обычный человек, зашедший в сеть, сам по себе ничего не получает. Для того чтобы получить некие данные, пользователь сети должен подать запрос и получить ответ. В этом заключается кардинальное отличие! Ответ пользователю могут и не дать, если, например, база данных запаролена. Но самое главное — пользователь должен знать, что он ищет.

Сеченов отвлекся от электронной доски.

— Приведу простой пример. Вы живёте в Африке, вы пигмей-туземец, и вы никогда в жизни не видели и не слышали о том, что вода может замерзать до состояния льда. Вам не известно ни понятие «лёд», ни само это слово. Вдруг некто даёт вам компьютер или иной коммуникационный прибор, позволяющий попасть в глобальную сеть. Теоретически вы можете задать запрос «Что такое лёд?» и получить исчерпывающую информацию, включая видеоизображение. Но практически этого не произойдёт. Потому что вы не знаете такого понятия. Как говорил Гёте, чего не понимают, тем не владеют. То есть, имея возможность узнать о том, что такое лёд, вы всё равно никогда его не воспользуетесь, потому что даже не представляете о его существовании и поэтому не можете сформировать запрос.

Академик вновь вернулся к начертанию схемы.

— Но «Коллектив 2.0», как я уже сказал, не является сетью. Это именно экосистема, сетью мы называем её для удобства, чтобы не путать начинающих пользователей. Всеобщая экосистема, информационный Массив, становясь частью которого любое его звено обретает всю информацию, в нём имеющуюся. Данную информацию по-прежнему необходимо изучить, чтобы овладеть, но уже не придётся искать. Африканский туземец, став частью «Коллектива 2.0», автоматически обретет осознание того, что нечто под названием «лёд» существует. И при желании сможет узнать об этом всё, что только известно науке на текущую секунду.

— Но обычный человек не знает очень многого, — возразил Хрущёв. — Его не завалит неизвестными понятиями с головой?

— Для этого и существует жажда научных познаний! — воскликнул Сеченов, продолжая чертить. — Вот, взгляните! Человек попадает в нашу экосистему и узнаёт, что в мире существует бесконечное количество непознанного! Он выбирает себе область науки, заинтересовавшую его больше всего, и начинает изучать имеющуюся информацию! Скорость передачи данных в «Коллективе 2.0» будет огромна! Вы сможете выучить японский язык за четверть часа! Физику за сутки! Освоив одну область, вы поймёте, что наука на самом деле не имеет деления на области, ибо это примитивный подход, свойственный самым начальным, примитив-

ным стадиям научного развития. Осознав это, вы преисполнитесь жадой знаний и начнёте осваивать одну область науки за другой, постепенно становясь гениальным разумом! Выражаясь усреднённо-фигурально, за пару лет вы получите все знания мира и поймёте, что этого мало! И вот тогда вы начнёте творить! Исследовать! Изобретать!

Он окинул сидящих воодушевлённым взглядом:

— И теперь представьте, на какие свершения способно человечество, которое будет целиком состоять из гениев! Люди станут изобретать, роботы будут воплощать изобретения в жизнь! Для постановки такой задачи достаточно будет отдать мысленную команду! А если в качестве хобби вы пожелаете сделать что-то своими руками, то сможете практически мгновенно загрузить в свой разум всю практическую информацию! Вам не придётся годами учиться ремеслу, вы сразу будете знать, что и как необходимо делать!

Сеченов слегка нахмурился и конкретизировал:

— Тут есть одно уточнение... Информация будет теоретической, мышечную память и координацию всё равно необходимо нарабатывать практикой, такое в мозг не загрузить. Но это не станет большой проблемой! Зная теорию до мелочей, вы разовьёте нужную моторику на порядок быстрее! Ведь вам не придётся ошибаться и искать, у кого бы спросить, — вы всё будете знать абсолютно точно! И потом, в случае срочной необходимости всегда можно воспользоваться услугами роботов.

— Очень интригующе звучит, — оценил Молотов. — Скажите, товарищ Сеченов, а если в «Коллектив 2.0» вступит вражеский шпион. Предположим, он захочет узнать государственные тайны СССР. Он тоже сможет получить за четверть часа всю подобную информацию?

— Теоретически — да, — подтвердил Сеченов. — Но на практике ему не преуспеть. Ведь каждое звено экосистемы будет видеть, что он обращается к государственным секретам. Шпион будет разоблачён мгновенно. Ему даже не удастся скрыться. Все, кто обнаружил его враждебный интерес, будут точно знать, где он находится, как выглядит и так далее. Останется лишь арестовать негодяя!

— Но если он успеет скрыться?! — не уступал Молотов. — Предположим, его ждал автомобиль! Или даже самолёт! Подводная лодка! Его увезут на территорию врага!

— Не увезут, — возразил академик, — если оперативно принять меры.

— Какие? — заинтересовался Хрущёв.

— Приказать негодяю сложить оружие и сдаться правоохранительным органам, — объяснил Сеченов. — Он сам туда явится. Но, уверяю вас, товарищи, до такого не дойдёт! Люди, объединившись в «Коллектив 2.0», станут выше международных границ и примитивных распрей...

— Я правильно вас понял, товарищ Сеченов, — Хрущёв переглянулся с Молотовым, — что любому, как вы говорите, звену «Коллектива 2.0» можно дать некий приказ, и он выполнит его, несмотря на собственное желание?

— В случае крайней необходимости — да, — подтвердил Сеченов. — Но до этого не дойдёт, я вас уверяю...

— Все мы очень на это надеемся! — подчёркнуто авторитетно согласился с ним Хрущёв. — Однако вековая мудрость гласит: «Надейся на лучшее, готовься к худшему». Поэтому я хотел бы знать, не впадёт ли «Коллектив 2.0» в хаос, если каждый начнёт давать другому такие вот приказы, отказаться от исполнения которых невозможно?

— Каждый не сможет давать такие приказы каждому! — вновь возразил Сеченов. — Все люди, вступившие в «Коллектив 2.0», будут иметь равные возможности и полномочия!

— Кто же тогда будет бороться с врагами? — не понял Хрущёв.

— У наиболее сознательных звеньев Массива будут особые полномочия, — ответил академик. — Но только у тех, кто действительно достоин и способен проявлять разумную и добрую волю, заботясь о всеобщем благе!

— То есть у правительства СССР? — уточнил генсек.

— У наиболее достойных его представителей! — конкретизировал Сеченов.

— И кто же будет определять список таковых представителей? — В глазах Хрущёва зажёгся азартный блеск.

— Мы с вами. — Сеченов обвёл рукой зал. — Те, кто на деле зарекомендовал себя истинными патриотами страны, защитниками своего народа. Те, кому не страшно доверить столь абсолютную власть. Те, кто поведёт человечество в космос, а не на кровавую бойню!

— Гениально сформулировано! — Хрущёв поднялся. — Советский Союз не просто начнёт на планете новую эру процветания, но поведёт в неё весь остальной мир!

Генсек заплодировал, и весь зал немедленно встал, присоединяясь к овациям.

— Прошу всех садиться! — подытожил Хрущёв. — Итак, ни у кого нет сомнений, что создание и запуск экосистемы «Коллектив 2.0» должен стать для СССР первейшим приоритетом. Как будет происходить подключение людей к «Коллективу»?

— Мы назвали это П-Вакцинацией, — напомнил Сеченов. — Сам механизм крайне прост: любой, кто пожелает подключиться к «Коллективу 2.0», должен сделать себе инъекцию безвредного нейрополимера. Введённый в кровь сгусток нейрополимера самостоятельно доберётся до головного мозга и встроится в нервную ткань, не вызывая ни повреждений, ни дискомфорта, и в момент запуска «Коллектива 2.0» все эти полимерные сгустки станут частью глобальной единой экосистемы. Сама инъекция будет бесплатной, мы изготовим заранее запрограммированные нейрополимером шприцы в достаточных количествах. Останется лишь организовать по всему миру пункты П-Вакцинации и устроить информационную кампанию, дабы разжечь в людях интерес, жажду познаний и великих свершений...

— Завтра же соответствующие министерства и ведомства начнут всю необходимую подготовку! — заверил его Хрущёв, не дослушав. — Предлагаю лозунг «Всеобщая полимеризация»! Но я уже предвижу, что это вызовет чёрную зависть у наших врагов! В связи с этим возникает главный вопрос: в какой стадии находится проект «Атомное сердце»? Мы успеем запустить его прежде, чем мировой капитализм развяжет атомную войну?

— Проект «Атомное сердце» стартует одновременно с запуском «Коллектива 2.0», — объяснил Сеченов. — Все советские роботы, в изобилии завезённые на территорию США, являются частью Массива и мгновенно поступят в наше распоряжение. Фактически это означает, что в считанные минуты мы получим полную власть над всеми объектами, где на тот момент будет присутствовать больше двух-трёх роботов. На АЭС и в подземных пусковых шахтах их будет намного больше, ведь это секретные объекты, и американцы

сами позаботятся о том, чтобы живого персонала там было как можно меньше. Враги уже заменили всех своих рабочих на бесплатных роботов. Этого количества достаточно для уверенного захвата.

Хрущёв продолжил задавать вопросы, потом вопросы появились у других членов правительства, но Молотов уже не слушал ответы Сеченова. Всё это мишура для отвода глаз, которой товарищи по партии и правительству овладели в совершенстве. На самом деле всех сейчас волнует лишь один вопрос: кто получит в «Коллективе 2.0» максимальные полномочия и сколько их будет? Как только это заседание завершится, произойдёт такой всплеск интриг, равного которому ещё не было. Как хорошо, что Сеченов разработал этот самый «Коллектив 2.0» после смерти Кобы. Иначе судьба всех здесь сидящих была бы катастрофически туманна...

Теперь же необходимо сделать так, чтобы получить максимальные полномочия себе. Отныне за Сеченовым придёт-ся следить не смыкая глаз. В его простоту и наивность гения, не знающего ничего помимо науки, Молотов верить не собирался. Если Сеченов действительно столь фанатичен, что ему нет дела ни до чего, кроме своих исследований, то он должен отдать максимальные полномочия тем, кому они более необходимы. Если же академик затеял собственную игру, то его тем более нужно отодвинуть от власти. И сделать это надо перед самым запуском «Коллектива 2.0», когда всё уже будет готово и останется лишь нажать кнопку. Но для простого нажатия кнопки мозгов тут хватит много у кого. Поэтому нужно быть первым, кто к этой кнопке подойдёт. Трудность сложившейся ситуации заключается в том, что это понимает каждый из сидящих в этом зале. К счастью, не каждый из них является начальником ревизионной комиссии «Предприятия 3826».

Заседание правительства закончилось только через два часа, потом состоялась официальная правительственная пресс-конференция, и на борту «Икара» Сеченов оказался лишь к вечеру. Добравшись до личной лаборатории, академик заперся, оставив стальных близняшек нести охрану у дверей, и первым делом активировал весь комплекс антишпионской аппаратуры. Индикатор синтезатора речи надетой на левую руку кибернетической перчатки неярко вспыхнул, и в лаборатории зазвучал голос Захарова:

— Как видишь, я не ошибся! Крысы заглотили приманку! Как они набросились на возможность командовать всем миром, беспрекословно исполняющим любые приказы! Хорошо, что не передрались друг с другом прямо там!

— Ещё передерутся, — угрюмо произнёс Сеченов. — Каждый из них уже сделал мне намёк на то, что я мог бы получить от него «значительное содействие по любым сложным вопросам». Надо лишь обсудить детали сотрудничества в конфиденциальной обстановке.

— Чем ближе будет запуск «Коллектива 2.0», тем опаснее они станут, — предостерёг его Захаров. — Их нельзя подпускать к главному коннектору!

— Скрывать его существование бесконечно не получится. — Сеченов перевёл взгляд в противоположную часть лаборатории. Прозрачная нейрополимерная желе-масса размерами с человека, неподвижно замершая в размещённом там экспериментальном бассейне, уже имела вполне узнаваемые человеческие очертания. — Как только он будет готов к массивированному информационному заполнению, держать его взаперти станет бессмысленно. Кроме того, правительство станет требовать отчёты о стадиях готовности к запуску «Коллектива 2.0». Каждый из них пожелает увидеть устройство управления «Коллективом» до его запуска и обучиться его использованию. Придётся демонстрировать им главный коннектор.

— А ты введи их в заблуждение! — посоветовал Захаров. — Пусть они считают, что главный коннектор — это всего лишь нейрошлем оператора особой конструкции. Дадим ему звучное название, например ГК-Альфа! Мол, это и есть главный коннектор абсолютного уровня доступа! Помимо него, для отвода глаз, сделаем ещё несколько ГК-Бета. Мол, тоже невероятно важные устройства с особыми полномочиями, но пониже, чем у Альфы. Чинуши любят вертикали власти, вот и подыграй им, чтобы легче поверили! П-Вакцинация — для всех, ГК-Бета плюс П-Вакцинация — это уже для шишек на местах, например для цепных псов из КГБ, ну а для избранных, которые будут владеть миром, предназначен ГК-Альфа! Разумеется, тоже вкупе с П-Вакцинацией, иначе абсолютной власти не видать!

Кибернетическая перчатка издала издевательский смешок и закончила:

— А настоящий главный коннектор пусть будет для всех, скажем, Человеком-желе! Это медицинская разработка, важный эксперимент по созданию псевдоживых органов для трансплантации и продления жизни. Скажем всем, что ЧЖ не имеет никакого отношения к управлению «Коллективом».

— Логично... — Сеченов задумчиво разглядывал нейрополимерную фигуру. — Но для надёжности его лучше куда-нибудь спрятать... В надёжное место, но чтобы всегда был под рукой...

Академик некоторое время размышлял, блуждая взглядом по лаборатории, и остановился на замерших по обе стороны от входной двери стальных близняшках.

**США, Лэнгли, штаб-квартира ЦРУ,
офис секретного департамента**

Июль 1954 г.

— Мистер Даллес, сэр! — Грант торопливо поднялся навстречу входящему в его кабинет директору ЦРУ. — Я собирался быть у вас через двадцать минут!

— Ничего страшного, генерал. — Даллес жестом разрешил ему вернуться в кресло. — Я оказался недалеко и решил сэкономить время, поэтому зашёл к вам сам.

Он посмотрел на центральный настенный экран генеральского кабинета, на котором застыл стоп-кадр записи презентации нового робота Советов. Позади длинного стола, за которым сидели советские торговые представители, расположилась шеренга человекообразных роботов, выполненных в виде Виолетты Терешковой, одетой в элегантный костюм. Ярko светившаяся электронная вывеска на стене конференц-зала гласила: «Робот-администратор «Терешкова» — ваш персональный помощник и консультант».

— Изучаете противника? — осведомился Даллес. — Признаться, мне импонирует ваше ответственное отношение к работе, генерал. Вы как никто умеете расставлять приоритеты. Сегодня я побывал в нескольких офисах управления, и везде сотрудники, отложив задания в сторону, смотрят пресс-конференцию президента.

— Я смотрел выступление президента утром, — доложил Грант, — в прямом эфире. При всём моем уважении,

сэр! Там не прозвучало ничего такого, чего бы не было известно ЦРУ. Сеть АЭС построена, программа «Электричество для всех» запущена, дешевая энергия начала поступать в дома американских граждан. Всё это мы готовили совместно с ФБР и военными, и обстановкой в этой области я владею лучше, чем президент, сэр! Всё остальное — внутренняя политика, к ней я имею достаточно посредственное отношение.

— Искренне завидую вам в том, что не могу сказать того же о себе. — Даллес уселся в гостевое кресло напротив главного экрана. — Президент требует от меня козырей во внутривластном противостоянии. Конфликт в верхах усиливается.

— Сторонники роботов не желают принимать аргументы противников? — понимающе произнёс Грант. — Программа «Электричество для всех» запущена, машины закончили тяжёлое и трудоёмкое круглосуточное строительство, остальным вполне могут заниматься люди. Но большому бизнесу понравилось управляться с роботами, и он не высказывает заинтересованности в возвращении к работе с живым персоналом?

— Промышленных магнатов можно понять. — Даллес пожал плечами. — Их вполне устраивает отсутствие затрат на зарплатные фонды, социальные выплаты, возню с профсоюзами и прочие проблемы, неизбежно сопутствующие наличию живых рабочих на предприятии. Роботы бесплатны, а советское сервисное обслуживание обходится на порядок дешевле всего вышеперечисленного. Но с точки зрения людей, потерявших работу, теперь у США нет необходимости в роботах. Правительство находится под сильным перекрёстным давлением с разных сторон. Президента буквально рвут на части: ястребы, делающие карьеру на рабочем классе, требуют ужесточения запретов на использование роботов.

Даллес поморщился:

— Их противники, лоббирующие интересы большого бизнеса, наоборот, требуют послабления уже созданных запретов, мотивируя это тем, что США собственными руками душат свою экономику, которая благодаря советским роботам могла бы развиваться значительно быстрее.

Директор ЦРУ позволил себе усмешку:

— Кроме того, есть ещё умеренные, они требуют конкретизации и введения запретов именно на советских роботов, одновременно требуя развернуть в США собственное производство кибернетических механизмов.

— У нас нет таких технологий. — Грант коротко развёл руками.

— Это волнует их в меньшей степени. — Даллес многозначительно вздохнул. — Они считают, что это решаемый вопрос: технологии можно изобрести, купить или в крайнем случае договориться с Советами о размещении кибернетических фабрик на территории США и совместном производстве. Это позволило бы вернуть часть рабочих мест, и в то же время на роботах будет стоять клеймо «Сделано в США», что снизит градус напряжённости.

— Но Советы производят своих роботов на кибернетизированных автоматических фабриках. — Теперь уже Грант позволил себе усмешку. — Там нет рабочих мест! Если не считать небольшой группы высококвалифицированных инженеров, отвечающих за контроль действий автоматики.

— Вы, как всегда, правы, генерал, — согласился Даллес, — но в настоящий момент важно не это. США расколоты на два лагеря. Противоречия между ними быстро накаляются. Протесты безработных принимают всё более агрессивный характер. Сразу после окончания выступления президента в двенадцати штатах вспыхнули протесты, быстро вылившиеся в массовые беспорядки. Уже идут столкновения с полицией. А тем временем дипломатическое ведомство сообщает о всё большей зависимости от бесплатного советского робосыра, в которую попадают наши традиционные партнеры на Ближнем Востоке и Аравийском полуострове. На этом фоне создание блока НАТО представляется всё менее осуществимым.

Даллес задумчиво покачал головой:

— И абсолютно все требуют от нас гарантий того, что гражданские роботы Советов не являются товаром двойного назначения и не нанесут нам удар в спину. С их точки зрения, мы должны найти повод для запрещения советских роботов для использования во всём мире, при этом повод этот должен оставлять для США возможность использовать запрещённых для всех роботов в необходимом объёме под различными предлогами.

— Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку? — Грант кивнул. — Понимаю, сэр! США являются оплотом и гарантом демократии во всём мире и потому имеют право на исключительные возможности, недоступные всем подряд. Но проблема гораздо глубже. Помимо роботов на нас навигается этот их «Коллектив 2.0». Есть крайне настораживающее мнение, что он может понравиться безработным, как понравился им интернет, в котором некоторые из них получили возможность заработать. В СССР нет бизнеса, но промывать мозги они умеют, сэр!

Он включил воспроизведение кремлёвской пресс-конференции и указал на экран, на котором в этот момент один из американских репортёров задавал вопрос Молотову:

— Господин премьер-министр! Несмотря на то что официальная позиция Москвы насчёт сомнений мирового сообщества относительно безопасности советских роботов так называемого гражданского назначения всем нам давно и хорошо известна, позволю себе поставить вопрос прямо, ибо он волнует каждого цивилизованного человека: каковы гарантии того, что ваши роботы в один далеко не прекрасный день не нападут на нас по приказу Москвы, воспользовавшись нашей доверчивостью?

Молотов посмотрел на репортёра демонстративно снисходительным взглядом, но его ответ прозвучал, как всегда, предельно вежливо:

— Ответ на данный вопрос давался Кремлём неоднократно. Но меня не затруднит дать его ещё раз: роботы, производимые в СССР, абсолютно безопасны. Они не являются товарами двойного назначения. Советскому Союзу не нужны гражданские роботы со скрытыми боевыми функциями. У нас есть хорошо известные всему миру мощные боевые роботы. Это вооружённые по последнему слову советской науки военные механизмы, превосходящие по своим возможностям боевую технику любой, в том числе самой развитой, страны мира. Могу заверить всех советских граждан, а также наших союзников и прочих деловых партнёров: граница СССР, а также его друзей и союзников находится на замке, надёжность которого не оспаривают даже наши заокеанские партнёры. В данной ситуации для Советского Союза выпуск гражданских роботов, имеющих некие скрытые боевые возможности, бессмыслен. Это было

бы не более чем пустой тратой ресурсов, приведшей к удорожанию себестоимости продукции гуманитарного назначения, которую мы, как вам известно, поставляем за рубеж бесплатно.

Репортёра явно задели последние слова, и он выкрикнул:

— Тем не менее Советский Союз берёт плату за сервисное обслуживание поставленных бесплатно роботов, и это не самые маленькие деньги!

— Гораздо меньшие, — снисходительности во взгляде Молотова стало ещё больше, — чем те, в которые роботы обходились покупателю до того, как Организации Объединённых Наций хватило политической мудрости принять наше предложение и признать советских гражданских роботов товарами гуманитарного назначения.

Но репортёр не собирался сдаваться и продолжал настаивать:

— Вы так и не ответили на мой вопрос, господин премьер-министр! Каковы гарантии нашей безопасности? Это волнует весь мир!

Молотов остался невозмутим:

— Полагаю, это волнует исключительно США. Весь остальной мир использует советских роботов почти десять лет, и до сих пор с ним ничего не случилось.

— Это не ответ! — гнул своё репортёр, но Молотов его уже не слушал:

— Господа, моё время вышло, меня ждут государственные дела. На оставшиеся вопросы вам ответит министр кибернетической промышленности и торговли СССР товарищ Сеченов. — Он устремил на академика суровый взгляд и, понизив голос, добавил: — Надеюсь, на этот раз его ответы будут соответствовать его статусу.

Засверкали вспышки фотокамер, и преисполненный достоинства советский премьер покинул трибуну. На его место поднялся Сеченов, и по реакции прессы было заметно, что видеть академика искренне рады. Журналисты принялись наперебой задавать ему вопросы, но всё тот же американский репортёр перекричал всех:

— Господин Сеченов! По словам премьер-министра, советские роботы исправно работают десять лет. Это и есть ваша гарантия безопасности?

В отличие от безупречного Молотова, полного намеков и аллегорий, Сеченов ответил устало и без всякого интереса:

— Премьер-министр много чего говорит. И не всегда вопросы, на которые ему приходится отвечать, находятся в плоскости его компетенции. К сожалению, такова неизбежная специфика его работы, прошу отнестись к этому с пониманием. Однако в безопасности выпускаемых СССР роботов гражданского назначения сомнения действительно остались исключительно у вас и ваших соотечественников, мистер репортёр. Право, мне очень странно слышать от вас и ваших коллег по цеху один и тот же вопрос на протяжении нескольких лет. Ведь наши роботы не пересекают границы других стран по собственной воле. Прежде чем заключить с СССР контракт на поставку, каждая страна тщательно изучает не только предоставленную нами техническую документацию, но и непосредственно образцы самих изделий. Если бы таковые изделия содержали в себе хотя бы намёк на возможность боевого применения, разве спецслужбы и прочие компетентные органы всех этих стран позволили бы появление на территории своих государств столь опасных изделий? Или вы не доверяете собственным спецслужбам? Но в таком случае, боюсь, это уже не проблемы СССР! Следующий вопрос, дамы и господа!

— Как вы оцениваете вероятность восстания машин в результате программного сбоя? — торопливо выкрикнул кто-то из журналистов, опасаясь не успеть. — Согласитесь, это возможно хотя бы в теории!

— В теории возможно всё, на что только хватит фантазии СМИ, — равнодушно парировал Сеченов. — Я же предпочитаю практику. И на практике описанные вами сбои в работе советского ПО исключены абсолютно. Повторюсь: это невозможно в принципе! Более того, я не понимаю, в чём вы увидели угрозу? Ведь СССР никому не навязывает своё программное обеспечение. Любая страна, если она не доверяет нашим программистам, может полностью удалить советское ПО и установить на робота собственное. Именно так и поступают в США, насколько я знаю.

Ответить на это репортёру было нечего, и он удручённо заявил:

— К сожалению, всё больше бизнесменов пренебрегают этой возможностью!

Академик Сеченов лишь пожал плечами, мол, а я тут при чём, и переключился на следующего репортёра.

Генерал Грант приостановил запись.

— Как видите, сэр, — произнёс он, — Советам безразлично, какое ПО стоит на их роботах.

— Именно это и послужило основанием считать их безопасными, — согласился Даллес. — Всем советским роботам, обслуживающим наши АЭС и подземные пусковые шахты, ПО было заменено на американское в первый же день после приобретения. Это в разы увеличило не только уровень безопасности, но и режим секретности. Поэтому пусковые шахты обслуживаются минимумом человеческого персонала, все рутинные операции плюс жизнеобеспечение отданы надёжно перепрограммированным роботам. Наши эксперты дают гарантии безопасности американского ПО. Вам это хорошо известно, генерал, ведь ваши люди принимали в этом участие.

— Да, сэр, это действительно так! — подтвердил Грант. — Но именно об этом я хотел с вами поговорить. Несколько часов назад на моих людей вышел через сеть некий странный субъект. Он заявил, что является ни много ни мало главным инженером проекта «Коллектив 2.0». Он сказал, что может предоставить нам некие чрезвычайно важные сведения, которые откроют правду о гражданских роботах Советов и о сети «Коллектив 2.0», которую Советы столь усиленно рекламируют по всему миру. Взамен от потребовал сто миллионов долларов, Нобелевскую премию мира и пожизненную защиту для себя и своих якобы сообщников.

— Недурно! — оценил Даллес. — Подобных предложений в ЦРУ поступают десятки ежедневно.

— Согласен с вами, сэр, — кивнул Грант. — Очень похоже на свихнувшегося психа. Но есть два интересных нюанса. Первый: этот человек нашёл нас в сети, преодолев все уровни защиты и миновав десяток паролей и виртуальных шифрозамков. Чтобы сделать это, нужно иметь не просто очень высокий уровень программирования, но досконально разбираться в самой сути всех этих электронных кодов и их законов. Вряд ли у нас в США есть кто-то, кто знает изнанку советских кодов лучше, чем сами Советы. И второе: в качестве первичного доказательства своей состоятельности данный источник передал нам график работ одного из ведущих сервисных инженеров «Предприятия 3826». Используя та-

кой график, нам не составит труда выследить этого инженера и выкрасть его впоследствии, как только он прилетит в удачное с нашей точки зрения место. Химический допрос специалиста подобного уровня мог бы дать нам многое, сэр!

— Проведите эту миссию похищения, генерал! — без раздумий ответил Даллес. — Если это провокация КГБ, вы знаете, что делать. Если же этот источник окажется тем, за кого себя выдаёт, он нам нужен безоговорочно! Если он поможет нам разоблачить Советы, то мы дадим ему то, что он хочет.

СССР, район «Предприятия 3826»,
база отряда «Аргентум»

05.30

Сирена боевой тревоги сорвала Кузнецова с постели, и он привычно принялся одеваться, действуя доведёнными до автоматизма движениями. Очередная тревога, одна из бесконечной их череды. Сколько их уже было в его жизни? Тысячи? И сколько ещё будет? Кто знает... Годы идут, но враги не успокаиваются. Мировой капитализм не хочет жить в мире с Советским Союзом, сколько бы лет ни прошло. В то, что мирное сосуществование двух противоположных систем возможно, Кузнецов давно уже не верил. Люди — слишком злобные существа для того, чтобы научиться терпеть друг друга...

Спустя пять минут экипированный в полное боевое снаряжение Кузнецов вошёл в командный пункт «Аргентума». В помещение один за другим вбегали его бойцы, и спешащий ему навстречу дежурный офицер доложил:

— Товарищ полковник, тревога объявлена Волшебником, он ждёт на секретной линии!

Полковник Кузнецов кивнул, подошёл к своему рабочему месту и коснулся сенсора прямой видеосвязи с Волшебником. Встроенный в поверхность стены широкий жидкокристаллический экран вспыхнул изображением Сеченова.

— «Аргон» на связи, — произнёс полковник. — Доброе утро, Дмитрий Сергеевич. Ставьте задачу!

— У нас произошла неприятность в Иране. — Судя по усталым глазам, Сеченов ещё не ложился, всю ночь проведя в лаборатории. С тех пор как погиб Захаров, Сеченов стал подолгу работать один, порой не покидая лаборатории двое-трое суток. — Похищен инженер, проводивший плановую проверку роботов командных ступеней.

— Наш или из Москвы? — уточнил Кузнецов, прислушиваясь к эфиру.

С тех пор как встроенный в мозг каждого бойца «Аргентума» полимерный расширитель получил возможность исполнять функции рации, таскать с собой радиостанцию стало не нужно. Зато стало нужно освоить непростую на первых порах способность отключаться от непрекращающегося в голове эфира. Со временем этим искусством Кузнецов овладел в совершенстве, но возникла другая проблема: временами непрекращающийся радиоэфир надоедал настолько сильно, что, отгородившись от него, очень не хотелось возвращаться в эфир снова. Приходилось заставлять себя.

— Наш, — ответил Сеченов. — Подозреваю, именно поэтому он был похищен. Это один из лучших специалистов «Предприятия 3826» по техническому обслуживанию роботов типа «Узел» и «Гриф». Проверки такого уровня мы проводим раз в три года. В обычное время техобслуживание выполняется в автоматическом режиме либо менее именитыми специалистами.

— Интересно, как они узнали, что на этот раз проводить плановую проверку прилетит уникальный специалист из предприятия? — Полковник Кузнецов скептически усмехнулся. — Очень похоже на утечку. Пора провести тщательную проверку персонала на предмет предательства Родины.

— Возможно, вы правы, Александр Иванович, — не стал спорить Сеченов. — Я обдумую, как устроить подобную проверку, не нарушая рабочей атмосферы на предприятии. Очень бы не хотелось навлечь на уникальных сотрудников волну бездумных репрессий, как это принято у нашего руководства. Но прямо сейчас нужно как можно скорее вырвать нашего коллегу из лап похитителей.

— Что известно об обстоятельствах похищения?

— Подробности мало. — Сеченов поморщился. — Инженер проводил инспекцию роботов типа «Узел», закупленных Ираном у СССР полгода назад. Последний раз он выходил

на связь вчера, с борта своего «Кондора-2», являющегося передвижной станцией техобслуживания. Это наш «Кондор», инженер прилетел на нём в Иран отсюда, данная платформа несёт на себе всё необходимое для осуществления указанной инспекции: группу «Шмелей», несколько «Ульев», ремонтно-технические площадки, жилой купол и прочее.

— «Кондор» тоже похищен? — удивился Кузнецов. — Противникам каким-то образом удалось взломать его бортовой компьютер?

— К счастью, заокеанским программистам такое не под силу, — усмехнулся Сеченов. — «Кондор» в порядке. Продолжает висеть в заданной точке над крупным добывающим карьером. Но нашего инженера на его борту нет. Подозреваю, тот сам покинул аэроплатформу.

— Перебежчик? — Кузнецов нахмурился.

— Исключено! — отверг его подозрения Сеченов. — Это очень порядочный человек, убеждённый коммунист и настоящий патриот. И он успел активировать аварийный маячок. К сожалению, сигнал бедствия быстро прервался.

— Значит, его выманили обманом, — сделал вывод Кузнецов.

— Очень похоже на то, — согласился Сеченов.

— Мы займёмся поисками немедленно! — заверил его полковник. — Я буду держать с вами связь каждые полчаса.

— Собственно, я его уже нашёл. — Сеченов коснулся сенсора на своём переносном пульте универсального управления, и на стратегической карте мира, собранной из нано-элементов во всю стену КП «Аргентума», вспыхнула одинокая отметка.

— Атлантический океан, — констатировал Кузнецов. — Судя по скорости смещения маячка, инженера везут на реактивном самолёте.

Полимерный расширитель в мозгу полковника мгновенно провёл расчёт, и Кузнецов добавил:

— Скорость чуть более девятисот километров в час, предполагаемое направление — США, штат Вирджиния. Подозреваю, что это Б-52, новейший секретный стратегический бомбардировщик американцев. Больше нечему быть. Всё остальное либо медленнее летает, либо не пройдёт такое расстояние без посадки и дозаправки. Как вы его засекли?

— С орбиты.

Сеченов коснулся пары сенсоров на своём пульте, и экран в КП рядом с Кузнецовым активировался, выводя схематичную карту планеты Земля и ближайшего околоземного пространства. Учёный продолжил объяснения:

— Вот здесь, — на земной орбите вспыхнула крохотная искорка, — находится экспериментальная монтажная платформа. Держать её в тайне от наших недругов довольно сложно, поэтому я наполняю её постепенно, от старта к старту, привязываясь к официальным пускам наших космических ракет.

— На этой платформе будут собираться командные роботы типа «ОКО»? — догадался полковник. — Точнее, они уже собраны, раз вы нашли инженера с орбиты?

— Пока собрано только одно «ОКО», и всего лишь наполовину. — Сеченов вздохнул. — Режим секретности всё очень сильно усложняет. Не понимаю, к чему столь жёсткий перегиб с конфиденциальностью. Наоборот, необходимо собрать «ОКО» как можно быстрее и в количестве хотя бы четырёх единиц: три действующих и одно резервное. Тогда мы сможем охватить ими весь земной шар, и сеть «Коллектив 1.0», а впоследствии и «Коллектив 2.0», появится везде! В каждом, даже самом забытом уголке планеты! Нам всё равно необходимо отшлифовать эту технологию, «ОКО» — это ключ к освоению далёких планет!

Он вновь печально вдохнул и махнул рукой, мол, политики мешали научному прогрессу с незапамятных времён, и по сей день в этом плане ничего не изменилось.

— В общем, сейчас «ОКО» только одно и находится в режиме крайне ограниченного функционирования. Оно даже не имеет возможности держаться на орбите самостоятельно. Платформу, на которой оно находится, требуется регулярно выравнивать на нужной орбите. Мне пришлось ждать несколько часов, пока платформа сделала вокруг планеты достаточное количество витков, чтобы я сумел отследить аварийный маячок инженера.

— Странно, что противник не попытался избавиться от маячка, — произнёс Кузнецов.

— Маячок полимерный, — объяснил Сеченов. — Он имплантирован инженеру под кожу. Насколько я сумел понять, враги обнаружили маячок и поразили его электромагнитным

импульсом. Электроника вышла из строя, и они посчитали маячок уничтоженным.

— Но полимерам ЭМИ до лампочки и «ОКО» уловил сигнал полимерной составляющей маячка? — понял полковник.

— В упрощенном варианте — да, — кивнул учёный. — В действительности мне пришлось приложить массу усилий, чтобы сфокусировать «ОКО» до возникновения волнового сигнала требуемой интенсивности. Без «Коллектива 2.0» такие манипуляции крайне сложны, длительны и трудоёмки. Я пошёл на всё это ради спасения нашего инженера.

— Мы вернём его через два часа. — Кузнецов быстро произвёл в уме предварительный расчёт. — Б-52 будет лететь через океан ещё пять часов. Этого нам хватит. Я свяжусь с вами, как только инженер будет у нас.

— Александр Иванович, я прошу вас взять с собой на эту операцию агента П-3. — взгляд Сеченова погрузнел. — Он знает инженера в лицо, это упростит вам задачу. Дайте П-3 какую-нибудь значимую роль во всём этом, ему сейчас необходимо время от времени бывать в экстремальных ситуациях. Это ускорит процесс заживления тканей головного мозга.

Полковник Кузнецов на мгновение задумался, вспоминая события двухлетней давности.

Беленскую АЭС спокойно запустили. Столкновение спецслужб в соседнем поселке осталось незамеченным. Причиной пожара болгарские власти представили всё как несчастный случай, техническую аварию, повлёкшую за собой взрыв бочки с керосином. Позже, под покровом ночи, ядерный фугас выкопали и вывезли, не привлекая внимания. Выяснить, как агентура ЦРУ сумела его доставить, собрать и заложить, так и не удалось.

За это старший лейтенант Екатерина Нечаева заплатила своей жизнью. Её мужу повезло больше, он в момент взрыва находился в оконном проёме, и его не размазало по стене. Однако мощная ударная волна врезалась в него, словно бьющий из гигантского брандспойта стальной поток. Плутоний получил жуткие повреждения, и когда Кузнецов пришёл навестить своего бойца спустя неделю, узнать капитана Нечаева ему удалось не сразу. То, что осталось от Плутония, было пристёгнуто к медицинскому креслу-каталке много-

численными ремнями и мало напоминало человеческое тело: кости рук и ног оказались раздроблены в щепу, мышцы разможены, кровеносные сосуды полопались. Сеченов извлек из конечностей осколки костей вместе с их остатками, и вместо рук и ног у капитана Нечаева было нечто вроде мумифицированных канатов.

Половина черепной коробки, расколотой взрывом и последующим ударом о кованые прутья забора, отсутствовала, и из обнажившегося мозга густо исходили пучки медицинских трубок, подающих различные лечебные препараты, и обилие проводов, ведущих к датчикам и прочему оборудованию. Кожа на лице Плутония, содранная взрывом, ещё находилась в стадии полимерного восстановления, из-за чего лицо капитана Нечаева было похоже на жуткую куклу со стеклянной кожей, через которую просвечивала сетка кровеносных сосудов. Лишённые бровей и ресниц глаза то смотрели в пустоту стеклянным взглядом, то начинали бешено бегать по сторонам. В этот момент искалеченное тело дергалось, и капитан Нечаев лихорадочно шептал сбивчивым голосом:

— Держись! Я иду! Катя, где ты? Огонь, всюду гребучий огонь, как же больно, твою мать! Мы же зажаримся, как гребучие пироги, какого хрена... Катя! Держись! Катюша, любимая, ты только держись, я уже иду, я сейчас, я уже рядом, гребучий огонь... Где же ты, где же ты, я же уже рядом, как же так... ты же слышишь — я уже близко, ты только держись... где же ты... гребучий огонь...

Его бесконечная скороговорка становилась бессвязной, Нечаев умолкал и замирал, словно жуткая восковая кукла. Но спустя несколько минут его изувеченное тело снова вздрагивало, и горячий полубезумный шёпот звучал вновь...

На излечение капитана Нечаева академик Сеченов потратил год. Он восстановил Плутонию лицо и кожу, вставил в конечности стальные кости из новейшего сплава «СПТ-6», заменил мышцы имплантами, но вернуть Нечаева в полноценное сознание долгое время не удавалось. Трижды Сеченов проводил Плутонию поистине уникальные операции на мозге, заменяя разрушенную часть мозговой ткани полимерным имплантом, но лишь третья операция, числящаяся в документации как «Плутоний-3», привела к успеху. Однако у успеха оказалась своя цена.

Обрётший сознание капитан Нечаев не помнил почти ничего. Ни жену, ни сослуживцев, ни детства, лишь картины разрозненных воспоминаний неясной хронологии сохранились в его покалеченной памяти.

— Это был единственный выход, — с грустью объяснял тогда Сеченов. — Чтобы спасти его сознание от саморазрушения, пришлось отсечь всё, что напоминало о жене. Он провёл в беспамятстве год, и всё это время каждые две минуты его сознание пыталось искать её. Повреждения мозговой ткани были слишком обширны, вкуче с психологической травмой они бы убили его... Я же хотел спасти хоть кого-то из них... Опыт этого нелёгкого лечения ляжет в основу нескольких новых методик. Я искренне надеюсь, что они спасут множество жизней. Быть может, даже полностью избавят человечество от смертей в боях и войнах... Но Плутоний больше не сможет служить в «Аргентуме». Его восстановленный мозг несовместим с вашими полимерными расширителями и... — Сеченов печально вздохнул. — И не стоит подвергать его память опасности рецидива.

За мужество и героизм капитану Нечаеву присвоили внеочередное звание, изменили позывной на «П-3» и отдали в прямое подчинение его спасителю. Волшебник продолжил доводить до совершенства своё творение, и в конце концов П-3 пришёл в норму, если не считать полной потери памяти и сильно изменившегося после полимерного восстановления лица.

С «Аргентумом» П-3 почти не пересекался, и отряд вместе с полковником Муравьёвой принял решение ни о чём ему не рассказывать. Мужу и без того пришлось нелегко.

— Как он, Дмитрий Сергеевич? — поинтересовался Кузнецов.

— В порядке, — ответил учёный. — В его новой жизни всё хорошо.

— Что ж... — Кузнецов встал. — Мы ждём его на аэродроме.

Спустя полчаса «Метеор» оторвался от взлётной полосы, набрал высоту и врубил маршевые двигатели. Через несколько минут гиперзвуковой самолёт «Аргентума» был уже на низкой орбите, и бортовой компьютер произвёл расчёт перехвата цели. Сидящий в пилотском кресле Кузнецов лишь подтвердил его решение коротким касанием сенсора.

Да, за эти десять лет советская наука шагнула далеко вперёд. За людей всё делают роботы, люди же в основном развлекаются. Почти Золотой век! Сейчас мы обломаем врагу эти самые зубы в очередной раз. Не привыкать. Но всё-таки очень хочется знать: закончится ли грызня и научатся ли люди мирно сосуществовать друг с другом, даже если одни из них намного сильнее других?

Полковник Кузнецов перевёл взгляд на систему мониторинга, следящую за состоянием пассажиров «Метеора». Его бойцы, облачённые в новую бронепформу последнего поколения, молча сидели в широких удобных спецкреслах в ожидании боя. Кто-то дремал, кто-то думал о чём-то, лишь сидящий отдельно от всех П-3 слушал что-то через наушники. Кузнецов коснулся сенсора развёрнутого отображения занятости радиопередатчика «Метеора». Нечаев слушает «Радио Будущего». Новомодная развлекательная радиостанция, вещательный центр которой находится в «Нептуне». Транслирует на весь СССР модные песни. Ничего необычного, если не считать, что это музыка прямиком из будущего. Очень популярна сейчас, людям нравится.

— Цель обнаружена! — сообщил бортовой компьютер голосом Виолетты Терешковой. — Начинаю сближение!

— Зайти сверху, уравнивать скорости и сократить дистанцию до минимальной! — приказал полковник. — Перед открытием десантного люка уравнивать давление!

— Вас поняла! — отрапортовал бортовой компьютер, и мчащийся по орбите «Метеор» плавно и быстро клюнул носом, переходя на движение вниз.

Американский Б-52 был настигнут посреди Атлантики, когда до побережья США ему на своих тихоходных двигателях предстояло лететь ещё несколько часов. Гиперзвуковой «Метеор» догнал его с такой лёгкостью, словно здоровенный четырёхмоторный бомбардировщик вообще не двигался, а висел в небе на одном месте подобно бумажному змею.

Кузнецов отдал противнику должное: операция по похищению была подготовлена и проведена блестяще. Цель похищения клюнула на оперативную игру и фактически сама пришла в руки к похитителям. К этому моменту у агентов ЦРУ уже был подготовлен самолёт, который прошёл над границей Ирана на высоте, недоступной иранским ра-

дарам. После чего где-то приземлился, несмотря на свои размеры, забрал похищенного инженера и вылетел прямым в США. И дальность Б-52 вполне позволяла ему совершить этот перелёт без посадки, на безопасных высотах, не попадаясь на глаза никому. Если бы не «ОКО» Волшебника, уже вечером бы психиатры ЦРУ выкачивали из инженера всё, что ему известно о «Предприятии 3826» и тайнах советской науки.

— Сближение завершено! — доложил бортовой компьютер «Метеора». — Дистанция до цели два метра. Цель пытается маневрировать, удерживаю синхронность. Прогноз стабильности — девяносто восемь процентов.

— Радон, принимай контроль управления! — коротко приказал Кузнецов офицеру, сидящему на месте второго пилота. — Подхватишь нас снизу.

Полковник покинул пилотскую кабину. Оказавшись в десантном салоне, он окинул взглядом отряд. Опытные бойцы сохраняли спокойствие, невозмутимо разглядывая виднеющийся через иллюминаторы Б-52, словно застывший под фюзеляжем «Метеора». Вражеские пилоты заметили появление над собой краснозвёздного самолёта неизвестной конструкции, но предпринимать резкие манёвры опасались. «Метеор» нависал над ними угрожающе близко, и малейшая ошибка грозила обернуться столкновением.

Плавными же манёврами уйти от советского самолёта экипажу Б-52 никак не удавалось. Бортовой компьютер «Метеора» повторял все их уловки синхронно, с задержкой в тысячные доли секунды, и оба самолёта летели едва ли не вплотную, словно сиамские близнецы. Радиоволновой участок полимерного расширителя мозга фиксировал полупаннический радиообмен, которым экипаж Б-52 обменивался друг с другом и диспетчером ближайшего к этому району Атлантики американского авианосца.

— Работаем тройками! — объявил Кузнецов. — Задача: высадка внутрь самолёта противника, захват цели и последующая эвакуация. В первой тройке я, Криптон и П-3! Остальные тройки работают в составе штатного расписания. Первой тройке к десантированию приготовиться!

Состав первой тройки занял места возле нижнего десантного люка, и Кузнецов вышел в эфир:

— «Радон», работай!

Створы десантного люка распахнулись, и взглядам бойцов предстала поверхность фюзеляжа Б-52, застывшего в двух метрах ниже.

— Здоровенный-то какой, поганец! — П-3 обвёл глазами вражеский бомбардировщик. — Аж земли из-за него не видно!

— П-3, принять вправо! — скомандовал Кузнецов.

П-3 машинально отшагнул правее, и мимо него по толку пробежал «Каракурт».

— Гребучие пироги!!! — едва не подпрыгнул Нечаев. — Это ещё что за маниакальная железка?!

— Это наш «Каракурт», — удивлённо ответил ему Криптон. — Ты же с ними работал сто раз! На Сахалине государственные испытания обеспечивал!

— Я?! — искренне опешил П-3. — Да вы что, товарищ Криптон, шутить изволите? Я эту жуткую хренотень впервые вижу! Что-то я не помню их на Сахалине!

— Ты в комплексе «Сахалин» был в составе испытательной группы, когда «Каракуртов» показывали государственной комиссии. — Кузнецов подал Криптону знак глазами, мол, не надо. — Возможно, в тот момент ты занимался другими роботами. Поэтому не видел «Каракурта».

— А, ну, наверное, — согласился П-3 и нахмурился: — Откуда вы знаете, товарищ полковник, что я был на объекте «Сахалин»?

— Изучал твое личное дело перед этой операцией. — Кузнецов подавил тяжёлый вздох. — Работаем! Нас там уже заждались.

«Каракурт» деловито спрыгнул с потолка на пол, пробежал к распахнутому десантному люку и резким прыжком выбросил себя наружу. Мощный удар встречных воздушных масс погасил его скорость, но вышвырнуть «Каракурта» прочь не успел. Стальной паук приземлился на поверхность Б-52 и вцепился в неё лапами так, что строительным краном не оторвёшь. «Каракурт» выпустил мощные жвала и принялся вскрывать обшивку американского бомбардировщика, словно консервный нож жестяную банку. В считанные секунды в мощном толстостенном фюзеляже образовалась приличных размеров дыра, и «Каракурт» отстрелил от себя страховочный фал, метко запуская его в руки Кузнецову.

— Я иду первым. — Полковник пристегнул фал к бронеформе. — За мной Криптон, П-3 прикрывает. Если нас сбросит с обшивки вниз, работает вторая тройка...

Изнутри вскрытого Б-52 послышались выстрелы, и стало видно, как от стального корпуса «Каракурта» рикошетят пули. Одна из них с коротким пронзительным визгом отколошила внутри «Метеора» и ударила в борт в полуметре от П-3.

— Гребучие пироги! — отпрыгнул Нечаев и неожиданно замер. Его взгляд принял стеклянное выражение, и он безэмоционально заявил: — Я пошёл.

Прежде, чем Кузнецов успел схватить его за руку, П-3 сорвался с места, за три шага набирая разбег, и выпрыгнул из открытого люка. Его тело неправдоподобно просто преодолело удар встречных воздушных масс и метко влетело в прогрызенную «Каракуртом» дыру. Глухие выстрелы зазвучали громче.

— Твою мать! — выругался Кузнецов. — Криптон, прикрой наш отход!

Полковник коротко разбежался и мощным прыжком направил себя в распахнутый люк как можно дальше. Вокруг словно вспыхнуло бескрайнее небо, но встречный поток тут же сшиб его с траектории полёта, впечатывая в поверхность Б-52 словно пулю. Бронеформа поглотила удар, Кузнецова швырнуло назад, и он резким рывком ухватился за лапу «Каракурта», мелькнувшую перед глазами. Перебирая руками по стальным паучьим конечностям словно по рукоходу, полковник добрался до дыры во вражеской обшивке и спустя пять секунд был внутри. Приземлившись на ноги посреди Б-52, он выхватил пистолет и открыл огонь, отсекая от П-3 бойцов противника.

Сам П-3 в этот момент находился в пяти метрах впереди. Одной рукой он удерживал лежащего у него на плече человека в инженерном комбинезоне «Предприятия 3826». Во второй руке майора Нечаева был зажат пистолет, но вместо ведения огня П-3 резкими быстрыми движениями закрывался предплечьем от стреляющего в него врага со штурмовой винтовкой. Пистолетные пули увязали в бронеформе П-3, автоматные пробивали рукав и с глухим звоном отскакивали от стальных костей предплечья. Полковник Кузнецов точным выстрелом пробил автоматчику голову, уложил

ещё двоих, и оставшиеся враги поспешили отступить, скрываясь за люком в передней части самолёта. П-3 рванулся за ними прямо с инженером на плече, и Кузнецов осадил его резким окриком:

— П-3! Отставить! Эвакуировать спасённого! Бегом марш!

Нечаев замер, словно робот, немедленно развернулся и бросился к дыре в потолке. Полковник отстегнул от себя страховочный фал, пристегнул его к П-3 и произнёс:

— Держи его крепче! Не то придётся ловить по всему небу! — После чего вышел в эфир: — Объект у нас! Уходим!

Фал натянулся, подхватил П-3, обеими руками сжимающего инженера, и выдернул их наружу. Полковник для острастки дважды выстрелил в люк, за которым укрылись враги, и отшагнул под дыру в обшивке. «Каракурт», к которому был пристегнут фал, был уже на борту «Метеора» и быстро затягивал туда П-3 с инженером. Их нещадно болтало, но Нечаев вцепился в спасённого так, что Кузнецов всерьёз запереживал, а не переломает ли П-3 инженеру рёбра такими-то ручищами.

Спустя три секунды оба исчезли в десантном люке, и «Каракурт» метко выбросил второй фал, забрасывая его точно в руки полковнику. Последовали рывок и пять секунд зубодробительной болтанки, во время которой перед глазами вертелся сплошной калейдоскоп из неба, облаков и смазанного силуэта Б-52, быстро остающегося где-то далеко внизу. Потом Кузнецова затянули внутрь «Метеора», и десантный люк закрылся, отсекая свист ветра и рёв двигателей.

— Что с объектом? — Кузнецов поднялся на ноги и посмотрел на лежащего без чувств инженера, над которым склонился Нечаев.

— Порядок! — довольно улыбнулся П-3, выпрямляясь. — Струхнул немного, сейчас оклемается! Надо ему на штатыра дать!

Он протянул руку к укреплённой на стене аптечке и заметил кровь, капающую из пробитого рукава своей левой руки.

— Гребучие пироги! — выругался Нечаев. — Зацепило всё-таки!

— Майор П-3, почему вы начали операцию без команд? — зло навис над ним Кузнецов.

— Так ведь... — П-3 недоуменно съёжился, — была же команда, товарищ полковник... Вы же сами сказали: «Прыгай!»

— Что я сам сказал?! — Кузнецов надвинулся на него, словно танк на курицу. — Ты где такие команды слышал, майор?!!

— От вас... товарищ полковник... — неуверенно промямлил П-3, скользя по собравшимся вокруг бойцам ничего не понимающим и от этого ещё более виноватым взглядом. — Была же команда... гребучие пироги... я же слышал...

Мгновение Кузнецов смотрел на него, вспоминая, как видел то, что осталось от Плутония и Блесны в тот роковой день, после чего спокойным тоном произнёс:

— Была так была. Рёв от движков такой стоял, что немудрено перепутать. Молодец, П-3, за быстрые и решительные действия объявляю вам благодарность!

— Служу Советскому Союзу! — козырнул П-3, расцветая.

— Займи своё место и вколи себе полимерный коагулянт, — приказал полковник. — Через полчаса будем дома, Волшебник тобою займётся. Ступай, майор!

— Есть! — Довольный П-3 направился к своему креслу, и Кузнецов с грустью закрыл глаза. Война закончилась десятком с лишним лет назад, но люди продолжают гибнуть. Жаль мужика, его теперь не узнать. А какая красивая была пара, никогда не унывали... Блесна за неделю до гибели приходила к Кузнецову на разговор по личному вопросу и спрашивала, позволит ли ей командование остаться в отряде, если они с Плутонием заведут ребёнка. Просила не рассказывать об этом мужу, и Кузнецов не рассказал. Может, оно и к лучшему...

**«Предприятие 3826», Академия Последствий,
сектор «Коллектив 2.0»**

Декабрь 1954 г.

Штокхаузен шагал по центральному коридору секретного подуровня, привычно скользя взглядом по многочисленным роботам, видневшимся за стеклянными стенами лабораторий. Да, однозначно он создан для всей этой секретности, государственной важности и проектов мирового уровня. Вся

его жизнь оказалась неразрывно связана с секретными работками. А ведь как всё начиналось! Кто бы мог подумать тогда, в тридцать девятом, что в пятьдесят четвёртом он будет идти по этим коридорам... И как сильно всё изменилось менее чем за пятнадцать лет! Кругом воистину торжество науки и техники, и он находится в самом сердце этого торжества! Особенно теперь, после того, как Сеченов почти полностью замкнулся в своей работе.

Последние месяцы академика буквально рвали на части партийные бонзы и их интриги. Правительство то требует от Сеченова скорейшего запуска «Коллектива 2.0», то высказывает недовольство затягивающимся стартом операции «Атомное сердце», то присылает комиссию для того, чтобы она убедилась в работоспособности демонстрационной версии «Коллектива 2.0», созданной здесь, в секретном секторе АПО, на базе нескольких экспериментальных групп подопытных добровольцев. Все хотят получить в свои руки неограниченные права на управление «Коллективом». Сеченова торопят, дёргают, мешая работать, требуют отчётов, снова торопят... В итоге академик почти полностью погрузился в работу с нейрополимерами, делегировав все остальные функции доверенным лицам.

Теперь Штокхаузен занимается административной частью «Коллектива 2.0», чему очень рад. Потому что так он имеет возможность контактировать с Филатовой ежедневно. К сожалению, с Петровым тоже. Этот неудачник с комплексом Наполеона не отходит от неё ни на шаг. Приходится быть терпеливым, действовать очень издалека и ждать благоприятного момента. На всякий случай Штокхаузен даже записывает все разговоры с Петровым, чтобы не пропустить важную зацепку в случае чего. Сегодняшний разговор не будет исключением, тем более что Петров сам прислал ему просьбу поговорить. И раз местом беседы он выбрал собственную лабораторию, значит, речь пойдёт о чём-то серьёзном. Может, удастся заинтересовать этой записью Управление «Ш» КГБ и наконец-то избавиться от этого ничтожного конкурентишки.

Добравшись до лаборатории программирования робототехники, Штокхаузен активировал записывающие устройства и набрал личный код на панели внутренней связи электронного замка.

— Виктор, это Михаэль! — произнёс он, замечая вспыхнувший индикатор видеосвязи.

— Входи! — Индикаторы замка перемигнулись, и толстенная дверь уползла в сторону, открывая путь. — Ты один?

— Я всегда один, — с достоинством ответил Штокхаузен. — Не нуждаюсь в помощниках, ни живых, ни кибернетических. У меня достаточно личных качеств, чтобы успешно справляться со своими обязанностями самостоятельно.

— А вот я нуждаюсь, — многозначительно заявил Петров, тыкая в сенсоры грандиозного операторского пульта, за которым сидел.

Сложное и многочисленное электронное оборудование, снабжённое десятком экранов, вдруг зажгло сразу все свои индикаторы, и многочисленные мониторы покрылись густой пургой единиц и нолей, рассыпанных вперемешку сплошным цифровым месивом.

— Теперь нас никто не прослушает. — Петров бросил удовлетворённый взгляд на какой-то экран и обернулся к Штокхаузену: — Садись, Михаэль, надо серьёзно поговорить! Мне требуется твоя помощь, как старого друга и единственного человека, которому я доверяю!

Штокхаузен опустил в соседнее кресло и кивнул, показывая, что готов к беседе. Петров внимательно посмотрел ему в глаза и произнёс:

— Ты знал, что «Коллектив 2.0» отнимет у людей волю и индивидуальность, превратив в марионетки?

— Ты неправильно сформулировал вопрос, Виктор, — мягко поправил его Штокхаузен. — «Коллектив 2.0» способен, сугубо теоретически, подавить волю вступивших в него людей, причём так, что они даже не поймут этого, ведь «Коллектив» — максимально гуманное общество из всех когда-либо существовавших на Земле. И именно в силу своей высочайшей гуманности «Коллектив 2.0» не станет этого делать!

— Станет! — жёстко возразил Петров. — Я убедился в этом лично!

— Ты ошибаешься, — терпеливо возразил Штокхаузен. — Дмитрий Сергеевич и его научная когорта никогда не допустят...

— Сеченов сам всё это задумал! — зло отрезал Петров. — И его научная когорта не сможет ему помешать, потому что

абсолютный доступ к «Коллективу» есть только у него! Пожди и послушай! — Он поднял руку, не позволяя Штокхаузену возразить. — После того как сюда зачастили высшие государственные чины и Сеченов замкнулся в своих нейрополимерах, у меня появилось больше полномочий! Я не могу влезть в базы данных нейрополимеров «Коллектива», но зато могу изучать любую информацию, которая попадает в здешний цифровой код! Я последовал твоему совету, Михаэль, и, когда ухаживал за Ларисой, погрузился в её область проекта «Коллектив 2.0»! И там программного кода было даже чересчур!

— Что тебе удалось узнать? — Штокхаузен сделался серьёзным.

— Не так много, как хотелось бы, — поморщился Петров, — но вполне достаточно, чтобы ужаснуться! П-Вакцинация, которую правительство пропагандирует сейчас на каждом углу, действительно сделает людей частью «Коллектива 2.0». Вот только после запуска системы все они будут делать то, что им прикажут те, кто получит высший уровень доступа! Понимаешь, Михаэль?! Всеобщего равенства и плюрализма мнений не будет! Точнее, он будет только среди обычных членов «Коллектива 2.0». Но для обладателей высшего уровня доступа все они будут такие же бессловесные марионетки, какими для них самих станут роботы! И никто не сможет ничего сделать! Потому что не сможет даже понять, что мысль, которая побудила его к действию, принадлежит не ему, а очередному правителю! Ты понимаешь, что это значит?!

— Ты уверен, что ничего не напутал? — встревоженно переспросил Штокхаузен.

— Уверен! — решительно подтвердил Петров. — Лариса фактически закончила все необходимые исследования, которые не успел завершить Сеченов из-за давления правительства! Там оставалось не так много, но я видел её файлы! Они полностью подтверждают мою информацию! Люди будут порабощены! «Коллектив 2.0» — это гигантский кукольный театр размером с планету!

Он с возмущением скривился:

— Я не желаю становиться частью примитивной толпы. Я не для того который год работаю день и ночь. Я создан для большего, и я не такой, как эти пользователи сети. Я до-

бьюсь признания, авторитета и денег! Я не бездельник, как все они. Ты должен меня понять, как никто другой! Мы с тобой всю жизнь продираемся вверх через бесконечные тернии, встречающиеся на нашем пути, и вот сейчас, когда мы добились многого, что обычным недалёким бездельникам даже не снилось, нас сделают бессловесными марионетками! Такими же, как всё остальное примитивное стадо! Ну уж нет! Я этого не хочу! Ты согласен стать тупой счастливой марионеткой, Михаэль?!

— Ни за что! — подхватил возмущение Штокхаузен. — Но... где же выход?

— Он есть! — многозначительно заявил Петров. — Я связался со спецслужбами США! И предложил им сделку: исчерпывающая информация о «Коллективе 2.0» в обмен на гарантии безопасности и достойное вознаграждение! Они согласились, но что-то пошло не так! Связь с ними пропала, и я не могу выйти на них старым способом. Поэтому я придумал другой ход! Мы можем взломать несколько «Узлов» и устроить саботаж в работе машин! Роботы перестанут подчиняться, и весь мир увидит, что они ненадёжны и небезопасны! Возникнет грандиозный скандал, шумиха, и это позволит нам вновь связаться со спецслужбами США! Они вытащат нас отсюда, а дальше — дело техники! Мы им информацию об «Атомном сердце» и «Коллективе», они нам миллионы долларов, славу, почёт и Нобелевскую премию мира! Мы будем жить достойно своего уровня, Михаэль!

— Разве «Коллектив 1.0» можно так просто взломать? — усомнился Штокхаузен. — Его систему программной защиты делал профессор Лебедев. Причём не один, над этим половина АПО работала. А у Лебедева не идиоты сидят.

— Взломать защиту «Коллектива» невозможно. — Петров с досадой поморщился. — Слишком передовая разработка, на это несколько лет уйдёт. За время которых Лебедев придумает что-то новое... Откуда только он берёт всё это?!

Виктор вновь недовольно поморщился, но тут же воспрянул духом:

— Но её можно обмануть! — Он с гордостью подчеркнул: — Я нашёл способ!

Петров опять скривился и объяснил:

— Чтобы моя идея сработала, требуется одновременная программная атака на все «Узлы» на всех территориальных

объектах «Предприятия 3826»: здесь, на Сахалине, Новой Земле и в Раменках. «Узлы» везде и одновременно должны получить от своих дежурных инженеров определённое сообщение, только в этом случае у нас всё получится. Но зато это гарантированно! Я знаю, что и как требуется сделать, чтобы передать «Узлам» всё в нужном нам виде, это же мои алгоритмы отвечают за обмен данными! Для успеха нам нужна помощь единомышленников, и ты можешь их найти! Тебя никто не заподозрит, ты же зам Сеченова! И у тебя вполне официально имеется самый высокий уровень допуска!

Кипящий решимостью Петров требовательно посмотрел в глаза Штокхаузену:

— Ты со мной, Михаэль?

— Я с тобой, Виктор! — столь же решительно ответил тот. — Кто ещё с нами?

— Пока никого. — Петров поморщился. — Я хорошо знаком со многими старшими инженерами на всех комплексах предприятия, мы часто общаемся в сети, ты мог бы встретиться с ними и осторожно прощупать почву, не вызывая подозрений!

— Попытаюсь, — кивнул Штокхаузен. — А что с Ларисой?

На лице Петрова отразилась досада:

— Я пытаюсь раскрыть ей глаза, но она слишком уверена в благородстве и непогрешимости Сеченова. Не желает увидеть реальность и признать очевидные факты. А ведь их достаточно. Например, как погиб Захаров? Никто не знает! Вроде бы случайно упал в ёмкость с агрессивной химической средой. Но кто это видел? Кроме Сеченова — никто. Даже роботов не было рядом — не странно ли? Здесь, в лабораториях высшего научного уровня, многие из которых вообще лишены живого персонала, кругом одни кибернетические помощники и лаборанты, вдруг не оказывается ни одного робота! И именно в этот момент погибает не просто видный учёный, а единственный, кроме Сеченова, у кого мог бы оказаться абсолютный доступ к «Коллективу 2.0»! Сам собой напрашивается вопрос: а это точно была смерть в результате несчастного случая?! Или же убийство с целью избавиться от того, кто не согласился с тиранией и потому мог вывести преступника на чистую воду?!

— И что на это ответила Лариса? — Штокхаузен нахмурился.

— Сказала, что не верит в подобную чушь, — ответил Петров. — Так же, как ты, считает Сеченова идеальным.

— Женщины — существа эмоциональные, — наставительно произнёс Штокхаузен. — Ты уверен, что она не доложит о тебе?

— Это исключено! — уверенно заявил Петров. — Мы с Ларисой любим друг друга, она не откажется от меня ни при каких обстоятельствах!

— Отлично! — Штокхаузен по-отечески похлопал Петрова по плечу. Ни при каких обстоятельствах, говоришь? Вот сейчас и посмотрим. Он бросил взгляд на часы и встал с кресла:

— Мне пора идти, не то у Сеченова возникнут вопросы. На ближайшие три дня мой график расписан полностью, лучше его не менять. Сразу после этого займусь поиском единомышленников. Жди от меня сигнала, если появится что-то срочное. Если не появится — встречаемся здесь же в это же время через четверо суток!

— Договорились! — Петров проводил его до двери и заперся в своей лаборатории.

Покинув АПО, Штокхаузен решительно выдохнул, сделал короткий звонок по зашифрованному каналу и направился напрямик к Сеченову.

Академик, как всегда, находился в своей лаборатории и работал с ЧЖ, оттачивая очередную медицинскую реанимационную технологию, и сразу Штокхаузена не принял. Пришлось ждать окончания эксперимента почти час.

— Входите, Михаэль, — ожил вставленный в ушную раковину микропередатчик.

Штокхаузен вошёл в лабораторию и без лишних слов положил на стол перед Сеченовым запись разговора с Петровым.

— Дмитрий Сергеевич, похоже, я выяснил, кто спровоцировал недавнюю попытку похищения нашего сотрудника, предотвращённую отрядом «Аргентум»!

Сеченов молча прослушал запись до самого окончания, несколько секунд молчал, после чего устало произнёс:

— Жаль. Но это ничего не меняет. Михаэль, вызовите сюда полковника Кузнецова.

Петрова арестовали спустя пятнадцать минут и сразу же увезли на базу «Аргентума». Штокхаузен взглядом из окна проводил его согбенную от страха и краха фигуру, бредущую в сопровождении дюжих громил из КГБ, и удовлетворённо улыбнулся. Терпение всегда приносит плоды! Нужно было лишь не торопиться! Он с самого начала знал, что этот неудачник подставит сам себя, но даже не ожидал, что это произойдёт настолько эффектно! Это предательство Родины, за такое положена смертная казнь, не меньше! Так что о конкуренции теперь можно забыть. Как только у Филатовой пройдёт первый шок, Штокхаузен окажется рядом и поддержит её в трудную минуту. Станет опорой, потом психологической отдушиной, а после любовником. Она сама не заметит, как окажется в его постели в поисках утешения и морального комфорта!

А там и до запуска «Коллектива 2.0» недалеко. После запуска выбор женщин у Штокхаузена станет огромен. Впрочем, как и все остальные привилегии. Ведь ему, согласно утверждённому правительством плану, положена имплантация главного коннектора уровня «Бета». Не максимальные полномочия, но тоже неплохо! Он и не стремится к максимальным, зачем переходить дорогу сильным мира сего? Пусть они владеют миром, он согласен беспрекословно выполнять приказы нескольких десятков человек. Потому что его приказы, в свою очередь, будут беспрекословно исполнять миллиарды.

— Михаэль, у меня для вас срочное задание. — Телефон в ухе заговорил голосом Сеченова.

— Слушаю вас, Дмитрий Сергеевич! — с готовностью ответил Штокхаузен.

— Подготовьте для заключённого Петрова подходящее для работы помещение в комплексе «Вавилов». Где-нибудь посреди экспериментальных теплиц или лабораторных парков. Чтобы не угнетала атмосфера, но осуществлялся особо строгий режим. Я только что подписал соответствующий приказ. Если потребуется, могу согласовать его с генсеком ЦК КПСС. Не думаю, что он откажет мне в такой мелочи.

— Но... — опешил Штокхаузен, — Дмитрий Сергеевич! Петров — опасный преступник, он должен предстать перед судом!

— Предстанет. — Усталость в голосе Сеченова ощущалась ещё сильнее. — После запуска «Коллектива 2.0». Пока же пусть возвращается к работе над социальной адаптацией роботов из Театра имени Плисецкой. Будет трудиться удалённо. Нам не нужны лишние жертвы. К тому же Лариса Андреевна очень просила за него, для неё это явилось серьёзным ударом. В связи с этим я рассчитываю на ваш профессионализм и понимание. Займитесь этим сегодня же.

Сеченов отключился, и Штокхаузен тихо выругался. Какого чёрта?! К чему этот бессмысленный пацифизм?! Теперь придётся ждать запуска «Коллектива 2.0»! Ладно, терпение всегда было его сильной стороной. Он дождётся. Благо ждать осталось меньше года. Зато потом Филатова будет принадлежать Штокхаузену, даже если сейчас она затаит на него обиду.

**СССР, аэроплатформа «Икар», научный комплекс
«Челомей» «Предприятия 3826», полторы тысячи
метров над поверхностью озера Байкал
7 июня 1955 г., раннее утро**

— Оставь меня здесь, я лучше посплю! — голос Захарова, доносившийся из кибернетической перчатки, звучал раздражённо. — Ненавижу весь этот пафос! Столько идиотов в одном месте!

— Снимать перчатку придётся полчаса! — возразил Сеченов. — Почему бы тебе не поспать прямо на руке? Никто не заставляет тебя слушать торжественные речи наших дражайших кремлёвских бонз, но это международный научный симпозиум, пусть и праздничный. Ради него на Байкал съехалось множество выдающихся учёных со всего мира. В ближайшую неделю можно будет услышать множество интереснейших мнений...

— Которые мы будем слышать постоянно в течение всей жизни уже через семь дней! — оборвал его Захаров. — Запуск «Коллектива 2.0» назначен на тринадцатое июня! Ещё слушаешься! Тем более сегодня продолжение официальной части! Мне хватило вчерашней церемонии открытия, переполненной партийными лозунгами!

— Зато плакаты, агитирующие за П-Вакцинацию, висят всюду. — Сеченов усилил мощность нейрошлема и вслушался в волновой отклик Человека-желе. — И наши партийные светила не забывают упоминать о ней каждые пять минут.

— Это в наших интересах! — заявил Захаров. — Пусть от них будет хоть какой-то толк! Чем больше народа они убедят пройти П-Вакцинацию, тем меньше через неделю нам придётся сгонять в «Коллектив» силой!

— Харитон, мы на эту тему уже всё выяснили, — терпеливо произнёс Сеченов. — Сгонять в «Коллектив» силой мы никого не будем. Заманим всех убеждением. Пусть это в какой-то мере явится обманом, зато бескровным.

— Хорошо, хорошо! — недовольно пробурчал Захаров. — Заканчивай занудствовать! Лучше скажи, как главный коннектор реагирует на волновой поток нейрошлема?

— Качество приёма слабое, — Сеченов сверился с приборами, — это если по приборам. Но по ощущениям он уже привык к входящему потоку. К полудню тринадцатого числа совместимость будет полная. Ему осталось нарастить последний слой нейрополимерного преобразователя. Я думаю, может, действительно под каким-нибудь предлогом остаться сегодня в лаборатории? Я вчера весь день провёл на церемонии открытия, сегодня пускай Иван Алексеевич отдувается!

— Хорошая мысль! — одобрила перчатка. — Академик Павлов, нобелевский лауреат, светило мировой физиологии! Никто не упрекнет его в том, что ты куда-то запропастился. К тому же вся наша научная когорта сейчас здесь, они помогут ему отбрыкаться от любопытствующих в случае чего! Если только любопытствующих не окажется бесконечное количество.

— Это точно. — Сеченов уныло кивнул.

Международный симпозиум, посвящённый запуску экосистемы «Коллектив 2.0», начался вчера и должен закончиться за минуту до запуска «Коллектива». Целый год весь СССР и половина Европы были обвешаны плакатами, призывающими всех пройти П-Вакцинацию, чтобы в назначенный день стать гениальными повелителями роботов в буквальном смысле этого слова. Агитационная программа шла с грандиозным размахом как в реальном пространстве, так и в сетевом, и данный симпозиум являлся её кульминацией. С само-

го первого дня П-Вакцина предоставлялась всем желающим бесплатно, в сети демонстрировались многочисленные видеоролики, отчитывающиеся о целом ряде успешных тестов экосистемы «Коллектив 2.0», и правительство СССР взяло на себя все расходы по проведению финального симпозиума.

Любой учёный из любой страны, пожелавший посетить симпозиум, делал это за счёт Советского Союза. Это дало свои результаты: народа на Байкал съехалось действительно очень много, и среди них было немало настоящих учёных из других стран, в том числе капиталистических. Замысел партийных бонз был прост: все эти люди, особенно представители науки, с запуском «Коллектива 2.0» останутся в СССР. Вряд ли кто-то из них до сих пор не сделал себе инъекцию П-Вакцины, но даже если так, то основное количество таких людей власти СССР рассчитывают переубедить за эту неделю. Остальных они хотят вакцинировать силой, но как раз этого Сеченов не допустит. Пока же партийные бонзы могут планировать что угодно. Лишь бы не мешали завершить финальную стадию подготовки главного коннектора. Как только она будет завершена, он запустит «Коллектив 2.0» и навсегда избавит тиранов от их нездоровых тиранических наклонностей и эгоцентрических амбиций.

Главное — чтобы они не помешали сейчас, на финальной стадии. Но после того как всем партийным бонзам имплантировали ГК-Альфа, они более-менее успокоились. К сожалению, это плацебо не сработало со стопроцентным результатом на Молотове. Скорее наоборот. Первый заместитель председателя Совмина удвоил свою нездоровую активность...

Резкий экстренный вызов, раздавшийся из личного пульта управления Сеченова, заставил академика вздрогнуть.

Внезапно раздался звук экстренного вызова.

— Что-то произошло! — отреагировала перчатка.

— Только ЧП нам не хватало, — поморщился Сеченов, отвечая на вызов. — Сеченов на связи!

— Дмитрий Сергеевич! Муравьева! — Голографический проектор высветил изображение начальника ОСПС. — У нас чрезвычайная ситуация!

Полковник Муравьева дышала тяжело, и Сеченов с ужасом увидел, что форма офицера КГБ на ней залепана густыми кровавыми брызгами. Где-то на заднем фоне раздался треск пулемётных очередей и глухо зазвучали далёкие крики.

— Что происходит? — опешил академик. — Вы ранены?

— Обошлось, — коротко бросила полковник Муравьёва и принялась очень быстро докладывать. — Роботы взбунтовались и атакуют людей! Агрессивное поведение машин фиксируется на территории «Предприятия 3826» повсеместно, на всех объектах, распространяясь от одного района к другому! Имеются жертвы, их число растёт. Срочно вводите экстренный протокол! Иначе через пять, максимум десять минут об этом станет известно за пределами предприятия!

Где-то совсем недалеко от Муравьёвой раздалась пулёмётная очередь и лязг шагавшего металла. Полковник, обернувшись, резко выдохнула:

— Я выйду на связь позже!

Начальник ОСПС отключилась, и Сеченов лихорадочно набрал на личном пульте чрезвычайный код перехода «Предприятия 3826» на экстренный протокол. Удалённые комплексы один за другим отчитались о выполнении задачи, и Сеченов торопливо активировал все доступные системы наблюдения, телеметрии и обратной связи, пытаясь разобратся в произошедшем.

— Подними по тревоге «Аргентум»! — напомнил ему Захаров. — Пусть выяснят!

— Весь «Аргентум» здесь! — Сеченов зло скривился. — КГБ согнало сюда всех... да что же это такое... Все «Узлы» сообщили о начале войны и вторжении противника и больше не выходят на связь... что там творится?!

— Тогда тем более вызови «Аргентум», — подхватил Захаров. — У нас серьёзные проблемы. А экстренный протокол заполнял Кузнецов. Может, это он напорточил?

— Не он. — Сеченов хмуро откинулся в кресле. — Я нашёл причину. Это Петров. И он не один. — Академик выпустил усталый вздох. — Ты прав, Харитон. На этот раз нам вдвоём с этим не справиться.

Сеченов набрал короткую команду, выходя в эфир на частоте «Аргентума».

— «Аргон» на связи, — раздался голос полковника Кузнецова.

— Александр Иванович, срочно явитесь ко мне. Я в комплексе «Челомей», у себя. Соблюдайте конспирацию, у нас чрезвычайная ситуация, я активировал экстренный протокол.

— Буду через полчаса, — ответил Кузнецов. — Если не привлечь внимания, то быстрее не получится.

— Я вас понял. — Сеченов посмотрел на часы. — За это время я подготовлюсь к вашему прибытию.

— Надо избавиться от живого персонала! — посоветовала перчатка. — Дай всем выходные и отправь вниз, развлекаться! Чтобы никого не осталось возле оборудования! И заблокируй всем связь с предприятием!

— Уже занимаюсь этим, — хмуро ответил Сеченов, одну за другой набирая команды.

Когда спустя полчаса полковник Кузнецов вошёл в двери лаборатории, Человек-желе был надёжно спрятан, на его месте стояли безмолвные стальные близняшки, а сложившаяся ситуация прояснилась полностью. Сеченов коротко обрисовал Кузнецову положение дел, указывая то на карту, то на спутниковые снимки, и начал объяснять основные моменты:

— Это дело рук инженера Петрова и нескольких его сообщников.

— Заключённый Петров? — уточнил полковник. — Отбывающий наказание в комплексе «Вавилов»?

— Да, это он. — Сеченов виновато кивнул. — Признаюсь, я не ожидал от него такого. В большей степени потому, что в одиночку устроить подобное ему не под силу. Чтобы осуществить этот замысел, он привлёк к своему заговору нескольких человек, что в его положении невозможно. Я не учел, что кто-то станет ему помогать. Точнее, я не учел, что помогать ему захочет доктор Филатова, которую я считал надёжным доверенным лицом.

— Филатова и Петров любовники? — мгновенно понял Кузнецов. — Почему вы не говорили об этом раньше?

— Я не придавал этому значения. — Сеченов опустил глаза, но понял, что полковник всё ещё ждёт ответа, и вздохнул: — Ну, хорошо, я не хотел, чтобы у Ларисы Андреевны были неприятности из-за личной жизни...

— Зато теперь неприятности у всех, кто оказался внутри периметра «Предприятия 3826», — констатировал Кузнецов. — Одно ваше доверенное лицо стоит больше, чем несколько сот человек?

— Какось. — Сеченов вновь вздохнул. — Но я действительно не ожидал от неё такого... Она всегда была крайне лояльна...

— Видимо, после ареста её лояльность дала трещину. — Полковник иронически поморщился. — Что она сделала?

— Сама — ничего, — ответил Сеченов. — Но она побывала на наших комплексах на Новой Земле, Сахалине и в Раменках. Я нашёл её следы в системе контроля доступа. Там она связалась с коллегами Петрова, с которыми он вёл интенсивное общение незадолго до ареста, и, видимо, убедила их присоединиться к заговору. В конечном итоге к Петрову присоединилось трое: главный инженер комплекса «Раменки-П» товарищ Ромашков, старший инженер комплекса «Новая Земля» Вышегородский и главный инженер Абрамов из комплекса «Сахалин». Вчетвером они ввели в заблуждение систему безопасности «Коллектива 1.0», одновременно послав на все основные «Узлы» наших объектов сообщение о вражеском нападении.

— И это привело к такому вот эффекту? — Полковник указал на карту «Предприятия 3826», изобилующую отметками «Узлов», перешедших в режим блокировки.

— Не совсем. — Сеченов печально нахмурился. — «Коллектив 1.0», одновременно получив от всех своих дежурных инженеров сообщение о начавшейся войне, перешёл в режим самообороны. Но у каждого дежурного инженера в затылок имплантирована микросхема с экстренными кодами на случай войны. Воспользоваться ими в мирное время нельзя, а вот в режиме военного времени «Узлы» сами обратились к операторам за указанием целей, чтобы понять, кто является агрессором. И предатели обозначили в качестве целей весь гражданский персонал «Предприятия 3826», кроме самих себя. После чего посредством заложенных в микросхему кодов военного времени заблокировали «Узлы» для связи извне. Снять блокаду можно только изнутри, с пульта дежурного инженера. Это сделано специально...

— Чтобы исключить возможность взлома или радиогри противника, напавшего на СССР, — закончил за него Кузнецов. — Значит, теперь все роботы будут атаковать всех живых людей, даже если взорвать «Узлы». Потому что им задан боевой алгоритм. Погибнет много людей.

— Жертвы уже есть, — не стал спорить Сеченов. — Но если всё это станет известно за пределами «Предприятия 3826», разразится ещё большая катастрофа! Советские роботы и весь СССР будут дискредитированы, наша страна

рискует оказаться всеобщим врагом, ни о каком «Коллективе 2.0» не будет идти и речи, а ведь запуск данной экосистемы начнёт на планете новую эру! В которой ничто подобное будет уже невозможно! Без полного контроля над «Узлами» «Коллектив 2.0» не запустится, ведь «Узлы» на данный момент являются командными организаторами высшего уровня. А без «Узлов» обороноспособность страны критически нарушена! Враги могут воспользоваться этим и атаковать! Чтобы никто не узнал о случившемся, я активировал ваш экстренный протокол, но это не решит самой проблемы, нам нужно срочно спасти страну и её будущее!

— Если экстренный протокол запущен, значит, все попытки позвонить, радировать или выйти в сеть изнутри комплексов будут заблокированы, а подразделения боевых роботов, охраняющие комплексы, перекроют периметр и не выпустят оттуда никого. — Полковник хмуро потёр пересекающий щеку старый шрам. — А также никого не впустят. Прорваться туда можно только с боем. Нужно поднимать ближайшие армейские киберполки, предстоят тяжёлые бои.

— Это исключено! — возразил Сеченов. — Вы же понимаете, Александр Иванович, что тут начнётся в таком случае! Не говоря уже о том, что правительство сожрёт меня прямо с одеждой! Да и чёрт со мной, не жаль! Но кто же будет устранять последствия всего этого!

— Отдать вас на съедение мы не можем, — согласился Кузнецов. — Вы сделали для всех нас и для нашей страны больше, чем кто бы то ни было. Значит, будем разбираться своими силами.

— Я приготовил для вашего отряда всё, что только воплощено в наших экспериментальных образцах! — воскликнул академик. — Некоторые изделия вы уже тестировали, но есть и уникальные новинки. Они должны помочь вам арестовать предателей! Нужно доставить их сюда и выяснить, что и как они сделали ещё, помимо этого. Прошу вас объяснить всем бойцам, что предателей нужно взять живыми...

— Я пойду один, — прервал его полковник. — С боем туда не прорваться, это гарантированные потери и отсутствие результата. Тут только одна надежда: один хорошо подготовленный и экипированный боец должен попытаться просочиться через периметр с минимальными повреждениями, добраться до предателей и всё исправить.

— Но... — Сеченов опешил, — вы уверены, что у вас получится? Там боевые роботы...

— Не уверен. — Кузнецов криво усмехнулся. — Если не дойду, пойдут остальные. Но всё равно идти придётся по одному, максимально скрытно. Нужно взять дополнительный запас медикаментов... — Полковник задумчиво смотрел на карту.

— Хотя вряд ли поможет...

— Я дам вам индивидуальный полимерный медицинский блок, — заявил Сеченов, — и установлю на «Метеор» реанимационный аппарат! Это должно помочь!

— До реанимационного аппарата ещё надо доползти, — пожал плечами Кузнецов. — Хотя звучит ободряюще... от слова «реанимация». А что за медблок такой?

— Оба этих устройства — это экспериментальные разработки, — объяснил Сеченов. — Реанимационный аппарат работает автоматически, я буду корректировать его функцию дистанционно. А полимерный медблок — это уникальный образец! Второго такого пока нет. К сожалению, времени испытать его ещё не было.

— Вот оно и появилось, — сделал вывод полковник. — Как им пользоваться? Я смогу запустить его, если меня ранят в обе руки?

— Запускать его не придётся, он действует самостоятельно! — заверил его Сеченов. — Это прослойка из нейрополимера, она будет равномерно нанесена на ваше тело перед тем, как вы начнёте экипироваться. В ней девять миллиметров толщины. В случае повреждения тканей или проникающего ранения медблок зальёт рану специальным полимерным составом, который предотвратит кровотечение и предпримет попытку восстановить функцию повреждённых тканей путем создания копии недостающих клеточных структур из своего объёма.

— То есть в эту прослойку вставлены иглы для инъекций? — поднял брови Кузнецов. — Если мне придётся с разбега залечь, я в дуршлаг не превращусь?

— Инъекции будут производиться методом гидравлического прокалывания, — успокоил его академик. — Вы будете ощущать уколы, но металлических игл там нет. Медблок полностью состоит из полимера. После каждой операции его активное вещество будет пополняться внутри реанимацион-

ного аппарата. Настоятельно рекомендую вам не пренебрегать ни тем, ни другим!

— Какое уж пренебрежение, — хмыкнул полковник. — Тут бы выжить. Что с оружием?

— Всё, что есть, роботы грузят в арсенал вашего «Метеора» прямо сейчас, — ответил Сеченов. — В этом плане вам лучше знать, с чем именно работать.

— Хорошо, — кивнул Кузнецов. — Тогда я в арсенал, разбираться. Когда можно будет получить этот индивидуальный медблок?

— Через час роботы установят в вашем «Метеоре» реанимационный аппарат. — Сеченов сверился с часами. — Как только вылетите к цели, лягте в него, и я запущу программу. Медблок будет нанесён на ваше тело за некоторое количество времени... — Академик виновато развёл руками. — Не могу сказать точно, за какое именно. Его ещё ни разу не изготавливали.

— Понятно, — невозмутимо оценил полковник. — Вот заодно и узнаем. Я выйду в эфир, как только закончу подготовку к вылету.

Кузнецов коротко кивнул и покинул лабораторию.

— Против стольких боевых роботов не спасёт даже твой медблок, — негромко произнесла перчатка. — Надеешься на его генетическую аномалию?

— Больше не на что, — хмуро ответил Сеченов. — Всё повисло на волоске.

— Две минуты до цели! — Бортовой компьютер «Метеора» вывел на жидкокристаллический экран вспомогательного монитора схему сближения с заданным объектом и приступил к сбросу скорости.

Полковник Кузнецов ещё раз пробежал глазами тщательно составленную им программу действий, которую надлежит выполнить «Метеору» в самостоятельном режиме, и касанием сенсора отправил её бортовому компьютеру на исполнение. Электроника подтвердила получение задачи, и полковник покинул пилотскую кабину.

В десантном салоне было непривычно пусто. Он сознательно пошёл на задание в одиночку. Нескольких человек

«Узлы» засекут мгновенно, тут бы одному как-нибудь просчитаться... Если же роботы его всё-таки достанут, то запустить на смерть второго, третьего или двадцать третьего бойца бессмысленно. У «Коллектива» уже будет точное представление, как уничтожить представителя «Аргентума», и бойцы погибнут зря. Прежде чем повторять попытку штурма, Сеченову придётся составить иной план, полностью отличный от этого. Если останется время. А со временем как раз тяжело. Шпионы врага не дремлют. Чем быстрее этот инцидент завершится, тем меньше вероятность утечки.

Кузнецов в пятый раз проверил своё снаряжение и вооружение. Лишним не будет. Это задание из разряда тех, с которых возвращаются не все и не всегда. Он взял с собой только самое мощное и наиболее передовое вооружение, несколько образцов и вовсе являются экспериментальными и существуют в единственном экземпляре, как этот самый индивидуальный медблок. Но даже экспериментальное оружие не поможет, если боевые роботы набросятся на него всем своим оперативным составом. Вся надежда на экспериментальную медицину. Тут без ранений не обойдётся, и надо как-то исхитриться свести полученный ущерб к минимуму. Полковник прислушался к тихому шелесту индивидуально-го медблока, едва ощутимо отражающемуся в полимерном расширителе мозга.

Расширитель связался в единую сеть не только с индивидуальным медблоком, но и с полимерным реанимационным аппаратом, поддерживая непрерывный обмен данными. Их взаимосвязь ощущалась где-то на уровне подсознания, словно призрачный отпечаток улетучившегося сна, содержание которого испарилось из памяти в тот миг, когда открываешь глаза. Сам полимерный реанимационный аппарат был установлен тут же, у самого десантного люка, закрывая своей утыканной кучей медицинских манипуляторов громадой почти весь проход. Выходить к десантному люку неудобно, зато в случае, если всё пошло крайне непросто, можно быстро добраться снаружи до пенала операционного стола.

С той же целью на потолке повис «Каракурт», который обнаружит и дотащит раненого, только бы тот сумел выбраться за периметр объекта. То есть пробежать с дыркой в груди всего-то километр-другой. Сущие пустяки, если ты сказочный герой или былинный богатырь. Во всех осталь-

ных случаях у тебя серьёзные проблемы. Кузнецов обошёл блестящую хирургической сталью машину и остановился перед десантным люком.

— Десять секунд до цели! — возник в мозгу радиосигнал бортового компьютера. — Даю обратный отсчёт. Семь! Шесть! Пять!

Створы десантного люка распахнулись, и при счёте «Один!» полковник привычным прыжком покинул борт «Метеора». Внизу развернулся московский урбанистический пейзаж, выделяющийся известными всей стране сталинскими высотками, и Кузнецов приступил к снижению в режиме свободного падения. Чем ниже он подлетал к земной поверхности, тем заметней становился контраст между заполненными суетой столичными улицами и замершими Раменками. Район города-сада, в котором располагался наукоград, не подавал признаков жизни. Лишь внизу, в полукилометре, точно под стремительно пикирующим Кузнецовым, висел «Узел», вокруг которого на боевой скорости нарезала круги эскадрилья «Кречетов».

Итак, план А отменяется. Подобраться к Раменкам с воздуха и десантироваться прямо на обшивку «Узла», чтобы произвести физический взлом и обесточивание, не получится. «Кречет» — кибернетический истребитель, способный переходить на гиперзвук и оснащённый ракетным и рельсовым вооружением, создан для уничтожения вражеской авиации любого назначения и прекрасно справляется со своей задачей даже в бою по формуле «один киберистребитель против трёх пилотируемых истребителей противника». «Кречет», не напрягаясь, разорвёт в клочья любого бойца, будь тот хоть в трёх бронеформах сразу. А тут собралась вся эскадрилья. Что ж, тогда план Б.

Полковник раскрыл управляемый парашют и активировал полимерную маскировку. Не шапка-невидимка, конечно, но спрятаться от роботов можно, если не приближаться слишком близко и не двигаться слишком быстро. В режиме полимерной маскировки бойца окружает нечто вроде полимерной сферы, модулируемой из множества полимерных молекул, выстраивающихся по границам окутавшего тебя волнового излучения. Что-то вроде огненной ауры вокруг горящего фитилька свечи, только не из огня, а из тонкого слоя полимерных молекул. Люди замечают такую маскиров-

ку только вблизи или при ярком прямом освещении, когда полимерная аура начинает поблескивать. Гражданские роботы не видят её вообще, если не громыхать и не ломиться напролом сломя голову.

С боевыми роботами сложнее, многие модели оснащены системами распознавания полимерной маскировки, что делает её малоэффективной на близких дистанциях. Чтобы не быть замеченным, приходится двигаться очень медленно, так что постоянно в режиме маскировки не походишь. Поэтому сейчас самое время разорвать дистанцию, пока не поздно. Кузнецов направил парашют подальше от района нахождения «Узла» и приступил к медленному снижению, для большей плавности выдерживая спиральную траекторию.

Пару раз мимо проносились «Кречеты», но атаки не последовало. Полимерное расширение мозга фиксировало работу их полимеров, значит, «Кречеты» знают, что Кузнецов где-то рядом, потому что тоже фиксируют волновую активность его расширения. Видимо, они принимают его за своего или, как вариант, за гражданского робота, раз не пытаются искать. Впрочем, это ничего не меняет. Одно дело пролетать мимо в режиме незаметности, другое — появиться прямо перед ними и начать взламывать «Узел», который они охраняют. Глупо рисковать нет смысла. Тем более что этот «Узел» надземный, он не управляет роботами подземного комплекса и не является основной целью операции.

Чтобы не утратить элемент внезапности, Кузнецов приземлился среди деревьев в самой удалённой от близлежащих научных корпусов точке парковой зоны. Полимерное расширение мозга не ощущало поблизости наличие боевых роботов, гражданские модели на парашют внимания не обращали, самое время начать выдвижение к главному корпусу раменского НИИ. Полковник спрятал парашют в кустах, приготовил к бою гаусс-автомат и осторожно двинулся через парковую зону к возвышающемуся среди деревьев стеклянному куполу НИИ.

В раменском НИИ ему доводилось бывать не единожды, и окружающая местность была Кузнецову хорошо знакома. Однако сейчас он впервые видел научный город-сад полностью обезлюдившим. Обычно тут кипит жизнь, всюду спешит по делам научный персонал, перемещаются гражданские роботы, доставляющие корреспонденцию и всевоз-

можные посылки, на удобных эргономичных скамьях и в уютных беседках сидят учёные, погруженные в вычисления и всевозможные расчёты. Столичная метеорологическая служба регулярно запускает воздушных роботов разгонять облачность над городом, и многим научным специалистам нравится работать под тёплым летним солнцем, слушая певчих птиц.

Сейчас же вокруг ни души. На улице не видно ни людей, ни роботов, лишь кое-где лежат оброненные в спешке лабораторные халаты, пиджаки и блузки. Брошенных впопыхах рабочих тетрадей, электронных журналов и прочих рабочих принадлежностей нет, значит, здесь, наверху, люди успели покинуть улицы достаточно спокойно. Полковник пересёк парковую зону и замер, сливаясь с древесным стволом. До входа в главный корпус НИИ пятнадцать метров. На вид всё спокойно, внешних разрушений нет, следов насилия нет. И роботов тоже нет. А это уже подозрительно. Ладно, для начала попробуем пройти через центральный вход.

Он осторожно пересёк открытую местность, подошёл к трёхметровым стеклянным дверям и отключил полимерную маскировку. Двери не открылись, хотя должны были распахнуться, зафиксировав появление человека. Раз система заблокировала входы и выходы, значит, сейчас тут появятся охотники на нарушителей режима. Кузнецов активировал маскировку, отошёл от дверей, повесил гаусс-автомат на грудь и влез на стену НИИ, замирая на вертикальной поверхности на высоте трёх метров.

Эх, сейчас бы лапы как у «Каракурта»! Но альпинистские накладки на перчатках и ботинках бронеформы, позволяющие присасываться к вертикальным стенам, ещё слишком сырая технология. «Каракурт» немаленький, и лап у него восемь, а вот площадь соответствующих поверхностей бронеформы очень невелика. Микрокомпрессоры, нагнетающие давление в крохотных присосках, быстро перегреваются, и долго висеть на стене не получится.

Снизу донеслось тихое клацанье стали по тротуарной плитке, и полковник обернулся на звук. С обеих сторон из-за корпуса вышло не менее десятка стальных собакообразных роботов с пулемётами вместо голов. Ещё несколько таких же вынырнули из кустов с той стороны, откуда пришёл Кузнецов. Киберпсы взяли вход в центральный корпус

в кольцо и остановились, не найдя врага. Полковник прислушался к едва ощутимой вибрации полимерного расширения мозга. ПРМ ощущало присутствие киберпсов, значит, и те ощущали его присутствие. Однако «Коллектив 2.0» ещё не запущен, глобального обмена информацией между полимера нет, и роботы не знают, что ощущают человека. Хорошо будет, если они просто уйдут.

Но киберпсы уходить не собирались. Это боевые роботы модели «Полкан-МД», современные, быстрые, хорошо защищённые и вооружённые кибернетические пехотинцы СССР. Их полимерная начинка, сопряжённая с электроникой, имеет высокую степень автономности и давно уже не зависит ни от погодных условий, ни от наличия оператора. Даже если «Узел», осуществляющий общее командование роботами в этом районе, будет уничтожен, «Полканы» продолжат выполнение поставленной задачи. Но без командования они будут выполнять её бесконечно. На это и сделали расчёт предатели во главе с Петровым.

Теперь все роботы подвергшихся диверсии комплексов выполняют одну и ту же задачу: уничтожают врагов СССР, прорвавшихся на территорию их зоны ответственности. Просто врагами СССР предатели назначили абсолютно всех, кроме себя. Все эти роботы не взломаны, не сломаны и не дефектны. Они действуют именно так, как должны: выполняют полученный от человека приказ. Как всегда, в кровавой бойне, в которой гибнут люди, виноваты другие люди, а не компьютеры, атомные бомбы и прочие роботы. Но ему от этого не легче.

Тем временем «Полканы» убедились, что поблизости нет людей и что где-то рядом присутствует сгусток полимера, обнаружить который им не удаётся. Киберпсы приняли решение прочесать окрестности и разделились. Трое «Полканов» остались сторожить вход, остальные разбили окружающую местность на секторы, рассредоточились и принялись ходить вокруг, тщательно приносясь и прислушиваясь к показаниям своих датчиков. ПРМ «Искра», связанный с полимерной начинкой бронеформы, ощутил повышенный разогрев альпинистских систем, и стало ясно, что вертикальную поверхность лучше покинуть. Полковник бесшумно вскарабкался выше, приблизился к ближайшему окну и протянул к нему левую ладонь. Телекинетический

блок спецперчатки нанёс удар, вышибая стекло, и Кузнецов запрыгнул внутрь.

Блок «ТелеК», являющийся аппаратом телекинетического воздействия, появился в спецперчатке меньше года назад. Вещь оказалась очень полезная, позволяла передвигать тяжёлые предметы и замедлять тяжёлые механизмы, однако энергии жрала лютую прорву и потому была крайне неэкономична. При этом ещё и дестабилизировала полимеры на короткий срок, включая и свой собственный, из-за чего «ТелеК» после каждого применения нуждался в определённом промежутке времени для стабилизации. Чем сильнее был телекинетический удар, тем дольше время последующей стабилизации. Словом, тоже сырая технология... Полковник философски пожал плечами. Для этого «Аргентум» и создан: испытывать сырые технологии. Не хочешь погибнуть во время таких испытаний — учись соображать быстро.

Соображать быстро Кузнецов за десятилетия службы научился очень хорошо и потому, оказавшись внутри здания, бросился бегом. «Полканы» засекли разбитое окно, в этом можно не сомневаться. Значит, сейчас они попытаются открыть двери или связаться с роботами, находящимися здесь, внутри здания. К моменту прибытия сюда новых сил противника стоит находиться отсюда подальше. Полковник быстро пересек безлюдное помещение, судя по всему являющееся лабораторной оранжереей, активировал полимерную маскировку и взялся за ручку входной двери. Дверь, как ожидалось, оказалась заперта. Пришлось заморозить замок «Стужей» и разбить ударом «ТелеКа». Кузнецов выскользнул за дверь и замер.

Широкий коридор НИИ был залит кровью и усеян трупами сотрудников. Мёртвые тела лежали всюду, многие из них умерли не сразу, и на забрызганных кровью стенах виднелись смазанные отпечатки ладоней, оставшиеся от тех, кто перед смертью пытался ползти и упирался в стену. Судя по характеру повреждений, «Полканы» внутрь здания не заходили, персонал был убит гражданскими роботами в рукопашном бою. Значит, предатель Ромашков дождался, когда услышавшие сигнал тревоги сотрудники укроются в корпусах, как того требует инструкция, и только после этого отдал «Узлу» приказ уничтожать всех. Стало быть, предате-

ли сознательно стремились погубить как можно больше людей, чтобы последующий общественный резонанс был максимальным.

Лифт в подземную часть комплекса «Раменки» находился на минус первом этаже центрального корпуса, и Кузнецов поспешил в нужную сторону, аккуратно обходя трупы. Он успел добраться до лифтовых площадок, когда в центральный коридор сразу из всех дверей хлынули роботы. Всего их оказалось два десятка, кибернетические лаборанты и ассистенты, человекообразные модели стандартных типов. Заметить окружённого полимерной маскировкой бойца они не могли, и полковник не стал тратить время на возню с не представляющим угрозы противником. Лифтовые кабины оказались обесточены, и Кузнецов осторожно проскользнул к выходу на лестницу.

Пройти по лестнице без боя оказалось невозможно. Предатель понимал, что люди, так или иначе, попытаются воспользоваться лестницами, и принял меры. Лестничные пролёты были забросаны всевозможной мебелью от ступеней до потолка, сразу за этими баррикадами замерли роботы, их возводившие, внимательно наблюдающие за дверьми. Чтобы пройти через них, придётся открыть огонь. Это вызовет шум и спровоцирует прибытие в данную точку всех ближайших роботов. Нужен другой путь, и он есть. Полковник вернулся к лифтам, аккуратно взломал двери одной из лифтовых шахт и посмотрел внутрь.

Лифтовая кабина в настоящий момент находилась где-то вверху, что облегчало задачу. Кузнецов активировал альпинистский режим и полез вниз по отвесной стене лифтовой шахты. Миновав десять метров, он достиг минус первого этажа и вновь взломал лифтовые двери. Раньше для этого требовалась какое-нибудь подручное средство вроде монтировки, фомки или чего угодно более-менее аналогичного. Такое на каждом углу не валяется, и на сложные боевые операции приходилось носить с собой что-нибудь этакое. С появлением «ТелеКа» жизнь стала легче: телекинетическое давление двигало двери лифтовых шахт запросто. Их запорные механизмы, правда, ломались, но тут уж ничего не поделаешь.

На минус первом этаже трупов не оказалось: видимо, все, кто бросился на первый этаж, погибли там. Можно толь-

ко представить, что творится в подземной части комплекса... Полковник поспешил дальше, пробираясь по просторным коридорам в противоположную часть здания, где располагался центральный выход в «Раменки-П». Чем ближе становился вход, тем больше на полу валялось всевозможных принадлежностей, оброненных научным персоналом: рабочие тетради, устройства связи, карандаши, распечатки документов, летняя верхняя одежда. Паника застала сотрудников где-то здесь, люди бросили всё и ринулись бежать, и произошло это одновременно везде.

Добравшись до выхода, полковник увидел тех, по чьим следам шёл. Изящно отделанный в духе советского научного модернизма парадный выход был распахнут настежь. Его стеклянные пятиметровые двери аналогичной ширины валялись на земле, превратившись в искорёженные скомканные груды полностью истрескавшегося многослойного стекла, густо испещрённого сотнями пулевых пробоин. Широкого мраморного крыльца, примыкающего к выходу, не было видно под горами окровавленных тел, образовавших жуткий ковёр из трупов, полностью застилающий площадь перед крыльцом. Прямо по трупам мерными шагами перемещалась пара «Полканов», находящаяся в режиме патрулирования. Поодаль, по периметру площади, выстроилось ещё восемь киберпсов.

Итого десять, полное пехотное отделение. Значит, где-то поблизости ещё два таких же: «Полканы», как положено пехоте, работают в составе взводов. Других боевых роботов в подземном комплексе нет, «Раменки-П» стережет кибербатальон охраны, это триста киберпехотинцев типа «Полкан-МД». Для того чтобы, согласно экстренному протоколу, наглухо перекрыть периметр, этого количества более чем достаточно. Если устроить открытый бой, они соберутся здесь все за минуту. Нужно прорваться мимо них быстро, вглубь комплекса «Полканы» за ним не пойдут, сейчас они следуют приказу Сеченова, активировавшего экстренный протокол, и не бросят периметр. Главное — успеть уйти отсюда прежде, чем их станет слишком много.

Медленно подкравшись к выходу, Кузнецов осмотрелся. Пока «Полканы» его не видят, но пройти мимо незамеченным не получится, расстояние между ними слишком мало, его засекут. Киберпсы специально заняли позиции именно

на такой дистанции. Он сам задавал этот параметр, когда настраивал для Сеченова чрезвычайные протоколы, и сам занёс в инструкции именно эту дистанцию, чтобы исключить проникновение между часовыми шпиона, укрытого полимерной защитой. У врагов такой технологии нет, а вот у предателя теоретически может оказаться. Лучше принять меры заранее, чем потом жалеть. Вот он их и принял...

Сейчас бы запустить «Глаз», чтобы понять, как далеко отсюда находится остальной кибервзвод, но нельзя. «Полканы» засекут «Глаз» на взлёте и собьют. И цели не достигнешь, и дрона потеряешь. Кузнецов скользнул на улицу и покрался вдоль стены к углу здания. Идти приходилось прямо по трупам и стоило следить, чтобы под тяжестью тела бойца мертвецы не сдвигались с места. Не доходя до угла десятка шагов, полковник остановился. Ближе нельзя, «Полкан» сидит у самого обреза стены, ещё метр — и его датчики засекут присутствие неизвестного полимера. Кузнецов воспроизвёл в памяти план подземного комплекса.

Ему нужно пройти километр, управляющий центр находится в административном корпусе, предатель Ромашков засел именно там, находится в другом месте ему нет смысла. Подземные «Раменки» отлично освещены, здесь созданы самые комфортные условия для научной работы, просторные улицы, фонтаны, изящные трамвайчики, клумбы с цветами под искусственным освещением, широкие научные корпуса с высокими потолками и климатическим контролем воздуха. Тут всегда светло как днём благодаря мощным ламповым панелям, укреплённым на потолочных сводах подземного города. Рассчитывать укрыться в тёмном переулке бесполезно, здесь нет тёмных переулков. Остаётся только один вариант действий: ловкость, помноженная на скорость.

Полковник извлёк светозвуковую гранату и с силой запустил её за спины киберпсов. Ближайшая пара «Полканов» мгновенно взяла на прицел летящий объект, и их пулемёты начали сопровождение цели. Граната взорвалась с оглушительным грохотом и ослепительной вспышкой, но это не возымело никакого эффекта. Кибербойцам не страшны подобные воздействия, как не страшны они бойцу «Аргентума», облачённому в шлем бронеформы. Взрыв был нужен для отвлечения внимания, и Кузнецов, не теряя времени, выхватил полимерную гранату и метнул её в ближайшего «Полкана».

Расчёт оправдался. Киберпес уклонился бы, но его датчики занимались другим объектом, и он пропустил атаку. Полимерная граната с тихим чавканьем разбилась о его стальной скелет, растеклась по металлу и нанесла волновой удар. Электроника утратила связь с полимерной начинкой боевого робота, и «Полкан» замер. Кузнецов аккуратно прошёл мимо, стараясь не перейти на бег раньше времени. Он успел свернуть за угол, когда остальные киберпехотинцы почувствовали выпадение из общей сети одной из боевых единиц и бросились к месту происшествия.

Противник приближался слишком быстро, и Кузнецов перешёл на бег, закладывая стометровку со скоростью заправского спринтера. Полимерная маскировка распалась, и «Искра» ощутила приближение новых целей со всех сторон. Значит, остальной взвод образовывал второе кольцо оцепления вокруг первого и теперь стягивается сюда. Кузнецов на бегу выхватил вторую полимерную гранату и с силой метнул её в ближайший переулок. Через секунду из него выскочила пара «Полканов», и оба синхронным движением рванулись в разные стороны, увидев прямо перед собой летящую гранату. Полковник отдал нейроприказ, и «Искра» отправила гранате команду на подрыв. Полимерный шарик лопнул, словно взорвавшаяся капля, и прозрачное желе забрызгало летящих в прыжке «Полканов».

Киберсобаки приземлились на лапы и остановились, неуверенно переминаясь. Полковник промчался мимо них и тут же перешёл в низкий кувырок, пропуская над собой пулемётную очередь. Прямо, в конце переулка, навстречу ему бежала ещё одна пара киберпехотинцев. Кузнецов вышел из кувырка, расстилаясь по тротуарной плитке плашмя и одновременно изготавливаясь к стрельбе из положения лёжа. Гаусс-автомат дал длинную очередь, и поток двухмиллиметровых стальных пуль, выстреливаемых со скоростью полторы тысячи метров в секунду при скорострельности шестьсот выстрелов в минуту, ударил в ближайшего киберпса. Противник среагировал мгновенно, совершая высокий прыжок на вертикальную стену, чтобы оттолкнуться от неё и обрушиться на врага.

Но опередить столь высокую скорость полёта пули киберпехотинец не смог, и очередь отрезала ему переднюю лапу прямо в полёте. Толчок одной лапой нарушил траекто-

рию полёта, и «Полкана» закрутило в воздухе. Кузнецов резким перекатом сменил позицию и дал вторую очередь, стремясь добить противника. Место, где он лежал мгновение назад, вспорол пулями, мгновенно превратившими тротуарную плитку в клубящееся крошево, и в следующую секунду полковник перечеркнул очередью круп киберпса. Поток пуль разрезал блок топливной ячейки, она коротко полыхнула густым снопом искр, и «Полкан» рухнул. Кузнецов, не прекращая переката, рванулся в другую сторону, но не успел.

Второй киберпехотинец был уже слишком близко. Его пулемёты, ведущие непрерывный огонь, дёрнулись, сопровождая цель, и полковник почувствовал, как тройка тупых ударов один за другим вбивает его в землю. Мчащийся на него «Полкан» совершил прыжок, выпуская отточенные клинки когтей для рукопашного удара, и вонзился в Кузнецова словно копьё. Чешуя бронеформы отразила ножевой удар, и «Полкана» кувыркнуло через голову, швыряя через полковника. Киберпехотинец с металлическим лязгом извернулся в полёте, приземляясь точно на лапы, словно кошка, и в этот же миг блок его топливной ячейки пробил пистолетными пулями. «Полкан» заискрил и рухнул.

Лежащий на спине Кузнецов опустил пистолет. Он как чувствовал, что после попадания в левую лопатку левая рука откажет и направлять автомат будет нечем. Даже проверять не стал, сразу разжал кисти, роняя гаусс-автомат, и выхватил пистолет. Старый добрый ТТ, спецверсия для офицеров НКВД и СМЕРШ, двенадцатизарядный, из высококачественной стали. Теперь на вооружении в СССР стоит ПМ, ТТ снят с производства, но специально для «Аргентума» спецверсия была модернизирована и изготавливается поштучно в экспериментальном КБ комплекса «Нептун». Этот ТТ стал на порядок смертоносней, превосходное оружие последнего шанса, что только что было доказано в двадцать девятый раз.

Правой рукой Кузнецов нащупал в подсумке полимерную гранату и попытался встать. Левая рука не работала, но боли не было. Левая половина тела от пояса до шеи ощущалась словно замороженная деревяшка, и «Искра» вибрировала чуть сильнее обычного, вторя вибрациям индивидуального медблока. Медблок залил пробойны полимерным коагулянтном и чем-то ещё, Кузнецов чувствовал, как это

нечто, тоже полимерное, впитывается в разорванные мышцы, и это действие отдаётся в голове неясным гулом, сбивающим резкость зрения. Пришлось открыть лицевой щиток шлема и потерять глаза. Резкость вернулась, и полковник поднялся на ноги.

На залитой кровью битой тротуарной плитке обнаружились три помятые пулемётные пули. Выходит, индивидуальный медблок вытолкнул их из тела наружу... Сеченов, конечно, волшебник, тут ни у кого сомнений нет, но на этот раз он, Кузнецов, воистину удивлён. Кто бы мог подумать, что медблок способен извлекать пули без хирургических инструментов... Доктор Айболит нервно курит в сторонке. Кстати, хорошая мысль. Пусть будет «Айболит». «Индивидуальный полимерный медблок» — это слишком долго.

Других противников до сих пор не появилось, и Кузнецов, неуклюже подобрав автомат, повесил его на грудь. Полковник отстегнул от пояса «Глаз» и подбросил в воздух. Ощувив полёт, дрон перешёл в рабочий режим и взмыл вверх, быстро покидая переулок. Спустя полминуты «Искра» приняла сигнал и сформировала изображение на полимерной сетчатке глаза полковника. Вскоре картина стала ясна.

Остальной кибервзвод прошёл мимо. Их полимеры почувствовали «Искру» и приняли полковника за робота. Предатели не в курсе, что у «Аргентума» есть нейрополимерная «Искра» последнего поколения, эта технология была секретной всегда, даже о первой её версии почти никто не знал. П-Вакцинация действует иначе, это свежая и надёжная технология, у неё меньше возможностей, зато нет недостатков и побочных эффектов. Предатели отправили роботов убивать людей, убивать роботов приказа не было, так что охотиться за своим собратом кибербойцы не будут. Они сосредоточатся на охране периметра, как того требует инструкция. Значит, шансы выполнить задание ещё есть.

Направив «Глаз» разведывать дальнейший маршрут, Кузнецов активировал полимерную маскировку и двинулся вперёд. До административного корпуса он добрался через полчаса небыстрой ходьбы. Киберпехоты в центре подземного комплекса не было, но все улицы были заполнены гражданскими роботами с окровавленными конечностями и телами убитых сотрудников. Видеть забрызганных кровью киберассистентов и киберсадовников было непривычно,

и полковник подумал, что, будь сейчас «Коллектив 2.0» запущен, случиться такому было бы невозможно. Любой человек был бы для любого робота приоритетным начальником.

Вокруг административного корпуса трупов и окровавленных роботов оказалось ещё больше. Видимо, люди пытались добраться до ручного управления и отключить взбесившиеся машины, но предатель заранее к этому подготовился. Скрытый маскировкой Кузнецов обошёл всех роботов, спокойно добрался до центрального инженерного поста, вышиб кинетиком дверь и одну за другой бросил туда две полимерных гранаты. В дверной проём ударили пулёмные очереди, послышался лязг стальных лап, чавканье лопающегося полимера, и всё стихло. Полковник с пистолетом в руке вошёл в двери и сдвоенным выстрелом в топливную ячейку уничтожил киберлаборанта, рванувшегося к нему из дальнего угла.

Остальные роботы безвольно застыли на месте, и Кузнецов аккуратно обошёл пару «Полканов», замерших перед дверьми. Он сам велел Сеченову оставить здесь двоих пехотинцев в случае активации чрезвычайного протокола. Так что вопроса, куда именно кидать гранаты, не возникало. Надо будет переделать протокол: расставить их иначе и запретить «Полканам» идти врукопашную против бойцов в бронеформе. Полковник подошёл к центральному пульту управления и с безразличным взглядом прицелился в лоб спрятавшемуся под ним сотруднику в инженерном комбинезоне.

— Я сдаюсь! Сдаюсь! — панически залепетал Ромашков. Он задрал руки и вылез из-под рабочего места. — Не стреляйте! У меня маленький ребёнок и беременная жена!

— А ещё у тебя микросхема с кодами доступа к местному узловому центру киберконтроля имплантирована в затылок, — перебил его Кузнецов.

— Да-да, я всё отключу! — торопливо заверил его Ромашков. — Немедленно отключу! Я не виноват! Меня заставили! Хочу написать явку с повинной! Всё расскажу, товарищ офицер! Это Петров! Бывший главный инженер «Коллектива»! Это его идея! Он обманом вовлёк меня во всё это! Я не виноват! У меня дети! Я всё отключу...

Кузнецов выстрелил ему в лоб, и затылок Ромашкова разлетелся в кровавые брызги.

— Я сам всё отключу. — Полковник проводил равнодушным взглядом падающий труп. — У людей, что лежат сейчас на улицах, тоже есть дети. И я уверен, что их дети лучше твоих. От такой падали ничего хорошего не уродится.

Полковник подошёл к центральному пульту, нашёл взглядом нужную сенсорную панель, отключил экстренный протокол и набрал команду приоритетной перезагрузки центра киберконтроля. С десятков секунд электроника размышляла о смысле жизни, после чего оповещающие о чрезвычайном режиме индикаторы погасли, и «Искра» приняла радиосигнал из «Челомея»:

— Александр Иванович! — голос Сеченова очистился от помех и зазвучал, словно учёный находился рядом. — То есть, простите, «Аргон»! Это «Волшебник»! Контроль над комплексом «Раменки» восстановлен! Вы воистину молодец, я очень переживал...

— Тут повсюду трупы, — устало прервал его Кузнецов. — Система здравоохранения сотрудников не видит ни одного живого человека.

— А где Ромашков? — насторожился Сеченов.

— Вот он. — Полковник повернул голову в сторону трупа, и полимерная роговица передала Сеченову изображение.

— Но... — опытный нейрохирург с одного взгляда определил причину смерти, — вы же его убили... я же просил...

— Он сам умер, — невозмутимо возразил Кузнецов. — Голова не выдержала пыток совести и взорвалась. Такое бывает.

— Понимаю... — Сеченов подключился к камерам «Раменок». — Сейчас я займусь... — он осёкся, — наведением порядка...

Учёный получил новые данные и взволнованно встрепенулся:

— Я вижу у вас множественные ранения! Немедленно вернитесь на «Метеор» и ложитесь в реанимационный аппарат! Скорее поднимайтесь на поверхность! Я пришлю за вами «Шмеля»!

— Через пятнадцать минут я буду лежать перед входом в главный корпус НИИ, — Кузнецов саркастически усмехнулся, — высылайте «Шмеля» туда.

Полковник убрал пистолет в тактическую кобуру и покинул заляпанный кровью центральный инженерный пост.

Пребывающее в лишённом снов медицинском забытье сознание пробудилось, и Кузнецов почувствовал, как обволакивающее его полимерное желе начало оттекать куда-то прочь. Металлическая крышка пенала хирургического стола распахнулась, сквозь веки пробился неяркий свет, и полковник открыл глаза. Он лежал в раскрытом реанимационном аппарате внутри «Метеора», и лишённое одежды тело поблескивало нанесённым на кожу полимерным слоем «Айболита». Прямо над полковником, на потолке, сидел «Каракурт», внимательно разглядывая своего командира.

— Изыди, металлический извращенец! — буркнул Кузнецов. — Нечего таращиться!

«Каракурт» не понял, в чём допустил ошибку, но на всякий случай сместился левее. Полковник поднялся на ноги и поискал взглядом свою форму. Она обнаружилась в передней паре лап «Каракурта». Похоже, именно он и занимался её ремонтом: обмундирование «Аргентума» было выстирано, пробитая пулями гимнастёрка зашита. Не особо качественно, но пойдёт, учитывая полевые условия. «Каракурт» — это ПВО-робот, а не швея-мотористка. «Каракурты» отряда «Аргентум» обладали рядом дополнительных функций, разработанных академиком Челомеем по спецзаказу Кузнецова, но запихнуть в одного робота всё и вся не только невозможно, но и лишено смысла.

Прежде чем надеть гимнастёрку, Кузнецов подключился к камерам «Каракурта» и посмотрел на свою спину глазами робота. Три пулевых отверстия были заполнены полимером, прямо сквозь который проглядывали тонкие ниточки кровеносных сосудов. В памяти всплыл образ искалеченного обезображенного П-3, сидящего на медицинской кресельной каталке. Что-то очень похожее, только в случае Кузнецова заживление происходит гораздо быстрее. Видимо, Сеченов с тех пор существенно отшлифовал эту экспериментальную технологию.

Полковник подвигал рукой. Рука двигалась и слушалась идеально, хотя характер пробоин не вызывал сомнений, что лопатка должна была расколоться. Третье, самое нижнее попадание, и вовсе пришлось в область сердца. Но, видимо, повезло. Само сердце не пострадало, с остальным полимер-

ная медицина Сеченова сумела справиться. Никаких дискомфортных ощущений, только «Искра» в голове стала ощущаться чуть сильнее. Хотя, может, это просто так кажется из-за давящей на уши тишины.

Ах да, тишина... Значит, «Метеор» стоит на месте. Где он находится? Кузнецов надел гимнастерку и направился к пилотской кабине. В десантном отсеке с пустыми креслами по-прежнему работала геодезическая сетка иллюминаторов, но на этот раз на ней не было никаких отметок, за исключением периметра горной гряды, находящейся неподалеку. Полковник на ходу взглянул в ближайший иллюминатор. Всё ясно. Это не горы, это берег, а кругом вода. «Метеор» приводнился недалеко от побережья и дрейфует, но сейчас за бортом полный штиль, и самолёт практически не двигается. Кузнецов вошёл в пилотскую кабину и произнёс:

— Полковник Кузнецов, отряд «Аргентум». Абсолютный доступ.

— Идентификацию персональной «Искры» подтверждаю, — откликнулся бортовой компьютер. — Доступ открыт. Вас ожидает срочное сообщение. Воспроизвести?

— Да, — коротко ответил полковник.

Экран бортовой системы связи вспыхнул голографической проекцией, и голограмма образовала изображение академика Сеченова:

— Александр Иванович! Наша ситуация усугубляется! На основной территории «Предприятия 3826» в Казахстане остаётся всё меньше не затронутых войной районов! Вскоре там не останется мест, где люди будут в безопасности! Я пытаюсь манипулировать подразделениями Управления «Ш», находящимися внутри периметра, но это ненадолго! В захваченных роботами районах персонал пытается сопротивляться, срочно создавая оружие, которое можно быстро изготовить из подручных средств, но это лишь увеличивает количество жертв! Тем временем из правительства мне задают вопросы, почему я до сих пор не присоединился к симпозиуму. Объяснять своё отсутствие становится всё сложнее. Молотов начинает что-то подозревать. Прошу вас ускорить операцию насколько это возможно.

Голограмма погасла, и Кузнецов перевёл взгляд на радарную сетку, наложенную на карту местности. «Метеор» дрейфует в двух километрах от побережья Новой Земли,

точно на границе закрытой зоны. Отсюда и до самого побережья простирается зона ответственности кибернетического дивизиона охраны, закрывающего периметр комплекса «Новая Земля». Водный рубеж охраняет подводный батальон, укомплектованный «Пираньями» и «Касатками». «Касатка» — это подводная сверхскоростная торпеда, остроносый обтекаемый кибернетический аппарат с винтообразными крыльями, способный самостоятельно вести поиск, обнаружение и уничтожение крупных надводных и подводных целей. При необходимости «Касатка» может доставить к побережью противника ядерный заряд. Местные «Касатки» либо ведут патрулирование на значительных расстояниях отсюда, либо находятся в ангарах подводных укреплений, развёрнутых на подступах к Новой Земле. Сражаться с ними Кузнецову не придётся, для них он слишком малая цель. Если не сумеешь добраться до берега быстро, то его противниками станут «Пираньи». Для пловцов, подводных лодок и надводных судов малого и среднего водоизмещения «Пиранья» представляет угрозу ещё большую, нежели «Касатка».

Во-первых, потому, что «Пиранья» в воде очень подвижна и манёвренна, превосходя по этим качествам большинство морских обитателей. Это совсем небольшой робот, размером с ту самую пиранью. Вооружение «Пираньи» невелико: соvmещённые с буром гидравлические ножницы, контактный разрядник типа «Шок» и набор игл для компактной гарпунной установки, имеющей возможность вести огонь как под водой, так и из-под воды на сушу.

А во-вторых, потому, что «Пираньи» всегда действуют в составе взвода. То есть на тебя в самом лучшем случае нападёт стая из тридцати «Пираний». Или из ста, если нарвёшься на подводную роту. Взвод «Пираний» проделывает дыру диаметром в три метра в жёстком корпусе подводной лодки за минуту. Победить их одинокому пловцу невозможно, бить ЭМИ или гранатами бесполезно: начинка у «Пираний» полимерная, ЭМИ ей до лампочки, а к взрывам в водной толще «Пиранья» малочувствительна, потому что имеет высокую гибкость и изменяемую геометрию тела. Что позволяет ей успешно демпфировать перепады давления водных масс.

Единственный недостаток «Пираний» — это их невысокий радиус действия. Так как «Пираньи» почти лишены

электроники, все их действия координируются полимерами, и эффективный радиус «Пираний» ограничен зоной покрытия «Грифа». Как правило, «Гриф», управляющий «Пираниями», размещён внутри «Касатки» или подводной лодки, на которой данный подводный взвод базируется. Прибрежная же охрана завязана на боевой «Узел», висящий над побережьем. Так что в случае чего от «Пираний» можно уплыть. Если успеешь.

Когда «Коллектив 2.0» охватит всю планету, дальность действия «Пираний» станет неограниченной. Но скрываться от них, как и от «Касаток», «Полканов» и прочих киберсолдат, больше не придётся. Потому что все люди объединятся в единый «Коллектив», и войны перестанут существовать в принципе. Произойдёт это уже через несколько дней, но прямо сейчас придётся очень сильно постараться, чтобы добраться до побережья живым. Обнадеживает лишь то, что алгоритмы действия по экстренному протоколу Кузнецов прописывал сам, и потому есть возможность предугадать поведение бойцов кибернетического дивизиона охраны.

На эту операцию необходимо взять оружие посерьёзней всего лишь гаусс-автомата и десятка полимерных гранат. Полковник задал бортовому компьютеру последовательность действий по подготовке к высадке, покинул пилотскую кабину и перешёл в арсенальный отсек. Он обвёл взглядом электронные шкафы с оружием и снаряжением и несколько секунд задумчиво смотрел на запасной комплект бронеформы. В силу своих особенностей бронеформа изготавливается индивидуально для каждого бойца, это персональное снаряжение. Как следствие, запасной комплект бронеформы Кузнецова на борту «Метеора» всего один...

Нет, пожалуй, этот комплект надевать не стоит. Он пригодится для следующей операции. Там, на объекте «Сахалин», ему пригодится вообще всё, что только может поднять шансы выжить хоть чуть-чуть. Здесь же можно рискнуть высадиться в битой бронеформе. Там пробойны сзади, передняя поверхность сохранила стопроцентную защиту. Осталось подобрать вооружение, оборудование и специальные медикаменты, которые понадобятся сразу и в большом количестве.

Потому что объект «Новая Земля» — это ядерный полигон. Именно здесь испытывали прогретые на весь мир

советские спутники с водородными бомбами на борту. Пока весь империалистический мир изощрялся в попытках наводнить своими шпионами ядерный полигон и его научный городок под Семипалатинском, основные исследования проводились тут, в обстановке строжайшей секретности. Когда на Новой Земле загремели первые испытательные взрывы, враги спохватились, но было уже поздно.

С тех пор тут высокие уровни радиации, и чем ближе к эпицентрам взрывов, тем излучение сильнее. Полигон обслуживается гражданскими роботами специальных модификаций, имеющими повышенную устойчивость к радиации, и проблем с ними возникнуть не должно. Основная задача всё та же: пробиться через охрану периметра и добраться до центрального инженерного поста, где засел предатель Вышегородский. Вот только центральный инженерный пост находится в области высокого радиоактивного излучения, и добраться дотуда нужно очень быстро.

Закончив снаряжаться, Кузнецов вернулся к десантному люку и вышел в эфир:

— Бортовому компьютеру доложить о готовности!

— Имитаторы боевых пловцов развёрнуты, — сообщил голос Виолетты Терешковой. — Они ожидают вас за бортом. Открыть десантный люк?

— Открывай.

Люковые створы распахнулись, полковник убедился, что герметичный рюкзак с оружием надёжно держится на спине, и подхватил короткий раструб водомётного двигателя. Он коротко разбежался и нырнул ногами вниз, разбрызгивая тёмную водную гладь. Тяжёлое снаряжение потянуло бойца вниз, и полимерные мозги бронеформы, ощутив давление воды, подали сигнал ударопоглощающей подкладке. Биовещество подкладки уже зарастило пробоины на спине, чего не скажешь о пробитых стальных чешуйках, и оставалось надеяться, что подкладка надёжно закупорила пробоины. Течь была бы сейчас вообще ни к месту. Мало того что тут вода ледяная, даром что лето, так ещё и на дно утянет...

К вящей радости Кузнецова, изобретение академика Вавилова не подвело. Подкладка заткнула пулевые отверстия в чешуйках целиком и в данный момент, повинуясь приказу системы управления, начала внутри себя процесс не то фотосинтеза, не то иной биологической реакции, результатом

которой явилось вырабатывание кислорода. Бронеформа едва заметно раздулась, обретая нулевую плавучесть, и Кузнецов ощутил знакомую бодрость кислородного насыщения организма.

Это хорошо, так рывок к берегу пройдёт легче. Обычного человека такое воздухоснабжение может привести к кислородному отравлению, но к бойцу «Аргентума» это не относится. «Искра» поглощает излишки кислорода, поступающие в мозг, и что-то там делает с кровью. В смысле, даёт мозгу какой-то бионический сигнал, и уже он делает с кровью что-то, препятствующее отравлению. Полковник замер, зависая посреди водной толщи на глубине пяти метров, и прислушался. «Искра» не ощущала поблизости боевых роботов. Лишь оба аргентумовских «Каракурта» взобрлись на фюзеляж «Метеора», и тот захлопнул десантный люк. Можно начинать. Кузнецов подал в эфир кодовый сигнал, и его окружила стайка из десяти имитаторов. Эти небольшие подводные дроны изготавливались на базе «Пираньи», но не имели вооружения. Вместо боевой начинки они несли в себе иную аппаратуру: их задачей является отвлечение внимания вражеских бойцов под водой. Создать копию человека на суше слишком сложно, проще включить полимерную маскировку. Зато под водой боец не столь подвижен и всегда закрыт снаряжением, поэтому симитировать его легче. И это тем более ценно, потому что скорости под водой меньше, и тут уже так запросто не побегаешь.

Получив задачу, первый из имитаторов выпустил полимерный пузырь, ловко трансформируя его в фигуру бойца в лёгком водолазном снаряжении. Остальные имитаторы прижались к Кузнецову ещё ближе, полковник нацепил на ноги водомётный двигатель и нажал ступнёй на педаль управления. Водомёт выбросил невидимую струю, приобретая реактивное ускорение, и Кузнецов помчался к берегу, задавая направление движения положением тела.

«Пираньи» появились спустя десять секунд. Стая стальных рыбообразных силуэтов быстро приближалась со стороны берега, и полковник отдал в эфире короткую кодированную команду, одновременно отключая водомёт и активируя полимерную маскировку. Полимерная маскировка под водой работает даже лучше, чем на воздухе, потому что её свойства положительно сочетаются со свойствами

ми водной толщи, вот только сорвать её с себя в воде гораздо проще. Слишком сильное ускорение — и водная масса разрушит тонкую полимерную ауру. Двигаться в режиме маскировки на водомётном двигателе невозможно, скорость чрезмерно велика, аура не держится.

Замерев посреди водной толщи, Кузнецов проводил взглядом имитатор, уплывающий от него по нисходящей траектории. Полимерный обманщик продолжит движение над самым дном, это позволит Кузнецову наблюдать за происходящим сверху, а заодно уведёт «Пираний» от человека на какое-то расстояние. Лишний метр — лишний шанс выжить. «Пираньи» промчались мимо полковника в десятке метров, и он осторожно развернулся в их сторону. Десять метров для подводной маскировки — это нормальная дистанция. Необходимо заранее рассчитывать такой запас при запуске имитатора.

Тем временем стая подводных киберсолдат настигла имитатор и атаковала фигуру аквалангиста, пронзая её насквозь. Псевдоаквалангисту, понятное дело, хуже не стало, и имитатор перешёл на максимальную скорость, уводя преследователей как можно дальше от Кузнецова. Очень скоро «Пираньи» разрушат сам имитатор, и действовать необходимо сейчас. Полковник включил водомётный двигатель на максимум и помчался к берегу, теряя маскировку.

Он успел преодолеть двести метров, и «Искра» ощутила приближение множественных носителей полимеров. Второй взвод «Пираний» двигался ему в лоб со стороны побережья, и полковник повторил свой манёвр: остановка и маскировка с одновременным запуском имитатора. Имитатор успешно увёл охотников за собой, и Кузнецов вновь помчался к берегу. На протяжении последующих полутора километров стаи «Пираний» перехватывали его ещё четырежды, но тактика всякий раз срабатывала без осечек. До берега оставалось всего триста метров, когда выяснилось, что все шесть стай «Пираний» мчатся за ним широким фронтом, охватывая с флангов, а в его распоряжении остался всего один имитатор.

На этот раз отвлекающий манёвр не сработал. За имитатором ушёл лишь один взвод из шести, остальные продолжили сближение, и Кузнецов запустил водомётный двигатель на максимальную мощность. Из воды он выбежал,

когда преследующим «Пираньям» до его спины оставалось сантиметров двадцать. Иглы гарпунов били в бронеформу сплошным потоком, отскакивая от чешуек брони, и полковник работал ногами изо всех сил. Кибернетические подводные солдаты поняли это и слаженным манёвром атаковали ноги выбегающего на берег человека.

Сразу три «Пираньи», выпрыгнув из воды в паре метров от линии прибоя, метким броском достигли цели и вгрызлись в правую голень Кузнецова. Икроножную мышцу пронзила острая боль, и он упал на камни, перекатываясь подальше от воды в попытке сбить с себя «Пираний». «Пираньи» не сбивались, их тела меняли геометрию, сопротивляясь ударам о гальку, и продолжали пробуриваться через бронеформу и мышцу к кости. Рыча от боли, полковник сорвал с себя рюкзак и едва ли не выдрал из него пистолет. Броневойно-полимерные пули пробили «Пираний» одну за другой, превращая их топливные элементы в искрящиеся бенгальские огоньки, и «Искра» ощутила уничтожение противника.

Три стальных рыбьих тушки, вгрызшиеся в ногу, торчали из раны, хлещущей кровью, и Кузнецов попытался вырвать хотя бы одну. В глазах помутилось, и он почувствовал, как хрустит перебитая кость. Режущая боль вибрировала в мозгу, словно соревнуясь с «Искрой», и вдруг он понял, что в ноге боли нет, а пульсирующие удары исходят от «Искры», и с каждым из них боль угасает. Полковник поднял голову и посмотрел на повреждённую ногу. Из раны вместо крови сочилось полимерное желе «Айболита». Идеально прозрачная и тугая субстанция легко вытолкнула из раны разбитые пулями тушки «Пираний» и заволокла рваные дыры в поверхности бронеформы.

Нога словно одеревенела и заледенела одновременно, и вибрации «Искры» стихли до незначительных. Боли не было, кровопотери не ощущалось, нога по-прежнему гнулась в колене, стопа не шевелилась, застыв в рабочем положении. Раз так, то выполнение задания стоит продолжить. Полковник огляделся. Голый пустынный берег, переходящий в летнюю тундру, терялся за горизонтом. Обманчивая пустота, но, пока есть возможность, сойдёт и такая. Кузнецов активировал полимерную маскировку и принялся возвращать себе утраченную боеспособность. Он извлёк из рюкзака спецаптечку «Аргентума» и достал из неё набор АИП — «Ап-

парат Илизарова Протезировочный». Отличная вещь, созданная одним из талантливых научных умов «Предприятия 3826».

АИП был настолько же тяжёл в понимании устройства, насколько прост в применении. На колено надевалось металлическое кольцо сложной замысловатой конструкции. На подошву интегрированного в бронеформу ботинка укреплялась стальная накладка, повторяющая размер подошвы с небольшими выступами по периметру. В выступ с сухим щелчком вставлялась стальная спица, верхнее окончание спицы защёлкивалось в кольцо. В итоге спица шла параллельно голени. Таких спиц было восемь, и вставлялись они за секунду каждая. В ботинке бронеформы даже были предусмотрены крепления для этой накладки-подошвы, чтобы удобнее было надевать, а нижняя сторона накладной подошвы полностью повторяла рельеф ботинка, чтобы удобнее наступать на ногу.

Десять секунд — и поломанная голень находится внутри каркаса из спиц. После этого требуется нажать на скобу активации АИП, и полимерная система управления затягивает кольцо плотно по ноге, самостоятельно определяя степень сжатия и углы перегиба. В общем, через четверть минуты ты можешь идти со сломанной ногой. Нагрузка тела, приходящая на колено, передаётся на кольцо и далее, по спицам, на стальную накладку-подошву. Повреждённая кость из-под нагрузки исключается. Идешь, конечно, как на протезе, но в остальном всё в порядке, можно бежать и прыгать. Прыгать даже удобней: АИП амортизирует в момент отталкивания и немного помогает толчку ноги. Медики, конечно, категорически против такого бега, но в бою бывают ситуации, когда не до жиру, быть бы живу.

Спустя полминуты полковник был на ногах с рюкзаком за спиной и заканчивал приведение в боевое положение лёгкой переносной ракетной установки. Времени хватило секунда в секунду. Высоко в небе стремительно вырос дымный след ракетного двигателя, и «Искра» зафиксировала приближение ракетного удара. Кузнецов вскинул оружие и, не останавливаясь, отстрелял всю кассету с боезапасом. Десяток миниатюрных ракет с громким шипением рванулись в воздух, и полковник вжался в землю, закрывая голову руками. Голову надо сберечь любой ценой, иначе никакой

аппарат Илизарова, даже самый полимерный и самый модернизированный, тебе не поможет.

Первая пара выпущенных зарядов перешла в режим противоракет и с гулким грохотом взорвалась в воздухе, обдавая всё вокруг потоком осколков. По стальной чешуе бронеформы забарабанили поражающие элементы, и грохот взрыва противоракет слился с грохотом взрывов перехваченных ракет противника. Остальные заряды ракетной установки ушли ввысь и помчались за мелькнувшим в облаках «Кречетом». Кибернетический истребитель перешёл в режим высшего пилотажа, отстреливая ложные цели, и Кузнецов вскочил на ноги. Сейчас самое время бежать, пока сюда не прилетело что-нибудь посерьёзней. Полковник рванул бегом, прямо на ходу отработанным тысячи раз движением перезаряжая кассету боезапаса ракетной установки.

Где-то далеко в облаках блеснул взрыв, из разорванного облака вывалился искрящийся «Кречет» и дымной молнией скрылся за горизонтом, уходя на аварийную посадку. Спустя секунду сквозь толстые стенки шлема донёсся вой гиперзвукового двигателя, следом за которым запоздало дотелепался грохот ракетного взрыва. Восемь ракет смогли достать одного «Кречета», это соотношение полковник знал заранее, ещё со времён полигонных испытаний этой ракетной установки. Проблема в том, что у него осталась всего одна кассета с боезапасом, а «Кречетов», охраняющих периметр объекта «Новая Земля», ровно пятьдесят. И столько же «Беркутов». Поэтому нужно побыстрее удалиться от этого самого периметра. На весь кибернетический авиаполк ракет с собой не потаскаешь, кассеты совсем не маленькие.

Выйти из зоны периметра, которую он сам же в своё время и размечал, Кузнецов не успел. Небо прочертили короткие штрихи ракет, заметить которые без сопряжённой с «Искрой» полимерной роговицы он бы попросту не успел, и полковник длинной очередью выпустил в воздух вторую ракетную кассету. Небо полыхнуло дымными разрывами сразу везде, и Кузнецов вновь бросился наземь, пряча затылок под ракетной установкой. Добрый гектар тундры расцвёл фонтанчиками выбитого осколками мха вперемешку со скудным земляным крошечком, по броне вновь застучали удары.

Судя по картине вспыхнувшего неба, зафиксированного полимерной сетчаткой, противоракеты перехватили восемь

зарядов. Это был удар «Беркута», кибернетического сверхзвукового штурмовика. Две оставшиеся ракеты Кузнецова гоняют его сейчас где-то выше нижней кромки облаков, но сбить не смогут, с двумя ракетами «Беркут» справится. Полковник вскочил на ноги и побежал, отшвыривая ставшую бесполезной ракетную установку. Как только «Беркут» избавится от его ракет, он вернётся.

Полминуты полковник бежал изо всех сил, слабо удивляясь тому, что аппарат Илизарова ещё держится на ноге, причём гораздо лучше, чем болтающийся за спиной длинномерный рюкзак. Дольше рисковать было слишком опасно, и Кузнецов остановился, вновь активируя давно слетевшую полимерную маскировку. Дальше шагом — быть может, повезёт.

Ему действительно повезло, но только наполовину. «Беркут» вернулся спустя тридцать секунд и засыпал ракетами точку, в которой потерял полковника. От мощных взрывов земля подрагивала под ногами, но Кузнецов был уже достаточно далеко оттуда, чтобы не потерять маскировку. «Беркут» понял, что цель не поражена, и улетел. Полковник рассчитывал, что вскоре он вернётся в составе звена или эскадрильи, укрыться от которых поможет маскировка, но боевой «Узел», управляющий дивизионом охраны периметра, рассудил иначе.

Где-то там, впереди, у границы ядерного полигона, активировался «Ёж», и Кузнецов понял, что дело дрянь, когда было уже слишком поздно. Впрочем, даже если бы было слишком рано, то ничего бы не изменилось. «Ёж» — это ракетная пусковая установка залпового огня, гибрид нашей «Катюши» и немецкой «Фау-5», созданный на «Предприятии 3826» в рамках последнего поколения боевых роботов. «Ёж» не отличается особой меткостью, потому что она ему не нужна. Он просто накрывает ракетным залпом площадь в два квадратных километра и не переживает ни о чём. Боезапас, кстати, он собирает для себя самостоятельно: ракеты «Ежа» лежат в его объёмистом чреве в разобранном состоянии. Это увеличивает полезный объём и снижает риск детонации боевых частей при вражеском ракетно-артиллерийском ударе. «Ёж» отстреливает боезапас и очень быстро собирает новые ракеты, перезаряжая себя сам. Так что надеяться на то, что после залпа к ракетной установке могут не подвезти боезапас, совершенно необязательно.

Ракетный удар «Ежа» накрыл Кузнецова самым краем, но этого оказалось достаточно. Ракеты произвели подрыв в воздухе, на высоте в двадцать метров над поверхностью земли, и всё, что он успел сделать, это закрыть голову предплечьями, пока падал на землю. Упасть на неё полковник не успел. Его смело взрывом и сразу ударило ещё одним, встречным. Он почувствовал, как сломанные ребра пронзили лёгкое, и начал терять сознание.

В забытии он жалел, что выбросил ракетную установку. «Беркут» расстрелял место, где видел его в последний раз, и не обнаружил труп. Зато обнаружил брошенное оружие и сообщил «Узлу». Тот счёл неизвестного противника слишком опасным и решил накрыть район залпом «Ежа», а когда понял, что атаковал своего, остановился. Полковник открыл глаза. Вибрируя, «Искра» тихо гудела, будто высверливая дыру в черепной коробке, и в этих звуках он различал внутренний радиообмен «Узла».

Секунду Кузнецов пытался понять, что происходит. У «Узла» нет внутреннего радиообмена, только внешний. Внутренние координационные процессы командных роботов уровня «Узел» и выше протекают внутри полимеров, являющихся их информационными накопителями и системами ближней связи одновременно. Каким образом он слышит «Узел», совершенно непонятно. Но ещё более непонятно, почему он до сих пор жив. Полковник попытался прислушаться к своему организму. Это удавалось плохо: «Искра» ощущала присутствие полимеров по всему телу и сильно сбивала ход мыслей.

Тогда Кузнецов попытался прислушаться к «Искре». Неожиданно это получилось у него очень легко. Мозг словно скользнул через «Искру» к находящимся в теле полимерам, и в сознании развернулась цельная картина. Весь организм был изломан, словно побывал под стальными колёсами «Мастифа». Лёгкие порваны, печень частично лопнула, почка пробита навывлет, кости и кожа предплечий, которыми он успел закрыть голову, несут следы открытых переломов. Но он всё ещё жив, потому что «Айболит» залил абсолютно все повреждения полимерным желе. Теперь Кузнецов чётко ощущал, что медицинское полимерное желе сильно отличается от других полимеров. Даже нет, не так. Все виды полимеров сильно отличаются друг от друга, хотя внешне выглядят одинаково.

Медицинское желе обволокло все повреждения, считало через «Искру» прямо из глубин мозга то, какими должны быть неповреждённые органы, и восстановило их форму. После чего увеличило степень своей плотности, словно цементируя разбитые куски мозаики в единое целое. Сейчас его лопнувшие лёгкие продолжают сокращаться, потому что полимерное желе сокращается вместе с ними, а раздробленные кости держат нагрузку, потому что полимерное желе склеило их в точности до малейшего осколка. И даже тяжёлая контузия, полученная в результате близкого взрыва, почти не сказывается на работе мозга, потому что полимерное желе заставляет мозговую ткань регенерировать, заживляя контузийный центр.

Попытка принять сидячее положение удалась полковнику с третьего раза, но стоило ему подняться на ноги, как «Искра» резко увеличила волновую активность, обмениваясь информацией с «Айболитом». Кузнецов подумал, что почти слышит этот обмен. Ещё бы чуть-чуть, и он, наверное, даже попытался бы понять, что именно излучают друг другу столь разные полимеры. Но сейчас есть более важное дело.

Надо выполнить задание. И если полковник каким-то непонятным образом слышал «Узел», то «Узел» вполне объяснимо не слышал его. Приказать «Узлу» Кузнецов не мог. Как до него доораться, если у тебя всё снаряжение разможило взрывами? А даже если бы нет, то «Узел» всё равно заблокирован предателем. Странно, что «Узел» считает Кузнецова своим... Ведь блокада «Узла» никуда не делась, и он по-прежнему считает всех людей вражеским десантом. Ладно, неважно. Пусть с этим разбирается Сеченов, это его стихия. Пора заканчивать с этим комплексом.

К центру ядерного полигона полковник вышел спустя десять часов, пять из которых пришлось идти через область высокой радиации. Чудом не сдохший в дробилке ракетного удара дозиметр трещал так, словно был готов лопнуть, и Кузнецов его отключил. Голова начала кружиться, из носа пошла кровь, и он выломал из шлема разбитый лицевой щиток, чтобы не мешал вытирать лицо. В какой-то момент «Искра» и «Айболит» вновь резко увеличили обмен информацией, и полковник почувствовал, как сразу все незримые микроиглы медблока вводят ему полимеры в кожные, мы-

шечные и даже костные ткани. Вибрации «Искры» из шума превратились в грохот, но спустя час головные боли и кровотечения из носа прекратились, и стало ощутимо легче.

За все десять часов пути к нему более никто не приближался, и полковник не стал заходить в научный городок Новой Земли. И так ясно, что там одни трупы, делать лишний крюк — только зря время терять. Он один за другим миновал безлюдные секторы испытательных образцов, предназначенные для размещения всевозможных макетов людей, животных, имитирующих живую силу противника в районе атомного взрыва, и точно так же прошёл секторы для установки боевой и иной техники. Несколько раз среди испытательных рвов и бетонных укреплений ему попадались гражданские роботы, бесцельно кружащие по закольцованным маршрутам среди растерзанных трупов персонала полигона, но ни один из кибернетических механизмов никак на него не отреагировал.

В итоге Кузнецов так и дошёл до входа в бункер контрольно-измерительного оборудования, расположенный в эпицентре взрывов. Над бункером обнаружился «Кондор-1И», на котором сюда два дня назад прибыл предатель Вышегородский, вариант «Кондора» с усиленной защитой от ионизирующего излучения. Другой техники вокруг не имелось. Полковник спустился в бункер и оказался перед закрытой бронеплитой, ведущей в хорошо защищённую часть подземной конструкции, в которой и был размещён центральный инженерный пост.

Стучать в дверь смысла не было, поэтому Кузнецов достал полимерную гранату и метнул её в пульт линии связи, соединяющий внешнее пространство бункера с внутренним. Интерфейс выгорел мгновенно, и полковник принялся ждать. Через десять минут откуда-то прилетели «Пчелы» — маломерные ремонтные роботы, оборудованные полимерно-дуговым монтажно-сварочным аппаратом, и принялись чинить пульт. Полковник попытался приказать «Пчёлам» взломать люк, но они не реагировали на голосовые команды. Тогда он просто поймал одну из «Пчёл», отломал ей крылья, чтобы не дергалась, и сам выжег замок её оборудованием.

Оказавшись внутри защищённой части бункера, Кузнецов не спеша направился к центральному инженерному посту. Предатель Вышегородский попался ему навстречу где-то

на полпути. Он спешил в сторону выхода с открытой банкой сгущёнки в одной руке и чайной ложкой в другой. Увидев облачённого в бронеформу Кузнецова, Вышегородский недовольно скривился и заявил:

— Чего ты сюда припёрся, болван механический?! Иди ремонтируй входной пульт!

В следующую секунду предатель понял, что перед ним не робот, и рванулся бежать. Выстрел из ТТ, гулко грохнувший в узком пространстве бетонного коридора, заставил его изогнуться в дугу. Вышегородский выронил банку, заляпывая сгущённым молоком выложенный ажурной плиткой пол, и рухнул, подвывая и судорожно извиваясь.

— Больно хоть? — Кузнецов равнодушно подошёл к бьющемуся в конвульсиях предателю. — Я в попытках не силен, но постарался выстрелить так, чтобы тебе было максимально больно. Ерунда, конечно, в сравнении с тем, сколько ни в чём не повинных душ ты загубил. Но хоть что-то!

Полковник пожал плечами.

— Пощадите... — мучительно прохрипел Вышегородский синими от боли губами. — Я не виноват! Меня заставили! У меня дети! Я всё расскажу...

Кузнецов выстрелил ему в лоб, убедился, что пуля на выходе разворотила затылок вместе с имплантированной микросхемой, содержащей коды доступа, и аккуратно перешагнул забрызганный кровью и вымазанный в сгущёнке труп. Добравшись до центрального пульта, полковник отменил чрезвычайный протокол и снял блокаду с объекта «Новая Земля». Спустя десять секунд появилась связь с «Предприятием 3826», и голографический проектор сформировал изображение Сеченова.

— Александр Иванович! — воскликнул учёный. — Вы так долго не выходили в эфир! Я уже начал подозревать худшее! — Он осёкся и выдохнул: — Мать честная... вы при смерти! Немедленно в реанимационный аппарат! Выходите из бункера, я пришлю за вами «Шмеля»!

— Над бункером висит «Кондор», — устало подсказал ему Кузнецов.

— Да-да, я уже вижу! — Сеченов принялся колдовать над сенсорной панелью своего личного оборудования. — Это служебный «Кондор» старшего инженера Вышегородского, он вас и увезёт! А где сам Вышегородский?

— Совесть замучила, — безразлично ответил полковник. Сеченов мгновение смотрел ему в глаза, потом опустил взор на свой сенсорный экран и молча кивнул в знак согласия.

Шум в голове то нарастал, то ослабевал, пульсируя вибрационными волнами. Волны эти не были пустыми, их переполняло нечто мучительно неопределённое, нечто такое, понять которое Кузнецов не мог, но остро чувствовал, что для понимания этого ему не хватает совсем чуть-чуть. Но что именно являлось этим «чуть-чуть», оставалось загадкой. «Искра» внутри его черепа словно стала размером с половину тела, оставаясь при этом на прежнем месте в прежних габаритах, но волновой шум шёл именно через неё. А может, это «Искра» шла через волновой шум? Сознание испытывало мучительное желание понять смысл всего этого громадьа, заключённого в пульсации волн, и Кузнецов ощущал себя человеком с залитыми грязным маслом глазами: ты видишь вокруг себя нечто мутное и непонятное, лишённое всякой логики и понимания, но при этом точно знаешь, что если тебе удастся смыть с глаз эту грязную пелену, то пред тобой откроется целый мир...

Металлический пенал хирургического стола распахнулся, и полковник открыл глаза. Шум в голове меньше не стал и никуда не делся. Стало ясно, что шум теперь будет всегда, потому что так мозг воспринимает волновую активность полимеров, пропитывающих пятьдесят процентов его тела. Кузнецов поморгал, восстанавливая зрение, и посвежевший взгляд упёрся в электронные фасетки «Каракурта», сидящего над головой на потолке «Метеора». Стальной паук винтовато мигнул индикаторами, и «Искра» приняла радиосигнал авиационного бортового компьютера:

— Доброе утро, Аргон! — голос Виолетты Терешковой тоже был виноватым. — С выздоровлением вас. К сожалению, ваше обмундирование и снаряжение не подлежали ремонту. Весь комплект пришлось утилизировать. Вы можете надеть запасной комплект. Послать за ним «Каракурта»?

— Сам дойду, — буркнул полковник, вставая с операционного стола.

Он поднялся на ноги и остановился, разглядывая собственное тело. Не удивительно, что предатель Вышегородский в первую секунду принял его за робота. Он, Кузнецов, и сам себя сейчас принимает за робота. Кожа на подвергшихся повреждениям конечностях и участках тела отсутствовала. Вместо неё мышцы залиты полимером «Айболита», через полупрозрачную структуру которых прорастают кровеносные сосуды. Впрочем, разорванные мышцы и ткани, пропитанные медицинским желе, больше полимерные, нежели живые, и проходящие сквозь них сосуды вряд ли теперь кровеносные. В тех, что он может сейчас разглядеть, течет точно не кровь. Какой-то очередной вид полимера... Но кое-где кровь ещё есть: например, сердце работает как раньше...

Или не как раньше? Кузнецов прислушался к своему организму. Частота пульса уменьшилась вдвое. Сердечная мышца сокращается, и полимеры, образовавшие сосуды, повторяют её вибрацию, распространяя кровоток подобно каскадам усилителей. По идее, это не так уж плохо... Сердце больше отдыхает, значит, износ меньше... можно дольше прожить. Если не лезть под пули. То есть к нему это не относится. Полковник равнодушно пожал плечами и пошлёпал босыми ногами в арсенал.

В арсенале на потолке обнаружился второй «Каракурт», и Кузнецов мгновение смотрел на него, размышляя о предстоящей операции. Она будет самой короткой из трёх. И самой сложной. Потому что предатель Абрамов засел на объекте «Сахалин», это испытательный полигон боевых роботов, там минимум живого персонала, зато полно военной техники. Теоретически теперь всё это полковнику не страшно. А вот практически... Чутьё опытного диверсанта нашёптывало, что гладко операция не пройдет. Что-нибудь обязательно пойдёт не так. Знать бы только, что именно.

— Возьму-ка я тебя с собой, — задумчиво произнёс Кузнецов. — Борт! Укомплектовать «Каракурта» №2 увеличенным боезапасом! Он пойдёт со мной.

— Есть, товарищ полковник! — Бортовой компьютер «Метеора» подтвердил получение задачи. — Что ещё подготовить в ваше распоряжение?

— Десяток «Глаз». — Кузнецов произвёл в уме несложные расчёты. — Установи их на «Каракурта», у меня будет каждый грамм на счету, не до них. Остальное я возьму сам.

Сидевший на потолке арсенала «Каракурт» сполз на пол, загромоздив собой добрую половину помещения, и принялся ловкими движениями стальных лап вскрывать стальные шкафы с боезапасом и укомплектовывать себя дополнительными ракетами. Из инженерного окна высыпала орава «Глаз». Маленькие дроны, деловито жужжа моторами, облепили возящегося с ракетами стального паука и прилепились к поверхности его брони, рассеиваясь по всей площади головогруды. «Каракурт» застыл с очередной ракетой в лапах, оценивая ситуацию. Придя к выводу, что пара «Глаз» выбрала неправильное место для примагничивания, он смахнул их с себя ракетой, словно щеткой-чесалкой для спины, и уложил её на освободившиеся магнитные крепления. Потревоженные «Глаза» возмущённо помигали индикаторами, перелетели на радарный купол стального паука и устроились там, довольно складывая лопасти винтов.

Наблюдавший за всем этим Кузнецов подумал, что вскоре люди от безделья начнут заводить себе кибернетических домашних животных. Они тоже могут быть забавными и милыми, если инженеры не напорочат с дизайном. При этом за киберпитомцами не придётся ухаживать, что для современных модных лентяев станет ключевым фактором. Полковник подошёл к своему шкафчику, надел новое обмундирование и облачился в бронеформу. Теперь пора вооружаться. Он вложил в тактическую кобуру свой любимый ТТ и перешёл к стойкам тяжёлого оружия. На этом задании ему либо ничего не пригодится, либо ничего не хватит, что ни возьми.

Поэтому лучше перестараться, нежели наоборот. Кузнецов ввёл код доступа, распахивая шкаф экспериментальных образцов, выполненных в единственном экземпляре, и принялся надевать на себя узлы ядерно-полимерного бионического орудия. ЯПБО, изделие «Печаль», ведёт огонь ядерными боеприпасами мощностью в одну десятую килотонны. Снаряд унитарный реактивный, ядерная боевая часть погружена в заполненную полимерной начинкой ёмкость. Полимерная начинка испускает импульс, обманывающий противоракеты, и дестабилизирует электронику и полимеры цели, если таковые у неё имеются. Ядерная боевая часть — она и в Африке ядерная боевая часть, тут нечего объяснять.

Никакого самонаведения и прочих изысков нет. Это позволило облегчить общий вес комплекса «оружие-патрон» до такой степени, что орудие стало возможно эксплуатировать вручную. Просто в руках его не удержать, оно всё равно слишком тяжёлое, поэтому «Печаль» надевается на тело, подобно полимерному аппарату Илизарова. Весит всё это творение военной науки полцентнера, но при равномерном распределении по телу с ним вполне можно не только передвигаться в бою, но и бегать, если боец действительно боец, а не тыловой тьюфак в военной форме.

Особую прелесть предстоящему бою придавал тот факт, что изделие «Печаль» ещё не проходило полигонных испытаний, только лабораторные. В лаборатории Кузнецов стрелял из него имитационными боеприпасами довольно метко, если делать скидку на то, что ядерный заряд мощностью в ноль одна килотонны может позволить себе разброс попаданий плюс-минус метр на дистанции в пару километров. Стрелять из неё дальше пехотинцу смысла нет, снаряды станут неподъёмными, их и так у «Печали» всего четыре штуки. Проще довести орудие до ума и смонтировать его на боевом роботе. Но изначальная идея «Печали» заключалась именно в том, чтобы дать эффективное оружие против боевых роботов живому бойцу.

В итоге по поводу данного орудия было множество споров, посвящённых вопросу целесообразности такового боевого решения в принципе, и «Печаль» изготовили в единственном экземпляре для обкатки в полевых условиях и принятия дальнейшего решения. Вот сейчас и посмотрим, что из этого выйдет. Кузнецов закрепил на себе крайний узел «Печали» и попружинил на ногах. По ощущениям килограмм тридцать. Не то талантливые инженеры действительно распределили вес столь виртуозно, не то пропитанные полимерами переломанные конечности стали сильнее.

Он невольно усмехнулся. Переломанные конечности стали сильнее. Звучит абсурдно, прям как волновой шум в голове. Но какая уж теперь разница... надо спасать людей. Тут, на сахалинском полигоне, вряд ли остался кто-то живой, кроме предателя. Но есть ещё «Предприятие 3826», там человеческий персонал исчисляется сотнями, среди них кто-нибудь мог выжить и спрятаться где-нибудь в хитросплетениях научных лабораторий и производственных корпусов.

Убедившись, что «Печаль» подогнана по всем правилам, Кузнецов нацепил на себя гаусс-автомат и вышел из арсенала. В пилотскую кабину пришлось заходить боком, но в целом пойдёт. Полковник посмотрел на радарную карту. «Метеор» висел над береговой кромкой острова Сахалин на высоте в десять тысяч метров. В таком режиме энергопотребление заоблачное, но «Метеор» питается от мини-реактора холодного ядерного синтеза, созданного академиком Филимоненко, и даже под столь расточительной нагрузкой может висеть так ещё очень долго. Судя по показаниям приборов, висит он тут больше суток. Значит, пребывание внутри реанимационного аппарата затянулось в сравнении с первым разом вдвое.

— Снижайся! — приказал полковник. — Курс на окраину полигона. Максимальная скорость. Сбросишь нас — возвращайся в исходную точку и жди сигнала.

— Есть! — ответил бортовой компьютер, и Кузнецов направился к десантному люку.

«Метеор» рванул с места. Слева и справа от снижавшегося самолёта из облаков вынырнули два звена «Кречетов», и полковник ощутил, как волновой шум в голове стал ещё громче, заставляя кровь набатом бить в виски. «Кречеты» не почуяли в воздухе ничего, кроме полимерных субстанций, констатировали отсутствие в данном районе живой силы и техники противника и легли на обратный курс. «Метеор» снизился, завис у границы боевого полигона и распахнул люки. Кузнецов спрыгнул с метровой высоты и прислушался к ощущениям.

Пропитанные полимером конечности сработали словно амортизаторы: сначала немного сплющились и погасили инерцию, а потом выпрямились, возвращая ногам положенную длину. Значит, раздробленные кости не срослись, это жёсткость полимера стала выше. Жаль. А он-то наивно надеялся, что ноги и руки ещё заживут.

Следом за полковником из чрева «Метеора» выскочил «Каракурт» и замер рядом, вопросительно наводя на него левую фасетку датчиков. Кузнецов проводил взглядом уходящий вертикально вверх «Метеор», взобрался на «Каракурта» и уселся на уложенные поперех брони ракеты.

— Поехали! — коротко бросил он. — Прямо. Курс на «Вышку».

Стальной паук побежал в указанную сторону, и полковник взгляделся в даль. «Каракурт» — это робот ПВО, бегать быстро он не умеет и для перевозки десанта не приспособлен, у него другие задачи. Но сейчас большего от него не требуется. До пункта управления испытаниями почти двадцать километров, идти пешком долго и лениво, проще доехать хоть на чём, лишь бы не на своих двоих. А вот зенитное прикрытие сейчас пригодится. Предатель Абрамов не мог не позаботиться о гарантиях своей безопасности. Кузнецов хорошо помнил те давние испытания «Единорога», в ходе которых выяснилось, что в исключительных случаях, при длительной обработке ЭМИ, электроника робота может потерять связь с полимерами.

Можно смело спорить на своё ядерное оружие, что предатель взял одного из имеющихся на полигоне боевых роботов и переделал его в собственного телохранителя. Для этого Абрамову потребовалось разъединить электронику робота с полимерами, которые действуют согласно экстренному протоколу и полученной от «Узла» задаче. Делать то, что заблагорассудится Абрамову, полимеры не станут. А вот электроника станет, если её перепрограммировать. Перепрограммировать полимеры предатель не сможет, полимеры не программируются, они получают указания от «Коллектива 1.0», то есть от Сеченова. Зато электроника программируется по определению. Кто в неё влез, тот и хозяин.

Подчинить себе больше одного робота Абрамов не сможет. Во-первых, разобшение полимеров с электроникой — это очень редкая ситуация. Вряд ли за столь короткий срок предатель сумеет найти даже двух таких роботов. Во-вторых, самых мощных, новейших образцов боевой кибертехники сейчас здесь немного: пять «Единорогов-М», три «Ежа», один «Дикобраз» и десяток «Шатунов». Есть ещё куча «Кречетов» с «Беркутами», пара сотен «Мастифов-4М», использующихся в качестве мишеней, и совершенно дикое количество «Полканов», но с ними Абрамов возиться не будет. Он не понаслышке знает о возможностях «Аргентума» и понимает, что присылать за ним в случае чего будут именно «Аргентум». Поэтому будет стараться взять под личный контроль самую смертоносную боевую машину.

Вопрос в том, что именно ему удалось себе подчинить. «Дикобраз» отпадает. Это тот же «Ёж», только здоровенный

и тяжёлый. Он наносит ракетный удар на дистанциях от трёхсот километров и далее, вплоть до тысячи. Тут таких расстояний нет. Значит, либо «Ёж», либо «Единорог», либо «Шатун». Если «Единорог», то это очень хреново. Влупит из тяжёлой гауссовки с дистанции горизонта, и даже отпрыгнуть не успеешь. Скорость полёта снаряда десять тысяч метров в секунду, тут вся надежда только на полимерную маскировку и дымовую завесу. Если у предателя окажется «Шатун», то тут проще. «Шатун» — это тяжёлый боевой робот среднего и ближнего боя. Главное — заметить его заранее и ударить из «Печали» с расстояния в два километра. А вот если атакует «Ёж»... То будет как вчера. Поэтому Кузнецов взял с собой «Каракурта» с дополнительным боезапасом.

На горизонте показались поросшие тайгой горные склоны, и Кузнецов перефокусировал полимерную роговицу на дальнее зрение. Вышку пункта управления испытаниями пока ещё не было видно. Он пустил «Каракурта» шагом, активировал полимерную маскировку и стал напряжённо вглядываться в приближавшиеся горы, ежесекундно ожидая ракетного удара.

Вокруг по-прежнему было тихо. Стальной паук достиг зоны контактных испытаний, и шум в голове зазвучал ещё сильнее. «Каракурт» медленно продвигался вперёд, обходя многочисленные воронки и развалины строений, однако никаких роботов, ни боевых, ни гражданских, на полигоне не оказалось. Похоже, Абрамов постарался не оставить на предполагаемом поле боя лишних укрытий и где-то поблизости от «Вышки», на границе тайги, затаился «Единорог», нащупывавший цель для удара. Кузнецов вышел в ближний эфир и дал короткую кодовую команду «Глазам».

Стайка маленьких дронов отлепилась от стального паука и быстро исчезла в небе, деловито жужжа моторами. В следующую секунду из лесной чащи, покрывающей склон ближайшего к «Вышке» холма, в воздух взвился пучок дымных шлейфов реактивных снарядов, и «Каракурт» принялся выпускать противоракеты со скоростью пулемётной очереди. Небо на подлёте полыхнуло, расцветая кляксами взрывов. Маскировку сорвало, и Кузнецов длинным прыжком соскочил со стального паука, бросаясь в ближайшую воронку. Он отправил «Каракурту» приказ удерживать дистанцию и приготовил «Печаль» к выстрелу.

Значит, всё-таки «Шатун». На такой дистанции это хорошо, есть возможность уничтожить его одним выстрелом. «Шатун» по сути своей танк, предназначенный действовать в первой линии атаки. За «Шатунами» идут «Единороги», которые уничтожают из своих мощных пушек тяжёлые и хорошо защищённые цели. «Шатун» на дальних дистанциях не работает, но в зоне своей ответственности это страшный противник. За основу при его проектировании академик Челомей взял настоящего медведя, академик Павлов разработал для него бионическую модель, а Сеченов соединил всё это полимерами в единый взаимосвязанный механизм.

«Шатун» внешне действительно напоминал взбешённого медведя, разбуженного посреди спячки. Его стальная туша, выполненная из брони «СПТ-3», имела подвижно-амортизирующий скелет, который, подобно подводному боевому пловцу «Пиранье», успешно сопротивлялся резким и мощным перепадам давления. В мощные плечи «Шатуна», имеющие дополнительное бронирование, встроены гаусс-пулемёты, которые способны вести огонь на бегу. И скорость этого самого бега у «Шатуна» достигает шестидесяти километров в час по лесу и восьмидесяти — по пересеченной местности. Шатун передвигается на четырёх мощных лапах, но может ходить и на двух, если того требует боевая ситуация. Этот стальной монстр способен вести огонь из-за забора, укрытия или из углубления, как из окопа, стоя на задних лапах. В его голове установлена мощная короткоствольная пушка, которая бьёт на бегу, а также переходит в режим прицельной стрельбы короткими очередями, когда «Шатун» поднимается на задние лапы.

В спину «Шатуна» вмонтирован шестиствольный реактивный миномёт, выстреливающий заряды залпом и сам себя перезаряжающий. В крупе стального медведя находятся десантные пазы, в которых закреплён десяток «Стрижей» и столько же «Медоедов». «Стриж» — это совсем небольшой разведывательный дрон, вооружённый «Шоком» и многофункциональным датчиком слежения. Обладая высокой манёвренностью, «Стриж» способен эффективно действовать в окопах, зданиях, наземных и подземных узких коридорах, обнаруживая противника. Если после обнаружения цели «Стриж» не может нейтрализовать её электрошоком, он наводит на цель «Медоедов».

Учитывая, что «Медоед» — это значительно уменьшенная копия «Полкана-МД», предназначенная вместо длительных самостоятельных передвижений перемещаться на броне носителе, несложно понять, что в тесных пространствах и на коротких дистанциях «Медоед» предельно опасен. А издали его тяжело заметить в силу небольших размеров. Короче говоря, «Шатуна» необходимо уничтожить сейчас, пока дистанция не в его пользу.

Тем временем «Шатун» засёк место, в котором исчез из вида Кузнецов, и дал второй залп из реактивного миномёта. Бегающий где-то позади «Каракурт» вновь перехватил удар, и полковник приказал ему не снижать скорость маневрирования, а после опустошения боезапаса отступать на безопасное расстояние. Губить паука не стоит, ему ещё предстоит вытаскивать своего командира, если всё обернётся печально. Болезненно гудящая «Искра» наконец-то приняла сигнал от достигших кромки леса «Глаз» и вывела на полимерную сетчатку изображение. «Шатун» стоял на задних лапах посреди деревьев, укрывшись за их стволами, и был едва заметен. Полковник перевёл «Печаль» в режим ведения огня по баллистической траектории и выстрелил.

Ядерно-полимерный заряд стремительно умчался к цели и ударил в дерево в метре от «Шатуна». Ослепительно полыхнул взрыв, и «Глаза» вспыхнули, словно летающие спичечные головки. Изображение пропало, зато над лесом вырос характерный гриб относительно небольших размеров. Кузнецов активировал полимерную маскировку, вылез из воронки и двинулся в сторону «Вышки», попутно приказав «Каракурту» продолжать маневрирование на дистанции. Мало ли что, лишним не будет.

На неторопливое сближение с «Вышкой» ушло больше получаса, и за это время на месте взрыва ядерного снаряда разгорелся пожар. Откуда-то со стороны холмов, внутри которых вырыты технические ангары, прилетела пара гражданских роботов и принялась бодро забрызгивать огонь противопожарной смесью. Полковник несколько секунд следил за их работой. Всё-таки наука — это не всегда плохо...

Залп реактивного миномёта ударил из леса с расстояния в двести метров — по меркам реактивных снарядов это почти в упор. «Каракурт» среагировал мгновенно, но перехват ракет произошёл в десятке метров от Кузнецова. Слит-

ная череда взрывов окатила его потоком осколков и сорвала маскировку. Полковник метнулся в сторону, и пара пулёмётных очередей вспорола землю там, где он стоял полсекунды назад. «Шатун», с хрустом ломая деревья, выскочил из леса и бросился в атаку, на ходу сбрасывая десант. Кузнецов, не переставая смещаться, взял его на прицел и выстрелил.

Стальной медведь засек приближающийся снаряд и рванул в сторону на предельной скорости. Уменьшенная копия ядерного взрыва вздыбила почву позади него, сметая многотонную махину словно деревяшку. «Шатуна» отшвырнуло на десяток метров, и взрывная волна ударила в Кузнецова. Его отбросило куда-то назад, вмяная в покрытую испаряющимся мхом землю, и «Искра» полыхнула всплеском волновой активности, ощущая воздействие гамма-излучения. Под воздействием проникающей радиации полимер «Айболита» загустел, сам медблок принялся вкалывать в лопающиеся клетки тела новые дозы желе, и в помутившемся сознании прояснилось.

Полковник открыл глаза и резко дернул головой влево, уходя от удара. Атаковавший его «Стриж» с разгона таранил лицевой щиток, и уклониться удалось в крайнюю секунду. Дрон вонзился в землю, Кузнецов припечатал его стальной рамой «Печали» и вскочил, пытаясь понять, цело ли орудие. Пламя, словно раскалённый орех, «Искра» взорвалась болью, и полковник бросился обратно наземь, уходя от перекрёстного огня. Четверка «Медоедов» вела по нему пулёмётный огонь на бегу, сближаясь с разных сторон. Кузнецов сорвал с креплений «Печали» гаусс-автомат и перерезал очередь ближайшего противника.

«Медоед» распался точно надвое посреди блока топливной ячейки, и в следующую секунду грудь полковника пробило пулями. Острую боль сменили лёгкие покалывания гидравлических игл «Айболита», Кузнецов почувствовал, что не может вдохнуть, и удивился, что это не мешает ему стрелять. Вторая очередь отрезала следующему «Медоеду» передние лапы, тот кувыркнулся через голову, кубарем покатился по выжженной земле, и полковник добил его ещё одной очередью. Оставшиеся два противника перешли на движение зигзагом и атаковали Кузнецова с противоположных сторон одновременно.

Одного из них полковник встретил непрерывным огнём в упор и располосовал на части, но другой, атаковавший с тыла, прицельно раздробил его позвоночник. Спина взорвалась болью, и Кузнецова бросило наземь лицом вниз. Киберпехотинец по инерции промчался мимо, а потом остановился и стал разворачиваться. Некоторое время его электроника пыталась определить, уничтожена ли цель. Датчики не нашли в Кузнецове стандартных человеческих параметров, и «Медоед» замешкался, пытаясь понять, может ли мёртвый человек двигаться. Полковник дотянулся до выпавшего из рук гаусс-автомата и всадил в стоявшего на месте робота длинную очередь. От переизбытка кинетической энергии стальной скелет «Медоеда» лопнул, окутываясь снопом искр, и разрушенный киберпехотинец завалился набок.

С минуту Кузнецов лежал неподвижно, ожидая потери сознания и сражаясь с дикой болью, изливаемой «Искрой». Потом боль превратилась в сотрясающий сознание гул, но беспамятство не наступало. «Айболит» что-то вкалывал по всему телу, ставшему ледяным и деревянным, в горле сильно першило, и полковник распахнул лицевой щиток в попытке откашляться. Из горла вместо крови выплеснулся небольшой комок грязного полимера, и Кузнецов понял, что внутри комка находится помятая пулемётная пуля. Странно, что «Каракурт» не стал его эвакуировать. Пытающаяся взорвать голову «Искра» ощущает его присутствие и исправность... Надо попытаться встать, пока сюда ещё кто-нибудь не появился.

Подняться на ноги удалось на удивление легко. Под тяжестью «Печали» тело немного похрустывало и гнулось в том месте, где пулями перебило позвоночник, но пропитанные полимерным желе мышцы сразу же амортизировали искривление. Боли в спине не было, лишь «Искра» продолжала безбожно рвать мозг на части. Кузнецов вдохнул и захлопнул лицевой щиток. Воздух был заполнен гарью и радиоактивной пылью, но он заметил это не сразу: полимерная роговица отфильтровывала зрительные помехи. Странно, что она не делала этого раньше, а может, он просто не обращал внимания...

Выжженное взрывом пространство простиралось до самого входа в бункер «Вышки». Вокруг лежали уничтоженные «Медоеды». Вроде бы противников не осталось, но «Искра» ощущала присутствие враждебной массы где-то за железобетонным корпусом «Вышки». Кузнецов приготовил

«Печаль» к выстрелу, активировал маскировку и побрел вперёд. Казалось бы, гамма-излучение и прочие сопутствующие ядерному взрыву факторы должны были повредить снаряжение, но оно исправно функционировало. И полимеры никак не пострадали, а в отчётах об испытаниях ядерного оружия ничего не сказано об их устойчивости к радиации...

«Шатун» вышел из-за «Вышки», когда Кузнецова отделило от неё меньше ста метров. Стальной медведь был фрагментарно повреждён; судя по нестабильным движениям, его электроника частично отказала. Стальной круп, в котором размещается десант, был пуст и сильно замат, реактивный миномёт вырван из спины и валялся в полусотне метрах позади, но все критически важные узлы находились в рабочем состоянии. «Шатун» попытался обнаружить противника средствами визуального наблюдения, но большое расстояние не позволило ему распознать маскировку. Стальной медведь не нашёл цель и поднялся на задние лапы. Бронезаслонки его плечевых пулемётов распахнулись, и «Шатун» открыл веерный огонь, стремясь поразить невидимого человека.

К пулемётным очередям присоединилась установленная в голове скорострельная пушка, и Кузнецов залёг, уходя от свистящих повсюду пуль и осколков. Полковник взял на прицел подвздошный сегмент медвежьего корпуса, за толстой бронёй которого размещался блок топливной ячейки «Шатуна», и выстрелил. «Печаль» вбила ядерный снаряд точно в цель, и Кузнецов закрыл глаза, избегая фотонной вспышки. Грохота взрыва он не услышал: за долю секунды до прихода воздушно-звукового тарана медицинский полимер «Айболита», занявший место разорванных барабанных перепонок, затвердел до состояния гранита и исключил возникновение баротравмы уха. Полимерную сетчатку глаз засветило даже сквозь плотно сомкнутые веки, но её поверхность восстановилась раньше, чем прошла дикая резь в голове, вызванная потоком гамма-лучей.

Кузнецов ощутил уже ставшую привычной вибрационную боль, исходящую «Искрой», и то, как «Айболит» заликает его тело полимерами. Обошлось. Боль пройдёт, могло быть гораздо хуже. Полковник открыл глаза и поднялся на ноги. Понять, добавилось ли новых переломов, он не смог. Всё тело гнулось в неположенных местах, но сразу же выправлялось, словно понимало, что совершило ошибку.

От «Шатуна» остались лишь разбросанные по земле оплавленные обломки, и Кузнецов побрёл к «Вышке». Стальной каркас «Печали» кое-где погнулся и глубоко вдавливался в тело вместе с бронеформой, более похожей на дуршлаг. Однако ни крови, ни боли не было. Одеревеневшее тело не ощущало дискомфорта, только прежний холод внутри сменился жарой, однако пить совсем не хотелось, а должно было.

Добравшись до бронеплиты, запиравшей вход в железобетонный корпус «Вышки», полковник остановился. Предатель Абрамов, без сомнения, видел, что здесь произошло, и добровольно двери открывать не собирался. Стучать и произносить волшебное «пожалуйста» тоже не имело смысла: тот, кто был внутри, наверняка сомневался в добрых намерениях гостя. Может, отойти подальше и долбануть из «Печали»? Как раз остался крайний снаряд. Вряд ли плита выдержит. Или не тратить единственный боеприпас и поискать возможность проникнуть в пункт управления испытаниями через бункеры, находящиеся под соседними холмами? Некоторые из них имеют подземное сообщение с «Вышкой». Предатель Абрамов конечно же заблокировал все люки, но какой-то из них наверняка окажется не столь мощным, как входная бронеплита...

В следующую секунду где-то глубоко под землёй тихо взвыли моторы, бронеплита дрогнула, сбрасывая с себя слой осевшего пепла, и стала подниматься. Рвущая мозг на части «Искра» резанула болевым всплеском, и скривившийся от рези в голове полковник схватился за рукоятку ядерного орудия.

— Твою мать! — устало выдохнул он, глядя на стоящего за бронеплитой «Шатуна».

Залп «Шатуна», произведённый из всех стволов, и выстрел «Печали» слились в один резкий хлопок, потонувший в грохоте ядерного взрыва.

**Борт «Метеора», три тысячи метров
над полигоном «Сахалин»**

9 июня 1955 г.

— Ну, старший лейтенант, не подведи! — Начразведки армии буравил Кузнецова суровым взглядом. — Донесёшь портфель в сохранности — вернёшься назад капитаном! Содер-

жимое портфеля имеет огромную важность! Оно поможет нашим берлинским резидентам добраться до засекреченных подземелий нацистов!

...

— Делайте что хотите! — голос военврача был полон мрачной решимости. — Мне плевать, как вы это сделаете, но он должен быть в Москве, в НИИ мозга, живой и как можно скорее!

— Мы довезем его через заградотряды до чистой зоны. Передадим с рук на руки неинфицированному отряду. Они уже в курсе, ждут нашего появления.

— Не теряйте времени! Кто знает, может, ещё поживём...

...

— Запуск глобальной сети «Коллектив 2.0» — это эпохальное событие, которое перевернёт мир. Человечество изменится навсегда, обретя невиданные доселе возможности и перспективы! Перед нами откроется путь к загадкам Вселенной...

...

Голоса в голове звучали и одновременно не звучали. Полковник не слышал, но чувствовал их неким чувством, которого не имел прежде. И это чувство показывало ему картину за картиной, но вместо людей, пейзажей и прочей местности он ощущал волны незримой энергии, пронизывающей пространство бесконечным потоком. И в этих волнах находилось всё то, что он видел, и то, чего видеть не мог, но тем не менее почему-то знал.

...Кремль, Сталин, Берия, учёные «Предприятия 3826», СССР на грани гибели... Коричневая чума, скрытая в полимерном желе, которым пропитан шифроблокнот, замаскированный под подарочное издание книги Гитлера... портфель, который ему вручает начразведки...

...Жестокая эпидемия, тысячи трупов, покрытых коричневыми нарывами... скупая радиограмма, сообщающая о смерти в карантинной зоне всех его боевых товарищей, не дождавшихся появления вакцины... Её не будет ещё долго, за это время погибнут многие... Сеченов, склонившийся над микроскопом с образцами его крови и потирающий воспалённые от недосыпания глаза... вакцина, созданная в результате...

...Триумф советской медицины, победившей Коричневую чуму, сменившийся триумфом советской робототехни-

ки... счастливый Сеченов, получивший первый образец нейрополимеров... недовольный Захаров, стоящий на бортике лабораторной ванны, заполненной нейрополимером, и тянущийся рукой к укрепленному на высокой штанге нейроретранслятору... бледный как полотно Сеченов, на глазах которого нейрополимер растворил Захарова... замена полимеров на нейрополимеры... подготовка к запуску «Коллектива 2.0»...

«Коллектив 2.0».

Кузнецов открыл глаза. Он лежал внутри хирургического пенала реанимационного аппарата, внутри нейрополимерного медицинского желе, действие которого основано на копировании информации из ДНК пациента и полном её воспроизведении. То, что когда-то начиналось с полимерного Реверсанта, отшлифовывалось во время Коричневой чумы, получило мощное развитие в момент изобретения вакцины и все эти годы развивалось и совершенствовалось усилиями Сеченова. Гениальная, но далеко не единственная часть огромной семьи нейрополимеров, охвативших большую часть планеты.

И все эти триллионы полимерных сгустков, являющихся единым целым, бездействовали в ожидании разума, который направит их в нужную сторону. И в эту сторону неизбежно отправятся все, кого поглотит исполинский поток массива нейроволновых колебаний. Сопrotивляться Массиву невозможно, он грандиозен и имеет возможности, на многие порядки превышающие возможности одного человека. Но Массивом можно управлять. Вот только для того, чтобы им управлять, требуется быть не частью Массива. Массив должен быть частью тебя. Ибо Массив сам по себе лишён разума и не принимает решений. Он создан не для того, чтобы думать. Он создан для того, чтобы усиливать возможности разума. Разума, частью которого является.

И сейчас Массив, ощутив появление разума, ожидал инструкций для дальнейших действий. Кузнецов коснулся сознанием нейрополимерной составляющей реанимационного аппарата: «Прекратить процедуру. Слить ДНК-реставратор. Открыть пенал».

Массив выполнил команду, полковник поднялся на ноги и прислушался к своему телу. Никаких болезненных ощущений. Никаких неудобств. Абсолютная ясность сознания

и чистота мысли. «Искра» больше не болела и не ощущалась, она стала частью Массива, который стал частью его мозга. То самое расширение, только глобальное. Вот чего ему не хватало раньше, чтобы прозреть: наполненности. Полковник скользнул мыслью к сидящему на потолке «Каракурту», осмотрел себя его глазами и усмехнулся.

Да уж. Сейчас наполненности — хоть отбавляй! Сложный симбиоз нейрополимеров пропитал его насквозь, полностью скопировал ДНК и повторил структуру организма. Раздробленные кости и разорванные внутренние органы восстановились и медленно растворились за ненадобностью, а их место заняла нейрополимерная конструкция повышенной прочности и эластичности. Эту конструкцию, кстати, Сеченов не изобретал. Она появилась сама, это реакция симбиоза нейрополимеров на смешение с кровью Кузнецова под неоднократным воздействием гамма-излучения и волновыми колебаниями его мозга. Его собственный нейрополимер.

Невероятно сложное вещество. И при этом абсолютно лишённое разума, как весь Массив. ДНК скопировано полностью, как было заложено в исходную задачу. Его тело продолжает дышать, хотя в дыхании уже не нуждается, и желудочно-кишечный тракт воспроизведен идеально, хотя пища ему тоже теперь не нужна. Ладно, с этим можно разобраться позже. Сейчас нужно завершить начатое. Полковник зашёл в арсенал, надел новое обмундирование и переместился в пилотскую кабину. Военная форма скрыла тело, оставив на виду только голову и кисти рук. Его полупрозрачная кожа, просвечивающая сосудами, будет пугать людей, но это ненадолго. Вскоре цвет внешнего слоя нейрополимера станет аналогичен естественной пигментации кожи.

Усевшись в кресло, Кузнецов вновь направил мысль в Массив. Массив есть везде, где есть нейрополимеры, и даже там, где есть полимеры старых поколений, просто их возможности ограничены. Все комплексы «Предприятия 3826» перешли на нейрополимеры в полном составе самыми первыми, и власть Массива здесь была безгранична. Полковник мгновенно ощутил всех роботов комплекса «Сахалин» и снял блокаду и блокировку «Узлов». Предатель Абрамов, затаившийся глубоко под землёй в пункте управления испытаниями, ошарашенно терзал сенсоры компьютерного управления, пытаясь восстановить блокаду, и не

понимал, как она могла быть отменена, если единственные в своём роде коды доступа генерируются микросхемой в его затылке.

Разум Кузнецова нашёл ближайшего к предателю робота. Им оказалась «Терешкова», безоружная гражданская модель, готовившая Абрамову завтрак в буфете. Полковник отдал мысленный приказ, и она, отложив только что сделанный бутерброд, направилась в пункт управления. Подошла к нервничавшему за инженерским пультом Абрамову и, оттопырив средний палец, с размаха вонзила его предателю в затылок. Тот судорожно забился в агонии и затих. «Терешкова» выдрала из его черепа микросхему с экстренными кодами и разломила её надвое, затем выбросила из кресла дежурного инженера труп, уселась на его место и замерла в ожидании новых приказов.

Не совсем то, что выстрел из ТТ, но сойдёт. Полковник отдал мысленную команду роботам комплекса «Сахалин» наводить порядок на всей площади объекта, и «Метеор» рванулся ввысь, к орбите. Кузнецов ещё раз взгляделся в своё лицо через Массив, взирающий на него посредством всех имеющихся на «Метеоре» датчиков. М-да. Франкенштейн, версия 2.0, нейрополимерный вариант. Хорошо, хоть глаза сформировались полностью. Остальное просто феерическая прелесть... Ладно, до свадьбы заживёт.

Он уселся в пилотское кресло, мысленно установил баллистический курс на «Предприятие 3826» и закрыл глаза, разглядывая громады информационных данных, заложенных в Массив Сеченовым.

Спустя пятнадцать минут «Метеор» завис в трёх с половиной километрах над «Предприятием 3826», в десятке метров от сталинской высотки комплекса «Челомей», и распахнул десантный люк. Полковник подошёл к развернутым люковым створам и посмотрел вниз. Сегодня хорошая погода, солнце и почти нет облачности. С этой высоты «Предприятие 3826» выглядит небольшим игрушечным макетом, изготовленным с любовью и старанием силами пионерского кружка «Юный техник», участники которого влюблены в науку и мечтают поскорее вырасти, чтобы стать великими учёными и двигать науку в космос.

Даже звено «Кречетов», осуществляющее боевое патрулирование полутора километрами ниже, отсюда не выглядит

агрессивно. А зависшая неподалёку громада «Икара» со сталинской высоткой на себе смотрится и вовсе невероятно. Прямо торжество науки, невольно испытываешь гордость за Родину. Даже зная правду обо всём. Всё-таки это Родина. Она одна, словно мать, и её не выбирают. Кстати, гордость советской науки, комплекс «Челомей» на платформе «Икар», обычно висит гораздо ниже, на высоте порядка километра. Но сейчас «Предприятие 3826» заблокировано боевыми роботами согласно чрезвычайному протоколу, и Сеченов не стал рисковать, нарушая периметр.

Что ж, его можно понять. Кузнецов коснулся мыслью одного из «Кречетов» и отдал приказ отнести себя к ближайшему входу в конструкторско-лабораторный сектор Сеченова. Кибернетический истребитель изящно отвалил в сторону, выходя из состава звена, и красивым манёвром заложил вираж, набирая высоту и ускорение. Спустя несколько секунд «Кречет» завис перед полковником, и Кузнецов, ловко перепрыгнув с «Метеора» на истребитель, уселся на его фюзеляж, словно на лошадь.

— Поехали! — коротко приказал он.

«Кречет» на малом ходу пошёл к верхним ярусам сталинской высотки, и полковник вновь усмехнулся тому, что похож одновременно и на Гагарина, и на барона Мюнхгаузена. Когда киберистребитель, сосредоточенно гудя двигателями, завис у обрамленной ажурной балюстрадой террасы, он спрыгнул, поправил кобуру с ТТ и направился к дверям. Внутри высотки располагалось истинное царство науки. Полковник любил это место: кругом выставочные образцы различных роботов, экспозиционные модели самых последних разработок, электронные экраны со сложными чертежами и формулами соседствуют со старыми стендами, на которых под стеклом выложены старые пожелтевшие схемы, начерченные от руки учёными научной когорты Сеченова ещё в те давние годы, когда «Предприятие 3826» только задумывалось ими. История развития советской науки, история великого прорыва, история мирового прогресса. История финала человеческой индивидуальности.

До кабинета Сеченова Кузнецов добрался в полном одиночестве. Живой персонал всё ещё отдыхал на праздниках, кибернетический персонал Сеченов отправил на

нижние этажи, готовясь к этому разговору. Так даже лучше. Идти по пустым громадным залам, уставленным первыми моделями реактивных самолётов, луноходов и космических спутников, созданных на «Предприятии 3826», было гораздо интересней. Чувствовалась атмосфера грандиозности труда, проделанного множеством людей. Очень скоро оценить подобную грандиозность смогут лишь считанные единицы из миллиардов. Полковник мысленным распоряжением открыл электронный замок и вошёл в кабинет легендарного учёного.

— Здравствуй, Дмитрий Сергеевич. — Кузнецов посмотрел на Сеченова внимательным взглядом и коротко обронил: — Обе! Свободны!

Замершие вокруг академика стальные близняшки-теплохранительницы синхронной грациозной походкой покинули кабинет, и Сеченов устало вздохнул:

— Добрый день, Александр Иванович. Вы изменились.

— Есть немного, — не стал спорить полковник, разглядывая Человека-желе, безучастно стоящего в расположенном в углу лабораторном бассейне. — Стал похож на него. В этом заключалась твоя цель?

— Моя цель заключалась в том, чтобы спасти тебе жизнь, — укоризненно возразил Сеченов. — Я делал этот медблок для себя. Но тебе он оказался нужней. Я не знал, что всё так обернётся. Ни один расчёт не показывал, что возможно что-либо подобное!

— Я видел расчёты, — согласился Кузнецов. — Из них следует, что у меня редкое сочетание генов и невозможно заранее предугадать, как поведёт себя ДНК-реставратор при контакте с моим генетическим кодом. Поэтому ты отправил именно меня? Нужно было поставить практический эксперимент? Ты же знал, что я не стану отправлять своих людей на смерть и пойду сам. — Полковник пожал плечами. — Я не сержусь. В конце концов, «Аргентум» для этого и создан.

— Я бы сказал, — поправил его Сеченов, — что у тебя аномальное сочетание генов. След древних прародителей, покинувших эту планету тысячи лет назад. Когда-то такая генетика была у каждого. Сейчас — ни у кого. Точнее, раз ты существуешь, почти ни у кого. Но я не сомневаюсь, что теперь, объединившись в единый «Коллектив», человечество

достигнет звёзд и когда-нибудь разыщет бесконечно далёких и бесконечно могучих предков!

— А предки узнают в этом «Коллективе» своих потомков? — уточнил Кузнецов. — Им будет непросто опознать их в одной-единственной на всех личности.

— Это не будет единственная личность! — вскинулся Сеченов. — Это будет коллективный разум! Миллиарды разумных частиц, слившихся в единое целое! Могучее, гениальное и прогрессивное!

— А тех, кто не захочет сливаться в единое прогрессивное целое по-хорошему, ты заставишь силой? — Полковник внимательно изучал нейрополимерную перчатку на руке Сеченова. — Или выпустишь на них очередную Коричневую чуму в стиле профессора Захарова? Добрый день, Харитон Радеоныч! Тебе там не тесно? Скучно, наверное, без связи с полимерами?

— Я был против эпидемии! — вскинулся Сеченов. — Это не моя вина! В этом нет ничьей вины, мы стояли перед выбором: или мы, или гитлеровцы!

— И в чём оказалась разница? — Полковник испытующе посмотрел на академика, но поморщился и безразлично махнул рукой: — Ладно, теперь уже неважно. Что сделано, то сделано, назад не вернёшь. Сейчас самое время не наломать дров на будущее, не так ли, Дмитрий Сергеевич?

— Объединение людей в единый «Коллектив» — это спасение! — убеждённо заявил Сеченов. — Это выход! Это шанс всё исправить и никогда больше не опускаться до смертоубийства себе подобных!

— И чтобы не опускаться до смертоубийства, — продолжил за него полковник, — ты лишишь себе подобных воли. Чтобы не возиться потом с несогласными.

— Я не собираюсь лишать воли кого бы то ни было! — возмущённо воскликнул Сеченов. — Я лишь избавляю их от эгоизма, алчности и примитивного стремления грести всё под себя любой ценой!

В его глазах вспыхнул фанатичный блеск святой убеждённости в своей правоте:

— Ты же подчинил себе «Коллектив»! Ты же видишь всё! Так посмотри! Сними шоры и взгляни на всё непредвзято, ты же теперь выше всего этого! Оглянись вокруг! Как они живут?! Бесцельно! Бесплезно! Напрасно! У каждого

из них есть величайшее сокровище Вселенной: разум! Но сколько из них действительно дорожат этим владением?! Единицы? Сотни? Может, тысячи? Из миллиардов!

Он скорбно поник и продолжил с искренней грустью в голосе:

— Подавляющему большинству людей разум нужен лишь для достижения своих примитивных целей пещерного троглодита: заработать денег, чтобы можно было ничего не делать и вкушать плоды труда других людей. Кто-то просто пытается обрести деньги, кто-то пытается обрести власть, чтобы через неё обрести деньги, кто-то, кто уже обрёл деньги, стремится через них обрести власть! Иные работают всю жизнь, иные изощряются в преступных ухищрениях, иным везёт, но всё в итоге сводится к одному: разум используется для того, чтобы получить возможность ничего не делать! Люди применяют разум, чтобы прийти в состояние стагнации разума. Это ли не абсурд?

Сеченов саркастически усмехнулся.

— Мы дали им роботов в надежде, что теперь, отринув необходимость тяжёлого физического труда, они обратятся к науке и полетят к звёздам! Какое ещё доказательство должно было убедить их в том, что наука есть будущее человека и его эволюции?! Но наукой заинтересовались лишь единицы. Подавляющая масса людей, избавившись от изнурительного труда, отправилась ничего не делать! Они создали соцсети, раздули до безобразных размеров индустрию развлечений, погрязли в бездумных увеселениях и даже пытаются зарабатывать ничего-не-деланьем! Строчат друг для друга контент в сетях! Ничто производит ничто для прочего ничто! И всё ради того, чтобы обрести ту самую вожделенную возможность ничего не делать! Разумное существо должно жить ради преумножения возможностей своего разума, а они живут ради преумножения возможностей его стагнации от безделья и бессмысленных занятий, эту стагнацию усугубляющих!

Учёный печально покачал головой:

— Даже власть имущие, те, кому уже досталось обилие власти, продвигают науку исключительно с целью обретения ещё большей власти! У них в кармане огромная страна, куда же больше?! Так ведите же людей в космос, к звёздам, к новым планетам и гениальным открытиям! Но нет. Нико-

му не интересно то, что принесет результаты через сто лет. Власть и деньги нужны им сейчас! И если оные уже не у кого отбирать в своём государстве, значит, надо отбирать их в других странах! В противостоянии таких правителей и рождаются атомные бомбы, ядерные войны и искусственные эпидемии! Ты же теперь знаешь всё! Так посмотри же! Коричневая чума начиналась как препарат для лечения безнадёжных пациентов со смертельными ранениями мозга! Я создал Реверсант, чтобы спасти жизни! Во что мне пришлось превратить его из-за безумных амбиций сильных мира сего?!

— Не все люди такие, — возразил Кузнецов. — Ты же не такой. Твоя научная когорта не такая. Персонал, который трудится здесь, и такие же, как они, люди в других странах. Ты считаешь, что их индивидуальность тоже порочна?

— Я так не считаю! — воспротивился Сеченов. — Я ценю и уважаю увлечённых наукой и прогрессом людей, но их мало! На фоне миллиардов их число ничтожно! И все эти миллиарды паразитируют на плодах их трудов! Эти миллиарды заботит лишь собственное благосостояние! Ради него они готовы терпеть всё что угодно, включая притеснения правителей, которых сами же выбирали по тому же принципу: кто наобещал им больше личного благосостояния, тот и хорош! И всё, повторяю, всё у них вертится вокруг одного: как бы обрести возможность ничего не делать, прожигать жизнь и ни о чём не заботиться!

Академик на мгновение умолк и продолжил с грустью в голосе:

— Прогрессивная часть человечества мала и находится в полной власти бездарной недалёкой огромной людской массы. И массе этой от нас требуется только хлеба, зрелищ и возможность нескончаемого безделья. Я не смогу дождаться, когда в результате бесконечной смены поколений масса одумается, и прогрессивное меньшинство станет большинством. Поэтому я создал «Коллектив 2.0». Не для порабощения. Для объединения!

Сеченов решительно взглянул в глаза Кузнецову и спокойно заявил:

— Всякий коллектив живёт и существует за счёт индивидуального организма, и чем теснее сплочение коллектива, тем меньше места проявлению отдельной личности. Они

оценят всю глубину перспектив, когда оные откроются перед ними воочию — после вступления в «Коллектив 2.0». Я не собираюсь лишать личности кого бы то ни было. Я лишь помогу им поступить правильно. Они даже ничего не почувствуют. Никакого принуждения. Каждый из них будет уверен, что поступил так по собственному желанию.

— Но ведь на самом деле это не так. — Полковник ответил взглядом на взгляд.

— Не так — Сеченов вновь печально вздохнул. — Но это никому не навредит. Ты же можешь рассчитать перспективы — так рассчитай!

— Я считал, — невозможно изрёк Кузнецов. — Они ничего не почувствуют, это верно. Но что будет потом? Финансовая система рухнет, производственные связи, лишившись финансовой опоры, распадутся. Всех придётся обеспечивать в равных долях, и это вызовет нехватку материальных благ, продовольствия и прочего. Роботы справятся, но это потребует времени. За это время многим придётся нелегко. Особенно тем, кто ничего полезного делать не умеет, то есть большинству. Без опыта и умения польза от них появится не скоро, ведь теоретические знания без практических навыков мертвы. Быстро появятся недовольные. Начнутся конфликты между менее полезными звеньями коллектива и более полезными, и волю конфликтующих вновь придётся подавлять. Это усугубится противостоянием «Коллектива» с теми, кто не прошёл П-Вакцинацию. А таких много в Америке, Африке и Аравии. С ними придётся либо воевать, либо вакцинировать силой. Снова польётся кровь?

— Я уверен, что сумею избежать кровопролития! — с ещё большей убеждёностью заявил Сеченов. — «Коллектив» будет действовать методом убеждения и доказывать свою правоту демонстрацией возможностей, недоступных разрозненным индивидам! Да, на первых порах придётся нелегко, но мы справимся, на нашей стороне наука и робототехника! Мы справимся именно потому, что мы — «Коллектив»! Это будут последние трудности столь приземлённого характера на пути объединённого человечества!

Сеченов на секунду умолк, но не дождался ответа и с жаром продолжил:

— Тебе этого мало? Хорошо же! Теперь тебе доступны все данные, имеющиеся у Массива, посмотри информаци-

онную базу Академии Последствий! Взгляни на «Радио Будущего»! Мы транслируем через него населению модные песенки, которые будут написаны потомками, но в действительности это лишь вершина айсберга! Прослушай модуляции будущего, закрытые нами максимальным уровнем секретности! Это радиопередачи, далёкие от увеселительного контента! Посмотри, к чему приведёт нас индивидуализм! Войны, кровь, смерть, развал СССР, разгул преступности, поражение в противостоянии с США! Роль сырьевого придатка в мировой капиталистической системе! Мы превратимся в страну третьего мира, но даже после этого нас не перестанут гнობить! Посмотри, каков финал! Третья мировая война и всеобщая гибель! Понимаешь?! Погибнут все! Вообще все! Но всего этого можно не допустить!

Глаза Сеченова возбуждённо заблестели.

— Запусти «Коллектив 2.0»! Ты всё увидишь сам! Ты же можешь управлять им напрямую! Каким-то образом ты слился воедино с нейрополимерным Массивом планеты, сейчас ты — единственный разум во всём Массиве! Чтобы управлять «Коллективом», мне нужен он! — Учёный ткнул рукой в сторону Человека-желе. — Он — это ты, только без разума! Его разумом должен был стать я! Вместе мы с ним должны были образовать единую систему управления Массивом: я — разум, он — интерфейс, главный коннектор! Но ты оказался более совершенен, тебе не нужен ни нейроинтерфейс, ни коннектор, ни его нейрополимерный приёмник! Ты можешь решить всё одним-единственным усилием воли! Запусти «Коллектив 2.0»! Массив огромен, места для двоих там хватит с колоссальным избытком! Если ты решишь, что я делаю что-то не так, то сможешь сделать по-своему! А лучше изложи своё мнение, и мы выработаем более правильное решение, не вызывающее ни у кого возражений! Это и есть «Коллектив»!

— Хочешь переложить на меня ответственность? — поднял прозрачные брови полковник. — Одни негодяи заставили тебя выпустить Коричневую чуму. Теперь другой негодяй запустит за тебя «Коллектив»?

— Это не смешно! — отрезал Сеченов. — Если не запустить «Коллектив 2.0» в ближайшее время, его действительно запустят негодяи! Если мир узнает о том, что гражданские роботы не такие уж и гражданские, разразится грандиозный

скандал! От наших роботов откажутся все! Те, кто ещё не вколол себе П-Вакцину, не станут этого делать, а те, кто уже вколол, поднимут панику! Проект «Атомное сердце» провалится, США начнут готовиться как минимум к холодной войне! Мир вновь окажется на пороге атомной бойни! Наши кремлёвские царьки примчатся сюда, отберут у меня его, — Сеченов кивнул на Человека-желе, — и коммутативное оборудование! Через четверо суток Человек-желе будет полностью готов к функционированию в режиме взаимодействия с нейроинтерфейсом. У царьков найдутся последователи: всех этих Петровых с Абрамовыми было в избытке во все времена! Создать «Коллектив 2.0» эти бездари не смогут никогда, а вот украсть — очень даже! Получив все мои разработки, рано или поздно они запустят нейроинтерфейс и вручат его царькам! Если, конечно, сами не попытаются стать таковыми!

— Они не создавали нейрополимер, — возразил полковник. — Им никогда не получить полный контроль над Массивом, его может получить только его создатель.

— Вот именно! — воскликнул Сеченов. — А теперь рассчитай, что из этого выйдет, если они убьют меня и получат доступ к главному коннектору!

— Весь этот кремлёвский гадючник вломится в Массив на уровне командования, близком к максимальному. — Кузнецов коснулся мыслью Массива, и тот провёл мгновенный расчёт. — Но их полномочия будут равны. Они устроят резню со всем миром, а потом друг с другом ради власти. Или наоборот, сначала друг с другом, а потом со всем миром. Это зависит от нескольких переменных. Но разницы особо никакой.

— Поэтому мы должны запустить «Коллектив»! — решительно заявил Сеченов. — Мне для этого нужны минимум четверо суток и полный контроль над «Предприятием 3826»! Тебе же не требуется ничего! Только всего одно усилие воли! Всего одна мысль!

Мгновение полковник молчал, пристально глядя в глаза Сеченову. Учёный стойчески держал его взгляд, пылая решимостью.

— Ты хочешь заставить меня выбрать невыбираемое. — Кузнецов покачал головой. — Если я запущу «Коллектив», то собственноручно лишу всех людей свободы выбора. Если

я откажусь, то все эти сотни миллионов смертей произошли зря. И так же зря произойдут миллионы новых. Нет, Дмитрий Сергеевич. Ты эту кашу заварил, тебе и расхлёбывать. Решай сам. А обо мне забудь. В Кремле получают отчёт о моей смерти в результате крушения «Метеора» над Марианской впадиной. Так что претензий к тебе не будет.

Полковник развернулся и направился к выходу.

— Ты собираешься уйти и бросить всё на произвол судьбы?! — возмущённо заявил ему вслед Сеченов. — Помогите хоть чем-нибудь! Для тебя же это элементарно!

— Хоть чем-нибудь? — Кузнецов обернулся. — Хорошо.

Он отдал Массиву мысленный приказ и констатировал:

— Готово. Все боевые роботы отключены от «Узлов» и возвращаются в ангары. Теперь чрезвычайный протокол распространяется только на гражданских роботов. В пределах периметра «Предприятия 3826» полностью отключена возможность применения тяжёлого вооружения. Отныне непобедимых врагов там нет, всё можно закончить в одиночку.

Полковник Кузнецов смерил учёного безразличным взглядом и покинул кабинет. Несколько секунд академик Сеченов молча смотрел на автоматически захлопнувшуюся за ним дверь, после чего подытожил:

— И на том спасибо, Александр Иванович.

Он расстегнул на левой руке нейрополимерную перчатку и сказал:

— У меня есть для тебя дело, Харитон. У нас мало времени, но наши шансы резко возросли. Нам требуется кто-нибудь попроще, чтобы без сюрпризов.

Академик взял лежащий на столе персональный пульт управления и коснулся одного из сенсоров. Вложенная в ушную раковину капля телефона ожила, голографический проектор высветил изображение майора Нечаева, и Сеченов произнёс:

— П-3, сынок, ты мне нужен. Срочно!

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Харальд Хорф
АТОМІС НЕАҢТ
Предыстория «Предприятия 3826»

Роман

Редакционно-издательская группа «Жанровая литература»

Зав. группой *М. Сергеева*
Руководитель направления *М. Тимонина*
Ведущий редактор *М. Емельянова*
Выпускающий редактор *Е. Тетрадзе*
Корректоры *В. Токарев, Н. Давыдова*
Технический редактор *М. Караматозян*
Компьютерная верстка *Ю. Анищенко*

Подписано в печать 27.04.2023. Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 30.
Печать офсетная. Бумага типографская. Гарнитура Petersburg.
Тираж 15 000 экз. Заказ 4160.

Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2023 г.

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 — книги, брошюры печатные

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарылған елі: Ресей Федерациясы

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, Российская Федерация, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 1,
комн. 705, пом. I, этаж 7

Наш электронный адрес: www.ast.ru. E-mail: ask@ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 кұрылым, 705 бөлме, пом. 1, 7-кабат
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: ask@ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортёр в Республику Казахстан и Представитель по приему претензий
в Республике Казахстан — ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.
Қазақстан Республикасына импорттаушы және Қазақстан Республикасында
наразылықтарды қабылдау бойынша өкіл — «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы
қ., Домбровский көш., 3«а», Б литері офис 1. Тел.: 8(727) 2 51 59 90,91,
факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz, www.book24.kz Тауар
белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2023
Өнімінің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Предыстория Atomic Heart — одной из самых популярных игр 2023 года. Легендарное «Предприятие 3826» — от изобретения полимера до дня запуска «Коллектива 2.0»!

Добро пожаловать в альтернативный Советский Союз! В 1936 году профессор Сеченов изобрёл полимер — уникальный носитель информации нового вида, не требующий цифровых кодов и электрических сигналов. Дальнейшие исследования позволяют совершить ряд гениальных открытий и фантастически ускорить развитие робототехники. «Предприятие 3826», сеть научно-производственных комплексов, начинает свою работу под руководством лучших умов СССР.

Научный прогресс ведет страну в идеальное будущее. Но что случится, если технологии выйдут из-под контроля человека?

Осторожно, спойлеры!

3-34

Читай-город

Atomic Heart: Предыстория Предприятия 3
26 (Хорф)

Номер

68435640

Код

2984657

ТБК

11-1512

30.05.2023

9 785171 540227

Цена: **849** **₽**

РЧ

382

ВК:

MUNDFISH